

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2019/20

Университет Дмитрия Пожарского

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY

THE EARLIEST STATES OF EASTERN EUROPE

2019–2020

Diplomatic practices of Antiquity
and Middle Ages

Editor of the volume
BORIS RASHKOVSKIY

Moscow
Dmitry Pozharsky University
2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2019–2020 годы

Дипломатические практики
античности и средневековья

Ответственный редактор тома
Б.Е. РАШКОВСКИЙ

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2020

УДК 94(481).01,02,021,022

ББК 63.3(3,4)

Д73

*Печатается по решению Ученого совета
Института всеобщей истории РАН*

*Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского*

Рецензенты:

Доктор исторических наук *С.А. Яценко*
Доктор исторических наук *М.С. Петрова*

Редакционный совет:

д.и.н. *М.В. Бибиков* (Москва), проф. *Д. Домбровский* (Быдгощ, Польша), д.и.н. *А.А. Кузнецов* (Нижний Новгород), проф. *Дж. Линд* (Оденсе, Дания), д.и.н. *В.Я. Петрухин* (Москва), д. филол. н. *С.Ю. Темчин* (Вильнюс, Литва), чл.-корр. РАН *Ф.Б. Успенский* (Москва), проф. *С. Франклин* (Кембридж, Великобритания), проф. *Г.Р. Цецхладзе* (Мельбурн, Австралия), проф. *Х. Янсон* (Гётеборг, Швеция)

Редакционная коллегия:

д.и.н. *Е.А. Мельникова* (ответственный редактор серии),
д.и.н. *Т.В. Гимон*, д.и.н. *Т.Н. Джаксон*, д.и.н. *И.Г. Коновалова*, к.и.н. *Е.В. Литовских*,
к. филол. н. *В.И. Матузова*, д.и.н. *А.В. Назаренко*, д.и.н. *А.В. Подосинов*,
к.и.н. *Б.Е. Рашковский*, д.и.н. *Л.В. Столярова*, к.и.н. *А.С. Щавгелв*

Д73 Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья / Отв. ред. тома Б.Е. Рашковский. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2020. — 424 с.

ISBN 978-5-91244-262-9

ISSN 1560-1382

Настоящий том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен исследованию дипломатических практик в различных культурах античности и средневековья. Особое внимание уделяется дипломатии Древней Руси, в том числе русско-византийским договорам X в. Рассматриваются также особенности дипломатии Византии в Кавказском регионе и тюркском мире. Ряд статей посвящен анализу источников, их датировке и содержащейся в них информации. Публикуются впервые переведенные на русский язык донесения о русско-ганзейских переговорах и фрагменты сочинения Эрикуса Олан. Часть статей написана на основе докладов, прочитанных на Чтениях памяти В.Т. Пашуто, посвященных столетию со дня его рождения. В их число входят и материалы, рассматривающие его научное наследие. Издание рассчитано на широкий круг специалистов: антиковедов, медиевистов, востоковедов, а также всех интересующихся историей межкультурных отношений.

УДК 94(481).01,02,021,022
ББК 63.3(3,4)

ISBN 978-5-91244-262-9
ISSN 1560-1382

- © Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2020
- © Рашковский Б.Е., составление, 2020
- © Институт всеобщей истории РАН, 2020
- © Оформление, Русский фонд содействия образованию и науке, 2020

Б. Е. Рашковский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статьи, собранные под обложкой очередного тома ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» за 2019–2020 годы объединены темой дипломатических практик античности и средневековья, продолжающей проблематику прошедших в 2018 г. тридцатых юбилейных чтений памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто (1918–1983). Чтения 2018 г. были посвящены двум юбилейным датам — столетию со дня рождения Владимира Терентьевича и пятидесятилетию издания его *Opus Magnum* — книги «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968). Поэтому статьи данного тома — некоторые из них основаны на докладах, прочитанных на Чтениях, — относятся к одной из главных сфер научных интересов историка — внешней политике и дипломатии средневековых государств. Кроме того, часть работ, включенных в настоящее издание, посвящена научному наследию историка.

Том состоит из пяти разделов. Наследию В. Т. Пашуто посвящен первый из них. Он открывается статьей Е. Н. Швейковской, в которой освещается предыстория основанного Владимиром Терентьевичем многотомного свода «Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы». Основываясь на архивных материалах, автор прослеживает институциональные и интеллектуальные истоки основанного В. Т. Пашуто сектора «Древнейших государств на территории СССР». Как показывает Е. Н. Швейковская, идея создания свода древнейших письменных источников по истории народов нашей страны впервые была сформулирована учителями В. Т. Пашуто — академиками Б. Д. Грековым и С. Ф. Платоновым на рубеже 1920-х–1930-х гг. Статья А. А. Кузнецова также посвящена научной родословной В. Т. Пашуто, в особенности влиянию на него петербургской (впоследствии — ленинградской) университетской школы русской медиевистики. Автор прослеживает эволюцию взглядов В. Т. Пашуто на категорию «империя» и имперские практики средневековых государств. Автор статьи показывает, как в трудах В. Т. Пашуто меняется их оценка от негативной (при обсуждении проблем отношения

византийской, а также каролингской и оттоновской дипломатии к Руси), к нейтральной или положительной (характеризующей взаимодействие Древнерусского государства с зависимыми от него неславянскими народами). В статье В. Я. Петрухина анализируется исследование В. Т. Пашуто древнерусского термина *ряд* в контексте летописного «Сказания о призвании варягов». Как показывает автор статьи, подход Пашуто, характеризующийся системным анализом категориального языка источников, существенно отличался от трудов его предшественников и современников, нацеленных на отбор подходящих известий, используемых для подтверждения собственных концепций.

Следующий раздел сборника составляют три статьи, посвященные одному из традиционных сюжетов историографии средневековой восточноевропейской дипломатии — исследованию договоров Руси с греками. Эти статьи посвящены ономастике и языку русско-византийских договоров. В статье М. В. Елифёровой предлагается древнеанглийская этимология имен некоторых послов, прибывших в Византию «от рода русского» для заключения договора 911 г. Исследовательница выдвигает гипотезу о возможном присутствии грамотных англосаксов в составе посольства Олега. А. С. Щавелев, с опорой на текстологию летописных свидетельств о договорах Руси с греками, доказывает греческое посредство в передаче скандинавских личных имен в древнерусском тексте. Е. А. Мельникова впервые обратила внимание на обилие парных синонимических словосочетаний в преамбуле и эсхатоколе договора 911 г. Приведя обширный сравнительный материал, она показала скандинавское происхождение этой особенности языка договора и предположила, что в имперской канцелярии были дословно записаны, а затем частично включены в текст договора «речи» послов Олега — скандинавов по происхождению.

Основной раздел тома охватывает исследования частных случаев дипломатических практик античности и средневековья. Он открывается статьей И. Е. Сурикова, который анализирует эпиграфические свидетельства о дипломатии греческих полисов раннеклассического периода на примере так называемых «исторических надписей». Под последними понимаются памятники эпиграфики, наиболее важные для реконструкции истории античной Эллады. Признавая первенство римской юридической традиции в формировании историко-юридических основ последующей европейской

дипломатии, автор отмечает очевидное влияние греческих норм на формирование римского *jus gentium*.

Значительный комплекс статей посвящен дипломатическим практикам раннего средневековья на примерах как «варварских» политических объединений и государств, так и римско-византийского мира. И. Е. Ермолова рассматривает отчеты Приска Панийского о посольствах к гуннам Атиллы. Автор останавливается на таких особенностях римско-византийских дипломатических практик как статус и достоинство членов дипломатических миссий, роль подарков как элементов дипломатического этикета, подкуп и коррупцию как факторы, влиявшие на ход и результаты переговоров, участие послов в политических интригах и политической борьбе на территории враждебных или союзных держав. В. В. Тишин обосновывает датировку 597 годом известного по цитате из «Истории» Феофилакта Симокатты письма тюркского кагана византийскому императору Маврикию. Эта дата устанавливается с опорой на византийские и китайские источники.

В. А. Арутюнова-Фиданян рассматривает дипломатические практики византийской империи в контексте ее политики в отношении Кавказа и Закавказья. Автор статьи анализирует материалы «Кавказского досье» в 43–46 главах трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» о взаимоотношениях Империи с ее кавказскими и закавказскими союзниками и вассалами, особо останавливаясь на роли выходцев из армянских земель в качестве проводников имперских интересов на востоке. Кавказскую проблематику продолжает статья Т. М. Калининой, в которой анализируется известие о присутствии русов к северу от Дербента в рассказе о первом арабском завоевании города в составленной Мухаммадом ал-Бал'ами (ум. 363/974 г. или 382/992 г.) персидской версии «Истории» ат-Табари. В статье с опорой на ряд других восточных источников («Полный свод истории» ибн ал-Асира и др.) убедительно доказана анахроничность известия о присутствии русов на северо-восточном Кавказе в середине VII в.

Проблемы подлинности и достоверности содержания письма хазарского кагана Иосифа подняты в статье Б. Е. Рашковского. Автор показывает, что историчность дипломатических связей между Итилем и Кордовой в середине X в. подтверждается источниками, независимыми по своему происхождению от еврейско-хазарской переписки. Также в статье рассматривается проблема датировки пространной редакции письма Иосифа и приводится ряд

палеографических и источниковедческих соображений, обосновывающих ее относительно раннюю (до XIII в.) датировку.

Цв. Степанов анализирует информацию о дипломатической деятельности первого христианского правителя Болгарии — Бориса-Михаила с позиции культурно-антропологических исследований исторической памяти, широко используя одновременные западноевропейские источники. Как отмечает исследователь, информация о внешней политике Бориса-Михаила не сохранилась в собственно болгарской традиции, для которой первоочередное значение имело сохранение памяти о роли Бориса в христианизации Болгарии и анахронистическое представление о нем, как о ее первом царе.

Исследование различных аспектов дипломатии Древней Руси является предметом значительного числа статей. М. Л. Лавренченко рассматривает эволюцию форм обращения в договорных грамотах и летописных текстах, фиксирующих переговоры князей Рюриковичей в XII–XV вв. Автор отмечает увеличение числа встречающихся в этих текстах этикетных формул по мере формирования централизованного государства во главе с московским великокняжеским домом. В работе Е. Л. Конявской освещены дипломатические связи и отношения смоленских князей XII в. с другими русскими землями и соседними странами и народами. Т. В. Гимон и В. В. Тишин анализируют формулу «прашаемъ здоровья твоего», которая вложена в уста половецких послов в статье Ипатьевской летописи за 1147 г. Авторы показывают, что данное выражение, не имеющее параллелей в древнерусских текстах, является тюркизмом. Исследование Д. Домбровского посвящено династическим и дипломатическим связям Романовичей (галицко-волыннской ветви Рюриковичей) с различными ветвями польской династией Пястов.

Завершает данный раздел статья Е. В. Литовских, посвященная политической биографии исландского писателя, историка и дипломата Снорри Стурлусона (1178–1241 гг.). Действия Снорри как политика и дипломата во время посещения Норвегии и Швеции, как считает автор, были обусловлены поведенческими моделями, типичными для исландской политической культуры, и не соответствовали нормам, принятым к тому времени в континентальных Скандинавских странах, что стало одной из причин его гибели.

В разделе «Публикации» представлены две работы. В совместном исследовании С. В. Полехова и П. В. Лукина предлагается новое издание латинского текста послания о переговорах ганзейского союза с Великим Новгородом и обосновывается его датировка

1292 г. Также приводится полный русский перевод текста послания. Это издание является самым полным и точным не только в отечественной, но и в мировой историографии. Далее публикуются фрагменты шведской «Хроники готского королевства» Эрикуса Олаи (XV в.). Их издание подготовлено А. Д. Щегловым.

Том завершают две рецензии на новейшие труды по медиевистике. М. И. Дробышев анализирует недавно вышедший труд американского византиниста Э. Калделлиса (Cambridge (Mass.), 2019), посвященный проблеме восприятия этничности в византийском обществе. Наконец, в рецензии Т. В. Гимона рассматривается труд Р. Шо, посвященный источникам сведений «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного о событиях в королевстве Кент с конца VI в. до 669 г.

В заключение ответственный редактор тома благодарит за помощь в работе над подготовкой издания других членов редколлекции, в особенности — Е. А. Мельникову, Т. В. Гимона и Е. В. Литовских, а также К. А. Рашковскую.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-5-9

Е. Н. Швейковская

ВЛАДИМИР ТЕРЕНТЬЕВИЧ ПАШУТО: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В статье рассматривается научно-организационная роль В. Т. Пашуто по успешной реализации возникшей на сорок лет ранее идеи о необходимости публикации иностранных источников, содержащих сведения о Древней Руси.

Ключевые слова: научная инициатива, древнерусские, иноязычные, письменные, вещественные, картографические источники; подлинники, переводы, комментарии.

Сейчас совершенно ясно, насколько велика заслуга В. Т. Пашуто¹ по созданию в Институте истории СССР в 1969 г. специального Сектора древнейших государств на территории СССР (позже Восточной Европы). Главную задачу сектора составили изучение и публикация иноязычных письменных источников со сведениями о государствах и народах, существовавших на территории Древней Руси и ее соседей. Претворение в жизнь первых изданий таких памятников положило начало документальному своду «Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы»², и за пять десятилетий своего существования этот свод приобрел и доказал свое фундаментальное значение. Созидательная работа по образованию сектора проходила, скорее всего, с середины 1969 г. в недрах Сектора истории СССР периода феодализма. Им в то время руководил Л. В. Черепнин и сотрудником его был В. Т. Пашуто. Разумеется, предварительно велись сложные подготовительные переговоры, возможно, начавшиеся с конца 1968 г. еще в Институте истории АН СССР. Ведь требовались веские обоснования для доказательства нужности формирования подобного подразделения, для со-

¹ Научная деятельность ученого с 1946 г., т. е. с года поступления в аспирантуру, была связана с Институтом истории АН СССР (с 1969 г. — Институтом истории СССР).

² Серию открыла публикация: Мельникова 1977.

гласования проекта в институтской дирекции и в соответствующих вышестоящих инстанциях. Следует учитывать и то существенное обстоятельство, что образование нового сектора по изучению народностей и древнейших государств, существовавших когда-то на территории СССР, совпало с реорганизацией Института истории АН СССР. Он в самом конце 1968 — начале 1969 г. был разделен на два самостоятельных учреждения: Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Необходимо также иметь в виду и сложность тогдашнего «текущего» политического момента, усугубленного кризисом внутри «лагеря социалистической системы», проявлением которого были случившиеся в августе 1968 г. события в Чехословакии.

Судя ходу организационных действий, в апреле 1969 г. шла ведомственная переписка дирекции Института истории СССР с Президиумом АН СССР. Тогдашний директор института акад. Б. А. Рыбаков на документ от 7 апреля 1969 г., посланный в соответствующий отдел Президиума, получил из него 14 апреля 1969 г. ответ, подписанный вице-президентом АН СССР акад. А. М. Румянцевым. Это ответное постановление Президиума «разрешает назначить исполняющими обязанности заведующего сектором Института истории СССР АН СССР с последующим оформлением в установленном порядке». Обращает на себя внимание употребление множественного числа, которым обозначено определение будущей должности. Дело в том, что параллельно с сектором древнейших государств создавался еще сектор источниковедения. Собственно, от Президиума было получено разрешение на назначение двух руководителей для вновь создаваемых в Институте подразделений, а на них претендовали доктора исторических наук В. Т. Пашуто и Н. И. Павленко³.

Санкция Президиума АН СССР на образование в Институте истории СССР нового подразделения датирована 1 мая 1969 г. 14 июня 1969 г. В. Т. Пашуто обратился к директору Института истории СССР Б. А. Рыбакову с просьбой допустить его «к конкурсу на замещение должности заведующего Сектором истории древнейших государств на территории СССР». Заседание

³ Это подтверждает сделанная под текстом помета карандашом: «Оригинал копии № 39-32-330 вложено в дело д.и.н Павленко Н. И.». Скорее всего, она принадлежит заведующему отделом кадров Института истории СССР П. В. Микуловичу, так как имеется его удостоверяющая запись: «Копия верна: зав. отд. кадров П. В. Микулович». См.: Архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Личное дело В. Т. Пашуто. Л. 76.

конкурсной комиссии Института состоялось 2 октября 1969 г., на нем было принято решение «рекомендовать В.Т. Пашуто Ученому Совету для избрания на должность» заведующего Сектором истории древнейших государств на территории СССР. Избрание В.Т. на искомую должность состоялось на заседании ученого совета института 9 ноября 1969 г., а приказ дирекции от 20 ноября того же года утвердил его заведующим⁴. В.Т. Пашуто возглавлял названный сектор с 1969 г. по 1983 г. Ядро нового сектора составили сотрудники Сектора истории СССР периода феодализма: сам В.Т. Пашуто, А.П. Новосельцев, Я.Н. Шапов.

Идея изучения и публикации сведений о Руси, содержащихся в зарубежных источниках, возникла не на пустом месте. Она была подготовлена предшествующим формированием российского исторического знания и уровнем развития отечественной историографии рубежа XIX–XX вв. Из научной биографии В.Т. Пашуто известно, что он был аспирантом акад. Б.Д. Грекова в 1946–1948 гг. и под его началом изучал историю Галицко-Волынской Руси XIII в., что завершилось публикацией молодым ученым его первой монографии (Пашуто 1950).

Необходимо сказать несколько слов о научном руководителе Пашуто — акад. Б.Д. Грекове. Он учился в 1901–1905 гг. в Варшавском университете у видного историка-медиевиста Д.М. Петрушевского (1863–1942, акад. АН СССР с 1929 г.). Из-за временного закрытия в 1905 г. университета в Варшаве Б.Д. Греков с рекомендациями от Д.М. Петрушевского перевелся в Московский университет и продолжил обучение у М.К. Любавского и А.А. Кизеветтера. Оба они были учениками В.О. Ключевского. По окончании в 1907 г. Московского университета Б.Д. Греков для подготовки к магистерскому званию прикомандировался к Петербургскому университету в семинарий А.С. Лаппо–Данилевского, где и защитил магистерскую диссертацию в декабре 1914 г. (Горская 1999. С. 21–22, 24–25, 28).

С 1907 г. Греков начал преподавательскую деятельность, в том числе на историко-филологическом факультете Высших женских курсов, куда его в конце 1909 г. рекомендовал никто иной как акад. С.Ф. Платонов. Он же в декабре 1914 г. представлял кандидатуру Грекова в Казанский университет на конкурс по освобожденной кафедре русской истории (Горская 1999. С. 30–31, 38).

⁴ Архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Личное дело В.Т. Пашуто. Л. 77–78, 127.

Наряду с преподаванием значительное место в жизни Б. Д. Грекова занимала работа в Археографической (Императорской) комиссии, куда он поступил в сентябре 1921 г. (в 1922 г. она передана в Академию наук, с 1928 г. она — Археографическая комиссия АН СССР). Примечательно то обстоятельство, что Археографическую комиссию возглавлял в 1918–1929 гг. С. Ф. Платонов, а Б. Д. Греков был в ней помощником (заместителем) ученого секретаря А. И. Андреева. С середины 1920-х гг. Археографическая комиссия стала центром не только по собиранию, описанию, изданию документов, но и по подготовке кадров в области археологии. Однако к концу 1929 г. Археографическая комиссия оказалась вовлеченной в острое противостояние «марксистской» и «буржуазной» науки, выразившееся также в личной неприязни М. Н. Покровского и С. Ф. Платонова. Этот конфликт привел к отставке С. Ф. Платонова со всех занимаемых постов, к массовым увольнениям сотрудников в возглавляемых им учреждениях, что завершилось, в конце концов, фабрикацией «академического дела Платонова» (Горская 1999. С. 57–58, 66–68. Лепехин 2011. С. 165–167). Однако в накалявшейся обстановке осенью того же 1929 г. академик-секретарь (с марта 1929 г.) Отделения гуманитарных наук С. Ф. Платонов выдвинул Б. Д. Грекова наряду А. И. Андреевым и С. В. Бахрушиным кандидатом в члены-корреспонденты АН СССР (Горская 1999. С. 70). Совершенно очевидно доброжелательное отношение С. Ф. Платонова к Б. Д. Грекову, которого маститый ученый привлекал к сотрудничеству и способствовал его профессиональному росту.

Перечисление имен упомянутых историков: Д. М. Петрушевского, М. К. Любавского, А. А. Кизеветтера, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова свидетельствует о высоком качестве полученного Б. Д. Грековым образования у лучших представителей тогдашней русской исторической науки. Знания, приобретенные у ученых ведущих школ — московской и петербургской, а также неформальное общение с ними способствовали разностороннему становлению Грекова — исследователя, источниковеда, археолога. Кратким биографическим экскурсом об акад. Б. Д. Грекове мне хотелось подчеркнуть, учеником историка с каким фундаментом и какого масштаба, был В. Т. Пашуто.

Хорошо известен вклад Б. Д. Грекова в исследование прошлого западных и южных славян, реализовавшийся в изучении и издании ряда правовых памятников, таких как «Винодольский статут

об общественном и политическом строе Винодола» (М., 1948), «Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV–XVII вв.» (М., 1951), «Польская правда» (М., 1957). Вполне вероятно полагать, что Б.Д. Греков мог размышлять в присутствии В.Т. Пашуто о важности расширения довольно скудной источниковой базы по истории Древней Руси в целях сравнительного изучения документов, синхронно существовавших у народностей Восточной Европы. Ведь дом академика с атмосферой благожелательного внимания, дружелюбия, гостеприимства был открыт для учеников по их же воспоминаниям. Н.А. Горская — последняя аспирантка Б.Д. Грекова как раз у него познакомилась (1951/52 г.) с В.Т. Пашуто, уже сотрудником Института истории (Горская 1999. С. 190, 194). Именно В.Т. Пашуто после кончины Б.Д. Грекова стал ее научным руководителем.

Заслуживает пристального внимания вопрос, когда и у кого возникло намерение о необходимости углубленного изучения иноязычных документов и памятников для реконструкции истории Древней Руси, имелись ли по этому поводу какие-то наметки, заметки? На него существует теперь положительный ответ, благодаря находке Н.А. Горской в архиве СПб ИИ РАН.

Исследовательница, работая над книгой о Б.Д. Грекове, обнаружила в архиве документальное собрание с названием «Бумаги академика Грекова Бориса Дмитриевича», а в нем — докладную записку, написанную им в соавторстве с С.Н. Черновым. Документ не имеет авторского заголовка и даты, и в архивной описи получил название «Инструкция по использованию источников для изучения народностей Восточной Европы». Поясню, что С.Н. Чернов, ученик А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова по Петербургскому университету, работал профессором Саратовского университета, в октябре 1928 г. был отчислен из него, и, возвратившись в Ленинград, стал работать «по заданию» (внештатно?) Археографической комиссии. Рассматриваемый документ напечатан на машинке с мелким шрифтом, фиолетовой лентой, через один интервал, поэтому текст имеет убористую плотную структуру и местами трудноразличим. Н.А. Горская на основе анализа текста датировала найденный документ 1929 г. Он, как считает исследовательница, представляет собой «детальный план грандиозного проекта», который «демонстрирует широчайший подход его авторов к изучению истории народностей Восточной Европы III–XIII вв. н.э., многие из аспектов которого до сих пор

(т.е. к 1999 г. — *Е.Ш.*) еще не нашли своей реализации в историографии». Н. А. Горская полагает также «наиболее вероятным», что авторы Записки — «Инструкции» сумели познакомить с ней С. Ф. Платонова, который в то время исполнял обязанности академика-секретаря Отделения гуманитарных наук. Она также выражает уверенность в том, что проект «лежал в русле предложений Платонова о создании научно-исследовательского института по русской археологии, изложенных им в записке в АН от 2–4 марта 1929 г.» (Горская 1999. С. 72–73).

Безусловно, данный документ заслуживает особого внимания и более детальной характеристики. Содержательно научная записка Грекова — Чернова состоит из нескольких частей. В первой приводится развернутое обоснование необходимости опоры «на разнообразные иностранные, т.е. вне-восточноевропейские, источники» при изучении истории Восточной Европы, относящиеся к «эпохе от великого переселения народов до образования Монгольской империи». Исследование подобных источников, по мнению авторов Записки, создаст предпосылку «для выяснения до-феодалного строя народностей Восточной Европы, вовлеченных в состав русского государства, и процесса феодализации русского государства». Ее соавторы считали эти вопросы, и не без основания, на тот момент первоочередными для «исторической науки и без предварительных разысканий в указанном направлении едва ли разрешимыми». Собственно, речь шла о создании объемной и репрезентативной источниковой базы, которая позволила бы убедительно судить о становлении и развитии феодализма в Древней Руси.

Во второй части Записки, которая состоит из 8 пунктов, перечислены видовые (с точки зрения современной источниковедческой классификации. — *Е.Ш.*) «группы» источников по периоду III–XIII вв. Первыми названы: «Рассказы и отдельные сведения вне-восточноевропейских писателей, напр. арабских, персидских, армянских, грузинских, еврейских, византийских, болгарских, сербских, венгерских, польских, ордынских, скандинавских, итальянских, чешских, германских, французских и др. о Восточной Европе», т.е., по сути, нарративные источники. Пункты 5 и 6 посвящены вещественным источникам, которые включают: «Памятники материальной культуры вне-восточноевропейского происхождения, найденные на территории Восточной Европы...»; наряду с ними — «Памятники материальной культуры восточноевропейского происхождения, найденные вне территории Восточной

Европы...». Предметом изучения служат также «Географические названия Восточной Европы вне-восточноевропейского происхождения или указывающие на связи с восточноевропейским миром...» и вместе с тем «Географические названия вне-восточноевропейских территорий, восточноевропейского происхождения или указывающие на связи с Восточную Европою...».

Третья часть записки в нескольких пунктах формулирует **общие требования** (здесь и далее выделено мной. — *Е.Ш.*), по своему существу, археографического характера к научному изданию текстов, к фиксации памятников материальной культуры, а также коллективного творчества, уже записанного или устного, причем с отсылкой к пунктам второй части. Приведу, чтобы не быть голословной, в качестве примера требования к письменным источникам: «1. новое критическое издание текстов вне-восточноевропейских писателей о Восточной Европе на языке **подлинников**, с переводом на русский язык, надлежащим реальным историческим комментарием (в том числе историко-географическим и историко-бытовым) и со вводными статьями об авторе и использованных рукописях. 2. такое же издание в надлежащем контексте отрывков из сочинений вне-восточноевропейских авторов, писавших не о Восточной Европе, но давших о ней некоторые сведения». Наряду с отмеченными данными на памятники материальной культуры как с восточноевропейской, так и с вне-восточноевропейской территорий должны составляться «надлежаще комментированные описания, списки и карты распространения...». Тем же образом проводится «составление надлежаще комментированных списков и карт, распространения географических названий, упомянутых в п. 7 и 8» (Горская 1999. С. 74–76).

Исполнение фундаментального проекта его авторы предполагали осуществить на базе ВАН⁵ как центра, содержащего ценнейшие рукописные собрания, имевшего высококвалифицированных и «преданных делу изучения В[осточной] Е[вропы] работников». Записка соавторов заканчивается следующими словами: «Нижеподписавшиеся были бы рады принять посильное участие в этой работе, если БАН предпримет ее организацию. Ряд историков и лингвистов разных специальностей (Восток, Византия, Запад) обещают свое содействие намечаемой работе». Далее стоят подписи: «Б. Греков», «С. Чернов».

⁵ Так в тексте, вероятно БАН.

Содержание и стилистика «Записки-Инструкции» показывают, что ее авторы выразили назревшую идею и руководствовались пониманием насущной необходимости сравнительно-исторического, параллельного изучения русских и славянских источников. Они имели четко разработанный план для практического претворения. Он заключался в выявлении источников и не только письменных, в определении их ареала и необходимого круга с учетом государственно-территориальной и культурной принадлежности, а также взаимопроникновения. Была предложена оценка кадровой обеспеченности проекта, а также проведены какие-то предварительные переговоры со специалистами вне БАН⁶. К большому сожалению, в свое время столь насущный проект не был исполнен.

Лишь через 40 лет замысел по изданию и изучению иностранных источников, содержащих сведения о Древней Руси, начал осуществляться, став делом жизни В.Т. Пашуто, его учеников и последователей. Прослеженная научная инициатива воплотилась сначала в анализируемом проекте, затем плодотворно реализовалась в работе и продукции созданного В.Т. Пашуто сектора в Институте российской истории и продолжает развиваться в деятельности такого же отдела в Институте всеобщей истории. Изученный сюжет, по-моему, лишь один из существенных эпизодов в длительном процессе развития советской науки, и не только исторической, побуждающий к более общим размышлениям. Постигание сложного пути от идеи до ее претворения в жизнь выявило линию межпоколенческой преемственности в определенной научной области и в конкретных подходах к принципам комплексного анализа источников и трактовки их сведений. Замечу, что последняя наиболее зависима от методологической ориентации ученого, степени следования господствующим постулатам.

К сказанному необходимо также добавить штрих к творчеству самого В.Т. Пашуто В русло рассмотренного проекта органично вписываются его работы, посвященные правовым кодексам: «Помезания. “Помезанская правда” как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII–XIV в.» (М., 1955) и «Корчула. Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя

⁶ Н.А. Горская из рассмотрения записки сделала следующий вывод: «Осуществление грандиозного замысла, созревшего к тому времени в недрах Академии наук, переданного от Платонова Грекову и Чернову и получившего в их записке вполне реальные очертания, было задержано на 40 лет» (Горская 1999. С. 76).

острова Корчула XIII в.» (М., 1976). Обе книги построены по одному принципу. Они состоят из исследования текстов памятников, принадлежащих перу В.Т. Пашуто, и Приложений, включающих публикацию самих текстов, их переводы, которые выполнили А.В. Десницкая (Помезания) и И.В. Шталь (Корчула), и комментарии. В этих изданиях ученый руководствовался общей задачей сравнения синхростадиальных однотипных памятников, нацеленного на будущие типологические сопоставления.

ЛИТЕРАТУРА

Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

Лепехин М.П. Об административной деятельности С.Ф. Платонова во второй половине 1920-х гг. // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 165–192.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1977.

Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Elena N. Shveykovskaya

VLADIMIR TEREŃT'EVICH PASHUTO: TRAITS TO THE PORTRAIT

The article illuminates the scientific and organizational role of V.T. Pashuto in the successful realization of the idea that emerged 40 years before — to publish foreign sources containing information about Ancient Rus'.

Keywords: scientific enterprise, Old Russian, foreign, written, material, cartographic sources, originals, translations, commentaries.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-10-18

А. А. Кузнецов

ИМПЕРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИИ ВЛАДИМИРСКОГО КНЯЖЕСТВА СРЕДИ НЕСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

В статье рассмотрены проявления имперских тенденций во внешней политике (дипломатии) Владимирского (Ростовского) княжества в 1120–1238 гг. Первая часть статьи — историографическая. Вслед за работами В. Т. Пашуто, феномен внешней политики рассматривается в данной статье как тождественный феномену дипломатии. В ней доказывается, что В. Т. Пашуто, представитель «московской исторической школы», написал книгу о внешней политике Древней Руси в стиле «петербургской исторической школы». В первой части статьи прослежена эволюция оценки В. Т. Пашуто категорий «империя», «имперский» — от отрицательной (применительно к дипломатии Византии, Германской империи) до нейтрально-позитивной (применительно к народам в экономической и политической орбите Древнерусской государственности). Реабилитация категории «имперская» произошла у В. Т. Пашуто в период 1968–1982 гг. Доказывается, что имперская дипломатия проявлялась в эпоху политической раздробленности. Имперская функция внешней политики определяется как экспансия и как включение в орбиту государственности разных народов и культур. Для плодотворного изучения внешней политики Древней Руси в эпоху раздробленности надо рассматривать дипломатию отдельного крупного государственного образования (княжества) в системе всех его направлений. Предлагается четыре аспекта проявления имперской дипломатии. Один из них связан с отношениями с неславянскими нехристианскими народами, жившими по соседству. Импульсом для проведения имперской политики в виде экспансии служила военная экономика. Она обеспечивала потребности княжеских дружин. Их число должно было увеличиться в период раздробленности. Вторая часть статьи посвящена изучению динамики имперской дипломатии князей Владимирского (Ростовского) княжества по отношению к соседним неславянским народам Поволжья, устья Оки и Заволжья, Волжской Булгарии и к финно-угорским народам Прибалтики. Основные исторические источники исследования — русские летописи. Эволюция имперских программ и проектов рассматривается в связи со сменой поколений князей. Олицетворением поколений стали Юрий Долгорукий (1120–1157), Андрей Боголюбский (1157–1174), Всеволод Большое Гнездо (1176–1212), Юрий (Георгий) Всеволодович (1212–1216, 1218–1238). Постоянным фактором этой политики стала Волжская Булгария. Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо разрабатывали отдельные

географические направления экспансии. Продвижение по Волге и Оке (Городец и Гороховец) с замыканием границ вокруг анклава Черемиси — «проект» Андрея Боголюбского. Всеволод Большое Гнездо осуществлял экспансию в северо-восточном направлении (Устюг). Эти направления были сведены вместе в правление Юрия Всеволодовича. В 1221 г. был основан Нижний Новгород и началась проникновение в земли мордвы. Юрий Всеволодович и его брат Ярослав выработали стратегию противостояния немцам и шведам на землях юго-восточной Прибалтики. Частью этой стратегии стало удержание во власти Древней Руси (Новгорода) соседних финно-угорских племен. Важным средством стратегии стало использование крещения карел.

Ключевые слова: В.Т. Пашуто, имперская дипломатия (внешняя политика), Владимирское княжество, Волжская Булгария, Новгород, устье Оки, Прибалтика, мордва, черемись, карелы, емь.

«Внешняя политика Древней Руси — тема новая» — так начинается труд В.Т. Пашуто, вышедший в 1968 г. Цитата актуальна и сейчас. Небывалый для мировой, отечественной и советской науки опыт изучения внешней политики Древней Руси состоялся по одной важной причине. В.Т. Пашуто опирался на краеугольный тезис советской историографии Древней Руси, обоснованный несколькими изданиями «Киевской Руси» Б.Д. Грекова. Согласно ему, история СССР находилась в том же формационном потоке, что и страны Западной Европы. Синхронно с последней Русь переживала эпоху феодализма (почти минувшая рабовладение) со складыванием «феодального класса» в лице князей, бояр, дворян-гридей и духовенства, с присущим феодализму укреплением вотчин, упрочением имущественных прав, движением интересов феодалов от военного ограбления и присоединения новых территорий к эксплуатации собственных смердов, большой ролью христианской церкви и пр. (Пашуто 1968. С. 5–7). За этой позицией стояли работы историка по проблемам «становления государственности в тесной связи с генезисом феодальных отношений у народов Восточной Европы»: в Прибалтике (прежде всего, в Литве), в Древней Руси и даже в Адриатике (о Корчула) (Мельникова 2001. С. 797). Отсюда следовал вывод о том, что Древней Руси, как и любому феодальному государству Европы, была присуща развивавшаяся внешняя политика.

После такого зачина В.Т. Пашуто увлек читателя в стихию деяний, инициатив, событий, процессов IX–XIII вв. За их реконструкцией стояла грандиозная источниковедческая работа, о чем свидетельствуют приложения, занимающие более трети моногра-

фии. Важной особенностью этого исследования является отсутствие больших обобщений «с высоты птичьего полета». Лишь в эпилоге было обещано исследование внешней политики России в 1240–1480 гг. (Пашуто 1968. С. 302). Выводы, подобные этому, Древняя Русь «сыграла выдающуюся роль в формировании политической карты Европы; балтийский вопрос зародился в домонгольское время (Пашуто 1968. С. 8), — были предвосхищены в предисловии. Данное обстоятельство весьма показательны в историографическом плане.

Выпускник Ленинградского университета В.Т. Пашуто, еще студентом участвовавший в обсуждении книги студента Д.Н. Альшица (Аль 2001. С. 349), формировался как исследователь в аспирантуре Б.Д. Грекова. Именно Грекова в 1934 г. упрекнули в потребительском использовании источников, без внимания к их происхождению («приготовлению») «в своем целом и в своих частях» (Лурье 1996. С. 29). В этом упреке скрывалось имевшееся тогда расхождение между «санкт-петербургской-ленинградской» и «московской» историческими школами.

Первая построена на примате последовательности: источник — факт — концепция. «Московская» школа же зиждется на иной очередности: концепция — подбор фактов под нее и ее проверка фактами — источник. Предлагаемая Д.Н. Альшицем и другими схема «московской школы» (концепция — (подходящий) факт — источник (содержащий «нужные факты») (Аль 2001. С. 364) иллюстрирует крайности вульгаризации «московского» подхода: концепция задает жесткие рамки, определяющие источниковедческое и фактографическое исследование.

Академическое воплощение «московской школы» соответствовало идеологическим требованиям, предъявлявшимся к советской гуманитаристике. Марксистская философия уже создала историческую концепцию, под которую надо было изыскать факты-иллюстрации. Именно так и действовал наставник В.Т. Пашуто — Б.Д. Греков. Казалось бы, по образцу «московской школы» должна была быть построена книга В.Т. Пашуто о внешней политике Древней Руси. Эту книгу хотел написать его учитель (Пашуто 1968. С. 14). Вопреки ожиданиям и предыдущим текстам, исследование В.Т. Пашуто о внешней политике соответствовало традиции Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета. Так в уже состоявшемся исследователе-«москвиче» прорвалась его ленинградская научная «натура».

Автор только «защитил» себя во Введении необходимыми фразами о должном — феодальном — уровне развития Древней Руси; там же были представлены наблюдения по терминологии дипломатических отношений. И случилось так, что исследователь, использовавший методологию «московской школы», представив сочинение по принципиально иной схеме принципиально иной схеме «источник–факт» (даже на уровень концептуального обобщения историк не стал подниматься: «мы считали целесообразным исходить из источников, чтобы дать читателю по каждому достоверному факту достойную доверия публикацию и ссылку на последнюю работу о нем» (Пашуто 1968. С. 11), заложил большое направление в науке. И уже третье поколение учёных изучает международные отношения Восточной Европы в древности и Средние века в источниковедческо-фактографической системе координат, заданной В.Т. Пашуто, без связывающей концептуальной рамки и жесткой категориально-терминологической сетки. Последнее обстоятельство весьма важно, поскольку исследование истории внешней политики в древности и Средневековье и связанных с ней проблем оказывается открытым для апробации разнообразных новых идей, концепций и методик.

В.Т. Пашуто осознавал этот «перелом» в личном научном творчестве и его последствия, включая и проблемные. А потому он в 1982 г. предложил статью о периодизации истории русской дипломатии раннего и развитого феодализма, где концептуализировал историю древнерусской (домоногольской) дипломатии (Пашуто 2011). Она создавала фундамент для исследования внешней политики русских земель в период освобождения от ордынского ига. Однако этот текст представлял собой расширенный вариант Предисловия «Внешней политики...». Расширение произошло за счет развития взглядов В.Т. Пашуто на категорию «имперскости» и новых предложений по изучению дипломатии эпохи раздробленности.

В Предисловии книги 1968 г. «имперскость» представлена отрицательно: Русь традиционно вступает в союзы, «враждебные экспансионистским устремлениям Германской и Византийской империй» (Пашуто 1968. С. 7). Эта оценка повторена и в статье 1982 г. (Пашуто 2011. С. 208), но там же произошло и ее смягчение в связи с анализом отношений Руси с Византией. Поскольку дипломатическая практика Древней Руси проходила становление в противоречивом преодолении имперских усилий и сопротивления Византии, то Русь, по мнению историка, перенимала у нее

дипломатический инструментарий. Например, в степях многие кочевники становились конфедератами Руси (Пашуто 2011. С. 206). Ученый не сделал ожидаемого логического вывода, что Русь брала имперские практики: ведь они были скомпрометированы той же Византией. Однако в сюжетах, касающихся регионов, где не было столкновений Руси с Византией или Германской империей, В.Т. Пашуто рассуждал об имперской функции дипломатии Руси и ее княжеств (Пашуто 2011. С. 197, 201–202, 210).

Причины такого изменения отношения к имперскости заключались в подготовке следующей книги по внешней политике княжества Московского, под которым понималась Великороссия (отсылка к видному представителю петербургской школы А.Е. Преснякову с его «Образованием Великорусского государства»?) (Пашуто 2011. С. 212–221). Это был следующий период внешней политики — вторая половина XIII–XV в., — который собирался исследовать Пашуто. И в этом смысле статья 1982 г. о периодизации истории русской дипломатии была пробой пера в написании концептуального предисловия к грядущей, но так и не написанной из-за преждевременной смерти, но так и не написанной из-за преждевременной смерти монографии, подобного предисловию 1968 г. И после такой вступительной статьи ожидалась организация материала по модели, опробованной во «Внешней политике Древней Руси».

Осмысление этой модели позволило В.Т. Пашуто к началу 1980-х гг. дать методологические и терминологические коррективы.

Во-первых, новое исследование было бы посвящено не внешней политике, но дипломатии. Замена первой на вторую и происходит в тексте 1982 г. Несмотря на кажущуюся синонимичность, в таком замещении крылся залог исследовательской независимости от идеолого-философских императивов советской эпохи. Уже в 1968 г. Пашуто выделил внешнюю политику в отдельную сферу с присущими ей закономерностями, логикой причинно-следственных связей, оставив тезисы о периоде феодализма, вассальных отношениях, феодальной терминологии посольской службы в предисловии. Представление в 1982 г. внешней политики Древней Руси и Московского княжества как дипломатии позволило еще больше отойти от этих императивов и снять возможные упреки в их неисполнении.

Во-вторых, была проведена была проведена нейтрализация категории «имперскость» через противопоставление и жесткое разделение ее позитивной и негативной ипостасей. Позитивная

связывалась с древнерусской/великорусской стороной и мыслилась как функция дипломатии — «внутренняя, имперская, — для вассальной сферы неславянских народов» (Пашуто 2011. С. 197), а отрицательная — с экспансией Германской, Византийской империй, а в XIII–XV вв., судя по тексту, Литвы и Орды. И, подобно тому как в древнерусский период, грани между имперской и внешней функциями были подвижны по мере включения неславянских этносов в орбиту Руси (Пашуто 2011. С. 199), в «великорусский» период «внутриимперская дипломатия» сосредотачивалась на Прибалтике, Севере и Поволжье, «где постепенно по мере развертывания освободительной борьбы с ордынцами, ее власть распространялась» на земли нерусских народов и «означало прогрессивное внедрение феодального права на место обычного... замену язычества христианством и патриархальных обычаев нормами церковного суда», включение в «русское управление» местной знати... «Все это несло... наряду с феодальной эксплуатацией... прогрессивные черты просвещения и культуры и содействовало... сближению более отсталых народов с русскими» (Пашуто 2011. С. 213–214). В этих цитатах и кроется реабилитация древнерусской/великорусской имперскости при условиях ее выведения во внутреннюю сферу и противопоставления внешней имперскости противников Руси/Великороссии.

В-третьих, Пашуто, осознавая перетекание дипломатических практик в отношениях между княжествами XIII–XV вв. в сферу отношений с нерусскими народами и внешними контрагентами, выделил для раздробленности уже XII–XV вв. межкняжескую функцию дипломатии как весомый фактор ее истории (Пашуто 2011. С. 208–209, 214–218).

Две последние поправки теперь распространялись и на изученную внешнюю политику Древней Руси, более всего в раздробленности. Внутриимперская дипломатия, рассредоточившаяся по политическим субъектам — «в Прибалтике ведали Новгород, Псков, Смоленск и Полоцк... в Поволжье — Владимир» (Пашуто 2011. С. 197–198, 210) — позволяла начать исследование формирования полиэтничного политического мира Древней Руси. Заявленный же тезис о межкняжеской дипломатии констатировал упущенную в 1968 г. возможность и намечал перспективы ее намерения. Ведь внешнюю политику Руси XII–XIII вв. нельзя представить без увязывания внутрирусских противоречий с ответами на внешние вызовы.

Эти два направления исследовательского поиска, обозначенные В. Т. Пашуто, задают перспективы для изучения внешней политики Древней Руси. Для раскрытия их потенциала надо отказаться от смотрящегося сейчас надуманным разделения имперскости на положительную и отрицательную, то есть признать за Русью, ее княжествами проведение экспансии. Отказ позволит устранить и заложенное в тезис о переходах международной дипломатии во внутримперскую оценочное противоречие, перевести обсуждение его в нейтральную плоскость. Тогда на первый план исследования выйдет динамика и последовательность действий в том или ином дипломатическом направлении.

Историографическая легализация экспансии во внешнеполитических практиках древнерусских княжеств обуславливает признание мотивов корысти, господства-подчинения, а также «прогрессивного внедрения феодального права на место обычного... замены язычества христианством и патриархальных обычаев нормами церковного суда». Поскольку прогрессивные стороны экспансии прописывались В. Т. Пашуто и для ордынского, и для древнерусского периода, то надо указать на важную особенность княжеской экспансии в домонгольское время. Ее оборотной стороной были грабеж, стремление к военной добыче. Так можно объяснить летописные формулы триумфов походов князей на неславянские народы, сводящиеся к взятию полона, сжиганию и потраве жита и пр. Подобные формулировки встречаются во владимирском, киевском, новгородском, галицко-волынском летописании, в текстах, в большинстве случаев написанных монахами, поэтому вряд ли они являются литературными клише, никак не пересекавшимися с реальными целями и результатами походов.

Роль военной экономики в древнерусской истории была раскрыта в статье Е. А. Мельниковой. В ней доказывается, что военная экономика, удовлетворявшая потребности дружины, сыграла важную роль в формировании Древнерусского государства в IX–X вв. (Мельникова 2017). Однако в первые десятилетия истории раздробленной Руси тоже шел политогенез — на региональном уровне. В этих условиях надо ожидать «второе рождение» дружины, с помощью которой князья добывают себе киевский престол, сокращают соперников, отстаивают свои земли, противостоят внешней по отношению к Руси агрессии... И это возвращение дружины должно было реанимировать те ее основы, которые стали было уходить в начале XII в. — когда дружинники стали оседать на

землю (Горский 1989. С. 74–87). В ходе децентрализации Руси князья перемещались, а вместе с ними мобильной оказывалась и дружина. Эта дружина, не успевшая прирасти к земле, могла быть движителем внешней экспансии.

Существенными затруднениями системного исследования древнерусской внешней политики XII — первой половины XIII в. с проверкой тезиса об имперских практиках являются ее фрагментированная разнесенность по разным княжествам и акторам, неравномерная сохранность источников. Для их преодоления эффективным может стать всестороннее изучение имперской дипломатии одного княжества в следующих аспектах: 1) по отношению к претензиям на номинальное общерусское доминирование; 2) в плане отношений с соседними древнерусскими политическими образованиями; 3) в плане отношений с иноязычными и иноверными соседями; 4) в плане взаимоотношений с крупными христианскими государствами, такими как Византия, Венгрия и др. (не исключается предложение и других проблемных блоков). Так возможно наиболее полное представление внешней политики раздробленной Руси с гипотетическим заполнением лакун. Летописными данными по истории дипломатии в XII–первой половине XIII в. сравнительно хорошо обеспечены Владимиро-(Ростово)-Суздальское, Галицко-Волынское, Смоленское, Черниговское княжества, Новгородская республика и Киев.

В качестве «испытательного полигона» методологических предложений В. Т. Пашуто по изучению имперских практик Древней Руси XII–XIII вв. в настоящей статье выбрана дипломатическая история Владимиро-(Ростово)-Суздальского княжества. Поскольку системное рассмотрение всех аспектов его дипломатии — от внутрирусского до международного — выведет текст за рамки даже большой статьи, то предлагается опыт изучения политики князей Северо-Восточной Руси в домонгольское время по отношению к неславянским нехристианским народам. Локально эти объекты внешнеполитических интересов находились: 1) от левого берега Клязьмы ниже Владимира к верхней и средней Волге, на юг от нижней Оки; 2) в Восточной Прибалтике. Тем самым будут рассмотрены те практики владимирских князей, которые В. Т. Пашуто сам называл имперскими применительно к периоду XIV–XV вв.

Указанные выше характеристики имперскости раздробленной Руси до нашествия Батыя надо проверять во временном аспекте. За время с начала раздробленности и до монгольского нашествия сменилось 4–5 поколений князей. Они прошли путь от признания новой политической реальности, сопровождавшегося определением границ и противников, до выстраивания и реализации стратегий поведения в этой реальности.

Князя Северо-Восточной Руси не следовали плавно один за другим в династической непрерывности. Смерть Юрия Владимировича в Киеве в 1157 г. открыла путь к власти его сыну Андрею, поспешившему выгнать своих братьев и племянников. Внезапная гибель Андрея Боголюбского в 1174 г. положила начало усобице детей от второго брака Юрия Долгорукого с сыновьями и внуками его старшего сына Ростислава. На разных этапах этой схватки 1174–1178 гг. существенное влияние на нее оказывали Рязанское, Черниговское княжества и Новгород. Победителем вышел Всеволод Юрьевич, за несколько лет до этого воспринимавшийся на Руси как князь «второго ряда» с уменьшительным именем *Дмитрок* (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354). Очевидно, что Всеволод решал иные задачи, имел другие внешнеполитические приоритеты и стратегию, нежели Андрей.

Такие прерывистость и случайность в династической истории Владимиро-Суздальского княжества требуют особого внимания к историографическим представлениям о личных «имперских программах» Юрия Долгорукого и его потомства. Если Юрий зарекомендовал себя настойчивым претендентом на киевский стол, гарантировавший, как казалось князю, достижение общерусской власти, то его сын Андрей порвал с этим курсом. Он сделал ставку на признание фактического лидерства среди Рюриковичей и превращение Владимира-на-Клязьме в реальный центр власти в общерусском масштабе. Оба вектора сошлись в организации погрома Киева в 1169 г. и похода на Новгород в 1170 г. Фиаско последнего поставило преграду на пути политического возвышения Владимира, но не помешало ему стать в один ряд с Черниговом, Смоленском и другими важными центрами того времени.

Для того чтобы говорить о державных интересах Всеволода Юрьевича, надо учесть особенности его биографии. Родившись в 1154 г., Дмитрий-Всеволод мог видеть отца только до двух лет. В 1161/62 гг. 7-летний княжич оказался с матерью в

византийских землях на Дунае (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 521). В 1169 г. 15-летний Всеволод отмечен на юге Руси (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354; Т. 2. Стб. 543). До 1174 г. он находился там, выполняя поручения старших по статусу князей. В 1176 г. 22-летний Всеволод оказался на владимирском столе. Он был лишен наглядных уроков политического поведения на Руси, политического завещания, державной программы и пр. Всеволод был младше своих соперников-племянников, детей Ростислава Юрьевича (ум. в 1151 г.). Вероятно, ровесником Всеволода был и его племянник Ярослав Мстиславич, вернувшийся с ним из Византии. И он долго не воспринимал всерьез дядю, занявшего владимирский престол. Свидетельством тому является разыгрывание Ярославом «новгородской карты», что и привело к его пленению Всеволодом в Волоке-Ламском в 1178 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 386–387). Что уж говорить о восприятии другими Рюриковичами — черниговскими, смоленскими, волынскими, да и рязанскими — Всеволода-Дмитрока, внезапно появившегося в 1169 г. в политическом пространстве Руси и обосновавшегося на владимирском столе после Андрея Боголюбского.

Укорененными в Северо-Восточную Русь оказались только дети Всеволода. Они были первым поколением князей, которые родились и выросли в Залесской земле. К рубежу XII–XIII вв. границы княжеств устоялись, династии в них укрепились. Всеволодовичи были правителями Залесской земли по праву рождения, у них не было конкурентов в лице двоюродных братьев и их потомков — их в 1212 г. не осталось. Поэтому с поколения детей Всеволода Большое Гнездо и проявляется устойчивый интерес владимирских князей к финно-уграм Поволжья и Поочья, а также к Прибалтике. Постоянным фактором внешней политики Юрия Долгорукого и его потомков — последующих владимирских князей — была Волжская Булгария.

Отношения

Владимирского княжества с Волжской Булгарией

Анализ этой проблемы затруднен тем, что политическую историю Булгарии в XII–XIII вв. освещают только русские летописи. А они сообщают только то, что были болгарские города, которые штурмовали владимирские дружины, и были болгарские князья (правители? полководцы?).

В 1107 г. было отбито нападение болгар на Суздаль (ПСРЛ. Т. 24. С. 72–73; Т. 33. С. 40). После этого Мономах в 1108 г. за-

ложил город Владимир и крепость Ярополч (рядом с совр. Вязниками), перекрывшие пути вторжения по Клязьме внутрь Залесской земли (Кучкин 1984. С. 72), и направил туда сына Юрия. В 1120 г. состоялся его поход на болгар (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292; Т. 2. Стб. 285–286). Гипотетическое увязывание этой акции с антиполовецким походом другого сына Мономаха в 1120 г. позволяет отнести ее к державным мероприятиям киевского князя (Кучкин 1996. С. 37).

После 1107 г. болгары более века не нападали на земли Руси. Уникальное сообщение Типографской летописи о набеге болгар на Ярославль в 1152 г. является поздней вставкой (Кузнецов 2006; см. возражения этой гипотезе: Лаушкин, 2019). Военные акции Андрея и Всеволода Юрьевичей против болгар в 1164, 1172, 1183, 1186 и 1205 гг. оказываются актами экспансии. Примечателен поход 1164 г. Он подается в летописи как победоносное шествие иконы Богородицы. В результате похода был взят Брахимов и сожжены три города (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352–353). Победа 1164 г. остается единственной, осененной иконой Богородицы. Мессиянская подоплека осталась лишь уделом политики Андрея Боголюбского. Одним из итогов похода 1164 г. было основание Городца, впервые упомянутого в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях зимой 1171/72 гг.

Поход 1183 г. на болгар был общерусской акцией, в которой, кроме залесских полков, участвовали рязанские и муромские князья, дети черниговского (на тот момент киевского) и смоленского князей, племянник Всеволода Большое Гнездо — переяславский князь Изяслав Глебович (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 389–390; Т. 2. Стб. 625–626; Т. 3. С. 37, 227). Этот поход стал попыткой легализации в общерусском политическом пространстве высокого статуса Всеволода Юрьевича, утвердившегося во Владимире и решившего проблемы отношений с влиятельными князьями.

Лишь в 1219 г. болгары совершили первый после 1107 г. известный по источникам акт агрессии — напали на Устюг и Унжу (ПСРЛ. Т. 23. С. 67). В ответ в 1220 г. Юрий Всеволодович организовал большой поход на Булгарию, осуществленный братом Святославом (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444–445). Поход и угроза его повторения переломили исторически сложившуюся ситуацию на стыке Верхнего и Среднего Поволжья.

В Городце в 1220 г. владимирский князь заключил с болгарами мир (ПСРЛ. Т. 23. С. 68). И в 1221 г. был основан Нижний

Новгород. С этим сюжетом связано представление о том, что болгары передали Владимирскому княжеству земли в устье Оки. Следствием этого тезиса является стереотип, согласно которому ранее этими территориями владели болгары. Это не так, да и четкое маркирование границ и их охрана не были свойственны тому времени. Данное представление основано на сообщении Московского летописного свода конца XV в. о том, что Городецкий договор 1220 г. был заключен «яко же было при отци его Всеволодѣ и при дѣдѣ его Георгии Володимеричи» (ПСРЛ. Т. 25. С. 117; см., например: Пашуто 1968. С. 214, 243. примеч. 9). Однако отсылка к договору Юрия Долгорукого выглядит наращиванием ростовского известия, читающегося в Ермолинской летописи, о договоре Юрия Всеволодовича, который был заключен, как и при его отце Всеволоде (ПСРЛ. Т. 23. С. 68). Принять мнение об уступке болгарями устья Оки до 1221 г. мешают два соображения. Во-первых, нет точных данных о границах Булгарии, а границы Владимирского княжества на востоке были размыты и определялись участками течений Волги, Оки и Клязьмы. Во-вторых, стратегически выгодное устье Оки было удалено от Владимира, но еще дальше находилось от Булгарии. Для закрепления там нужны были прочные коммуникации с «метрополией». Их инфраструктура была обеспечена Андреем Боголюбским: при нем появились Гороховец и Городец. В противном же случае град — болгарский ли, древнерусский ли — был бы быстро разгромлен полками противника или автохтонами (что попыталась сделать мордва в 1229 г.).

Зимой 1229 г. болгарский князь не стал нападать на ротника Юрия Всеволодовича — Пурешу, узнав о близости залесских полков (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451). Это событие произошло в контексте русско-болгарской войны 1223–1229 гг. О ней свидетельствует владимирско-болгарский мир 1230 г., заключенный после шести лет розмирья (ПСРЛ. Т. 18. С. 54). Факт этого договора находится в противоречии с Городецким миром 1220 г.: либо второй был нарушен, либо в 1220 г. договор был заключен с одним из нескольких субъектов Булгарии, что не помешало другому(им) начать войну. Заключение договора 1229/30 гг. оказалось как-то связано со «страстями Авраамия», замученного болгарями в Великом городе за отказ перейти в ислам, и перенесением его останков во Владимир (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452–453).

Владимирское княжество и финно-угры

Здесь рассматриваются отношения с финно-угорскими народами, проживавшими в районе Верхней Волги и Оки, а также, применительно к 1220-м годам, и восточной Прибалтике. Для их представления надо отказаться от абсолютизации тезиса о выплате всеми финно-угорскими народами дани Руси. Он базируется на некритическом прочтении фрагмента ПВЛ о народах, дающих дань Руси (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11; Т. 2. Стб. 8) и доверии «Слову о погибели Руской земли». Черемись и мордву можно вывести из перечня данников Руси в ПВЛ (Петрухин 2012. С. 214). Во втором тексте сведения о даннической зависимости разных народов на востоке надо проверять (см., например: Горский 1999), поскольку общая идейная направленность этого произведения обусловлена оплакиванием великого прошлого Руси. Мнение И.П. Шаскольского (кстати, однокурсника В.Т. Пашуто), что вся емь и вся чудь на протяжении всего древнерусского периода систематически платили дань Руси (Шаскольский 1941. С. 100; 1978. С. 22–29), имеет шаткие основания. Их можно интерпретировать и в пользу независимости значительной части этих племен от русских (Кузнецов 2015. С. 78–82). Последним можно объяснить и активные походы владимирских полков против финно-угров в 1220-е гг. — военной экономикой.

Данниками владимирских князей были тоймичи, часть югры, проживавшая на берегах Верхней и Нижней Тоймы (Горский 1999. С. 314–315). Они упомянуты как данники князей Северо-Восточной Руси в «Слове о погибели Руской земли». Новгородцы первыми стали эксплуатировать тоймичей, но при Всеволоде Юрьевиче в 1178 г. был возведен Устюг. Он и позволил блокировать новгородские пути к югорским даням в 1187 г. (Кучкин 2011. С. 26, 27; ПСРЛ. Т. 3. С. 38, 229). Видимо, с тоймичами связано сообщение о том, что Юрий и Ярослав Всеволодовичи не пустили в 1217 г. новгородцев под водительством Семьюна Емина на Тоймокары, вызвав внутривосточный кризис в Новгороде (ПСРЛ. Т. 3. С. 59, 260). В свете изучения имперских практик этот конфликт можно рассмотреть как столкновение на востоке волн экспансии двух политических образований Северной Руси.

При Всеволоде Юрьевиче распространение власти с целью взимания дани шло на восток и северо-восток Заволжья. С этим же географическим направлением, вероятно, можно связать и упоминание похода меченоши Кузьмы Ратьшича на загадочную тепру в 1210 г. (ПСРЛ Т. 1. Стб. 435). Последнюю можно гипотетически

отождествить с одноименной этнической общностью, упомянутой в Троицкой летописи по соседству с пермью (Гимон 2019). *Тепра* как собирательное существительное древнерусского языка женского рода и единственного числа попадает в ряд этнонимов, сосредоточенных в лесной зоне — ареале финно-угров и балтов (Агеева 1990. С. 123). Помещение тепры на восток от Волги позволяет предполагать ее принадлежность к финно-уграм. Такое почти случайное и лапидарное упоминание тепры показывает шаткость и неполноту наших представлений о географическо-политическом кругозоре владимирских князей. Это замечание подкрепляется и наблюдением за черемисью/мещерой, которая раньше не воспринималась как этно-географическая проблема.

Черемись/мещера

В ПВЛ упоминается черемись: «а по Оце рече где потече в Волгу же Мурома языкъ свои и Черемиси свои языкъ Морьдве свои языкъ»; «языще иже дань дают Руси»: «Мурома Черемись Мордва» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10–11; Т. 2. Стб. 8). По этим перечням представляется последовательность народов вверх по течению Оки от устья: мордва — черемись — мурома. С середины XIII в. в источниках оним *Черемись* заменяется *Мещерой*: в перечне Толковой Палеи XIII в., составленном на основе ПВЛ; в ряде летописей в части, соответствующей ПВЛ (Московский летописный свод (МЛС), Софийская I, Новгородская IV, Новгородская Карамзинская (ПСРЛ. Т. 25. С. 339; Т. 6. Вып. I. Стб. 6; Т. 4. Ч. I. С. 5 и др.)). Замена была произведена, вероятно, в связи с известием 1392 г. о получении в Орде московским князем прав на Нижний Новгород, Городец, *Мещеру* и Торусу. Это сведение выражало интересы Москвы в обосновании прав на новые владения. Среди них — Мещера, бывшая ранее во власти нижегородских князей (не Рязанская Мещера). То есть замена Черемиси Мещерой в ПВЛ была сделана задним числом для узаконения присоединения последней. И Гороховец, находившийся на границе этой Мещеры и в XIV в., «был нижегородским» владением (Кучкин 2011. С. 119).

Оним *Черемись* покрывает регион левобережья Нерли, Клязьмы (ниже устья Нерли), Оки (ниже устья Клязьмы) и правобережья Волги (от Городца до устья Оки). По суше *Черемись* ограничивалась дорогой: Владимир — Боголюбово — село Омут у Суздаля — на север и далее на восток — Городец (Кучкин 1984. С. 204). Вероятно, *Черемись* — хороним, обусловленный этнони-

мом, чья языковая природа не ясна. Лишь его принадлежность к этнонимам — собирательным существительным единственного числа женского рода (Агеева 1990. С. 123), а также соседство в ПВЛ с финно-угорскими мордвой, муромой, позволяет предполагать его финно-угорскую природу. И с *Черемисью* между течениями Клязьмы, Оки и Волги, с заходом на правый берег Оки, где возникла *Мещерская* Поросль (Горбатов), совпадает *Мещера*. Локализация *Черемиси/Мещеры*, прослеживаемая по антропонимам XV–XVI вв. и ойконимам, прямо не относится к марийцам-черемисам и рязанской Мещере.

Андрей Боголюбский начал охватывать *Черемись* в кольцо. При нем возникли Гороховец (в 1158–1174 гг.) и Городец. Гороховец вместе с Ярополчем, Стародубом (1217 г.) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 442) и Владимиром укрепляли правый берег Клязьмы как границу с Черемисью. Путь от Владимира к Городцу по суше окружал Черемись с севера. Замкнуло кольцо основание Нижнего Новгорода в 1221 г. (см. подробнее: Кузнецов 2017).

Мордва

Изучение событий на востоке Волго-Окского междуречья и к северу и югу от нижнего течения Оки дает пеструю картину: Владимирское, Муромское и Рязанское княжества, булгары, черемись-мещера и *мордва*. После ее упоминания в вводной части ПВЛ редкие сведения о ней в XII в. касаются конфликтов: в 1104 г. мордва нанесла поражение муромскому князю Ярославу Святославичу (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 279–280; Т. 2. Стб. 255–256; Т. 3. С. 19), а в 1183 г. при возвращении из болгарского похода Всеволод «пусти коней на мордву» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 390). Сведения о столкновениях с ней владимирских князей становятся частыми с 1221 г. В 1226 г. состоялся успешный поход Всеволодовичей на мордву (Там же. Стб. 448–449). Осенью 1228 г. поход отряда Василька Константиновича на мордву был остановлен Юрием Всеволодовичем за Нижним Новгородом. В январе 1229 г. мордвие Пургаса был нанесен мощный удар войсками почти всего Владимирского княжества, включая ростовскую часть. Весной 1229 г. Пургас напал на Нижний Новгород, но был отбит, а потом его разгромил Пурешев сын с половцами; Пуреш(а) назван ротником Юрия Всеволодовича (Там же. Стб. 450–451). В 1232 г. был совершен еще один поход на мордву (Там же. Стб. 459). Отношения Владимирского княжества с мордвой во второй половине 1220-х гг. переплетались

с войной с Булгарией в 1223–1229 гг. Очевидно, что основанием Нижнего Новгорода, которое надо рассматривать как следствие борьбы с Булгарией, экспансии Владимирского князя по Волге и Оке, изоляции Черемиси, открылись новые рубежи. Княжество вошло в ареал мордвы. Военное продвижение туда подстегивалось и военной экономикой — сообщения о походах часто заканчиваются словами о разорении и полоне.

Половцы на нижней Оке

С конфликтами Владимирского княжества и мордвы связан феномен половцев на нижней Оке. В историографии считается, что Пургас и Пуреш(а) — предводители мордвы. Пуреш(а) — ротник владимирского князя. Но сын Пуреша(и) командует половцами: «Победи Пургаса Пурешев сын с Половци» (Там же. Стб. 451). Итак, в районе Нижнего Новгорода в 1229 г. действует сын ротника владимирского князя с половцами. Если исключить созвучие имен Пуреша(и) и Пургаса, то от мордовской природы первого ничего не остается. Если считать Пуреша(у) мордвином, то тогда имеется единственное упоминание роты с мордвой. Даже если Пуреш(а) — мордвин, то почему его сын руководит половцами? Очевидно, что половцы в лесной зоне к югу от Нижнего Новгорода — данность, придающая имперский колорит владимирскому продвижению на юг от устья Оки.

Военно-стратегическая активность владимирских князей в 1220-е гг.

События на устье Оки в 1220-е гг. во внешней политике владимирских князей оказываются связанными с их деятельностью на северо-западном направлении, в Прибалтике (Кузнецов 2015).

Положение на северо-западных рубежах Руси резко изменилось в конце XII в. из-за крестоносной экспансии и набегов литовцев. Новгороду и княжившим там смоленским князьям выработать адекватное противодействие этим вызовам не удалось. В таких условиях состоялось в начале 1220-х гг., после битвы на Липице в 1216 г., «возвращение» в Новгород владимирского князя — Юрия Всеволодовича. Он добился, чтобы на новгородском столе сидел его сын Всеволод или брат Ярослав. Их военная деятельность в Новгороде до 1223 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 60–61, 262–263; ХЛ. С. 102, 103–104, 134, 135–136) восстановила военно-политический паритет в Прибалтике.

В 1223 г. Ярослав Всеволодович под влиянием восстания эстов и их призывов о помощи (ХЛ. С. 102, 134) совершил большой поход на Колывань (Ревель). После 1223 г. политика залесских князей и новгородцев в Прибалтике не имела общерусской поддержки (ХЛ. С. 104, 136). Ни сын, ни брат Юрия Всеволодовича не могли лишь своими силами вести большую войну в Прибалтике. Они действовали там, опираясь на силы всего княжества. Об этом свидетельствует сообщение Хроники Ливонии о взятии Орденом в 1223 г. Юрьева, из защитников которого в живых был оставлен только один «вассал... короля Суздальского» (Там же. С. 104–107, 137–140). После падения Юрьева Всеволод не смог остановить дальнейшее заключение мира Новгорода с немцами и бежал (ПСРЛ. Т. 3. С. 63–64, 267–268). Зимой 1224/25 г. в Новгороде утвердился Михаил Черниговский, но владимирский князь вытеснил его (Там же. С. 63–64, 267–269), способствовав вокняжению там Ярослава в конце 1225 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447–448).

Зимой 1226/27 г. Ярослав Всеволодович с новгородцами ходил на емь «и повоева всю землю, и полонь приведе бещисла»; поход был совершен туда, «где же ни единь от князей Руских не возможе бывати», а пленных было так много, что русские дружинники часть их посекали, но еще больше отпустили обратно (ПСРЛ. Т. 3. С. 65, 270; Т. 1. Стб. 449). В следующем году более 2000 емян на лодках «придоша... воевать въ Ладозское озеро». Против них выступили и ладожане (и новгородцы под руководством того же Ярослава). Ладожане разгромили врага в водном бою, а потом на островах и побережье. Оставшиеся в живых налетчики устремились в леса, но были избиты ижорянами. Те же, кому удалось избежать гибели, были выловлены «Корелой» и уничтожены (ПСРЛ. Т. 3. С. 65, 270).

В 1227 г. Ярослав крестил корел (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449). Сведения об этом в статье Лаврентьевской летописи, вероятно, восходит к владимирскому великокняжескому летописанию (Приселков 1996. С. 137–138, 142), что косвенно свидетельствует о согласовании планов Ярослава с владимирским князем Юрием. В том же году Ярослав сжег четырех волхвов на «Ярославли дворе» (ПСРЛ. Т. 3. С. 65, 270). Религиозное рвение владимирских князей было обусловлено борьбой за души финно-угров, на которые претендовали епископы от Рима, опиравшиеся на военную силу шведов. Подобных мероприятий владимирские князья не проводили в Поволжье, поскольку тамошним финно-уграм экспансия какой-либо империи не угрожала.

В 1228 г. Ярослав, приведя полки к Новгороду, готовил поход на Ригу. Войск было много, из разных частей Залесской земли. Новгородцы отказались выступить на Ригу. Ярослав отослал полки (Там же. С. 65–66, 271–272), затем участвовавшие в рейде на Пургаса зимой 1229 г. Ярослав в 1234 г. провел поход на Юрьев и заключил мир на выгодных для Новгорода условиях. В летописи сказано, что это был большой поход, совершенный силами новгородцев и множеством полков Ярослава (Там же. С. 72–73, 283). Это были полки и других князей Северо-Восточной Руси. Следовательно, эта акция была в русле внешнеполитического курса Юрия Всеволодовича. Сам договор касался, очевидно, и раздела земель, заселенных чудью.

Данные факты позволяют представить размах военно-политических акций Владимирского княжества. Деятельность залесских князей в Прибалтике в первой половине 1220-х гг. развивалась одновременно с войной с булгарами и походами на мордву. Владимирские полки в 1220-е гг. направлялись то в Поволжье, то в Прибалтику. Обращает на себя внимание готовность владимирских князей вести последовательную стратегическую политику в зоне, далекой от их непосредственных интересов, как это было в Поволжье. И в данном случае имперская политика среди неславянских народов переплеталась борьбой за подчинение Новгорода и противостояния имперской экспансии Ордена, Швеции и католической церкви.

Итоги

На протяжении 1120-х–1230-х гг. дипломатия князей Северо-Восточной Руси обнаруживает имперские тенденции. Но преемственности в них не было. Они зависели от индивидуальных особенностей князей и поколенческого фактора. В отношении Булгарии князья претворяли в жизнь разные модели. Юрий Долгорукий в 1120 г. действовал как исполнитель воли киевского князя. Поход 1164 г., организованный Андреем Боголюбским, подавался как триумф Богородицы, и связан с ее прославлением (Успенский собор Владимира, Церковь Покрова, праздник Покрова, икона, взятая из Вышгорода). Поход Всеволода Юрьевича в 1183 г. решал вопросы его статуса внутри Руси. Поход 1220 г., поводом к которому стал набег булгар на Устюг и Унжу, был нацелен на продвижение по Волге и закрепление в устье Оки. Нельзя закрывать глаза и на материальную составляющую похода: ведь, узнав о бо-

гатых трофеях, Юрий Всеволодович стал собирать полки для повторения успеха (что и подтолкнуло болгар к переговорам). Проявления военной экономики обнаруживаются в рейдах небольших владимирских отрядов на болгар в 1172, 1186, 1205 гг. — первым руководил сын Андрея Боголюбского, двумя другими — воеводы Всеволода Большое Гнездо.

В силу такого развития дел Волжская Булгария как фактор постоянной внешней политики владимирских князей до 1219 г. теряет свои прежние масштабы. Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо используют ее в 1164 и 1183 гг. для реализации своих больших и даже отвлеченных проектов — Богородичного и внутрирусского соответственно. Булгария была достаточно далека от Владимирского княжества. Можно лишь предположить, что походы в 1164, 1183 гг. были нацелены на некоторую нейтрализацию болгар, дабы они не помешали Андрею Боголюбскому продвигаться по Волге от Ярославля к Городцу и по Клязьме к нижней Оке (Гороховец), окружая Черемись, а Всеволоду Юрьевичу — совершить бросок от основанного Устюга к тоймичам и повлиять на тепру. Собственно, это и были основные направления двух сыновей Юрия Долгорукого по отношению к финно-уграм. Сил каждого из них хватало на осуществление только одного конкретного намерения-направления, что зависело и от личных предпочтений. Преемственности здесь не наблюдается. Но эти внешнеполитические линии оказались продолженными и сопряженными в правление Юрия Всеволодовича (и его братьев).

«Тоймокары» оказались удобными для давления владимирского князя на Новгород. Набег болгар на Устюг, основанный при Всеволоде, подтолкнул к организации мощного похода. Следствием его стало основание Нижнего Новгорода, завершившего продвижение по верхней Волге и Оке, начатое Андреем Боголюбским, замкнувшего в естественные границы Черемись. Такой успех открыл возможность для вторжения на территории непосредственно к югу от Нижнего Новгорода. Они были заселены преимущественно мордвой, но там были и половцы, подчинявшиеся ротнику владимирского князя Пуреше(у). С мордовским объединением непримиримого Пургаса русские князья воевали, что давало возможность удовлетворить экономические потребности дружин.

В 1220-е гг. наблюдается небывалый в истории Залесской Руси всплеск внешнеполитической активности, построенный на имперских принципах. На востоке поход на болгар в 1220 г. дал начало

цепи событий: мир с булгарами, основание Нижнего Новгорода, 6-летняя война с булгарами, расширение и укрепление Городца, столкновения с мордвой... В эти процессы вовлекались все силы Владимирской Руси. Налицо активная и систематическая деятельность владимирского князя международного и имперского характера в Среднем Поволжье. На Северо-Западе тоже обнаруживаются новые для владимирских князей черты политики. В борьбе за подчинение Новгорода они стали использовать уязвимость его территорий и сфер сбора дани в Прибалтике и неумелость в ответе на вызовы со стороны Ордена, Дании, Швеции. Именно тогда последовал новый вызов — христианизация со стороны Рима, а потому был актуализирован инструментарий религиозной войны, впервые использованный Андреем Боголюбским в 1164 г. Владимирские князья настолько преуспели в этом, что крестили целый народ (впервые после князя Владимира).

Вообще, именно деятельность владимирских князей на северо-западе позволяет представить масштабность их внешнеполитического мышления. Находясь в потоке решения приземленных задач военной экономики, подчинения своей власти конкретных земель, они объективно возвышаются до понимания и защиты общерусских интересов. Это оказалось связанным с внутренней логикой политической истории раздробленной Руси, когда определились структура, расстановка сил, иерархия княжеств. Данные процессы завершились как раз к началу XIII в. Кроме того, дети Всеволода Большое Гнездо оказались первыми князьями, которые чувствовали себя природными правителями Северо-Восточной Руси, и на это их положение никто не покушался (исход битвы на Липице в 1216 г. продемонстрировал это). Они и стали вести себя с полным пониманием задач внешней политики именно Владимирского княжества.

Во всем этом они были не уникальными. Точно так же сыновья Романа Мстиславича оказались первым поколением, родившимся и выросшим с пониманием себя как правителей Галицкого-Волынского (а не только Волынского) княжества. И, когда Даниилу Романовичу с братьями удалось утвердиться на княжеском столе, они принялись реализовывать военно-политические задачи в отношении ятвягов (судавов), типологически близкие к имперским действиям владимирских князей на востоке. Сопоставление внешнеполитических практик северо-восточных практик и юго-западных Романовичей может стать предметом отдельного исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
- Аль Даниил.* Историю Россию рассказывает Санкт-Петербург. СПб.; М., 2001.
- Гимон Т. В.* Тепра (Тепьра) Лаврентьевской и Троицкой летописей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 4. С. 9–14.
- Горский А. А.* Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989.
- Горский А. А.* К вопросу о датировке «Слова о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. LI. С. 313–320.
- Кузнецов А. А.* О достоверности сведения о набеге болгар на Ярославль в 1152 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2006. Сер. Ист. Вып. 2 (6). С. 94–104.
- Кузнецов А. А.* Новгородская политика владимирских князей в 1220-е гг. // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 65–77.
- Кузнецов Андрей.* Политическая история Северо-Восточной Руси в 1211–1218 гг.: источниковедческий аспект // Ruthenica. Київ, 2009. Т. VIII. С. 66–96.
- Кузнецов А. А.* Черемись-мещера Нижнего Поочья // Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности. Саров, 2017. С. 61–65.
- Кучкин В. А.* Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород, 2011.
- Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Кучкин В. А.* Юрий Долгорукий // ВИ. 1996. № 10. С. 35–56.
- Лаушкин А. В.* К сложению негативного образа волжских болгар в летописании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 4. С. 34–37.
- Лурье Я. С.* Предисловие // *Приселков М. Д.* История русского летописания XI — XV вв. СПб., 1996. С. 4–29.
- Мельникова Е. А.* Пашуто Владимир Терентьевич (1918–1983) // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 795–802.
- Мельникова Е. А.* Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и скандинавские страны // ДГ, 2015 год: Экономические системы Евразии в ранне Средневековье. М., 2017. С. 390–440.
- Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пашуто В. Т.* Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм) // ДГ, 2008 год: Пашуто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство: избранные статьи. М., 2011. С. 197–221.
- Петрухин В. Я.* Финские племена и призвание варягов // ВЕДС-XXIV: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 211–216.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997; Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998; Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000; Т. 6: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000; Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007; Т. 23: Ермолинская летопись. М., 2004; Т. 24: Типографская летопись. М., 2000; Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949; Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977.

Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

Шаскольский И.П. Емь и Новгород в XI–XIII веках // Ученые записки ЛГУ. Серия Исторических наук. 1941. Вып. 10. С. 93–115.

XI — «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского // *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII–1270 г. Тексты, перевод, комментарий (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 2002. С. 77–141.

Andrey A. Kuznetsov

IMPERIAL FEATURES OF DIPLOMACY OF THE VLADIMIR PRINCIPALITY AMONG NON-SLAVIC NATIONS

The article deals with the manifestation of imperial trends in the foreign policy (diplomacy) of the Vladimir (Rostov) Principality in 1120–1238. The first part of the article is historiographic. Following the works of V. T. Pashuto, the author considers the phenomenon of foreign policy as identical to the phenomenon of diplomacy. The author argues that V. T. Pashuto, being a representative of the “Moscow historical school”, wrote a book about the foreign policy of Old Rus’ in the style of the “St. Petersburg historical school”. The first part of the article traces the evolution of V. T. Pashuto’s estimation of categories “Empire”, “Imperial” — from negative (in relation to the diplomacy of Byzantium, the German Empire) to neutral-positive (in relation to the nations and tribes in the economic and political orbit of the Old Rus’). V. T. Pashuto’s rehabilitation of the category “imperial” occurred in the period 1968–1982. It is proved that imperial diplomacy was manifested in the era of political fragmentation. The imperial function of foreign policy is defined as expansion and as inclusion of different peoples and cultures in the orbit of statehood. For an effective study of the foreign policy of Old Rus’ in the era of fragmentation, it is necessary to consider the diplomacy of a separate large state entity (principality) in the system of all its directions. There are four aspects of manifestation of imperial diplomacy. One is related to relations with non-Slavic non-Christian peoples who lived in the neighborhood. The impetus for imperial policy in the form of expansion was the military economy. It provided the needs of the princely squads. Their number increased during the period of disunity. The second part of the article is devoted

to the study of the dynamics of the imperial diplomacy of the princes of Vladimir (Rostov) Principality in relation to the neighboring non-Slavic nations of the Volga region, the mouth of the Oka and the Trans-Volga region, Volga Bulgaria and the Finnish peoples of the Baltic Sea basin. The main historical sources for the research are Russian Chronicles (*letopis'*). The evolution of imperial programs and projects is considered in connection with the change of generations of princes. The leaders in subsequent generations were Yuri Dolgoruky (1120–1157), Andrey Bogolyubsky (1157–1174), Vsevolod Bol'shoe Gnezdo (1176–1212), Yuri (George) Vsevolodovich (1212–1216, 1218–1238). Bulgaria became a constant factor of their policy. Andrey Bogolyubsky and Vsevolod Bol'shoe Gnezdo set geographical directions of the expansion. The spread of power to the Volga and the Oka (with the foundation of Gorodets and Gorokhovets) together with the closure of borders around the Cheremis' enclave is considered to be a "project" of Andrey Bogolyubsky. Vsevolod Bol'shoe Gnezdo expanded borders in the north-east direction (Ustyug). These directions were united in the reign of Yuri Vsevolodovich. In 1221, Nizhniy Novgorod was founded and the penetration in the land of the Mordvins began. Yuri Vsevolodovich and his brother Yaroslav developed a strategy to confront the Germans and the Swedes in the South-Eastern Baltic. Part of this strategy was the retention in power of Old Rus' (Novgorod) neighboring Finno-Ugric tribes. An important means of strategy was the use of baptism of the Karelians.

Keywords: V.T. Pashuto, Imperial diplomacy (foreign policy), Vladimir Principality, Volzhskaya Bulgaria, Novgorod, Oka mouth (estuary), Baltic region, Mordva, Cheremis', Karelians, Em'.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-19-41

В. Я. Петрухин

В. Т. ПАШУТО О ДРЕВНЕРУССКОЙ ПРАКТИКЕ РЯДА

Традиционной проблемой формирования русской государственности остается верификация летописной «варяжской» легенды — имело ли место добровольное призвание князей, или варяжское завоевание. Ранняя летописная формулировка о правлении «по ряду по праву» предполагает наличие договора — «ряда» (В. Т. Пашуто). Археологические данные — появление ранних скандинавских комплексов в городах, упомянутых легендой о призвании варягов (Ладога, Новгород), и распределение монетного серебра на связанных с этими городами речных магистралях — позволяют верифицировать летописные данные о «ряде».

Ключевые слова: государственность, ряд, дань, начальное летописание, русь, варяги.

Более полувека прошло со времени издания коллективной монографии «Древнерусское государство и его международное значение» (М., 1965). Монография знаменовала новый этап в изучении Древней Руси, когда сложные проблемы становления государственности могли обсуждаться с той степенью свободы, которая характеризовала «оттепельные» 1960-е годы. Естественно, авторы опирались на марксистские установки советской историографии, подразумевавшей вызревание классового общества в Восточной Европе второй половины I тыс., сложение на местной основе феодальной («раннефеодальной») государственности в конце этого тысячелетия.

Непреодоленным стереотипом советской историографии в эту эпоху оставался «норманизм» — пресловутый варяжский вопрос. Отрицание роли варягов в формировании Русского государства связано было не столько с марксистским формационным подходом (предполагавшим местные «базисные» основы социального развития)¹ и «буржуазным» антинорманизмом XIX в., сколько с

¹ Историографический парадокс заключался в том, что Маркс, опиравшийся на современную ему историографию, придерживался как раз теории норманнского завоевания Восточной Европы.

наследием шовинистической кампании рубежа 1940–50-х гг., видевшей в летописном «призвании варягов» демонстрацию неспособности славян к созданию собственной государственности.

Традиционные сомнения при исследовании летописной традиции испытывал и В.О. Ключевский²: историк предполагал, что призванные по «наемному договору» о «внешней обороне» варяги, нарубили себе «городов» и создали «варяжские княжества»; он писал о летописном «призвании» как об «очень недурно комбинированной юридически постройке начала Русского государства» (Ключевский 1987. С. 155)³. «Подспудно» скандинавские древности начали интенсивно исследовать археологи и историки в те же 1960-е гг. (ср. историографические обзоры: Клейн 2009; Амальрик 2018), но эксплицитно в официальной науке новый подход предложил Б.А. Рыбаков в «установочном» академическом издании «История СССР». Он справедливо настаивал на невозможности завоевания огромных пространств от Новгорода до Киева: «норманский конунг Олег» обманом проник в Киев; эпизод владычества этого «конунга» составил всего три десятилетия. Адепт «исторической школы» в исследовании эпоса и летописных текстов, Рыбаков не мог просто «отмахнуться» от варяжской легенды: он нашел ее «исторические» основы в легенде о призвании англосаксов, занесенной на Русь с беженцами из англо-саксонской Англии (Гидой Гаральдовой) и, стало быть, не связанной с русскими историческими реалиями (Рыбаков 1996. С. 476–573).

Принципиально иной подход к этим реалиям продемонстрировал В.Т. Пашуто. Он исследовал социальную терминологию древнерусских памятников: едва ли не центральным термином в его исследовании оказывался «ряд» — обозначение договора князя с вольным (вечевым) городом, все население которого («весь Киев», «людие вси» и т.п.) он обязывался судить по «Правде».

² Великий историк традиционно относился к представителям «дворянско-буржуазной норманистской историографии» (Шаскольский 1965. С.40).

³ В общем сходную позицию занял Б.А. Рыбаков, усматривавший в Новгородском городище, Гнёздове под Смоленском, летописным Угорском под Киевом *станы*, где обосновались варяги, которые не могли захватить русские города (см. к историографии проблемы — Петрухин 2019. С. 161–180). Польский академик Х. Ловмянский, придерживавшийся в работе 1957 г. официозных установок антинорманизма, признавал реальность утверждения на Руси (в Новгороде и Киеве) скандинавской династии, подчеркивая ее «нейтральность»: опытность в «торговых делах» и «организации походов» делала норманнов полезными как для внешних отношений, так и во внутренних конфликтах (Ловмянский 1985. С. 207 и сл.).

Таким образом, исследованию подлежали не отдельные термины и сюжеты, а *структура* текстов, связанных с характеристикой древнерусского государственного права. Из этих текстов, осторожно писал В. Т. Пашуто, «неизбежно следует, что призвание варяжских князей (если верить летописи) частью земель — членов конфедерации должно было заставить этих пришельцев признавать юридические условия, в определенной мере гарантирующие вечевые права местной знати и ее опорных центров — возникших городов» (См. переиздание упомянутой работы 1965 г. в: Пашуто 2011. С. 63). Пашуто признавал вероятность привнесения легенды о призвании варягов англо-саксонскими беженцами — дружиной Гиды (Там же. С. 184 и сл.).

Сходную позицию заняли исследователи Новгорода, считавшие вечевые порядки исконными, восходящими к родоплеменному праву: «В отличие от норманистских теорий, возводящих установление правопорядка на Руси к призванию варяжской династии, мы видим в истории Новгорода победу традиционной, растущей из местных корней государственности над княжеской, ее бóльшую жизнестойкость и обладание более сильными возможностями» (Колчин, Янин 1982. С. 112). В последующих работах В.Л. Янин развил эти представления, опираясь на данные археологии, прежде всего на открытие скандинавских («княжеских») комплексов на Городище, древнейшем регионе Новгорода, который прямо увязывается с резиденцией призванных варягов: «обстоятельство, превращающее то, что признавалось легендой и тенденциозной выдумкой норманистски настроенного летописца, в достоверный факт истории» (Янин 2004. С. 74)⁴. Даже «формирование государственного бюджета» возводится В.Л. Яниным к прецедентному договору с Рюриком, заключенному в момент его приглашения союзом (ср. конфедерацию в терминах В.Т. Пашуто) северо-западных племен.

⁴ Замечу, кстати, что возведение летописного текста варяжской легенды к «реалиям», в частности, к предполагаемому В.Л. Яниным «синойкизму» — возникновению Новгорода из объединения нескольких городов, поставленных разными племенами, изгнавшими варягов, не всегда учитывает общую тенденцию летописания. В НПЛ последовавшие неурядицы — «всташа градъ на градъ» — явно представляют не специфику новгородской истории, а парафраз популярного в раннесредневековой хронистике библейского сюжета, связанного с установлением правопорядка праведным царем Асой (2. Пар. 15.6): без этого правопорядка — заключения *завета* со Всевышним, «народ будет сражаться с народом (ср. вариант ПВЛ — *В. П.*), и город с городом» (См.: Петрухин 2018б. С. 120–125).

Проблемой оставалась эта «растущая из местных корней государственность», ибо, по характеристике Янина, в эпоху формирования варяжской резиденции на Городище, «на месте Новгорода не поселился ни один житель» (Янин 2004. С. 74). Эту проблему автохтонной государственности в более широком восточноевропейском контексте стремился решить и В. Т. Пашуто, настаивая на политической, а не этнической значимости объединений, называемых в летописи «племенами»; показательно, что представления о политических «племенных конфедерациях» на севере и юге Руси формировались в полемике с осторожными археологическими построениями И. И. Ляпушкина, не видевшего в племенных княжениях древлян и других славян «государственных образований» (Ляпушкин 1968; Пашуто 2011. С. 167–176; Петрухин 2018а). Напомню, что полемика о славянских «политиях» и значении понятия «Славинии» у Константина Багрянородного, начавшаяся с подготовки первого издания трактата «Об управлении империей» (готовился для основанного В. Т. Пашуто «Свода древнейших источников по истории народов СССР» с 1970-х гг.), продолжается по сей день⁵.

Одна из последних работ В. Т. Пашуто посвящена была изданию в 1985 г. книги почитаемого им польского слависта Х. Ловмянського «Русь и норманны». Книга «Проблемы роли

⁵ На значимости Славиний особенно настаивал Г. Г. Литаврин (см., в частности, комментарий 21 к главе 9: Константин Багрянородный 1991. С. 317), подчеркивавший при этом, что термин является ранним книжным византийским конструктом (отэтнонимическим по аналогии со Скифией). У Константина Багрянородного в середине X в. термин перенесен на земли, подвластные формирующейся при Пипине империи Каролингов: сыновья Пипина «господствовали над всеми Франгиями и Славиниями» (Там же. С. 107–108); соответственно в 9 главе, посвященной Руси («росам»), Славинии означают «трибутарные» области «пактиотов» — древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих, к которым «все росы» зимой отправляются из Киева в полюдье. Напомню, что движение данников и данщиков было встречным: с наступлением весны славяне с подготовленным для отсадки русских монохил лесом направляются к Киеву и там *продают* лес росам (Там же. С. 45–47, ср. комментарий автора и Е. А. Мельниковой на С. 316). Этот «обмен услугами» характерен для ранних «трибутарных государств»: «пакт» — дань, которая, согласно трактату Константина Багрянородного, выплачивалась властям после конфликта в результате переговоров (ср. договор о пакте между Пипином и венециками — Там же. С. 108–109), соответствует летописному сюжету о князьях, призванных «володеть» «по ряду по праву».

См. также о Славиниях: (Горский 2004. С. 20–35). Ср. о *Res publica* и частном дележе добычи/дани в варварских германских государствах (История частной жизни 2017. С. 496 и сл.).

норманнов в сложении славянских государств» была издана в Польше в 1957 г. и, естественно, нуждалась в редакции и подробном комментировании. Трудам Ловмянского по истории народов Восточной Европы посвящена вступительная статья В. Т. Пашуто. Комментарии были составлены автором и Е. А. Мельниковой. В 1985 г. ощущались уже послабления в цензурном надзоре с позиций официозной советской историографии, и в комментариях можно было затрагивать «болезненные» проблемы призвания варягов и даже скандинавского происхождения имени *русь*⁶.

Так или иначе, в 1990-е гг., когда возможно стало открытое обсуждение спорных проблем русской истории, Е. А. Мельникова и автор опубликовали работы, посвященные проблемам договора «ряда» в становлении государственности и месту легенды о призвании варягов в формировании древнерусской историографии (Мельникова, Петрухин 1991; 1995)⁷. Термин «ряд» в редакциях варяжской легенды, включая претендующую (со времен А. А. Шахматова) на наибольшую древность новгородскую летопись (НПЛ. С. 106): «князя поищемъ, иже бы владѣль нами и *рядиль* ны по праву». Развернутая формулировка дана в Ипатьевской летописи, где требуется, чтобы призванный князь «рядиль по ряду по праву» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14). Эта тенденция, проявившаяся в позднейшей — третьей по Шахматову редакции ПВЛ, позволяет поставить под сомнение историчность конструкции «ряда» с призывающими племенами. Показательно, что исследователи игнорируют проблему «ряда» в монографии, прямо продолжающей тематику книги «Древнерусское государство» (Горский, Кучкин, Лукин, Стефанович 2008; ср. о новгородской гипотезе В. Л. Янина: Лукин 2014. С. 58–59) и даже в статьях, предвещающих переиздание работ В. Т. Пашуто (Пашуто 2011. С. 5–26). Общим местом для скепсиса в отношении историчности описываемых в призвании событий остается легендарность

⁶ В том же году Ленинградским университетом издана была книга Г. С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе», значительная часть которой была посвящена «варягам на Руси» и проблемам, затронутым в комментариях к книге Ловмянского.

⁷ Е. А. Мельникова в специальной работе (Мельникова 2011. С. 249–256) подчеркнула сходство договорных отношений с норманнами на Западе (прежде всего в Англии) и на Руси. Параллели показательны, тем более что в собственно древнерусской (да и скандинавской, представленной сагами) традиции Северная Европа — единый культурный и политический регион. Другое дело, что система коммуникаций на Западе Востоке была принципиально различной: отсюда *викинги* (норманны) на «морском» Западе и *русь* на «речном» Востоке (см. Петрухин 2017. С. 202–208).

(неверифицируемость) самого призвания или «нарративность»/ неисторичность начального летописания в целом (Стефанович 2012. С. 570; Толочко 2015).

Более определенные возражения связаны с пониманием самого термина «ряд», означающего не договор, а порядок, восстанавливаемый призванными варягами после конфликта с ними и нового призвания; особая отмеченность ряда в Ипатьевской редакции традиционно относится к позднему редактированию (Флоря, Турилов 2009. С. 38–39; Петрухин 2018а). Но во всех редакциях призванные князья должны рядить *по праву*, отражающему требования призывающей стороны, что не может исключать договоренности: термин *ряд*, как показал В.Т. Пашуто, как правило, употребляется в летописных контекстах, связанных с конфликтами города и князя (Словарь древнерусского языка 2013. С. 541 и сл.).

Давно поставленные проблемы касаются *в первую очередь* летописной текстологии. Лаврентьевская редакция ПВЛ (ПВЛ. С. 13) не знает термина «ряд» в варяжской легенде: призванные князья должны «судить по праву», и в этом отношении отличается от цитированной редакции НПЛ, отражающей, как считается, первоисточник текста легенды — т.н. Начальный свод. Здесь и возникают давно отмеченные сложности: Лаврентьевская редакция не знает города, который стал резиденцией призванного Рюрика. Упоминание Новгорода восстанавливается по более поздним спискам (ПВЛ. С. 404; ср.: Гиппиус 2007; Вилкул 2008). Древнейшей версией варяжской легенды остается ипатьевская, согласно которой три князя «придоша къ словѣномъ пѣрвѣ . и срубиша город Ладогу . и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикѣ», и лишь затем, по смерти братьев, Рюрик «пришед къ Ильмерю и сруби город надъ Волховом и прозваша и Новгород и сѣде ту княжа» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14)⁸.

Исследователи Ладоги отстаивают ее приоритет как «древней столицы» (Ср.: Мачинский 2002; Кирпичников, Сарабьянов 2013): ранние городские напластования Ладоги относятся к середине VIII в.; все этнические компоненты, участвующие в призвании варягов, обнаруживаются в ладожских древностях. В.Л. Янин допускает «кратковременную остановку» Рюрика в Ладоге на волховском пути к Новгороду (для смены морских судов

⁸ Этой редакции следовал в упомянутом построении Ключевский.

на плоскодонные гребные), настаивая на мифичности мотива основания Рюриком Новгорода (Янин 2007. С. 208); добавлю, что и Ладога существовала задолго до летописного призвания. Проблема в том, что понимать под летописным «сруби» — если речь идет просто об укреплении существующих поселений, то города не были основаны Рюриком, а укрепление или даже поселение на *Городище* (топоним и означал укрепленное поселение) могло *восприниматься* как основание Новгорода. Понимание древнейшей истории этих городов, инициаторов «ряда», во многом зависит от дальнейших раскопок⁹.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Амальрик А. А.* Норманны и Киевская Русь / Науч. публикация, предисловие и комментарии О. Л. Губарева. М., 2018.
- Вилкул Т.* Ладога или Новгород? // *Palaeoslavica*. 2008. XVI/2. P. 272–280.
- Горский А. А.* Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
- Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя / Отв. ред. А. А. Горский, В. А. Кучкин. М., 2008.
- Гитиус А. А.* Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 213–220.
- История частной жизни / Под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М., 2017. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия. Пер. с франц.
- Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога: Первая столица Руси. СПб., 2013.
- Клейн Л. С.* Спор о варягах: история противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.
- Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под ред. Б. А. Колчина и В. Л. Янина. М., 1982. С. 3–137.
- Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. / Под ред. В. Л. Янина. М., 1987. Т. 1.
- Ловмянский Х.* Русь и норманны / Пер. с польского. Общая редакция В. Т. Пашуто, В. Л. Янина, Е. А. Мельниковой. М., 1985.
- Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014.

⁹ См. последнюю работу о раскопках на Городище, возглавлявшихся Е. Н. Носовым (Носов, Плохов, Хвошинская 2017).

- Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. (МИА. №152). Л., 1968.
- Мачинский Д.А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 г. СПб., 2002.
- Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. М., 2011.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ, 1990 год: Материалы и исследования. М., 1991. С. 219–229.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2. С. 44–57.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 // ПСРЛ. Т. 3 (репринт издания под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950).
- Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвоцинская Н.В.* Рюриково Городище: Новые этапы исследования. СПб., 2017.
- Пацуто В.Т.* Русь. Прибалтика. Папство: избранные статьи. (ДГ, 2008 год). М., 2011.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–X вв.: от призвания варягов до выбора веры. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2017.
- Петрухин В.Я.* К полемике о договорных отношениях и начале древнерусской государственности // Stratum plus. № 5. 2018. С. 131–142. (а)
- Петрухин В.Я.* «Начаша владѣти сами собѣ и *городы ставити*»: археология и источники варяжской легенды // Земли родной минувшая судьба...: к юбилею А.Е. Леонтьева / Отв. ред. А.В. Чернецов. М., 2018. С. 120–125. (б)
- Петрухин В.Я.* Русь христианская и языческая. СПб., 2019.
- ПВЛ — Повесть временных лет. СПб., 2007.
- ПСРЛ Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь // История СССР с древнейших времен до наших дней / Гл. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1966. Т. 1. С. 476–573.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. В.Б. Крысько. М., 2013. Т. X.
- Стефанович П.С.* «Сказание о призвании варягов», или *Origo gentis russionum?* // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 514–583.
- Толочко А.П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.
- Флоря Б.Н., Турилов А.А.* Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2009. С. 31–80.
- Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. Л., 1965.

Янин В.Л. Средневековый Новгород. М., 2004.

Янин В.Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности / Отв. ред. Е.Н. Носов, А.Е. Мусин. СПб., 2007. С. 205–212.

Vladimir Ya. Petrukhin

VLADIMIR T. PASHUTO ON THE OLD RUSSIAN PRACTICE OF
A TREATY-RJAD

The traditional problem of formation of the Russian statehood is the verification of the annalistic “Varangian” legend — whether there has been a voluntary calling the princes in, or a Varangian conquest. Early Chronicle formula “to rule and judge according to the Rjad and Law” implies the existence of a treaty-*rjad* (V. T. Pashuto). Archaeological evidence — the emergence of early Scandinavian complexes in the cities mentioned in the legend of the calling-in of the Varangians (Ladoga, Novgorod) and the distribution of silver hoards along these cities river roads allow to verify the Chronicle’s data on the *rjad*.

Keywords: Old Russian State, *rjad*, tribute, the *Primary Chronicle*, Rus’, Varangians

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-42-50

ДОГОВОРЫ РУСИ С ГРЕКАМИ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. Елифёрова

АНГЛОСАКСОНСКИЙ СЛЕД В ДОГОВОРАХ РУСИ С ВИЗАНТИЕЙ

Статья посвящена пересмотру некоторых прочтений имен русских послов в договорах с Византией от 911 и 945 г., в первую очередь «Актеву» и «Инегелдь». Приводятся лингвистические и исторические соображения в пользу того, что отдельные имена из этих перечней могут быть англосаксонскими.

Ключевые слова: Актеву; англосаксы; договоры Руси с Византией; ономастика

1. Загадочный «Актеву»: возможное объяснение

Некоторые имена послов от Руси, фигурирующие в греко-русских договорах из ПВЛ, традиционно считаются нечитаемыми. К их числу принадлежит имя *Актеву* из договора Олега 911 г. Его не смогли идентифицировать А. В. Циммерлинг (Циммерлинг 2012. С. 1) и Дж. Линд (Lind 2009. P. 28, note 3). Последний транслитерирует это имя латиницей как *Aktevu* и замечает, что это единственное имя в списке, скандинавское происхождение которого сомнительно. Большинство современных специалистов, рассматривающих текст договора, оставляет данное имя без комментариев.

В прошлом попытки его идентификации все же имели место среди зарубежных исследователей. Так, С. Х. Кросс в своем переводе «Повести временных лет» отождествил его со скандинавским именем *Ангантюр* (*Angantyr*) (Cross 1953. P. 65–66). Какой-либо филологический комментарий к проблеме имен послов в договорах у него отсутствует — он лишь глухо ссылается на то, что для восстановления «искаженных» имен пользовался написанной еще в XIX в. работой В. Томсена «Отношения между Древней Русью и Скандинавией и происхождение русского государства» (Ibid. P. 236, note 38). Однако обращение к изданию, о котором идет речь у Кросса, и к тем страницам, на которые он ссылается, показывает,

что на этих страницах список реконструированных имен послов неполон — в частности, упомянутый *Актеву* отсутствует (Thomsen 1877. P. 71–72). Реконструкция Актеву как Ангантюра есть только в приложении и дана как гипотетическая: ‘Aktevu (912)¹ = O.N. *Angantýr* (A.S. *Ongenþeów*)?’ (Ibid. P. K1). Томсен также не приводит никакой аргументации в пользу своего предположения.

Как нам представляется, идентификации имени *Актеву* до сих пор мешала презумпция, что его следует истолковывать из северогерманской ономастики и, даже более узко, из древнеисландской. Возможность западногерманской (англосаксонской) трактовки, бегло намеченная у Томсена, осталась не развитой и не замеченной последующими исследователями. Лишь в 2017 г. вышла работа С.Л. Николаева, который попытался сопоставить это имя с именем *Эгтеов* из «Беовульфа» (Николаев 2017. С. 26). К сожалению, недостаточно зная древнеанглийский материал и находясь в плену своей идеи «особого русско-варяжского диалекта», якобы отделившегося от известных северогерманских языков «не позднее VIII в.» (Там же. С. 15, примеч. 23; см. также С. 31), Николаев двинулся в ошибочном направлении — что привело его к недоуменным рассуждениям, откуда на русской почве взялось *Ак-* вместо ожидаемого *Ег-*.

Между тем при обращении к древнеанглийскому языку загадочное *Актеву* приобретает вполне опознаваемый вид — *Ácþēow*. В таком виде оно легко читается как типичное германское двусоставное имя. Оно не зафиксировано в единственном имеющемся на сегодняшний день словаре англосаксонских имен (Searle 1897), но оба его компонента по отдельности в ономастике англосаксов хорошо известны.

По крайней мере, насчет второго элемента Томсен и Николаев оказались интуитивно правы. Имя *Ongenþeów*, ошибочно записанное у Томсена как *Ongenþeów* (на самом деле в дифтонге здесь долгий первый гласный, а не второй), фигурирует в поэмах «Беовульф» и «Видсид» как имя легендарного шведского короля VI в. Идущая от XIX в. традиция отождествлять его с легендарным же Ангантюром поздних саг о древних временах сомнительна ввиду слабости сюжетных параллелей и опирается только на созвучие имени, которое недостаточно убедительно. Во всяком случае, скандинавский элемент *-týr* является отчетливо теофорным, связанным

¹ Томсен дает датировку договора 912 г., принятую в то время.

с именем бога Тюра (протогерм. **Tiwaz*, **Teiwaz*, где с самого начала было Т), в отличие от англосаксонского элемента *-þēow*, в исторически засвидетельствованную эпоху означавшего «заложник» или «раб»². Ч.М. Эска указывает на его древнесеверный и готский когнаты — *þú* и *þiwi* соответственно, оба в феминитивных вариантах (Eska 2011. Р. 35). Смешение компонентов *-þēow* и *-týr* и попытки выводить первый из прагерманского **Tiwaz*, всё ещё встречающиеся в современных работах, таким образом, ошибочны.

Подробное обсуждение компонента *-þēow* и его бытования представлено в работе С. Юрасинского (Jurasiński 2007), где демонстрируется, что имена с компонентом, этимологически означающим «раб» или «заложник», нередко в ономастике германской знати. Исторические причины этого явления обсуждать здесь не будем, это увело бы нас далеко в сторону.

За исключением аномального имени королевы в «Беовульф» — *Wealhþēow* — во всех остальных известных случаях компонент *-þēow* представляет собой вторую часть мужских имён. Кроме *Ongenþēow*, засвидетельствованы также *Ecgþēow* (тоже в «Беовульф»), *Incganþēow* (в поэме «Видсид») и *Angelþēow* (Jurasiński 2007. Р. 710, note 35). Последнее имя имеет отношение не к ангелам, а к англам. Ангельтеов — единственный персонаж, который фигурирует в документальном источнике («Англосаксонская хроника»). Он считается родоначальником королей Мерсии и, возможно, был реальным историческим лицом V в. (Searle 1897. Р. 70)³. Таким образом, все носители имен с этим компонентом связаны с королевскими династиями вендельской эпохи.

Некоторую проблему составляет то, что все известные носители имени с компонентом *-þēow* — легендарные или полуполулегендарные, и исторические лица с такими именами, за исключением ненадежного случая Ангельтеова, вне поэтических текстов не засвидетельствованы. Однако это не значит, что их не было. В конце концов, обнаружили же в Древней Руси реальных Боянов, хотя когда-то это имя было известно только по «Слову о полку Игореве»⁴.

² Не следует также путать его с раннесреднеанглийским компонентом *-þeof*, заимствованным из скандинавского *þjófr* «вор», хотя, возможно, сами носители среднеанглийской традиции и смешивали их. Обсуждение этого компонента см. (Edmonds 2015).

³ Другие источники дают имя этого персонажа как *Angelgeot* и *Angengeat*, хотя они представлены более поздними списками.

⁴ «А передь тими послухы купи землю княгыни Бояню вьсю». Граффито XII века. (Высоцкий 1964. С. 113).

Во всяком случае, чрезвычайно интересно то, что носитель такого имени считался прародителем династии Мерсии. В 877 г. датские викинги, аннексировавшие восток Великобритании, произвели раздел Мерсии, в результате которого значительная ее часть отошла в область т.н. Денло — «датского закона», как именовались датские владения в Британии. В 911 г. — как раз в год заключения Олегова договора — скончался престарелый Этельред Мерсийский, который правил оставшейся частью королевства как вассал Уэссекса, и через семь лет Мерсия прекратила существование окончательно. У родственников королевского дома Мерсии было достаточно причин искать счастья за морем, влившись в среду знатных викингов. То, что наш «Актеву» оказался в числе участников важного дипломатического соглашения, безусловно говорит о нем как о статусном лице и отвечает тому, что известно о носителях имени с компонентом *-hēow* в поэзии и «Англосаксонской хронике»⁵. Не был ли он родичем мерсийских королей?

Переход на русской почве из *ēow* в *ewu* не является ни ошибкой, ни метатезой. Как бы ни было записано это имя в оригинале договора — греческими буквами или латиницей (к этому вопросу мы еще вернемся ниже), — в средневековой рукописи *ēow* могло иметь вид либо *éou*, либо *eoui*. Способ изображения *w* как *ui* был достаточно обычным в континентальной практике X в. и вообще в латинской передаче германских имен. Собственно древнеанглийская письменность предпочитала использовать руну *p* для обозначения *w*, однако диграф *ui* в этом качестве не был ей неизвестен (Hogg 1992. P. 76). Так или иначе, древнерусский переводчик увидел в тексте имя, которое для него звучало как *Актеу*, и в силу исторически характерной для русского языка нетерпимости к зиянию гласных вставил туда *в* — по той же модели, по какой получались *кивот* из *киот* и *Увар* из *Уар*.

Что касается первого компонента имени *Ак-*, он распознается просто и надежно. Это англосаксонская основа *āc* «дуб», которая хорошо засвидетельствована именно как начальный элемент двусоставных мужских англосаксонских имен: *Ācbeald*, *Ācbeorht*, *Ācfriþ*, *Ācwulf* (Searle 1897. P. 2). Итак, прочтение имени *Актеву* как *Ācþēow* не только удовлетворительно с лингвистической точки зрения, но и подкрепляется с самых разных сторон — сведени-

⁵ О функционировании династических имен у германцев и комбинировании основ в двусоставных именах см. напр.: Успенский 2001.

ями о бытовании его компонентов в англосаксонской ономастике (гендерная принадлежность, порядок расположения в имени), о графическом оформлении *w* в раннесредневековых рукописях, а также (косвенно) — о геополитической и династической истории англосаксов.

2. Англосаксы и грамотность

Актеов, возможно, был не единственным англосаксом в списке делегатов «от рода русского». Имя *Ингелдъ*, традиционно интерпретируемое как древнесеверное *Ingjald*, может быть англосаксонской формой того же имени — *Ingeld*, *Inegild* (Searle 1897. P. 315–316). Совершенно нет оснований усматривать в ней, как это делает С. Л. Николаев, следы неизвестного «русско-варяжского» диалекта (Николаев 2017. С. 30) — форма *In(e)geld*, если это не обычное фонетическое упрощение на русской почве (наподобие *Астафий* < *Евстафий*), надежно объясняется из древнеанглийского.

Само по себе северогерманское имя *Ingjald* вторично по отношению к англосаксонскому *In(e)geld*. Что интересно, это имя, в отличие от имени *Асфёов*, хорошо известно по источникам (Searle 1897), и оно, как и имена с компонентом *-feow*, принадлежит полубогородному королю вендельской эпохи, который относится, так сказать, к апокрифической части династии Инглингов (VII в.). В Скандинавии эпохи викингов оно встречается редко (из-за ассоциации с отрицательным персонажем, поскольку легендарный Ингельд-Ингьяльд был злодеем) и не входит в ономастикон королевских династий. Поскольку «Ингельд» в договоре идентифицируется стопроцентно надежно, это косвенно подтверждает реконструкцию *Актеву* как «Актеов»: в X в. действительно еще бытовали имена, уцелевшие от вендельской традиции и не засвидетельствованные мейнстримными родословными западноевропейских королей. Наиболее логично предположить, что на Руси оказались побочные родственники Инглингов (такой сложный вопрос, как историческая реальность династии Инглингов и причисление к ней разнообразных королевских домов, мы здесь не станем рассматривать — достаточно самоидентификации как англосаксонских, так и скандинавских королей в качестве их потомков). Это вполне ожидаемо: представители периферийных ответвлений рода, вытесненные из политической жизни в Англии или Скандинавии, должны были попытаться найти неосвоенную нишу.

Присутствие в свите Олега англосакса или англосаксов, вероятно принадлежавших к высшей знати, поднимает ряд любопытных вопросов. На первый из них ответить сравнительно легко — это вопрос о конфессиональной принадлежности Актеву-Актеова. Разумеется, в 911 г. англосакс высокого социального происхождения не мог быть язычником — он должен был быть крещен. Договор Игоря 945 г. прямо упоминает о смешанном конфессиональном составе «руси» — отдельно прописан протокол клятвы для язычников и для христиан. Олегов договор не говорит специально о наличии христиан среди его послов, но не упоминает и специфически языческих верований или ритуалов, кроме клятвы на оружии (вопреки летописной статье 907 г., указывающей, что русы клялись Перуном и Велесом по языческому обряду). Как нам представляется, ничто не мешает считать, что состав посольства Олега 911 г. также был смешанным и что в нем присутствовали и христиане. Вообще религиозная индифферентность германских воинов раннего Средневековья — тема сама по себе достаточно любопытная, хотя и неприятная для мифологов и религиоведов, которые хотят видеть в эпоху викингов бинарную картину конфликтующих идеологий. Эта тема затрагивалась, в частности, Е. А. Мельниковой (Melnikova 2011), у которой приводятся такие курьезы, как многократное крещение одного и того же скандинава. Присутствие в Олеговом посольстве англосакса, номинально христианина, но не особенно интересующегося вопросами веры, вполне вписывается в общую картину. Уверенное утверждение С. М. Каштанова, что «в 911 г. среди русских послов христиан не было» (Каштанов 1996. С. 52), в этом свете выглядит слишком поспешным.

Куда более важные последствия для наших представлений обо всем контексте заключения договора несет то, что представитель высшей англосаксонской знати начала X в., в особенности если он был выходцем из Денло, безусловно должен был быть знаком с письменностью — в том числе как инструментом правовых отношений. К 911 г. англосаксы имели за плечами уже внушительную традицию письменности не только на латыни, но и на родном языке. Расхожие представления связывают расцвет англосаксонской письменной культуры преимущественно с уэссекской традицией и королем Альфредом Великим, однако в Мерсии уже в VIII в. существовало развитое по тем временам письменное делопроизводство, в том числе на английском, и именно мерсийских ученых

Альфред Великий привлек для своего проекта по созданию англоязычной книжности (Тоон 1992. Р. 418).

Именно из Англии известен первый прецедент письменного договора со скандинавами — договор 886 г. короля Альфреда с датским конунгом Гутрумом. Отметим, что за пределами Руси таких договоров известно всего два, и оба английские. Франкские короли заключали договоры с викингами неоднократно, но нет никаких сведений, что сам договор при этом фиксировался в письменном виде (подробно см.: Мельникова 2012). Поскольку между заключением договора Гутрума и договора Олега прошло всего 25 лет, присоединившемуся к варягам англосаксу прецедент должен был быть хорошо известен хотя бы понаслышке.

Это разрешает недоумение как скандинавистов, так и русистов по поводу прагматики второго экземпляра договора: если хотя бы один из делегатов умел прочесть договор и подписаться, этого было вполне достаточно, и если грамотность восточного славянина или викинга для 911 г. крайне маловероятна, то грамотность англосакса для того же времени не вызывает удивления. И следовательно, смущающие историков обороты «имена наша» и «своею рукою» в договоре 911 г. действительно относятся к русским послам, нет нужды предполагать, что речь идет о византийской стороне (ср.: Каштанов 1996. С. 52–53). Единственный грамотный англосакс мог расписаться своей рукой за всех представителей посольства. Вместе с тем это возвращает нас к вопросу, который стоит в любом случае, но практически игнорируется современными исследователями: на каком языке и каким алфавитом были записаны экземпляры договоров, доставшиеся летописцам?

3. Проблема языка и письма договоров

Начиная с XIX в. (обзор старых работ см.: Истрин 1925) традиционно считается, что все три летописных договора русских князей с Византией были составлены на греческом и с него переведены на славянский, возможно, на южнославянский («древнеболгарский»); вопрос стоит лишь о времени перевода — непосредственно в момент заключения договора или уже в эпоху создания ПВЛ. Единственный за последние сто лет обобщающий лингвистический анализ договоров был проведен С.П. Обнорским в 1936 г., который признал славянскую версию договора 911 г. (в его работе — 912 г.) современной его заключению — по его мнению, перевод был выполнен «болгарином на болгарский

язык» (Обнорский 1936. С. 102–103). К данному выводу Обнорский подводит путем нехитрой операции — объявляя «болгаризмами» или признаками глубокой древности все церковнославянские элементы языка текстов, включая такие, которые свободно употреблялись в русской церковной книжности даже в XVII — XVIII вв. (неполногласие и использование аориста). Для того, чтобы объяснить наличие восточнославянских элементов в том же тексте, ему приходится соорудить двухступенчатую конструкцию с последующим русским редактором текста. Деликатный социологический вопрос, кем же мог быть этот носитель кирилло-мефодиевской грамотности, присутствовавший при заключении договора, и могла ли сторона «от рода русского» прочесть этот текст, им обходится.

Работа Обнорского появилась в 1936 г., в период становления официального советского патриотизма в историографии, установки которого требовали, с одной стороны, максимального удревления русской письменности, с другой стороны, затушевывания роли церкви в распространении грамотности. С тех пор его выводы практически не пересматривались и не комментировались. Так, чрезвычайно беспомощная глава «Договоры русских с греками» из учебного курса Б. А. Ларина (Ларин 2005 (1975). С. 27–63), претендующая на полемику с Обнорским, в действительности лишь усиливает его выводы: Ларин отрицает переводной характер договоров, настаивает на том, что тексты были записаны сразу на древнерусском, а не «болгарском», как утверждал Обнорский, и на наличии дохристианской русской письменности; из собственно лингвистической стороны им рассмотрена лишь лексика (наличие восточнославянизмов). Разумеется, в настоящее время декларации Ларина о существовании в дохристианской Руси развитой письменной литературы не могут рассматриваться всерьез: они были анахронизмом уже для 1975 г. и оказали мало влияния на последующие работы в этой области.

Одни современные исследователи (в основном нелингвисты) продолжают некритически повторять как мнение Обнорского о том, что славянские тексты договоров были созданы в момент их заключения, так и его аргументацию (Бибииков 2005. С. 5; Стефанович 2013. С. 22). Другие, признавая неправдоподобие «болгарского» и тем более восточнославянского писаря при Вещем Олеге, склонны возвращаться к точке зрения В. М. Истрина, предположившего, что переводы документов с греческого были

сделаны лишь в XI в. (Истрин 1925. С. 391–393; ср.: Малингу-ди 1997. С. 85–87). При этом остаются неясными вопросы, трудность которых признавал сам Истрин — где все это время хранились данные документы и как они попали на Русь. Наиболее обстоятельным обзором проблематики и историографии изучения русско-византийских договоров по сей день остается глава из книги С.М. Каштанова (Каштанов 1996. С. 4–57), который также уклонился от вопроса о происхождении славянских переводов и некритически повторяет выводы исследователей XIX — начала XX в. о большей «архаичности» славянского языка перевода 911 г. На практике, поскольку, как уже говорилось, отмеченные Обнорским «архаизмы» являются церковнославянизмами, объяснение стилистического различия договоров может сводиться к тому, что их попросту раздали разным переводчикам.

Следует отметить, что Истрин, в отличие от Обнорского, вообще не производил лингвистического анализа текстов (за исключением толкования отдельных слов), что же касается работы Обнорского, то она не только устарела — с 1936 г. мы узнали о древнерусском языке гораздо больше, чем было доступно ее автору, — но и поверхностна с методологической точки зрения. Обнорский рассмотрел только лексику и отчасти грамматику, вообще не касаясь фонетики и возможной системы передачи, например, личных имен в транскрипции с греческого на славянский и обратно. Кроме того, он не утруждал себя сопоставлением различных списков ПВЛ, в составе которых до нас дошли договоры, и не работал с реальным написанием текстов в рукописях.

В настоящее время этот аспект договоров исследован крайне плохо. Я. Малингуди попыталась реконструировать среднегреческий текст договоров, и ею сделаны некоторые ценные наблюдения по поводу калек с греческого в текстах, но тема транскрипции имен осталась незатронутой (Малингуди 1996. С. 86). Как это ни удивительно, со времен Обнорского договоры не становились предметом квалифицированного лингвистического разбора, кроме как со стороны немногочисленных германистов, и ни разу не были проанализированы специалистом, имеющим навыки в области переводоведения⁶.

⁶ Во времена Обнорского, разумеется, не существовало теории перевода как научной дисциплины — она сложилась к 1970-м гг. Однако неосведомленность современных исследователей, занимающихся проблемами переводных источников, о разработках в этой области удручает.

В свою очередь, германисты, обращавшиеся к данной теме, опускают проблему греческого посредства, рассуждая так, как если бы имена послов передавались непосредственно со скандинавского на славянский (Melnikova 2011a. С. 263–264; Циммерлинг 2012). Двадцать лет назад Е. А. Мельникова на основании особенностей орфографии пришла именно к такому выводу: «древнерусские формы скандинавских имен не несут ни малейших следов, указывающих на то, что в древнерусский текст они попали через греческое посредство» (Мельникова 1997. С. 84–85). Однако ее ссылка на мнение Б. А. Ларина, которому приписано предположение, что «имена участников заключения договоров дошли до летописца отдельно от грекоязычных текстов договоров» (Там же), неточна, так как Ларин вообще отрицал, что летописец имел дело с греческими текстами, и считал соответствующие экземпляры договоров сразу записанными на восточнославянском (о чем мы упоминали выше)⁷ — в то время как Мельникова признает факт перевода договоров с греческого (Там же).

Ф. Б. Успенский также полагает, что «скандинавские имена попали в текст договоров, минуя греческое посредство» (Успенский 2002. С. 132, примеч. 67). Как мы покажем ниже, наблюдения, сделанные германистами над орфографией скандинавских имен в договорах, справедливы: многие формы написания имен необъяснимы, если предполагать транслитерацию с греческого на кириллицу. Однако это порождает вопрос, **как вообще греческое посредство можно было «миновать» и откуда славянский переводчик взял германские формы имен.** На этот вопрос ответить мало кто пытался.

До сих пор не было проведено системного анализа фонетики и орфографии имен из договоров с учетом данных среднегреческого и древнерусского языков, а также разночтений в разных списках. Единственной попыткой в этом роде — и крайне неудачной — является упоминавшаяся выше статья С. Л. Николаева (Николаев 2017), которая содержит ряд интересных частных наблюдений, безнадежно скомпрометированных тем, что автор подгоняет их под свою концепцию (напомним, идея Николаева состоит в том,

⁷ Кроме того, в действительности Ларин практически не комментирует имена и их написания, а в тех случаях, когда это делает, совершает ряд грубых ошибок — так, имена *Глѣбъ* и *Прастѣнь* / *Фрастѣнь* он идентифицировал как славянские, а *n* и *φ* считал взаимозаменяемыми в обе стороны, утверждая, что *φ* могла передавать славянский звук [р].

что варяги, составлявшие правящую элиту на Руси, были носителями особого «русско-варяжского» диалекта, отделившегося от других северогерманских языков еще в довикингскую эпоху).

Поскольку тема греческо-славянского фильтра при передаче скандинавских имен требует специального обширного исследования, коснемся лишь некоторых наиболее очевидных моментов. В среднегреческом языке присутствовали губные [v], [f] и [p], передававшиеся буквами β, φ и π соответственно, но отсутствовал [b]. Современный греческий для передачи [b] в заимствованных словах использует диграф μπ. Однако и в германских, и в славянских языках X в. присутствовали как [b], так и [v]. Вместе с тем распределение [p]/[f] в германских и славянских языках имело свою специфику: в древнесеверном и древнеанглийском сравнительно редким был [p] в исконных словах, тем более в ономастике, в древнерусском же (до оглушения согласных на конце слога) не встречался [f]. Следовательно, в германских именах, прошедших через двойную передачу — греческую и славянскую — должно наблюдаться смешение губных. Как обстоит дело с этим в договорах?

1. Договор 911 г. недостаточно показателен ввиду краткости списка имен. Единственный наблюдаемый случай смешения губных — на концах имен *Фарлофъ*, *Рулавъ* и *Фрелавъ*, реконструированных Е. А. Мельниковой как *Farláfr*, *Hróðláfr* и *Friðláfr*. Какой буквой передавали греки конечное скандинавское f, в эпоху викингов озвонченное (Стеблин-Каменский 1953. С. 122–123)? Написание *Фарлофъ* на фоне *Рулавъ* и *Фрелавъ* может интерпретироваться по-разному, в том числе как продукт поздней переписки, так как оглушение согласных на конце слога после падения редуцированных началось уже в XIII в. (Галинская 2009. С. 98–99; Горшкова, Хабургаев 1981. С. 75–76), и, следовательно, *Фарлофъ* могло стоять в общем протографе дошедших до нас списков ПВЛ.

2. В договоре 945 г. есть безусловные следы греческого — написания *сф* на месте этимологического скандинавского *sv* в *Сфандръ* и *Сфирка*⁸ (ср. передачу имени Святослава византийскими источниками в форме Σφενδοσθλάβος). Таким образом, мнение, что в написании имен полностью отсутствуют следы греческого, представляется неточным. Ср., однако, в том же тексте *св* в дважды повторенном имени *Свънь* (второй раз с гласным *е*).

⁸ Интерпретируются как *Svanheiðr* и *Sverrir/Sverkir*. См. напр.: Циммерлинг 2012.

3. Замена *п* и *ф* в *Прастенъ* / *Фрастенъ* принадлежит славянскому переводчику или переписчику и неинформативна для установления языка и письменности оригинала.

4. В остальных случаях разграничение губных проводится вполне последовательно и этимологически верно (если вынести за скобки имя *Анубкаръ* / *Пубксаръ*, которое пока не удалось убедительно опознать ни нам, ни нашим предшественникам, и которое может быть негерманским): например, *Турбернь* и *Бруны* при *Алвадъ* и *Ангивладъ* / *Иггивладъ*, а также *Веремудъ* из договора 911 г.

5. Формы имен с *б* на месте ожидаемого скандинавского *f* (*Ульбъ*, *Адолбъ*) имеют надежные фонетические объяснения на германской почве.

6. Кроме того, германский межзубный спирант [ʁ] в начале имен последовательно передается через *т*, как в современном русском: *Турдуви*, *Турбернь*, *Турьбридъ* и др. На самом деле этот способ передачи далеко не очевиден, так как греческий язык располагал и располагает межзубным спирантом, обозначаемым буквой *θ*. Приходится предположить либо странный каприз, по которому греки, имея подходящую букву для передачи германского [ʁ], использовали вместо нее *т*, либо необыкновенную осведомленность древнерусского переводчика в скандинавской ономастике и правилах ее фонетического пересчета на русский язык даже вопреки принятым в Древней Руси практикам транскрипции — поскольку греческая «тета» традиционно передавалась русской «фитой», графически почти идентичной, но читавшейся как [f].

В единственном случае, однако, наблюдается смешение межзубного спиранта с губным [f] — в имени *Фурьстенъ* из договора 945 г., поскольку это, безусловно, скандинавское имя *Þorsteinn*. Следует предполагать, что в греческом оригинале стояла «тета». Однако списки ПВЛ, по-видимому, все используют «ферт» (судя по дореволюционным изданиям; эти сведения еще нуждаются в уточнении по факсимильному изданию). С.Л. Николаев обратил внимание на этот факт, но не прокомментировал его должным образом.

7. Что касается прочих звуков, то разночтение Лаврентьевской и Ипатьевской летописей *Иггивладъ* / *Ангивладъ* может указывать на греческую запись имени с удвоенной *γ* для передачи назализации. Однако написание в Л может быть также продуктом гиперкоррекции, ведь древнерусским писцам были известны такие пары, как *Лонгин* / *Логгин*. В таком случае в протографе все же

стояло *Ингивладъ* (начальное *a* в Ипат. — тривиальная диссимиляция по образцу *Ирина > Арина*). Суждение Е. А. Мельниковой (Мельникова 1997. С. 89) о процессах деназализации в X в. на основании известных по другим источникам греческих написаний имени *Игорь* (Ἰγγωρ) нуждается в уточнении: славянские языки не располагали носовым [ŋ] и тем более назализированной формой [i], и у славян было только две опции — либо полностью избавиться от назальности, либо передать начальное *in* через [ĕ] носовое, обозначавшееся малым юсом *ǫ*; но в последнем случае это дало бы на русской почве **Ягорь*. Таким образом, написания имени Игоря в засвидетельствованных греческих источниках говорят лишь о том, что он представлялся грекам на скандинавском, а не на славянском, и не отражают процесса «славянизации» его имени в русской среде. Поздние же переписчики договоров ПВЛ безусловно писали его имя в той форме, которая была им известна и привычна: мы тоже пишем *Владимир* вместо *Володимир* и *Карл* вместо *Чарльз*, когда речь идет о монархах.

А. В. Циммерлинг в свете всех этих данных приходит к выводу, который трудно назвать иначе, чем анекдотическим:

«Следует предположить достаточно высокую степень владения древнескандинавским языком со стороны составителя ПВЛ. Он знал не только значительное количество древнескандинавских имен, но и понимал их морфологическую структуру...» (Циммерлинг 2012. С. 5).

Мы не можем последовать за А. В. Циммерлингом и постулировать свободное владение составителя ПВЛ (sic!) древнескандинавским языком. Нам это не кажется исторически и социологически правдоподобным — ни применительно к составителю ПВЛ, ни к переводчику договоров на славянский, которые должны были быть разными лицами. И даже если переводчик знал достаточно много скандинавских имен, он вряд ли восстановил бы, например, из **Αδóλβoσ* форму *Адолбъ*, а не *Адол(ь)вь*⁹. У древнерусского книжника не возникало и тени сомнения, что греческая *β* передается как *в*: даже Британию автор ПВЛ, цитируя переводной источник, называет «Вританией».

На трудности, связанные с греческим посредством, указал также С. Л. Николаев, который независимо от нас сделал некоторые

⁹ Форма *Ульбъ* неинформативна, так как она могла быть известна древнерусскому книжнику — существовал новгородский посадник Улеб.

наблюдения, касающиеся греческой передачи скандинавских имен и последующей транслитерации на кириллицу (Николаев 2017). К сожалению, предложенное им объяснение еще более фантастично, чем у Циммерлинга:

Русско-византийские договоры X в., цитируемые в ПВЛ, являются переводами с греческого — очевидно, что и «варяжские» имена были написаны в них в греческой транскрипции. Средствами греческого письма невозможно было передать различие между [s] и [š], [ε] и [e] и т. д., поэтому кириллическая транслитерация греческой транскрипции северогерманских имен привела бы к значительному искажению последних. В отличие от греческого алфавита, кириллица гораздо точнее передавала «варяжскую» фонетику. Северогерманские (скандинавские) имена, перечисленные в договорах X в., по-видимому, были вписаны в летопись или надиктованы летописцу человеком, уверенно знавшим «варяжские» имена и способным восстановить их на основании несовершенной греческой транскрипции (Николаев 2017. С. 9, ср. так же: с. 48).

Двухступенчатая конструкция с таинственным скандинавоговорящим редактором ПВЛ, стоявшим за спиной у летописца и вычитывавшим написание варяжских имен, понадобилась Николаеву исключительно затем, чтобы оправдать его постулат, согласно которому летопись передает имена послов фонетически точно. Поскольку именно на этом постулате держится его теория особого «русско-варяжского» диалекта¹⁰. Однако даже если такой диалект существовал в действительности, ниоткуда не следует, что летописец мог, хотел или ставил задачу точно воспроизвести варяжские имена. Если же признать, что запись имен неточна, то вся теория «русско-варяжского» диалекта оказывается излишней.

Тем не менее Николаев безусловно прав, указывая на проблемы, связанные с двойной передачей имен — с германского через греческое посредство на кириллицу. В отличие от его мифиче-

¹⁰ Приведем характерный пример: «В “русско-варяжском” диалекте не было палатализации зубных согласных, о чем свидетельствует передача [i] после них кириллическим **ы**: **Бруны, Буды, Гуды, Карлы, Кары, Моны, Слуды, Туры**» (Николаев 2017. С. 27). Это рассуждение показывает недостаточное знакомство автора как с древнескандинавским, так и с древнерусским консонантизмом, к тому же игнорирует очевидное морфологическое объяснение — аналогию со славянскими словами *камы, ремы, лобы* и т.п.

ского «русско-варяжского» диалекта, эти проблемы вполне реальны.

Большинство этих проблем разрешимы, если предположить, что имена послов в экземплярах договоров 911 и 945 гг., доступных славянскому переводчику, были записаны латиницей. Единичные случаи орфографических гречизмов — *Сфандръ* и *Сфирка* (при двукратном *Свень*), *Фурьстенъ* вместо ожидаемого *Турьстенъ* — могут объясняться самыми разнообразными причинами, в том числе ошибками византийского переписчика при копировании, так как, безусловно, летописцу достался не оригинал договора с «автографом» посольства.

Мы признаем, что на данном этапе не можем разрешить проблему написаний имен *Шигобернь* / *Шихъбернь* и *Шибъридь* через *ш*. Соображения А. В. Циммерлинга о том, как произносилось скандинавское *s* в начальной позиции, тут вряд ли помогают, так как переводчик договора имел дело не с устным произношением имен. Единственная известная нам ономастическая параллель — фигурирующий в Киево-Печерском патерике варяг *Шимон*, но он жил в XI в., к тому же в тексте присутствует осознанное идеологическое противопоставление имен *Шимон* и *Симон* (о Шимоне-Симоне см.: Михеев 2008). Поскольку *ʃ*-образные сибиллянты в X в. присутствовали во многих языках Европы, далеко не только германских, сложно судить, из каких соображений переводчик или редактор текста воспользовался графемой *ш*. Тем не менее, на наш взгляд, этот выбор косвенно свидетельствует против того, что имена были записаны по-гречески. Возможно, как раз латинское написание могло натолкнуть переводчика на «немецкую» — то есть для данной эпохи верхненемецкую — транслитерацию, если он был смутно знаком с немецкими именами на *si*- (вопрос о русско-немецких контактах XI в. достаточно обстоятельно был исследован в последнее время А. В. Назаренко).

Имя *Шибъридь* (в других списках без *ь* в середине; иногда в явно ошибочной форме *Шибринъ*) само по себе представляет загадку. Оно безусловно не скандинавское, а западногерманское. Мы не можем допустить интерпретацию его как англосаксонского имени *Sigebeorht* в стяженной форме *Sibriht*, известной документально (Searle 1987. P. 416) — озвончение [t] на славянской почве вызывает сомнения. Форму же *Sibrith*, которая может дать в славянском звонкое [d], это имя приобретет только в среднеанглийскую эпоху, не ранее того времени, когда жил сам автор ПВЛ (не говоря уже

о сомнительности передачи как древнеанглийского, так и среднеанглийского начального *s* в виде сибиланта). Если же перед нами древневерхнемецкая форма современного *Siegfried*, то следовало бы ожидать **Шифъридъ*. Впрочем, возможно, специалисты по континентальным западногерманским языкам нас поправят.

Так или иначе, этнический состав варягов оказывается более разнообразным, чем предполагается по умолчанию.

Подчеркнем, что мы не беремся установить, на каком языке были написаны сами договора. Наши выводы свидетельствуют только о том, что по крайней мере часть имен послов была записана латинским алфавитом. И как минимум один член делегации Олега мог собственноручно расписаться латиницей за нескольких других. Вероятно, такой человек был и в гигантском списке послов Игоря.

4. Кто такой «Егри Ерлисков»? Еще одно неопознанное имя

Соблазнительно предположить, что этим человеком был загадочный *Егри Ерлисковъ*, создавший столько проблем нашим предшественникам. Презумпция, что запись в ПВЛ должна передавать известные по сагам скандинавские имена и притом грамматически правильно, помешала, например, А. В. Циммерлингу опознать в *Ерлисковъ* прилагательное *eorlisc* «знатный» или «имеющий отношение к эрлу» с избыточным наращением русского притяжательного суффикса — возможно, в монофтонгизированной восточноанглийской форме *erlisc*, ожидаемой для выходца из Денло¹¹. Причины утраты коренного палатального произношения *sc* при прохождении через две системы письма могут быть разнообразными, и самая простая — контаминация с северогерманским *sk* или славянским *ск*. Имя *Егри* можно отождествить с довольно распространенным англосаксонским именем *Ecgric* — известно о его бытовании с VII по XI вв. (Searle 1897. P. 220). Относительно смысла определения *erlisc* возможны варианты, зависящие от правильности прочтения следующего имени в списке (*Воистовъ Иковъ* по Ипат. и *Воиковъ* по Лавр.). Возможно, это было прозвище посла — Родовитый, — ошибочно принятое переводчиком за прилагательное принадлежности, и тогда следует читать **Егри Ерлискъ Воиковъ* (Эгрик Родовитый, посланный от Воика). Впрочем, такое прочтение допускает

¹¹ О восточноанглийской монофтонгизации дифтонгов см.: Тооп 1992. P. 431.

также интерпретацию «Эгрик графский Воиков», т.е. посланный от графа (эрла) по имени Воик или Войко. Последнее имя также может быть отождествлено с некоторыми частотными англосаксонскими именами — например, *Wulfwig* (Searle 1897. P. 521, в латинской передаче с конечным *c*), либо же перед нами обрусевшая гипокористическая форма англосаксонского имени на *weoh-* со славянским суффиксом (благодаря смешению со славянским корнем *voj-*), давшая *Войко*. В принципе, известно и односоставное англосаксонское имя *Weohha / Weocca*. Феномен реинтерпретации германских имен как негерманских известен достаточно хорошо и применительно к более позднему времени получил основательное освещение в работах Ф.Б. Успенского.

Односоставность имени столь статусной персоны, как эрл, не должна удивлять. У англосаксов даже в королевских династиях односоставные имена были не редкостью в VI–VIII вв. и продолжали встречаться позже, а среди лиц рангом ниже королевского сохранялись и в X в. Кроме того, носители двусоставных имен могли именоваться гипокористически в кругу приближенных: так, благодаря Беде Достопочтенному мы знаем, что дети короля Саберта называли своего отца Сабой (Беда 2001. С. 54).

Чтение Ипат. *Воистовъ Иковъ* в любом случае ошибочно, так как первое слово несомненно является притяжательной формой и нарушает общий протокол именованя делегатов: сначала собственное имя лица, потом имя того, кого данное лицо представляет, в притяжательной форме. Тем более сомнительным выглядит имя *Икъ* или *Иковъ*. Мы не беремся судить, первично ли чтение *Воистовъ* или *Воиковъ* и правил ли редактор протографа Ипатьевской летописи свой текст по рукописи, близкой к Лаврентьевской. Текстология ПВЛ — слишком сложный и спорный вопрос, насчитывающий уже целое столетие дискуссий. Укажем лишь, что имя *Воистъ* также может быть переосмыслено из частотного англосаксонского имени *Weohstan*. Фонетическое объяснение здесь достаточно простое: англосаксонское *an* должно было реализоваться в древнерусском языке IX в. как [ǫ] носовое, которое в конечной позиции закономерно оказалось неустойчивым и утратило назальность, а затем редуцировалось до ъ (напомним, что на рубеже IX–X вв. русский ъ еще был полноценным гласным).

Отдельно отметим присутствие еще одного Ингельда в договоре 945 г. Вряд ли он идентичен тому Ингельду, который участвовал в подписании договора 911 г., хотя, конечно, для той эпохи

теоретически не исключена вероятность участия в дипломатической миссии юноши лет 17–18, который потом еще сохранит активность в возрасте около 50. Более вероятный вариант — что речь идет о дяде и племяннике, у которых совпадали личные имена.

Заключение. «Невидимые» англосаксы в истории Руси

Итак, высказанное на ономастической основе предположение, что в свите Олега и Игоря присутствовали англосаксы из Денло, позволяет разрешить целый ряд трудностей, касающихся передачи германских имен в договорах 911 и 945 г., и в первую очередь сравнительно правильной их транслитерации на кириллицу, вопреки несовместимости греческого алфавита с германской фонетикой. Давно знакомые с письменностью англосаксы могли расписаться латиницей за всех или большинство присутствующих, что снимает проблему греческого посредства. Отпадает также нужда в предположении, что автор «Повести временных лет» хорошо владел древнескандинавским языком или располагал квалифицированным скандинавоязычным редактором, который специально выправлял имена в рукописи. Единственную трудность нашей гипотезы составляет незасвидетельствованность имени **Ācþēow* в англосаксонском быту и экзотичность его второго компонента, известного только по легендарным именам древности. Вместе с тем другие англосаксонские имена *Ingeld* и *Ecgric* (а также возможное *Weohstan*), идентифицированные нами в списках, засвидетельствованы хорошо и в описываемую эпоху бытовали.

На данный момент мы выносим за скобки договор Святослава 971 г., который устроен совершенно иначе, чем договоры 911 и 945 гг.: он лапидарен (содержит по сути только клятвенное обещание мира), и в нем нет имен, кроме самого Святослава и Свенельда, его ближайшего советника. Возможно, более детальный, выполненный на современном научном уровне разбор языка и ономастики договоров поможет уточнить не только состав делегации «от рода русского», но также природу элиты и властных отношений на Руси до Владимира, и добавить нечто новое к устоявшимся представлениям о них.

Тема присутствия англосаксов в ранней истории Руси может показаться спорной и отчасти болезненной, поскольку она, во-первых, непривычна, во-вторых, скомпрометирована фолк-историческими построениями лингвиста В.М. Стецюка, наполняющего свой сайт рассуждениями о ведущей роли англосаксов

в основании древнерусской государственности (<https://www.v-stetsyuk.name/ru/Alterling/Germanic/ASRU.html>). И все-таки она заслуживает более пристального внимания, чем ей уделялось до сих пор. Одна из первых попыток собрать воедино сведения о связях между англосаксами и Древней Русью была недавно предпринята в работе М. Р. Гаврилишина (Гаврилишин 2015), и таких данных — в первую очередь нумизматических — оказывается достаточно много, чтобы не отмахиваться от них просто так. Укажем, что Гаврилишин приводит далеко не все археологические данные — им, например, не упомянута находка англосаксонского наконечника ремня IX в. на Рюриковом городище, сделанная еще в 1999 г. (Михайлов 2003). Подобные наконечники обычно не служили предметом торговли, и потому эта находка, скорее всего, попала на Русь вместе со своим хозяином; безусловно важными представляются замечания К. А. Михайлова о зоне взаимного англо-скандинавского влияния в эту эпоху. Напомним и о более поздней эпохе, когда Владимир Мономах был женат на англосаксонской принцессе Гите Уэссекской, дочери короля Гарольда, павшего в битве при Гастингсе 1066 г. Принцесса так или иначе должна была прибыть на Русь со свитой — слугами, воинами, духовенством. Как все эти люди натурализовались на Руси, как они взаимодействовали с местными элитами, как влияли на культуру? Англосаксы в истории Древней Руси все еще остаются в значительной мере «невидимыми» — отчасти потому, что летописцы последующих веков мало отличали «англан» от прочих разновидностей варягов, отчасти в силу того, что скандинавы гораздо более популярны в российской историографии. Возможно, завесу «невидимости» отчасти приподнимут будущие исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англо-саксов / Пер. с лат. В. В. Эрлихмана. СПб., 2001.
- Бибиков М. В.* Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2005. № 1. С. 5–15.
- Высоцкий С. А.* Надпись о Бояновой земле в Софии киевской // *История СССР*. 1964. № 3. С. 113.
- Гаврилишин М. Р.* Древняя Русь и Англия в IX–X веках: от торговых контактов до политических отношений // *Вестник Удмуртского университета: История и филология*. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 146–151.

- Галинская Е. А.* Историческая фонетика русского языка. 2-е изд. М., 2009.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Истрин В. М.* Договоры русских с греками X века // ИОРЯС. 1924 г. Л., 1925. Т. XXIX. С. 383–393.
- Кацтанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка. 2-е изд. СПб., 2005.
- Малингуди Я.* Русско-византийские связи с точки зрения дипломатики // ВВ М., 1996. Т. 56 (81). С. 68–91.
- Малингуди Я.* Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики // ВВ М., 1997. Т. 57 (82). С. 58–87.
- Мельникова Е. А.* Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах // У источника: сб. статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. М., 1997. Вып. 1. Ч. 1. С. 82–92.
- Мельникова Е. А.* Заложники и клятвы: процедура заключения договоров с норманнами // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012. С. 113–182.
- Михайлов К. А.* Находка англосаксонского наконечника ремня на Рюриковом городище // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 154–159.
- Михеев С. М.* Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: Литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 27–32.
- Николаев С. Л.* К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7–54.
- Обнорский С. П.* Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. Т. 6–7. Ин-т языка и мышления Н. Я. Марра АН СССР, 1936. С. 79–103.
- Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.; Л., 1953.
- Стефанович П. С.* Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. // Труды Ин-та российской истории РАН. 2013. № 11. С. 19–57.
- Успенский Ф. Б.* Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Успенский Ф. Б.* Варяжское имя в русском обиходе: к этимологии слова «олух» // Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь.: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 111–138.
- Циммерлинг А. В.* Имена варяжских послов в «Повести временных лет»: Материалы к докладу на V круглом столе «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе» 13–14 июня 2012 года //

URL: https://antonzimmerling.files.wordpress.com/2012/07/varangian_guests.pdf (дата обращения 06.02.2020)

- Cross S. H.* The Russian Primary Chronicle: Laurentian Text. Mediaeval Academy of America, 1953.
- Edmonds F.* Norse Influence in North-West England: Jocelin of Furness's Interpretation of the Name WALTHEOF // *Journal of Scottish Name Studies*. 2015. Vol. 9. P. 43–62.
- Eska C. M.* Women and Slavery in the Early Irish Laws // *Studia Celtica Fennica*. 2011. Vol. 8. P. 29–39.
- Hogg R. M.* Phonology and Morphology // *The Cambridge History of English Language*. Cambridge, 1992. Vol. 1: The Beginnings to 1066 / Ed. by Richard Hogg. P. 67–167.
- Jurasinski S.* The Feminine Name *Wealththeow* and the Problem of *Beowulfian* Anthroponymy // *Neophilologus*. 2007. Vol. 91. P. 701–715.
- Lind J.* The Importance of Varangian Traditions for East-West Collaboration and Confrontation in the 12th–13th centuries // *Expansion — Integration? Danish-Baltic contacts 1147–1410 AD* / Ed. by B.F. Jensen & D. Wille-Jørgensen, Vordingborg, 2009. P. 27–37.
- Melnikova E.* How Christian Were Viking Christians? // *Early Christianity on the Way from the Varangian in the Greek*. Kiev, 2011. P. 90–107. (= *Ruthenica*. Supplementum 4).
- Melnikova E.* The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy // *Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды*. М., 2011. С. 257–268.
- Searle W. G.* *Onomasticon Anglo-Saxonicum; a List of Anglo-Saxon Proper Names from the Time of Beda to that of King John*. Cambridge, 1897.
- Thomsen W.* *The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origins of the Russian State*. Oxford, 1877.
- Toon T. E.* Old English Dialects // *The Cambridge History of English Language*. Cambridge, 1992. Vol. 1: The Beginnings to 1066 / Ed. by Richard Hogg. P. 409–450.

Maria V. Eliferova

AN ANGLO-SAXON TRAIL IN RUSSIAN-BYZANTINE TREATIES?

Some non-Slavonic names in the Russian-Byzantine treaties of 911 and 945 have been claimed to be unidentifiable, and one of the most notorious is the name *Aktevu*. However, virtually all researchers who ever attempted to interpret it overlooked the possibility that it might have been Anglo-Saxon. If read from an Old English perspective, it is likely a regular Anglo-Saxon compound name *Actheow*. While this name is not directly attested in Old English sources, both

of its components are well attested in Anglo-Saxon personal names. Moreover, further reconsideration of the name lists in the treaties raises the question whether some other names (up to three more) can be Anglo-Saxon too. The most obvious case is *Ingeld* which can be, rather than the distorted ON *Ingjald*, the regular OE form of this name.

Before 2017, detailed linguistic analysis of the name lists in the treaties had been scarce. The year 2017 saw a paper by Sergei L. Nikolayev who undertook this task. Unfortunately, due to the multiple flaws in methodology, he jumped to a conclusion that the Germanic names in the treaties represent some long-lost North Germanic dialect or even a distinct language which somehow has remained unidentified by generations of linguists. A closer look at Nikolayev's arguments can reveal his flaws: all of the supposed discrepancies between the known ON names and the names from the Russian-Byzantine treaties can be explained either by inaccuracies of transliteration or by the possibility that some of the names in the treaties are actually West Germanic, belonging to known languages (such as OE). There is no reason to infer the existence of an unknown North Germanic language or dialect.

However, some points made by Nikolayev remain valid, and one of them is the question of writing system in which the names were originally recorded. The self-evident idea that it was Greek alphabet faces at least some difficulties, such as the distinction between labials and labiodentals. The distribution of labials / labiodentals in the name lists corresponds more to their actual Germanic pronunciation than to the conventions of Greek writing which by the 10th century had no means to represent the distinction between [b] and [v]. Yet the solution offered by Nikolayev (and by some earlier scholars) — that the chronicle text was edited by somebody who had good knowledge of Scandinavian languages and was able to correct the transliteration in the Slavonic version — seems implausible.

The idea that there had been at least one Anglo-Saxon member in each embassy opens many new possibilities. The most haunting issue related to the treaties is one of literacy, since by the mid-10th century presumably neither Scandinavians nor East Slavs mastered writing on regular basis. On the contrary, Anglo-Saxons by that time were quite used to writing, not only in Latin but in vernacular as well. A high-status Anglo-Saxon from Danelaw would make a perfect secretary for any Viking chieftain planning to make policy with men of letters, such as Greeks. This clarifies the puzzling phrase in the source which seems to state that the Russian ambassadors actually signed the 911 treaty 'by our own hand'. A single Anglo-Saxon able to put a collective signature in Latin script is the solution which renders unnecessary any conjectures about erroneous readings.

Keywords: Anglo-Saxons; literacy; Old English; personal names; Russian-Byzantine treaties

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-51-72

А. С. Щавелев

СЛЕДЫ ГРЕЧЕСКОЙ ОРФОГРАФИИ В ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ ИЗ ДОГОВОРА КНЯЗЯ ИГОРЯ РЮРИКОВИЧА (АВГУСТ 931 г. — ДЕКАБРЬ 944 г.)

В статье обсуждаются следы фиксации греческими буквами имен собственных в договоре князя Игоря Рюриковича с византийскими императорами Романом I Лакапином, Константином VII Багрянородным и Стефаном Лакапином. Делается вывод, что летописные имена *Стегги*, **Иггивладъ*, **Адоулбъ* и, вероятно, **Апоулбъ* сохраняют следы написания их согласно нормам греческой орфографии. В Византии хорошо известны профессиональные переводчики с самых разных языков. Византийский трактат анонимного «мастера церемоний» «О церемониях византийского двора» 963 г. содержит информацию о трех переводчиках в составе посольства в Константинополь правительницы Киева Ольги, которое состоялось либо в 946, либо в 957 г. Именно такие переводчики могли предельно точно зафиксировать древнескандинавские и старославянские имена, записав их греческими буквами.

Ключевые слова: Политика Рюриковичей, Византия, договор князя Игоря Рюриковича, ономастика, Русь, византийские переводчики.

В состав «Повести временных лет» 1113–1117 гг. были включены тексты трех договоров византийских императоров с князьями Рюриковичами. Первый договор был заключен правителем Киева Олегом 2 сентября 911 г. (его текст был раздельно включен в летописные статьи 6415 и 6420 годов от Сотворения мира: Шахматов 1915); второй был заключен князем Игорем Рюриковичем между августом 931 и серединой декабря 944 г., а третий — князем Святославом Игоревичем между 22 и 31 июля (возможно, 24 июля) 971 г. (о датах договоров см.: Щавелев 2018; Щавелев 2018а). Договор князя Игоря Рюриковича был заключен с византийскими императорами Романом I Лакапином, Константином VII Багрянородным и Стефаном Лакапином. В этом договоре были перечислены имена лидеров руси, их послов и неких «гостей», которые далее в тексте названы «купцами». Вполне очевидно, что оригиналы договоров были написаны по-гречески, лексика и синтаксис

славянских переводов, помещенных в «Повесть временных лет», сохраняют следы этого (Лавровский 1853; Афиногенов 2014). Однако до сих пор по разным причинам оставались сомнения, что имена представителей руси были тоже записаны греческими буквами, как и весь остальной текст.

Реконструкция того, как имена собственные в договорах Олега, Игоря и Святослава были написаны в оригинале «Повести временных лет», должна происходить путем сравнения ее пяти основных списков с учетом чтений других летописей, отразивших ее текст. Сравнение основных пяти списков должно следовать стемме их соотношения (см. последний, наиболее обоснованный, вариант: Girpius 2014). В самом грубом приближении реконструкция того или иного имени должна опираться на совпадение чтения Лаврентьевского списка (далее — Лавр.) и совпадающих чтений Ипатьевского (Ипат.) и Хлебниковского (Хлебн.) списков. Вполне надежным можно считать совпадение чтения Лавр. с чтением Хлебн. или Ипат. Списки Радзивиловский (Радз.) и Московский-Академический (Моск.-Акад.) являются контаминированными, в них перемежаются участки текста, близкие к Лаврентьевскому списку, с участками, близкими к Ипат.-Хлебн. варианту «Повести временных лет» (Girpius 2014. P. 364–365).

Примером необходимости сопоставления чтений имен согласно стемме соотношения списков является чтение Лавр. «Прастьнь Берновъ» в тексте договора Игоря, которое отсутствует во всех других четырех основных списках «Повести временных лет» (TARRO. P. 68; PVL. P. 273). Это чтение есть, однако, еще во всех летописях «Новгородско-Софийской группы» (НСГ) (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 30; VI. Вып. 6. С. 39; XLI. С. 33). Очевидно, что эти два имени, посла по имени *Прастьнь* и его патрона по имени *Бернь*, пропущены в протографе Ипат. и Хлебн. списков. Этот пропуск показывает, что Радз. и Моск.-Акад. списки при передаче имен в договоре князя Игоря следуют «ипатьевско-хлебниковскому» варианту (Girpius 2014. P. 351, 358–359). Крайне маловероятен пропуск этих двух имен одновременно в протографе Радз. и Моск.-Акад. списков и в протографе Ипат. и Хлебн. списков. Получается, что единственное независимое чтение, противопоставленное остальным четырем, дает только Лавр. Контрольным подтверждением, исключаяющим и без того маловероятную вставку этих двух имен писцом Лаврентьевского списка, является наличие этих имен в летописях НСГ.

Метод произвольной выборки подходящих чтений того или иного имени из разных летописных списков и оценка качества чтений летописных списков по соответствию лингвистическим критериям и ожиданиям лингвистов, как должно «звучать» то или иное имя, представляется не слишком корректным. Такой подход зачастую позволяет выбирать летописные чтения нужные исследователю, а не протографические для «Повести временных лет». Именно поэтому, при всей ее лингвистической значимости, работа С.Л. Николаева с «рукописным материалом» и его оценка чтений разных списков являются имитацией текстологии (Николаев 2017. С. 9, 14–15). Протографический облик любого личного имени в договорах реконструируется на тех же принципах, что и весь остальной текст «Повести временных лет», сколько бы этот облик ни был далек от ожиданий лингвиста.

Вполне очевидно, что перечни представителей народа русь — имманентная часть текста всех договоров, связанная с протоколом их заключения (Malingoudi 1994. S. 48, 73). Не менее очевидно, что все три договора были переведены как единый комплекс, хотя, возможно, и разными переводчиками. Поскольку договоры являются переводами со среднегреческого языка, причем эти переводы были сделаны не с оригиналов, а с византийской копийной книги (Malingoudi 1994. S. 77, 107), то все имена также должны были быть зафиксированы греческими буквами. Если в оригинальном тексте договоров еще можно представить какие-то негреческие имена, условно говоря, «подписи», то перенос в копийную книгу имен в любой негреческой графике (глаголической, кириллической, латинской, рунической и любой другой) крайне сложно себе представить. Соответственно, естественно ожидать, что фиксация имен в «Повести временных лет» должна носить следы предшествующей греческой орфографии. Значительная часть таких следов была «стерта», поскольку часть из этих имен была хорошо известна на Руси начала XII в. и была вторично славянизирована переводчиками договоров на старославянский или автором «Повести временных лет». Прежде всего, это имена Олегъ, Игорьъ, Ольга, Иворъ, Володиславъ, Передъслава, Якунь, Улебъ, Глебъ, Тудька и, возможно, еще некоторые (примеры бытовавших на Руси имен, совпадающих с именами в договорах, приведены в статье: Melnikova 2004. P. 14–24).

Лингвист Б. Струминский был практически единственным исследователем, который при реконструкции изначального фонети-

ческого облика летописных личных имен в договорах в полной мере учитывал, что они должны были быть изначально написаны по-гречески, и произвел реконструкцию такой записи греческими буквами (Strumiński 1996. Р. 211–228). С.Л. Николаев теоретически признал идею о фиксации имен греческими буквами, но фактически отказался от нее под предлогом того, что имена при фиксации в «Повести временных лет» подверглись «восстановлению» «на основании несовершенной греческой транскрипции» человеком, знавшим тот «варяжский диалект» X в., на котором, по мнению С.Л. Николаева, говорили лидеры руси, их послы и гости-купцы в X в. (Николаев 2017. С. 9). Наблюдения А.В. Назаренко над короткими пояснениями к именам некоторых отправителей послов со стороны руси бесспорно свидетельствуют о том, что старославянский перевод договора князя Игоря делался с канцелярской копии, в которой был не только список имен представителей руси, но и ряд глосс к нему, причем сделанных по-гречески (Назаренко 2012).

Следы греческой орфографии можно проследить в нескольких именах из договора Игоря Рюриковича. Таким ярким признаком является наличие в славянских летописных версиях имен кластера «-гг-» там, где ожидалось бы сочетание согласных «-нг-». Хрестоматийным является пример калькирования греческой лексемы «ὁ ἄγγελος» как «аггель» в старославянских текстах (Мещерский 1952. С. 248). Можно ожидать, что кластер греческих букв «-γγ-» должен был передавать «-ng-» древнескандинавских имен в договорах.

Имя *Игорь* (< *Ingvarr*, см. подробнее: Strumiński 1996. Р. 150–154, 218; Melnikova 2004. Р. 20) в данном случае не будет показательно, поскольку оно легко могло быть исправлено автором «Повести временных лет» по образцу хорошо известного ему древнерусского княжеского имени. А вот имя посла из договора Игоря Рюриковича *Steggi* (TARIRO. Р. 68; PVL. Р. 273) реконструируется, вопреки сомнениям (Melnikova 2004. Р. 22), как **Stengi* (< *Stengeirr*), в греческой графике — **Στέγγι* (Strumiński 1996. Р. 48, 174, 177; этот вариант допускает и С. Л. Николаев: 2017. С. 21). Сопоставляя варианты имени купца *Иггивладъ* (Лавр.; ср. чтения НСГ: ПСРЛ Т. IV. Ч. I. С. 31; VI. Вып 6. С. 39; XLI. С. 33), *Ангивладъ* (Ипат. и Хлебн.), *Антивладъ* (Радз. и Моск.-Акад.) наиболее вероятной реконструкцией протографического чтения будет *Иггивладъ* (TARIRO. Р. 68; PVL. 2003. Р. 274;

Шахматов 2003. С. 630; Strumiński 1996. Р. 176, 221). Получается следующая цепочка трансформаций написания этого имени: *Игзивладъ* < **Ἰγγιβάλδος* < **Ingivaldr* (Strumiński 1996. Р. 221; Melnikova 2004. Р. 19–20).

Другой маркер передачи в греческой орфографии есть в имени купца *Адульб* (Лавр.) или *Адолб* (Ипат., Хлебн., Радз., Моск-Акад.). Расхождение чтений вполне объяснимо изначальным написанием через диграф **Адоулб* (TARIRO. Р. 68; PVL. Р. 274). Получается следующая цепочка трансформаций написания этого имени: **Адоулб* < **Αδοῦλβος* < **Audulfr* (Melnikova 2004. Р. 17; Strumiński 1996. Р. 176, 221). Появление в славянском написании этого имени буквы «буки» может быть объяснено, если предполагать промежуточную греческую фиксацию имени с буквой «витой» («бетой»).

С помощью гипотезы о записи греческими буквами, видимо, можно объяснить одно из этимологически «темных» имен *Пуьбкхарь* (Лавр.) или *Аноубкарь* (Ипат., Хлебн., Радз., Моск-Акад.). Протографическое чтение может быть реконструировано только сугубо предположительно: примерно как **Аноуб(ь)карь* (TARIRO. Р. 68; PVL. Р. 275; Шахматов 2003. С. 630). Б. Струминский логично предложил разделить это имя на два: **Аноубь* < **Аноулб* < **Ἀπουλβος* < **Abulbr* и **Карь* < **Κάρ* < **Kárr* (Strumiński 1996. Р. 178, 222; ср.: Melnikova 2004. Р. 16). Если его реконструкция первого имени верна, то, скорее всего, первый звук /b/ в нем был передан греческой буквой «пи», а второй /b/ — «витой» («бетой»). Передача звука /b/ обеими этими буквами греческого алфавита нормальна для среднегреческого X в. (Тохтасьев 2018. С. 238–257), но это сделало запись имени **Abulbr* совсем малопонятной переводчикам договора на старославянский язык.

До сих пор сильным аргументом в пользу невозможности фиксации имен в греческой орфографии считалось наличие в славянской версии нескольких имен кластера «-сл-» (= греческое «-σλ-») без эпентетического согласного. Это — имена *Святославъ*, *Передьслава*, *Володиславъ*, *Слоуды*. Первые три имени вполне могли быть распознаны переводчиками на старославянский или автором «Повести временных лет» и лишний вставной согласный мог быть в них удален. Однако написание имени *Слоуды* ожидалось бы как **С-к/т/ф-луды* < **Σ-κ/θ-λούδου*. Отсутствие эпентетического согласного в этом имени давало серьезное основание сомневаться в фиксации имен в договорах грекофоном (Melnikova 2004. Р. 10). Однако, если автор текста договоров был не греком, а просто знал

греческий язык или был билингвом (см. ниже), то это правило могло и не выполняться. Самое главное, что в среднегреческом и новогреческом языке кластер согласных «-σλ-» вполне допустим (CGMEMG 2019. P. 127, 129). С.Р. Тохтасьев собрал достаточное число примеров такого рода (Тохтасьев 2018. С. 339–343).

Самый яркий пример допустимости кластера «-σλ-» в среднегреческом X в. — написание имени князя Святослава Игоревича в «Истории» Льва Диакона из Калоз (единственный список XII в. — Paris. gr. 1712). «История» была написана сразу после 13 мая 994 г. (Treadgold 2013. P. 237). В «Истории» имя русского вождя сначала пишется как *Σφενδοσλάβος* (Καραλῆς 2000. Σ. 226, 230, 272, 276, 278), а потом как *Σφενδοσθλάβος* (Καραλῆς 2000. Σ. 328, 330, 334, 336, 344, 352, 356, 358, 360, 364, 366, 368). Такая двойственность написания этого имени вряд ли является следствием ошибок переписчика XII в., как считает С.Р. Тохтасьев (2018. С. 342), поскольку две формы имени четко распределяются по тексту «Истории» Льва Диакона, сначала одна форма, потом другая. Описки же писца должны распределяться по тексту более хаотично. Такое распределение вполне отвечает структуре этого сочинения и может быть объяснено только переключением Льва Диакона с одного источника на другой (Каждан 1961; Treadgold 2013. P. 236–346). Форма *Σφενδοσλάβος* последовательно используется в книгах V и VI, где речь идет о миссии Калокира и попытке императора Иоанна Цимисхия договориться о добровольном уходе Святослава с Балкан за деньги. В описании военной кампании императора Иоанна Цимисхия в книгах VIII и IX используется только вариант *Σφενδοσθλάβος*. Возможны два варианта объяснения такого различия в орфографии этого имени собственного. Первый вариант заключается в том, что написание *Σφενδοσλάβος* было присуще одному из источников Льва Диакона, а он сам писал гиперкорректно *Σφενδοσθλάβος*. Второй вариант предполагает, что один источник Льва Диакона, видимо, вышедший из из кругов дипломатов и разведчиков, которые должны были легко воспроизводить правильное звучание имени Святослава, содержал форму *Σφενδοσλάβος*. А второй источник «Истории», идентифицируемый как официальный армейский отчет о военной кампании императора Иоанна Цимисхия на Балканах, фиксирует имя вождя руси и основного антагониста ромеев как *Σφενδοσθλάβος*. Можно быть почти уверенным, что в протографе «Истории» Льва Диакона середины — второй половины 990-х гг.

и в одном из ее источников второй половины X в. свободно использовался вариант имени *Σφενδοσλάβος* без вставного согласного в кластере «-сл-».

Фонетическая точность записи большинства древнескандинавских имен в договоре Игора Рюриковича проще всего объясняется тем, что их фиксировал опытный переводчик-ромей, возможно, билингв «варварского» происхождения. Многоязычие для Ромейской империи было вполне привычно, в ней были распространены разнообразные практики перевода с одного языка на другой (Dagron 1992; Дагрон 1999; Шукуров 2015; 2018). В Византийской империи известны переводчики с самых разных языков (Guilland 1976; Шандровская 2005; Филипчук 2013. С. 357–366; Чхаидзе 2017). Традиция работы профессиональных переводчиков в Византии восходила к образцам Римской империи (Peretz 2006) и, вероятно, Боспорского царства (Казанский 2011; 2014; Подосинов 2016).

Мной была датирована последней четвертью XI — началом XII в. печать византийского переводчика «англичан» патрикия Сфена. Я определил, что этот византийский переводчик носил древнескандинавское имя *Sveinn* или *Sveini*, которое было транслитерировано на его печати как *Σφέν* или *Σφένι* (Щавелев 2012; Shchhavelev 2015). Данная печать свидетельствует о том, что в Ромейской империи переводчиком мог служить и носить титул патрикия человек скандинавского или англосаксонского происхождения. Как я уже указывал, именно такой переводчик — выходец из Северной Европы — мог зафиксировать имена в трех договорах с исключительной точностью (Щавелев 2012. С. 486).

Трактат «О церемониях византийского двора» 963 г. фиксирует в составе посольства княгини Ольги трех переводчиков (DC. P. 597–598). Приемы посольства в Большом дворце в Константинополе состоялись 9 сентября и 18 октября либо в 946, либо в 957 г. Нельзя точно сказать, были ли эти переводчики членами близкого окружения самой Ольги, или они были ромеями, представленными к ее посольству (Литаврин 2000. С. 198. 200–201; Филипчук 2013. С. 357–366). Как бы там ни было, это — прямое свидетельство о переводчиках с языка росов в X в. в Константинополе. Стоит еще отметить, что в тексте, датированном 31 мая 946 г., тоже из трактата «О церемониях византийского двора», есть также упоминание группы крещеной руси («οἱ βαλτιζμένοι Ρῶς»), которая находится в составе подразделений византийского

войска (DC. P. 579). Нет никаких оснований сомневаться, что эти переводчики могли записать имена представителей руси фонетически точно. Имена Ольги (*Ἑλγα* < **Helga*) и ее сына Святослава (*Σφενδοσθλάβος* < **Svetoslavъ*) в трактате передают все особенности «росского» (славяно-скандинавского) произношения середины X в. (DC. P. 511, 594, 597).

Можно вполне уверенно считать, что имена представителей руси в оригинале договора князя Игоря Рюриковича были записаны греческими буквами. То же самое можно предполагать и для имен в договорах Олега и Святослава Игоревича, хотя это предположение будет лишь экстраполяцией, основанной на том, что предполагать иную графику фиксации имен представителей руси в договорах никакой необходимости и оснований нет. Византийские переводчики X в. имели все возможности точно записать все имена представителей руси по-гречески, и не имели никаких разумных причин вносить в текст официальных договоров и их копий какие-то чужеродные (орфо)графические элементы.

ЛИТЕРАТУРА

- Афиногенов Д. Е.* К проблеме реконструкции греческого текста договора князя Олега с греками 911 г. // *Ruthenica*. Київ, 2014. Т. XII. С. 22–28.
- Дагрон Ж.* Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) / Перевод О. А. Власовой // *Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья* / Под ред. Р. М. Шукурова. М., 1999. С. 160–193.
- Каждан А. П.* Из истории византийской хронографии. 2. Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия // *ВВ*. 1961. Т. XX. С. 106–128.
- Казанский Н. Н.* Социолингвистическая ситуация в Боспорском царстве и особенности языковой политики эллинистических государств // *Боспорский феномен: население, языки, контакты: сборник трудов конференции*. СПб., 2011. С. 665–673.
- Казанский Н. Н.* Социолингвистическая ситуация в Боспорском царстве и особенности языковой политики эллинистических государств // *ДГ*, 2012: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 188–199.
- Лавровский Н. А.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.
- Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.

- Мещерский Н. А.* К вопросу о заимствованиях из греческого языка в словарном составе древнерусского литературного языка (По материалам переводных произведений Киевского периода) // ВВ. Т. XIII. 1952. С. 246–261.
- Назаренко А. В.* Об обстоятельствах перевода договоров Руси с греками на славянский язык // Ruthenica. Київ, 2012. Т. XI. С. 147–153.
- Николаев С. Л.* К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7–54.
- Подосинов А. В.* К вопросу о языковой ситуации в греко-варварском Боспорском царстве // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 230–235.
- Тохтасьев С. Р.* Язык трактата Константина VII Багрянородного 'De Administrando Imperio' и его иноязычная лексика. СПб., 2018.
- Филитчук О.* Studia Byzantino-Rossica. Експансія, війна та соціальні зміни. Чернівці, 2013.
- Чахидзе В.* Византийская печать переводчика Икелия (вторая половина XI в.) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. IX Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции. Севастополь, 2017. С. 124–127.
- Шандровская В. С.* Печати византийских переводчиков // Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики Г.Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 109–115.
- Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. I: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Книга 2: Раннее русское летописание XI–XII вв.
- Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества при Императорском Петроградском университете. Пг., 1915. Вып. VIII: Сборник в честь профессора Ф. А. Брауна / Под редакцией Д. К. Петрова и К. Ф. Тиандера. С. 385–407.
- Шукуров Р. М.* Многоязычие в Византии (IV–XV вв.) // ВВ. 2018. Т. 101. С. 15–41.
- Шукуров Р. М.* Знатоки восточных языков в поздней Византии (XI–XV вв.) // Spicilegium Byzantino-Rossicum: сб. статей к 80-летию чл.-корр. РАН И. П. Медведева. М., 2015. С. 358–375.
- Щавелев А. С.* Печать византийского патрикия и переводчика Сфена // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 482–488.
- Щавелев А. С.* Даты договоров Византии и Руси X в. // ВЕДС-XXX: Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2018. С. 255–262.
- Щавелев А. С.* Как автор «Повести временных лет» определил дату договора Игоря Рюриковича с византийскими императорами // ДГ, 2016 год: Памяти Г. В. Глазыриной. М., 2018а. С. 266–273.

- CGMEMG — The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek / Ed. by D. Holton, G. Horrocks, M. Janssen, T. Lendary, I. Manolassou, N. Toufexis. Cambridge, 2019. Vol. 1. General Introduction and Phonology.
- Dagron G.* Formes et fonctions du pluralisme linguistique à Byzance (IXe–XIIe siècle) // *Travaux et Mémoires*. Paris, 1994. № 12. P. 219–240.
- DC — Constantine Porphyrogenitus. The Book of Ceremonies (De cerimoniis aulae byzantinae) / Translated & Annotated by A. Moffatt & M. Tall. Canberra, 2012. Vol. I–II. Book 2.
- Gippius A.A.* Reconstructing the Original of the *Povest' Vremennyx Let*: A Contribution to the Debate // *Russian Linguistics*. 2014. № 38. P. 341–366.
- Guilland R.* Grand Interprète // *Guilland R.* Titres et fonctions de l'Empire byzantine. London, 1976. XX. P. 17–26.
- TARIRO — I trattati dell'antica Russia con l'Impero romano d'Oriente / A cura di A. Carile e A.N. Sacharov. Roma, 2011.
- Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jahrhunderts aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994.
- Melnikova E.* The List of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century // *Studia Anthroponymica Scandinavica*. Tidsskrift för nordisk personnamnsforskning. 2004. № 22. P. 7–27.
- Peretz D.* The Roman Interpreter and His Diplomatic and Military Roles // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 2006. Bd. 55. H. 4. P. 451–470.
- PVL — The Pověst Vremennyx lět. An Interlinear Collation and Paradosis / Compiled & Edited by D. Ostrowski. Harvard, 2003. Pt. 1–3.
- Shchhavelev A.* A Seal of Byzantine “Translator of the English” Patrikios Sphen: Its Date and Socio-Cultural Context // *Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography, Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013*. Kyiv, 2015. P. 193–200.
- Strumiński B.* Linguistic Interrelations in Early Rus'. Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries) (Collana di filologia e letteratura slave. Vol. II). Roma, 1996.
- Treadgold W.* The Middle Byzantine Historians. L.; N.Y., 2013.
- Karalīz B.* Λέων Διάκονος. Ιστορία. Μετάφραση. Εισαγωγή. Σχόλια. Αθήνα, 2000.

Aleksey S. Shchhavelev

TRACES OF GREEK ORTHOGRAPHY IN PERSONAL NAMES
FROM THE IGOR RURIKOVICH'S TREATY (AUGUST 931 —
DECEMBER 944)

The article deals with the problem of the rendering personal names with Greek letters in the Prince Igor's treaty with Byzantine emperors Romanos I Lekapenos,

Constantine VII Porphyrogenitus and Stephen Lekapenos. It is demonstrated that the names *Steggi*, **Iggivlad*, **Apoulb* and, probably, **Adulb* retain traces of their spelling according to the norms of Greek orthography. In Byzantium professional translators from various languages are well known. The Byzantine treatise of an anonymous “master of ceremonies” “The Book of ceremonies” of 963 contains information about three translators in the princess Olga’s embassy in Constantinople, which took place either in 946 or in 957. It was precisely such translators that could accurately record the Old Norse and Old Slavonic names, spelling them with Greek letters.

Keywords: Rurikid’s Polity, Rus’, Byzantium, Igor’s Rurikovich treaty, onomastic, people named Rus’, Byzantine Interpreters

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-73-83

Е. А. Мельникова

ПАРНЫЕ СИНОНИМИЧЕСКИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В РУССКО-ВИЗАНТИЙСКОМ ДОГОВОРЕ 911 г. И ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ТЕКСТАХ¹

В статье рассматривается специфическая особенность языка русско-византийского договора 911 г. — парные синонимические словосочетания, обильно представленные в преамбуле и эсхатоколе договора. Они относятся к нескольким лексико-грамматическим разрядам: субстантивному, вербальному и атрибутивному. Их использование не имеет параллелей ни в других русско-византийских договорах, ни в древнерусских памятниках права и летописании (за исключением «Сказания о призвании варягов»). В византийских юридических памятниках (хрисовулах) они являются риторическими фигурами, усиливающими значение высказывания. Ближайшая аналогия обнаруживается в лексике древнескандинавских судебныхников, а также приносимых в суде клятвах, где — в бесписьменном обществе — аллитерирующие парные словосочетания выполняют магическую функцию, с одной стороны, и являются средством меморизации текста — с другой. Можно предположить, что в условиях понесенного поражения византийские чиновники не только записали «речи» послов Олега, но и включили по крайней мере часть их в заключительный текст договора, лишь структурировав и отредактировав текст в соответствии с византийской дипломатической практикой.

Ключевые слова: русско-византийский договор 911 г., парные синонимические словосочетания, древнескандинавские судебники, клятвы, процедура написания договора.

Договор, заключенный князем Олегом с византийскими императорами Львом VI Мудрым (ум. 11 мая 912 г.), его братом-соправителем Александром и сыном Константином 2 сентября 911 г. и помещенный в «Повести временных лет» под 6420/912 г., как и последующие русско-византийские договоры, после работ Я. Малингуди считаются древнерусскими переводами с греческих копий, содержащихся в копийных книгах имперской канцелярии (Malingoudi 1994; Малингуди 1997. С. 83–85), хотя вопрос о времени осуществления

¹ Сердечно благодарю Т.В. Гимона, А.В. Назаренко и А.С. Щавелева, прочитавших черновой вариант статьи и сделавших ценные замечания и предложения.

переводов остается дискуссионным (краткий обзор см.: Максимович 2013). Тем не менее лингвистическая изученность договоров по-прежнему недостаточна. После труда С.П. Обнорского изучению подвергался только один аспект языка договоров — отражение в нем языка византийской дипломатии (в работах Я. Малингуди), что вело к попыткам реконструировать исходный греческий текст (Афиногенов 2014), последнее при отсутствии сохранившихся византийских договоров с иноземными правителями ранее конца XI в. (обзор см.: Малингуди 1996. С. 69–70), представляется задачей, хотя и заманчивой, но трудно выполнимой. Особая сложность языкового анализа русско-византийских договоров, как справедливо отметила Т.В. Рождественская, заключается в «противостоянии и взаимодействии древнерусской традиции устной практики обычного права и византийской греческой модели юридического документа» (Рождественская 2002. С. 35; см. также: Никольский 2002). Дополнительно усугубляет исследование языка комплексность проблематики договоров: «Империя не заключала “торговые”, “политические” или “мирные” договоры или любые договоры по отдельным вопросам» (Miller 1971. P. 58), что влекло за собой использование лексики и стилистики разных профессиональных областей.

Переплетение двух культурных традиций: устной правовой практики русов (скандинавов для того времени) и развитой византийской дипломатической документации наиболее ярко, как представляется, проявилось в тексте договора 911 г., язык которого резко отличается и «по построению периодов, и по всем синтаксическим особенностям» от языка договора 944 г. (Лавровский 1853. С. 27). Неоднородность языка договоров 911 и 944 гг. отмечалась также В.М. Истриным (Истрин 1925. С. 387–388). По мнению С.П. Обнорского, эти различия настолько существенны, что дают основание полагать, что переводы договоров были выполнены разными переводчиками в разное время и отображают «две разнящиеся языковые стихии» (Обнорский 1960. С. 119). Позднее заключение С.П. Обнорского о разновременности переводов было отклонено (окончательно — в работах Я. Малингуди), но на разнохарактерность переводов договоров указывала и она сама, и другие исследователи («Текст договора 911 г. содержит больше ошибок и архаизмов, чем текст договора 944 г., и более слепо следует греческому оригиналу»: Каштанов 1996. С. 5). К числу таких отличий следует отнести не отмечавшуюся ранее насыщенность преамбулы и эсхатокола договора 911 г. парными

синонимическими словосочетаниями — в отличие от последующих договоров, которые лишены этой особенности.

Парные синонимические словосочетания, в большинстве своем не являющиеся устойчивыми (в отличие от формул: Творогов 1962), по своим морфологическим и семантическим характеристикам близки фольклорным двухкомпонентным структурам — сочетаниям слов, принадлежащих к одному лексико-грамматическому разряду (Хроленко 1981)². В «Новгородской первой летописи» младшего извода (и, соответственно, в «Начальном своде»), равно как и в «Повести временных лет», прежде всего в языке «Древнейшего сказания», они обильно представлены только в одном фрагменте: «Сказании о призвании варягов», где присутствуют атрибутивные (наибольшее количество), субстантивные и вербальные парные словосочетания, что может рассматриваться как реликт устной традиции, к которой восходит летописное повествование (Мельникова 2019). В последующем тексте «Повести временных лет» парные синонимические словосочетания практически не встречаются; кажется, единственный случай их употребления — в рассказе Гюраты Роговича о «заклепанных» в горах народах: «и в горах тех **кличь** великъ и **говорь**» (Лавр. Стб. 235. Здесь и далее выделение автора). «Кличь и говор» — субстантивное парное словосочетание с близкими по значению существительными *кличь* и *говорь*. Как и в «Сказании», оно употреблено в пересказе устной легенды, хотя в данном случае и восходящий к «Откровению» Мефодия Патарского (Карпов 2001), т.е. его употребление обусловлено эмоционально окрашенной устной речью и, как риторический прием, призвано усилить впечатление от рассказываемого.

Отсутствуют такие словосочетания и в правовых памятниках Древней Руси, прежде всего, в Русской Правде краткой редакции, поскольку вряд ли можно считать синонимичными словосочетания «кровав или синь» (ст. 2) и «отпадеть рука любо усохнуть» (ст. 5) (ПРП. С. 77), т. к. однородные прилагательные в первом случае и глаголы — во втором отражают разные жизненные ситуации. Таким образом, язык преамбулы и эсхатокола договора 911 г. представляет собой исключение не только в рамках летописного нарратива, но и в рамках собственно древнерусских правовых текстов и текстов других русско-византийских договоров.

² А. Т. Хроленко использует вошедший затем в лингвофольклористику термин «репрезентативные пары», под которыми понимаются устойчивые словосочетания.

Прембула:

«Равно другого свещания, бывшаго при тѣх же царьхъ Лва и Александра. Мы от рода Рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид, иже послани от Олга, великого князя Рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, **свѣтлых и великих** князь, и его великих боярь³, к вам, Лвови и Александрови и Костянтину, великим о Бозѣ самодержьцем, царемъ Греческим, **на удержание и на извещение** от многих лѣт межи христианы и Русью бывшею любовь, похотѣнем наших великих князь и по повелѣнню от всѣх, иже суть под рукою его сущих Руси. Наша свѣтлость болѣ инѣх хотящи еже о Бозѣ **удержати и извѣстити** такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многожды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружемъ своим, такую любовь **утвердити и извести по вѣре и по закону** нашему. Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣре и о любви, главы таковыя: по первому убо слову да умиримся с вами, Греки, да любим друг друга от всеа душа и изволения, и не вдадим, елико наше изволение, быти от сущих подъ рукою наших князь свѣтлых никакому же соблазну или винѣ; но потщимся, елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда лѣт с вами, Греки, **исповеданием и написанием** со клятвою извещаемуя любовь **непревратну и непостыжну**. Тако же и вы, Греки, да храните таку же любовь ко княземъ нашим свѣтлым руским и ко всѣм, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего, **несоблазну и непреложну** всегда и во вся лѣта».

Эсхатокол:

«На **утверженье** же и **неподвижение** быти меже вами, хрестьяны, и Русью, бывший миръ сотворихом Ивановымъ написанием на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащим честнымъ крестомъ и святою единосущею Троицею единого истиннаго Бога нашего, извѣсти и дасть нашимъ посломъ. Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога суща, яко Божие здание, **по закону и по покону** языка нашего, не преступити нам, ни иному от страны нашея от уставленных главъ **мира и любви**. И таковое написание дахомъ царства вашего на утвержение обоему пребывати такому совещанию, **на утвержение и на извещение** межи вами бывающаго мира. Мѣсяца сентября 2, индикта 15, в лѣто создания мира 6420» (ПСРЛ. 1997. Стб. 33–34, 37).

В договоре присутствуют многочисленные парные словосочетания — их насчитывается 12, и они представлены тремя грамматическими разрядами: субстантивным, вербальным и атрибутивным. Почти во всех субстантивных парах («на удержание и на извещение», «на утвержение и на извещение», «по вѣре и по

³ В Ипатьевской летописи: «...иже суть под рукою его свѣтлыхъ боярь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 23–24).

закону», «исповеданием и написанием», «по закону и по покону», «мира и любви») повторяется предлог⁴. Некоторые пары — при вариативности их компонентов — синонимичны: «на удержание и на извещение» / «на утверждение и на извещение». Две синонимичные вербальные пары полностью соответствуют субстантивным парам («удержати и извѣстити» — «на удержание и на извещение» и «утвердити и известити» — «на утверждение и на извещение»), что говорит об их особой (формульной) устойчивости. Эти две пары встречаются как в протоколе, так и эсхатокоде и, очевидно, имеют особо важное значение. Наконец, в договоре представлено несколько атрибутивных пар: «свѣтлых и великих» князей; любовь «непревратну и непостыжну», «любовь... несоблазну и непреложну». Как и в других парах словосочетаний, в атрибутивных парах также наблюдается варьирование в рамках синонимии: любовь «непревратна и непостыжна» / «несоблазна и непреложна».

Парные словосочетания используются только в преамбуле и эсхатокоде договора, но полностью отсутствуют в конкретных статьях, определяющих условия договора. Они насыщают те части текста договора, которые, как правило, имеют формульный характер и по своему содержанию приближаются к тексту упоминаемой в этих же разделах клятвы, которую должны принести послы-русы «оружьем своим» «по закону и по покону языка нашего»: договор должен быть «непревратен и непостыжен», а мир («любовь») «несоблазен и непреложен», его следует «удержати, утвердити и известити».

Особый случай представляет определение в Лаврентьевской летописи «князей», сущих «под рукой» Олега: в первом случае они именуется «светлыми и великими», что может являться парным синонимическим словосочетанием, во втором — «светлыми и рускими» — однородными определениями, характеризующими разные аспекты денотата, где «русский» указывает на этно(?)-политическую идентификацию князей. Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о терминологичности или нетерминологичности определений «светлые и великие» (см., например: Свердлов

⁴ Для фольклорных текстов повторение предлогов является свидетельством размывания репрезентативной пары (Артеменко, Бобунова 1992. С. 15–17), что, возможно, справедливо для «Сказания о призвании варягов», где в редакции «Повести временных лет» наблюдается сокращение фольклорных стилистических приемов по сравнению с «Новгородской первой летописью» («Начальным сводом»). Однако устойчивость повторения предлогов в тексте договора, как кажется, свидетельствует о том, что для правового текста это было скорее нормой, нежели отклонением от нее.

2003. С. 149–153), отмечу лишь, что устойчивым элементом здесь является прилагательное «светлый» — вероятно, заимствование греческого обозначения членов синклита: «λαμπρότατοι ἄρχοντες».

Отсутствие парных синонимических словосочетаний в договоре 944 г. и «размытое» эпитетом словосочетание в договоре 971 г. «хочю **имѣти миръ и свершену любовь**», известное по договору 911 г. («мира и любви»⁵), подтверждают специфику языка последнего и, возможно, говорят об особенностях процедуры его заключения.

Каковы могут быть источники этой особенности языка договора 911 г.? В византийских правовых текстах, таких как «Эклога» и «Книга епарха», наиболее близких по времени к дате заключения договора — оба свода составлены при Льве VI Мудром, — парные синонимические словосочетания, как кажется, отсутствуют. Они, однако, встречаются в хрисовулах, как, например, в хрисовуле Алексея I Комнина Христудулу от 1088 г.: δεσποτεία καὶ κυριότητι «владение и господство», κυρίως καὶ αὐθεντῶς «господственно и властно», ἀπαρσπλάστως τε καὶ ἀνυλεξαίρετώς «неотъемлемо и неотчуждаемо», αὐτοδέσποτος καὶ αὐτεξούσιος «самостоятельным и независимым» (Zachariae a Lingenthal 1857 P. 373; перевод М. В. Левченко: Сборник документов 1951. С. 192). По словам Т. В. Рождественской (но без соответствующей ссылки), Н. А. Лавровский считал выражения «на удержание и извещение», «удержати и известити», «утвердити и известити» «переводом греческих формул в хрисовулах и встречных византийских грамотах» (Рождественская 2002. С. 37; ср.: Лавровский 1853. С. 118–119). Отмеченные словосочетания не образуют устойчивых формул, и одни и те же понятия могут выражаться различными способами. Они являются риторическими фигурами, используемыми исключительно для усиления смысла⁶. Таким образом, насколько можно судить, употребление парных синонимических словосочетаний не характерно для византийских правовых текстов и документов, хотя окказионально они и могли использоваться как риторический прием для усиления значения высказываемого. В этом качестве

⁵ Словосочетание «мир и любовь» за исключением договоров встречается в тексте Лаврентьевской летописи только один раз — в статье 6605/1097 г., тогда как формула «сотворити/построити миръ» употреблена несколько десятков раз.

⁶ Впрочем, вопрос о встречаемости парных синонимических словосочетаний в византийских юридических и документальных текстах требует фронтального просмотра источников и самостоятельного изучения.

синонимические пары были распространены в разных видах текстов и в Античности, и в Средневековье⁷.

В скандинавской культурной традиции, напротив, парные синонимические словосочетания были широко распространены, в том числе — в правовых текстах. Они встречаются в древнейших записях областных законов: «Законах Гулагинга» (Норвегия) и «Древнейших законах вестёт» (Швеция, Западный Ётланд), но впоследствии исчезают⁸. Отличительной особенностью употребления таких словосочетаний является их включение в ритуальные речи тяжущихся: в публичном объявлении о преступлении, вызове преступника на тинг (и, соответственно, суд), предъявлении ему истцом обвинения и т.п., — но они полностью отсутствуют в санкционной части судебныхников. Так, в Древнейших законах вестёт» в разделе о человекоубийстве («Af mandrapi») наследник убитого должен вызывать убийцу на суд следующими словами: «Будь милостив, Бог, ко мне и моим свидетелям, в том, что ты (обвиняемый. — *Е. М.*) ранил его (или: нанес ему удар) **копьем и мечом**⁹, и ты его настоящий убийца...» (Sva se mærguð hol ok vattum minum, at þu bart . a . han **od ok æg** . ok þu ær sændær bani hans: Äldre Västgötalagen. 1827. § 1.1. S. 10–11), затем предъявить ему обвинение вместе с соприяжниками-свидетелями уже на тинге: «Будь милостив, Бог, ко мне и моим свидетелям, в том, что ты (обвиняемый. — *Е. М.*) ранил (или: нанес удар) его **копьем и мечем**, и потому я называю твое имя на тинге...» («Sva se mærgud hull . ok vattum minum at þu hælt hanum undir **od ok æg** ok sva gaf iac þer namn til a þingi»: Äldre Västgötalagen. 1827. § 1.3. S. 12), после чего истцы должны поклясться «в том, что ты (обвиняемый. — *Е. М.*) был на **месте преступления в гневе**¹⁰, и потому я называю твое имя на тинге» («...at þu værtu **vighuelli maþ v rassvilie**¹¹ ok sva gaf iak þær næmni til a þingi»:

⁷ Ср., например, их использование как риторического приема во французских записях судебных протоколов XIV–XV вв. (Тогоева 2006. С. 102–103). Сердечно благодарю В.М. Хусаинова, подсказавшего мне эту аналогию.

⁸ К сожалению, язык судебныхников крайне мало привлекал внимание исследователей (см.: Stähle 1965).

⁹ В действительности это мог быть любой вид оружия.

¹⁰ Формально по содержанию входящие в словосочетание слова не являются синонимами, однако они объединены аллитерацией, что указывает на их связанность, и характеризуют возможность совершения преступления (как «мечом и копьем» характеризует не конкретный способ убийства, а символизирует насильственность смерти): присутствие на месте происшествия и пребывание в эмоционально-возбужденном состоянии преступника.

¹¹ То же в гл. «О ранениях. 2».

Äldre Västgötalagen. 1827. § 3.1. S. 12). Поимка вора с поличным регламентируется следующим образом: «Если человек схватит все сразу, **и вора и ворованное**, украл ли он на два эре или больше, чем на два эре, нужно связать вору руки и привести на тинг. Призвать двух людей в свидетели против него, что он вор и украл эти вещи, и подтвердить потом с 12 соприсяжниками. Потом присудить его к [запрету] мстить, **к отрубанию и повешению, к дерну и дегтю**, [запрету] наследникам мстить за погибшего» («Takær maþær alt sæman **þins(f) oc þiust**. Hauir stolet til tvæggjæ oræ ællær þrem örum meræ. bindi handær a bak ok föri sva til þingss. lati tva mæn bæra vitni a hændær hanum . at æn ær þiwær at þyst þeræ. ok uiti æptir mæþ tylptær eþe lati siþæn domæ. Ugilden han **til vgs ok til hangæ. til torf ok til tyæru**. vgildæn siri arvæ ok æptir mælændæ»: Äldre Västgötalagen. 1827. § 8. S. 14). Если человек убьет человека в постели своей жены или в другом месте, застигнутого законно, со свидетелями, «он берет **перину и простыню**, везет их на тинг, показывает **кровь и смертельную рану**», после чего возбуждает обвинение против убитого, что должны засвидетельствовать две дюжины свидетелей («Dræpær maþar man i siangu hos kono sinni. ællær annarstad laglika maþ vittnum takin taki. **bulstær oc blæiur**. föri til þings lati sea **blod ok bænd** giui doþum sak. ok uittni mæd tuanni. typftum . næmdar mans uittnum...») (Äldre Västgötalagen. 1827. § 11. S. 15). В разделе о ранениях определяется понятие «полноценная рана», которая заслуживает компенсации: «Если ему [раненому] нужны **лекарство и повязка, полотно и плата лекарю**, то это полноценная рана» («Þorf við **spik ok spjær, lin ok lækirsgæf** þa er þæt fulsær»: Äldre Västgötalagen. 1827. S. 17). Обязательные, предписанные обычаем формульные фразы и ритуальные действия, хотя и впитали в себя отражения новой культурной ситуации — в них включаются обращения к Богу — отражают устную практику судопроизводства и, как считают ныне¹², восходят к традициям дописьменных обществ в Скандинавии (Brink 2005. P. 77–83).

Аналогичные по типу словосочетания, а также выражения с однокоренными словами (например, «суд присудил» — «dómg dómde», «возбудить иск» — «sókn søkia») широко используются

¹² Высказанные в 1960-е — 1970-е гг. сомнения в архаичности некоторых норм и способов их репрезентации в шведских областных судебныхниках, были отклонены в последние десятилетия, благодаря широкому спектру исследований устной традиции и дописьменной культуры. Обсуждение этих проблем см.: Ståhle 1965; Ståhle 1976; Brink 2005. P. 81–82).

и в «Законах Гулатинга» (Norges Gamle Love 1846. Passim. См.: Панкратова 2010). В более поздних судебныхниках количество парных словосочетаний резко сокращается.

Специфически скандинавской (германской?) особенностью парных синонимических словосочетаний, как и выражений с однокоренными словами, является обязательное использование аллитерации, которая служила облегчению меморизации правовых текстов в бесписьменном обществе — действующие законы рассказывались специально избираемыми законоговорителями (*lagmenn*) на областных тингах (собраниях свободных). При этом их речь, как полагают, была насыщена формулами (Brink 2005. P. 73). Аллитерация являлась также характерной чертой германского стиха.

Если древнейшие судебники содержат аллитерирующие синонимические пары в речах участников процесса, то приводимые в исландских родовых сагах клятвы буквально перенасыщены ими (см. о клятвах: Laing 2014). Показателен текст «образцовой» клятвы о мире¹³ в «Саге о Битве на Пустоши», произнесенной человеком, которого окружающие считают лучшим знатоком клятв:

Вот начало нашей клятвы, и оно в том, что все равны перед Богом. Мы должны быть также равны и друг перед другом и доверять другому за **брагой и за брашном, на тинге и на торге, в кирке Божьей и в конунговых палатах**, и везде, где встречаются люди, мы должны вести себя так, как если между нами никогда не было распри. Мы будем делить **клинок и кровавое мясо** и все, что у нас будет, **как сродники, а не как супостаты**. А если распря случится между нами, то пусть **звонят дьенги, а не летят дроты**, а если кто из нас нарушит слово сговора и подымется на порукой укрытого, то влачить ему дней остаток, как волку повсюду, где люди вдалеке волков отгоняют, рабы Христа в церковь ходят, язычники капище освя-

Ðað er upphaf gríðamála vorra að guð sé við oss alla sáttur. Vér skulum og vera menn sáttir vor í millum og samværir **að öldri og að áti, á þingi og á þjóðstefnu, að kirkna sókn og í konungs húsi** og hvervetna þar er manna fundir verða. Þá skulum vér svo sáttir sem aldrei hafi fjandskapur vor í millum verið. Vér skulum deila **kníf og kjötstykki** og alla hluti vor í milli **sem frændur en eigi fjándur**. Ef sakar gerast héðan af á milli vor, þær skal fé bæta **en eigi flein rjóða**. En sá vor er gengur á gervar sættir eða vegur á veittar tryggðir þá skal hann svo víða vargrækur og rekinn sem menn víðast varga reka, kristnir menn kirkjur sækja, heiðnir menn hof blóta, eldar upp brenna, jörð grær, mögur móður kallar, skip skriður, skildir blíka, sólskin snæ lægir, Finnur skríður, fura vex, valur flýgur

¹³ Клятва о мире — ритуальный текст при заключении мировой или по окончании смуты в стране. «Перечень аллитерированных формул внутри клятвы составляет описание мира; такой прием нужен для того, чтобы провозгласить обязательную силу и всеобщность клятвы для всех членов общины во всех мыслимых ситуациях» (Сага о Битве на Пустоши 2000. С. 330).

щают, огонь вверх подымается, земля травой покрывается, сын зовет мать, ладья скользит по волнам, блестят щиты, свет солнца растапливает снег, финн бежит на лыжах, сосна ввысь тянется, ворон парит весенним днем, пусть ветер дует ему под оба крыла, небо вращается, мир заселяется, ветер веет, вода из озер вытекает в море, а селяне рожь сеют. Нет ему места в церквях и среди христиан, **в доме Бога, и в доме бонда**, и нет у него иного приюта, кроме Нифльхейма. Да поручится каждый из нас перед другом за себя и своих потомков, **рожденных и нерожденных, славных и бесславных, именитых или безвестных**, и да встретит он **веру и верность** навеки, верность во всем и перед всеми, и пусть ее не забудет, пока живы люди и твари земные.

Теперь мы равны и сговорены, и встретимся ли на суше, или на стрежне, на струге или на снегу, в соленых волнах или в седле, у переправы или у пробойны в борте, на гребной скамье или на палубе, мы поможем друг другу в нужде, как сын отцу или как отец сыну, во всем. Протянем же в знак дружбы друг другу руку, и останемся друг другу верны по воле Христа и по желанию всех, внимающих сейчас слову сговора. Тому милость Бога, кто будет верен, и гнев Бога тому, что порвет с нашим правым делом, и милость тому, кто верен. Закончено наше слово, и да будем равны перед богом (Сага о Битве на Пустоши. С. 101–102).

vorlangan dag standi honum beinn byr undir báða vængi, himinn hverfur, heimur er byggður, vindur vex, veitir vatn til sjóvar og karlar korni sá. Hann skal firrast kirkjur og kristna menn, **guðs hús og guma**, heim hvern nema helvíti. Tekur hver vor tryggðir við annan fyrir sig og sinn erfingja, **alinn og óborinn, getinn og ógetinn, nefndan og ónefndan**, en hver veitir í mót **tryggðir og ævintryggðir**, mætar **tryggðir og megintryggðir** þær er æ skulu haldast meðan moldir og menn lifa. Nú erum vér sáttir og sammála hvar sem vér finnumst **á landi eða á legi, skipi eða á skíði, í hafi eða á hestbaki, árar að miðla og ausskotu, þóftu og þilju**, ef þarfar gerast, jafnsáttur hver við annan sem sonur við föður eða faðir við son í samförum öllum. Höfum nú lófatak að tryggðamálum og höldum vel tryggðir að vilja Krists og að vitni allra manna þeirra er nú heyrðu tryggðamál. Hafi sá guðs hylli er heldur tryggðir en sá gremi guðs er rýfur réttar tryggðir en hylli sá er heldur. Höfum heilir sæst en guð sé við alla sáttur (Heiðarvíga saga. Kap. 33).

«Сага о Битве на Пустоши», записанная ок. 1200 г., считается одной из древнейших и наиболее архаичных родовых саг (Finlay 2004). Ее действие происходит в начале XI в., а сама битва датируется 1014 г. Аналогичная клятва приведена также в исландской родовой «Саге о Греттире» (Grettis saga 1936. Kap. 72. Bls. 231–232). Древность текста подтверждается чрезвычайно

близкой по форме и по содержанию клятвой, которую должен принести лагман при установлении мира после распри, в исландском судебнике «Серый Гусь» по рукописи *Staðarhólsbók* (Grágás 1879. Kap. 115. Bls. 206, ср.: Bls. 406–407. См.: Langeslag 2015. P. 107–108). Сходная формула, также с парными словосочетаниями, имеется в «Законах Гулатинга», хотя в ней их набор несколько отличается от исландских текстов (*Gulapingslög* 1846. Kap. 320. S. 110). Клятва мира должна предотвратить продолжение кровной мести между враждующими родами. Ошибка в ее произнесении чревата возобновлением вооруженных столкновений, что неоднократно использовалось, судя по рассказам саг, участниками распри, которые не желали мира, но под давлением обстоятельств вынуждены были принять его на тинге.

В мифо-эпическом контексте клятва мира закрепляется в стихотворной форме, но сохраняет те же основные элементы (Riisoy 2016). Так, Вёлунд требует от пленившего его конунга Нидуда:

“Eiða skaltu mér áðr
alla vinna,
at **skips borði**
ok at **skjaldar rönd**,
at **mars bægi**
ok at **mækis egg**,
at þú kvelj-at
kván Völundar
né brúði minni
at bana verðir...

(Völundar kviða, 33)

«Сперва поклянись мне
крепкой клятвой,
бортом ладьи
и **краем щита**,
конским хребтом
и **сталью меча**,
что не сгубил ты
супруги Вёлунда,
что не был убийцей
жены моей милой;

(Старшая Эдда 1963. С. 72)

Смысл клятвы, которую должен принести Нидуд, в том, чтобы названные предметы принесли ему гибель, если клятва будет лживой. Во «Второй Песни о Хельги убийце Хундинга» раскрываются последствия клятвопреступления, причем называемые здесь санкции чрезвычайно близки санкциям «образцовой» клятве в «Саге о Битве на Пустоши»:

Þik skyli allir
eiðar bíta,
þeir er Helga
hafðir unna
at inu ljósa
Leiftrar vatni
ok at úrsvölum
Unnarsteini.

«Пускай тебя
покарают те клятвы,
которые дал ты
когда-то Хельги,
клялся ты светлой
влагой Лейфтра
и камнем Унн
в холодной росе!

Skríði-at þat skip,
er und þér skríði,
þótt óskabyrr
eftir leggisk;
renni-a sá marr,
er und þér renni,
þóttú fjánder þína
forðask eigr.

Bíti-a þér þat sverð,
er þú bregðir,
nema sjalfum þér
syngvi of höfði.
Þá væri þér hefnt
Helga dauða,
ef þú værir vargr
á viðum úti
auðs andvani
ok alls gamans,
hefðir eigi mat,
nema á hræjum spryngir.”

(Helgakviða Hundingsbana II,
31–33)

Пусть не плывет
отныне корабль твой,
как бы ни дул
ветер попутный!
Пусть не бежит
конь твой послушно,
когда от врагов
спасенья ты ищешь!

Пусть не разит
меч твой в битве,
разве что сам ты
сражен им будешь!
Было бы мезью
за гибель Хельги,
если б ты волком
скитался в чаще,
нищим и сырым,
вечно голодным,
разве что трупы
тебя б насыщали!»

(Старшая Эдда 1963. С. 90)

Отголоски этих наказаний клятвopеступника сохранились в тексте договора Игоря, хотя и в крайне сокращенном виде, причем как в протоколе, так и в эсхатоколе:

Протокол

Игорь установил «любовь съ самѣми цари, со всѣмъ болярствомъ и со всѣми людьми Гречьскими на вся лѣта, дондеже съяет солнце и весь миръ стоять. И иже помыслить от страны Руския разрушити такую любовь...да примуть мезть от Бога вседержителя, осуженье на погибель **въ весь вѣкъ в будущий**; и елико ихъ есть не хрещено, да **не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не ушитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, от стрѣль и от иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущий**».

(ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47)

Эсхатокол

«а иже преступить се от страны нашея... да **не имуть помощи от бога, и да будетъ рабъ въ весь вѣкъ в будущий**, и да **заколенъ будетъ своимъ оружьемъ**... Аще ли же кто... преступить се..., **будеть достоинъ своимъ оружьемъ умерети, и да будетъ клясть от бога и от Перуна**, яко преступи свою клятву. Да... хранить си любовь правую, да не разрушится, **дондеже солнце съяетъ и весь миръ стоять**».

(ПСРЛ. Т. 1. Стб. 53)

Некоторые из санкций повторяются дословно и полностью соответствуют текстам древнескандинавских клятв: мир должен сохраняться «дондеже съяет солнце и весь мир стоять» (ср.: «...пока сияет солнце... и мир населен...») «...sól scín... heimr er bygðr...» в клятве, приведенной в «Grágás»); «в весь век в будущий» (в дошедших до нас текстах клятв это условие сформулировано как перечисление конкретных природных и общественных явлений, а также выражением «рожденные и нерожденные»; ср. также в договоре 911 г.: «всегда и во вся лѣта»); «не имуть помощи от Бога (ни от Перуна)» (ср.: «Тому милость Бога, кто будет верен, и гнев Бога тому, что порвет с нашим правым делом, и милость тому, кто верен» в клятве «Саги о Битве на Пустоши», написанной уже в христианскую эпоху); обращение его собственного оружия против нарушившего клятву сформулировано в протоколе и эсхатоколе (дважды) по-разному, но смысл заклания остается тот же (ср.: клятву во «Второй песни о Хельги Убийце Хундинга», тот же смысл имеет клятва Вёлунда; в «Grágás» это положение заменено отторжением от «церкви и христиан»); «да будут раби...» (ср.: десоциализацию клятвопреступника — превращение в изгоя («волка») — во всех известных древнескандинавских клятвах). Таким образом в договоре Игоря представлены в краткой форме все основные смысловые узлы скандинавских клятв о мире: вечность заключаемого мира, утрата покровительства богов или Бога, обращение собственного оружия против клятвопреступника и его десоциализация. В договоре 911 г. клятва русов-язычников не приводится, но отмечается тот же, что и в договоре Игоря, ритуал — ее принесение на оружии («кленшееся оружием своим»), и ее культурная атрибуция — «по закону и по покону языка нашего».

В отличие от использования парных синонимических словосочетаний в античной, византийской, западноевропейской литературе, в том числе и юридической, в качестве риторического приема, в древнескандинавских текстах они несут несравненно более важную содержательную нагрузку. В Скандинавии времени записи приведенных памятников сохранялась вера в магическую силу «связанного слова», т.е. поэтического текста, в котором слова были связаны прежде всего аллитерацией. Неслучайно нид — хулительное стихотворение — был запрещен тем же исландским сводом законов «Серый гусь» как наносящий вред человеку, против которого он направлен, причем наказание за произнесенный нид было таким же, как за нанесение тяжелого ранения или не-

которые виды убийства — изгнание (Almqvist 1965–1974, Матюшина 1994). «Связанные» аллитерацией словосочетания, равно как и повторы одних и тех же слов, обладали сами по себе магической силой и потому широко использовались в заговорах и заклинаниях (зафиксированных, например, в рунических надписях из «Бергенского архива»: Мельникова 2014. С. 9). Они были не риторическими фигурами, а действенным средством вербальной магии, призванным воплотить желаемое в жизнь, в реальность этого средства без каких-либо сомнений скандинавы верили и в XIII–XIV вв.

Другой важной функцией аллитерирующих словосочетаний была меморизация текста, поскольку вплоть до XII в. древнескандинавские общества не обладали письменностью, пригодной для записи пространственных текстов.

«Род русский» и «великие князья руские», от имени которых заключаются договоры Олега и Игоря, — это скандинавы, осевшие в Восточной Европе и к середине X в. более или менее интегрировавшиеся в славянский мир и даже приобщившиеся к христианству. Русы же Олега, еще только-только закрепившиеся в новом для них регионе — в Киеве, в полной мере сохраняли свои культурные традиции. Анализ формулировок клятв о мире наглядно свидетельствует о сохранении скандинавской правовой практики и ритуальности, по меньшей мере в процедуре ратификации договоров (ср.: Stein-Wilkeshuis 2002; но также и в отдельных нормах права: Stein-Wilkeshuis 1991; Никольский 2004). Поэтому представляется более чем вероятным, что парные синонимические словосочетания в преамбуле и эсхатоколе договора 911 г. восходят к древнескандинавскому языку права, насыщенному аллитерирующими (что, естественно, было утрачено еще при записи договора на греческом языке) синонимическими парами.

Надо отметить, что аналогичная особенность — насыщенность парными синонимическими словосочетаниями — отличает, как уже говорилось, и язык «Сказания о призвании варягов», в основе которого, видимо, лежит «ряд» с одним из отрядов викингов, обосновавшимся в Ладожско-Ильменском регионе за некоторое время до появления Олега в Поднепровье (Мельникова 2019). В обоих случаях, как представляется, язык договоров со скандинавами изначально сохранял язык скандинавских правовых практик. Но если это было естественно для соглашения между представителями скандинавов и славян, не имевших письменности (скандинавы —

письменности, пригодной для деловых документов)¹⁴, то включение «скандинавизмов» в документ, подготовленный византийскими имперскими чиновниками, требует специального объяснения.

Таким объяснением, вероятно, могут служить условия, в которых заключался договор, и сама процедура его заключения. Хотя поход Олега не получил отклика в византийских источниках (обзор см.: Мельникова 2018), а рассказ о нем в летописях (так называемое «обрамление» договора) восходит к устной (эпической?) традиции, вряд ли есть основания сомневаться в его реальности, равно как и в его успехе — о чем говорят крайне выгодные для русов условия договора. В угрожающей обстановке, фактически потерпев поражение, византийские власти заключают договор, который должен был обеспечить им в первую очередь безопасность, во вторую — выгодного в перспективе торгового партнера, пока еще мало знакомого для них (регулярный найм росов на военную службу начинается лишь в первое десятилетие X в. См. подробно: Щавелев 2017. С. 86–90). Естественно, что в такой ситуации должно было быть проявлено максимальное внимание к требованиям послов русского князя, и их «речи», как и предложения представителей византийской канцелярии, очевидно, тщательно записывались — процедура, которая вообще являлась нормой в дипломатической практике Византии (Малингуди 1966. С. 72). «Речи» послов-скандинавов, еще только вступивших в тесные контакты как со славянами, так и с византийцами, не могли не использовать традиционные для скандинавской правовой культуры если не процессуальные действия, то процессуальную риторику со всеми присущими ей особенностями, в том числе парными словосочетаниями. Окончательный текст договора основывался на этих записях и, насколько можно судить, воспроизводил (по крайней мере, в основном) «речи» послов-росов. Об этом говорит направление речевой коммуникации, во всех без исключения случаях отражающее позицию русов. На протяжении всего договора, как в преамбуле и эсхатоколе, так и в конкретных статьях, по отношению к византийцам употребляется исключительно местоимение «вы/ваш» («вы, греки» — 3 раза, «царь ваш» — 5 раз, «бог ваш» — 1 раз, «вы, христиане» — 1 раз, в общей сложности 9 раз), по отношению к русам — только местоимение «мы/

¹⁴ Впрочем, как показывает новейшая расшифровка надписи на дверном кольце из Форса (Хельсингланд, Швеция), датированного ныне IX в., запись рунами правовых текстов практиковалась (Brink 1996).

наш» («мы, русь» — 3 раза, «князь наш» — 5 раз, «вера и закон наш» — 1 раз, «наше изволение» — 1 раз, «наш посол» — 1 раз, «мы кляхмся» — 1 раз, «по закону и по покону языка нашего» — 1 раз, «не преступити нам» — 1 раз, «от страны нашея» — 1 раз, в общей сложности 15 раз). Надо отметить и то, что реалии, к которым относится местоимение «наш», значительно разнообразнее, в их числе синонимы или близкие по значению слова (например, «вера и закон» и «закон и покон»). Эта особенность также отличает договор Олега от договора Игоря, где направление речевой коммуникации постоянно меняется (иногда хаотично).

Таким образом, есть основания полагать, что текст договора 911 г. представляет собой, по крайней мере в основной своей части, запись речей послов Олега, структурированных и отредактированных византийскими дипломатами в соответствии с византийскими правилами делопроизводства, и, не исключено, что отчасти и традициями византийской риторики.

ЛИТЕРАТУРА

- Артеменко Е. Б., Бобунова М. А.* Репрезентативные пары и их модификации в свете фольклорной парадигмы и синтагматики // Синтагматика и парадигматика фольклорного слова. Курск, 1992. С. 3–19.
- Афиногенов Д. Е.* К проблеме реконструкции греческого текста договора князя Олега с греками 911 года // *Ruthenica*. Київ, 2014. Т. XII. С. 22–28.
- Истрин В. М.* Договоры русских с греками X века // *ИОРЯС*. 1924 г. Л., 1925. Т. XXIX. С. 383–393.
- Карпов А. Ю.* «Заклепанные человеки» в летописной статье 1096 г. // *Очерки феодальной России*. М., 2001. Вып. 3. С. 3–24.
- Капитанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Лавровский Н.* Византийский элемент в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.
- Максимович К. А.* Договоры Руси с Византией X в.: Проблемы датировки перевода, языка и традиции текста. [Электронный ресурс] URL: <https://studylib.ru/doc/564634/dogovory-rusi-s-vizantie-j-x-v->
- Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики (ч. 1) // *ВВ*. 1996. Т. 56 (81). С. 68–91.
- Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики (ч. 2) // *ВВ*. 1997. Т. 57 (82). С. 58–87.
- Матюшина И. Г.* Магия слова. Скальдические хулительные стихи и любовная поэзия М., 1994.

- Мельникова Е. А.* «Я помню тебя...»: бытовая руническая письменность в Скандинавии // *Stratum plus*. 2014. №5: Памяти Ю. М. Лесмана. С. 1–11.
- Мельникова Е. А.* Олег, князь киевский // *Православная энциклопедия*. М., 2018. Т. 52: Ной–Онуфрий. С. 557–564.
- Мельникова Е. А.* Несколько замечаний о языке «Сказания о призвании варягов» // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019. № 1 (75). С. 83–87.
- Никольский С. Л.* Мнимые реальности смешанного права русско-византийских договоров 911 и 944 гг. // *ВЕДС-XIV: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии*. М., 2002. С. 168–174.
- Никольский С. Л.* О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // *Средневековая Русь*. М., 2004. Вып. 4. С. 5–48.
- Обнорский С. П.* Язык договоров с греками // *Язык и мышление*. 1936. № 6–7. С. 79–103 [цит. по: *Обнорский С. П.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 99–120].
- Панкратова М. В.* Устойчивые выражения в древненорвежских «Законах Гулатинга» и «Ландслове» — следы устной традиции? // *ВЕДС-XXII: Устная традиция в письменном тексте*. М., 2010. С. 210–215.
- ПРП — Памятники русского М., 1952. Т. I: Памятники права Киевского государства / Сост. А. А. Зимин.
- ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
- ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.
- Рожественская Т. В.* К вопросу о лингвистическом изучении договоров Руси с греками X в. // *А се его серебро: Збірник праць на пошану чл.-корр. НАН України М. Ф. Котляра / Відпов. ред. В. Смолій. Київ, 2002. С. 33–40.*
- Сага о Битве на Пустоши* // *Исландские саги / Пер., общая ред. и коммент. А. В. Циммерлинга*. М., 2000. С. 44–110.
- Сборник документов по социально-экономической истории Византии / Под ред. Н. В. Пигулевской*. М., 1951.
- Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.
- Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна, ред., вст. статья и коммент. М. И. Стеблин-Каменского*. М.; Л., 1963.
- Творогов О. В.* Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // *ТОДРЛ*. 1962. Т. 18. С. 277–284.
- Тогова О. И.* «Истинная правда»: Языки средневекового правосудия. М., 2006.
- Хроленко А. Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981.
- Щапельев А. С.* «Держава Рюриковичей» в первой половине X века: хронология, территория и социальная структура // *Петербургские славянские и балканские исследования / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1. С. 82–112.

- Äldre Västgötalagen // Samling af Sweriges Gamla Lagar / Utg. af D. Collin, D.C.J. Schlyter. (Corpus iuris gotorum antiqui) Stockholm; Lund, 1827. B. I.
- Almqvist B.* Norrøn Niddikning. B. 1–2. Stockholm, 1965–1974.
- Brink S.* Forsaringen. Nordens äldsta lagbud // Beretning fra femtende tværfaglige vikingesymposium / Ed. E. Roesdahl, P. Meulengracht Sørensen. Højbjerg, 1996. P. 27–55.
- Brink St.* *Verba volant, scripta manent?* Aspects of Early Scandinavian Oral Society // Literacy in Medieval and Early Modern Scandinavian Culture / Ed. P. Hermann (Viking Collection, 16). Odense, 2005. P. 59–117.
- Finlay A.* Two Borgfirðinga sögur: the oldest or the youngest Íslendingasögur? // Sagas & Societies. International Conference. Borgarnes, Iceland. September 5.–9. 2002. Preprints. Borgarnes, 2002.
- Grágás: Efter det Arnamagnæanske handskrift nr. 334 fol., Staðarhólsbók / Vilhjálmur Finsen gaf út. København, 1879.
- Grettis saga Ásmundarsonar. Bandamanna saga. Odds þátr Ófeiggssonar / Guðni Jónsson gaf út. (Íslensk Fornrit, 7). Reykjavík, 1936
- Gulapingslög // Norges gamle Love indtil 1387. Ifølge offentlig Foranstaltning og tillige med Understøttelse af det Kongelige Norske Videnskabers Selskab udgivne ved R. Keyser og P.A. Munch. Christiania, 1846. B. 1: Frostatingslög. Gulatingslög.
- Heiðarvíga saga // Borgfirðinga sögur / Guðni Jónsson ok Sigurður Nordal gáfu út. (Íslensk fornrit, 3). 2 utg. Reykjavík, 1955. Цит. по: [Электронный ресурс] URL: <http://www.snerpa.is>. Доступ 1.12.2019.
- Helgakviða Hundingsbana II // Eddukvæði. Sæmundar-Edda // Guðni Jónsson bjó til prentunar. Цит. по: [Электронный ресурс] URL: <http://www.heimskringla.no/wiki/V%C3%B6lundarkvi%C3%B0a>. Доступ 1.12. 2019.
- I trattati dell'antica Russia con l'Imperio romano d'Oriente / Dir. P. Catalano, A.N. Sacharov. Roma, 2011.
- Laing G.L.* Bound by Words: Oath-taking and Oath-breaking in Medieval Iceland and Anglo-Saxon England. Diss. Western Michigan University, 2014.
- Langeslag P.S.* Seasons in the Literatures of the Medieval North. Cambridge, 2015.
- Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jahrhunderts aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994.
- Miller D.A. Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1025 // Byzantinoslavica. 1971. T. XXXII. P. 56–76.
- Norges Gamle Love indtil 1387 / Udg. ved Keyser, R. Munch, P. Andreas. Christiania, 1846. B. I.
- Riisoy A.I.* Performing Oaths in Eddic Poetry: Viking Age Fact or Medieval Fiction? // Journal of the North Atlantic. 2016. Vol. 8. P. 141–156.
- Stein-Wilkeshuis M.* A Viking-age Treaty between Constantinople and Northern Merchants, with its Provisions on Theft and Robbery // Scando-Slavica. 1991. T. 37. P. 35–47.

- Stein-Wilkeshuis M.* Scandinavians Swearing Oaths in Tenth-Century Russia: Pagans and Christians // *Journal of Medieval History*. 2002. Vol. 28. P. 155–168.
- Ståhle C.I.* Lagspråk // *Kulturhistorisk Lexikon for Nordisk Medeltid*. København, 1965. B. 10. S. 167–177.
- Ståhle C.I.* Om Dalalagens ålderdomlighet och ålder — och Kopparbergsprivilegiernas oförbätterliga “sik biwipär” // *Nordiska studier i filologi och lingvistik*. Festskrift tillägnad Gösta Holm på 60-årsdagen den 8 juli 1976 / Ed. L. Svensson, A.M. Wieselgren and Å. Hansson. Lund, 1976. S. 392–401.
- Völundar kviða // *Eddukvæði. Sæmundar-Edda* // Guðni Jónsson bjó til prentunar. Цит. по: [Электронный ресурс] URL: <http://www.heimskringla.no/wiki/V%C3%B6lundarkvi%C3%B0a>. Доступ 1. 12. 2019.
- Zachariae a Lingenthal K.* *Jus Graeco-Romanum*. Lipsiae, 1857. T. III.

Elena A. Melnikova

TWIN SYNONIMIC WORD COMBINATIONS IN THE RUSSIAN AND BYZANTINE TREATY OF 911 AND IN OLD NORSE LEGAL TEXTS

The article discusses a specific feature of the language of the Russian and Byzantine treaty concluded in 911 — twin synonymic word combinations that abound in the opening and concluding parts of the treaty. They are represented by several lexical-grammatical groups, substantive, verbal, and attributive. The usage of such word combinations has no parallels in Old Russian legal texts and historiography but for the *Legend about the invitation of the Varangians*. In Byzantine legal documents (*chrysobulls*) they sporadically appear as a rhetorical figure to strengthen the meaning of the utterance. The closest analogy can be found in the wording of the Old Norse oldest legal codes, as well as in the oaths where alliterating twin word combinations perform magic function, on the one hand, and serve as a memorization tool, on the other. In the situation after Oleg’s successful attack on Constantinople, Byzantine officials can be supposed not only to write down the speeches of Oleg’s emissaries as it was a standard procedure, but also include them in the final text of the treaty though structuring them and editing to the text according to the Byzantine diplomatic practice.

Key words: Russian and Byzantine treaty of 911, twin synonymic word combinations, Old Norse legal codes, oaths, compilation of the treaty

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-84-102

И. Е. Суриков

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ В НЕКОТОРЫХ ВАЖНЫХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ НАДПИСЯХ КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

В статье указывается на то значение, которое имеют для изучения дипломатических практик так называемые «греческие исторические надписи». Приводится ряд характерных примеров из эпиграфических памятников V в. до н.э., в основном афинских. Это как договоры, так и декреты афинского народного собрания, и в них содержатся важные свидетельства о дипломатии классической эпохи.

Ключевые слова: Древняя Греция, классическая эпоха, Афины, Афинская архэ, дипломатические практики, надписи, договоры, декреты, клятвы

И поныне нельзя назвать однозначно решенным вопрос о том, является ли «колыбелью» европейских дипломатических практик древнегреческая цивилизация или же римская. Ясно, что и мы в рамках небольшой статьи, посвященной куда более конкретному кругу сюжетов, не дадим исчерпывающего ответа на столь глобальный вопрос. Однако с самого начала представляется необходимым обозначить нашу принципиальную позицию в связи с ним.

Чаше эту роль, конечно, отводят римлянам, видя основу всего западного международного права в римском *ius gentium*. Подобная точка зрения имеет свои резоны. В римском обществе все и в целом было как-то более институционализировано, нежели в мире эллинских полисов (о причинах подобной ситуации здесь рассуждать не место), что отразилось и в создании в Риме блистательной системы права, оказывающей колоссальное влияние на человечество вплоть до наших дней; греки ничего подобного не создали. Сказанное относится и к той сфере права, которое регулировало межгосударственные отношения; здесь между греческими и римскими реалиями также наблюдаются существеннейшие расхождения (см. сравнительный анализ: Bolmarcich 2015; Champion 2015).

Все это так. Однако же справедливо в последнее время обращается внимание на то, что на саму римскую систему *ius gentium* повлияли древнегреческие нормы (см., например: Кофанов 2009). Речь идет прежде всего о нормах эллинистического времени — именно тогда резко интенсифицировались контакты римлян с эллинскими государствами. Отметим, в частности, что римское морское право, в сущности, зиждилось на таком замечательном юридическом памятнике, как Родосский морской закон (Ashburner 1909), разрабатывавшийся на славном своим мореплаванием греческом острове Родос уже с начала эпохи эллинизма, если не раньше. Приведем и другой пример. Относительно недавно стал известен ценнейший историко-юридический документ — Таможенный закон провинции Азия (Суриков 2015а), наглядно демонстрирующий, как «работало» римское право в восточных, грекоязычных регионах империи. Закон был написан в I в. н.э. (при Нероне) римскими властями и на латинском языке (затем переведен с него на древнегреческий), но включил в себя древнейшие узаконения, восходящие к самым ранним годам существования провинции Азия, а в каких-то своих элементах — даже к еще более раннему периоду, когда на ее месте находилось Пергамское царство Атталидов (до 133 г. до н.э.).

Римляне, собственно, никогда не скрывали и не замалчивали своего долга перед греками в правовой сфере (соответствующие пассажи легко найти и у Цицерона, и у Плиния Младшего, и у многих других авторов). Подчеркнем еще, что к эллинистическому времени греческое право имело уже достаточно почтенную историю (лучший труд о его первых шагах: Gagarin 1986). В сфере дипломатических практик весьма рано родились такие институты¹, как ксения и проксения, обмен посольствами, межгосударственные договоры, союзы государств (амфикионии, симмахии, эпимахии, κοινά и др.), симполития, исополития, эпигамия — этот перечень можно было бы еще долго продолжать. В дальнейшем для них не удержались греческие термины, уступив место в основном латинским по этимологии; тем не менее роль греков в формировании подобных институтов нельзя сбрасывать со счетов.

В данной статье материал привлекается как раз из доэллинистического времени. В основном будем придерживаться хронологических рамок классической эпохи. Кстати, специфической чертой

¹ О некоторых из них см.: Chaniotis 2004.

одной части данного временного отрезка, а именно V в. до н.э., является существование такого мощнейшего межполисного объединения, как Делосский союз, или Афинская архэ. С входивших в него городов афиняне ежегодно взимали форос, в связи с чем разрослась сеть финансовых учреждений (о разных аспектах этой темы см.: Figueira 1998; Samons 2000; Cohen 2000). Притом Архэ все-таки не переросла в единое государство, так что отношения между Афинами и союзниками следует трактовать не как внутриполитические, а как внешнеполитические, дипломатические (хотя и неравноправные, с диктатом одной стороны²).

Бесценным кладезем данных для интересующих нас периодов остается фундаментальный компендиум Г. Бенгтсона (Bengtson 1975). В нем собраны свидетельства из разных источников, в том числе письменных (всем известно, что тексты многих межгосударственных договоров приводятся древнегреческими историками, для классической эпохи — особенно часто Фукидидом), но нас ограниченный лимит объема побуждает обратиться только к эпиграфическим памятникам (и то, понятно, не ко всем, а к избранным, наиболее показательным).

Хорошо известны два важнейших достоинства этих последних. Во-первых, надписи — источники, как правило, современные тем реалиям, которые в них отражены. Соответственно, в них в норме не должно быть искажений фактов, порожденных большой временной дистанцией и забвением деталей (хотя, само собой, могут встречаться искажения, порожденные сознательной тенденциозностью). Во-вторых, их корпус продолжает постоянно пополняться, в то время как корпус античных нарративных текстов почти закрыт. Почти — потому, что иногда случаются пополнения и в нем (за счет новых папирусных находок), но настолько редко, что каждое значимое из них становится событием в науке³, в то время как для эпиграфики это повседневность и рутина.

Какие же конкретно памятники представляются интересными в нашем контексте? Давно получило право на существование выражение «греческие исторические надписи». Оно фигурировало уже в заголовке издания, предпринятого еще в 1940-х гг. М. Тодом (Tod 1946–1948). Издание это, образцовое на момент своего выхода, все

² Ср. определение политики Афин в это время как «государственного рэкета» (Russell 2017. P. 68–69).

³ Как открытие «Афинской политики» Аристотеля или — ближе к нашему времени — больших фрагментов поэмы Симонида Кеосского о Платейской битве.

же, разумеется, со временем стало нуждаться в обновлении. Для первого тома Тода такое обновление было осуществлено уже в 1960-х гг. Р. Мейггсом и Д. Льюисом (ныне обычно пользуются дополненным переизданием: Meiggs, Lewis 1989), а относительно недавно мы дождались того, что аналогичная работа была проделана и применительно к его второму тому (Rhodes, Osborne 2007).

Термин «исторические надписи» не означает, что таковые содержат прямой исторический нарратив или, скажем, дают информацию об историках⁴. Дело в другом: это те надписи, которые наиболее важны для исследования античной истории. Среди них есть подлинные «жемчужины» — такие, например, как «Стела основателей» из Кирены, «декрет Фемистокла» из Трезена, «Платейская клятва». В свое время мы посвятили им специальную статью (Суриков 2013а; затем вошла в: Суриков 2015б. С. 371–394), а чуть позже опубликовали в своем переводе довольно большую их подборку (Суриков 2014. С. 225–279). Этим переводом далее и будем пользоваться. Давать полный греческий текст самих надписей нет резона (в каждом случае присутствует ссылка на доступное издание), в оригинале будут приводиться, по мере необходимости, только терминологически важные места. Порядок документов в основном хронологический — насколько это возможно, ибо далеко не все они поддаются датировке с точностью до года, а некоторые вообще могут быть датированы только в пределах века.

* * *

«Декрет Фемистокла» (ML.23). Место находки (editio princeps: Jameson 1960) — Трезен, городок на северо-востоке Пелопоннеса, считавшийся как бы «городом-побратимом» Афин: согласно легендарно-исторической традиции, именно в Трезене родился главный афинский мифологический герой, «афинянин по преимуществу», — Тесей. Сама надпись датируется IV в. до н.э., однако в ней воспроизводится тот самый знаменитый декрет, который был принят в Афинах по инициативе Фемистокла в 480 г. до н.э., в годину нашествия Ксеркса на Элладу. Насколько текст надписи соотносится с текстом реального декрета — по этому вопросу в науке велась острейшая дискуссия (возможно, составители надписи контаминировали несколько декретов, последовательно принятых

⁴ В этом аспекте древнегреческие надписи тоже исследовались (Chaniotis 1988), но нас сейчас интересует не он.

афинским народным собранием с подачи Фемистокла)⁵. В любом случае данный памятник, как бы его ни расценивать с точки зрения аутентичности, является одним из важнейших древнегреческих эпиграфических текстов исторического содержания.

В 481 г. на Коринфском конгрессе был создан т.н. Эллинский союз для отражения ожидаемой персидской агрессии (Kienast 2003). Значение этого объединения в древнегреческой истории весьма велико, а между тем по количеству членов он был немногочислен: в него входило всего 31 государство. Только эти полисы из сотен, расположенных в Греции, были твердо настроены на борьбу с врагом.

Во главе коалиции стояла Спарта, второе по значению место в нем занимали Афины, ввиду своего мощного флота. Влиятельными членами считались также Коринф, Эгина. Как был устроен союз с институциональной стороны, известно плохо. Обычно считают — и, видимо, резонно, — что он функционировал по образцу возникшего гораздо раньше Пелопоннесского союза. Сзывались конгрессы его членов, на которые те посылали своих представителей; решения конгрессов принимались во внимание, однако окончательное постановление по любому вопросу, обязательное для исполнения членами союзов, выносилось спартанской апеллой (народным собранием).

В «декрете Фемистокла» несомненная аллюзия на Эллинский союз содержится в следующих строках: «Все́м же остальным афинянам и взрослым чужеземцам⁶ взойти на двести снаряженных кораблей и сражаться с Варваром за свободу — свою собственную и других эллинов — вместе с лакедемонянами, коринфянами, эгинетами и прочими желающими сообща подвергнуться опасности». Названы, как видим, не все, а только важнейшие члены союза. Интересна также формулировка: «Все́м же афинянам и чужеземцам, живущим в Афинах, отправить детей и жен в Трезен...». Таким образом, Трезен любезно согласился принять лиц, эвакуированных из города, который был обречен на взятие

⁵ Попытка объявить декрет полным фальсификатом, не имеющим никакой исторической ценности (Habicht 1961) не представляется перспективной.

⁶ Имеются в виду выходцы из других полисов, постоянно проживающие в Афинах, но не являющиеся их гражданами. Позже такие назывались метэками, но в 480 г. до н.э. статус метэка, похоже, еще не существовал (Watson 2010). В «декрете Фемистокла» метэки не упоминаются вообще, и, кстати, это, на наш взгляд, один из аргументов в пользу того, что документ не является позднейшей подделкой.

персами. Помощь, несомненно, осуществлялась на основе какого-то разового договора, поскольку нет никаких данных о том, чтобы между Афинами и Трезеном существовали отношения исополитии или тем более симполитии.

«Змеиная колонна» (ML. 27). Это еще один важнейший эпиграфический памятник с данными об Эллинском союзе. Колонну и по сей день можно увидеть в центре Стамбула, на месте бывшего императорского ипподрома. Но первоначально она была установлена в Дельфах — сразу после изгнания персов из Греции. Надпись на колонне (она имела форму трех переплетающихся змей, ныне головы змей утрачены) перечисляла все государства, входившие в состав союза).

«Следующие участвовали в войне: лакедемоняне, афиняне, коринфяне, тегейцы, сикионяне, эгинеты, мегаряне, эпидавряне, орхоменяне, флиунтцы, трезенцы, гермионяне, тиринфяне, платейцы, феспийцы, микеняне, кеосцы, мелосцы, теносцы, наксосцы, эретрийцы, халкидяне, стирейцы, элидяне, потидейцы, левкадяне, анакторийцы, кифносцы, сифносцы, амбракийцы, лепрейцы».

Некоторые изменения порядка перечисления членов союза по сравнению с традиционным связаны прежде всего с тем, что в Платейской битве, непосредственно предшествовавшей водружению колонны, очень отличились воины из пелопоннесской Тегеи. В целом, похоже, преследовался принцип расставить полисы в соответствии с их вкладом в победу, но нельзя сказать, что этот принцип был строго соблюден.

Надпись интересна также тем, что из нее предельно ясно видно, как обозначались греческие полисы в качестве субъектов международных отношений. Не «Афины», а «афиняне», не «Коринф», а «коринфяне» и т.п. Об этом несколько непривычном для нас обстоятельстве надлежит всегда помнить. И в нарративных источниках тоже мы никогда не прочтем, что воевали между собой, скажем, Милет и Самос — всегда милетяне и самосцы. Здесь, несомненно, отразился принцип, акцентируемый уже Фукидидом: полис — это «люди, а не стены».

Договор о союзе Афин и Эгесты (IG. I³. 11). От V в. до н.э. дошло (в различной степени сохранности) весьма значительное число межгосударственных договоров, в которых одной из сторон выступают Афины. Сейчас перед нами один из самых ранних документов такого рода. Город Эгеста (Сегеста) находился в северо-западной части Сицилии и был даже не греческим: жители его

принадлежали к племени элимов, на родство с которыми претендовали, кстати, римляне⁷.

«Дружба и союз (φιλία καὶ ξυμμαχία)⁸ афинян и эгестян. Совет и народ постановили. Представители филы [...] были пританами, [...] был секретарем, [...] был эпистатом, [...] он был архонтом, Архедем внес предложение... то же самое... Народу следует немедленно избрать десять человек, которые, прибыв в Эгесту, примут клятву. Что же касается... жертвоприношений, сколько... давать клятву. Чтобы все поклялись, пусть стратеги позаботятся объявить... с лицами, уполномоченными для принятия клятвы, как... эгестянина. Это постановление и текст клятвы секретарю Совета записать на каменной стеле для установки в городе. Полеты должны заключить контракт на проведение работ, а колакреты — оплатить их. Пригласить посольство эгестян на угощение в пританей в назначенное время. Эвфем внес предложение: в остальном согласен с Советом, но, кроме того, когда придут послы от эгестян, пусть глашатай введет... Послы эгестян, давшие клятву...».

Договор, как видим, сохранился со значительными лакунами, многие из которых не поддаются восстановлению. Неизвестны ни название филы пританов, ни имена секретаря и эпистата (председательствующего в экклесии). От имени архонта-эпонима сохранились лишь последние две буквы (-он), но именно это в совокупности с эпиграфическими критериями дает основание для датировки надписи. Возможны два варианта реконструкции имени архонта: Габрон или Аристон; соответственно, она должна быть отнесена к 458/457 или 454/453 г. до н.э. Нам представляется более вероятной вторая из этих датировок. Как бы то ни было, договор Афин с Эгестой является самым ранним свидетельством о попытках афинского проникновения в Западное Средиземноморье, и в этом главное значение данного документа. Точку зрения Г. Маттингли, «передвигающего» целый ряд афинских надписей внешнеполитического характера из середины V в. до н.э. в эпоху Пелопоннесской войны⁹ и соответственно относящего данный договор к 418/417 г. до н.э., нельзя признать убедительной.

⁷ В связи с проблемой «Афины, Эгеста, Рим» см. нашу работу (Суриков 2000. С. 95–100). Там же обосновывается та датировка договора, которой мы придерживаемся.

⁸ Греческий текст здесь и далее приводим в привычном ионийском, а не в стародактическом написании.

⁹ Его многочисленные статьи разных лет, объединенные этой идеей, собраны в увесистом томе (Mattingly 1996).

Плохая сохранность договора не дает возможности полноценно судить о его условиях. Ясно лишь, что договор с Эгестой, подобно договорам с Регием и Леонтинами, заключенными позже, предусматривал симмахию — полномасштабный наступательный союз с формулировкой «иметь общих друзей и врагов». Интересно, что злополучная сицилийская экспедиция афинян 415–413 гг. до н.э. была инициирована именно посольством из Эгесты, прибывшим в Афины. Несомненно, эгестяне, призывая могущественный полис оказать им военную помощь, апеллировали именно к данному договору (пусть к тому моменту и довольно давнему).

Отметим еще одну принципиальную черту: институционально договор оформлен как постановление афинского народного собрания, с традиционной формулой ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ. Характерно также приглашение эгестян на почетный обед в пританей. Это была почать, оказываемая, в числе некоторых других лиц, послам из других государств. С подобным обычаем сталкиваемся мы и во многих документах аналогичного рода.

Декрет афинского народного собрания об урегулировании отношений с Халкидой (IG. I³. 40). Этот уникальный по степени сохранности, практически не имеющий лакун декрет о Халкиде (важном полисе на острове Эвбея) прекрасно иллюстрирует методы, применявшиеся Афинами в отношениях с полисами — союзниками по Архэ. Данное постановление было принято в 446 г. до н.э., после подавления восстания на Эвбее афинским войском под командованием Перикла. Строго говоря, декрет не является договором; в нем афинский демос фактически диктует свою волю усмирившей Халкиде, и диктует в ряде отношений довольно жестко, впрочем, принимая также и на себя определенные обязательства. Здесь мы находим набор типичных обязательств, которые афинский демос налагал на союзников по Архэ. В случае, если союзный полис чем-либо провинился перед Афинами (а перед нами именно такой случай), обязательства были особенно тяжелыми и унижительными, приводя к фактической потере автономии.

«Совет и народ постановили. Представители филы Антиокиды были пританами, Драконтид был эпистатом, Диогнет внес предложение. Совет и судьи афинян должны дать следующую клятву... (следует содержание клятвы. — *И. С.*). Посольство, прибывшее из Халкиды, должно вместе с уполномоченными для этого лицами принять клятву у афинян и переписать поклявшихся. Чтобы все поклялись, пусть позаботятся стратеги. Халкидяне должны дать

следующую клятву... (следует содержание клятвы. — *И. С.*). Поклясться должны все взрослые халкидяне; того же, кто не поклянется, лишит гражданских прав, конфисковать его имущество и посвятить десятину от него Зевсу Олимпийскому. Посольство афинян, прибывшее в Халкиду, должно вместе с уполномоченными для этого лицами из числа халкидян принять клятву и переписать поклявшихся халкидян... Народу следует немедленно избрать пять человек, которые, прибыв в Халкиду, примут клятву. По поводу же заложников ответить халкидянам¹⁰, что в данный момент афинянам угодно оставить в силе постановленное ранее; когда же им будет угодно, они, посоветовавшись, урегулируют этот вопрос, поскольку это будет сочтено полезным для афинян и халкидян...».

Обратим внимание на то, как часто речь заходит о клятвах (ὄρκος). К клятвам в древнегреческом праве, в том числе и межгосударственном, относились чрезвычайно серьезно¹¹. Это для нас сейчас сказать «клянусь честью» или нечто в подобном духе — значит вроде как бы просто пообещать. Потому-то в наше время и совершенно утрачено такое понятие, как формула клятвы. А вот в античности именно формула клятвы (или присяги, как ныне часто пишут) была принципиальна. Одним образом звучала клятва дикастов, вступающих в должность (Harris 2007), другим — клятва эфебов (Kellogg 2008). Ведь текст клятвы однозначно воспринимался как сакральный (см. к этому: Wout 2011). В связи с клятвами обратим внимание на такой нюанс в данном памятнике: если с афинской стороны клянутся лишь члены Совета Пятисот и судьи, то со стороны халкидян — все взрослое гражданское население. В этом тоже проявляется неравноправие сторон.

Афинский декрет об основании колонии Бреи (IG. I³. 46). Эта колония¹² была основана афинянами на северном побережье Эгейского моря во второй половине 440-х или начале 430-х гг. до н.э. Брея организовывалась как апойкия — колония традиционного типа, хотя вообще-то Афины в V в. до н.э. по большей части основывали клерухии, жители которых сохраняли афинское гражданство. Переселяясь же в апойкию, колонисты приобретали

¹⁰ Халкидяне просили афинские власти вернуть заложников, взятых у них в ходе подавления восстания. Афиняне отвечают холодным отказом.

¹¹ См. труд общего характера: Sommerstein, Bayliss 2013.

¹² Говоря о данной надписи, опираемся на выкладки в наших предыдущих работах о ней (Суриков 2012; Суриков 2015в). Там мы, в частности, критикуем несостоятельные конъектуры, предложенные в: Яйленко 1982. С. 155–167.

ее гражданство и теряли афинское. Таким образом, создавалось новое государство, которое, кстати, сразу же зачислялось в состав Афинской архэ на правах рядового члена.

Соответственно, к ней предъявлялись такие же требования, как и к другим союзным полисам. Вот что, например, читаем в одном месте надписи: «Присылать корову и паноплию на Великие Панафинеи, а на Дионисии — фалл». Перед нами интереснейший обычай, принятый в Архэ. Союзники Афин несли по отношению к полису-гегемону ряд институционально закрепленных обязательств, в том числе религиозного характера. В данном случае речь идет именно о последних. На два самых знаменитых афинских праздника — Великие Панафинеи и Великие Дионисии — союзники должны были присылать дары: на празднество в честь Афины — корову и паноплию (полный комплект гоплитского вооружения), а на дионисийское торжество, что интересно, фалл (разумеется, искусственный, гипертрофированного размера). Это все тоже своего рода дипломатические практики... Приведем еще следующую формулировку из декрета: «Если же кто-либо пойдет войной на землю колонистов, города¹³ должны помогать со всем усердием согласно договорам (κατὰ τὰς ξυγγράφας), которые были заключены при секретаре [...]те касательно городов во Фракии».

Афинский монетный декрет (IG. I³. 1453+). Без преувеличения колоссально историческое значение этого документа, который уникален еще и в том отношении, что его текст дошел до наших дней посредством не какой-то одной надписи, а целого ряда таковых, происходящих из разных частей эллинского мира и имеющих неодинаковую степень сохранности (причем количество этих фрагментов декрета от десятилетия к десятилетию продолжает умножаться). Достаточно фундаментальная работа о декрете, принадлежащая перу А.В. Стрелкова, лучшая на русском языке (Стрелков 1999), учитывает семь фрагментов. Из новейших находок, еще не фигурирующих в ней, фрагмент из Гамаксита в Троаде (Mattingly 1993) крайне малоинформативен; в нем упоминаются эллинотамии, но об этих магистратах Архэ и без того прекрасно известно.

Совсем иначе приходится отнестись к самому последнему по времени публикации фрагменту (Hatzopoulos 2013–2014). Он происходит из города Афитис на полуострове Халкидика; ранее изда-

¹³ Входящие в Афинскую архэ, в первую очередь — относившиеся к ее «фракийскому» округу, включавшему полисы Северной Эгеиды.

вался другой фрагмент из того же города, и теперь особенно интересно прочесть их вместе (два камня не имеют непосредственного соприкосновения, но второй фрагмент начинается буквально через строку после того, как кончается первый). Выявились настолько неожиданные сведения, относящиеся именно к дипломатическим практикам, что мы сочли необходимым немедленно откликнуться на них специальной статьей (Суриков 2017). Здесь пойдет речь именно о двух фрагментах из Афитиса, и только о них (полноценно рассмотреть Афинский монетный декрет в целом можно было бы только в монографическом формате, и ему, например, почти целиком посвящена книга: Figueira 1998).

«Если же кто-нибудь из других должностных лиц в городах, или из граждан, или иноземцев не будет поступать согласно постановленному, да будет он лишен гражданских прав, а имущество его да будет конфисковано, а десятина пусть отойдет богине. А если нет должностных лиц от афинян (ἄρχοντες Ἀθηναίων), ...то, что содержится в постановлении, должностные лица каждого города». Здесь речь идет о должностных лицах, которых афиняне посылали из числа своих граждан для контроля над полисами, входящими в Архэ. В литературе их часто называют «епископами», в действительности же они могли именоваться по-разному: не случайно здесь применен термин наиболее общего характера — ἄρχοντες. Аристотель для середины V в. до н.э. обозначает их количество как около 700 человек (Arist. Ath. pol. 24. 3), но нам эта цифра представляется завышенной. Не похоже, что они присутствовали во всех союзных городах — скорее только в тех, которые из Афин виделись как «проблемные». Собственно, из цитируемого документа эксплицитно следует, что имелись полисы без таковых должностных лиц.

«Народ же должен избрать глашатаев (κήρυκας), чтобы они возвести постановленное: одного — на Острова, одного — в Ионию, одного — на Геллеспонт, одного — в области во Фракии. Стратеги же пусть отправят их, письменно составив маршрут для каждого; если же они не сделают этого, пусть будут оштрафованы на десять тысяч драхм». Здесь упоминаются характернейшие представители древнегреческого дипломатического персонала — глашатаи (керики). Их никогда не следует отождествлять с послами (πρόσβεις); в отличие от последних, они не были уполномочены вести переговоры, а только нечто объявляли иному государству. Особенно часто — начало войны. Соответственно,

они прибывали в весьма враждебную обстановку, подвергались реальной опасности, и не случайно, что дипломатический иммунитет в древнегреческих межполисных отношениях особенно подчеркивался применительно к фигурам глашатаев (хотя случалось, конечно, что и их убивали). Здесь, впрочем, керики совершенно с иной целью посылаются в четыре существовавших на момент составления надписи округа Афинской архэ: Островной, Ионийский, Геллеспонтский, Фракийский.

Наконец, воистину ключевым является следующее место: «Приводить же это в исполнение должен союз (τὴν συμμαχίαν), если те (должностные лица союзных полисов. — *И. С.*) не захотят это сделать сами». Оно имеет прямое отношение к датировке декрета, которая является дискуссионной. Согласно традиционной точке зрения (отразившейся, например, в издании ML), постановление было принято в первой половине 440-х гг. до н.э., во времена Перикла. Однако все чаще звучат голоса, призывающие его передатировать, отнести к периоду Пелопоннесской войны (Г. Маттингли, у нас — А.В. Стрелков).

Появление термина «союз» (симмахия) в корне меняет ситуацию! Ранее на этом месте восстанавливали «Приводить же это в исполнение должны афиняне», но теперь, как видим, оказалось, что это было ошибкой. Теперь можно убедиться, что весьма важная прерогатива вверяется Монетным декретом институту, обозначенному как «союз» (симмахия). А под последним, разумеется, не может иметься в виду ничто другое, кроме как Делосский союз (Первый Афинский морской союз, Афинская архэ). Но в период Пелопоннесской войны обозначение «симмахия» по отношению к этому объединению давно уже не употреблялось. Полисы, входившие в Архэ, воспринимались уже не как «союзники» (σύμμαχοι), а как подданные Афин: как «те, над которыми афиняне властвуют». Стало быть, новый фрагмент декрета делает практически невозможными любые поздние датировки.

Договор о союзе Афин и Регия (IG. I³. 53). «Боги. Послы из Регия, заключившие союз и клятвенное соглашение: Клеандр, сын Ксен[...], [...], сын [...]тина, Силен, сын Фока¹⁴... При архонте Апсевде и Совете, первым секретарем которого был Критиад. Со-

¹⁴ От большинства имен регийских послов дошли лишь обрывки. Полностью сохранилось имя лишь одного посла. По иронии судьбы, именно этот посол (Силен сын Фока) не смог вернуться на родину: он скончался в Афинах в ходе посольства и был там похоронен (сохранилась надгробная надпись).

вет и народ постановили. Представители филы Акамантиды были пританами, Харий был секретарем, Тимоксен был эпистатом, Каллий внес предложение¹⁵. Быть союзу (συμμαχίαν εἶναι) между афинянами и регийцами. Пусть афиняне дадут клятву, чтобы у них с регийцами все было честно, без обмана и открыто на вечные времена (ἐς αἰδίου)¹⁶. Клятва имеет следующий вид: мы будем регийцам верными, справедливыми, сильными и безвредными союзниками на вечные времена и поможем, если потребуется...». Дальнейший текст не сохранился.

Упомянутое в преамбуле имя архонта дает возможность точно датировать надпись 433/432 г. до н.э. Однако существует один крайне важный нюанс: сама преамбула выбита поверх выскобленного более раннего текста. Таким образом, дошедший до нас договор представляет собой обновление другого, заключенного ранее. Этот первый договор о союзе Афин и Регия должен относиться к 440-м или даже 450-м гг. до н.э., что выглядит вполне логично. Действительно, странно было бы, если бы Афины в 450-е гг., предпринимая попытки проникновения на Запад, заключили союз с захолустной Эгестой (см. выше) и при этом не обратили бы никакого внимания на Регий, занимавший выгодную стратегическую позицию и контролировавший Мессинский пролив.

Договор о союзе Афин и Леонтин (IG. I³. 54). «Боги. Послы из Леонтин, заключившие союз и клятвенное соглашение: Тименор, сын Агафокла, Сосид, сын Главкия, Гелон, сын Эксекеста. Секретарь Феотим, сын Тавриска. При архонте Апсевде и Совете, секретарем которого был Критиад. Совет и народ постановили. Представители филы Акамантиды были пританами, Харий был секретарем, Тимоксен был эпистатом, Каллий внес предложение. Быть союзу между афинянами и леонтинцами; дать и принять клятвы. Поклясться же афинянам в следующих словах: мы будем леонтинцами вечными союзниками без обмана и без вреда. Леонтинцам также поклясться: мы будем афинянам вечными союзниками без обмана и без вреда. О...». Дальнейший текст не сохранился.

Договор Афин с расположенными на востоке Сицилии Леонтинами был ратифицирован в тот же день, что и договор с Регием,

¹⁵ Инициатором договора был видный афинский политик и дипломат Каллий сын Каллиада (из рода Кериков). Его не следует путать с его тезкой и родственником — более знаменитым Каллием, сыном Гиппоника, заключившим мир с Персией в 449 г. до н.э.

¹⁶ Таким образом, перед нами образец «вечного» союза.

по инициативе того же Каллия и в целом представляет собой практически полную аналогию ему (с почти дословно повторяющимися формулировками), также являясь обновлением более раннего союза. Соответственно, к договору с Леонтинами относится все, что было сказано выше о договоре с Регием. Эти два документа являются яркой иллюстрацией того, как афиняне на протяжении периода Пентеконтаэтии («Пятидесятилетия» 480–431 гг. до н.э.), особенно в его второй половине, осуществляли дипломатическими средствами проникновение в Западное Средиземноморье, традиционно являвшееся сферой влияния и интересов их геополитического противника — Пелопоннесского союза.

Афинские декреты о Мефоне (IG. I³. 61). Это серия декретов, записанных на одной стеле в 423 г. до н.э., но принимавшихся народным собранием на протяжении нескольких лет, начиная с 430 г. до н.э. Иными словами, документы относятся к первому периоду Пелопоннесской войны. Речь в них идет о Мефоне — входившем в Афинскую архэ небольшом городке, расположенном в области Пиерии (Северная Греция), на побережье Фермейского залива, близ Македонии. Последним обстоятельством обуславливалось значение Мефоны для Афин: город служил для Архэ базой — плацдармом в регионе, контролировавшемся македонскими царями. Потерять столь нужный пункт (да еще в военное время, притом что позиция Македонии в конфликте была двойственной и колеблющейся) афиняне, конечно, не желали; важно было обеспечить лояльность его жителей. Потому-то в ответ на просьбу мефонян о привилегиях афинская эkkлeсия такие привилегии щедро предоставляет (поведение, вообще-то не слишком характерное для державного демоса). Из довольно объемного документа мы приведем лишь некоторые выдержки, имеющие отношение к дипломатическим практикам.

«Отправить к Пердикке трех послов в возрасте старше пятидесяти лет¹⁷, и заявить Пердикке, что признано справедливым разрешить мефонянам пользоваться морем и не позволять их в этом ограничивать; разрешить им прибывать в страну с торговыми целями, как и прежде, не совершая несправедливостей и не подвергаясь таковым; не проводить войско через страну мефонян против их желания; если же обе стороны придут к согласию, пусть об

¹⁷ К пожилым людям в античной Греции всегда относились с особым уважением, видя в них хранителей традиций.

этом договорятся послы, если же не придут — пусть обе стороны отправят на Дионисии посольство (πρεσβείαν), имеющее полномочия, к Совету и народу по вопросам, в которых у них разногласие. Также заявить Пердикке, что, если воины, что в Потидее, его одобряют, афиняне будут иметь о нем хорошее мнение». Здесь упоминается Пердикка II (правил ок. 450–413 гг. до н.э.) — македонский царь, на обиды которого жаловались мефоняне. Афины, пользуясь своим весом на межгосударственной арене, намереваются урегулировать конфликт дипломатическим путем. На момент принятия декрета еще шла осада афинянами Потидеи, находившейся на Халкидике, то есть тоже неподалеку от Македонии. Здесь Пердикке довольно высокомерно указывается, что он должен еще заслужить хорошее отношение афинских воинов, а через них — и афинского полиса в целом.

«Разрешить мефонянам вывозить из Византия хлеба до [...]»¹⁸ тысяч медимнов ежегодно. Пусть геллеспонтотфилаки и сами не препятствуют им вывозить хлеб, и другим не позволяют препятствовать, иначе будут оштрафованы на десять тысяч драхм каждый. Записавшись у геллеспонтотфилаков, мефоняне могут вывозить до указанного количества; и корабль, на котором они вывозят, пусть будет свободен от пошлин». Это место замечательно тем, что является единственным (Rubel 2001. P. 39) источником о существовании учрежденной афинянами коллегии геллеспонтотфилаков (ἑλλησποντοφύλακες), «стражей Геллеспонта». Пролив, о котором идет речь, играл колоссальную роль во внешней политике не только Афин, но и всего греческого мира как в классическую эпоху, так и в предшествующую, архаическую¹⁹. Он был частью «хлебного пути» из Понта Эвксинского в Эгеиду.

Как указывает П. Гарнси, виднейший специалист по проблеме снабжения античной Греции зерном (Garnsey 1989. P. 122–133), мы не знаем, когда была введена магистратура геллеспонтотфилаков (во всяком случае, они не упоминаются в документах ранее Пелопоннесской войны, и это может что-то означать, но может быть и чистой случайностью), не знаем также, в чем заключались их функции в мирное время (надпись относится к первому периоду Пелопоннесской войны, которая могла вызвать изменение, например, расширение полномочий коллегии). Гарнси считает, что,

¹⁸ Цифра не сохранилась.

¹⁹ В самом общем плане см.: Суриков 2013б.

возможно, регулярной прерогативой геллеспонтфилаков было взимание таможенных пошлин с зерна и всех других товаров, двигавшихся через Геллеспонт. На наш же взгляд, основной функцией данных магистратов была охрана Геллеспонта — в самом широком смысле, обеспечение его безопасности как зоны афинских интересов. Имеется в виду прежде всего, конечно, охрана от возможного проникновения вражеских судов. А контроль над вывозом хлеба, очевидно, являлся побочным элементом этой основной функции. Ведь понятие государственной безопасности включает в себя, помимо прочего, также и экономическую безопасность.

* * *

Те крайне важные греческие надписи, которые принято называть «историческими», можно было бы еще долго рассматривать в контексте тематики данной статьи. Однако лимит объема заставляет нас здесь остановиться, оставив, в частности, за рамками работы аналогичные памятники IV в. до н.э. — а они, как минимум, не менее информативны. Но уже и приведенного материала, думается, достаточно, чтобы продемонстрировать, как важны эпиграфические данные для изучения древнегреческих дипломатических практик.

ЛИТЕРАТУРА

- Кофанов Л.Л.* Ius gentium и международные суды античности // Древнее право. Ius antiquum. 2009. № 2 (24). С. 57–84.
- Стрелков А.В.* Афинский монетный декрет // Нумизматика и эпиграфика. М., 1999. Т. 16. С. 25–49.
- Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. Ч. 1 / Под ред. О. Л. Габелко. С. 95–112.
- Суриков И.Е.* Афинский декрет об основании колонии Бреи (IG. I³. 46): О некоторых спорных вопросах реконструкции и интерпретации // Вопросы эпиграфики. М., 2012. Вып. 6. С. 317–336.
- Суриков И.Е.* Древнегреческие надписи классической эпохи как памятники исторической мысли // Вопросы эпиграфики. М., 2013. Вып. 7. Ч. 1. С. 376–404. (а).
- Суриков И.Е.* «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгеидой и Пропонтидой и его роль в античной истории) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 3–44. (б).

- Суриков И.Е. Многоликая Клио: Антология античной исторической мысли. СПб., 2014. Т. 1: Возникновение исторической мысли и становление исторической науки в Древней Греции.
- Суриков И.Е. Таможенный закон Азии (перевод с древнегреческого, введение и комментарии) // Древнее право. *Ius antiquum*. 2015. № 1 (31). С. 242–277. (б).
- Суриков И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I). М., 2015. (б).
- Суриков И.Е. IG. I³. 46. 3–6 в свете IG. II². 1629. 251–258: не апойкисты, а апостолеи? // Вопросы эпиграфики. М., 2015. Вып. 8. С. 55–68. (в).
- Суриков И.Е. Новый фрагмент Афинского монетного декрета из Афитиса (Халкидика) и его значение // Аристей. 2017. Т. 15. С. 35–54.
- Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э.: По данным эпиграфических источников. М., 1982.
- Ashburner W. NOMOS ΡΟΔΙΩΝ ΝΑΥΤΙΚΟΣ. The Rhodian Sea-Law. Oxford, 1909.
- Bengtson H. Die Staatsverträge des Altertums. München, 1975. Bd. II: Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr.
- Bolmarcich S. Interstate Relations, Colonization, and Empire among Greek Participatory Communities // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Oxford, 2015. P. 313–328.
- Champion C.B. Interstate Relations, Federal States, Colonization, and Empire during the Roman Republic // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Oxford, 2015. P. 329–345.
- Chanotis A. Historie und Historiker in den griechischen Inschriften: Epigraphische Beiträge zur griechischen Historiographie. Stuttgart, 1988.
- Chanotis A. Justifying Territorial Claims in Classical and Hellenistic Greece: The Beginnings of International Law // The Law and the Courts in Ancient Greece / Ed. by E.M. Harris, L. Rubinstein. L., 2004. P. 185–213.
- Cohen E.E. The Athenian Nation. Princeton, 2000.
- Figueira T. The Power of Money: Coinage and Politics in the Athenian Empire. Philadelphia, 1998.
- Gagarin M. Early Greek Law. Berkeley, 1986.
- Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. Cambridge, 1989.
- Habicht C. Falsche Urkunden zur Geschichte Athens im Zeitalter der Perserkriege // Hermes. 1961. Bd. 89. Ht. 1. S. 1–35.
- Harris E.M. The Rule of Law in Athenian Democracy. Reflections on the Judicial Oath // *Etica & Politica*. 2007. Vol. 9. № 1. P. 55–74.
- Hatzopoulos M.B. The Athenian Standards Decree: The Aphytis Fragments // *Τεκμήρια* 2013–2014. Vol. 12. P. 235–269.
- Jameson M.H. A Decree of Themistocles from Troizen // *Hesperia*. 1960. Vol. 29. №.2. P. 198–223.

- Kellogg D.* Οὐκ ἐλάττω παραδώσω τὴν πατρίδα: The Epehebic Oath and the Oath of Plataia in Fourth-Century Athens // *Mouseion*. 2008. Vol. 8. №.3. P. 355–376.
- Kienast D.* Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // *Chiron*. 2003. Bd. 23. S. 43–77.
- Mattingly H.B.* New Light on the Athenian Standards Decree (ATL II, D 14) // *Klio*. 1993. Bd. 75. S. 99–102.
- Mattingly H.B.* The Athenian Empire Restored. Ann Arbor, 1996.
- Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised edition. Oxford, 1989.
- Rhodes P.J., Osborne R.* Greek Historical Inscriptions, 404–323 BC. Oxford, 2007.
- Rubel A.* *Hellespontophylakes* — Zöllner am Bosphoros? Überlegungen zur Fiskalpolitik des attischen Seebundes (IG P³ 61) // *Klio*. 2001. Bd. 83. Ht. 1. S. 39–51.
- Russell T.* Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2017.
- Samons L.J.* Empire of the Owl: Athenian Imperial Finance. Stuttgart, 2000.
- Sommerstein A.H., Bayliss A.J.* Oath and State in Ancient Greece. B., Boston, 2013.
- Tod M.H.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. 1–2. Oxford, 1946–1948.
- Watson J.* The Origin of Metic Status at Athens // *The Cambridge Classical Journal*. 2010. Vol. 56. P. 259–278.
- Wout E. van 't.* From Oath-swearing to Entrenchment Clause: The Introduction of *Atimia*-Terminology in Legal Inscriptions // *Sacred Words: Orality, Literacy and Religion* / Ed. by A.P.M.H. Lardinois, J. Blok, M.G.M. van der Poel. Leiden; Boston, 2011. P. 143–160.

Igor E. Surikov

EVIDENCES ON DIPLOMATIC PRACTICES IN SOME IMPORTANT ANCIENT GREEK INSCRIPTIONS OF THE CLASSICAL PERIOD

The article demonstrates the significance of the so-called Greek historical inscriptions for studying diplomatic practices. A number of characteristic examples are given from epigraphic monuments dated from the 5th century B.C., mainly of Athenian provenance. Among them, there are treaties as well as decrees of the Athenian assembly, and they contain important evidence of the Classical period diplomacy.

By the Hellenistic time, Greek law, including international one, already had its own history. In the sphere of diplomatic practices, such institutions emerged quite early as *xenia* and *proxenia*, changes of embassies, interstate treaties, leagues of

various types, and so on. Those institutions are of course reflected in inscriptions. The most famous league of the period was the Delian League, which later developed into the Athenian Empire. Epigraphic data relating to this powerful organization are especially abundant. It is necessary to emphasize that relations between Athens and its allies should be treated exactly as external (that is diplomatic) and not internal ones, although not equal but with a dictate from one of the sides: the Athenian empire never became a united state.

As to concrete inscriptions, the “Decree of Themistocles” (the inscription is of the 4th century B.C., but it claims to reproduce the text of the famous Athenian decision initiated by the great statesman in 480 B.C.) gives information on the Hellenic League of 481 B.C. The “Serpent Column” of 479 B.C., erected in Delphi but now in Istanbul, cites all member states (31) of that league.

Several treaties between Athens and cities of Magna Graecia (Egesta, Rhegion, Leontinoi) are interesting in various aspects. First, they demonstrate Athens’ attempt to infiltrate into the sphere of geopolitical interests of the Peloponnesian League. Second, they have the form not of treaties as such but of assembly decrees. Third, they touch some details of diplomacy (importance of oaths, honorary dinner for envoys in the Prytaneion).

Documents on Athens’ relations with allied cities are also very informative. They differ very much by their tone: from a cold and dictating one (as in the case with Chalkis, which had rebelled against Athens’ domination but was defeated) to a much more sympathetic one (as in the cases of Methone, a loyal ally, or with the new colony Brea).

Of many historical consequences is a recently published new fragment of such a well-known document as the Athenian Standard Decree, which is cited and partly quoted in the article. The word *συνμαχία* (“alliance”, “league”) that now appears to have been used in the decree becomes a strong argument against its revisionist late dating by some scholars (H. Mattingly and others). If the decree had been published during the Peloponnesian war, it would have been highly unlikely to meet such a term in it. By the 420s B.C. cities of the Athenian Empire were perceived and treated already not as equal allies but as subjugated tributaries. So the traditional earlier date (the first half of the 440s B.C.) remains much more probable.

Inscriptions of similar interest are also abundant in the 4th century, but they could not be dealt with in the framework of this article.

Keywords: Ancient Greece, Classical period, Athens, Athenian Empire, diplomatic practices, inscriptions, treaties, decrees, oaths

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-103-121

И. Е. Ермолова

ДИПЛОМАТИЯ ПО ПРИСКУ ПАНИЙСКОМУ

В историографии существует представление, что дипломатия в современном смысле слова появляется только в Новое время. С данным положением трудно не согласиться, античные источники его наглядно подтверждают. Но определенные приемы взаимодействия между племенами, народами, государствами применялись с глубочайшей древности. Анализ этой проблемы и посвящена данная статья. Ее источником послужили сохранившиеся отрывки сочинения Приска Панийского, писателя V в., хорошо знакомого с взаимоотношениями Восточной (и меньше — Западной) Римской империи с гуннами, поскольку он сам неоднократно был не только очевидцем, но и участником переговоров римлян с представителями различных племен. Дошедший до нашего времени текст произведения Приска содержит важную информацию об особенностях переговоров в поздней античности и о тех, кто их осуществлял.

Ключевые слова: римляне, гунны, Восточная Римская империя, Атила, Приск, посольство, посланник, переговоры.

В историографии существует представление о том, что в древности и средневековье межгосударственные и международные отношения регулировались в основном силой, а дипломатия в смысле искусства управления государством еще не была известна. Она обычно использовалась как подсобное средство во время войны или как ее заменитель, а не как метод поддержания мира (Hegshy 1911. P. 902). С данным положением трудно не согласиться. Античные источники его наглядно подтверждают. Переговоры, которые являются одним из наиболее важных дипломатических инструментов, между враждующими сторонами начинаются чаще всего по окончании военных действий, либо в опасной ситуации, угрожающей их открытием. Поскольку этот прием налаживания отношений между племенами, народами, государствами применялся с глубочайшей древности, можно говорить о существовании с тех времен архаических форм дипломатии. Интересную информацию по данной проблеме предоставляют сохранившиеся

фрагменты сочинения Приска Панийского, тем более что он сам неоднократно участвовал в дипломатических миссиях.

Приск из Паниона, живший в V в., был хорошо образованным человеком, в лексиконе Суды он назван софистом (Удальцова 1974. С. 101), а Евагрий именует его ритором (Evaogr. Н. Е. II. 5). Приск оставил сочинение, воссоздающее картину как варварского, так и римского мира в эпоху Великого переселения народов. История, написанная на греческом языке, в значительных отрывках сохранилась в сборнике «О посольствах» Константина Багрянородного. В словаре Суды она называется «Византийская история и события времени Аттилы в восьми книгах» (Удальцова 1974. С. 104), что не является подлинным названием, настоящее — неизвестно (Blockley 1981. P. 49). Большая часть дошедшего до нашего времени текста произведения Приска посвящена взаимоотношениям Восточной (и меньше — Западной) Римской империи с гуннами. Варвары, тем более кочевники, каковыми были гунны, в античности всегда ассоциировались с хаосом и деструкцией (Vogt 1967. S. 67; Dauge 1981. P. 342, 668; Gurman 1988. P. 558; Грацианская 1999. С. 56), тем не менее и с ними приходилось, насколько это возможно, договариваться.

Персональная ответственность за налаживание отношений с соседями, которые, как правило, были потенциальными или уже реальными врагами, лежала на плечах римского императора (Millar 1982. P. 6, 11, 15, 23; id. 1988. P. 349). Все многочисленные иностранные посольства принимает лично Феодосий II (Prisc. Pap. Fr. 11.1; 15.2; 20.1; 33.2; 36.1; 46; 48) в присутствии своих советников (id. Fr. 9.1; 11.1; 33.2; 44). Военачальники, действующие на границах империи, не могут самостоятельно урегулировать отношения даже с теми, кто сдается на милость победителя. Так, в 467 г. готы «по недостатку в припасах терпя голод, послали в римское войско поверенных, и предлагали сдать себя римлянам и быть у них в повиновении, если получат от них земли для поселения. Воеводы римские отвечали им, чтобы они обратились с посольством к царю» (id. Fr. 49). Один из сыновей Аттилы, Денгизих, намеревающийся начать военные действия против римлян, проигнорировал попытки военачальника, охраняющего границы Фракии, начать с ним переговоры: «презирая Анагаста, отпустил посланных без ответа, а отправил к царю своих посланников» (id. Fr. 48). Поскольку формировались двухсторонние отношения, существовала настоятельная необходимость в отправке ответных посольств к вождям и

предводителям племен и племенных объединений. Послы должны были строго соблюдать данные императором инструкции, передавать его письма и устные сообщения (id. Fr. 11.2).

В период античности уже сложились определенные правила и обычаи, в рамках которых действовали дипломатические миссии. Полномочия, возложенные на дипломатов, требовали общения с конкретным адресатом. Когда приближенные Атиллы пытаются узнать у римского посла, зачем он приехал, Максимин отвечает: «Мы заметили, что не так ведется в посольствах, чтобы посланники, не переговорив с теми, к которым они отправлены, и, даже не выдав их, сообщали им о цели своего посольства посредством других» (id. Fr. 11.2).

Одним из основополагающих ритуалов был взаимный обмен дарами. Ни одно сообщение о том или ином посольстве не обходится без упоминания о полученных и врученных дарах (id. Fr. 10; 11.1–2). Атила в 40-х гг. V в. направлял в Константинополь одно посольство за другим, с одной стороны, используя это правило, а, с другой, «зная щедрость римлян, зная, что они оказывали ее из опасения, чтобы не был нарушен мир, — кому из своих любимцев хотел сделать добро, того и отправлял к римлянам, придумывая к тому разные пустые причины и предлоги» (id. Fr. 10). Данное утверждение Приска Панийского вызывает вопрос о профессионализме данных представителей Атиллы. Но, вероятно, это — исключение: на протяжении всего текста сохранившейся части сочинения Приска в качестве дипломатов выступают, в основном, одни и те лица, видимо, не случайно облеченные таким доверием. Подарки вручались как от имени императора, так и лично от посла. Приск неоднократно рассказывает, как римляне одаривали приближенных Атиллы: «На рассвете Максимин послал меня к Онигисию для принесения ему даров как от него, так и от царя» (id. Fr. 11.2). Богатые дары послам были общепринятой формой подкупа влиятельных лиц того или иного народа. Приск говорил, что «посольство Максимиана будет полезно не только римлянам и уннам, но и самому Онигисию, ибо император желает, чтобы Онигисий был отправлен к нему посланником для разрешения возникших между двумя народами споров, и что, по приезде в Константинополь, он получит богатейшие подарки» (id. Fr. 11.2).

Понятие «дипломатическая неприкосновенность» еще не существовало, и послы пользовались теми же средствами связи и возможностями, подвергались тем же опасностям, что и другие

люди. Примером служит следующее сообщение Приска Панийского: «Феодосий отправил к Аттиле посланником Сенатора, из бывших консулов. Несмотря на звание посланника, он не осмелился ехать к уннам сухим путем, но отправился Понтом, к городу Одиссу, где находился и посланный туда прежде полководец Феодул» (id. Fr. 9.2). Но все же представления об особых правах дипломатов уже формировались. Предводитель гуннов, даже разоблачив покушавшегося на его жизнь члена римского посольства, не казнил его: «Аттила, воспламеняясь гневом, еще более ругал его (Вигилу. — *И. Е.*) и с криком говорил, что он посадил бы его на кол и предал бы на съедение птицам, если бы, подвергая его такому наказанию за его безстыдство и за наглость слов его, не имел вида, что нарушает права посольства» (id. Fr. 11.2).

Большое значение имел ранг посла. В Восточной Римской империи какое-то время пытались сопротивляться притязаниям Аттилы, который «требовал, чтобы для переговоров с ним о делах еще не решенных, отправлены были к нему посланники, люди не простые, но самые значительные из имевших консульское достоинство» (id. Fr. 11.1). В 448 г. римскому представителю «Максимино было предписано объявить уннскому государю изустно, что он не мог требовать, чтобы к нему были отправляемы посланники высшего достоинства; ибо этого не бывало ни при его предках, ни при других начальниках скифской земли; что звание посланника всегда отправлял какой-нибудь воин или вестник» (id. Fr. 11.2). Но эти усилия оказались тщетными. И Максимин был «человек знатного происхождения и самый близкий к царю» (id. Fr. 11.2), и другие доверенные лица Феодосия II, упомянутые Приском, а именно, Плинфа, Дионисий, Анатолий, Ном, Сенатор имели консульское достоинство и звание патриция (id. Fr. 2; 9.2; 13; 15.3). То же можно сказать и о послах Западной Римской империи к Аттиле: «один из них, Ромул, имел достоинство комита; другой, Примут, был правителем Норика; третий, Роман, начальником легиона» (id. Fr. 11.2). В 449 г. Аттила «из уважения к их сану» встретил Анатолия и Ному на границе контролируемой им территории, «чтобы не подвергать их трудам дальнейшего странствия» и «отпустил без выкупа многих военнопленных, <...> подарил им коней, звериные меха, которыми украшаются царские скифы, и отпустил их» (id. Fr. 15.4). Когда новый правитель Восточной Римской империи Маркиан в 452 г. попробовал понизить ранг посланника, Аполлоний «не был допущен к Аттиле»

(id. Fr. 23.3). Таким образом, в V в. римляне вынуждены были отправлять к варварским племенам, не только к гуннам, но и к вандалам, посольства того же достоинства, что и к персидскому царю (id. Fr. 41.2). Приск критически замечает: «римляне показывали, будто принимали эти условия по доброй воле; но одна необходимость, чрезвычайный страх, объявивший их правителей, и желание мира заставляли их принимать охотно всякое требование, как бы оно ни было тягостно» (id. Fr. 9.3). При дворе Атиллы тоже существовали определенные правила приема иностранных послов: места в пиршественном зале распределялись строго в соответствии со значимостью тех, кого они представляли (id. Fr. 13).

Римляне возлагали дипломатические функции на людей знающих и многократно использовали их возможности в переговорах с различными оппонентами. Практически обо всех персонажах, упомянутых Приском Панийским, можно сказать то, что он написал об одном из них, Ромуле: «человек, бывший при многих посольствах и приобретший великую опытность в делах» (id. Fr. 11.2). Почти все они совмещали дипломатическую деятельность с военной. Максимин улаживал отношения не только с гуннами, но и блеммиями и нубадами на юге Египта, предварительно одержав над ними победу (id. Fr. 27). Плинфа и Дионисий были военачальниками (id. Fr. 2), Ном имел достоинство магистра, Анатолий был начальником царской гвардии (id. Fr. 15.3) и командующим (*magister militum*) на Востоке, а затем главнокомандующим (*magister militum praesentalis*) (Croke 1983. P. 302). Такими же были посланники гуннов. Предшественник Атиллы вождь Руа в 433 г. «отправил к римлянам Ислу, и прежде употребленного в дело для прекращения возникшего между ними и римлянами несогласия» (id. Fr. 2). Так же поступал и Атила: «он отправил с нами посланником к царю Вериха <...> Это был человек знатный, владел многими селениями в Скифской земле и был прежде с посольством у римлян» (id. Fr. 14). Многократно бывал в Константинополе и Эдекон, «скиф, отличавшийся великими военными подвигами» (id. Fr. 11.1; 2). Немаловажное значение имело материальное благосостояние посла, так как ему приходилось, исходя из государственных интересов, тратить и собственные средства. Отправляя вельможу Ному с очередным визитом к гуннам, в окружении Феодосия II надеялись, что он «одолеет Атилу своей щедростью; он обыкновенно не щадил денег, когда хотел успеть в своем домогательстве» (id. Fr. 15.3).

Помимо главных лиц посольств, в их состав входили помощники рангом ниже. Так, Феодосий II специальным письмом извещал Атиллу, что Вигила был только переводчиком, а Максимин «был достоинством выше Вигилы» (Prisc. Pan. Fr. 11.2). Так же официально, как Вигила (Peretz 2006. P. 467), в штат посольства Плины, бывшего консулом, по просьбе последнего был включен Эпиген, бывший квестором (Prisc. Pan. Fr. 2). Кроме официальных членов дипломатических миссий, в них могли участвовать полуофициально, или неофициально люди, близкие послам. Таким был Приск Панийский, ставший секретарем и ближайшим советником вельможи Максимиана (Удальцова 1974. С. 101). Приск пишет: «Максимин убедительными просьбами заставил меня ехать вместе с ним» (Prisc. Pan. Fr. 11.2). Приск оказывал помощь Максимиану в переговорах не только с гуннами, но и сарацинами под Дамаском, франками в Риме, блеммиями и нубадами в Египте (id. Fr. 26; 20.3; 27). Посланники чрезвычайно нуждались в помощниках, подобных Приску, так как они способствовали налаживанию добрых отношений с окружением адресата посольства. Сами послы не имели возможности этим заниматься. Приск наглядно иллюстрирует такую ситуацию: «После этих слов Онигисий удалился, сказав мне, что я мог приходить к нему и говорить с ним о том, чего мы от него желаем, — ибо не было прилично, чтобы часто приходил к нему сам Максимин, облеченный в такое звание» (id. Fr. 11.2).

Римский посланник мог оказаться в весьма опасной ситуации, если его не ставили в известность о некоторых обстоятельствах, связанных с его миссией. Так произошло с Максимином, отправленным к Атилле в 448 г. Он не знал, что организован заговор с целью убийства предводителя гуннов, в который были вовлечены приближенный Атиллы Эдекон и член ромейского посольства Вигила. «Евнух Хрисафий убеждал Эдикона умертвить Атиллу. — Царь Феодосий и магистр Мартиалий, посоветовавшись между собой по сему предмету, решились отправить к Атилле посланником Максимиана, а не одного Вигилу. Под видом, что состоит в звании переводчика, Вигила имел поручение сообразоваться с волей Эдикона. Максимин, ничего не знавший о том, что было ими замышляемо, должен был представить Атилле царское письмо» (id. Fr. 11.2). Столь тревожное положение разрешилось благополучно для Максимиана и Приска, вероятно, потому, что Эдекон лишь притворно согласился на предложение Хрисафия и сообщил Атилле об истинных заговорщиках. Возможно, римляне

неоднократно подставляли своих послов. Может быть, в подобной ситуации оказался и Олимпиодор, когда во время его визита в Северное Причерноморье в 412 г. был убит гуннский вождь Донат (Olymp. Fr.18; Treadgold 2004. P. 714).

Таким образом, сохранившиеся фрагменты сочинения Приска Панийского, содержащие интересные сведения об отношениях Восточной Римской империи с гуннами, убеждают, что некоторые приемы и методы дипломатической деятельности складываются в глубокой древности, а те, кто их осуществлял, как правило, обладали необходимыми для этого профессиональными навыками и опытом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Грацианская Л.И.* Центр и периферия: литературное воплощение этнопсихологических реалий в описании «варваров» // ДГ, 1996-1997 годы: Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 46–58.
- Олимпиодор.* История / Пер. с греч., вступ. статья, комм. и указатели Е.Ч. Скржинской. Изд. 2-е. СПб., 1999.
- Сказания Приска Панийского / Пер. Г.С. Дестуниса // Ученые записки II отд. Имп. АН. СПб., 1861. Кн. VII. Вып. 1.
- Удальцова З.В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974.
- Blockley R. C.* The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Liverpool, 1981.
- Croke B.* The Context and Date of Priscus Fragment 6 // Classical Philology. 1983. Vol. 78. №. 4. P. 297–308.
- Dauge Jv.A.* Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation (Collection Latomus, 176). Bruxelles, 1981.
- Evagrius.* Historia Ecclesiastica // The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. J. Bides, L. Parmentier. L., 1898.
- Gurman G.G.* Were the Barbarians a Negative or Positive Factor in Ancient and Medieval History? // The Historian. 1988. Vol. 50. №. 4. P. 558–572.
- Hershey A.S.* The History of International Relations during Antiquity and the Middle Ages // The American Journal of International Law. 1911. Vol. 5. №.4. P. 901–933.
- Millar F.* Emperors, Frontiers and Foreign Relations, 31 B. C. to A. D. 378 // Britannia. 1982. Vol. 13. P. 1–23.
- Millar F.* Government and Diplomacy in the Roman Empire during the First Three Centuries // The International History Review. 1988. Vol. 10. №. 3. P. 345–377.

Olympiodori Fragmenta // *Historici Graeci minores* / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870. Vol. I. P. 450–472.

Peretz D. The Roman Interpreter and His Diplomatic and Military Roles // *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte*. 2006. Bd. 55. H. 4. S. 451–470.

Priscus. *Fragmenta* // *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus* / Ed. C. Blockley. Liverpool, 1983. Vol. II. Text, Translation and Historiographical Notes by Francis Cairns. P. 222–377.

Treadgold W. The Diplomatic Career and Historical Work of Olympiodorus of Thebes // *The International History Review*. 2004. Vol. 26. №. 4. P. 709–733.

Vogt J. *Kulturwelt und Barbaren. Zum Menschheitsbild der spätantiken Gesellschaft* (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Mainz, Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse 1967, №. 1). Mainz, 1967.

Irina E. Ermolova

THE DIPLOMACY BY PRISCUS PANITUS

There is a popular opinion in the historiography that the diplomacy as a practice of interstate relationships appears only in the Modern period. Ancient sources can prove such kind of idea. However, on the other hand, some ways of interactions between different tribes, peoples and states are known since the earliest times. As a usual, diplomacy in Antiquity served as a kind of an additional resource in time of the war or as the substitute of military conflicts but not as an instrument for peacekeeping. The diplomatic negotiations usually started after the end of the war or if one of the sides of the conflict considered it a menace. The following problem is discussed in this paper based on the fragments of Priscus of Panion — the diplomat of the Eastern Roman Empire, who was very well acquainted with the relationships between Eastern and Western Romans and Huns due to his taking part in Roman diplomatic mission to different barbarian tribes. The extant part of his texts contains an important information about the practice of diplomatic treaties and negotiations in the Late Antiquity as well as about its main actors. His accounts demonstrate that in the same period there already existed some traditions and practices of organizing and acceptance of diplomatic missions.

Keywords: the Romans, the Hunns, Attila, the Eastern Roman empire, Priscus, an embassy, an ambassador, negotiations

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-122-129

В. В. Тишин

К ДАТИРОВКЕ ПИСЬМА ТЮРКСКОГО КАГАНА ВИЗАНТИЙСКОМУ ИМПЕРАТОРУ МАВРИКИЮ¹

Приводимое в VII книге сочинения византийского историка первой половины VII в. Феофилакта Симокатты сообщение о письме тюркского кагана императору Маврикию длительное время вызывает дискуссии среди исследователей. Датировка самого сообщения, время написания письма и его авторство, событийный контекст изложения — по всем этим пунктам в научной среде не существует консенсуса. В настоящей статье обосновывается датировка сообщения 597 г., что не исключает несколько более ранней даты написания самого письма. Оставляя в стороне обсуждение пространного экскурса по истории «скифских» народов, помещенного в данном сообщении, автор концентрирует внимание на фрагменте, повествующем о внутреннем конфликте у тюрков. Предлагается интерпретировать этот сюжет как рассказ о событиях, имевших место в период не ранее 593 — не позже 596 гг., и связывать с попыткой восточно-тюркского кагана усилить свою власть над самостоятельными владениями других династий.

Ключевые слова: древние тюрки, Византия, авары, хронология, дипломатия

Сочинение Феофилакта Симокатты «Вселенская история» (иногда именуемое в историографии просто «История») было написано в первой половине VII в. (по крайней мере, не ранее 628 г.) (Пигулевская 1957. С. 13; Whitby 1988. P. 40), и, в сущности, в 8 книгах излагает историю правления императора Маврикия (582–602 гг.), охватывая период с 583 до весны 603 гг. Преимущественно, однако, внимание историка сосредоточено на войнах Византии против Сасанидского Ирана в 80-е — начала 90-х гг. VI в. и против авар и славян в 90-е гг. VI в. — начале VII в. (СДПИС 2. С. 11). Сам труд основан на довольно широкой источниковой базе, в целом понятной исследователям, но остающейся дискуссионной относительно деталей.

¹ Работа выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

Говоря о ранних годах правления Маврикия, Феофилакт Симокатта довольно точен в хронологии, но он не всегда корректен в описании второй половины правления императора, в том числе дел на Востоке (Bury 1888. P. 312–313; Whitby 1988. P. 230, 289–291, 313). События излагаются им в логической взаимосвязи и определенной хронологической последовательности, от которой в отдельных случаях он отклоняется, разбавляя содержание некоторыми имеющими отношение к предмету повествования экскурсами в более ранние периоды. При этом не всегда ясны не только датировка и хронология самих событий, содержащихся в таких вставках, но и их увязка с хронологией основного повествования.

Одним из таких вызывающих длительные дискуссии фрагментов является так называемый *экскурс в историю «скифских» народов*², вписанный в контекст рассказа о письме императору от кагана тюрков (Theoph. Sym. VII. VII. 6–IX), вплетающийся в основное повествование, посвященное войне против авар и славян на Балканах (Theophylacti Simocattae Historiae 1887. P. 256–262).

Проблема осложняется еще и тем, что сама хронология военных действий на Балканах, в общем ограничивающихся периодом 592–600 гг., также остается предметом дискуссий³.

Сам *экскурс* разрывает повествование о действиях вновь назначенного стратигом Фракии полководца Приска, который весной (Ἦρος ἀρχομένην) прибыл в расположение войск и начал активные наступательные действия на левом берегу р. Истр, чем спровоцировал авар (Theoph. Sym. VII. VII. 1–5). Феофилакт Симокатта переходит к рассказу об аварах, поясняя реплику Приска в адрес их кагана о том, что они являются пришельцами на этой земле. Он начинает рассказ о том, что «летом того же года» (Θέρος ἐνεστῶτος κατὰ τοῦτον δὴ τὸν ἐνιαυτὸν) (Theoph. Sym. VII. VII. 7) «тот, кого на востоке тюркским каганом величают» (ὁ πρὸς τῇ ἑφ' ὑπὸ τῶν Τοῦρκων Χαγάνος ὑμνοῦμενος), прислал императору Маврикию письмо, из которого цитируется его начало: «Царю Ромеев Хакан, великий господин семи племен и повелитель семи климатов

² Для этого автора характерно стереотипное перенесение на тюрков и другие кочевнические народы наименований *гунны* (Οὐννοί) или *скифы* (Σκύθαι) (Moravcsik 1983b. S. 234–235, 279; Whitby 1988. P. 346).

³ Литературу см.: Grafenauer 1950. S. 62–74; Пигулевская 1957. С. 13, примеч. 6; Феофилакт Симокатта 1957. С. 136, 208–209, примеч. 28; Olajos 1988. P. 167, note 706; СДПИС 2. С. 12 (а также комментарии на с. 47–65, 293–308), и, кроме того, литературу, приведенную в примечаниях в новейших изданиях: Kardaras 2018. P. 48–69; Pohl 2018. P. 163–197, 455–463.

Вселенной» (τῷ βασιλεῖ τῶν Ῥωμαίων ὁ Χαγάνος ὁ μέγας δεσπότης ἐπτά γενεῶν καὶ κύριος κλιμάτων τῆς οἰκουμένης ἐπτά) (Theoph. Sym. VII. VII. 8)⁴. После этого следует пространный рассказ о завоеваниях тюрков и судьбе авар, исполненный множеством этнонимов, топонимов и личных имен, не всегда поддающихся однозначной интерпретации как с точки зрения фонетического облика, так и с точки зрения содержания. В основном именно этим вопросам посвящена многочисленная литература.

Исследователями предлагались различные версии касательно датировки письма и также имелись некоторые расхождения в установлении адресанта.

Ю. Клапрот, бегло обращаясь к этому пассажи византийского историка, датировал сообщение о письме 599 г., а победу кагана над аварами — 597 г. (Klaproth 1826. P. 259, 266). Ирландский византист Дж.Б. Бьюри, одним из первых уделивший специальное внимание этому сообщению, датировал письмо 598 г., и, хотя воздержался от идентификации его автора, соотнес повествование с упоминанием нескольких каганов в связи с событиями, последовавшими за 581 г. (Bury 1897. P. 422–426). Й. Маркварт и Э. Шаванн также датировали сообщение 598 г., определив его автора как Да-тоу 達頭 каган китайских источников и Тарду (Τάρδου) у Менандра Протектора (Marquart 1898, S. 189, 190; Chavannes 1903. P. 245–246, 249). Эту идентификацию поддержал О. Франке (Franke 1936. S. 313; Franke 1937. S. 293).

Специально остановился на данном фрагменте текста Феофилакта Симокатты П.А. Будберг. Он обратил внимание на упоминание в источнике «города» (πόλις) Ταυγὰστ (Theoph. Sym. V. VIII. 10–11, 12, IX. 1–8) (Boodberg 1979. P. 265, 274), который, как отметил еще Э. Шаванн, критикуя существующие переводы и соответствующие интерпретации текста византийского автора, сопоставил его с названием *tabγač*, известным в памятниках древнетюркской рунической письменности для обозначения династии Тан 唐 (Chavannes 1903. P. 246–247 (note 5)). П.А. Будберг сопоставил также это слово с реконструкцией наименования племенной группировки *то-ба* 拓拔 < *t'ak-buât⁵, основавшей на территории Северного Китая в 386–534 г. собственную династию, чья империя распалась

⁴ Различные интерпретации выражения ὁ μέγας δεσπότης ἐπτά γενεῶν καὶ κύριος κλιμάτων τῆς οἰκουμένης ἐπτά см.: Boodberg 1979. P. 311; Haussig 1953. S. 319; La Vaissière 2015. P. 93.

⁵ Впервые это было обосновано П. Пельо (Pelliot 1912. P. 731–733).

в итоге на несколько царств, ликвидированных к 581 г. Соответственно, ближайшей к этому хронологическому отрезку могла выступать династия Северная Чжоу (*кит.* Бэй Чжоу 北周), имевшая тесные сношения с возвысившимися после 551 г. тюрками. Таким образом, по мнению П.А. Будберга, письмо, исходя из данных, излагаемых о *Ταυράστ* (Theoph. Sym. V. IX. 1–8), должно содержать сведения, относящиеся к периоду апреля 579 — июня 580 гг. (Boodberg 1979. P. 280).

Специальную монографию детальному разбору «скифского» экскурса посвятил Г.В. Хауссиг. Путем неоднозначных лингвистических сопоставлений и сложных логических построений⁶, он тем не менее пришел к заключению, что речь идет о двух посольствах. Так, весь «экскурс» в историю относится к событиям, случившимся до 583 г., и эти данные были сообщены византийскому двору в период посольства 583/584 гг., письмо же, о котором собственно говорит Феофилакт, было написано и отправлено летом 600 г., а его автором был Да-тоу 達頭 каган (Haussig 1953. S. 276, 299–300 (Anm. 39), 383–385). В дальнейшем Г.В. Хауссиг также писал о том, что здесь объединены данные о двух посольствах тюрков, но указывал на 568 и 582 гг. (Haussig 1966. S. 106).

К данному фрагменту источника обращался Л.Н. Гумилев, который также отождествил автора письма с Да-тоу 達頭 каганом, но датировал время его написания 597 г., а время прибытия в Константинополь — 598 г. (Гумилев 1961. С. 78, 89), либо — 596 г. (Гумилев 1965. С. 71–72, 75–76).

Затрагивали этот фрагмент и другие исследователи, в связи с несколько иной проблематикой. Н.В. Пигулевская ограничилась лишь таким замечанием: «Некоторые события и сообщения Симокатты датировать все же трудно, другие, как, например, описание скифских племен (VII, 7–9), не могут быть отнесены к какому-нибудь определенному времени. Это справка, почерпнутая автором из какого-то другого источника. В главе 6-й книги VII, в сообщении об Иоанне Постнике, Феофилакт сам говорит, что эти события происходили за четыре года до его предшествующего рассказа» (Пигулевская 1957. С. 13). Тем не менее автор комментариев к изданию русскоязычного перевода источника К.А. Осипова в соответствующем месте обозначила датой «лето 596 г.» (Феофилакт

⁶ Эта часть работы, проделанной немецким исследователем, благожелательно воспринятая в 50-х гг. XX в. (Gabain 1959), в условиях существующих на сегодняшний день знаний об алтайских языках может считаться устаревшей.

Симокатта 1957. С. 159, 211, примеч. 21). Д. Моравчик в итоге датировал сообщение 600 г. (Moravcsik 1983a. S. 77, 546). К. Цегледи, разбиравший вопрос о миграциях в связи упомянутыми в источнике этнонимами, указывал на 598 г., полагая, что здесь могут быть объединены данные, полученные от трех разных каганов, начиная с 568 г. (Czeplédy 1969. 101, 103. о.; Czeplédy 1983. P. 107, 108). Полемизовавший с ним в том числе М. Гриньяши также писал о 598 г. (Grignaschi 1980. P. 231 (note 77)).

М. Уитби соглашается с тем, что сообщение о послании от кагана датируется в источнике 595 г., но, следуя П.А. Будбергу, отмечает возможное время его действительного составления 581/582 гг. (Whitby 1988. P. 315–316). Другой исследователь сочинения Феофилакта Симокатты, Т. Олайош, также признает существование в качестве источника оригинального письма от кагана (Olajos 1988. P. 135, 144), но ограничивается тем, что отмечает формально допустимое время его создания и получения византийским двором 595–603 гг. (Olajos 1988. P. 102–103 (note 430))⁷. В любом случае оба исследователя допускают, что Феофилакт использовал материалы Менандра Протектора (Olajos 1988. P. 103; Whitby 1988. P. 316–317)⁸.

М. Добрович лишь отмечает в качестве самой ранней возможной датировки сообщения 583–584 гг., связывая это с посольством от Тарду (т.е. Да-тоу 達頭) кагана, но в целом, следуя Т. Олайош, останавливается на периоде между 595 и 603 гг. (Dobrovits 2006. P. 177). В основном утвердилась точка зрения о датировке сообщения о письме 598 г. и авторстве Да-тоу 達頭 кагана (Kafesoğlu 1997. S. 109–110; Sinor 1990. P. 306; Taşağıl 2003. S. 88).

Специально обратился к проблеме датировки послания также Й. Харматта. Согласно венгерскому исследователю, письмо повествует о событиях, произошедших в период 580–599 гг., и, по видимому, в последний названный год оно и было отправлено. Автором письма Й. Харматта также считает Да-тоу 達頭 кагана, уже имевшего контакты с византийцами прежде (Harmatta 2001.

⁷ Исследовательница также не помещает это сообщение в приложенную к своему источниковедческому исследованию хронологическую таблицу (Olajos 1988. P. 171).

⁸ М. Уитби, в частности, полагает, что экскурс Феофилакта относительно авар не заслуживает доверия, поскольку византийский писатель был запутан данными Менандра и даже ошибочно соотнес сведения о победах тюрок с периодом правления Маврикия (Whitby 1988. P. 316, 317).

Р. 114–115, 118). По мнению Й. Харматты, сообщение Феофилакта содержит сведения о деятельности не нескольких, а одного кагана, которые почерпнуты не только из самого письма, но сообщены тюркскими послами. Вообще Й. Харматта, также прибегая к использованию фонетических реконструкции, предлагает на этом основании несколько новых и довольно неоднозначных отождествлений.

Оригинальную точку зрения выдвинул в последние годы Э. де Ла Вэссьер, который датирует письмо 595 г., а его автором считает Нири (кит. Ни-ли 泥利) кагана (La Vaissière 2010; La Vaissière 2015)⁹.

Существующие трактовки, по-видимому, не исчерпывают возможностей потенциального появления новых интерпретаций, обусловленных самим фактом неопределенности и, соответственно, допустимости различного истолкования упомянутых в тексте Феофилакта топонимов, этнонимов и личных имен/титолов, связанных общей событийной канвой, лишенной, однако, конкретных временных и пространственных ориентиров (ср.: Chavannes 1903. Р. 251). Вариативность в понимании отдельных деталей не позволяет уверенно восстановить полную историческую картину.

Но, даже отказавшись от этой затеи, которая привела бы лишь к тому, что к имеющимся интерпретациям, добавилась бы еще одна, — основанная на том же материале и потому не имевшая бы никаких преимуществ по сравнению с существующими, — невозможно игнорировать тот факт, что не до конца ясным остается место рассматриваемого сообщения в самой системе хронологии источника.

Для хронологии военных действий на Балканах большое значение имеет другой византийский источник — «Хронография» Феофана Исповедника. Этот созданный во второй половине 20-х гг. IX в. труд, изначально задумывался автором как продолжение незавершенного творения Георгия Синкелла (ум. 810/811 г.), впервые в византийской историографической традиции предпринявшего попытку выстроить исторические сведения в строгом хронологическом порядке, хотя он не был в этом последователен. Труд Феофана представляет собой компиляцию известий, почерпнутых у более ранних авторов. Сжатость и неровный стиль изложения, выдающий зависимость от источников заимствования, отсутствие

⁹ Эту интерпретацию целиком принял, в частности, В. Поль (Pohl 2018. Р. 180).

комментариев и каких-либо оценочных суждений свидетельствуют о том, что автор не приложил никаких усилий не только для творческой обработки материала, но и для критики, сведя к минимуму свою причастность к излагаемым сведениям. Главным достижением Феофана, что, по-видимому, и являлось его конечной целью, стало создание труда, последовательно располагающего исторические события по годам, без какой-либо логической увязки друг с другом (Чичуров 1981). Как и Георгий Синкелл, Феофан ведет отсчет времени «от сотворения мира» по Александрийскому летоисчислению, но в отличие от своего предшественника, традиционно начинавшего год с марта, Феофан привязывает начало года к принятому сентябрьскому индикту. Несмотря на то, что в его сочинении периодически встречается использование других систем датировки, что, очевидно, исходит от его источников, и местами оно содержит неточности, использование одновременно нескольких систем служит важным ориентиром. По крайней мере, он никогда не ошибается в датировках по индиктам¹⁰.

В связи с рассматриваемой нами проблемой важно упомянуть, что среди источников Феофана для событий последнего десятилетия VI в. был не только труд Феофилакта Симокатты, но также и какие-то не выявленные на сегодняшний день сочинения (Moravcsik 1983a. S. 432; Whitby 1983; СДПИС 2. С. 250).

Как обратили внимание уже первые исследователи (Marquart 1898. S. 198; Chavannes 1903. P. 246 (note 2)), кроме труда Феофилакта Симокатты, сообщение о письме тюркского кагана встречается также еще в одном источнике — сочинении византийского писателя более поздней эпохи Никифора Каллиста Ксантофула (ок. 1256 — не ранее 1327) «Церковная история». Задуманное автором как масштабная работа, оно было начато ок. 1310 г. и завершено где-то после 1317 г. До нашего времени дошло 18 книг, повествование которых доведено до 911 г. В сущности, это обширная компиляция, источниками для которой послужили труды более ранних авторов, в том числе Иоанна Малалы, Феофилакта Симокатты, Феофана Исповедника (Neville 2018. P. 260–262; Moravcsik 1983a. S. 459). В последней книге помещен фрагмент (Nik. Xanth. XVIII. 30), излагающий те же события, что и Феофилакт Симокатта, сочинение которого, как недавно отметил, в

¹⁰ О системе хронологии Феофана см.: Кузенков 2006; Кузенков 2014. С. 329–330, 362–369.

частности, С.А. Иванов, автор явно использовал, что подтверждается наличием цельных заимствованных фраз. При этом Никифор Каллист не только значительно сократил текст предшественника, но также реструктурировал его и переосмыслил¹¹. В то же время, как видно по другим фрагментам, Никифор Каллист привлекал и какие-то иные источники, которые пока не идентифицированы (Ivanov 2013. P. 124–126). В отношении данного сюжета подобных моментов не так много, однако, они позволяют скорректировать некоторые детали.

Начало активных боевых действий на Балканах падает на период, когда успокоились дела на востоке (Theoph. Sym. V. XVI. 1), где византийские войска участвовали в усобице в сасанидской державе, завершившей длительную византийско-сасанидскую войну 572–591 гг. Точкой отсчета может считаться упоминание Феофилактом Симокаттой случившегося в 9-й год правления императора Маврикия (14.08.590–13.08.591) затмения солнца (Theoph. Sym. V. XVI. 5), однако, произошедшего, в действительности, 19.03.592 (Haussig 1953, S. 410 (Anm. 511); Феофилакт Симокатта 1957. С. 136, 208–209 (примеч. 28)). Феофан датирует затмение 6083 г. «от сотворения мира» (далее — с.м.), что соответствует 01.09.590–31.08.591 (Theophanis Chronographia 1883. P. 268). Важным является также указание на прибытие после возвращения императора из похода к разоренному аварами г. Анхиал посольства к нему от франкского короля Теодориха II (Theoph. Sym. VI. III. 7), вступившего на престол после рождества 595 г. (Olajos 1988. P. 140; Whitby 1988. P. 158 (note 28)), что также добавляет сложностей в уяснение общей хронологии (см.: Haussig 1953. S. 409–410 (Anm. 509); Феофилакт Симокатта 1957. С. 140, 209 (коммент. 4); СДПИС 2. С. 16, 17, 49, (коммент. 33); Kardaras 2018. P. 49–50).

С этого момента начинаются последовательные действия базилирующей во Фракии византийской армии под руководством Приска, которого затем сменил брат императора Петр, но потом он был вновь восстановлен в командовании.

Между рассказом о неудачах Петра и упоминанием о выступлении Приска (а, соответственно, перед «скифским» экскурсом) по-

¹¹ В частности, Никифор Каллист специально выделяет сюжет о прошлом авар (Διεξοδικωτέρα διήγησις περί τῆς Ἀβάρων γενεαλογίας· καὶ ὅπως ἐκ τῆς ἕω εἰς ἑσπέραν διέβησαν· καὶ περὶ τοῦ ὄρους τοῦ Ἰκάρ· καὶ περὶ τῆς Περσικῆς παλαιᾶς πολιτείας· ἔτι δὲ καὶ περὶ τῶν πόλεων τῆς Ταγαῦστ καὶ τῆς Κουβδᾶν, ἃς λόγος τὸν Μακεδόνα κτίσαι λέξανδρον) (Nik. Xanth. XVIII. 30. 1–7) (Ivanov 2013. P. 132).

мещено сообщение о том, что «за 4 года до этого» (Πρὸ τεττάρων τοίνυν τούτων ἐνιαυτῶν) завершил свою жизнь Константинопольский патриарх Иоанн Постник (Theoph. Sym. VII. VI. 1). Известно, что он умер 2 сентября 595 г. (Grafenauer 1950. S. 63; Olajos 1988. P. 171; см. также: Вур 1888. P. 312; Феофилакт Симокатта 1957. С. 158, 211 (коммент. 16)), т.е. уже в самом начале какого-то нового календарного года (год начинался с 1 сентября). Далее идет сообщение о комете, наблюдавшейся «в эти же дни» (Ἐν ταῦταῖς ταῖς ἡμέραις) (Theoph. Sym. VII. VI. 8), которое коррелирует с данными о наблюдении кометы в Равенне в январе 595 г. (Haussig 1953. S. 299 (Anm. 39); Olajos 1988. P. 135, 171). Все сообщения, представленные в этом перечне событий, по-видимому, почерпнуты из каких-то других источников и помещены сюда интуитивно, потому с нарушением хронологической последовательности (ср.: Whitby 1988. P. 95). Сам Феофилакт датирует все в годах правления Маврикия (Higgins 1933. P. 55–65), соответственно, сообщение, с которого он начал, относится к 14-му году правления (14.08.595–13.08.596). Иными словами, *если* сообщение о смерти Иоанна Постника привязано к последующим военным действиям на Балканах, то они должны были бы датироваться с весны 599 г., охватывая, таким образом, 17-й и 18-й года Маврикия (14.08.598–13.08.599, 14.08.599–13.08.600) (ср.: Grafenauer 1950. S. 65; Haus sig 1953. S. 299 (Anm. 39); Olajos 1988. P. 135)¹².

Никифор Каллист располагает материал несколько иначе. После рассказа о прошлом авар следуют несвязанные рассказы о различных чудесах и приметах, имевших место в правление Маврикия (см.: L'Histoire ecclésiastique 1578. P. 433a–435a). Сначала это рассказ о св. Евфимии (Nik. Xanth. XVIII. 31), помещенный Феофилактом совсем в другой книге, разрывая повествование о зверствах узурпатора Фоки, захватившего власть в ноябре 602 г., но там также упомянуто событие, относящееся к 12-му году Маврикия (14.08.593–13.08.594) (Theoph. Sym. VIII. XIV. 6). Далее Никифор Каллист рассказывает о чуде св. Гликерии Гераклийской (Nik. Xanth. XVIII. 32), что у Феофилакта дано еще в рассказе о 1-м годе правления императора (Theoph. Sym. I. XI). Следующий рассказ (Nik. Xanth. XVIII. 33) связан с эпизодом о предотвращении осквернения храма восставшей толпой на рож-

¹² Различные датировки кампании на Балканах см., напр.: Kardaras 2018. P. 54 (note 54); Pohl 2018. P. 180, 459 (note 61).

дество, как сообщает Феофилакт, в 20-й год правления Маврикия (14.08.601–13.08.602) (Theoph. Sym. VIII. IV. 9–V. 1–4), т.е., видимо, 24.12.601. Среди прочих чудес, в одном из последующих эпизодов у Никифора говорится о смерти Иоанна Постника, случившейся «примерно в это же время» (Nik. Xanth. XVIII. 34). Далее (Nik. Xanth. XVIII. 35) повествуется о знамениях, предвещавших гибель императору. Одно из них, связанное с предсказанием старца, у Феофилакта относится к 19-му году правления Маврикия (14.08.600–13.08.601) (Theoph. Sym. VII. XII. 10–11), у Феофана Исповедника помещено под 6093 г. с.м., что соответствует 01.09.600–31.08.601 гг. (Theophanis Chronographia 1883. P. 283); другое предзнаменование, касательно рождения уродцев, у Феофилакта (Theoph. Sym. VI. XI. 1) прямо предшествует смещению Приска и назначению Петра (Theoph. Sym. VI. XI. 2), рассказ об упомянутом затмении солнца относится, видимо, ко времени, явно после 9-го года правления Маврикия (14.08.590–13.08.591) (Theoph. Sym. V. XVI. 5). Феофан Исповедник помещает подобное сообщение об уродцах под 6087 г. с.м., т.е. 01.09.594–31.08.595, и этим же годом датирует снятие с должности Приска и назначение Петра (Чичуров 1980. С. 33, 56; СДПИС 2. С. 258, 259, 297 (коммент. 103)). Затмение, как уже говорилось, у Феофана отнесено к 6083 г. с.м., т.е. 01.09.590–31.08.591 (Theophanis Chronographia 1883. P. 268). Следующий эпизод о видениях Мена, экзарха Египта, который Никифор отнес к 19-му году правления Маврикия (14.08.600–13.08.601) (Nik. Xanth. XVIII. 36), у Феофилакта дан в контексте продолжения рассказа о весеннем выступлении Приска, прерванного сообщением о письме от кагана тюрков (Theoph. Sym. VII. XVI. 1–9). Феофан датирует видение 6092 г., что соответствует 01.09.599–31.08.600 (Theophanis Chronographia 1883. P. 280–281).

Таким образом, эти сообщения, будучи помещены в текст компиляции Никифора между конкретными событиями, не обнаруживают какого-либо иного критерия их размещения, кроме как общность тематики.

Только потом Никифор возвращается к аварской тематике и рассказывает о деяниях Коментиола и Приска во время вторжения авар (Nik. Xanth., XVIII. 37), и это повествование перекликается с содержанием соответствующих фрагментов у Феофилакта о военных действиях (Theoph. Sym. VIII. I. 11 сл.), завершившихся, по крайней мере, зимой 599/600 гг., поскольку далее идет упоминание

19-го года правления Маврикия (14.08.600–13.08.601), будто бы не отмеченного ничем примечательным (Theoph. Sym. VIII. XII. 8, 9). Никифор добавляет здесь некоторые детали (Ivanov 2013. P. 126, 140–141). У Феофана бесславное прибытие Коментиола в Филиппополь относится к 6093 г. с.м., т.е. 01.09.600–31.08.601 (Theophanis Chronographia 1883. P. 281–283).

Итак, у нас существуют примерные нижняя и верхняя даты для косвенной датировки события. Письмо, как сообщает Феофилакт, было доставлено к императору «летом того же года» (Θέρους ἐνεστῶτος κατὰ τοῦτον δὴ τὸν ἐνιαυτὸν) (Theoph. Sym. VII. VII. 7), и ближайшая хронологическая ориентировка — это предшествующее сообщение о выдвижении Приска из Византии (τοῦ Βυζαντίου) и прибытие в войска, датируемое фразой «с наступлением весны» (Ἦρος ἀρχομένου) (Theoph. Sym. VII. VII. 1), т.е. в отношении следующего года после неудачи стратига Петра. Следующей отметкой выступает сообщение о более чем 18-месячном спокойствии (ἐπὶ μῆνας τοῦταροῦν ὀκτωκαίδεκα καὶ περατέρῳ), последовавшем после неудач, постигших авар в результате действий Приска (Theoph. Sym. VII. XII. 9), и следующей ближайшей датой в источнике упоминается (Theoph. Sym. VII. XII. 10) 19-й год правления Маврикия (14.08.600–13.08.601) (Феофилакт Симокатта 1957. С. 165, 212, примеч. 38). Феофан Исповедник сообщение о неудачном походе авар в Далмацию помещает под 6091 г. с.м., т.е. 01.09.598–31.08.599, в предыдущем разделе оговаривая, что Приск и каган с наступлением зимы разошлись по своим позициям (Theophanis Chronographia 1883. P. 277–278). Это не меняет того, что дата выступления Приска приходится у этого писателя на весну 598 г.

Следующее за последней упомянутой датой у Феофилакта сообщение о нападении аварского кагана на г. Томис (Τόμις) связывается с зимним периодом (Theoph. Sym. VII. XIII. 1–2)¹³, и событие должно было последовать за упомянутым выше более чем 18-месячным бездействием, во время которого и византийцы, и авары оставались на своих позициях на Истре (Theoph. Sym. VII. XII. 9). Однако в другом месте Феофилакт после рассказа об

¹³ Далее Феофилакт Симокатта говорит о посольстве кагана, осаждавшего Томис в период празднования страстей и воскресения Христовых, т.е. Благовещения и Пасхи (Theoph. Sym. VII. XIII. 3). Дата Пасхи для 598 г. выпадала на 30 марта, для 599 г. — на 19 апреля, для 600 г. — на 10 апреля. Однако ни из текста Феофилакта, ни из коррелирующего эпизода у Феофана (см. ниже) не следует, что Пасха в тот момент обязательно должна была быть привязана к марту.

этих событиях, связанных с осадой Томиса, завершившихся заключением мира с аварами, и затем о возобновившихся по инициативе Маврикия боевых действиях, говорит о том, что 19-й год (14.08.600–13.08.601) не отмечен ничем примечательным (Theoph. Sym. VIII. XII. 9).

У Феофана Исповедника события, связанные с Томисом, помещены под 6092 г. с.м., т.е. 01.09.599–31.08.600, но он упоминает о выступлении Приска к Сингидону перед вторжением кагана, и оно привязано к третьему индикту, месяцу марту (Theophanis Chronographia 1883. P. 278). Это несколько отличает и саму последовательность действий Приска и кагана, и общую хронологию от тех, что представлены у Феофилакта, поскольку у последнего выдвижение Приска явилось ответом на действия осадившего Томис кагана, а начало всех действий выпадает, как уже говорилось, на зиму (СДПИС 2. С. 266, 267, 304 (коммент. 191)). Третий индикт должен как раз был соответствовать 01.09.599–31.08.600 (СДПИС 2. С. 266, 267, 304 (коммент. 189, 190)). Данное расхождение объясняется исследователями по-разному. Вообще, как сужение географических определений, так и неточности в локализациях являются достаточно характерными чертами компилятивной части труда Феофана (Чичуров 1983. С. 53–59, 63). Касательно данного эпизода наиболее скептически настроенные специалисты исходят из того, что Феофан здесь, как и в ряде других мест, объединял некоторые различные события, также подгоняя их расположение и протяженность под свою хронологию (Whitby 1983. P. 332–333), другие же допускают, что им мог быть использован какой-то неизвестный источник (Любарский 1984. С. 76 (примеч. 11)).

Соответственно, у Феофилакта Симокатты события, излагаемые с момента назначения Приска (Theoph. Sym. VII. VII. 1) до момента весенних военных действий, завершившихся вынужденным со стороны авар заключением мира из-за последовавшей у них чумы (Theoph. Sym. VII. XIII–XV, VIII. I. 9), должны были выпасть на время до 19-го года Маврикия, т.е., по крайней мере, до 14.08.600. В этом случае, если считать, что мир был заключен весной 600 г., то нападение кагана на Томис перемещается на зиму 599/600 гг., а начало периода более 18-месячного затишья — на, по крайней мере, первую половину 598 г. (ср.: Grafenauer 1950. S. 65).

Исследователи сегодня, в основном, предлагают помещать это затишье в период с осени 595 до лета 597 гг., датируя начало военных действий со стороны авар ближе к осени 597 г. (Olajos

1988. P. 171; Whitby 1988. P. 158, 161–162 СДПИС 2. С. 38, 61 (коммент. 133), 264, 265, 303 (коммент. 177)). Считается, что за это время авары разгромили баваров и совершили нападения на франков и тюрингов (СДПИС 2. С. 38, 61, (коммент. 133))¹⁴, однако, хронология этих событий тоже не так ясна (Grafenauer 1950. S. 68; Pohl 2018. P. 186–187). Между тем вызывающее дискуссии сообщение Феофилакта о посольстве франкского короля к Маврикию с предложением союза против авар хорошо увязывается с этими событиями как их следствие (ср.: Kardaras 2018. P. 56–57 (с иной датировкой)).

Возобновление военных действий византийцами обычно относят к лету 599 г. (Haussig 1953. S. 408; Olajos 1988. P. 172; Whitby 1988. P. 158, 164; СДПИС 2. С. 38, 62 (коммент. 141), 268, 269, 306 (коммент. 208), 270, 271, 307 (коммент. 224)), т.е. предполагая, что с заключения весеннего перемирия после осады Томиса и поражения Коментиола до летней кампании прошел год.

Отнесение событий, связанных с возобновлением военных действий византийцами против авар вопреки заключенному договору, однозначно случилось перед 19-м годом Маврикия. Коментиол, согласно Феофилакту, выдвинулся с подкреплением к Приску летом (Ἰέρους) (Theoph. Sym. VIII. I. 11). Все описанные далее военные действия проходили до зимы, о чем дает понять повествование о неудачном походе Коментиола, имевшем место уже после переговоров императора с аварами, потерпевшими поражение от Приска, и далее о зимовке Коментиола в Филиппополе и вновь назначении его стратигом летом (Theoph. Sym. VIII. XII. 7–8), т.е. уже следующего года по григорианскому календарю. Феофан разводит по разным годам события, связанные с осадой Томиса и поражением посланного на помощь Приску Коментиола, и действия после заключения мира, которые уже связывает с 6093 г., четвертым индиктом, т.е. 01.09.600–31.08.601, произошедшими, по контексту, после Пасхи, правильно датированной здесь 26 марта, когда царица София, жена покойного императора Юстина II, и царица Константина, жена Маврикия, преподнесли последнему сделанный ими венец. Здесь рассказывается далее о том, что Маврикий не принял обвинений войска против потерпевшего поражение Коментиола и послал его на со-

¹⁴ Упоминание о последнем, в частности, можно найти у Павла Диакона (Hist. Lang. IV. XI) (History of the Langobards 1907. P. 159).

единение с Приском в Сингидон (Theophanis Chronographia 1883. P. 281–283). Противоречие может быть снято за счет предположения, что события переставлены в неверной последовательности, а Коментиол, действительно, вернулся в Филиппополь после 01.09.600, т.е. уже в следующем году. У Феофилакта далее как раз говорится о спокойном 19-м годе Маврикия (14.08.600–13.08.601) (Theoph. Sym. VIII. XII. 9).

Сопоставление относящихся к этим событиям пассажей, повествующих о действиях посланного на подмогу Приску Коментиола, его разгроме, чуме у авар и последующем заключении мира, представленных у Феофилакта Симокатты (Theoph. Sym. VII. XIII. 8–XV. 14), а также Феофана Исповедника, который помещает их под 6092 г. с.м., т.е. 01.09.599–31.08.600 (Theophanis Chronographia 1883. P. 278–279), и вставки в манускрипте X в. Пасхальной хроники, взятой из т.н. «Великого хронографа» (*μέγας χρονογράφος*) (Chronicon paschale 1832. P. 694–695), привело Л.М. Уитби к мнению, что текст Феофана восходит к двум источникам — он, несомненно используя текст Феофилакта (ср.: Whitby 1983. P. 316; Любарский 1984. С. 78), привлекал также и текст «Великого хронографа», довольно аккуратно компилируя данные, отдавая предпочтение в разных случаях тому или иному сочинению (Whitby 1982/83. P. 2–9; Whitby 1983. P. 333–334). Как неоднократно обращалось внимание исследователями, даже те фрагменты сочинения Феофана, где несомненно использование труда Феофилакта, иногда содержат подробности, которых у последнего нет, будучи, вероятно, заимствованы из других источников. При этом отнюдь не все эти моменты объясняются предположением, что Феофан мог располагать какой-то более полной рукописью сочинения Феофилакта, нежели те, которые известны современной науке (Любарский 1984. С. 74, 75). В частности, непосредственное упоминание у Феофана о том, что Приск после переговоров с аварами в 6088 г. с.м. (01.09.595–31.08.596) переправился через реку (*ως τον ποταμόν διέπερασεν*), дает основания предполагать уже здесь использование какого-то дополнительного источника (СДПИС 2. С. 260, 261, 297 (коммент. 115)), так как Феофилакт прямо не говорит об этом.

Если, таким образом, принимается установленная выше ключевая точка, то, следуя обратному отсчету, можно предложить подход, предполагающий, что военные действия не затронули период 19-года правления Маврикия и рассказ о приходе Коментиола

в Филиппополь нужно считать не имеющим прямого отношения к войне, поскольку аварам уже было нанесено поражение. Если рассматривать, что все произошло летом 600 г. (Bury 1888. P. 314; Grafenauer 1950. S. 65, 73), тогда события, связанные с нападением авар на Томис, ложатся на зиму 599/600 гг. Это подкрепляется датировкой с третьим индиктом у Феофана. Тогда начало 18-месячного затишья падает примерно на начало — первую половину 598 г. Если следовать Феофану, между Приском и аварским каганом было заключено перемирие перед тем, как они отошли на свои позиции с приходом зимы, тогда все действия Приска падают на 597 г., начиная, по Феофилакту, с самой весны (Theoph. Sym. VII. VII. 1). Последнее несколько не соотносится с данными Феофана, согласно которым, это был 6090 г. с.м. (01.09.597–31.08.598), а не ожидаемый 6089 г. с.м. (01.09.596–31.08.597). Но Приск выступает здесь во Фракию, у Феофилакта с наступлением весны он выдвигается из столицы (не входившей в состав Фракии по административно-территориальному делению) (СДПИС 2. С. 262, 263, 302 (коммент. 163)), почему здесь можно было бы допустить, что активная фаза его противостояния с аварами начинается осенью, т.е. в новом сентябрьском году, что соответствовало бы данным Феофана. Действия Петра также могут быть растянуты на условные два года, как это и дано у Феофана (01.09.595–31.08.597), в первый из которых Петр только был назначен и выплатил жалование войскам (6088 г. с.м. (01.09.595–31.08.596)), во второй уже воевал со славянами и булгарами (6089 г. с.м. (01.09.596–31.08.597)). Это не значит, что его назначение падает на период не ранее осени 595 г.

Назначение Приска стратигом Европы датируется Феофаном 6084 г. с.м., т.е. 01.09.591–31.08.592, и в этом году он уже воевал против авар (Theophanis Chronographia 1883. P. 269). Согласно этому же источнику, в 6085 г. с.м., т.е. 01.09.592–31.08.593, он был отправлен охранять границы по Истру (Theophanis Chronographia 1883. P. 270). Приск находился на должности, по Феофилакту, продержавшись с момента назначения по крайней мере смену одной весны (Theoph. Sym. VI. VI. 1–2), с сообщением о которой коррелируют данные Феофана, находящие отражение во всем описании деяний Приска, данном у Феофилакта (Theoph. Sym. VI. VI. 2–IX). Его нахождение на должности в 593 г. подтверждается поздравительным письмом Папы Римского Григория I (Whitby 1988. P. 158). Феофан датирует еще один по-

ход Приска против славян 6086 г. с.м., т.е. 01.09.593–31.08.594 (Theophanis Chronographia 1883. P. 272). В описании совпадающих событий у Феофилакта (Theoph. Sym. VI. X. 1–4, XI. 2) не говорится о двух годах, видимо, потому что он использует иную хронологию. У Феофилакта содержится косвенный намек на приближение зимы (Theoph. Sym. VI. X. 1), а Феофан относительно 6086 г. с.м. (01.09.593–31.08.594), прямо говорит, что Приск уговорил войска зимовать на занятых землях за Истром, но все же вернулся на правый берег (Theophanis Chronographia 1883. P. 272; Чичуров 1980. С. 33, 56–57; СДПИС 2. С. 258, 259). В этом случае речь идет о приближении зимы 593/594 гг. Петр был назначен еще в 6087 г. с.м. (01.09.594–31.08.595), когда Приск, по описанию Феофана, успел к тому времени совершить поход на славян и, чтобы быть пропущенным на правый берег Истра, отдал аварам часть добычи¹⁵, почему в дальнейшем, в 6088 г. с.м. (01.09.595–31.08.596), Петр был вынужден, выплачивая войскам жалование, искать способы умиротворять их (Theoph. Sym. VI. XI. 3–21, VII. I. 1–2) (Theophanis Chronographia 1883. P. 272–273; СДПИС 2. С. 28–29, 258–261). Войска Приска вернулись в Дризиперу, сам он отправился в столицу (Theoph. Sym. VI. XI. 21), после чего Петр, видимо, и принял командование (СДПИС 2. С. 260, 261, 297 (коммент. 116)). Тут само фактическое вступление в полномочия Петра можно отнести как раз к началу 595 г., а 6088 г. с.м. (01.09.595–31.08.596) Феофана отмечен, кроме выплаты жалования, лишь небольшой стычкой со славянами. В этом случае основная кампания Петра против булгар и славян падает на 596 г.¹⁶, что не противоречит его снятию с должности в том же 6089 г. с.м. (01.09.596–31.08.597), поскольку, если это была осень того же 596 г., то Приск как раз весной 597 г. снова принял бы командование уже фактически. Относительная пассивность авар в период 594–596 гг. как раз хорошо объяснялась бы их занятостью на западе (ср.: Grafenauer 1950. P. 67–68).

И как раз от даты заключения перемирия с каганом весной 600 г., рассматривая события войны с точки зрения ромейского календаря с сентябрьским началом года (т.е. от даты 01.09.599),

¹⁵ Об интерпретации данных Феофилакта и Феофана касательно этих событий см.: СДПИС 2. С. 258, 259, 296 (коммент. 99), 297 (коммент. 106, 107, 109).

¹⁶ Ключевой датой здесь выступает празднование в честь мученика Луппа, 23 августа, с жителями Йатры (Theoph. Sym. VII. II. 17) (Феофилакт Симокатта 1957. С. 155, тем более у Феофана описаны под 6089 г. с.м. (01.09.596–31.08.597).

можно было бы отсчитать 4 года, до смерти Иоанна Постника 02.09.595¹⁷.

Таким образом, принятие письма от тюркского кагана, о котором рассказано в контексте кампании Приска, должно относиться к 597 г., что совпадает по таким расчетам с ней. Это позволяет предполагать, что в случае с письмом от кагана речь идет о 15-м годе правления Маврикия (14.08.596–13.08.597), а точнее — о периоде примерно 01.06–13.08.597, если исходить из самого значения слова *θέρος* ('жатва' > 'время жатвы, лето')¹⁸. Учитывая, что понятие «весна» (*ἤρος*) употребляется Феофилактом Симокаттой в отношении сезона традиционного календарного года (Higgins 1933. P. 57–58), так же, видимо, следует воспринимать указание на другие времена года¹⁹.

Определение примерной даты написания письма значимо для интерпретации сюжета о внутреннем противостоянии (*ἐμφύλιος πόλεμος*) у тюрков, когда некий Τουρούμ, близкий по родовой принадлежности к кагану (*πρὸς γένος καθεστὼς τῷ Χαγάνῳ*), задумал «государственный переворот» (падежн. *νεωτερίσας*), выступив против адресата письма. Тот, не смог одолеть большие силы противника в одиночку, потому обратился за помощью к другим «трем великим каганам» (*τρεῖς μεγάλους Χαγάνους*), которых звали *Σπαρζευγοῦν*, *Κουναξολάν* и *Τουλδίχ*. В итоге у местечка *Ἴκάρ* войско «тирана» (*τύραννος*) было разбито, а сам он пал (*πίπτει*) (Theoph. Sym., VII. VIII. 8–10). Никифор Каллист Ксантофул не-

¹⁷ В связи с этим см.: Whitby 1988. P. 95 (note 6).

¹⁸ Климатическое разнообразие широких просторов Византийской империи подталкивает к тому, чтобы сосредоточить внимание на территории Балкан, находящихся на стыке зон умеренно-континентального (дунайского) климата с холодными зимами, жарким и сухим летом, и субтропического (средиземноморского), с короткими зимами, особенно холодными на побережье, и длинным жарким летним сезоном (до 6 месяцев). Свою специфику, разумеется, имеют центральные районы полуострова, в той или иной степени защищенные горами от ветров, но различающиеся своими климатическими особенностями, тяготеющими к тому или иному типу климата. В основном сухой сезон длится здесь 3 месяца (Karlan 1992. P. 11–14). Нам известно о том, что в средней полосе период месяцев июня и июля был временем сбора урожая (соответственно, для бобовых и зерновых культур), вспашка производилась в октябре, а уже с ноября снова начинался посев (Karlan 1992. P. 56–61).

¹⁹ Между тем, как отметил Г.В. Хауссиг, дата в документах, используемых Феофилактом, могла содержать дату отправки, уже начертанную в самом письме (Haussig 1953. S. 316, (Ann. 122)). Либо, наоборот, исходя из даты прибытия письма к императору, следует учесть то время, которое письмо шло до адресата (Гумилев 1961. С. 78).

сколько более сжато дает это повествование, не называя имен трех других каганов (Ivanov 2013. P. 135). У Никифора Каллиста однозначно сказано, что каган, объединившись с союзниками, убил (κτείνει) «тирана». Однако употребленное у Феофилакта слово *πίπτει* (исх. *πίπτω*) вовсе не обязательно подразумевает физическую гибель.

Только китайские источники позволяют идентифицировать некоторых из этих персоналий и конкретизировать контекст²⁰.

После гибели в 589 г. кагана Чу-ло-хоу 處羅侯, правившего под титулом Мо-хэ 莫何 каган, власть у восточных тюрков получил его племянник Юн-юй-люй 雍虞閭, принявший титул Се-цзя-ши До-на Ду-лань 頡伽施多那都藍 каган. Он сразу же отправил посольство к двору империи Суй 隋 с подарками, что там было традиционно расценено как дань, и получил 3 000 (так в СШ, по БШ — 2 000) рулонов шелка. По китайским источникам, он посылал дары каждый год (Parker 1900. P. 70, 77, 78 (note 308); Liu Mau-Tsai 1958. S. 55; Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 511, 524). Так, 09.01.593²¹ тюркские вожди (*ту-цзюэ бу-ло да-жэнь* 突厥部落大人), подчиненные Ду-лань 都藍 кагану, согласованно (*сян-люй* 相率) отправили посольство с дарами в 10 000 лошадей, 20 000 голов овец, и по 500 голов верблюдов и голов крупного рогатого скота, отправив в том же году следующую делегацию с просьбой об открытии рынков (Liu Mau-Tsai 1958. S. 56; Қазақстан тарихы 2006. 79, 104 б. (169 түсін.); Bielenstein 2005. P. 376).

Другим крупным предводителем, имевшим подчиненный статус по отношению к Ду-лань 都藍 кагану, был сын Чу-ло-хоу 處羅侯, Жань-гань 染干, который носил титул *Ту-ли* 突利 каган (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 512, 524, 532, 580, 970, 977–978, (примеч. 56); Liu Mau-Tsai 1958. S. 57, 103, 531–532 (Ann. 306); Таšağıl 2003. S. 116 (dipnot 607), 118, 160)²². Он также отправил к суйскому

²⁰ Оригинальное решение проблемы было предложено Л. Н. Гумилевым, предположившим, что византийский переводчик, называя имена каганов «Спарзегбун, Кунасолан и Тульдих» (*Σπαρζεβουὺν καὶ Κουναζολάν καὶ Τουλδῖχ*), просто не понял тюркскую фразу *İşbara jabyu qınaq qa sol(d)an toldi* 'Ышбара-ябгу в гости (по приглашению) с левой стороны (с востока) наполнил... (наступил, наводнил войсками...)' (Гумилев 1965. С. 73; Гумилев 1967. С. 115 (примеч. 57)).

²¹ В ЦФЮГ (цз. 970) ошибочно указан 8-й год эры правления *кай-хуан* 開皇 (03.02.588–21.01.599), и там написано *ту-цзюэ ду-лань бу-ло да-жэнь* 突厥都藍部落大人 (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 66–67; ср.: Таšağıl 2003. S. 118).

²² Так по СШ и ЦТЦТ, в то время как в БШ, ТД, ТПХЮЦ и ЦФЮГ он именуется сыном Ша-бо-люэ 沙鉢略 кагана, т.е., младшим братом Ду-лань 都藍 кагана.

двору посланников с просьбой о заключении династического брака. Император дал предварительное согласие, через посланца сообщив одно условие — Жань-гань 染干 должен убить принцессу Да-и 大義²³. Жань-гань 染干 принял это предложение и оклеветал ее. Ду-лань 都藍 каган, поддавшись всем слухам, убил ее в ее же юрте (*чжан* 帳)²⁴. Есть и другие описания обстоятельств гибели принцессы Да-и 大義, одно из которых упоминает о ее попытках наладить союз с западно-тюркским Ни-ли 泥利 каганом²⁵, но в любом случае это произошло в 593 г. (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 511–512, 524–525, 970; ср.: Parker 1900. P. 70; Liu Mau-Tsai 1958. S. 57; Таşağıл 2003. S. 124; Қазақстан тарихы 2006. 80–81 б.).

В основной части китайских летописей также говорится, что Ду-лань 都藍 каган (в текстах: Юн-юй-люй 雍虞閭) имел некоторые столкновения с Да-тоу 達頭, где последний также называется дотронным именем²⁶. Однако суйскому двору удалось примирить их (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 512, 525, 532; ср.: Parker 1900. P. 70; Liu Mau-Tsai 1958. S. 57; Қазақстан тарихы 2006. 81 б.).

После гибели принцессы Да-и 大義 Ду-лань 都藍 каган обратился к суйскому Двору с просьбой о заключении династического брака (Liu Mau-Tsai 1958. S. 103; Таşağıл 2003. S. 160). Дипломат Чжан-сунь Шэн 長孫覽 рапортовал императору Вэнь-ди 文帝 о необходимости не доверять Ду-лань 都藍 кагану (который здесь также называется по дотронному имени Юн-юй-люй 雍虞閭). Последний будто бы лоялен империи только ввиду того, что опасается Дянь-цзюэ 玷厥, т.е. Да-тоу 達頭 кагана. Поэтому он рекомендовал сделать ставку на его двоюродного брата Жань-ганя 染干, отмечая, что Двор уже имел с ним сношения ранее и может быть

²³ Мачеха и жена Ду-лань 都藍 кагана, унаследованная им по обычаю левирата (Franke 1936. S. 312; Franke 1937. S. 338–339). Она была представителем сяньбийской династии Северное Чжоу, уничтоженной династией Суй, которую она ненавидела и, соответственно, по мнению представителей которой, представляла для нее огромную опасность, имея значительное влияние при дворе тюркских каганов.

²⁴ См. также в СШ, цз. 51, биография Чжан-сунь Шэн 長孫覽 (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 68; Liu Mau-Tsai 1958. S. 102–103, 556 (Anm. 540); Таşağıл 2003. S. 159–160), цз. 67, биография Пэй Цзюй 裴矩 (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 68; Liu Mau-Tsai 1958. S. 85–86).

²⁵ ТД приписывает это действие самому Ду-лань 都藍 кагану (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 532; Таşağıл 2003. S. 100, dipnot 574).

²⁶ Только в СШ написано Дянь-цзюэ 玷厥 каган, но в БШ здесь Ту-ли 突利 каган, в ТД — вовсе Ту-цзюэ 突厥 каган. Учитывая некоторую вторичность БШ по отношению к СШ, хотя они составлялись параллельно (Liu Mau-Tsai 1958. S. 473, 474), следует считать предпочтительным именно вариант СШ.

уверен в его лояльности. Поскольку его армия слаба, его амбиций также не стоит опасаться, но при этом можно использовать его как заслон от войск Ду-лань 都藍 кагана (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 67–68; Liu Mau-Tsai 1958. S. 103; Таšaғіл 2003. S. 160). Именно ему в результате было решено отправить в жены принцессу Ань-и 安義 (Parker 1900. P. 71, 74 (note 270); Liu Mau-Tsai 1958. S. 57–58; Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 512, 525; Қазақстан тарихы 2006. 81 б.)²⁷.

Далее в источниках следует длительная пауза и только в 597 г. принцесса Ань-и 安義 после посольства Ту-ли 突利 кагана (по ЦТЦ, цз. 178, с. 256 — 7-й месяц [17.08–16.09]) прибыла в его стан (Таšaғіл 2003, S. 160 (ошибочно 8-й месяц); Қазақстан тарихы 2006. 81, 108 б. (196 түсін.).

Император, намереваясь внести раскол между тюркскими вождями, отправлял к нему послов, оказывающих большие почести. В итоге в 10.09.597 состоялась свадьба кагана и принцессы (Bielenstein 2005. P. 376). После женитьбы на принцессе Ту-ли 突利 каган перенес свою ставку в крепость (чжэнь 鎮) Ду-цзинь-цзюнь 度斤舊 (Цэнь Чжун-мянь 1958. С. 512, 525; Parker 1900. P. 71, 74 (note 272); Liu Mau-Tsai 1958. S. 57–58; Таšaғіл 2003. S. 100, 124; Қазақстан тарихы 2006. 81 б.). В то же время Ду-лань 都藍 каган исправно отправлял своих посланников ко двору. За тот год известно два посольства: в 24-й день 7-го месяца (18.08–16.09.597 [04.09.597]) и 14-й день 11-го месяца (14.12.597–12.01.598 [28.12.597]) 17-го года эры правления *кай-хуан* 開皇 (Liu Mau-Tsai 1958. S. 68; Таšaғіл 2003. S. 118; Bielenstein 2005. P. 376)²⁸. В итоге такая политика суйского двора разозлила Ду-лань 都藍 кагана, высказавшего недовольство тем, что ему не оказываются почести, присущие великому кагану (*да кэ-хань* 大可汗) (Parker 1900. P. 71; Liu Mau-Tsai 1958. S. 58; Қазақстан тарихы 2006. 81 б.; Таšaғіл 2003. S. 100, 121, 160). С 598 г. он перестал посылать посольства с подарками и приступил к осуществлению набегов на пограничные территории империи (см. также: Таšaғіл 2003. S. 130).

Хотя мы не знаем, что происходило между 593 и 597 гг., но именно в этот период должны были состояться столкновения Ду-лань 都藍 кагана и Да-тоу 達頭 кагана. К 593 г. в источниках предстают, таким образом, четыре предводителя,

²⁷ В БШ написано И-ань 義安

²⁸ Б. Биленстайн полагает, что по крайней мере второе было посольством от Ту-ли 突利 кагана.

являющиеся представителями четырех ветвей правящей тюркской династии.

Во-первых, это верховный каган восточных тюрков Ду-лань 都藍 каган, реконструкция звучания титула которого хорошо увязывается с упоминаемым у Феофилакта Симокатты именем Τουροῦμ (Theoph. Sym., VII. VIII. 8) (Moravcsik 1983b. S. 328), упомянутого у Никифора Каллиста в форме Τουροῦν (Ivanov 2013. P. 135): пиньин. *dū-lán* < ран. ср.-кит. **tō-lam*, позд. ср.-кит. **tuǎ-lam* (Pulleyblank 1991. P. 81, 182), < др.-кит. *t'uo-lām* < **torum* (Зуев 1998. С. 155), < др.-кит. *tuo-lām* < **turum* (Harmatta 2001. P. 115), < ран. ср.-кит. **Tōran* (La Vaissère 2010. P. 223; La Vaissère 2011. S. 234–235; La Vaissère 2015. P. 100). Ду-лань 都藍 каган погиб, однако, в 4-й день 12-го месяца 19-го года эры правления *кай-хуан* 開皇 (Liu Mau-Tsai 1958. S. 68), что соответствует 26.12.599²⁹.

Во-вторых, формально подчиненный ему Ту-ли 突利 каган, чей титул, достаточно распространенный в древнетюркской среде, чаще сопоставляется с наименованием объединения племен восточного крыла *töläš/töliš* (Boodberg 1979. P. 117; Цэнъ Чжун-мянь 1958. С. 475–477, 894, 895): пиньин. *tū-lì* < ран. ср.-кит. **dwət/ʰwət-liʰ*, позд. ср.-кит. **tʰut-li* (Pulleyblank 1991. P. 311, 188). Э. де Ла Вэссьер (La Vaissère 2010. P. 223; La Vaissère 2011. S. 235; La Vaissère 2015. P. 100) пытается соотнести его с именем одного из упомянутых «трех великих каганов» (Theoph. Sym., VII. VIII. 10): Τουλδίχ (Moravcsik 1983b. S. 318)³⁰.

В-третьих, западно-тюркский Ни-ли 泥利 каган, названный в согдийской надписи *Niri* [nrɪ]³¹, центр владений которого располагался, по-видимому, в долине р. Юлдуз (Ôsawa 2006). Не имея явной возможности для отождествления его с кем-либо из упомянутых каганов, следует обратить внимание на то, что уже Й. Маркварт идентифицировал в *Σπαρζευοῦν* сочетание титулов **šbara jabyu* (Marquart 1910. S. 663; Moravcsik 1983b. S. 290)³².

²⁹ См. также: Liu Mau-Tsai, 1958. S. 59, 534 (Anm. 334).

³⁰ Ср. попытку обосновать передачу через греческий /δ/ тюркского /j/: Haussig 1953. S. 378 (Anm. 390). Как и Г.В. Хауссиг, Й. Харматта сопоставляет слово с китайской транскрипцией *ду-лю* 都六 < др.-кит. **tuo-ljuuk* < **toluq* (~ *toliq*), идентифицируя, однако, данного персонажа как сына Тарду кагана (Harmatta 2001. P. 115; см.: Chavannes 1903. P. 3).

³¹ Ср. полный титул: (*Cor*)-*Pay Niri хаган* [(çwr)-p'y nrɪ x'ɣ'n] (La Vaissère 2010. P. 221; La Vaissère 2011. S. 234).

³² Г.В. Хауссиг восстанавливал *Σπαρζευοῦν* как **šparsäjun* (Haussig 1953. S. 318, 373, 376–377 (Anm. 387)).

Ближайший по хронологии носитель одного из них обнаруживается в основной части династийных историй, где под 601 или 602 г. упоминается о поражении войск Ни-ли 泥利 кагана и некоего Е/Шэ-ху 葉護 (< *jabyu*) от племен *те-лэ* 鐵勒³³. Второй из них может быть гипотетически отождествлен с младшим братом Ни-ли 泥利 кагана, По-ши 婆實 тегинном, которого, например, Т. Осава идентифицирует в китайских фрагментах из Астаны, близ Турфана, содержащих имена Бэй-ши ди-по-ху 卑失地婆護 и Бэй-ши и-фу-гу 卑史移浮孤, т.е., вероятно, *Бэй-ши е/шэ-ху 卑失葉護 (Ôsawa 2006. P. 489–490).

В-четвертых, Да-тоу 達頭 каган, место которого здесь не ясно. Будучи сыном Истэми кагана (Σιλζιβουλος, Διλζιβουλος, Διζάβουλος у Менандра Протектора, Στεμβισχάγαν у Феофилакта Симокатты, Στεμεϊσχαγάν у Никифора Каллиста Ксантофула) (Marquart 1898. S. 184–185; Marquart 1901. S. 216–217; Chavannes 1903. P. 227–228, 246 (note 2), 249; Harmatta 1962. S. 135, 148–150; Moravcsik 1983b. S. 276), он, как наследовавший последнему в 576 г. известен Менандру (Τάρδου). В китайских источниках он впервые встречается в 582 г., однако, после 585 г. сведения о нем отсутствуют, на его землях правят А-бо 阿波 каган, затем Ни-ли 泥利 / Нири каган, а сам он появляется только после 592 г. (Chavannes 1903. P. 51 (note 5)).

Кем мог быть оставшийся из упомянутых Феофилактом каганов Κουναξολάν (Moravcsik 1958b. S. 168)³⁴, адекватно предположить едва ли возможно. Однако, судя по всему, это должен быть кто-то, как и остальные четыре (включая самого автора письма) «великих кагана», характеризующийся каким-то суверенитетом³⁵.

³³ Обсуждение датировки см.: Цзэнь Чжун-мянь 1958. С. 980, 988–989, примеч. 20; Liu Mau-Tsai 1958. S. 61, 537 (Anm. 345); Ôsawa 2006. P. 481–487).

³⁴ Г.В. Хауссиг расшифровал это имя как **Qunoq-Solhan* 'Qan der Sul und der Qunoq', первая часть которого предполагает наличие двух этнонимов, второе — составной титул (Haussig 1953. S. 373, 377–378 (Anm. 388), 393). Ы. Харматта, предполагая исправление Κουναξολάν > *Καναξολάν, допускает здесь сопоставление с именованием правнука Тарду, Цзя-на шэ 伽那設 < др.-кит. *ka-nâ śjat*, танск. кит. *ka-nâ śiäl*, образованным, соответственно, от имени **Qanaq* и титула *шад* (Harmatta 2001. P. 115–116). Однако реконструкция звучания первого элемента слишком хорошо соотносится с именем правителя Бухары *Kānā* у Наршахū (Markwart 1938. S. 151).

³⁵ Ср. упоминание «господствующего», т.е. верховного кагана (ἐλκράτεστέρω Χαγάνω) (Theoph. Sym., VII. VIII. 12), по-видимому, тождественному да кэ-хань 大可汗 китайских источников. P. 115–116). Однако реконструкция звучания первого элемента слишком хорошо соотносится с именем правителя Бухары *Kānā* у Наршахū (Markwart 1938. S. 151).

Возможно, и сам Ни-ли 泥利 / Нири каган. По крайней мере, не с этими же событиями связано (как итог?) известное по стеле Нири / Ни-ли 泥利 кагана (стк. 6–7) его провозглашение «великим каганом» (*mz'yx x'γ'n*) «в год зайца» (*pr x(r)γwšk srδw*), которому, по-видимому, соответствует 595 г. (см.: La Vaissière 2010. P. 221, 222; La Vaissière 2011. P. 234)?

Ограничившись здесь даже такими предварительными наблюдениями, можно заключить, таким образом, следующее. Дата прибытия письма к византийскому двору выпадает на лето 597 г. Его автором был именно Да-тоу 達頭 / Тарду каган. Фрагмент, описывающий усобицу среди тюрков, повествует, вероятно, о событиях, имевших место в период не ранее 593–596 гг. Центральное место занимает здесь такой факт, как подтверждающееся китайскими источниками противостояние между Ду-лань 都藍 каганом и Да-тоу 達頭 каганом, которое можно связать с попыткой последнего отстоять суверенитет своих владений от восточных тюрков (Sinor 1990. P. 306). Возможно, он привлек к участию правителей других самостоятельных династийных владений, на которые также мог претендовать Ду-лань 都藍 каган³⁶, в итоге потерпевший неудачу. Да-тоу 達頭 каган на тот момент чувствовал себя достаточно уверенно, раз им было принято решение по восстановлению старых дипломатических контактов, к тому же находящихся на огромном расстоянии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Гумилев Л. Н. Великая распря в первом тюркском каганате в свете византийских источников // ВВ. 1961. Т. XX. С. 75–89.
- Гумилев Л. Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // ВВ. 1965. Т. XXVI. С. 67–76.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Зувев Ю. А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 153–161.
- Кузенков П. В. «Хронография» Георгия Синкелла — Феофана Исповедника: хронологический аспект // Καρίσκιον: Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И. С. Чичурова. М., 2006. С. 156–168.

³⁶ См. в связи с этим попытки идентификации местности 'Ikār: Marquart 1898. S. 190; Haussig 1953. S. 345.

- Кузенков П. В. Христианские хронологические системы. История летосчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М., 2014.
- Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. 2-бөлім. Алматы, 2006. IV том. Әулеттік тарихи жылнамалар.
- Любарский Я. Н. Феофан Исповедник и источники его «Хронографии» (К вопросу о методах их освоения) // ВВ 1984. Т. XLV (70). С. 72–86.
- Пигулевская Н. В. Феофилакт Симокатта и его время // Феофилакт Симокатта. История. М., 1957. С. 9–20.
- СДПИС 2 — Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II (VII–IX вв.).
- Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.
- Чичуров И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV — начало IX в.) // ДГ, 1981 год: Материалы и исследования. М., 1983. С. 5–146.
- Bielenstein B. Diplomacy and Trade in the Chinese World, 589–1276. Leiden, 2005.
- [Boodberg P.A.] Selected Works of Peter A. Boodberg. Berkeley; Los Angeles, 1979.
- Bury J.B. The Chronology of Theophylaktos Simokatta // The English Historical Review. 1888. Vol. III. №. 10. P. 310–315.
- Bury J.B. The Turks in the Sixth Century // The English Historical Review. 1897. Vol. XII. №. XLVII. P. 417–426.
- Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches: eine Darstellung seiner Entstehung, seines Wesens und seiner Entwicklung bis zur neuesten Zeit. B., Leipzig, 1936. II. Band: Der Konfuzianische Staat I. der Aufstieg zur Weltmacht.
- Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches: eine Darstellung seiner Entstehung, seines Wesens und seiner Entwicklung bis zur neuesten Zeit. B., Leipzig, 1937. III. Band: Anmerkungen, Ergänzungen und Berichtigungen zu Band I und II. Sach- und Namen-verzeichnis.
- Higgins M.J. The Persian war of the Emperor Maurice (582–602): A Dissertation Submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of the Catholic University of America in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Washington, D.C., 1939.
- Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. P., 1903.
- Czeplédy K. Nomád népek vándorlása Napkelettől Napnyugatig. Budapest, 1969.
- Czeplédy K. From East to West: the Age of Nomadic Migrations in Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1983. T. III. P. 25–125.
- Dobrovits M. “They called themselves Avar” — Considering the pseudo-Avar question in the work of Theophylaktos // Ērān ud Anērān: Studies Presented

- to Boris II'ič Maršak on the Occasion of his 70th Birthday. Venezia, 2006. P. 175–184.
- Gabain A. (von)* [Rez.:] Hans Walther Haussig: Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker (Byzantion Bd. XXIII 1953). Brüssel, 1954, S. 275–462, 12 Tafeln, 2 Karten // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1959. Bd. 109 (n.F. 34). №. 2. S. 435–438.
- Grafenauer B.* Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov // Zgodovinski časopis. 1950. T. IV. S. 23–126.
- Grignaschi M.* La chute de l'empire hephthalite dans les sources byzantines et perses et le problème des Avar // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1980. T. XXVIII. Fasc. 1–4. P. 219–248.
- Harmatta J.* Byzantinoturcica // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. T. X. Fasc. 1–3. S. 131–150.
- Harmatta J.* The Letter Sent by the Turk Qayan to the Emperor Mauricius // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 2001. Vol. 41. Pt. 1–2. P. 109–118.
- Haussig H.W.* Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker // Byzantion. 1953. T. XXIII. S. 275–462.
- Haussig H.W.* Awaren, Shuan-Shuan und Hephtaliten // Handbuch der Orientalistik. Leiden; Köln, 1966. 1. Abt. Der Nahe und der Mittlere Osten. Bd. V. Altaistik. Abschnitt 5. Geschichte Mittelasien. S. 106–122.
- History of the Langobards by Paul the Deacon. Philadelphia, 1907.
- Ivanov S.A.* The Avar-Byzantine wars of the late sixth century as depicted by Nikephoros Kallistos Xanthopoulos: A new source? // Зборник радова Византолошког института. 2013. Т. L/1. С. 123–148.
- Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. 4. Bk. İstanbul, 1997.
- Kaplan M.* Les Hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle: Propriété et exploitation du sol. P., 1992.
- Kardaras G.* Byzantium and the Avars, 6th–9th c. A.D.: Political, diplomatic and cultural relations. Leiden, 2018.
- Klaproth J.* Mémoires relatifs a l'Asie: contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. P., 1826. T. II.
- L'Histoire ecclésiastique de Nicéphore fils de Calliste Xantouplois, traduite nouvellement du latin en françois de nouveau corrigée et mise en meilleur françois qu'auparavant par deux Docteurs de la Faculté de Théologie à Paris. P., 1578.
- La Vaissère É., de.* Maurice et le qaghan: à propos de la disgression de Théophylacte Simocatta sur les Turcs // Revue des études byzantines. 2010. Vol. 68. № 1. P. 219–224.
- La Vaissère É., de.* İlk Türk Hakanlıklarının Tarihi Üzerine Yeni Bilgiler // Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720–2010), 3–5 Aralık 2010, İstanbul: Bildiriler / From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720–2010), 3th — 5th December 2010, İstanbul: Papers. İstanbul, 2011. S. 233–240.

- La Vaissère É., de.* Theophylact's Turkish Exkurs revisited // De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin — II. P., 2015. P. 91–102.
- Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958. I–II. Buch.
- Markwart J.* Wehrot und Arang Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
- Marquart J.* Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1898. Bd. XII. S. 157–200.
- Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Mit historisch-kritischem Kommentar und historischen und topographischen Excursen. Berlin, 1901.
- Marquart J.* Die Nichtslawischen (Altbulgarischen) Ausdrücke in der Bulgarischen Fürstenliste // T'oung Pao. 1910. Ser. II. T. 11. P. 649–680.
- Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. 3. Aufl. Leiden, 1983. Bd. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. (a).
- Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. 3. Aufl. Leiden, 1983. Bd. II. Sprachreste der Turkvölker in den byzantinischen Quellen. (b).
- Neville L.* Guide to Byzantine Historical Writing. Cambridge, 2018.
- Olajos T.* Les sources de Théophylacte Simocatta historien. Leiden; N.Y.; København; Köln, 1988.
- Ôsawa T.* Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians — Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of his 70th Birthday. Venezia, 2006. P. 471–504.
- Parker E.H.* The Early Turks — Part III (From the PEI SHI and SUI SHU, Continued) // The China Review, or notes & queries on the Far East. 1900. Vol. 25. № 2. P. 69–79.
- Pelliot P.* L'origine du nom de "Chine" // T'oung Pao, Second Series. 1912. Vol. XIII. №. 5. P. 727–742.
- Pohl W.* The Avars. A Steppe Empire in Central Europe, 567–822. Ithaca; L., 2018.
- Pulleyblank E.G.* A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver, 1991.
- Sinor D.* The Establishment and Dissolution of the Türk Empire // The Cambridge History of Early Inner Asia: From Earliest Times to the Rise of the Mongols. Cambridge, 1990. Vol. 1. P. 285–316.
- Taşagül A.* Gök-Türkler I. 2. bk. Ankara, 2003.
- Theophani Chronographia. Lipsiae, 1883. Vol. 1: Textum graecum continens. Theophylacti Simocattae Historiae. Leipzig, 1887.
- Whitby L.M.* The Great Chronographer and Theophanes // Byzantine and Modern Greek Studies. 1982/83. Vol. 8(1). P. 1–20.
- Whitby L.M.* Theophanes' Chronicle Source for the Reigns of Justin II, Tiberius and Maurice (A.D. 565–602) // Byzantion. 1983. Bd. LIII. Fasc. 1. P. 312–345.

Whitby M. The Emperor Maurice and His Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare. Oxford, 1988.

Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉. Ту-цзюэ цзи ши 突厥集史. Пекин, 1958.

Vladimir V. Tishin

ON THE DATE OF THE LETTER FROM TÜRK QAGHAN TO THE BYZANTINE EMPEROR MAURICE

The narrative about the letter, sent from the Türk Qaghan to the Emperor Maurice and preserved in the book of the Byzantine historian of the 1st half of the 7th century Theophylact Simocatta (Theoph. Sym. VII. VII. 7–VIII. 11) remains a subject of discussions among researchers for a long time. The dating of the fragment, the time of writing the letter and its authorship, and the event context of the narrative caused many polar points of view. There are different interpretations related to some ethnonyms, toponyms and personal names mentioned in the fragment, and generally covering its dating by the period 595–603 A.D. At the same time, most researchers agree that the author of the letter was the person named Dá-tóu 達頭 Qaghan in Chinese sources and known as Τάρδου in the work of Menander the Guardsman.

Among the researchers who specifically dealt with the problem, there are many names. The important studies by H.W. Haussig, K. Czeglédy, L.N. Gumilev, T. Olajos, M. Whitby in recent years were supplemented by conceptual articles by J. Harmatta and E. de La Vaissère. The latter proposed the most original point of view on issues, looking at the source material in a completely innovative way. However, there is no outweighed reason to accept his proposed dating and attribution of authorship of the letter.

The attention of the author of this article is focused on the plot related to the narrative about the internal war among the Türks. However, it is also possible to offer an justification for the dating the fragment of the letter, attracting data of other sources. In first, “The Chronography” of Theophanes Confessor that is also based on other unidentified sources deserves much attention. The author of the article is inclined to trust dates given by Theophanes regarding the period in question. A comparison of these data with the work of Theophylact gives reason to argue that the second appointment of Priscus to command in Thrace, in the context of a narrative about the actions of which the mention about the letter was given, should date back to 597 A.D.

The narrative about the confrontation between the Qaghan, who is the author of the letter and the “tyrant”, which ended in the defeat of the latter, according to the author could be connected with the events that took place in the period not earlier than 593 and not later than 596 A.D. It was Dū-lán 都藍 Qaghan of Eastern Türks, mentioned by Theophylact Simocatta as Τουρούμ and by Nikephoros Kallistos Xanthopoulos as Τουρούμ, who decided to strengthen his

power over the independent possessions of other rulers of Türk Dynasty. Dá-tóu 達頭 Qaghan was a person who strengthened his own power, although we do not know where his possession located at that time. The leader was more fortunate and felt his position reliable. He already had contacts with Byzantium earlier, and it was his letter which was sent to emperor Maurice.

Keywords: Ancient Turks, Byzantium, Avars, chronology, diplomacy

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-130-157

В. А. Арутюнова-Фиданян

ДИПЛОМАТИЯ И ДИПЛОМАТЫ В «КАВКАЗСКОМ ДОСЬЕ» КОНСТАНТИНА VII БАГРЯНОРОДНОГО

Статья посвящена основным направлениям восточной политики Византии при трех императорах: Льве VI, Романе I и Константине VII на заключительных этапах арабо-византийского противостояния (разгром или подчинение арабских эмиратов в Армении) и постепенное присоединение к империи владений Багратидов.

Ключевые слова: Византийская империя, Армения середины X в., «Кавказское досье» трактата «Об управлении империей», Константин VII Багрянородный, армяне-халкидониты, методы византийской дипломатии, армянские дипломаты.

Кавказское досье — 43–46 главы трактата «Об управлении империей» (DAI I. P. 139) — чаще всего выступает как сумма фактов, используемых в ходе исследований по армянской и византийской истории. А между тем «Кавказское досье» является единым и особенным разделом этого трактата. 43–46-я главы явно выделяются в DAI своей актуальностью — это современный Константину политико-дипломатический справочник. Другие разделы трактата, в той или иной мере касающиеся административного устройства империи (гл. 14–42), по большей части не содержат современных реалий. Предположение авторов лондонского комментария, что большинство глав готовилось одновременно со сбором материала для труда «О фемах» (т.е. тогда, когда замысел Константина VII относительно трактата «Об управлении империей» не созрел окончательно), по-видимому, вполне возможно, так же, как и утверждение, что содержание этих глав фиксирует положение в империи до середины IX в. (DAI II. P. 2–5).

Напротив, главы 43–46 — это рассказ о тех политико-дипломатических и военных мероприятиях, которые начались при Льве VI (886–912 гг.), продолжались при Романе I Лакапине (920–944 гг.), Константине Багрянородном (945–959 гг.) и должны были послужить руководством к действию для его сына Романа (DAI I.

46/116–169). Досье отражает два приоритетных и взаимосвязанных направления восточной политики Византии при трех императорах: Льве VI, Романе I и Константине VII — усилия империи на заключительных этапах арабо-византийского противостояния (разгром или подчинение арабских эмиратов в Армении) и постепенное присоединение к империи владений Багратидов, союзников в арабо-византийских кампаниях.

«Кавказское досье» содержит не только многочисленные и разнообразные, но в большинстве случаев и уникальные сведения о Закавказье, позволяющие судить как о статусе политических образований Кавказского региона в IX–X вв., так и об их отношениях с Византийской империей. Широкий географический ареал «Кавказского досье» (от Тарона — на западе, до Ширака — на востоке и от владений ивирских Багратидов и Басена — на севере, до арабских эмиратов вокруг оз. Ван — на юге) и глубокий временной охват, а также системное изложение событий и их четкое датирование делают эту часть трактата важным и надежным историческим источником. В основе раздела лежат прежде всего документы: архивные сведения, донесения агентов из ведомства логофета дрома и специальных дипломатических агентов.

Согласно основной политической доктрине ромеев соседние страны (на востоке, как и на западе) должны были находиться под суверенитетом Византийской империи в пределах влияния Древнего (Первого) Рима, при этом святым долгом византийских императоров является возвращение утраченных владений. Однако положение Византии как «осажденной крепости» на протяжении VII–XII вв. предопределило осуществление этого долга не столько военными, сколько дипломатическими методами (Литаврин 1999).

Константин VII, в сущности, продолжал внутренний, и в особенности внешнеполитический курс Романа I: отношения с арабами, странами Запада, сербами и хорватами, печенегам, росами, а также с княжествами и царствами Кавказа. Политика Романа Лакапина признается успешной главным образом, потому что Роман I следовал ромейским обычаям и не отменял решений прежде царствовавших василевсов (в частности, Льва VI). Предпочтение мирных дипломатических методов военным прослеживается на протяжении всего трактата: Константин одобряет решение крещеных хорватов никогда не вести военных действий против своих соседей (31.31–42), осуждает нарушение мира с болгарами Юстином II (22.25–26) и т. п.

В конце IX в. арабы были значительно потеснены на малоазийских территориях, и Багратиды Ширака возрождают армянскую государственность и даже (пусть и ненадолго) — единое Армянское царство. Государственные образования, которые по мере упразднения арабского владычества появляются на территории Армении, были средневековыми монархиями.

Время становления армянского царства (60–80-е годы IX в.), и в особенности дата коронавания Ашота I Багратида, дискутируются в историографии, тем не менее очевидны каузальная и временная взаимозависимость первых удачных военных операций Византии на восточной границе (захват Тефрики, Запетры, Самосаты) и возрождения армянской государственности. Общие цели борьбы против Халифата, а после его распада — против эмиратов Сирии, Месопотамии, Армении, Атрпатакана обусловили сближение Армении с Византийской империей.

Ширакские Багратиды, азгапеты Багратидского дома провозгласили себя шаханшахами и сюзеренами всех армянских царств и княжеств. Ряд исследователей придерживается мнения, что феодальная раздробленность и сопровождавшие ее междоусобицы не исключали того, что армянские царства и княжества, объединенные этносом, языком и культурой, могли входить в своего рода феодальную федерацию.

Рост феодального партикуляризма, опирающийся на географическую изолированность, а главное на экономическую независимость областей Армении, привел к возникновению ряда политических образований. Их владельцы находились в вассальных отношениях разных форм с царем и другими нахарарами. При распаде какого-либо царства или княжества его частями обычно завладевали члены одной фамилии. Формально (а иногда и реально) они подчинялись азгапету — главе рода. Но институт азгапетов не покрывал всей сложности вассальных отношений в армянских царствах и княжествах. Эти отношения регулировались и формальными договорами. Некоторые исследователи полагают, что византийцы поэтому не рассматривали Армению IX–X вв. как единое государство и даже не считали армянские царства и княжества частями единого исторически сложившегося целого (Юзбашян 1986. С. 68–69). Этому заключению, однако, противоречит свидетельство гл. 48 трактата «О церемониях», где к названию каждой из областей: Коговит, Тарон, Мокк, Андзевацик, Сюник, Вайоцзор, Хачен — добавляется слово «Армения», подчерки-

вающее, что они являются частью Армянской страны (De serim. Vol. 2. 48. P. 687). В середине X в. Византия строила свои отношения с каждым армянским государственным образованием в отдельности, но признавала при этом главенство царя Ширака «над всеми странами Востока» (44.23).

Государства, вовлеченные в орбиту византийской внешней политики, составляли определенное сообщество (βασιλεία, οἰκουμένη, πολιτεῖμα — Commonwealth Д. Оболенского (Obolensky 1971. P. 104–105, 114–115 sq.). Армянские царства и княжества были введены в это сообщество: система «духовных» родственных связей («братья», «сыновья» и «друзья» византийского императора) и система титулов, жалуемых императором его иноземным контрагентам. Эти титулы с византийской точки зрения не только представляли его носителя в международных отношениях, но и подтверждали его власть по отношению к собственным подданным и были использованы при присоединении Армении, начатом в X в. «Кавказское досье», по меткому замечанию Дж. Ховарда-Джонстона, отражает технические детали византийского «client-management» (Howard-Jonston 2000. P. 318).

Почетные титулы и дары были эффективными средствами византийской дипломатии («чтобы побудить к желанию подчиниться ромеям» — 43.86–87). Григорий (896–923) и Баграт (923–?) Тарониты, владетели Тарона, были назначены стратигами собственного домена, т. е. стали стратигами скорее в титулярном, нежели в должностном смысле (43.64–66, 150–153).

«Когда сам Крикорикий прибыл в богохранимый град и был почтен достоинством магистра и стратига Тарона, был дан ему и дом для жительства, называемый «[Домом] варвара»... Был почтен он также ежегодной рогой в десять литр золота и десять других литр в милиарисиях, так что в целом было двадцать литр» (43.64–69). «Апоганем [брат Григория Таронита. — В. А.-Ф.] вновь явился к блаженному василевсу и был возведен им в достоинство патрикия. Склонили его и к тому, чтобы взять в жены дочь упомянутого Константина [Липса]. Под этим предлогом он попросил также дом, получил и он “Дом варвара“ без хрисовула» (43.72–76). Титулы протоспафария получили Ашот Таронит (незаконный сын Григория) и брат Григория Апоганем (43.51–53; 55–60). Сын Апоганема Торник, завещавший свою «хору» Византии, был возведен в ранг патрикия (43.139–140; 166–179). Ивирские Багратиды также получали титулы (куропалата, патрикия, магистра) (Арутюнова-Фиданян 1994. С. 26–28; 30–33).

Пожалование владений и титулов кавказским владетелям проходило в рамках «права прецедентов». Правовые казусы: пожалование льгот, земель, привилегий со стороны императора юридическому лицу — впоследствии подтверждались императорскими указами (хрисовулами или простагмами). Иными словами, возникало записанное право прецедентов, т. е. происходила легализация возникшего казуса (Хвостова 2009. С. 124). К.В. Хвостова подчеркивает ненормативность, неоднозначность и некоторую неокончателность записанного права прецедентов, а главное, необходимость регулярного подтверждения привилегий. Упоминание в хрисовулах о «вечном» статусе дарованных льгот — не более, чем риторический прием, не содержащий правовых гарантий (гарантии создавались только личными отношениями с императором, социальным статусом и авторитетом получателя привилегий) (Хвостова 2009. С. 131–133). Протоспафарий Чордванел, азат Давида Курополата, предъявил Константину копии хрисовулов Романа Лакапина в качестве правовых оснований на владение Басеном и крепостью Авник. Однако Константин заявил, что эти хрисовулы «не имеют никакой силы» (45.99–104), т.к. условия, на которых были даны императорские указы, не были выполнены Ивирскими Багратидами (45.164–175). Большая значимость права прецедентов определяется не только его ролью в юридическом оформлении социальной стратификации. В условиях отсутствия сословий и при вертикальной мобильности власти в государстве, получатели земель и льгот — хрисовуллаты — создавали элиту империи, и в этот разряд постепенно втягивались владетели кавказских земель, в которых была заинтересована Византия.

Ἰβηρία Константина Багрянородного в «Закавказском досье» — владение рода Ивирских Багратидов, их «Земля» (αἰχμή, χώρα), расположенная в областях Картли, Тайка, Кларджка (Кларджии, Холарзены), в Ачаре, Нигали, Артаане, Джавахети et cetera — т. е. на территориях, включенных еще К. Тумановым в armenio-georgian Marchlands (Toumanoff 1963. P. 498–499).

Текст «ивирских» глав (45, 46) «Кавказского досье» показывает, что при всей независимости представителей дома Багратидов Ивирии, постоянном дроблении их владений и перекройке их границ в нескончаемых междоусобицах, они воспринимали владения всех членов рода как «свою землю» (хору). Ивирские Багратиды угрожали Роману Лакапину двинуть свои войска против «самой Романии», «если твоя царственность... вступит в глубь

нашей хоры» (46.130–135). Эта общая «хора» делилась на «хоры», принадлежащие ветвям фамилии Ивирских Багратидов: Баграт передал свою «хору» сыновьям (46.8), а «хору» магистра Гургена родственники делят силой оружия (46.25–28). Давид не отдал свою «хору» василевсу, хотя она была расположена вблизи границ империи (46.117–119). Основная тема раздела, посвященного Ивирским Багратидам, — судьба крепости Артанудж и ее «хоры», которая «является ключом и к Ивирии, и к Авагсии, и к мисхиям» (т. е. к Месхети) (46.46–48).

Договоры Ивирских Багратидов, заключенные с империей при самом Константине и его предшественниках, имели целенаправленный характер военного союза. Основные пункты договора процитированы в 45-й главе:

- 1) «хранить верность нашей царственности»;
- 2) «сражаться с нашими врагами, а друзей защищать»;
- 3) «подчинить восток нашей царственности, овладеть крепостями и совершать великие дела в угоду нам»;
- 4) только личные завоевания Ивирских Багратидов позволяют им присоединить новые земли к своим владениям;
- 5) совместные с ромеями военные походы оставляют вновь завоеванные территории в распоряжении империи;
- 6) империя гарантирует неприкосновенность границ владений Ивирских Багратидов (45.104–127).

Хрисовулы, приведенные в этом разделе, процитированы, по мнению С. Рансимена, *verbatim* (DAI II. P. 176; Comm. 45. P. 117–118). Нарушение условий этого договора любой из сторон могло привести к его отмене. Так, попытка передачи Артануджа его владельцем византийскому императору при посредничестве протоспафария Константина заставила других Ивирских Багратидов поставить под сомнение свою лояльность империи. Они угрожали перейти на сторону арабов, что и привело императора к решению дезавуировать миссию протоспафария Константина (46.128–148).

Договоры этого периода с Таронитами и Ивирскими Багратидами демонстрируют начальные этапы процесса перехода от союзнических отношений к вассальным, Византия тогда еще не могла подкрепить свои притязания военной силой, но только дипломатическим давлением. Полное присоединение Тарона к империи произошло позже составления трактата, попытки Византии проникнуть в Тайк и Кларджию при Романе I (920–944 гг.) и Константине VII (913–959 гг.) также не увенчались успехом, несмотря

на пожалование титулов династам, политические интриги и военное присутствие империи в регионе. Однако следует ли считать случайностью тот факт, что первыми землями, позднее вошедшими в состав империи, были Тарон (966/67 гг.) и владения Давида Куропалата Тайкского (1001 г.)?

Католикос Иоанн Драсханакертци (897–925 гг.) (Иованнес Драсханакертци 1986) — очевидец карательных походов арабов в Закавказье, феодальных междоусобиц и становления царства Багратидов, дальновидный политический деятель и одаренный писатель, только в Византии видел реальную помощь против арабов. Иоанн признает давнюю вассальную зависимость Армении от Византии, возобновленную царем Смбатом I (890–913 гг.) и его сыном Ашотом II Железным (914–929 гг.). Иоанн приводит в своей «Истории Армении» послание Константинопольского патриарха Николая Мистика, проникнутое состраданием к пастве Иоанна и славит в собственном послании Константина VII Багрянородного. Образ ромейского императора особенно лучезарен в сопоставлении с арабскими военачальниками, чье «смертоносное дыхание всех обдавало смертью» (Иованнес Драсханакертци 1986. С. 190–195).

Константин — император «великий и победоносный», «боголюбивый и благочестивый». Среди добродетелей, конституирующих идеальный образ «августейшего Константина», на одно из первых мест поставлено «попечение о просвещении». Иоанн восхваляет также «доброту» императора (Там же. С. 194), его «небесную мудрость» (Там же. С. 191, 194) и его «правосудие» (Там же. С. 191). В обобщенном императиве этого «царского зеркала» представлен содержательно и композиционно весь каталог императорских добродетелей, выработанных в Византии при Василии I, Льве VI и Константине VII. Не приходится сомневаться в точном знании Иоанном парадигмы идеального императора Македонской династии.

В послании Иоанна Константину VII «божественный Константин» «боголюбив» и «благочестив» и потому является «причиной духовного созидания племен и народов». Иными словами, Иоанну хорошо известна доктрина патриарха Фотия, получившая в современном византиноведении определение «политической ортодоксии»: согласованность императорской власти и православной церкви — условие благоденствия государства, обеспеченного таким порядком. Порядок (*τάξις*), одно из ключевых понятий в византийской системе ценностей, воспринимается Иоанном в каче-

стве перспективы и гарантии: «Пожалуйте моей [пастве] обитель мирной жизни, как то подобает Вашему августейшему, пышному, достохвальному и могущественному царствованию, избавив нас ныне от исмаильтян... ибо и мы — паства божия» (Там же. С. 195).

Иоанн Драсханакертци воспринял, таким образом, стержневые для империи идеологемы: божественное происхождение власти, концепцию «политической ортодоксии» (единство государства и Церкви) и корреляцию небесного и земного царств, понятие «порядка», концепцию «семьи правителей и народов». Им был усвоен также и комплекс византийских этно-политических представлений (Константинополь — Второй Рим, Романия — Восточно-Римская империя, ромеи — ее граждане).

Стремление ввести армянские земли в орбиту византийского политического влияния, логично сочетающееся с включением византийских идеологических ценностей в армянское общественно-политическое сознание, обусловило появление позитивного образа Византии — великого христианского государства, естественного союзника армян в борьбе с мусульманским миром и законного сюзерена Армянского царства (Арутюнова-Фиданян 1994. С. 95–102), что и определило активную провизантийскую деятельность армянских военачальников и дипломатов на восточных границах империи. Постоянная миграция армян в Византию (со времен персидских войн) усилилась в двухсотлетний период арабского присутствия в Армении. В X–XI вв. армянские аристократы занимают важное место в составе византийского господствующего класса. Служба в византийской армии и на гражданских постах империи и в особенности при дворе предполагает принятие армянами халкидонского символа веры. Культура армян-халкидонитов, являвшаяся синтезом армянской и греческой (позднее и грузинской) традиций на национальной армянской почве, была открытой культурой, и одной из основных тем армяно-халкидонитской идеологии становится сближение христианских конфессий (Арутюнова-Фиданян 1980. С. 77–89; Арутюнова-Фиданян 1994. С. 64–74; 78–92; Арутюнова-Фиданян 2005. 5–12).

Православные армяне «Закавказского досье», владевшие греческим языком, издавна принятом среди знати и клира халкидонитской общины Армении, органично вошли в состав византийской аристократии; некоторые из них были одинаково близки и к императорскому дому Византии, и к княжеским фамилиям Армении.

Титулованные дипломатические агенты, представители армяно-халкидонитской аристократии, которые именуется в DAI «переводчиками из армян», осуществляли *translatio* в самом широком смысле этого слова как «перевод» — «перенос» культур, обеспечивая не только их взаимовлияние, но и активное взаимопроникновение — точная метафора деятельности армян-халкидонитов.

В начале «Кавказского досье» упоминается термин «переводчик» (ճրմբւեւծ — 43.170; ճրմբւեւտիճ — 43.42, 137)¹ как обозначение посланцев императора, прибывших в Тарон с «письмами, дарами» и государственными заданиями. Этот термин обладает огромным культурным шлейфом и является одним из наиболее значимых понятий в истории армяно-греческих отношений. Армянская литература начинается с изобретения алфавита в начале V в., с переводов с сирийского (до 40-х гг. V в.) и греческого языков. Появляется плеяда переводчиков, труды которых направляли богословскую и литургическую жизнь церкви и обеспечивали религиозное и светское образование. Армянская Церковь в V в. причислила первых переводчиков к лику святых и учредила *Targmančac ton* — «Праздник переводчиков».

Грекофилы, получившие прекрасное эллинистическое образование, в совершенстве владевшие армянским и греческими языками, переводили памятники античной науки, философии и литературы, разрабатывая одновременно собственную научную и философскую терминологию. Они успешно участвовали в богословских и философских диспутах Христианского Востока. Первые переводчики в то же время являлись и основоположниками армянской литературы.

В сущности, 43–46-е главы DAI — это третий известный нам источник, написанный на греческом языке православными армянами. «Повествование о делах армянских» (VII в.) и «Типик Григория Пакуриана» (XI в.) — авторские тексты, в то время как раздел из DAI — это слегка отредактированный сборник докладов, донесений и служебных записок военачальников, разведчиков и дипломатических агентов из среды византийских армян, включенный в трактат Костантином VII. В тексте встречаются арменизмы, и в ткань повествования проникает живая традиция армянской речи (Арутюнова-Фиданян 2004. С. 19–26, 36).

¹ *ճրմբւեւծ* — *греч.* истолкователь, переводчик — вполне совпадает по смыслу с древнеармянским *targmanič* — переводчик, истолкователь (Армяно-русский словарь 1838. С. 427).

Первым посланцем империи в Тароне был «известный Синут, хартулярий дрома» (43.36–37). Синут — не личное имя, а скорее прозвище, указывающее на происхождение его носителя «из Сюника», т. е. он, возможно, принадлежал к поколению недавних эмигрантов (Adontz 1965. P. 221). Синут был чиновником ведомства дрома и ко времени миссии в Тароне достиг, очевидно, достаточно важного поста.

Феодор, «переводчик из армян», мог быть протоспафарием Феодором, сыном Баграта, который в трактате «О церемониях» упомянут как вербовщик армянских воинов для Критской экспедиции 911 г. (De cerim. Vol. 2. P. 657.21), возможно идентичен василику Феодору, сопровождавшему царевича Ашота в Константинополь (DAI II. P. 162).

Константин Липс был значительной персоной при дворе Льва VI, он построил монастырь (известный как Фенари) в Константинополе в честь прибытия в город Льва VI в июне 907 г. Липс был специальным представителем империи, установившим непосредственные контакты с правящим домом Тарона в конце 90-х годов IX в. [сопровождал в Константинополь сына Григория, его брата и самого Григория, собирался выдать свою дочь за брата Григория (43.73 — 74)]. В то время Константин носил титул протоспафприя и харпезикия. Позже он стал патриkiem и великим этериархом, принимал участие в заговоре Константина Дуки в 913 г., попал в немилость и погиб в битве при Ахелое в августе 917 г. (Howard-Jonston 2000. P. 326–327).

На Кавказе действовали Куркуасы и Криниты. В IX–X вв. ряд византийских полководцев и провинциальных наместников принадлежал к роду Куркуасов, в родстве с ними состоял император Иоанн I Цимисхий (969–976) (Каждан 1975. С. 13). Криниты также принадлежали к армянской знати (из Крни) и занимали значительные посты в империи в качестве наместников провинций и военачальников (Adontz 1965. P. 229).

Знание реалий и идеологем и тщательное изложение необходимых империи сведений, т. е. компетентность и добросовестность армянских информаторов Константина несомненны. Точность и скрупулезность при описании событий в Кавказском регионе, их строгая датировка (не свойственная, в общем, труду Константина Багрянородного) объясняется тем, что черновики, предоставленные августейшему редактору (или редакторам), были составлены непосредственными участниками событий.

Имперская ортодоксия гарантировала Константинополю лояльность его армянских дипломатов и переводчиков, а их принадлежность к армянскому этносу, языку и культуре давала им возможность ориентироваться в армянском мире с легкостью, не доступной их греческим коллегам.

В течение почти двух столетий (сер. X — втор. четверть XI в.) представители армяно-халкидонитских фамилий служили империи на ответственных постах (топархи, наместники провинций, военачальники) и обладали высшими титулами византийской таблицы о рангах (вестарх, вест, магистр, дука, севаст, патрикий, стратиг, катепан, проэдр, протопроэдр, протоновеллссим), среди них были полководцы и чиновники, земельные магнаты, ктиторы больших монастырей и дипломаты.

Эффективные результаты византийской дипломатии и активное сближение империи с Арменией усилиями армянских дипломатов — долгое время входили в разряд «загадок» армяно-византийских отношений. Среди них и почти бескровные передачи армянскими владетелями своих доменов империи, добавим к этому и еще одну загадку, которая осталась вне поля зрения арменоведов, но находится в том же ряду, что и добровольные передачи армянских царств и княжеств Византии — Армения, которая сотрясала мощными антиарабскими восстаниями на всем протяжении господства Халифата, не знает восстаний антивизантийских.

Известны, разумеется, многочисленные восстания византийских аристократов, в которых принимали участие и армянские владетели как часть знати империи, однако это были восстания против императоров, но не против империи (в пользу претендентов на трон) (Арутюнова-Фиданян 1994. С. 9–10).

Отметим также длительность почти столетнего движения Византии на армянские территории (966/67–1045), особенно разительную в сравнении с неожиданно быстрым захватом сельджуками всех восточных провинций; переселение армянских владетелей в Византию и в то же время назначение на ключевые посты в восточных провинциях представителей армяно-халкидонитской знати; противостояние византийской (диофиситской) и армянской (монофиситской) церкви и неожиданно частые сближения между ними, чуть ли не приводящие к унии и не могущие быть результатом только политических коллизий.

Нерешенность, а иногда и нерешаемость упомянутых выше проблем в рамках истории Армении и истории Византии де-

лает необходимым и актуальным исследование процессов в пространстве между двумя мирами, т.е. в армяно-византийской контактной зоне, создателями которой стали авторы записок, вошедших в «Кавказское досье», отредактированных Константином VII.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Армяно-русский словарь / Сост. А. Худобашев. М., 1838.
- Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980.
- Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- Арутюнова-Фиданян В. А.* «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М., 2004.
- Арутюнова-Фиданян В. А.* Мнимые реальности богословской полемики в Армении IX в. // ДГ, 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 5–12.
- Иованнес Драсханакертци.* История Армении. Ереван, 1986.
- Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.
- Литаврин Г. Г.* Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 11–47.
- Хвостова К. В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009.
- Юзбашян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1986.
- Adontz N.* Études arméno-byzantines. Lisbonne, 1965.
- De cerim — Constantine Porphyrogenitus.* De cerimoniis aulae byzantinae I–II. / E rec. J. Reiskii. Bonnae, 1830. Vol. II.
- DAI II — Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. L., 1962. Vol. II. Commentary by F. Dvornik, R. J. H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman.
- DAI I — Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik, English translation by R. J. H. Jenkins. Washington, D.C., 1967.
- Howard-Jonston J.* The De administrando Imperio. A Re-examination of the text and a Reevaluation of its events about the Rus // Actes de Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Ed. par M. Kazanski, A. Nercessian et K. Zuckerman. P., 2000.

Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. L., 1971.

Toumanoff C. Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, 1963.

Viada A. Arutyunova-Fidanyan

THE DIPLOMACY AND DIPLOMATS IN THE “CAUCASIAN DOSSIER” OF CONSTANTINE PORPHYROGENITUS

The “Caucasian dossier” — chapters 43–46 of the treatise *The Administrando imperio* — contains unique information about the imperial policy in Armenia (the weakening of Caliphate and annexation of the territories of the Armenian leaders — allies of the Empire in the struggle against Arabs). The Byzantine policy in Armenia was enforced mainly by diplomatic methods. Byzantine emperors donated estates, donations, and titles to Armenian leaders.

Constantine Porphyrogenus considered Armenian rulers to be vassals of the Empire, and included them in the system of “spiritual” and “family” relations (“sons” and “friends” of the Byzantine Emperor), and into the system of the highest titles accorded by the Emperor to his representatives. The “Caucasian dossier” accurately outlines geographical borders of the region, on which the Empire’s attention in the East is predominantly focused, and describes the final stages of the Arab-Byzantine confrontation.

The Armenian historiographers who were closely linked to the ruling houses and the top clergy of the country, desired to introduce the lands of Armenia into the sphere of Byzantine political influence. This aspiration logically interwove in their doctrine with the introduction of Byzantine ideological values into Armenian social and political thought. This doctrine determined the creation of a positive image of Byzantium as the only supporter of the Armenians in their struggle against the Muslim World and the legal suzerain of the Armenian Kingdom. The information on Caucasian matters in the treatise is characterized by accuracy and precision because it was provided by immediate participants of events — Armenian-Chalcedonians at the service of the Byzantine Empire. The imperial orthodoxy guaranteed for Constantinople the loyalty of its Armenian diplomats, military leaders and interpreters, while their belonging to the Armenian nation, language and culture made it possible for them to orient themselves in the Armenian world with ease unattainable for their Greek colleagues. Armenian aristocracy, naturally incorporated into the Byzantine ruling class (the milieu from which Constantine’s advisers originated), represents a phenomenon of synthesis, the result of interaction and mutual influence of the two worlds and the two cultures.

Keywords: Byzantine Empire, Armenia in the middle of the 10th century, “Caucasian dossier” of the Constantine VII Porphyrogenitus, armenian-chalcedonians, byzantine diplomacy, armenian diplomats.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-158-170

Т. М. Калинина

ШАХРИБАРАЗ/ШАХРИЙАР — НАМЕСТНИК ДЕРБЕНТА И РУСЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ БАЛ‘АМИ

Статья посвящена упоминанию в произведении персидского писателя X в. Бал‘ами имени русов при описании событий VII в. в Дербенте. Автор анализирует рассказ о событиях в нем и хазарском городе Баланджар, а также легендарные и мифические мотивы во фрагменте.

Ключевые слова: Бал‘ами, ат-Табари, Дербент, Шахрибараз/Шахрийар, Баланджар, русы

Исследователям давно известен рассказ персидского историка X в. Бал‘ами о походе арабского войска на Дербент (арабский *Баб ал-Абваб*, т.е. «Ворота ворот») в первой половине VII в., где упомянут среди врагов, окружающих город и его окрестности, народ русов. Подавляющее большинство историков считают это известие недостоверным, поскольку автор жил в X в., а излагал данные о событиях VII в. Однако имеются также предположения о том, что история является правдивой и действительной.

Абу ‘Али Мухаммад Бал‘ами (ум.363/974 г. или 382/992 г.), везир при дворе Саманидов в Бухаре, в 963 г. перевел «Историю» ат-Табари на новоперсидский язык по желанию саманидского государя Мансура ибн Нуха (Бертельс 1948. С. 4; Колесников 1982. С. 28–29; Гараева 2002. С. 443–444). Бал‘ами не включал «иснады», как и альтернативные версии одного и того же события, поэтому его сочинение короче труда ат-Табари (Колесников 1970. С. 35). Этот ученый не следовал точности в своем переводе труда ат-Табари, он писал, что нашел книгу известий о персидских царях и собирался внести в нее некоторые дополнения (Бертельс 1948. С. 4). При анализе известий из этой сокращенной версии произведения ат-Табари необходимо сравнивать известия двух авторов.

Абу Джа‘фар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари (839–923 гг.), уроженец г. Амул в Табаристане, получил классическое образование. Он много путешествовал, бывал в Рее, Багдаде, Басре, Куфе,

посетил Сирию и Египет. Остальное время жизни он провел в Багдаде, изучал и преподавал богословие, генеалогии, право и другие науки. Им была составлена многотомная «История пророков и царей» как дополнение к богословскому труду «Тафсир» («Комментарий», «Толкование») Корана. В «Истории пророков и царей» представлено очень много исторической информации; она является особенно важной еще и потому, что его автор часто (хотя и не всегда) передавал имена своих информаторов — по системе «иснада» (Али-заде 2007. С. 163). Со времени после хиджры ат-Табари повествовал о походах и завоеваниях в погодном изложении и доводил свою историю до 915 г. Он опирался на данные таких известных историков, как Ибн Са‘д, ал-Мада‘ини, ал-Вакиди, Абу Михнаф; Халифа б. Хаййат, Ибн Исхак и др. (Bosworth 2000. P. 11–15; Колесников 1982. С. 23–28; Khalidi 1994. P. 75–81; Кузнецов 2007. С. 82).

Информация об арабо-хазарских войнах весьма обширна, но при этом в изложении присутствуют легендарные, временами излишне подробные, эмоциональные вставки, источником которых были известия Сайфа б. ‘Умара (ум. около 170 г.х.) (Колесников 1982. С. 24–28; Donner 1997. P. 102–103). Как более поздние арабские историки, так и исследователи полагали, что его материалы были недостоверными, иной раз просто выдуманными (Landau-Tasseron 1991. P. 1–2; Гараева 2002. С. 446. Примеч. 340). Это мнение подтверждается на примере рассказа о завоевании Джурджана (Гиркании) в 642/43 гг. и приведенного ат-Табари текста охранной грамоты, который исследователи и переводчики считают сомнительным и тенденциозным вследствие авторства Сайфа ибн ‘Умара; отмечено, что приводимый договор, вероятно, является подложным, хотя и составлен, может быть, по образцу действительно существовавших документов (МИТТ 1939. С. 84. Примеч. 3). Ат-Табари зачастую приводил разные версии одного и того же события, не делая попыток какого-либо критического анализа приводимых сведений (Бартольд 1963. С. 47). Поэтому не все материалы ат-Табари являются достоверными, их следует сверять с данными других источников.

Ат-Табари подробно описал события 642/43 гг. (ат-Табари 1879. С. 2263–2893). Он поведал, назвав цепочку передатчиков информации, что халиф ‘Умар (633–644 гг.) послал в Дербент полководца Сураку ибн ‘Амра (ум. 651 г.), в авангард арабского войска был назначен ‘Абд ар-Рахман ибн Раби‘а, еще два военачальника

были поставлены во фланги. Салман ибн Раби‘а, вероятно, брат ‘Абд ар-Рахмана, должен был распоряжаться трофеями. Именно ат-Табари привел речь Шахрибараза, по его версии — правителя Дербента, контролировавшего горные проходы:

«Я нахожусь вблизи свирепого врага и различных народов неблагородного происхождения. Не подобает благородному и умному [человеку] помогать подобным этим [врагам] или же обращаться за помощью к ним против благородных и знатных. Знатный близок знатному, где бы он ни был. Я не имею ничего общего ни с ал-Кабком (народы Кавказа. — *Т.К.*), ни с ал-Арманом. Вы одержали победу над моей страной и моим народом. Теперь я принадлежу вам, рука моя вместе с вашими руками, я повинуюсь тому, чему и вы, да благословит Аллах нас и вас. Наша джизья (джизья — подушная подать с иноверцев в мусульманских странах, существовала и как выкуп за сохранение жизни при завоевании. — *Т.К.*) вам — это помощь вам и выполнение (всего) того, что вы пожелаете. Не унижайте нас джизьей: вы ослабите нас против вашего врага» (ат-Табари 1879. С. 2664; Шихсаидов 1986. С. 72–73; Гараева 2002. С. 447). После одобрения халифом ‘Умаром (633–644 гг.) договор был заключен. Исследователи не ставят под сомнение его существование, возможно, потому, что ниже показан текст аналогичного договора с Муганом, а также потому, что договор подписан реально действовавшими военачальниками ‘Абд ар-Рахманом ал-Бахили, Салманом ибн Раби‘а ал-Бахили, Букайром ибн ‘Абдаллахом, а подписал и засвидетельствовал его Марзи ибн Мукаррин (ат-Табари 1879. С. 2665–2666; Шихсаидов 1986. С. 73; Гараева 2002. С. 448). Учитывая сложившуюся политическую ситуацию, Шахрибараз считал своими врагами Армению (как союзника Византии), Арран и Грузию (как приверженцев хазар) (Dunlop 1954. P. 47), а также тюрок, и возможно, некоторые царства Кавказа, которые были в тот момент независимыми или включенными в зону влияния Византии.

Ат-Табари включил в свое повествование беседу ‘Абд ар-Рахмана с Шахрибаразом, который не советовал арабскому полководцу идти на завоевание Баланджара после победоносного подчинения Дербента. Однако ‘Абд ар-Рахман заявил, что со своим героическим войском он может взять не только Баланджар, но даже дойти до легендарной стены, которую воздвиг некогда Зу-л-Карнайн (Александр Македонский) против злых народов Йаджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог). ‘Абд ар-Рахман

совершил поход на Баланджар и взял его без кровопролития, что произошло во время правления халифа ‘Умара, дошел до города ал-Байда и совершил еще один поход, завершившийся миром (ат-Табари 1879. С. 2668; Шихсаидов 1986. С. 74; Гараева 2002. С. 449). В 650/51 г. ‘Абд ар-Рахман управлял Дербентом (ат-Табари 1879. С. 2844; Шихсаидов 1986. С. 75). Ат-Табари, со слов передатчиков информации, еще раз подтвердил, что ‘Абд ар-Рахман воевал против тюрок и в правление ‘Умара, и при ‘Усмানে, а убит был при последнем. В повествование включены также разговоры тюрок между собой о силе и непобедимости арабов, которым помогают ангелы. По словам рассказчика, тем не менее тюрки сразились с войском ‘Абд ар-Рахмана, и в битве ‘Абд ар-Рахман погиб (ат-Табари 1879. С. 2669). Вместо него сражение возглавил его брат Салман ибн Раби‘а, который прошел далее через Гилян в Джурджан. Тюрки же забрали тело ‘Абд ар-Рахмана, с помощью которого они стали вызывать дождь.

В 644/45 г., по данным ат-Табари, Салман ибн Раби‘а воевал в Армии и Византии. В 650/51 г. Баб ал-Аббабом управлял ‘Абд ар-Рахман (ат-Табари 1879. С. 2844; Шихсаидов 1986. С. 75; Гараева 2002. С. 451). Туда в 650/53 г. был направлен военачальник Хузайфа вместе с Салманом, по приказу халифа ‘Усмана, так как халиф считал, что там было недостаточно сил арабских воинов под руководством ‘Абд ар-Рахмана, поскольку местное население стало вести себя неподобающим образом. Далее речь идет о 652/3 г., когда, согласно источнику ат-Табари, повторяются сведения о просьбе халифа пойти в поход на Дербент Салмана ибн Раби‘а; а также о нескольких походах ‘Абд ар-Рахмана на Баланджар и его гибели «на девятом году правления ‘Усмана», т.е. в 653 г. (ат-Табари 1879. С. 2856, 2889, 2892; Шихсаидов 1986. С. 75–76; Гараева 2002. С. 451–452). Другие историки (ал-Балазури, ал-Йа‘куби, Ибн ал-Факих, Ибн А‘сам ал-Куфи, Халифа ибн Хаййат) кратко упоминали события вокруг Дербента и полагали, что в битве при Баланджаре погиб Салман ибн Раби‘а (Шихсаидов 1986. С. 5–21; Аликберов 2010. С. 42–66), а не ‘Абд ар-Рахман, о котором у этих историков сведений нет совсем.

Ат-Табари называл врагов арабов тюрками. Он повторил версию о присвоении тюрками тела ‘Абд ар-Рахмана и чудодейственном воздействии его, якобы могущего вызывать дождь. Еще раз повторяется рассказ о битве при Баланджаре и гибели ‘Абд ар-Рахмана. При этом ат-Табари в этом рассказе упоминает также походы на хазар, и дважды — выбор разбитыми мусульманами дороги из Дер-

бента по «пути хазар и их страны и выход к Гилян и Джурджану» (ат-Табари 1879. С. 2890, 2891). Появление этнонима хазар в данном случае и повтор информации показывает, что ат-Табари использовал разные источники, что и вызвало некоторую путаницу в его изложении.

В повествование ат-Табари включены такие детали, как упоминание стены (*ар-радм*) — сюжет из Корана (см. ниже), а также беседа между ‘Абд ар-Рахманом, Шахрибаразом и неким неизвестным о стене Йаджуджа и Маджуджа (Ат-Табари 1879. С. 2669–2671) (см. ниже о переводе Бал‘ами).

Все указанные сюжеты, многократное их повторение со слов разных информаторов, включение в эпизоды таких маловероятных событий, как речи действующих лиц, а также легендарные мотивы показывают, что в целом к повествованию ат-Табари следует относиться с большой осторожностью.

Последователь ат-Табари персидский историк Бал‘ами в сочинении «Тарих-и Табари» приводил дополнительную информацию, хотя проверить ее редко удается. Есть вероятность того, что Бал‘ами, кроме материалов ат-Табари, включал в свой текст сведения из «Книги завоеваний» Ибн А‘сама ал-Куфи. Возможно, одной из причин того, что Бал‘ами взялся за перевод труда ат-Табари на персидский язык, была возникшая при Саманидах насущная необходимость подчеркнуть необходимую для арабов связь иранцев с ортодоксальным исламом (Spuler 1962. P. 126–132).

Большинство многочисленных сохранившихся рукописей Бал‘ами воспроизводят позднейшую редакцию сочинения, восходящую, вероятно, к началу XII в. Критического издания «Тарих-и Табари» Бал‘ами нет; его отсутствие отчасти, видимо, связано с существованием огромного числа рукописных списков и литографий сочинения (Dunlop 1987. P. 984–985; Dunlop 1954. P. 58; Гараева 2002. С. 443–444). Существовали переводы некоторых рукописей Бал‘ами на разные языки. Первое время историки принимали сочинение Бал‘ами за труд ат-Табари (Дорн 1844. С. 1–25, 67–98; Гаркави 1870. С. 72–81).

Переводя текст ат-Табари о событиях начала VII в. на Кавказе, Бал‘ами объединил два рассказа ат-Табари: «Завоевание Азербайджана» и «Завоевание ал-Баба» (Гараева 2002. С. 458. Примеч. 389). Бал‘ами более кратко воспроизвел рассказ ат-Табари о событиях вокруг Дербента с некоторыми изменениями. Наместника Дербента наш автор именует не Шахрибаразом (как ат-Табари),

а Шахрийаром. Речь этого владетеля Дербента (в списке, которым пользовалась Н. Гараева) изменена по сравнению с текстом ат-Табари:

«К нему (‘Абд ар-Рахману. — Т. К.) прибыл Шахрийар и заключил мир на том условии, чтобы не платить джизью. Он сказал так: «Я нахожусь между двух врагов: один — хазары, а другой — русы, а они — враги всего мира, особенно арабов. [Арабам] надо воевать только с ними. Вместо того, чтобы облагать меня джизьей, давайте воевать с русами своими средствами и своим оружием. Прогоним их, чтобы они не выходили из своей страны. Мы против джизьи и хараджа, поскольку нам надо воевать каждый год» (Гараева 2002. С. 458).

Н. Гараева отмечает разницу между фрагментами из ат-Табари и Бал’ами: «В данном списке «Тарих-и Табари» Бал’ами текст со словами Шахрийара не совпадает с соответствующим текстом Шахрибараза у ат-Табари. Замена была сделана, видимо, переписчиком, т.к. в других списках и изданиях «Истории...» Бал’ами текст оригинала и перевода совпадают» (Там же. Примеч. 395).

Исследовательницей указано, что «из семи списков «Тарих-и Табари» Бал’ами, хранящихся в СПбФ ИВ РАН, самый ранний (датирован 972/1564–1565 г.), текст которого приводится, имеет поздние интерполяции о русах, отсутствующие в других списках [Бал’ами, рук.]» (Гараева 2002. С. 458. Примеч. 395). А. П. Новосельцев, изучавший рукописи Бал’ами в РНБ, писал, что в пяти поздних рукописях, одна из которых — на чагатайском языке, упоминание о русах имеется (Новосельцев 1998. С. 273). С моей точки зрения, это обстоятельство может объясняться использованием авторами списка «Тарих-и Табари» Бал’ами, аналогичного хранящемуся в СПбФ ИВ РАН и датированного 1564-1565 г.

Однако в ответе ‘Абд ар-Рахмана о том, что он не позволит пропускать в Дербент врагов, Бал’ами снова назвал Шахрибараза, а не Шахрийара и вставил отсутствующий у ат-Табари текст: «В этих ущельях (*дербендах*) у русов¹ в... [пропуск в тексте] есть падишах и много городов, и все это называют Баланджаром» (Гараева 2002. С. 459).

Информация Бал’ами о Баланджаре как области с большим числом городов русов, которая находилась в неких *дербендах*, яв-

¹ При слове «у русов» переводчицей отмечено: «Снова замена текста оригинала, сделанная переписчиком» (Гараева 2002. С. 459. примеч. 398).

ляется легендарной. Под *дербендами* подразумевались не только горные проходы, ущелья и перевальные пути, на пути к которым стоял город Баланджар (Гмыря 1995. С. 78), но также устья нескольких горных ущелий, которые выходили на равнину (Семенов 2011. С. 22), и населенные области вокруг них, как это написано у Бал'ами (Гараева 2002. С. 458). Информация о том, что там обитал «падишах» (т. е. государь) народа русов — это явный вымысел, вызванный, с одной стороны, получением новых знаний автором о государстве русов и их походах на Восток в X в., а с другой, стремлением показать читателям угрозу от соседей для жителей Дербента и окрестностей еще в давние времена. Бал'ами в других случаях упоминает Баланджар как одну из хазарских крепостей; ат-Табари называет Баланджаром «страну хазар» и «сторону хазар».

Ряд историков считали информацию Бал'ами о русах как врагах персов, о которых говорил Шахрийар, анахронизмом (Артамонов 2002. С. 195; Колесников 1982. С. 82; Dunlop 1954. P. 48, хотя последний и высказал некоторое сомнение в своем первоначальном послыше вследствие приведенного договора арабов с жителями Дербента); иные считали ее недостоверной (Marquart 1901. S. 107; Гараева 2002. С. 459. Примеч. 398). Ахмад Зеки Валиди Тоган полагал, что русы, как и тюрки, воевали с персами еще при Сасанидах (Zeki Validi 1936. S. 253–354). Часть востоковедов склонялась к реальности данных (ŽA I. S. 34; Гмыря 1995. С. 205; Максимович 2006. С. 35). А.П. Новосельцев считал (без аргументов), что рассказ о русах «Балами взял без добавлений из недошедшей до нас полной редакции ат-Табари» (Новосельцев 2000. С. 273). Историк писал также, что русы в 643 г. упомянуты в поздних рукописях Бал'ами (Новосельцев 2000. С. 273. Примеч. 56). Я полагаю, что эти сюжеты о русах как врагах персов при Сасанидах восходят к книге Бал'ами, что, впрочем, требует тщательного изучения указанных списков.

Далее Бал'ами приводит беседу 'Абд ар-Рахмана с халифом 'Умаром, где появляются этнонимы хазар и алан, «связанные с тюрками, которых не было в тексте ат-Табари. Эти слова являются поздней вставкой» (Гараева 2002. С. 459. Примеч. 401).

Имеются также фрагменты относительно воинственности мусульман и помощи им от ангелов, которые более обширны и изменены в сравнении с текстом ат-Табари; о возвращении невинного 'Абд ар-Рахмана в Дербент, последующей гибели этого

военачальника у Баланджара и превращения тюрками тела 'Абд ар-Рахмана в фетиш, с помощью которого они испрашивали дождь.

Как было отмечено выше, в «Истории» перса ат-Табари, писавшего по-арабски, фигурирует правитель Дербента Шахрибараз или Шахрбараз; в переводе Бал'ами книги ат-Табари этот человек назван то Шахрийар, то Шахрибараз; во «Всеобщей истории» Ибн ал-Асира, опиравшегося в этой информации на книгу ат-Табари, имя звучит как Шахрийар.

Речь идет об указанном выше первом появлении войск арабов в Дербенте в 22 г.х. (642/43), по информации ат-Табари, Бал'ами и Ибн ал-Асира. Ат-Табари называл правителя Дербента и пограничной области Шахр(и)бараза «человеком из персов», родословную которого автор возводил к Фаррухану Шахрбаразу — военачальнику Сасанида Хосрова II Парвиза. Шахрбараз — слово, состоящее из двух частей: «шахр» — в среднеперсидском «страна, провинция, область»; «бараз» или «вараз» на среднеперсидском означает «вепрь», в целом — «вепрь страны» (Новосельцев 2000. С. 154. Примеч. 13; устное примечание А.К. Аликберова). Как писал ат-Табари, он «навредил израильтянам и очистил от них Сирию» (ат-Табари 1879. С. 2663; Гараева 2002. С. 447), имея в виду Фаррухана Шахрбараза, который громил Дамаск в 613 г. и разрушил Иерусалим в 614 г. По данным Михаила Сирийца, «шахр(и) бараз» — это титул, который присваивался государем прославившемуся военачальнику (Колесников 1970. С. 80). Но этот полководец, провозгласивший себя правителем из рода Сасанидов, был убит в 630 г., следовательно, ат-Табари или его источник здесь ошибался. Однако В.Ф. Минорский (правда, безосновательно) считал этого правителя Дербента родственником Фаррухана Шахрибараза (Минорский 1963. С. 38–39). Не исключено, что Бал'ами и Ибн ал-Асир не признавали родство этих лиц, поэтому именовали правителя Дербента «шахрийаром». Имя (или титул) «шахрийар» означал «царь», «правитель». Таким образом, оба имени: и Шахрибараз, и Шахрийар могли быть также и титулами. Так, дикхан Шахрийар из Дербента был командующим гарнизоном сасанидской армии в крепости. В 636 г. он был убит в схватке с арабами, а замечен был потому, что его физиономия имела некоторое сходство с мордой верблюда (ат-Табари 1879. С. 2421/2; Минорский 1963. С. 38). Ат-Табари и ал-Мас'уди упоминали некоего Шахрийара из Сиджистана, прибывшего на помощь правителю Дербента Джуаншеру для участия в битве при Кадисии, где он погиб (ат-Табари

1879. С. 2311; Maçoudi 1864 С. 213; Большаков 1993. С. 234. Примеч. 35). Таким образом, в литературе имеется несколько бесспорных вариантов, подтверждающих связь имени Шахрибараза/Шахрийара с Дербентом.

Бал'ами повторил, в сокращенном варианте, легенду ат-Табари (со слов передатчиков) о драгоценном камне-рубине, который доставил Шахрибаразу слуга от стены Йаджудж и Маджудж. 'Абд ар-Рахман, как он похвалялся, мог бы прийти со своим героическим войском до этой стены, хотя и находилась она далеко, на расстоянии многих царств от Дербента, однако прежде он хотел взять Баланджар.

Упоминания о стене, которую воздвиг некогда Зу-л-Карнайн против злобных народов Йаджудж и Маджудж, проникли в арабскую литературу из иудейских, сирийских, христианских источников. Легенды последних говорили о Гоге и Магоге (или князе земли Магог) как агрессивных существах, которые перед концом света станут завоевывать страны и народы, но не смогут одолеть волю Божию (Иез. 38:2–3; 14–18; Откр. 20:8). Предания отразились в Коране, где названы народы Йаджудж и Маджудж (Гог и Магог), которых отгородил от мира преградой Зу-л-Карнайн, («Двурогий», т.е. Александр Македонский) (Коран: 18:83, 92–97; 21:96; Али-заде 2007. С. 144–145; Пиотровский 1991 С. 119; Пиотровский 2005. С. 125, 128; Gog and Magog 2009). Одна из сирийских легенд врагами человечества, от которых отгородился железной стеной Александр Македонский, называла гуннов (Пигулевская 2000. С. 419–430). В дальнейшем к народам Йаджудж и Маджудж причислялись тюрки (Асадов 1993. С. 13). Арабские легенды о Зу-л-Карнайне связаны с известным на Востоке «Романом об Александре» (Бертельс 1948; Пиотровский 2005. С. 125, 128). Легенды о преграде — стене в ущелье и воротах, залитых Александром железом и камнями («Железные ворота»), связывались рядом последующих писателей с Дербентской стеной как оградой от кочевников. Эта тенденция в разговоре об этой стене между военачальником и наместником Дербента ясно видна в рассказах ат-Табари и Бал'ами. Она возникла в тексте ат-Табари и Бал'ами не случайно. Живший в X в. Бал'ами, занимавший высокий пост, включил в свой перевод более обширный, чем у ат-Табари, рассказ о беседе сидящих близ Дербента на горе о стене Искандера и перстне, добытом около нее слугой Шахрибараза, дабы подчеркнуть благородство и силу арабского полководца, который отказался от дорогого перстня и оставил его у Шахрибараза.

Шахрибараз/Шахрийар не смог отговорить ‘Абд ар-Рахмана от опасного похода. Бал‘ами поведал, вслед за ат-Табари, что ‘Абд ар-Рахман совершил поход на Баланджар, что произошло во время правления халифа ‘Умара (Гараева 2002. С. 458). По словам рассказчика, в битве ‘Абд ар-Рахман погиб. Сражение возглавил его брат Салман ибн Раби‘а, который прошел далее через Гилян в Джурджан. Тюрки же забрали тело ‘Абд ар-Рахмана, с помощью которого они стали вызывать дождь (ат-Табари 1879. С. 2669). Легенда о дождевом камне издавна существовала у разных видов тюрков (Бартольд 1973. С. 42; Асадов 1963. С. 67, примеч. 80; Гмыря 2002. С. 32–41). Сохраненные и расширенные фольклорные и легендарные мотивы из сочинения ат-Табари в труде Бал‘ами демонстрируют, с одной стороны, приверженность традиционным сюжетам, но с другой, вставки и изменения в тексте ясно показывают авторство самого Бал‘ами.

Информацией ат-Табари в рассказе об арабо-хазарских войнах пользовался Ибн-ал-Асир (1160–1233 гг.), который родился в семье высокопоставленного чиновника близ Мосула, получил хорошее образование, много путешествовал по городам Ирака, Сирии, Палестины, Хиджаза. Он принимал участие в сражениях войск Салах ад-Дина против крестоносцев в Сирии и Иерусалиме. Позднее он посвятил себя наукам, изучению и передаче хадисов, литературы, а также выполнял поручения атабеков Мосула. Он был знаком с выдающимися учеными и литераторами Ибн Халликаном, Йакутом ал-Хамави и др. (Lewis 1960. P. 724, 725).

Широко известен его «Полный свод по истории» («ал-Камил фи-т-та’рих») о мусульманских государствах домонгольского и монгольского периодов до 1231 г. Имеется полный критический текст сочинения Ибн ал-Асира на основе нескольких рукописей. Повествуя о времени до 915 г., автор привлекал информацию ранних авторов (ал-Балазури, Ибн А‘сама ал-Куфи, ат-Табари). Данные ат-Табари Ибн ал-Асир сокращал и прибегал к некоторой переработке для связности в изложении событий; в ряде случаев он приводил отсутствующие у ат-Табари сведения, поскольку пользовался полной редакцией труда последнего (МИТТ 1939. С. 37; Richards 1982. P. 76–108; Камолиддин 2005. С. 15–16; Гараева 2002. С. 444).

Данные Ибн ал-Асира в главе «О завоевании ал-Баба» в целом повторяют известия ат-Табари. Ибн ал-Асир полностью исключил фольклорные сюжеты, встречающиеся у ат-Табари и Бал‘ами, на-

зывает имя Шахрийара (не Шахрибараза). Историю о получении охранной грамоты Шахрийаром и последующих событиях Ибн ал-Асир излагает следующим образом:

«По прибытии ‘Абдурахмана ибн-Раби’и в ал-Баб, в котором тогда находился царь Шахрийар, один из потомков того Шахрийара, который испортил детей Израиля (евреев) и совершил с ними поход в Сирию — царь вступил с ним в переговоры и попросил у него амана, чтобы явиться к нему. Сурака согласился, и тот, явившись к нему, сказал: “Я нахожусь среди жестокого (грубого) врага и разных неблагородных народов. Благородному и умному человеку не подобает помогать им против благородного (человека). Я не имею ничего общего ни с жителями Кабжа² (Кавказа), ни с армянами. Вы (арабы) победили мою страну и мой народ, а потому я один из вас; моя рука в вашей руке, моя джизья вам принадлежит, а также моя помощь и все, чего вы ни захотите, чтобы я сделал. Не унижайте поэтому нас джизьей, иначе вы нас ослабите при помощи вашего врага”.

Передают, что ‘Абдурахман направил его (Шахрийара) к аке, которому он повторил то же самое, и тот пошел навстречу, но сказал, что джизью необходимо взимать с тех, кто остается дома и не воюет с врагом. Шахрийар согласился с ним, и Сурака написал об этом (халифу) ‘Омару и тот разрешил и одобрил» (Перевод Жузе 1940. С. 13–14; Ибн ал-Асир 1869. Р. 12–13). Как видно, здесь русы не упомянуты в качестве врагов персов и арабов.

Повторяя данные ат-Табари, Ибн ал-Асир несколько раз говорит о деяниях тюрок и хазар вместе. Учитывая, что автор жил во второй половине XII — первой трети XIII в., этот текст не означает вставку новых данных, полученных автором. Скорее это пояснения к тексту ат-Табари, который в своем повествовании пишет то о тюрках, то о хазарах в этих фрагментах. Рассматривая эпизоды борьбы арабов и персов за Дербент и Баланджар, надо отметить, что в вариантах ат-Табари и Ибн ал-Асира врагами арабов названы тюрки; иной раз — хазары. Другие историки, повествующие об этих же событиях (Ибн А‘сам ал-Куфи, ал-Балазури, ал-Йа‘куби, Ибн ал-Факих, Халифа ибн Хаййат) тоже считают врагами персов, тюрок или хазар, но ни один из них не называет русов.

Общая сюжетная линия рассказов Бал‘ами более, чем истории ат-Табари и Ибн ал-Асира, соединяет побежденных персов

² Так в издании (Жузе 1940. С. 13) — примеч. ред.

(Шахрибараза/Шахрийара) с арабами ('Абд ар-Рахманом), врагов персов и арабов — хазар, русов, алан — с теми же персонажами; вражеское ядро хазар (и русов!) Баланджар с местом исхода армии арабов и персов Дербентом; реальный Дербент и ущелья вокруг с легендарной стеной Зу-л-Карнайна. Здесь же просматривается традиция, общая для арабо-персидских писателей, которая помещает русов к северу от Дербента; учитывая наличие мотивов рассказа об Александре, следует учитывать и возможное влияние персидской «Книги царей» (Хвадай-намак) (Кулешов 2009. С. 444).

Проведенное текстологическое исследование сведений Бал'ами о русах на Каспии в первой половине VII в. показывает, что эти известия являются анахронизмом. Информацию не только Бал'ами, но и других арабо-персидских писателей средневековья, необходимо анализировать со всей совокупностью сравнительных и комплексных источниковедческих и исторических методов. Поэтому в данной статье не рассматриваются упоминания других восточных авторов XI–XV вв. об упоминании русов при событиях VI–VII вв.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Али-заде А.А.* Иснад // Исламский энциклопедический словарь. М., 2007. С. 163.
- Али-заде А.А.* Йаджудж и Маджудж // Исламский энциклопедический словарь. М., 2007. С. 144–145.
- Аликберов А.К.* Ранние хазары (до 652/3 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: миф и история / Khazars: Myth and History. М.; Иерусалим, 2010. С. 42–66.
- Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб., 2002.
- Асадов Ф.М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993.
- Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // В.В. Бартольд. Сочинения. Т. I. М., 1963. С.45–597.
- Бартольд В.В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»: Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью». 1893–1894 гг.» // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М., 1973. С. 23–62.
- Бертельс Е.Э.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.; Л., 1948.
- Большаков О.Г.* История халифата. М., 1993. Т. 2. Эпоха великих завоеваний (633–656).

- Гараева Н.* Сведения арабских и персидских источников о походах к северу от Дербента (22/642–43 и 119/737 гг. // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань, 2002. Т. I: Народы степной Евразии в древности. С. 440–471.
- Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870.
- Гмыря Л. Б.* Страна гуннов у Каспийских ворот: Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1995.
- Гмыря Л. Б.* Обряд вызова дождя в стране гуннов Прикаспия в VII в. н.э. по данным армянских и арабских источников // Материалы конференции. Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002. С. 33–42.
- Дорн Б. А.* Известия о хазарах восточного историка Табари, с отрывками из Гафисъ-Абру, Ибн-Ал-земъ-Эль-Куфи и др. Статья академика Дорна // ЖМНП. 1844. Т. XLIII. Отд. II. С. 1–25, 67–98.
- Жузе П. К.* Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асира / Пер. П. К. Жузе. Баку, 1940.
- Камолиддин Ш. С.* Предисловие // Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих («Полный свод истории»). Избранные отрывки / Перевод с арабского языка, примечания и комментарии П. Г. Булгакова. Дополнения к переводу, примечаниям и комментариям, введение и указатели Ш. С. Камолидина. Ташкент; Цюрих, 2005.
- Колесников А. И.* Иран в начале VII в.: Источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления // Палестинский сборник. Вып. 22 (85). Л., 1970.
- Колесников А. И.* Завоевание Ирана арабами (Иран при праведных халифах). М., 1982.
- Кузнецов В. А.* Написать мир. Структуризация прошлого в ранней арабо-мусульманской историографии // Диалог со временем. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007. С. 50–85.
- Кулешов В. С.* К оценке достоверности этимологии слова РУСЬ // Сложные русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Материалы международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже. (Труды Гос. Эрмитажа XLVIII). СПб., 2009. С. 439–456.
- Максимович К. А.* Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2006. С. 14–56.
- Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.
- МИТТ 1939 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., 1939. Т. 1.
- Новосельцев А. П.* Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв. 2-е изд. // ДГ, 1998 год: Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 264–323.

- Пигулевская Н.В.* Сирийская легенда об Александре Македонском // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000.
- Пиотровский М.Б.* Йаджудж и Маджудж // Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991. С. 119.
- Пиотровский М.Б.* Исторические предания Корана. Слово и образ. СПб., 2005.
- Семенов И.Г.* Образование Хазарского каганата и его военно-политические отношения с Арабским халифатом во второй половине VII — VIII веке. Автореф. дисс... докт. ист. наук. Нальчик, 2011.
- Шихсаидов А.П.* Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. Статьи и сообщения. М., 1986. С. 66–87.
- Bosworth C.E.* Al-Tabari, Abu Dja'far Muhammad b. Djarir // *EI*. New ed. Leiden, 2000. Vol. X. P. 11–15.
- Donner F.M.* Sayf b. 'Umar // *EI*. New ed. Leiden, 1997. Vol. XI. P. 102–103.
- Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.
- Dunlop D.M.* Bal'ami // *EI*. New ed. Vol. I. Leiden, 1987. P. 984–985.
- Gog and Magog in Early Syriac and Islamic Sources. Sallam's Quest for Alexander's Wall / Ed. by E. van Donzel, A. Schmidt. Leiden; Boston, 2009.
- Khalidi T.* Arabic historical thought in the classical period. Cambridge, 1994.
- Landau-Tasserou E.* Sayf ibn 'Umar in medieval and modern scholarship // *Islam*. 1991. № LXVII. P. 1–2.
- Lewis B.* Ibn al-Athir 'Izz al-Din Abu 'l-Hasan 'Ali // *EI*. New ed. Leiden, 1960. Vol. III. P. 724–725.
- Maçoudi.* Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1864. T. III.
- Marquart J.* Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Mit historisch-kritischem Kommentar und historischen und topographischen Excursen. B., 1901.
- Richards D.S.* Ibn al-Athir and the Later Parts of the Kamil: A Study of Aims and Methods // *Medieval Historical Writing in the Christian and Islamic World*. L., 1982. P. 76–08.
- Spuler B.* The Evolution of Persian Historiography // *Historians of the Middle East* / Ed. Lewis B., Holt P.M. L; N.Y.; Toronto, 1962. P. 126–132.
- Zeki Validi Togan A.* Ibn Fadlan's Reisebericht. (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 24. №3) Leipzig, 1939.
- Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny / Przeł. T. Lewicki. Wrocław; Kraków, 1956. T.I.
- Ат-Табари 1879 — *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Cum aliis edidit M.J. De Goeje, seria I. Lugduni Batavorum, 1879. Ser. I. T. 5.*
- Ибн ал-Асир, 1869 — *Ibn El Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Volume tertium. Annos H. 21–59 continens, ad fidem codicum Londinen-*

sium et Parisinorum / Edidit Carlos Johannes Tornberg. Lughuni Batavorum, 1869.

Tatyana M. Kalinina

SHAHRIBARAZ/SHAHRIYAR — THE GOVERNOR OF DERBENT AND
THE RUSES IN THE WORK OF AL-BAL'AMI

The article deals with the mention of the Rus in the work of the 10-th century Persian writer al-Bal'ami when describing the events of the 7-th century in Derbent. The author analyzes the story of the events in the city and the Khazar city of Balanjar as well as the legendary and mythical motifs in the fragment.

Keywords: Bal'ami, at-Tabari, Darband, Shahribaraz/Shahriyar, Balandjar, Rus.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-171-185

ВРЕМЯ СВ. ЦАРЯ БОРИСА-МИХАИЛА КРЕСТИТЕЛЯ (852–889; † 907): МЕЖДУ РЕАЛЬНЫМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ ФАКТАМИ ДЕВЯТОГО СТОЛЕТИЯ И «ФАКТАМИ» ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПАМЯТИ

В своей статье автор рассматривает не дипломатические успехи или поражения болгарского архонта (позднее князя) Бориса-Михаила Крестителя (852–889; † 2.05.907), а обстоятельства их случайного (или целенаправленного?) упущения последующими поколениями книжников в средневековой Болгарии. Последние явно отбирали реальные исторические факты второй половины IX века, напрямую связанные с действиями Бориса-Михаила, чтобы создать приемлемый образ этого владетеля прежде всего согласно требованиям Церкви. Целью работы является не столько понимание дипломатических аспектов действий этого болгарского правителя и подробное описание сопутствовавших им геополитических реалий Европы тех лет, сколько попытка реконструировать то, как дипломатические практики времен правления князя Бориса Михаила отразились в исторической памяти средневековой Болгарии. Такой подход к теме исследования показывает нам две вещи: во-первых, что именно из дипломатических успехов данного князя сохраняет «официальная» (или «государственная») память, и, во-вторых, что сохраняет «низовая» (неофициальная) память. В созданном впоследствии официальном образе Бориса-Михаила, в основе которого была его роль в истории Болгарской церкви, отсутствуют важные детали его политической деятельности, включая его многочисленные успехи (и провалы) в дипломатической сфере, а в замен придается большое значение его роли в христианизации болгар. Этот контроль со стороны Церкви особенно ясно различим в эпоху Второго болгарского царства (1186–1396 гг.).

Ключевые слова: средневековая Болгария, князь Борис-Михаил, память, история.

Факты *истории* и/или факты *памяти*? Модная на сегодняшний день проблема: что ценнее для изучения — *история* (историческое прошлое и историческое *время*) или *память* об исторических событиях — давно уже не является чем-то новым для научного сообщества. Это напряжение между «классическими» историками

и (преимущественно) социологически ориентированными их коллегами, находящимися под влиянием новаторских взглядов и поисков некоторых социологов, было инициировано в значительной степени исследованиями, к примеру, Пьера Нора во Франции еще в 1970-х и 1980-х годах (*Les lieux de mémoire* 1984–1992), а также исследованиями Райнхарта Козеллека и Яна и Алейды Ассман в Германии, касающихся разнообразных аспектов памяти в разных человеческих группах (*Mnemosyne* 1991; *Kultur als Lebenswelt und Monument* 1991; Ассман 2001; Козелек 2002; Около Райнхарт Козелек 2003). Огромная часть этого вида исследований была посвящена Новому времени, нации, и, в частности, Холокосту, хотя Я. Ассман сделал немало и в области истории и культурной памяти в Древнем Египте и Древнем Израиле.

По моему мнению, подобные радикальные оппозиции вряд ли необходимы. Вместо этого должно существовать ясное разграничение между первым и вторым и, соответственно, внимательный подход исследователей при отборе применяемых ими методологий. Еще Морис Хальбвак (*Halbwachs* 1950), а позднее и вышеупомянутые Нора и Ассман обратили внимание на наличие и у того, что известно под именем *история*, и у того что мы называем *памятью* собственных специфических целей и совершенно разных стратегий сохранения информации, ее использования и передачи будущим поколениям. Несомненно, за этими понятиями также скрываются различные идеологические «применения», которые особенно хорошо видны в ситуациях с длительными историческими периодами, в которых есть и пропуски, и забвение фактов.

Что же касается европейского Средневековья, то здесь нельзя пренебрегать особой ролью Церкви в конструировании точно определенным способом тех событий прошлого, которые должны быть сохранены и переданы будущим (в данном случае болгарским) поколениям. Этот контроль со стороны Церкви особенно ясно различим в эпоху Второго болгарского царства (1186–1396)¹. А при отсутствии конкретных носителей, ушедших из жизни за много лет до событий, подлежащих сохранению в памяти, по словам Марии Степановой всегда существует реальная опасность, что эти события будут отложены «в памяти по обиходным моделям, в русле типического» (Степанова 2017; Степанова 2019. С. 44).

¹ См. некоторые интересные наблюдения в этом аспекте: Кулхави 2018. С. 312–318; Божилев 2017б. С. 4–6.

Эти краткие вводные замечания нужны для того, чтобы пояснить еще в самом начале, что предполагает название статьи. Она не будет описывать — в очередной раз и в крайне просторном виде — дипломатические успехи и неудачи во время управления болгарского архонта (позднее князя) Бориса-Михаила Крестителя (852–889 гг.; † 2.05.907). Напротив, ее предметом станет то, как именно эти успехи или неудачи были сохранены или упущены (случайно или нарочно?) последующими поколениями книжников в средневековой Болгарии. Как будет видно из экспозиции, последние явно отбирали реальные исторические факты второй половины IX в., напрямую связанные с действиями Бориса-Михаила, чтобы создать приемлемый образ этого владетеля, прежде всего, согласно требованиям Церкви.

Таким образом, целью настоящей работы является не столько понимание дипломатических аспектов действий этого болгарского правителя и подробное описание геополитических реалий Европы тех лет, в контексте которых они развивались², а, скорее, связь последних с одним специфическим аспектом. Это избирательное использование памяти, которая перерабатывает особым образом (с разными целями, и из разных идеологических убеждений) прошлое, придавая особое значение определенным фактам из него и изменяя другие, а иногда нарочно выталкивая их на задний план и даже полностью «забывая». Такая точка зрения показала бы нам, по крайней мере, две вещи: во-первых, что именно из дипломатических успехов данного князя сохраняет «официальная» (или «государственная») память, и, во-вторых, что сохраняет «низовая» (неофициальная) память. Понятно, что для полного осуществления подобной задачи потребуется много места для просторного анализа, что невозможно выполнить в рамках одной статьи. Последнее подразумевает предварительный отбор болгарских источников (по временному признаку, а также по признаку *жанра*), как и синтезированное представление некоторых общих особенностей, тенденций, и закономерностей в развитии Европы во второй половине IX в., что позволило бы позиционировать болгарскую державу и ее владетеля в ту эпоху.

Из всех имеющихся на сегодняшний день свидетельств из источников, независимо от того, являются ли они продуктом авторов

² Об этом написано немало. См., например: Дьопман 2018. С. 24 сл., *passim*; Николов 2006. С. 41–83; Баджаков 2016. С. 120–152, и спец. 128–129, 136; Христов 2017. С. 162–182, и спец. 181.

из средневековой Болгарии или из других стран и, соответственно, письменных традиций, очевидно, что князь Борис-Михаил представлен в разных образах:

1) в образе воина христианства (см. подавление бунта недовольных крещением болгарских боилов. Подробности см.: Гюзелев 1969; Божилов 2017б. С. 24–29);

2) в образе дипломата и политика (см. его переговоры с восточными франками, а также с ромеями, сербами и хорватами, и особенно с папством. См.: Constantine Porphyrogenitus 1962. P. 60–64; Гръцки извори 1964. С. 208–210; Гюзелев 1969; Гюзелев 2009. С. 117–134, 291–323; Дьопман 2018. С. 76–85; Ангелов 1988. С. 106, 137–138, 162–163; Simeonova 1998; Ziemann 2007. P. 356–389; Божилов 2017б. С. 11–14, *passim*);

3) в образе визионера (см. его прием учеников свв. Кирилла и Мефодия в Дунайской Болгарии после 886 г., и роль Болгарии в сохранении дела святых братьев. См.: Добрев 1985. С. 129–160; Каймакамова 1986. С. 18–23; Чешмеджиев 2001. С. 12–36; Флоря, Турилов, Иванов 2004);

4) в образе «магического короля» (по выражению Веселины Вачковой) (Вачкова 2015. С. 289 и сл.);

5) в образе «последнего царя» перед Концом времен (см. тексты исторической апокалиптики в Болгарии, относящиеся к периоду после второй половины XI в. и до XIII в.)³, а весьма вероятно и,

6) в образе святого, канонизированного вскоре после его смерти второго мая 907 г.⁴

Нельзя отрицать, что политическое видение князя Бориса-Михаила было чрезвычайно масштабным, поскольку оно объединяет в себе как геополитический, так и культурно-цивилизационный аспект (Баджаков 2016. С. 128). Последний особенно усилился с середины 880-х гг. благодаря предоставлению убежища в Болгарии Клименту Охридскому, Науму и Ангеларию, чья деятельность,

³ Из немалого количества исследований на эту тему, см., например: Тъпкова-Займова, Милтенова 1996; Польшанский 2000. С. 121–122, 124, 165; Милтенова 2006. С. 847–868; Каймакамова 2011. С. 157–216, 234–285; Билярски 2011; Biliarsky 2013; Степанов 2016. С. 201–304, и особенно о контаминациях Борис-Михаил / «Михаил каган» / св. арх. Михаил — С. 251–276; Stepanov 2008. P. 363–377; Шиваров 2002. С. 291–304; Шиваров 2004. С. 564–576; Шиваров 2013. С. 121–136.

⁴ Несмотря на наличие значительного количества неясных вопросов в этом аспекте, а, значит, и споров в историографии. См.: Драгова 1983. С. 93–100; Георгиева 1991. С. 178–188; Чешмеджиев 1996. С. 52–61; Чешмеджиев 1999. С. 158–175; Христов 2008. С. 28–51.

наряду с деятельностью их учеников и последователей, способствовала постепенному формированию исторического феномена, названного Р. Пиккио с легкой руки ‘*Slavia orthodoxa*’, а сэр Дмитрий Оболенский «выковал» несколько десятилетий назад другой термин, «*Byzantine commonwealth*»⁵. Однако, когда мы читаем сохранившиеся сквозь века свидетельства о жизни и деяниях этого же князя-крестителя, сразу же бросается в глаза разница в том, как он представлен в реальном, основанном на фактах, историческом плане своими современниками, и как он представлен *post mortem*, т.е. после обработки памяти для будущих поколений⁶.

Итак, рассмотрим сначала данные ромейских, западноевропейских и болгарских источников, начиная со второй половины IX в. и далее. На основе этих разнообразных свидетельств разного происхождения и характера можно кратко изложить главные параметры тех реалий в Европе, в которые должна была вписываться Болгария в середине IX в. Поскольку этому вопросу посвящено достаточное количество работ (Дьопман 2018. С. 70–91; Гюзелев, 1969; Simeonova 1998), здесь я лишь приведу некоторые основные положения. Часть реалий середины и второй половины IX века делят Европу на две части, *Восток* и *Запад*. Но география здесь имеет лишь вспомогательное значение, поскольку в своей основе первое деление Европы является политическим, а по своей сути — имперским, другое же — религиозным. На точке пересечения обоих в IX в. оказываются именно дунайские болгары.

Во-первых, это географическое деление *Восток* — *Запад* может быть истолковано политически, сквозь призму римской имперской парадигмы/доктрины (*Pax Romana*) и ее дальнейшего развития в Византии, а отсюда и позиционирование Болгарии во времени с 681 г. и до конца IX в. (См. подробнее: Божилев 2017а. С. 61–67; Дьопман 2018. С. 12–23). После праздника Рождества Христова в 800 году, и впервые с конца V в., на европейской карте появляется вторая империя, претендующая на наследство некогда единой Римской империи. Это империя франков, во главе которых в то время стоял Карл Великий (768–814 гг.). Ромеи признали его императорский титул только в 812 г. и лишь для того, чтобы привлечь его на свою сторону в своей борьбе против дунайских болгар. Как дав-

⁵ О “*Slavia Orthodoxa*” см.: Пиккио 1993б. С. 35–136 и Пиккио 1993б. С. 385–436; о термине “*Byzantine commonwealth*” см.: Obolensky 1971.

⁶ О роли Церкви в этом, и, в частности, в «Синодике Болгарской церкви» 1211 г., см.: Божилев 2017б. С. 4–6.

но известно, Византия неслучайно пошла на эту уступку только после сокрушительного поражения и гибели василевса Никифора I Геника (802–811 гг.) на одном из горных перевалов в Болгарии в июле 811 г. В то же время ромеям было известно, что болгары, которыми тогда правил Крум (802/3–814 г.), к тому моменту уже подступали к франкским границам в Центральной Европе, после того как им удалось присоединить к своему государству остатки авар, которых в конце VIII в. покорили те же франки⁷. Так что еще в начале IX в. Болгария вклинилась между двумя христианскими империями, хотя с точки зрения раздела Римской империи Феодосием Великим (после 395 г.) она оставалась в основном к востоку от так называемой Феодосиевой границы. Однако в то же время, согласно точному наблюдению Ивана Божилова, хотя Болгария и находилась в пространстве, где доминантным центром был Константинополь (а не Рим, или Аахен и Ингельхайм, или позже Регенсбург и Кведлинбург), до 865 г. она была частью этого пространства лишь географически, но не цивилизационно (Божилев 2017а С. 275). Таково было, несомненно, и болгарское видение, по крайней мере, до времен Бориса-Михаила (852–889 гг.), который изменил направление развития и культурную модель Дунайской Болгарии, приняв христианство в середине 860-х гг. (Подробно см.: Бакалов 2011. С. 300–314 и спец. 308 сл.; Польшванн 2000. С. 30–56). С точки зрения ромеев, этот факт, сопоставленный с традициями Феодосиевой границы (а также с традициями некоторых реформ Льва III Исавра после 732 г. по отношению к Иллирику, о которых пойдет речь ниже), давал еще больше оснований для попыток византийцев привлечь на свою сторону болгар: они должны были следовать ромейской культурно-религиозной и политической модели, а не модели Западной Европы, которая уже начала формироваться вокруг Рима и франков.

И еще одно наблюдение немаловажного значения: до начала IX в. Дунайская Болгария, по своему типу развития, являлась «замкнутой» системой, находящейся в полной оппозиции к одному главному противнику — Византии (Божилев 1995. С. 46–49, 75; Степанов 1999. *passim*), тогда как после Крума роль дипломатии в болгарской политике явно возросла, потому что возросло и число противников и потенциальных союзников Болгарии.

⁷ Аварам посвящено значительное количество литературы. См., напр.: Turr 1976. P. 111–121; Pohl 1988; Pohl 2003. P. 571–596; Szádeczky-Kardoss 1990. P. 206–228; The Other Europe in the Middle Ages 2008.

Это особенно заметно в правлении Бориса-Михаила, причем с самого его начала, т.е. к 850-м гг.! Правда, еще при *канасюбиги* Омуртаге (814–831 гг.) было осуществлено множество дипломатических миссий, причем в нетрадиционном направлении для Болгарии тех дней — к Западу, и, в частности, к франкам Людовика Благочестивого (814–840 гг.): первая миссия состоялась в 824 г., за ней последовали и другие вплоть до 827 г. Они закончились безуспешно, что вынудило болгар в 829 г. захватить оспариваемые с франками земли силой (Латински извори 1960. С. 36–39 (*Einhardus, Annales*); Латински извори 1960. С. 51–52 (*Vita Hludovici imperatoris*); Monumenta Germaniae historica — Series Scriptorum/ II. P. 604 f. (*Vita Hludowici imperatoris*); Данчева-Василева 1999. С. 70–71; Stepanov 2001. P. 15–16; Sophoulis 2012. P. 295–297; Божилов 2017а. С. 316–320). Пик, однако, наступил при правлении Бориса-Михаила. В частности, это были его связи и переговоры с Людовиком Немецким, с папством, с сербами и хорватами, и особенно с ромеями. Таким образом, участвуя то напрямую, то косвенным путем в борьбе Франкской империей и Византии за господство в Юго-Восточной Европе еще в начальных десятилетиях IX в.⁸ Болгария, в ходе того же столетия, постепенно превратилась в одну из первостепенных сил в регионе. Так, она оказалась наравне с франками и ромеями, но в то же время и против них, участвуя в создании зон влияния и в обустройстве буферных владений особенно в ареалах, которые не находились вблизи от основного конфликта двух христианских империй (Христов 2017. С. 181). Следовательно, именно в середине IX в. впервые происходит вторжение болгар в большую «геополитическую игру» в центре Европы (Баджаков 2016. С. 120–152)⁹, разворачивающуюся на фоне первого действительно серьезного противостояния между Константинополем и Римской курией (Дьопман 2018. С. 86–91). В конечном счете после 860-х гг. Болгария превратилась в одну из четырех (наряду с Византией, Франкской империей и ее «продолжениями» после 843 г., с Хазарией, и исключая кордовских Омеядов) «Великих сил» Европейского континента тех времен (если принять современный взгляд на географическое пространство Ев-

⁸ Этим конфликтам между франками и византийцами посвящено значительное количество литературы. См., напр.: Budak 1997. P. 15–22; Алимов 2008. С. 94–116; Imperial Spheres and the Adriatic 2018.

⁹ О геополитике Дунайской Болгарии после 802 г., в связи с ромеями, франками и др., см.: Матанов 2014. С. 126–133; Божилов 2017а. С. 275 сл.

ропы, т.е. от Атлантики до Урала). Если же брать за точку отсчета представления людей древней римско-эллинической цивилизации, воспринимавших реку Дон как конец/границу Европейского континента — для них к востоку от этой реки начиналась Азия, — то тогда Болгария в IX веке была бы даже в позиции одной из трех «Великих сил», следуя сразу за ромеями и франками.

Понятно, что географическое положение Болгарии и ее большое территориальное расширение с начала IX в. и далее (к северо-востоку до устья Дуная, но с реальным контролем фактически до р. Днестр и, соответственно, до Савы/Дуная и Тисы к северо-западу, к востоку до Черного моря, к юго-востоку — до самого Адрианополя, к юго-западу же до Фессалии и совр. Южной Албании) (Коледаров 1979) позволяет такую «игру», так как Дунайская Болгария оказалась на пересечении *Востока* и *Запада* (оцениваемые в том числе и сквозь призму религиозного противопоставления двух основных христианских центров). Однако если еще и учесть «борьбу за души» между христианством, исламом и иудаизмом¹⁰, выбор монотеистической религии в Дунайской Болгарии к середине IX в. выглядел еще более сложным.

В то же время, надо отметить, что Борис-Михаил был первым владельцем Дунайской Болгарии, который активно взаимодействовал с обоими сегментами *Запада*: с сегментом франков или названным мной «северным» сегментом, и, соответственно, с сегментом папства, т.е. «южным» сегментом Запада. Вместе с этим он, как и любой болгарский правитель, активно участвовал в политике «южного» сегмента *Востока*, т.е. Византии (Об этих сегментах см.: Stepanov 2018. P. 146–147). Единственно северный сегмент этого *Востока* оставался спокойным во времена правления Бориса и не нуждался в каком-либо более особом отношении, поскольку ни хазары, ни маджары/венгры, ни даже русы в то время не проявляли какой-либо серьезной активности по отношению к дунайским болгарам (Божилов 2017б С. 11). Таким образом, руки Бориса-Михаила были развязаны для давления в западном направлении и, в частности, на земли сербов и хорватов, что на самом деле было заложено еще в политике его предшественника, Персиана (836–852 гг.) (Гръцки извори 1964. С. 207, 209–210 (Constantine Porphyrogenitus DAI); Божилов 2017б. С. 11).

¹⁰ См. ответы 103 и 104 папы Николая I князю Борису-Михаилу: в Болгарии до крещения можно было отыскать книги, проповедующие ислам и иудаизм — см.: Petkov 2008. P. 30: Responsa Nicolai I. Papae. Cap. 103–104.

Это же деление на *Восток* и *Запад* в Европе можно рассматривать не только с имперской, т.е. политической точки зрения, но и сквозь призму христианской религии (ср. доктрину о *Pax Romana Christiana*, сдваивающую два наследства, имперское/римское и христианское). И оно, как и первое деление, должно быть по меньшей мере отмечено в самих общих чертах, давая, таким образом, хотя бы приблизительное представление о сложности болгарского выбора духовного покровительства в середине IX в.

Акт василевса Льва III Исавра (717–741 гг.) 732 г. имеет исключительное значение для дальнейшего развития Церкви в Европе. Из-за него большая часть Восточного Иллирика была отнята у папского диоцеза и передана диоцезу Константинопольской патриархии. В руках и под попечительством константинопольского духовного владыки оказались ряд провинций, находящихся под ромейской политической властью: Калабрия, Сицилия и Иллирия, а также остатки папского викариата Фессалоник. Это изменение является результатом как столкновений между Константинополем и Римом из-за иконоборческой политики Льва III, так и желания императоров в византийской столице контролировать гораздо более явно и напрямую, даже на уровне Церкви, процессы прочного привлечения в Империю славянского населения Иллирика (и в регионе Салоник, в частности), которое, в противном случае, могло бы создать серьезные проблемы в будущем для центральной византийской власти (Дьопман 2018. С. 44–46). Таким образом, уже после второй половины IX в. и после территориальных завоеваний дунайских болгар, среди болгарских земель оказались несколько территорий, которые до 720-х гг. и вплоть до того самого акта василевса Льва III фактически находились под духовной властью Римской курии. Вот почему представление о Болгарии как о части (Восточного) Иллирика ясно прослеживается в решениях Собора 869/70 г. в Константинополе: «... страна болгар, которая расположена в Иллирике, должна подчиняться Константинопольскому диоцезу» (*Liber pontificalis* 1886, § 632–640; касательно последнего, см. и: Николова 2001. С. 26, 51; Гюзелев 2009. С. 126; Дьопман 2018. С. 91). Этот факт позволил лавировать крещеным в 864–865 гг. болгарам, особенно на фоне разгоревшейся к середине и второй половине IX в. вражды между двумя центрами христианства в Европе — Римом и Константинополем. Напряжение между ними было спровоцировано не только появлением новых христианских народов в центре и в юго-восточной части континента, но

и особенностями характера и большого *ego* стоящих во главе двух основных церквей тех времен, папы Николая I (858–867 гг.) и константинопольского патриарха Фотия (858–867, 877–886 гг.). Эти новые реалии, а также личные амбиции обоих духовных правителей возбудили спор о юрисдикции и легитимных границах каждой из церквей на определенных территориях Европы и, соответственно, по отношению к их населению (Дьопман 2018. С. 86–91; Николова 2001. С. 18).

Участие болгар в этих спорах в 860-х гг. в конечном итоге привело к неожиданно высокому статусу одной поместной церкви, паства которой только недавно приняла христианскую веру. Таким образом, князь Борис-Михаил великолепным способом воспользовался напряженностью в Церкви, отмечая в течение многих лет, с 866 по 880 г., изменения в ситуации и расстановке сил в этом споре. Существенное значение имело то обстоятельство, что болгарский князь ясно понимал, что и Рим, и Константинополь исходили из одной и той же предпосылки, а именно, что Восточный Иллирик может рассматриваться сквозь разные призмы — имперскую и, соответственно, церковную, и что первая из них облагодетельствует в вышеупомянутом споре ромеев, а вторая — римских пап. Однако начиная с 866 г. значительная часть земель бывшего Восточного Иллирика в чисто политическом плане находились уже в рамках Болгарии, и фактически болгарский правитель (и его окружение) получали право и реальную возможность сделать выбор между двумя вариантами для урегулирования болгарского церковного вопроса (Николова 2001. С. 24–26, 31).

Также важно отметить, что во всей этой борьбе о получении наивысшего возможного статуса для Болгарской церкви лично участвовали два самых приближенных к правителю аристократа — кавхан и ичиргу боил. Им, а также и другим болгарским вельможам посылали письма со специальными посланиями и некоторые из пап после Николая I, в особенности папа Иоанн VIII (872–882 гг.). Некоторые из этих аристократов также участвовали в дипломатических миссиях в Риме для личного ведения переговоров с папами, а также и для доставки писем и даров римскому первосвященнику от имени болгарского правителя Бориса-Михаила (см. подробнее: Златарски 2007. С. 85 сл., 125, 131; Moravcsik 1933. P. 8–23; Николова 2001. С. 23, 49, 51–52; Гюзелев 2007. С. 143–146, 149–155; Гюзелев 2009. С. 130–131, 321; Божилов 2017б. С. 34–36).

На фоне этих тонких политических и религиозных деталей истории Европы в IX в. важно попытаться ответить на вопрос, что именно из образа Крестителя болгар Бориса-Михаила было особо выделено Церковью в Болгарии для сохранения памяти о нем среди будущих поколений в стране. Был ли это «исторический» рассказ о реальных фактах; или же рассказ идеологический; а может быть и тот, и другой (или их части)? И еще: почему в болгарских письменных памятниках после X в. нет точного перечисления (иногда даже упоминания) и подчеркивания реальных дипломатических побед (или поражений) князя Бориса-Михаила, а вместо этого делается акцент только на христианизации во время его правления?

Давайте сначала посмотрим, каковы некоторые из реальных дипломатических успехов князя Бориса-Михаила, заслуживающие, по крайней мере, упоминания в последующей историографии. Здесь они перечислены в общих чертах:

1) Болгаро-немецкий военно-политический союз, действующий с 853 г., впоследствии неоднократно переподтвержденный и в начале 860-х гг., направленный в основном против усилившейся в середине века Великой Моравии, расположенной в центре Европы, как раз между территориями восточных франков и болгар (*Monumenta Germaniae historica — Series Scriptorum* 1826. P. 367–368, 374–375, 379–380 (*Annales Fuldenses*); Латински извори 1960. С. 43–45);

2) Борис-Михаил сумел освободить своего сына Расате-Владимира, вместе с 12 «великими боилами», попавшими в сербский плен после неуспешной болгарской военной акции в западном направлении (Гръцки извори 1964. С. 209–210 (*Constantine Porphyrogenitus DAI*)). Иван Божилев указывает на две основные гипотезы о датировке этого болгарско-сербского конфликта: 852–860 гг., или 870–889 гг. (Божилев 2017б. С. 12–13). Если сам Борис-Михаил родился ок. 837–838 г. (Там же. С. 7 и сн. 12) и вступил на престол в 852 г., будучи еще несовершеннолетним, а его первородный сын Расате мог отправиться в военный поход только, скажем, с 15 лет, то тогда рождение последнего не могло произойти раньше второй половины 850-х гг. В таком случае, вышеупомянутое столкновение произошло, скорее всего, после 870 г. Это последнее уточнение важно по следующей причине: если предположить, что хронисты и авторы панегириков Борису-Михаилу преднамеренно пренебрегали теми годами его правления,

когда он еще был язычником (852–864 гг.), получается, что и некоторые из его успехов на поле дипломатии даже после крещения в 865 г. тоже не заслужили их внимания;

3) договор с Византией о крещении 863 г., известный как «*Глубокий мир*», по условиям которого болгары сохранили основные территории к югу от гор Стара Планина или Хемус (Яцимирский 1903. С. 112; Матанов 2014. С. 122). Тем не менее и этот факт никоим образом не зафиксирован последующими поколениями как дипломатический успех князя;

4) после 886 г. Борис-Михаил принял учеников свв. братьев Кирилла и Мефодия в Болгарии; таким образом, болгары получили новый священный литургический язык (!) и письменность, отдельную от греческой и латинской (!), что впоследствии создало возможность формирования *Slavia Orthodoxa* и «*Byzantine Commonwealth*», о чем шла речь выше;

5) после марта 870 г. и вновь после 880 г. была создана (независимая?) болгарская церковь во главе с архиепископом; по статусу в иерархии она следовала сразу после Церкви Кипра¹¹.

Но что из всего этого помнят его современники и особенно поколения, жившие после смерти князя-крестителя после его смерти в 907 г.? Оставалась ли память об его разнообразных успехах на дипломатическом поприще, или же Церковь и верховная светская власть создали некий клишированный, стилизованный и поэтому монолитный образ князя? В одном тексте, известном под названием «Чудо св. Георгия о болгарине» и появившегося, вероятнее всего, еще при жизни Бориса-Михаила, так как в нем говорится о войне болгар с мадьярами 894–896 гг., а князь ушел в монашество в 889 г., Креститель представлен неизвестным автором единственно в русле основателя христианской церкви в Болгарии. Описывается, как он ввел православную веру, воздвиг храмы и монастыри, разрушил языческие культовые места, открыл дорогу свету в битве с тьмой и, наконец, принял ангельский образ, т.е. стал монахом, и т.д. (Кодов 1969. С. 143–144; Petkov 2008. Р. 43–46, спец. 44). Здесь, как это видно, нет и следа упоминания об успехах князя Бориса в других областях и, в частности, в дипломатии; нет даже и намек на то, как он кровью и мечом ввел христианский культ и религиозные нормы среди болгар. Интересно и то, что даже в низовой

¹¹ Из многочисленных сочинений на эту тему см., например: Swoboda 1966. Р. 67–81; Дьопман 2018. С. 136–154, 198–219.

литературе, а именно в т. наз. «Болгарской апокрифической летописи», литературном памятнике, который по своей сущности является пророчеством от имени Исаии и который датируется Ани-савой Милтеновой концом XI или самым началом XII в. (т.е. из эпохи византийского владычества над болгарями), Борис-Михаил вновь представлен, прежде всего, как праведный христианин: он благочестив, крестит Болгарию и возводит церкви, особенно в районе Овче поле и Брегалницы, едет в Добрич и там умирает; кроме того, правит болгарями только 16 лет (а не реальных 37), при этом не женившись (что неверно. — *Примеч. Ц. С.*) и не имея никаких грехов; поэтому и царствование его благословенно (Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 196, 200 и сн. 19; Biliarsky 2013. P. 16). Опять же нет никакой информации ни об отношениях с франками, сербами и хорватами, ни о превратностях крещения и длительной дипломатической игре с ромеями и с папством, ни о принятии учеников Кирилла и Мефодия, благодаря чему у Болгарии появился новый литургический язык и, соответственно, письменность.

А каковы представления о Крестителе в других болгарских текстах, принадлежащих тому же специфическому жанровому «полю» вышеупомянутых историко-апокалиптических сочинений XI–XIII вв., т.е. литературе, не являющейся продуктом официальных властей, а монашеских кругов? Там, кроме всего прочего, в большей степени речь идет о **мече** Бориса-Михаила, а также о таком связанном с князем *топосе* как «**Солнечный город**»¹², чем о каких-либо реальных дипломатических успехах этого правителя.

В связи с появлением меча в этом типе сочинений, недавно зародились две интересные гипотезы — одна принадлежит Веселине Вачковой (Вачкова 2015. С. 289–296), а другая Петру Ангелову (Ангелов 2019. С. 110). Они включают в себя и возможную интерпретацию одной существенной части «наследства» этого владельца и память о нем, а именно, особый акцент на его мече¹³. Этот священный для правителей атрибут присутствует в качестве важного элемента рассказа о правлении князя и его деяниях во время и сразу после бунта болгарских боилов в 865 г., прежде всего в западноевропейских свидетельствах этой эпохи. Здесь я упомяну

¹² Специально о «Солнечном городе» см.: Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 98, 128 и сн. 28, 135, 155, 273 и сн. 19.

¹³ В целом, о мече в качестве отличительного знака болгарских раннесредневековых владельцев и его связи со священным оружием народов евразийской степи и, в частности, с мечом, см.: Степанов 1999. С. 132–138.

лишь «Бертинские анналы» (*Monumenta Germaniae historica — Series Scriptorum/I*. P. 465, 473–474 (*Annales Bertiniani*); Латински извори 1960. С. 287–288), а также главу 17 из «Ответов папы Николая I на вопросы болгарского князя Бориса-Михаила», где рассматривается этот вопрос; последний источник давно известен под названием «*Responsa Nicolai I. papae ad consulta Bulgarorum*» (Латински извори 1960. С. 65–125; Dujcev 1968. P. 403–428; Гюзелев 2009. С. 296).

Византийские источники, с другой стороны, скорее акцентируют внимание на помощи крестного знака для победы над бунтовщиками (См., напр.: Извори за средновековната история на България 1994. С. 97; Божилов 2017б. С. 19; Ангелов 2019. С. 102–104; Вачкова 2015. С. 289). Эти исследователи подробно комментируют византийские свидетельства о крестном знаке (кресте) у Продолжателя Феофана (*Theoph. Cont.*), Иоанна Скилицы (*Ioan. Scyl.*) и Иоанна Зонары (*Ioan. Zonaras*) и его связь с крещением болгар, за которым, естественно, проглядывает парадигма Константина (Польвянный 2000. С. 119–120). Тот же мотив — о победе над бунтовщиками с помощью крестного знака — присутствует и в одном болгарском тексте из другого жанра, известном под названием «Староболгарский рассказ о крещении». Он возник в эпоху Второго болгарского царства (конец XIII или начало XIV в.) на основе прямых свидетельств ромейских хронистов Симеона Метафраста или Георгия Монаха, а, может быть, и на основе староболгарского перевода Летописи Георгия Монаха (Яцимирский 1903. С. 112; Ангелов 2019. С. 103 сл.).

Среди оружия, с помощью которого Борис-Михаил одолел противников крещения, несомненно, был и меч владетеля. Согласно западным источникам, болгарский князь послал его в Рим в 866 г. в качестве даров для храма Св. Петра (*Monumenta Germaniae historica — Series Scriptorum/I*. P. 473–474 (*Annales Bertiniani*, s.a. 866); см. также: Латински извори 1960. С. 288). Иван Божилов, хорошо знакомый с латинской и византийской традициями представлять события болгарского крещения с помощью известных *топосов*, связанных с христианизацией того или иного народа в Средние века («образ Страшного суда», «крестное знамение» или «обретение Честного креста») ¹⁴, не уверен были среди этих даров,

¹⁴ См., например, русов при Владимире († 1015): Данилевский 1999. С. 134; Петрухин 2002. С. 87–88, 123; Степанов 2016. С. 112, 121–122.

отправленных папе, крест или меч, которые помогли болгарскому правителю в его борьбе с бунтовщиками (Божилов 2017б С. 35). Если же к этим размышлениям и колебаниям добавить и послания между папой и владельцем Германского королевства Людовиком Немецким (840–876 гг.) (Латински извори 1960. С. 288: *Annales Bertiniani*, s.a. 866), а заодно и свидетельство о том, что Людовик II (король Италии с 843 г. и император с 855 г. и до своей смерти) потребовал от Римского первосвященника принять подаренное Борисом-Михаилом оружие (*Monumenta Germaniae historica — Series Scriptorum*/I. P. 474 (*Annales Bertiniani*, s.a. 866); см. также: Латински извори 1960. С. 288), то не остается никакого сомнения, что здесь скорее идет речь о действительном оружии (где, по всей вероятности, был и меч болгарского князя), чем о некоем кресте, который он носил во время подавления бунта 865/6 г. Все-таки могущественному владельцу, которым, бесспорно, считал себя Людовик II, подобало интересоваться, прежде всего, знаками высшей светской власти у болгар, основным среди которых несомненно являлся меч.

Со своей стороны, П. Ангелов считает более вероятным видеть объяснение о мече, подаренном папе Николаю I в 866 г. специальной болгарской миссией в Риме, сквозь призму хорошо известной всем христианам заповеди «Не убивай». Поскольку Борис-Михаил убил 52 видных боилов вместе с целыми семьями после подавления бунта, он, вероятно, хотел «расстаться с оружием греха и передать его в руки своего духовного судьи в Риме», считает Ангелов (Ангелов 2019. С. 110). Об этой проблеме, представленной схемой «грех — исповедь — покаяние — опрощение», и уловимой в ответах папы Николая I Борису-Михаилу, пишет и И. Божилов (Божилов 2017б. С. 29).

Понятно, что поздние (после второй половины XI–XIII вв.) болгарские авторы апокалиптических сочинений не могли иметь доступ к вышеупомянутым латиноязычным источникам, чтобы напрямую почерпнуть информацию о наказании с мечом и последующей отправке оружия (меча) в Рим князем Борисом-Михаилом. Но похожая история, вновь связанная с мечом и с именем этого владельца, появилась намного позже в болгарских письменных свидетельствах XI–XIII вв., причем именно в таком весьма специфическом жанре как апокрифическая литература и ее особом подразделении, именуемом В. Тыпковой-Заимовой и А. Милтеновой «историко-апокалиптической литературой» (Тыпкова-Заимо-

ва, Милтенова 1996; Търкова-Zaimova, Miltenova 2011). Остается согласиться, что в этих свидетельствах легенды о мече (Бориса-) Михаила перекликаются с т. наз. фольклорной памятью или же имеют какое-то отношение к мечу св. арх. Михаила. Следует напомнить, что в таком роде текстов князь Борис-Михаил контаминирован как со св. арх. Михаилом и с верховным государем т. наз. степной империи, хаганом/каганом, так и с Михаилом, «последним царем» перед Концом времен (Степанов 2005. С. 182–199; Stepanov 2005. P. 263–279; Stepanov 2008. P. 363–377; Степанов 2016. С. 251–276, с цит. там литературой). Принятие меча из рук ангелов «избранным царем», к тому же в храме Св. Софии в Константинополе, можно увидеть, например, в одном из этих болгарских текстов — «Видение пророка Даниила о последних временах и об Антихристе» (Търкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 220, 224). В другом похожем, но более раннем тексте — «Сказании о святом пророке Исаяи о будущих годах и о царях, и об Антихристе будущем», датированном второй половиной XI в., когда болгарские земли находились под властью ромеев, можно найти следующий отрывок: «И в те дни Михаил сядет на своего коня и отправится по морю в Рим с одним лишь мечом (*sic*), и скажет римлянам: «Откройте мне врата!». А они скажут ему: «Не отопрем врата, потому что ты — лжец». И взмахнет он мечом (*sic*), но не ударит, а медные врата превратятся в прах. [...] И сядет Михаил на своего коня и отправится оттуда путешествовать по миру, предписывая одним лишь мечом (*sic*) веру и закон в течение одиннадцати лет. И вновь вернется он на свою землю под названием Новый Иерусалим...» (Търкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 151–152, 156–157; Польшванний 2000. С. 121–122). Звучит действительно весьма приемлемо, что болгарская историческая апокалиптика следовала парадигме св. арх. Михаила, которого часто изображали с мечом, особенно в VIII–IX вв.¹⁵ Таким образом можно объяснить и контаминацию в имени *Михаил* и его различных «ипостасях».

Что же касается архетипа (св. арх. Михаил), логичным будет вспомнить Иисуса Навина, который, находясь вблизи от Иерихона, был удивлен появлением перед ним человека, который представился ему как «вождь воинства Господня», т.е. как св. арх. Михаил. Последний описывается как несущий меч, вынутый из

¹⁵ Св. арх. Михаилу посвящена огромная по объему литература. См., например: Peers 2001. P. 157–193; Culto e santuari di San Michele 2007; Габелић 1991; Габелић 2004.

ножен (Ис. Нав. 5: 13–14). Этот эпизод Ветхого завета в Средние века превратился в архетип, в том числе и изобразительный/иконографический. Вот почему недалеко от истины те авторы, которые считают вполне логичным, что произошла контаминация между именем Михаила (князя Бориса-Михаила) и одним из иконографических вариантов изображения св. арх. Михаила — с мечом в руке.

Что же касается использования *топоса* «Солнечный город» в этих же произведениях неофициальной литературы, необходимо задуматься, какова была цель этого: осуществить более специфическое запоминание будущими поколениями важной части деяний болгарского Крестителя, или это всего лишь имитации похожих «общих мест» в апокалиптической литературе Византии. Видно, что действия князя направлены на Рим (ср. роль меча!), или на Иерусалим/Голгофу, а также что он покидает «Солнечный город», чтобы осуществить то, что было предначертано перед Концом времен. Эти важные отправные точки, несомненно, обозначают места сакральной топографии (ср. такие *общие места* как «избранное царство», «избранный народ», «священная столица», «земля Обетованная» и т.д.), но в то же время они связаны и с *топосом* о Спасении людей, и неслучайно неизвестные болгарские монахи-писари с середины XI в. уделили им столько внимания. Так, например, в апокалиптическом тексте под названием «А это толкование Даниилово», можно найти следующий, весьма показательный пассаж: «И [царь] умрет за семь лет и будет лежать до этого [седьмого] года. По Божьему повелению восстанет он из гроба, как будто спал. И превратится он в юношу... которого будут считать мертвым. Более того, он будет править царством в течение 33 лет. Имя ему — Михаил. И восстанет он из Солнечного города (*sic*)... И пришлет Бог ангела, чтобы разбудить его. ... Сядет он на коня своего и отправится в путь с одним лишь мечом (*sic*). И придет в Рим» (Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 135). Чуть раньше в том же тексте есть пассаж, где опять упоминается царь из Солнечного города, но в данном случае он появится «среди угров», т.е. мадяров/венгров (Там же).

В апокалиптическом цикле текстов со второй половины XI в. содержится еще один текст, в котором вновь можно найти мотив о Солнечном городе — «Видение пророка Даниила о царях, и о последних днях и конце мира». Там царь хоть и не назван по имени, но благодаря своим действиям он вновь связан с Римом, ко-

торый в тексте именуется «Семихолмным» (Там же. С. 128 сл.). А в «Сказание Исаии» из этого же цикла, из Солнечного города выезжает царь по имени Гордие и по прозвищу Чигочин (Там же. С. 150, 155). Его этническое происхождение и принадлежность, однако, не упоминаются.

Василка Тыпкова-Заимова и Анисава Милтенова очевидно интерпретируют «Солнечный город» как *тоπος*, заимствованный в Болгарии напрямую из разных более старых пророческих текстов («Слово о Сивилле» или Тибуртинская Сивилла). По традиции, они связывают его с ливанским городом Баальбеком, хотя и отмечают мнение некоторых авторов, что для средневековых болгар под этим именем, скорее, скрывался Охрид¹⁶.

Трудно дать точный ответ на вопрос, какой именно город неизвестные болгарские монахи имели в виду, используя термин «Солнечный город» в подобных текстах, но допустимо полагать, что за этим именем скрывается один из реальных столичных центров болгарского царства (Плиска? Преслав? Охрид?) до потерянной после 1018 г. независимости. Мне кажется, что в этой связи стоит задуматься над одним именем, некогда существовавшим в Волжской Болгарии, точнее, на территориях, населенных суварями. В более поздних фольклорных записях их древний город Сувар известен как «Шам Суар», а эпитет здесь обозначает семантическое поле вокруг таких понятий как «величие» и «слава» (Фахрутдинов 1986. С. 96–97). По словам Антона К. Салмина, использование «Шам» является символом красоты и света (Салмин 2019. С. 116). Недавно Живко Войников представил дополнительные сведения из чувашской традиции о местах, именуемых термином «Плиска»¹⁷. Ссылаясь на М. Юхму (Юхма 2002. С. 314–316), он выводит гипотезу, что топоним «Плиска» встречается в области праболгар в Украине около Винницы — поселение Плисков, рядом с городом Книн (Хорватия) — село Pliska (со ссылкой на Б. Катанчича и П. Шкорпила), и, соответственно, поселение Μπλίσκα в континентальной Греции (со ссылкой на

¹⁶ Тыпкова-Заимова, Милтенова 1996. Сн. 28 на с. 132. Об Охриде см.: Стара българска литература 1983. С. 434. Известно, что город Баальбек также носил и греческое имя Хелиополис, что переводится как раз как «Солнечный город»; эта интерпретация также не ускользнула от внимания двух авторов (Тыпкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 76, 273 и сн. 19, 356).

¹⁷ Плиска-вар — речная долина по протяжению р. Хырла, Плиска — местность в Северной Чувашии, и Плиска-тюрем — равнинная местность рядом с р. Юнга (Войников 2013. С. 78).

М. Фасмера) (Войников 2013. С. 78). Войников связал эти топонимы с названием столицы дунайских праболгар Плиски (отметив также связь между «Михаилом каганом» и «Солнечным городом», т.е. между князем Борисом-Михаилом и столичным болгарским городом до конца IX века), этимологизируя ее имя с помощью древнего тохарского языка. Таким образом, с его точки зрения, перевод этого имени должен звучать как «солнечная», «светлая», «блестящая»: ср. тох. (А) ‘palsk’, «светлый», «белый», а также тох. (Б) ‘plyskem’, «блестящий» (Там же. С. 78). Поэтому не удивительно, если под названием «Солнечный город» в этих текстах средневековой Болгарии обнаруживаются аллюзии на *Плиску* как на «центр», «столицу», город под покровительством Бога (в языческих верованиях — Неба и Солнца) и т.п., поскольку в нескольких евроазиатских (индоевропейских и индоиранских) традициях солнце напрямую связано с верховной царской властью. Конечно же, эти конвергенции остаются всего лишь одним из предположений о возможных контаминациях в отдаленных от нас столетиях Средневековья, и необходимо подождать, чтобы увидеть, будут ли они приняты или же опровергнуты историкографией в будущем.

Роль Болгарской церкви, несомненно, имела первостепенное значение для сохранения конкретного **типа** памяти о правителе Борисе-Михаиле. Это особенно ясно видно во время Второго болгарского царства (1186 — 1396 гг.). Для церковных авторов было каким-то образом очевидно, что Креститель был Первым болгарским царем, и это наглядно представлено в некоторых официальных документах, в изготовлении которых Церковь принимала прямое участие, т.е. в «Синодике» 1211 г. и в Поминаниях. Вот почему очень важно проследить, каково было представление о князе Борисе-Михаиле в этих более поздних официальных болгарских документах, появившихся в XIII–XIV вв. Они также смогут предоставить ответ на вопрос, были ли расхождения в памяти о князе во время Первого болгарского царства и эпохе византийского владычества над болгарскими и, соответственно, в годы Второго болгарского царства. Итак, какие из деяний и успехов Крестителя Церковь желала, чтобы остались в памяти после конца XII в., видно из следующих источников официального — государственного или скорее церковного — характера:

а) в одном из самых официальных текстов болгарской верховной власти и церкви начального этапа Второго болгарского цар-

ства, т. наз. Бориловом «Синодик», который является результатом собора против еретиков, созванным царем Борилом (1207–1218 гг.) в феврале 1211 г., начало болгарского царства связано с именем Крестителя Бориса-Михаила (ср. «Первому болгарскому царю, названному в святом крещении Михаил, который привел болгарский род к богоразумию с помощью святого крещения, вечная память»), а не с хорошо известными владельцами языческого периода и, в частности, с Аспарухом (Попруженко 1928. С. 77–91; Божилов, Тотоманова, Билярски 2010. С. 149, 311; Кулхави 2014. С. 320; Божилов 2017б. С. 4–6). Интересно, что здесь князь не только не упомянут как святой, но даже не отмечена его заслуга в сохранении дела свв. Кирилла и Мефодия. Но историографическая модель, которую ввела Болгарская церковь, по словам Ив. Божилова, должна была подчеркнуть только одно: у начала болгарской истории стояло христианство. Этот принцип также будет оформлять и прошлое дунайских болгар. «В начале было Слово», т.е. Христос и Его проповедь; Христос также «Царь царей», а царский титул продукт христианства. Вот почему и Борис-Михаил в качестве вводящего веру Христа в Болгарию мог быть и первым (болгарским) царем, независимо от того, соответствовало ли это реальным фактам или нет (Божилов 2017б. С. 5 сл.). Конечно же, нужно сделать уточнение, что здесь идет речь о модели начальных десятилетий XIII в. Ближе к эпохе царя Иоанна Александра (1341–1371 гг.) ситуация видоизменится в этом аспекте и, к примеру, среди дополнений к Манассиевой летописи, о которой речь пойдет чуть позже, можно увидеть немало сведений о дохристианской истории дунайских болгар, умело вплетенных в «мировую», т.е. римскую историю;

б) в болгарских Поминаниях Второго царства (Боянское, Погановское и Зографское) правителем номер один также является Борис-Михаил, а его предшественниками-язычниками полностью пренебрегли (Иванов 1915. С. 219–229; Дуйчев 1943. С. 198–201, 395–397). Кроме того, там князь снова представлен с титулом «царь» («Бориса царя» или «царя Бориса»), хотя этот титул впервые появился при его сыне Симеоне (893–927 гг.), а был официально признан ромеями при его внуке Петре I (927–969 гг.; † 970) осенью 927 г.;

в) в болгарских дополнениях к Летописи (в рифмах) высокообразованного византийского автора XII в. Константина Манассия; в Болгарии она известна как «Манассиева летопись». Летопись эта

была переведена до 1344/5 г., и переводчик поместил в некоторых местах важные летописные заметки, касающиеся болгарской истории. (См. подробности: Каймакамова 1983. С. 123–178; Каймакамова 1984. С. 119–139; Каймакамова 1990. С. 178–183; Польшиванный 2000. С. 176–177; Божилов 1996. С. 3–12; Божилов 20176 С. 512). Поскольку Летопись следует схеме чередования мировых царств, болгарский автор поместил краткие сведения о прошлом болгар, которые вклиниваются в эту модель и, соответственно, вводят болгар и их царство в мировую историю Спасения. Даже некоторые из терминов нарочно следуют образцу еврейского «избранного народа», например, «от исхода (*sic*) болгар» в годы императора Анастасия (491–518 гг.) до момента составления болгарских дополнений Летописи прошло «870 лет» (Каймакамова 1983. С. 132; Польшиванный 2000. С. 176; Petkov 2008. Р. 452). Это означает, что в данном случае представлено абсолютное начало, когда болгары появились в Юго-Восточной Европе и начали «поэмать Нижнюю землю Охридскую», которая находилась в рамках Римской империи. Второй основной «репер» в этих дополнениях связан с созданием Аспарухом Дунайской Болгарии во время «Константина царя» (Константин IV, 668–685 гг.), когда болгары пересекли Дунай, разбили ромеев и захватили землю, на которой продолжали жить до того момента, т.е. до середины XIV в. А третий, самый важный для нас «репер» связан с крещением: оно осуществилось «при сем Михаиле царе (Михаил III, 842–867 гг.) и при матери его... (Феодоре. — *Примеч. Ц. С.*)»; и «с тех пор донныне лет 511» (Каймакамова 1983. С. 135; Польшиванный 2000. С. 177; Petkov 2008. Р. 453). Странно, что в этой вставке даже не упоминается имя болгарского князя Крестителя, не говоря уже о его успехах в дипломатической сфере! И в этом случае вписывание болгар, очевидно, происходит согласно схеме мировой смене Царств, но в то же время нужно уточнить, что в видениях неизвестного литератора из Тырново самые главные отметки в их истории развиваются на фоне одного из этих Царств — Римского/Ромейского. Такой тип «адаптации» болгарского прошлого к мировой истории Спасения не оставляет возможности обозначения множества деталей из собственного прошлого болгар до правления Иоанна Александра, и по этой причине их деяния, вкл. и деяния Бориса-Михаила, не представлены подобающе подробно.

На фоне этих свидетельств из дворца и из Церкви в Тырново весьма странным выглядит отсутствие каких-либо упоминаний о

дипломатических контактах Бориса-Михаила с папством с 866 г. и вплоть до 882 г. (последовательно с папами Николаем I, Адрианом и Иоанном VIII), а также об официальном пребывании Болгарской церкви под папским управлением между 866 и 870 г.; странно, и что эти переговоры полностью отсутствуют в других официальных документах, например, в переписке болгарского царя Калояна (1197–1207 гг.) с папой Иннокентием III с 1202–1204 гг. (Материалы об этих письмах см.: Латински извори 1965. С. 309–314, 319–320, 334–335; Гюзелев 2009. С. 138–142, 330–331, 335–340, 347–349). Ясно, что в этой длительной переписке, по сути являющейся своего рода предварительными переговорами с целью постижения целей обеих сторон, как папа, так и Калоян избегали вспоминать о дипломатических контактах князя Бориса-Михаила с Римом, поскольку для пап подобное упоминание их провала в общении с болгарским князем в третьей четверти IX в. было бы крайне неприятным (Божилов 2017б. С. 308–310). Благодаря этой гибкости, проявленной обеими сторонами, в конце 1204 г. Болгария получила международное признание, которое так сильно желала после восстания 1185 г., а папство расширило свой диоцез на восток.

В заключение акценты в памяти о князе Борисе-Михаиле, очевидно, зависели от вида источников и их жанровых особенностей, а также от смены культурной модели в Болгарии на протяжении веков после 865 г. Учитывая эти обстоятельства, можно ожидать и различия в текстах «высокой» (и официальной) культуры и т. наз. низовой культуры. По мнению В. Вачковой, в православных официальных описаниях совсем четко прослеживается идея создания для болгарского Крестителя «образа, не только достойного подражания, но и монолитного и непротиворечивого с христианской точки зрения» (Вачкова 2015. С. 289). Последнее утверждение также может разъяснить, почему в созданном впоследствии, и в основном с целью запоминания будущими поколениями, официальном образе Бориса-Михаила, в основе которого была Болгарская церковь, отсутствуют важные детали его политической деятельности, включая его многочисленные успехи и провалы в дипломатической сфере, а взамен придается большое значение его роли христианизации болгар.

ЛИТЕРАТУРА

- Алимов Д.* «Переселение» и «крещение»: К проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. №2. 2008. С. 94–116.
- Ангелов П.* Българската средновековна дипломатия. София, 1988.
- Ангелов П.* Слуховете в средновековна България. София, 2019.
- Асман Я.* Културната памет / Превод от немски А. Димова. София, 2001.
- Баджаков М.* Петър Мутафчиев и геополитическите фактори в българската история // *Историкът Петър Мутафчиев като изследовател, гражданин и човек*. Сборник с материали от конференция, посветена на 130-годишнината от рождението и 70-годишнината от смъртта на професор Петър Мутафчиев (1883–1943). Б.м., 2016. С. 120–152.
- Бакалов Г.* Византийският културен модел в идейно-политическата структура на Първото българско царство // *Бакалов Г.* Средновековие и съвременност. София, 2011. С. 300–314.
- Биялски И.* «Сказание на Исая пророка» и формирането на политическата идеология на ранносредновековна България. София, 2011.
- Божилев И.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995.
- Божилев И.* Ватиканският Манасий (Cod. Vat. Slav. 2) // *Проблеми на изкуството*. 1996. № 2. С. 3–12.
- Божилев И.* История на средновековна България. Б.м. Т. 1: Варварска България. 2017. (а).
- Божилев И.* История на средновековна България. Б.м. Т. 2: Християнска България. 2017. (б).
- Божилев И., Тотоманова А.-М., Биялски И.* Борилов синодик. Издание и превод. София, 2010.
- Вачкова В.* Св. Борис-Михаил — «магическият крал» в средновековните извори // *Атанасов Г., Вачкова В., Павлов П.* Българска национална история. В. Търново, 2015. Т. 3: Първо българско царство.
- Войников Ж.* Произход и преселения на древните българи (в търсене на нов поглед върху стария въпрос). София, 2013.
- Габелић С.* Циклус Арханђела у византијској уметности. Београд, 1991.
- Габелић С.* Византијски и поствизантијски циклуси арханђела XI–XVIII век. Преглед споменика. Београд, 2004.
- Георгиева Н.* Към въпроса за почитанието на княз Борис I като светец // Кирило-Методиевски студии. Кн. 8. 1991. С. 178–188.
- Гюзелев В.* Княз Борис Първи. България през втората половина на IX в. София, 1969.
- Гюзелев В.* Кавханите и ичиргубоилите на българското ханство-царство (VII–XI в.). Пловдив, 2007.
- Гюзелев В.* Папството и българите през Средновековието (IX–XV в.). Пловдив, 2009.

- Данилевский И.Н.* Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // *Одиссей*. 1998. М., 1999. С. 134–150.
- Данчева-Василева А.* Западноевропейската политика на средновековна България през IX–XI в. // *Старини*. 1. 1999. С. 69–79.
- Добрев Ив.* Кирило-Методиевите ученици през първите години от пристигането им в България (886–893) // *Изследвания по кирилометодиевистика*. София, 1985. С. 129–160.
- Драгова Н.* Фрагменти от старобългарското Житие на свети княз Борис в балкански средновековни творби // *Литературознание и фолклористика*. В чест на 70-годишнината на акад. П. Динев. София, 1983. С. 93–100.
- Дуйчев Ив.* Из старата българска книжнина. София, 1943. Т. 2.
- Дьопман Х.-Д.* Значението на България за разделянето на източното и западното християнство. Принос към историята на Фотиевата схизма / Превод от немски Р. П. Чолаков. София, 2018.
- Златарски В.* История на българската държава през Средните векове. Трето фототипно издание. София, 2007. Т. 1. Ч. 2.
- Иванов Й.* Поменици на български царе и царици // *Известия на Историческото дружество*. София, 1915. Т. IV. С. 219–229.
- Извори за средновековната история на България (VII–XIV в.) в австрийските ръкописни сборки и архиви. София, 1994. Т. 1 / Съставител В. Гюзелев.
- Каймакамова М.* Българската кратка хроника в среднобългарския превод на Манасиевата хроника. 1. Текст, превод, коментар // *Годишник на Софийския университет «Климент Охридски» — Исторически факултет*. 1983. Т. 76. С. 123–178.
- Каймакамова М.* Българската кратка хроника в среднобългарския превод на Манасиевата хроника. 2. Извори. Датиране // *Годишник на Софийския университет «Климент Охридски» — Исторически факултет*. 1984. Т. 77. С. 119–139.
- Каймакамова М.* Културно-просветната дейност на Кирило-Методиевите ученици в България (886 — началото на X век) // *Исторически преглед*. 1986. № 10. С. 18–23.
- Каймакамова М.* Българска средновековна историопис. София, 1990.
- Каймакамова М.* Власт и история в средновековна България (VII–XIV век). София, 2011.
- Кодов Хр.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Българската академия на науките. София, 1969.
- Козелек Р.* Пластовете на времето. Изследвания по теория на историята. Превод от немски Хр. Тодоров. София, 2002.
- Коледаров П.* Политическа география на средновековната българска държава. Част I (681–1018 г.). София, 1979.
- Кулхави А.* Митът за началото в средновековна България: развой и специфики // Трети Международен конгрес по българистика, 23–26 май 2013 г.

- Секция «История и археология», подсекция «Българите през Средновековието» / Съставител Т. Попнеделев. София, 2014. С. 318–324.
- Кулхави А.* Прославяни и забравени: историческа памет за българските ханове във Второто българско царство // *Laudator temporis acti. Studia in memoriam Ioannis A. Božilov. Serdicae, 2018. Vol. 1: Religio, historia / Curavit I. A. Biliarsky.* С. 312–318.
- Латински извори за българската история. София, 1960. Т. 2.
- Латински извори за българската история. София, 1965. Т. 3.
- Матанов Х.* В търсене на средновековното време. Неравният път на българите (VII–XV в.). София, 2014.
- Милтенова А.* Историко-апокалиптичните съчинения като литературен и историографски феномен // ТАНГРА. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 847–868.
- Николов А.* Политическа мисъл в ранносредновековна България (средата на IX — края на X век). София, 2006.
- Николова Б.* Неравният път на признанието. Каноничното положение на Българската църква през Средновековието. София, 2001.
- Около Райнхарт Козелек: Историческо време и темпоралност / Съставител И. Знеполски. София, 2003.
- Петрухин В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2002. С. 60–132.
- Пикио Р.* «Православно славянство» и «римско славянство» (литературно-историографски въпроси) // *Пикио Р.* Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 35–136. (а).
- Пикио Р.* Функцията на библейските тематични ключове в литературния код на православно славянство // *Пикио Р.* Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 385–436. (б)
- Польвианный Д.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000.
- Попруженко М.* Синодик царя Борила. София, 1928.
- Салмин А. К.* Савиры, булгары и тюрко-монголы в истории чувашей. Санкт-Петербург, 2019.
- Стара българска литература. София, 1983. Т. 3: Исторически съчинения / Съст. и ред. Иван Божилов.
- Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България (VII–ср. IX в.). София, 1999.
- Степанов Цв.* България между 822 г. и края на XI в.: «разбуждането» на един традиционен образ // *Mediaevalia Christiana: Власт–Образ–Въобразяване /* Съставителство и научна редакция Г. Казаков и Цв. Степанов. София, 2005. С. 182–199.
- Степанов Цв.* В очакване на *Края*: европейски измерения, ок. 950 — ок. 1200 г. София, 2016.

- Степанова М. Памяти памяти: Романс. М., 2017.
- Степанова М. В памет на паметта: Романс. Превод от руски. Б. м., 2019.
- Тъпкова-Заимова В., Милтенова, А. Историко-апокалиптичните съчинения във Византия и в средновековна България. София, 1996.
- Фахрутдинов Р.Г. Мелодия камней. Казань, 1986.
- Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2004.
- Христов Я. Култът към Покръстителя в средновековна България през X век. Аспекти на утвърждаването, признанието и съществуването // Исторически преглед. 2008. № 5–6. С. 28–51.
- Христов Я. Владетелски смени сред българи, сърби и хървати през IX век. Сходства и различия // Изследвания в памет на проф. д-р Георги Бакалов (1943–2012). София, 2017. С. 162–182.
- Чешмеджиев Д. Към въпроса за култа на архангел Михаил в средновековна България // Palaeobulgarica. 1996. № 1. С. 52–61.
- Чешмеджиев Д. Към въпроса за култа на княз Борис-Михаил в средновековна България // Исторически преглед. 1999. № 3–4. С. 158–175.
- Чешмеджиев Д. Кирил и Методий в българската историческа памет през Средните векове. София, 2001.
- Шиваров Н. (*протопрезвитер*). Есхатологични представи в старобългарски писмени творения в края на първото хилядолетие. Характеристика и задачи в изследванията // Средновековна християнска Европа: Изток и Запад / Съст. и редакция В. Гюзелев и А. Милтенова. София, 2002. С. 291–304.
- Шиваров Н. (*протопрезвитер*). За някои пророчески и апокалиптически есхатологични влияния в старобългарската литература // Сборник в чест на проф. д.ф.н. Георги Данчев по случай 70-годишнината му. Международна научна конференция, Велико Търново, 13–14 декември 2002 г. В. Търново, 2004. С. 564–576.
- Шиваров Н. (*протопрезвитер*). Есхатологични акутни виждания и активности на Запад и на Балканите през XI–XII в. // Годишник на Софийския университет — Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». Т. 98 [17]. София, 2013. С. 121–136.
- Юхма М. Топонимът Плиска в българо-чувашкия фолклор // Златна България. Варна, 2002.
- Яцимирский А.И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе // ИОРЯС Т. VII. 1903. Кн. 1. С. 95–136.
- Annales Bertiniani // Monumenta Germaniae historica — Series Scriptores, I / Ed. G. Pertz. Hannoverae, 1826.
- Annales Fuldenses // Monumenta Germaniae historica — Series Scriptores, I / Ed. G. Pertz, Hannoverae, 1826.
- Biliarsky Iv. The Tale of the Prophet Isaiah. The Destiny and Meanings of an Apocryphal Text. Leiden; Boston, 2013.
- Budak N. Croats between Franks and Byzantium // Hortus Artium Medievalium 3. 1997. P. 15–22.

- Constantine Porphyrogenitus*. DAI / Eds. Gy. Moravcsik and R.J.H. Jenkins. Dumbarton Oaks Texts, Washington, D.C., 1962.
- Constantine Porphyrogenitus. DAI // Гръцки извори за българската история. София, 1964. Т. 5.
- Culto e santuari di San Michele nell' Europa medievale/Culte et sanctuaries de saint Michel dans l'Europe médiévale / A cura di P. Bouet, G. Otranto, A. Vauchez. Bari, 2007.
- Dujcev I.* I Responsa di papa Nicolo I ai Bulgari neoconvertiti // *Aevum*. Vol. 47. 1968. №. 5–6. P. 403–428.
- Einhardus *Annales* // Латински извори за българската история. София, 1960. Т. 2.
- Halbwachs M.* La mémoire collective. P., 1950.
- Imperial Spheres and the Adriatic: Byzantium, the Carolingians and the Treaty of Aachen (812). / Eds. M. Ančić, J. Shepard, and T. Vedriš. L.; N.Y., 2018.
- Kultur als Lebenswelt und Monument / Hrsg. A. Assmann, D. Harth. Frankfurt, 1991.
- Liber pontificalis. Historia de vitis Romanorum Pontificum. P., 1886. Т. I / Ed. L. Duchesne.
- Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora. Paris, 1984–1992. Vol. I–III.
- Mnemosyne / Hrsg. A. Assmann, D. Harth. Frankfurt, 1991.
- Moravcsik G.* Die Namenliste der bulgarischen Gesandten am Konzil vom Jahre 869/870 // Известия на Историческото дружество. XIII. София, 1933. P. 8–23.
- Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500–1453. L., 1971.
- Peers G.* Subtle Bodies: Representing Angels in Byzantium. Berkeley; Los Angeles; L., 2001.
- Petkov K.* The Voices of Medieval Bulgaria, Seventh–Fifteenth Century. The Records of a Bygone Culture. Leiden; Boston, 2008.
- Pohl W.* Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr. München, 1988.
- Pohl W.* Non-Roman Empire in Central Europe: the Avars // *Regna and Gentes* / Eds. Goetz H.-W., Jarnut J., Pohl W. Leiden; Boston, 2003. P. 571–596.
- Responsa Nicolai I. Papae ad consulta Bulgarorum // *Petkov K.* The Voices of Medieval Bulgaria, Seventh–Fifteenth Century. The Records of a Bygone Culture. Leiden; Boston, 2008.
- Simeonova L.* Diplomacy of the Letter and the Cross: Photios, Bulgaria, and the Papacy, 860s–880s. Amsterdam, 1998.
- Sophoulis P.* Byzantium and Bulgaria, 775–831. Leiden; Boston, 2012.
- Stepanov Ts.* From 'Steppe' to Christian Empire, and Back: Bulgaria between 800 and 1100 // *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans* / Ed. F. Curta (with the assistance of Roman K. Kovalev). Leiden; Boston, 2008. P. 363–377.

- Stepanov Ts.* The Bulgar Title ΚΑΝΑΣΥΒΙΓΓΙ: Reconstructing the Notions of Divine Kingship in Bulgaria, AD 822–836 // *Early Medieval Europe*. 2001. X. №. 1. P. 1–19.
- Stepanov Ts.* Ruler, Doctrines, and Title Practices in Eastern Europe, 6th–9th Centuries // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 14. Wiesbaden, 2005. P. 263–279.
- Stepanov Ts.* The History and Culture of Bulgaria in the 7th–12th Centuries: Between Two Easts and Two Wests // *Media Aetas — Historia Viva/Średniowiecze — Historia Żywa*. VI Kongres mediewistów polskich 2018. Wrocław, 20–22 września 2018 r. Abstrakty. Wrocław, 2018. P. 146–147.
- Swoboda W.* L'origine de l'organisation ecclésiastique en Bulgarie et ses rapports avec le patriarcat constantinopolitain (870–919) // *Byzantinobulgarica*. II. Sofia, 1966. Vol. II. P. 67–81.
- Szádeczky-Kardoss S.* The Avars // *The Cambridge History of Early Inner Asia* / Ed. D. Sinor. Cambridge; N.Y., 1990. P. 206–228.
- Tăpkova-Zaimova V., Miltenova A.* Historical and Apocalyptic Literature in Byzantium and Medieval Bulgaria. Sofia, 2011.
- The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars and Cumans* / Ed. F. Curta (with the assistance of R. Kovalev). Leiden; Boston, 2008.
- Tirr D.* The Attitude of the West towards the Avars // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 28. 1976. P. 111–121.
- Vita Hludovici imperatoris* // *Латински извори за българската история*. София, 1960. T. 2.
- Ziemann D.* Vom Wandervolk zur Großmacht. Die Entstehung Bulgariens im frühen Mittelalter (7–9. Jh.). Köln; Weimar; Vienna, 2007.

Tsvetelin Stepanov

THE TIMES OF ST. TSAR BORIS MICHAEL THE BAPTIZER (852–889; † 907): BETWEEN THE REAL HISTORICAL 'FACTS' OF THE NINTH CENTURY AND THE FACTS OF SELECTIVE MEMORY

One of the important problems of contemporary historiography is whether history (the historical past and historical time) or the memory is more valuable to study. Extreme oppositions, however, are hardly necessary and therefore, according to the author of the present text, there should be no opposing or prioritizing the one or the other. Instead, a clear distinction of the two is needed and, accordingly, a strict conceptualization of theses/hypotheses and especially methodologies. Undoubtedly, the above concepts also incorporate various ideological 'uses', especially well visible in situations of long historical periods containing breaks, oblivion of facts, and even real hiatuses in what is remembered in one way or another by later generations. As regards the European Middle Ages, one should not overlook the special role of the Church in 'composing', in

a precise manner, past events that should be preserved and passed on to coming generations (Bulgarian ones, in this case). The article does not deal — yet again, and in an extensive manner — with the diplomatic successes and failures during the reign of the Bulgarian *archon* (and subsequently *prince/knyaz*) Boris-Michael the Baptizer (852–889; † 2.05.907), but rather, how they are remembered or omitted (involuntarily or on purpose?) by later generations of writers in medieval Bulgaria.

The latter clearly selected real historical facts from the second half of the 9th century that were directly connected to the activities of Boris-Michael, in order to create an acceptable image of this Bulgarian ruler — mostly in accordance with the requirements of the Church, as well as the idea of Salvation and the Bulgarian tsardom's role in it at the End of time. Thus, the purpose of this article is not so much to review the diplomatic aspects of the actions of this Bulgarian ruler and to give a detailed description of the geopolitical realities in Europe of that time in their role of a backdrop for their development, but, rather, to connect the latter to a specific aspect — that of the selective use of *memory*. *Memory* reworks the past in a specific way (with varying purposes and for various ideological motives), thus giving special meaning to some of the former facts, while distorting others and sometimes deliberately pushing them to the background or even completely 'forgetting' them. Such a perspective would show us at least two things: firstly, what the 'official' (or 'state') *memory* had preserved from the diplomatic successes of this Bulgarian prince and, secondly, what the 'lower' (unofficial) *memory* chose to preserve. The things stressed in the memory of Prince Boris-Michael were obviously dependent on the type of literary sources and their genre characteristics, as well as on the change of the cultural model in Bulgaria in the centuries following AD 865. In view of this finding, we can also expect to see differences in the texts stemming from the 'high' (and official) culture and those belonging to the so-called lower culture, especially in historical apocalypticism from the second half of the 11th — 13th centuries (as a special 'sub-genre' of the apocryphal literature in Bulgaria). It is apparent that in the Eastern Orthodox official descriptions, there emerged, and, according to V. Vachkova quite visibly at that, the idea to give the Bulgarian Baptizer "an image that is not only worthy of imitation, but also monolithic and non-contradictory from a Christian point of view". The latter statement also clarifies why the official image of Prince Boris-Michael created during the Second Bulgarian Tsardom (1186–1396) by the Bulgarian Church specifically for the purpose to be remembered by coming generations, lacks important details of his political activities, including his many successes (as well as failures) in the diplomatic field. Instead, special importance is given mainly to his role in paving the way for the Bulgarians into the Christian faith and hence — for the salvation of their souls.

Keywords: medieval Bulgaria, Knyaz Boris-Michael of Bulgaria (852–889; † 907), memory, history.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-186-214

Б. Е. Рашковский

ПИСЬМО ИОСИФА: ПОДЛИННОСТЬ, ДОСТОВЕРНОСТЬ, ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются основные историко-географические и лингвистические проблемы исследования ответного письма хазарского кагана Иосифа еврейскому сановнику кордовского халифа Абд ар-Рахмана III Хасдаю ибн Шапруту.

Вопрос об аутентичности письма необходимо решать в контексте источников X в., из которых по крайней мере два (дипломатическая переписка Хасдая и независимое от нее свидетельство ибн Хаукаля) подтверждают реальность контактов ибн Шапрута с Хазарским государством. Также вопросы подлинности письма надлежит решать, основываясь не только на общих представлениях о том, каким должно было быть Хазарское государство X в., но и, в первую очередь, на текстологии источника. Исходя из этих соображений, в статье вновь обосновывается сравнительно раннее (до XII–XIII вв.) происхождение пространной редакции письма. Также обосновывается тезис о невозможности ее караимской переработки в позднем средневековье или в XIX в. Текст письма (за исключением одного топонима) не содержит следов вмешательства владельцев рукописи или исследователей XIX в.

Пространная редакция письма Иосифа — лишь одно из нескольких сочинений в составе рукописи Евр. II A 157 второго собрания А.С. Фирковича. На л. 5а–b данной рукописи имеется внутренний колофон с упоминанием отдельных исторических лиц — жителей Иерусалима XI вв. и представителей тогдашней иудейской (раббанитской) общины этого города. Один из них — Шмуэль бен Эзрун — был жив в первой половине — середине этого столетия. Следовательно, устанавливается возможный нижний предел датировки рукописи, содержащей текст пространной редакции письма хазарского царя. Этот предел — вторая половина или конец XI в. Установление верхнего возможного предела датировки данной рукописи — тема отдельного исследования.

Ключевые слова: Хазария, Хасдай ибн Шапрут, Ибн Хаукаль, Еврейско-хазарская переписка, Авраам Фиркович.

Вначале следует определиться с терминологией. В статье пойдет речь о проблеме подлинности текста и достоверности

содержания ответного послания хазарского кагана¹ Иосифа еврейскому сановнику при дворе кордовского халифа (до 929 г. эмира) Абд ар-Рахмана III (912 — 961) Хасдаю ибн Шапруту. Интуитивно понятные термины *подлинность* и *достоверность* требуют комментария. Говоря о *подлинности* текста, я буду иметь в виду его принадлежность определенному автору или группе авторов определенной исторической эпохи. Применительно же к тексту письма Иосифа под понятием о его подлинности я буду иметь в виду представление о том, что оригинал этого сочинения, дошедшего до нас, как известно (Коковцов 1932. С. XI–XII, XV–XVI, XXII–XXIII), в нескольких более поздних рукописях, был создан в 950-х/60-х гг. в Хазарии и имел официальное происхождение.

Я прибегаю здесь именно к такой формулировке, поскольку версия о том, что оригинальный текст письма мог быть составлен и собственноручно написан самим хазарским каганом как минимум требует отдельных текстологических доказательств. Мы почти ничего не знаем о личности автора письма, и потому у нас нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать, что он мог быть широко образованным книжником подобно своему старшему византийскому современнику — Константину Багрянородному. Более вероятной представляется версия, что письмо могло быть составлено в канцелярии правителя Хазарского государства одним или несколькими авторами. Подобная ситуация выглядит весьма возможной, особенно если вспомнить, что практика использования отдельного штата секретарей была засвидетельствована в источниках даже для объединения гуннов во главе с Атиллой (Ермолова 2019. С. 89–91), существовавшего гораздо менее продолжительный период времени чем Хазарский каганат. Кроме того, косвенное свидетельство того, что послание Иосифа не вышло из-под пера одного человека содержится в письме Хасдая: *«И теперь, если господину моему царю будет угодно и он увидит пожелание своего раба, то да не будет малоценна моя особа в его очах и пусть прикажет он своим*

¹ Вопрос о том, был ли упомянутый Иосиф реальным правителем Хазарии X в. — беком (вак арабских источников X в.) или сакральным владыкой — каганом, неоднократно дебатировался в историографии. Каганом считал Иосифа П. Голден (Golden 1980. P. 101), беком — М.И. Артамонов (Артамонов 2002. С. 298) и А.П. Новосельцев (Новосельцев 2001. С. 70). Я нахожу более убедительной первую точку зрения. См. также: Рашковский 2016б. С. 251–252.

писцам написать рабу своему полный ответ...» (Коковцов 1932. С. 16, 66)².

Под *достоверностью* источника я понимаю соответствие сообщаемой информации об исторической реальности современной ему эпохи. Вопрос о соотношении понятий подлинности и достоверности источников тоже заслуживает краткого комментария в связи с предметом обсуждения в настоящей статье. Обычно выводы о подлинности или поддельности источника делаются на основании реалий, встречающихся в тексте памятника, а также исходя из особенностей его языка. Присутствие языковых явлений, характерных для более поздних эпох и упоминание в тексте персоналий или географических названий, не существовавших в более ранние времена, легко может разоблачить мнимую древность. Надо сказать, что и то, и другое было не раз уже использовано в трудах исследователей, стремившихся подтвердить или опровергнуть подлинность письма Иосифа (Polak 1941; Dunlop 1954; Новосельцев 1990; Stampfer 2013).

Вопрос о достоверности содержания письма Иосифа в историографии вызывает гораздо меньше споров, чем проблема его подлинности. Описание территориальных пределов распространения власти хазарского правителя от Среднего Поволжья до Северного Кавказа и от Хорезма до заднепровских степей никак не может соответствовать размерам территории гибнущего Каганата в середине X в. Хотя само представление о них может относиться к гораздо более ранним временам, охватывая, таким образом, сферу возможных максимальных территориальных притязаний Хазарии времен ее расцвета (Артамонов 2002. С. 388–390; Новосельцев 1990. С. 7, 109–110).

Другое дело, что в этнографическом порядке перечисления народностей и племен Восточной Европы, упомянутых в письме, ошибок и неточностей гораздо меньше. Описание хазарских границ движется на север вверх по течению реки Итиль, которой, согласно автору письма, являются Нижняя Волга и Кама. Именно ее, в полном согласии с данными арабских географов, автор письма считает истоком Волги, расположенном на востоке в четырех месяцах пути (Коковцов 1932. С. 31, 98). Арабскими географам были известны два народа живущие к северу от хазар:

² Письмо Хасдая также не было собственноручно составлено этим еврейским савником. Его настоящим составителем был секретарь Хасдая — Менахем бен Сарук (Коковцов 1932. С. XIII–XV).

это загадочные буртасы (בורטס), этническая идентификация которых до сих пор не имеет общепринятого объяснения, волжские булгары (בולגר) и Сувар (סואר). Сувар при этом является обозначением города, а не народа (Коковцов 1932. С. 31, 98).

Далее описание движется на север вдоль течения Средней Волги пересекая земли мордвы — Арису (אריסו) и марийцев — ц-р-мис (צרמיס). Затем список поворачивает на восток к владениям восточных славян. Племена с-в-р (סוור) и в-н-н-тит (ונתית) обычно отождествляются с северянами, находившимися в зависимости от Хазарии до конца IX в. и вятичами, оставшихся подвластными Каганату до самого его падения. В завершающем списке этниконе *славийун* (צליוון) исследователи обычно видят общее обозначение славянских подданных каганата³.

Другой список зависимых от Хазарии народов в тексте письма располагает южных соседей Каганата на территории вдоль Большого Кавказа. Описание начинается от Самандара и поворачивает на юг к Баб ал-Аббабу (Дербенту) и оттуда движется на северо-запад, доходя до владений абхазо-адыгских народов через расположенную на центральном Кавказе Аланию. В этом списке в целом выдерживается порядок перечисления этниконов с восточного и юго-восточного Кавказа на северо-запад⁴.

На примере двух вышеупомянутых списков хорошо заметным становится способ географического описания в тексте письма. Он относится к наиболее раннему и архаическому способу текстуального отображения географического пространства, который вслед за А.В. Подосиновым можно назвать эгоцентрическим (Подосинов 1978. С. 23). При таком описании автор полагает именно самого себя в центре описываемого им пространства. И эта центральная точка располагается в окрестностях дельты Волги на юге волго-донского междуречья. Народы Кавказа действительно располагаются к югу от этой территории, перечисленные в письме крымские топонимы⁵, С-м-к-р-ц и Саркел — к Западу, а народы Поволжья — к северу. Таким образом, часть текста письма, опи-

³ Впрочем, О.А. Мудрак предлагает иранские и угро-финские этимологии для части этих этниконов. См. полемику по этому вопросу в: Мудрак 2016. С. 367–368 и Рашковский 2016а. С. 392.

⁴ Исключениями, вероятно, следует считать названия племен Киял, Т-к-т, Г-бул, помещенные в тексте после Каса (обозначение адыгских народов северо-западного Кавказа, черкесов) соотносимые, скорее, с восточно-кавказским регионом (Коковцов 1932. С. 101, 105; Мудрак 2016. С. 373).

⁵ О них речь еще пойдет ниже.

сывающая границы Хазарии, написана со слов наблюдателя, рас- полагающегося в самом сердце хазарских владений⁶.

Более интересен вопрос о лингвистических критериях иденти- фикации автора письма, к сожалению, до сих пор еще не разра- ботанный в должной мере. Обычно этот вопрос рассматривает- ся в связи с дискуссией о наличии в тексте письма «арабизмов», долженствовавших по мнению А. Поляка (Polak 1941. 173–174) свидетельствовать о неаутентичности и позднем происхождении письма. Подобные аргументы почти без изменений звучат и в наше время (Stampfer 2013. Р. 9). Правда, как мне уже приходи- лось обращать внимание раньше (Рашковский 2011а. С. 83–84), большинство этих так называемых арабизмов, за исключением разве что названия топонима «Б-р-т-нит», не имеют параллелей в арабской историко-географической литературе или же представля- ют собой транслитерации, основанные на исходно ивритских ис- точниках.

Вопрос об арабизмах тесно связан с другой, пока еще дале- ко не удовлетворительно изученной в литературе проблеме суб- стратного языка письма. Эта проблема очевидна и весьма серьез- на, поскольку средневековый иврит, на которым оно написано, не был ни для одного средневекового еврейского автора родным языком.

Хотя в историографии известны попытки обнаружения в его тексте тюркизмов (Shapira 2005. Р. 508–511), дополнительную трудность в определении субстратного языка письма и произ- ношения его составителей создает разнообразие написаний ино- язычных географических названий или этнических имен. Так в названии народа *ц-р-м-с* и топонима *К-р-ц* (т.е. Керчь) еврейская буква *цаде*, очевидно, передавала звук «ч», а в названии племи- ни *славийун* и обозначении христианской религии *дин насрани* она соответствовала эмфатическому «с», передаваемому арабской буквой *сад* (Коковцов, 1932. С. 30–31, 96–97). В названии страны *Н-м-ц* (т.е. славянское *немец*) она, передавала звук «ц» (Коковцов, 1932. С. 26, 90). Любопытно, что на это своеобразие не обратили внимание многие известные скептики, отрицавшие подлинность письма, в частности А. Поляк и Ш. Штампфер.

⁶ Таким же *эгоцентрическим* способом выстроены географические описания пу- тей в Хазарию, изложенные в письме Хасдая Иосифу, где за исходную точку от- чета принимается Кордова, от которой отсчитываются расстояния до Хазарии и возможные пути в нее (Коковцов 1932. С. 14–16; 63–66).

То, как *цаде* произносилась и произносится в традициях чтения текстов на иврите в разных еврейских общинах хорошо известно. Звук, аналогичный русскому «ц», она передает в традиции ашкеназских общин восточной Европы, в Италии и живущих в Западной Европе потомков сефардов. А звук, аналогичный арабскому эмфатическому «с» (как, например, в упомянутом слове *наsrани*), она передает в традициях йеменских и прочих арабоязычных еврейских общин и арамеоязычных курдских евреев. В традиции персидских и грузинских евреев *цаде* произносится как латинское «s» (Ornan 2007. P. 563). Таким образом, в написании иноязычных слов, в которых встречается буква *цаде*, в тексте письма Иосифа можно обнаружить влияние по крайней мере двух или трех традиций чтения и произнесения текстов на иврите.

Может быть, в канцелярии хазарского кагана над составлением ответа Хасдаю ибн Шапруту трудились чиновники с разным уровнем знания еврейского языка и привыкшие к традициям чтения на нем, принятых в разных еврейских общинах? Или возможно, влияние восточного, арабского произношения в рукописи — следствие происхождения ее позднейших переписчиков. Во всяком случае, шрифт, которым она написана — восточный полукурсив, — дает основания для подобных предположений.

Говоря о гипотетическом влиянии рукописной традиции письма Иосифа на особенности его содержания, нельзя не упомянуть о дискуссиях по проблеме позднейшего караимского вмешательства в текст рукописи пространной редакции письма. Впервые весьма осторожное предположение об этом было высказано П. К. Коковцовым. Уликами, с помощью которых Коковцов указал на возможность караимской обработки текста письма, были преимущественно лингвистические данные. Первой из них стало использование глагола לְהַקְדִּיף , образованного от существительного קִדְדָה в значении «доказательство или аргумент» — по Коковцову наиболее частотного именно в караимской литературе (Коковцов 1932. С. XXII, 29, 95). Это предположение Коковцова лишь отчасти подтверждается электронной базой данных «Исторического словаря языка иврит» (<https://maagarim.hebrew-academy.org.il/Pages/PMain.aspx>). Согласно ему, формы глагола קִדְדָה в породе *hiphil* зафиксированы в средневековом иврите лишь четыре раза, три из которых достоверно не относятся к караимским текстам. Четвертый же — та самая форма

инфинитива этой породы — לְהַקְרִיב является гапаксом, встречающимся только в письме Иосифа⁷. Кроме этого, корень קָרַב встречается (по данным все того же «Исторического словаря языка иврит») в средневековых еврейских текстах 83 раза в виде существительного и глагола в породе qal, но лишь 17 из случаев его употребления относятся к сочинениям авторов, достоверно идентифицируемых как караимы. А два из этих 83 употреблений зафиксированы в сочинениях Менахема бен Сарука — личного секретаря Хасдая ибн Шапрута — кордовского корреспондента Хасдая⁸.

Вторым аргументом в пользу позднейшего караимского вмешательства в текст письма считаются некоторые особенности списка встречающихся в тексте письма «крымских топонимов», из которых наиболее скандальной стороной дела является имеющееся в тексте рукописи пространной редакции упоминание топонима Мангуп, встречающегося в источниках только начиная с послемонгольского времени (Коковцов 1932. С. XVII–XIX). В домонгольское время это поселение носило название Дори или Дорос, а наиболее ранние достоверные эпиграфические свидетельства о существовании его еврейской (вероятно, караимской) общины относятся к середине XV в. (Шапира 2010. С. 30–33).

Вопрос об упоминании Мангупа в письме имеет обширную историографию, которую здесь подробно разбирать нецелесообразно⁹. Отмечу здесь только, что в настоящий момент в рукописи данный топоним читается как М-н-куп (מַאנְכּוּפּ), что было реконструировано Коковцовым как Ман-к-т (מַאנְכּוּת; Коковцов, 1932. С. XVII–XVIII, примеч. 5). Причем последняя буква написана на явно подчищенном месте. То же самое показал осмотр рукописи, произведенный не только П. К. Коковцовым (Коковцов 1932. С. 17. примеч. 5), но и современными исследователями: Д. Шапира (Шапира 2010. С. 35–36) и автором этих строк. Таким образом, прочтение названия десятого топонима в списке народов — западных соседей Хазарского каганата в тексте письма Иосифа в форме

⁷ <https://maagarim.hebrew-academy.org.il/Pages/PMain.aspx?koderekh=29311&page=1> (дата обращения: 04.01. 2020).

⁸ <https://maagarim.hebrew-academy.org.il/Pages/PMain.aspx?koderekh=29312&page=1> (дата обращения: 04.01. 2020)

⁹ См. наиболее полные и позднейшие обзоры литературы по этому поводу в: Сорочан 2005. С. 1578–1580; Шапира 2010. С. 35.–36.

Манкуп, является результатом **правки позднейшей по сравнению с остальным текстом письма** в рукописи Евр. II А. № 157 второго собрания Фирковича¹⁰.

Говоря о наличии в списке крымских топонимов письма Иосифа упоминаний о якобы древних и важных центрах караимизма в Восточной Европе, нельзя также не сказать и о том, что кроме письма Иосифа в источниках домонгольского времени имеется лишь один текст, содержащий в себе столь подробное перечисление названий крымских поселений. Он зафиксирован в сочинении «Отрада страстно желающего пересечь мир» арабского географа ал-Идриси и отличается порядком перечисления топонимов (с запада на восток, а не с северо-востока на юго-запад, как в письме Иосифа) и фактическим содержанием (см.: Коновалова 2006. С. 86, 115, 177–178).

Данный список примечателен тем, что в нем, как и в письме Иосифа, отсутствуют Солхат и Каффа, не существовавшие до XIII в. и являвшиеся в действительности древнейшими центрами расселения караимов не только в Таврике, но и во всей Восточной Европе¹¹. Кроме того, в данном месте труда ал-Идриси, составленного около 1154 г. (Коновалова 2006. С. 7, Крачковский 2004. С. 288), содержится и древнейшее в письменных источниках упоминание Ялты (Джалита у ал-Идриси) (Коновалова 2006 С. 86). Очевидно, что список крымских топонимов в тексте письма Иосифа, даже если бы он мог быть включен в текст письма в эпоху позднейшую по сравнению со временем созда-

¹⁰ По свидетельству Д.А. Хвольсона (Хвольсон 1884. Стб. 500; Коковцов 1932. С. XVII–XVIII, примеч. 5; Schwolson 1882. S. 520–522) первоначально в тексте рукописи в 1870 г. в интересующем нас месте было написано *Мангуф* (מנגוף). Хвольсон воспользовался рукописью с разрешения А. С. Фирковича. Замечу, что это произошло до первой печатной публикации отрывков из письма, равно как и первого упоминания о нем в письме А. Я. Гаркави в редакцию еврейской газеты *га-Цифра*, датированном 29 сентября (10 октября) 1874 г. В этом письме упомянутый топоним уже записан в форме Манкуп (מנקופ), как он и выглядит в современном состоянии рукописи Евр. II А 157. (Harkavy 1874. P. 127). Как свидетельствуют данные из личного архива Д.А. Хвольсона (рукопись В 485 ИВР РАН. л. 6а) он прочитывал в интересующем нас месте название данного топонима как *Мангуф* (מנגוף). При этом Фиркович, в отличие от Хвольсона читал в этом месте Манкуп (מנקופ) (см. подробнее: Шапира 2010. С. 35–36, примеч. 26).

¹¹ Самое раннее подлинное и точно датированное упоминание присутствия караимов в Восточной Европе имеется в комментарии «Мивхар» на книгу Исход караимского автора Аарона бен Йосефа. Оно относится к 1278 г. (Текст см. в: Ankori 1959. P. 60). В источнике идет речь об общинах караимов и раббанитов в Солхате.

ния оригинального текста (для чего нет ни палеографических ни текстологических оснований) не может датироваться временем раньше XII–XIII вв. в силу отсутствия в нем упоминания Ялты, Солхата и Каффы. Данный перечень топонимов не содержит упоминаний о древнейших центрах караимизма на полуострове: Солхате, Каффе, Кырк-Йере (позднейшем Чуфут-Кале) и Гёзлеве (нынешней Евпатории)¹².

Последнее обстоятельство небезынтересно в связи с предположениями о возможности вмешательства именно А.С. Фирковича в текст пространной редакции письма Иосифа, популярными в историографии ранее (Grégoire 1937) и встречающимися иногда до сих пор (Бушаков 2005). Будь Фиркович реальным составителем пространной редакции письма Иосифа, он непременно включил бы эти города в список крымских топонимов, поскольку до конца жизни продолжал отстаивать свое мнение о существовании их еврейских общин не только в домонгольскую эпоху, но и в хазарское время (Рашковский 2017). Фальсифицированные эпитафии домонгольского времени из Солхата и Каффы были опубликованы Фирковичем в подготовленном им здании книги «Авне зиккарон» (Firkovitch 1872. P. 209–210, 217–220).

Версия о возможности создания пространной редакции именно Фирковичем не выдерживает никакой критики по целому ряду других причин. Во-первых, текст пространной редакции «лучше и чище сохранил основное ядро документа» (Коковцов 1932. С. XXIV). И это не голословное утверждение Коковцова. Текст краткой редакции (сохранивший тем не менее в ряде мест лучшие чтения) представляет собой сокращение и упрощенную интерпретацию первоначального текста, как бы не дезориентировали исследователей — негебраистов его же слова о «добавлениях» (Коковцов 1932. С. XX) пространной редакции. Составитель краткой редакции — неизвестный переписчик XV–XVI вв. — попросту удалил многое из всего того, что было ему непонятно в первоначальном тексте. Причем в наибольшей степени от этого сокращения пострадали списки этнонимов и топонимов. Во-вторых, эти же соображения подкрепляются и лингвистическими доводами. Краткая редакция, как показал еще Данлоп (Dunlop 1954. P. 152), тяготеет к библейскому стилю, почти одинаково

¹² Исключением можно было бы назвать упоминание Мангуна, но как раз в этом месте текст письма явным образом испорчен.

широко используя способ образования прошедшего времени через употребления конструкции «вав + имперфект», характерный именно для библейского иврита (37 случаев), тогда как в пространной редакции эта конструкция употребляется лишь несколько раз. Язык пространной редакции более соответствует литературной норме эпохи Мишны и Талмуда. Это гораздо более раввинистический язык, если сравнивать его по крайней мере с языком редакции краткой. Последнее может показаться достаточно неожиданным, если исходить из гипотезы о «поздней караимской переработке».

Наконец, существуют и палеографические доказательства того, что происхождение рукописи пространной редакции не имеет никакого отношения к караимизму. Исследователи, приписывающие ее составление Фирковичу (Grégoire 1937; Бушаков 2005), что обычно не вспоминают о том, что текст письма Иосифа является далеко не единственным произведением в составе рукописи Евр. II А №157 Второго собрания Фирковича. Все двадцать шесть листов этой рукописи написаны от начала и до конца одним и тем же почерком — средневековым восточным полукурсивом рукой одного и того же писца.

При этом, кроме письма Иосифа, рукопись содержит в себе целый ряд других сочинений, содержательно с ним не связанных. Последнее обстоятельство весьма важно, поскольку к числу достоверно установленных подделок Фирковича никогда не относились полные тексты рукописей различных сочинений. Фиркович действительно изготавливал поддельные владельческие записи и колофоны рукописей и свитков Торы, а также фальсифицировал надгробные надписи, полностью изготавливая их текст или исправляя их даты. Иногда он придумывал тексты никогда не существовавших надгробных надписей. Однако до сих пор неизвестно ни одного примера рукописи или свитка, подделанного им целиком.

Вот как характеризует содержание рукописи Евр. II А 157 второго собрания Фирковича Д.А. Хвольсон:

«...рукопись написана на восточной бумаге и состоит из трех тетрадей по 8 листов в малую четверть и одного листа отдельно. Первые две тетради, также, как и отдельный лист и первые четыре листа третьей тетради, содержат отрывки из мидрашим, последние 4 листа 3-ей тетради содержат текст письма без конца. Вся рукопись написана одной и той же рукою и в ней нет

ничего написанного другою рукой или позднее прибавленного»¹³ (Хвольсон 1884. С. 499). Это описание рукописи, как показывает сделанный мной в ноябре 2016 г. ее визуальный обзор, соответствует действительности, если не считать того, что во времена Хвольсона она еще не была переплетена.

Письмо Иосифа (в пространной редакции без окончания), как справедливо указывает Коковцов (Коковцов 1932. С. XVI), занимает в рукописи листы 23а–26b. Кроме того, самое первое, переписанное в составе этой рукописи сочинение, не имеет также начала (Mann 1939. P. 320).

Какие еще сочинения входят в состав рукописи Евр. II А №157 второго собрания Фирковича, кроме письма хазарского царя? Первые пять листов (точнее, лл. 1а–5b без начала) занимают в ней мидраши к Пс. 29–30 (Mann 1939. P. 308), опубликованные на основании списка, содержащегося в этой рукописи Я. Манном (Ibid. P. 320–325). Далее лл. 5b–20 занимает версия, приписываемого р. Иегуде га-Наси мидраша «Маасе Тора», озаглавленная פרק רבינו הקדוש. Затем на л. 20b–23b в рукописи помещается פרק שלום ירושׁ — раннесредневековое дополнение к малому трактату «Дерех эрец зута», входящему в состав вавилонского Талмуда. Ни одно из перечисленных сочинений не является караимским по своему происхождению. Завершает сборник, как уже было сказано выше, письмо хазарского царя.

Весьма интересно окончание первого сборника мидрашей в этой рукописи, содержащееся на л. 5а–b. По своей форме оно представляет собой своеобразный «внутренний колофон», содержащий перечисление нескольких исторических лиц. Текст этот выглядит следующим образом:

בראשית ברא אלהם כב גך קדש מרינו
ורבינו יוסף הכהן ראש ישיבת גאון יעקב המכובד ומרי יאשיה
(л.5b)

אב בית דין ומרי יצחק אחיו השלישי ומרי שמואל בן עזרון נן

... в начале сотворил Бог (Быт. 1:1). Почтенный и великий и святой господин, и учитель наш Йосефа га-Коген, уважаемый глава академии гордости Иакова и господин мой Иосия, глава религиозного суда и господин Ицхак Третий, брат его и господин мой Шмуэль бен Эзрун, упокоение его души в раю.

¹³ Здесь Хвольсон временно опускает вопрос о написанном в рукописи на подчиненном месте названии топонима *Мануф* или *Манун*, рассматривающийся им ниже.

Из всех упомянутых в приведенном внутреннем колофоне исторических лиц наиболее надежной идентификации поддается последний — Шмуэль бен Эзрун, единственный обозначенный в тексте как уже покойный. Его судебное дело разбирал Шломо бен Йезуда, возглавлявший в 1027–1051 гг. йешиву раббанитов в Иерусалиме (См.: Gil 1987. P. 93–94; 1997. P. 166–167; 1974. P. 150). Таким образом, упомянутый Шмуэль бен Эзрун был жив в первой половине XI в. Рукопись же была написана уже позже его кончины. Вероятно, автор колофона жил и действовал уже в более позднее время. Например, во второй половине XI в.

Существование в рукописи Евр. II А 157 этого колофона вместе с пространной редакцией письма Иосифа, возможно, может служить объяснением загадочной фразы А. Я. Гаркави (“um 1080, was nach dem aussehen der Handschrift zu urtheilen gut passen würde”) — о возможности датировать рукопись письма Иосифа 1080 г. по ее внешнему виду — высказанной без дополнительных аргументов в примечании к немецкому переводу письма (Harkavy 1876. S. 91)¹⁴. Тем более, что Гаркави был известен и процитированный выше текст «внутреннего колофона», опубликованный им в газете «Маггид» (Harkavy 1877. P. 134), хотя и без упоминания о присутствии в той же рукописи письма Иосифа.

Правда, допустима версия, что XI в. можно датировать только *текст* данного колофона и *время жизни* (и смерти) упомянутых в нем лиц (в случае если последний мог попасть в текст рукописи из более раннего сочинения). В этом случае вопрос о верхней границе датировки рукописи пространной редакции письма Иосифа остается открытым. Таким образом, обращение к колофону на л. 5а–б. дает **наиболее раннюю из возможных датировок** рукописи Евр. II А 157.

Тем не менее на основании всех вышеизложенных соображений необходимо окончательно и бесповоротно проститься с версией о возможности специальной караимской правки пространной редакции письма, по крайней мере, в связи с пресловутым «крымским списком» в позднем средневековье или во времена Фирковича.

С темой дипломатических практик связана еще одна из проблем, существующих в связи с вопросом о подлинности текста

¹⁴ В упомянутом выше первом сообщении о находке письма Иосифа в газету *га-Цфира* (Harkavy 1874. P. 127) Гаркави, опять же не приводя никаких аргументов, пишет, что письмо было переписано в древние времена, но не позднее XIII–XIV вв. См. также примеч. 10.

письма. Проблема эта связана с вопросом о соблюдении в нем норм дипломатического этикета. Еще И.З. Берлин ставил под сомнение возможность его атрибуции реальному правителю Хазарского каганата по причине наличия в тексте агрессивной антимусульманской полемики. По мнению последнего неаутентичность письма доказывается в числе прочего «...полемическими выпадами против исламской религии, неуместными со стороны государя в переписке с министром халифа, безразлично, является ли министр мусульманином или евреем, равно проявляются ли эти выпады в высказанных им в письме собственных суждениях или лишь в суждениях других лиц, вводимых в изложение рассказа о диспуте, между представителями трех монотеистических религий, тем более, что выпады эти высказаны в грубой, резкой и обидной форме» (Берлин 1919. С. 117).

Действительно, антиисламские полемические мотивы, пусть даже в устах христианского священника, могли бы выглядеть для мусульманского читателя весьма обидно¹⁵, и потому они, видимо, не случайно были опущены в первом константинопольском издании 1577 г. (Ср.: Коковцов, 1932. С. XII, 22, 30, 78–79, 96). Правда, обращение к параллелям из текстов других средневековых культур, а также к другим документам из дипломатической переписки Хасдая показывает, что подобные выходы за пределы норм дипломатического этикета не столь уж уникальны. Так, религиозную полемику против ислама содержало, например, послание византийского императора Никифора Фоки аббасидскому халифу ал-Мути (Иванов 2003. С. 195). Можно вспомнить и о переписке Хасдая с представителями византийского правящего дома. В особенности же о письме, адресованном одной из представительниц императорского дома, отождествляемой с Еленой Лакапиной (Голб, Прицак 2003. С. 106) или регентствовавшей в 963 г. вдовой Романа II (969–963 гг.) Анастасией Феофано (Щавелев 2018. С. 189–190), в котором автор послания намекает на собственное покровительство благополучию христиан в мусульманской Испании и особенно в Кордове (Mann 1931. P. 22). Это же письмо содержит известное упоминание о «стране ал-хазар» (Голб, Прицак 2003. С. 120–121, примеч. 17; Golb 2011. P. 1–2).

Другим современным свидетельством, подтверждающим реальность связи между дипломатической практикой Хасдая ибн

¹⁵ Если, конечно, допустить версию о знакомстве такого читателя с еврейским языком.

Шапрута и Хазарским государством, является сообщение ибн Хаукаля о посещении Хасдаем (в источнике он назван Хасдаем ибн Исхаком, в соответствии с арабской транслитерацией патронима) «Хазарана и гор Арминийи» и о его хорошем знании этих краев¹⁶. Существуют различные варианты интерпретации и датировки этого свидетельства (Голб, Прицак 2003. С. 149; Рашковский 2011б; Калинина 2018; Щавелев 2018. С. 188, 191–192). Хотя нет никаких доказательств реальности визита Хасдая ибн Шапрута в Хазарию, возможность личного общения между еврейским сановником и арабским географом, посетившим в 948 г. Кордову (*Opus geographicum* 1967. P. 108), с ибн Шапрутом при дворе Абд ар-Рахмана III представляется весьма вероятной.

Подведем итог изложенному в данной статье. Независимые от текста письма Иосифа источники подтверждают связь дипломатической практики Хасдая ибн Шапрута с Хазарским государством, что также может рассматриваться в качестве дополнительного довода в пользу аутентичности данного сочинения, безусловно существовавшего уже как минимум к рубежу XI–XII вв., как видно из его цитирования в сочинении Иезуды бен Барзилла (см. подробнее: Коковцов 1932. С. VIII, XXIV–XXV). К тому же самому времени можно относить наиболее раннюю из возможных датировок рукописи Евр. II А 157 Второго собрания Фирковича, содержащей пространную редакцию документа. Эта рукопись никак не связана с интересами средневековых караимов и не была изготовлена Авраамом Фирковичем.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. СПб., 2002.
- Берлин И.З. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пг., 1919.
- Бушаков В. Як укладалася докладна редакція так званого листа хозарського царя Йосифа // ХА. 2005. Т. 4. С. 118–128.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М., 2003.
- Ермолова И.Е. Гунны и письменность // ДГ 2017/18 годы: Ранние формы и функции письма М., 2019. С. 86–94.

¹⁶ Публикацию текста см. в: *Opus geographicum*. 1967. P. 193. Русский перевод всего фрагмента см. в.: Рашковский 2011б. С. 156; Калинина 2018. С. 132. Есть и французское издание. См.: *Ibn Nauqal* 1964. P. 189.

- Иванов С. А.* Византийское Миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина? М., 2003.
- Калинина Т. М.* Ибн Хаукал и Хасдай ибн Шапрут // ВЕДС-XXX: Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2018. С. 130–134.
- Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Коновалова И. Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, комментарий. М., 2006.
- Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература. М., 2004.
- Мудрак О. А.* Заметки по иноязычной лексике хазаро-еврейских документов // ХА. Т. 14. М., 2016. С. 349–379.
- Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Западной Евразии // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. С. 59–71.
- Подосинов А. В.* Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории СССР. Сборник статей. М., 1978. С. 22–45.
- Рашковский Б. Е.* Вновь о поиске следов хазарского иудаизма в письменных источниках // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Международной конференции по иудаике. М., 2011. Т. 2. С. 72–93. (а).
- Рашковский Б. Е.* Хасдай ибн Шапрут и Абу-л-Касим ибн Хаукаль: Хазарская дипломатия еврейского сановника в арабском географическом трактате // Українська орієнталістика. Спеціальний випуск з юдаїки / Ред. В. Черноіваненко. Київ, 2011. С. 154–169. (б).
- Рашковский Б. Е.* Вновь о лексике еврейско-хазарских документов. Маргиналии на полях статьи О. А. Мудрака «Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов» // ХА. Т. 14. М., 2016. С. 389–395. (а).
- Рашковский Б. Е.* Некоторые историографические аспекты вопроса о подлинности послания хазарского правителя Иосифа // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М. 2016. С. 248–253. (б).
- Рашковский Б. Е.* «До генуэзцев...». Письмо А. С. Фирковича М. С. Воронцову о времени появления общины крымских караимов // Восток (Oriens) 2018. № 1. С. 152–166.
- Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. Вторая половина VI — первая половина X вв. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2.
- Хвольсон Д. А.* Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте также и образцы шрифтов из рукописей от IX–XV столетия. СПб., 1884.

- Шапура Д.* Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего средневековья // История еврейского народа в России / Под общ. ред. Израэля Барталя. М., 2010. Т. 1: От Древности до раннего Нового Времени. С. 13–43.
- Щавелев А. С.* Датировка дипломатических писем Хасдая ибн Шапрута // Вестник волгоградского университета. Серия 4. История, религиоведение международные отношения. 2018. Т. 23. №5. С. 186–195.
- Ankori Zv.* Karaites in Byzantium. The Formative Years, 970 — 1110. N. Y.; Jerusalem, 1957 (Repr., 1968).
- Chwolson D.* Corpus inscriptionum hebraicarum, enthaltend Grabschriften aus der Krim und andere Grab- und inschriften alter hebräischer Quadratschrift sowie auch Schriftproben aus Handschriften vom IX — XV. Jahrhundert. St. Petersburg, 1882.
- Dunlop D. M.* The history of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.
- Gil M.* A History of Palestine, 634–1099. Cambridge, 1997.
- Golb N.* The Caliph's Favorite. New Light from Manuscript Sources on Hasdai ibn Shaprut of Cordova. Cambridge, 2011.
- Golden P.* Khazar studies. Budapest, 1978. Vol. 1.
- Grégoire H.* Le “Glozel” Khazare // Byzantion. T. XII. 1937. P. 224–266.
- Harkavy A.* Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslavs (um 960) als Beitrag zur alten Geschichte Süd-Russlands // Russische Revue 1876. №6. S. 69–97.
- Ibn Hauqal.* Configuration de la Terre (Kitab surat al-ard) / Introduction et traduction avec index par J. H. Kramers et G. Wiet. P.; Beyrouth, 1964. T. 1.
- Mann J.* Texts and studies in Jewish History. Cincinnati, 1931. Vol. 1.
- Mann J.* Some midrashic Geniza fragments // HUCA Vol. 14 (1939) P. 303–358.
- Opus geographicum auctore Ibn Haukal.* BGA ser. II / Ed. Kramers J. H. Lugduni Batavorum, 1967. T. 2.
- Ornan U.* Hebrew grammar // EJ. Detroit; N. Y.; San Francisco; New Haven; Waterville; L., 2007. Vol. 8. P. 558–620.
- Shapira D.* Judaisation of Central Asian Traditions as Reflected in the So-Called Jewish-Khazar Correspondence, with Two Excurses: A. Judah Halevy's Quotations; B. Eldad ha-Dani. With an Addendum // Хазары. Jews and Slavs. М.; Иерусалим, 2005. Vol. 16. P. 503–521.
- Stampfer Sh.* Did the Khazars Convert to Judaism? // Jewish Social Studies: History, Culture, Society. 2013. Vol. 19, № 3. P. 1–72.
- Firkovitch A.* Памятные камни. Сборник надписей на надгробиях израильтян полуострова Крым (иврит) Вильна, 1872.
- Gil M.* К вопросу о генеалогии гаонов Страны Израиля (иврит) // Tarbiz 1974. Vol. 44. P. 144–150.
- Gil M.* Власть и местное население // История Иерусалима в раннеисламский период (иврит). Jerusalem, 1987. P. 80–96.
- Harkavy A.* Письмо (иврит) // ha-Zefira №16 (28.10. 1874). P. 127.

Harkavy A. Диврей Авраам (иврит) // ha-Maggid №14 (11.04.1877). P. 134.
Polak A. Обращение хазар в иудаизм (иврит) // Zion, Vol. 6. 1941 №4. P. 106–112, 160–180.

Boris E. Rashkovskiy

“KING JOSEPH’S LETTER”: THE PROBLEMS OF ITS AUTHENTICITY,
VERACITY AND DIPLOMATIC PRATICICES

The article deals with the main historical-geographical and linguistic problems of the study of Khazar Caghan Joseph’s Reply to the letter written by Hasday ibn Shaprut. The author argues that the original text of the Long version of the letter was written comparatively early: not later than in 12th — 13th centuries and was not edited by East European or Middle Eastern Karaites during the Middle Ages. The text of the letter (with the exception of one toponym) does not contain any traces of editing of the manuscript made by its owner in the second half of the 19th century or the scholars of that time.

The Long Version of Joseph’s Reply is just one of several works in the Hebrew manuscript Evr. II A 157 of Abraham Firkovitch’ 2nd collection. Since the hand of one medieval scribe wrote the entire manuscript, some possible arguments for the dating of the whole manuscript could be found in any of its parts. Thus, on the folio 5a–b of this manuscript there is a colophon with a reference to certain historical persons — members of the Jewish rabbanite community of Jerusalem in the 11th century. One of them — Samuel ben Ezrun was alive in the first half and the middle of this century. Therefore, second part of 11th century could be the possible earliest date of the whole manuscript. The possible latest date of this manuscript can be determined after a separate study.

Keywords: Khazaria, Hasdai ibn Shaprut, Ibn Haukal, Khazarian-Hebrew documents, Abraham Firkovitch.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-215-231

М. Л. Лавренченко

ТЕРМИНЫ РОДСТВА И ДОГОВОРНЫЕ ФОРМУЛЫ В ПОЛИТИКЕ РЮРИКОВИЧЕЙ XII—XV вв.

В статье приводится результат сравнительного анализа двух компонентов договорного языка правителей домонгольской и Московской Руси: различных форм переносного использования терминов родства и устойчивых словосочетаний, подчеркивающих единство союзников. В качестве двух компаративных групп источников выбраны диалоги Ипатьевской (Киевской), Лаврентьевской летописей и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV веков. В результате мы получаем возможность проследить изменения в политическом языке, отразившие перемены в социальной жизни русских правителей этого периода, а также трансформации, связанные с исчезновением устной и развитием письменной культуры составления соглашений: широта применения договорных формул и их разнообразие уступают место стандартизации, увеличению объема и многоступенчатости формулировок.

Ключевые слова: термины родства, социальные практики, княжеские договоры, договорные формулы, язык политического взаимодействия, средневековый ритуал, домонгольская Русь, Древняя Русь, Московская Русь, Киевская летопись, Ипатьевская летопись, договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв.

Весь язык источников изучаемого периода представляет собой одну большую метафору той истории, которую хочет познать историк.
(Козеллек 2014. С. 24)

Язык политического взаимодействия глубоко консервативен и с трудом поддается фундаментальным изменениям, часто сохраняя внутреннее единство на протяжении столетий. Одновременно он проявляет и необычайную гибкость, извлекая из своего арсенала наиболее удачно подходящие именно в данный момент элементы, поэтому так трудно найти два идентичных друг другу по структуре и формулировкам исторических документа. Метод изучения соци-

ально-политической истории сквозь призму языковых изменений набрал силу во второй трети XX в. в рамках глобальной тенденции переосмысления роли языка в формировании и функционировании общества, и связан, в первую очередь, с развитием лингвистических методов в гуманитарных науках (*linguistic turn*), языкознания, семиотики, истории философских терминов, а также смежных историко-лингвистических методов, таких как история понятий XVIII–XIX вв. Райнхарта Козеллека. Рассматривая трансформацию смыслов основных исторических понятий, Козеллек отмечал, что она «отражает длительную и глубокую, иногда внезапно ускоряющуюся эволюцию опыта», а изучение значений слов, присущих политической и социальной сферам через анализ конкретных ситуаций, в которых они употребляются, — своеобразная «дверь» в эпоху, при этом важнейшей частью исследования становится определение «срока социальной жизни того или иного значения слова и соответствующей ему структуры» (Козеллек 2014. С. 26, 33–35). Налицо неизбежная двойственность данного метода, опирающегося одновременно на *явления*, изучаемые историческими науками, и *слова*, относящиеся к сфере лингвистических исследований, пусть и со значительным сдвигом в пользу первого (Там же. С. 36–38). Новая историческая реальность стимулирует появление новых смысловых значений у старых слов, а изменения в языке, в свою очередь, влияют на понимание действительности — тот замкнутый круг, преодоление которого требует большого внимания к соблюдению тех временных рамок, к которым может быть применен результат исторического исследования.

При обращении к значительно менее обширным и детализированным источникам времен, предшествовавших Новому времени, в фокусе исторического исследования оказывается весь комплекс социально-политической лексики, в том числе слова, первоначально относимые к семейной и бытовой сферам. Разумеется, они не могут быть причислены к политическим *словам* — *понятиям*, однако это, без сомнения, *ключевые слова* (Там же. С. 24), в форме которых и мыслилась политика средневековых правителей Руси.

Общей тенденцией эволюции социальных и политических слов является расширение спектра их значений, что зачастую связано не столько с их непосредственной историей, сколько с отсутствием других слов, подходящих для определения нового исторического явления — в полной мере это применимо и к интересующей нас семейной и бытовой лексике: неоднократно отмечалось, что

с появлением первых государственных форм на территории Древней Руси она приобретает политическое значение, однако, в чем именно оно проявлялось и как формировались новые функции этих слов, в большинстве изысканий не раскрывается подробно (Пресняков 1993. С.100).

Поэтому применительно к древнерусскому материалу рассмотренный метод полезен, в первую очередь, тем, что позволяет выявить изменения, происходившие в культуре княжеского взаимодействия, значительную часть которого на протяжении столетий составляла именно родовая лексика, а также устойчивые «воинские» словосочетания. В данном исследовании во главу угла ставится развитие этих двух наиболее часто встречающихся элементов договоров правителей. В качестве сравнительного материала мы рассматриваем две группы источников: *летописные тексты, повествующие о событиях XII в.*, и *договорные грамоты русских князей конца XIV — начала XV в.* Этот выбор обусловлен несколькими факторами. Вокруг происхождения летописных княжеских речей — самого древнего источника в данной выборке — до сих пор не утихают дискуссии: их природа признается то письменной, то устной, а содержание — то исторически информативным, то вымышленным.

Большинство княжеских диалогов приведено в центральной части Ипатьевской летописи, называемой Киевской летописью; согласно текстологическим исследованиям, подавляющая их часть относится к ее киевскому источнику, происхождение которого и время его попадания в общий свод также является предметом дискуссии (Насонов 1969. С. 80–111; Вілкул 2015. С. 242–275). Важно подчеркнуть, что, несмотря на то что сообщения о посланиях с приведением прямой речи являются характерной деталью именно этого источника, они встречаются и в других летописных текстах: Лаврентьевской летописи, Новгородской Первой летописи (например: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 315; НПЛ. С. 54), то есть мы имеем дело с общерусской традицией домонгольского периода, а не с особенностью одного составителя.

Договорные грамоты конца XIV — начала XV в. дошли до современного исследователя с менее значительными утратами, однако фиксируют уже более поздний этап формирования договорного этикета. Сравнение двух выбранных элементов в этих группах источников предоставляет дополнительный аргумент в пользу исторической достоверности содержащих их посланий для первой и

показывает разнообразие путей развития сложившейся традиции во второй.

С точки зрения историка каждый из рассматриваемых элементов представляет незначительный интерес: термины родства в непрямом значении чаще всего используются в качестве обращения или дополнительного упоминания вскользь и обращают на себя внимание исследователя, только если он учитывает использование данного слова в качестве акта, повышающего или понижающего политический статус адресата. Столь же малозначимыми представляются и риторические формулы, скрепляющие договор двух союзников: из-за отсутствия содержательной информации и избытия метафорической лексики они отбрасываются как несущественные.

Несмотря на видимую бесполезность упомянутых элементов, они оказываются важны тем, что в полном или урезанном виде присутствуют в большинстве договоров, как приведенных в летописи, так и сохранившихся на бумаге в первоначальном виде, что дает богатые возможности для сопоставительного анализа. Значимость многих договорных формул, а также случаев непрямого использования терминов родства, повышает и то, что они принадлежали к средневековой обрядовой лексике, что выражается в их семантической перформативности, по сути мы имеем дело с высказываниями — действиями, меняющими, а не описывающими положение дел; в первую очередь, это касается устойчивых выражений, произносимых во время признания другого правителя «отцом», «сыном», «братом старшим», «братом младшим». В этом вопросе мое исследование опирается на историческую методологию, в основе которой лежат работы Герда Альтхова (Althoff 2002; 2004) и его последователей¹. Среди последних работ наибольший интерес в этой области представляют труды Ларса Хермансона (Hermanson 2015; 2019), рассмотревшего ритуальный аспект устной культуры социальных и политических практик скандинавского средневекового общества, которое он охарактеризовал как *oath-taking society*. Один из его существенных выводов заключается в том, что институциональная природа значительной части этих практик должна быть пересмотрена.

¹ Среди них можно выделить сторонников теории практик и приверженцев перформативного подхода (*performative turn*), однако ничто не мешает использовать обе методики (Hermanson 2015. P. 16).

Использование Рюриковичами родовой терминологии в политической жизни неоднократно обращало на себя внимание исследователей, и наиболее распространенным объяснением этого феномена стало маркирование положения того или иного правителя в лестнице княжеской иерархии (Пашуто 1965. С. 53–58): более низкого, зависимого — при использовании слов «брат», «сын» в переносном значении, и более высокого, доминирующего — при употреблении слова «отец»². Данное объяснение проистекает из наблюдения над поздними, но при этом значительно более яркими примерами такового применения данных слов. Например, известно, какую важность придавал использованию обращения «брат» к иностранным правителям (в том числе к тем, с которыми находился в состоянии войны) Иван Грозный, называя недостаточно родовитых правителей «соседями» и «приятелями»; от датского короля Кристиана III русский царь требовал, чтобы тот называл его «отцом», а сам он и его предки добивались «братства» в отношениях с крымским ханом (Юзефович 1988. С. 16–22).

Но наиболее существенным фактором распространения данной интерпретации родовой лексики в летописях домонгольского периода стала доминировавшая государственная идеология СССР, одной из важнейших задач которой в области истории было обоснование принадлежности древнерусского государства к феодальной общественной формации: «получая надел по закону, вассал по Правде же должен был нести службу сюзерену (“отцу”, “брату старейшему”))» (Пашуто 1965. С. 57). При рассмотрении конкретных исторических ситуаций, приводимых в летописном тексте, истолкование родовой лексики существенно варьировалась, например, сам В.Т. Пашуто упоминал о подчеркнутом равенстве Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича, несмотря на то что именно при описании отношений между ними термины «отец» и «сын» встречаются наиболее часто: «когда в середине XII в. Вячеслав и Изяслав делили власть в Киеве, они постоянно подчеркивали и свое местническое равенство» (Там же. С. 54).

² Налицо многочисленные сложности, возникающие при применении термина «иерархия» в описании социально-политических практик домонгольской Руси: более высокий или низкий статус не имеет прямой корреляции с независимым или зависимым положением, а авторитет может быть основан как на реальном политическом весе, так и приобретен по наследству — все эти аспекты оказываются за скобками слишком широкого значения этого слова.

В дореволюционной историографии в дискуссии о том, как можно объяснить родовую терминологию княжеских переговоров выделяются две наиболее значительные позиции: «родовая теория» С.М. Соловьева и концепция переосмысления семейной лексики в период активного развития договорных отношений XII в. (Голяшкин 1898; Пресняков 1993. С. 100). Ключевым тезисом С.М. Соловьева является «отцовство» старшего в роду князя по отношению к остальным Рюриковичам, которые, в свою очередь, становятся «братьями» между собой, для подтверждения своей гипотезы ученый привлекал хронологически поздние материалы по местничеству (Соловьев 2003. С. 12–18).

Рассматривая развитие системы договорных отношений, А.Е. Пресняков обратился к результатам работы Я.А. Голяшкина, проанализировавшего наиболее яркие примеры использования родовой лексики в переносном значении в диалогах Рюриковичей. Согласно его заключению, слово «брат» имело самый широкий круг значений и обозначало просто союзника или даже любого Рюриковича (Голяшкин 1898. С. 244–246). С использованием термина «отец» все выглядит сложнее, и Я.А. Голяшкин приходит к выводу, что здесь мы имеем дело с чем-то близким к понятию политического лидерства: «под старшинством надо разуметь не зрелость возраста или вообще место, занимаемое им в княжеском роду, — составлявшее его неотъемлемое качество, а известные политические преимущества, действительно нуждавшиеся в признании со стороны конкурировавших с ним князей» (Там же. С. 265). К сожалению, Я.А. Голяшкин сделал ошибку в расстановке знаков препинания в речи Вячеслава Владимировича к Изяславу Мстиславичу (Там же. С. 258–259; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 417–418). Вячеслав обращался к Изяславу и цитировал его слова, в то время как Я.А. Голяшкин принял их за единый перечень терминов родства, в результате чего «одно и то же лицо приходится другому, а именно дядя племяннику “братом”, “сыном” и “отцом”, а сверх всего этого еще “внуком” самому себе», что и ввело в заблуждение исследователя. А.Е. Пресняков использовал основные тезисы Я.А. Голяшкина в своей работе, лишь добавив, что в середине — второй половине XII в. не всегда можно отличить «отражение бытовых явлений и личных чувств от политического элемента» (Пресняков 1993. С. 100), то есть применение терминов родства в непрямом значении имело в Древней Руси самый широкий спектр значений.

Соединение идей С.М. Соловьева и В.Т. Пашуто было осуществлено в работах А.В. Назаренко, который рассматривает родовую лексику как пережиток эпохи правления *corpus fratrum* при формировании новых отношений, основанных на принципе старшинства, сравнивая внутреннее взаимодействие Рюриковичей и представителей других средневековых династий, при этом исследователь отметил важность договорной природы отношений (Назаренко 2000; 2009).

Несмотря на существование нескольких гипотез, по-разному интерпретирующих родовую лексику княжеских диалогов, среди широкого круга историков утвердилась именно «иерархическая концепция» в ее наиболее жесткой форме (Франчук 1986. С. 140; Юрасовский 1983. С. 191).

Однако при детальном рассмотрении летописного материала находится немало прямо противоречащих ей наблюдений, причем на некоторые, как мы видели, обратил внимание еще В.Т. Пашуто, несмотря на бескомпромиссность официальных позиций исторической науки его времени. Мало согласуется с объяснением родовой лексики диалогов Рюриковичей русских летописей домонгольского периода как маркера княжеской иерархии то, что она широко употребляется по отношению к лицам, не принадлежавшим к роду Рюриковичей и не владевшим ни одной частью русских земель: к западным правителям (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385, 408, 444, 446, 450 и далее) и к половецким князьям (Там же. Стб. 753); плохо сочетается с жесткой вассально-ленной (или любой другой иерархической структурой) широта и вариативность форм использования терминов родства: в определенных случаях слово «сын» заменяется на «брат» в процессе переговоров (Там же. Стб. 444, 451), в ответ на обращение «брат» адресат употребляет термин «отец» (Там же. Стб. 445–446), использование нескольких терминов подряд: двух и более (Там же. Стб. 323, 373, 619), именование князя «сыном» сразу двух правителей, не являющихся его родителями (Там же. Стб. 470) — все эти характеристики делают родовую лексику княжеских диалогов малопригодной для маркирования иерархического статуса. Кроме того, в самом летописном тексте демонстративно подчеркивается, что отношения между «братьями» тождественны отношениям между «отцом» и «сыном» (Там же. Стб. 420).

Невозможно не упомянуть и ряд следующих текстологических наблюдений: в подавляющем большинстве случаев термины родства в переносном значении в русских летописях домонгольского

периода используются в роли обращений (более 65%)³, в то время как на других позициях в предложении при описании тех же политических ситуаций используется иная лексика⁴: «зять», «тесть», «уй» (брат матери), «стрый» (брат отца) (Там же. Стб. 343, 377, 479, 661, 684–685, 873–874). Так как фигурирующие в летописи правители (Рюриковичи, западные правители, половецкие князья) выстраивали свое политическое взаимодействие в кругу собственной семьи, а заключение династического брака составляло важнейшую часть политической жизни, то использование обращений «отец» к тестю, «сын» к зятю (Там же. Стб. 684, 874), «брат» к мужу сестры (Там же. Стб. 408) трудно рассматривать вне рамок семейного этикета⁵.

Как неоднократно отмечалось, для указания на двоюродных и троюродных братьев во многих славянских культурах, в том числе в домонгольской Руси использовалось слово «брат» (Голяшкин 1989. С. 226; Пресняков 1993. С. 98; Трубочев 1959. С. 59, 62)⁶, а специальный термин для обозначения двоюродного и более дальнего по счету брата в древнерусских летописях просто отсутствует. Схожим образом слова «отец» и «сын» в них также имели более обширный спектр значений и выступали в роли этикетных обращений по отношению к дяде и племяннику, при этом могли не нести никаких дополнительных коннотаций, относящихся к политическому статусу. Это замечательно подтверждается тем, что при описании взаимодействия между дядями и племянниками в любой другой позиции, кроме обращения, используются слова «стрый», «уй» («дядя») или «сестричич», «сыновец» («племянник») (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 327, 392, 479).

³ Подсчет проводился по трем древнейшим русским летописям: Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской Первой.

⁴ Например: «поча ся оу него просити река: “Отъче, поусти мя Черниговоу”»; «Святослав же не хотяще отступити от оуя своего, Изяслава, но неволею ѣха» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 343, 377).

⁵ Обращаясь здесь со всей осторожностью к поздним сравнительным материалам, важно отметить, что термины прямого кровного родства используются в роли обращений к дальним родственникам, свойственникам и в бытовой переписке допетровского времени, и во многих современных славянских традициях, например, у болгар. (Кречмер 2009. С. 40; Трефилова 2016. С. 132–134).

⁶ Согласно ряду исследований, именно социальное, а не биологическое значение терминов родства было первоначально (т.е. сперва термин «брат» обозначал равного по возрасту и статусу члена общины, группы, «фратрии» и лишь затем его значение сузилось до обозначения другого сына родителей. (Трубочев, 1959. С. 58–59; Jussen 2000. P. 17–19).

Обращаясь еще раз к «иерархической концепции», нужно отметить, что маловероятно, чтобы столь важный для политической жизни аспект, как фиксация статуса, проявлялся исключительно на позиции обращения, тем более что в качестве этого компонента речи в домонгольских текстах не используются никакие другие термины, кроме: «отец», «брат», «сын», «сват» и «господин» (последние два — чаще в паре с термином родства)⁷. Обращаясь ко всем древнейшим летописным текстам, мы видим первые обращения «стрый» и «сыновец» в тексте Галицко-Волынской летописи, описывающей события конца XIII в. (Там же. Стб. 911).

К другим формам использования метафоры родства в русских летописях относятся устойчивые формулировки языка княжеских договоров, например: «Как N мне отец / сын, так и ты»⁸, упоминание об искусственном родстве в диалоге, помещающее третье лицо в своеобразную родовую микрогруппу, например, «братъ ваю, а мои отьць» (Там же. Стб. 331), различные формы использования образа отца / сына для передачи чувств и эмоций, например, горечи утраты: «Приде же вѣсть Рюрикови о съмърти Романовѣ и печални бѣвше и плакашася по немь, аки по отьци, бѣ бо ихъ старѣи...» (Там же. Стб. 617–618, а также 323, 430; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444), характеристики отношений с более дальним лицом: «а се ми есть яко отьць стрый» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 397, а также: 392, 477). Одна из самых распространенных конструкций «быть въ отьца мѣсто» могла обозначать и акт политического взаимодействия с просьбой о мире («вы намъ еста въ отьца мѣсто» (Там же. Стб. 387), и служить оформлению эмоционально окрашенного образа: «а нынѣ я вамъ во отьца мѣсто остался» (Там же. Стб. 618)⁹.

Самой яркой формой конструирования искусственного родства в домонгольский период, без сомнения, является описание обряда между Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем, в результате которого один из них становится «сыном», а второй «отцом» другому. Показательно, что после данного ритуала упо-

⁷ Исключения единичны, например, обращения по имени (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 618).

⁸ Например: «ако мнѣ Гюрги отьць, тако мнѣ и ты отьць» (Там же. Стб. 395), «ты еси Ростиславу сынъ любимьи, тако же и мнѣ» (Там же. Стб. 470, а также стб. 422, 465).

⁹ Такая формулировка характерна не только для древнерусских летописей, но и для исландских саг, например: *ek vera þér í sonar stað* («я буду тебе вместо сына» — Þorsteins saga stangarhöggs 1950. Bls. 75).

мянутые термины «отец» и «сын» используются летописцем при описании взаимодействия этих двух лиц не только в обращении или в составе устойчивой формулировки, содержащей метафору родства, но и в детализированном повествовании о происшедших событиях, например: «Изяславъ же с великою радостью и с великою чъстью поклонися отьцо своему» (Там же. Стб. 419)¹⁰, что отличает эти отношения от других примеров с использованием обращения «отец» к дяде. В самом обряде привлекает внимание упоминание о том, что родной отец Изяслава мертв, а Вячеслав не имеет детей: «а что ми Богъ отца моего Мистислава отяль, а ты ми еси отьць» (Изяслав Мстиславич), «аже дѣши: “ты мои еси отьць”, а ты мои и сынъ, оу тебе отца нѣту, а оу мене сына нѣтуть, а ты же мои сынъ, ты же мои брать» (Вячеслав Владимирович) (Там же. Стб. 417–418). Подобного рода обряды не характерны для европейского Средневековья, схожие примеры встречаются лишь среди скандинавских практик. Как можно видеть из контекста летописи, цель данного договора — официальное оформление совместного правления дяди и племянника в Киеве: оно было естественным для сына и отца, но не для более дальних родственников. Ни один из участников ритуала не становится выше другого, при этом укрепляется авторитет каждого из них, действие направлено для усиление горизонтальных, а не вертикальных связей.

В чем же заключается политический аспект применения рассмотренных терминов? Само по себе их использование (часто избыточное, педалирующее идею родства), маркировало дружбу, союз, доверительные отношения, совместное правление, военные действия, а случаи их отсутствия в посланиях служат показателем разрыва договоренностей, нахождения в состоянии готовности к боевым столкновениям. Кроме того, избыточность, замысловатость формул, или, наоборот, скупость в использовании словосочетаний, содержащих в себе родовую лексику, также свидетельствуют о взаимном доверии, или, наоборот, его отсутствии. Таким образом, указанные формы употребления терминов родства в переносном значении между Рюриковичами напрямую не связаны с функционированием в домонгольской Руси принципов старшинства и являются частью социального механизма укрепления гори-

¹⁰ Для сравнения приведу текст летописного эпизода, происшедшего до упомянутого обряда: «поиде Изяславъ к Чернигову скоупя силоу свою, и поя полкъ оу стрыя своего Вячеслава» (ПСРЛ Т. 2. Стб. 360–361).

зонтальных связей, направлены на создание коалиции, завершение конфликта между правителями, даже если последние используют слова «отец» и «сын».

Все вышесказанное не отрицает существования в древнерусском обществе вертикальных отношений, основанных на иерархических представлениях¹¹, где также может фигурировать родовая или близкая к ней лексика¹², однако особенности ее использования разительно отличаются от риторики внутрисемейных договоров Рюриковичей. Показательно, что уже на начальном этапе развития этого политического языка, зафиксированного в домонгольских летописях, его семантическую основу составляют не только и не столько термины родства, использованные в переносном значении, сколько определения «старший», «меньший». Например, признавая политическую силу Всеволода Ольговича, Вячеслав Владимирович «створися мнии» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302). После смерти Всеволода он возвращает отнятые им города, «надѣяся на старишьство (старѣишиньство. — *М.Л.*)» по отношению к Изяславу Мстиславичу (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 330).

Основная сложность для изучения развития семантики родовой лексики в составе древнейших летописей — составной характер содержащего их текста, раскрывающего самым детальным образом одни события и лишь кратко касающегося других, приводящего множество диалогов в рассказе об одном правителе и ни одного — в повествовании о другом (Гимон 2018. С. 67). Эта особенность является серьезным препятствием для всех попыток проследить появление и последующую эволюцию использования терминов родства и договорных формул, однако некоторые временные изменения все же можно отметить.

Например, в Киевской летописи характерные для периода правления Изяслава Мстиславича в середине XII в. словосочетания типа «брат ваю, а мои отць» в указании на третьего союзника пропадают в последующих текстах; парное обращение «брате и свате» посланий Рюрика Ростиславича и его союзников присут-

¹¹ Слабая выраженность вертикальных отношений в эпоху коллективного правления Рюриковичей прежде всего проявлялась в отсутствии радикальной разницы в титулатуре русских правителей домонгольской поры: любой *князь*, как правивший в Киеве, так и в любом другом городе назывался одинаково.

¹² Благодаря древности своего происхождения термины родства уже в эпоху развитого Средневековья отличались полисемантической и могли восприниматься по-разному в зависимости от контекста: в рамках христианского или другого религиозного взаимодействия, для обозначения соседства и др.

ствует и в Киевской и в Лаврентьевской летописях в повествовании о событиях не ранее последней трети XII в. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 676; Т. 1. Стб. 413). К сожалению, существенные текстологические проблемы ранних летописных текстов при незначительном объеме содержащихся в них посланий не дают возможности отследить более фундаментальные изменения.

Если же обратиться к группе источников, значительно отстоящих от рассмотренного периода, а именно к сохранившимся на бумаге и пергамене духовным и договорным грамотам конца XIV — начала XV в., то можно отметить принципиально иной характер использования в них родовой лексики. Так как сохранились полные тексты соглашений, то, в отличие от пересказанных в летописи княжеских диалогов, чаще касающихся лишь той или иной части договора, в то время как сам он не представлен в летописи в полном объеме, в них мы можем видеть цельный набор как фактографического, так и этикетного материала, здесь значительно снижается количество обращений, увеличивается число перформативных высказываний.

Устойчивые формулировки, подтверждающие существующий статус отношений между князьями XIV–XV вв. на момент составления грамоты или утверждающие новый, как и летописные диалоги предшествующей эпохи, содержат значительный пласт родовой терминологии, но в этой группе источников она приобретает несколько иные формы: слово «брат» встречается столь же часто, но здесь оно практически всегда употребляется с эпитетом «старший» или «младший», причем данное правило распространяется на договоры как между родными и двоюродными братьями, так и между дядей и племянником, и более дальними родственниками. Особенно строго оно соблюдается в начальной части договорных грамот, где суть, ядро самого соглашения заключается в признании одного из участников «братом старшим», а другого — «братом младшим», эти формулировки без изменений дублируются во всех грамотах одного соглашения. Например, в докончании великого князя Василия Васильевича («брата старшего») и его дяди Юрия Дмитриевича («брата младшего») 1428 г.:

«...на семь, брате молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целуи ко мнѣ крестъ, къ своему брату старѣишому, к великому князю Василью Васильевичю, и къ своему брату молодшому, князю Оondreю Дмитриевичю, и к нашему брату молодшому, ко князю Костянтину Дмитриевичю...» (ДДГ. С. 63, 65).

Данные сочетания употребляются и в последующей части договора, раскрывающей его подробности, иногда в ней (вероятно, для краткости) используется просто слово «брат». Для сравнения отметим, что в древнейших русских летописях сочетание «брат старший» применяется в переносном значении всего несколько раз, например, оно содержится в одном из самых больших перечней терминов родства в одном высказывании: «Всеволода есмь имел въ правду брата старишаго (старѣишаго. — *М.Л.*), занеже ми братъ и зять, старѣй мене яко отць» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323, в словах Изяслава Мстиславича о Всеволоде Ольговиче, обращенных к дружине).

Наиболее распространенные в летописных диалогах князей слова «отец» и «сын» употребляются в переносном значении в договорных грамотах существенно реже и — что более важно — как дополнение к уже упомянутым сочетаниям «брат старший» и «брат младший». Например, в dokonчании великого князя Василия Васильевича II с князем серпуховско-боровским Василием Ярославичем 1433 г.: «А на сем на всем, господине, брат старишии и отче, князь велики Василеи Васильевич, с своим братом младшимъ, со князем Костянтином Дмитриевичемъ... целуите ко мнѣ крестъ...»¹³ (ДДГ. С. 71).

Рассмотренные трансформации в использовании родовой лексики обозначили те изменения, которые произошли в социуме (вернее, в его правящей части) — из инструмента, с помощью которого в момент примирения демонстрировалось единство различных линий Рюриковичей, их близость и принадлежность к единой семье (которая фактически распалась на отдельные ветви уже в начале XII в.), она превращается в часть оформления вертикальной линии власти от великого князя к другим правителям, признающим свою зависимость от него.

¹³ В одном из самых первых сохранившихся договоров между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем 1389 г. можно видеть оборот, характерный еще для летописного текста: «и имѣти ему мене о(т)ц(о)мъ, а с(ы)на моего, князя Василья, братомъ старѣишимъ, а князя Юрья братом, а дѣти мои меншиѣ братьею молодшею», однако и до и после этого абзаца Дмитрий Иванович именуется «братом старшим», Владимир Андреевич — «братом младшим», термин «сын» используется лишь дополнительно: «се язъ, князь великий Дмитрии Иванович, приялъ есмь в любовь брата своего младшего и своего с(ы)на, князя Володимера Андрѣвича...» (ДДГ. С. 30–31). Вероятно, эта грамота отражает окончание процесса оформления княжеской договорной терминологии XIV–XV вв.

Если в сохранившихся в составе домонгольских летописей диалогах Рюриковичей XII в. любой из участников соглашения потенциально мог получить тот или иной город (или землю) и в этом смысле был равен другим, то в духовных и договорных грамотах XIV–XV вв. находит отражение сформированная система подчинения правителей русских земель великому князю, владыке Московского княжества. При таком положении дел термины «отец» и «сын» оказываются вытеснены более подходящими для обозначения иерархического статуса словами «брат старший», «брат младший», а ключевая фраза грамоты, определяющая позиции, содержит обязательные упоминания и о братьях и детях участников. Вертикальное членение возникает там, где его раньше не было, старые языковые формы продолжают применяться для маркирования отношений, но при этом неизбежно меняется характер их употребления. Заключение договора об искусственном родстве теперь несет функцию формирования четкой иерархической структуры, а не укрепления горизонтальных связей, как в подобном обряде XII в. Теперь в нем уже нет упоминаний о каких-либо дополнительных обстоятельствах, следствием которых стало его заключение, относящихся к личной сфере и объясняющих ситуацию наблюдателю (например, сообщение о смерти настоящего отца или отсутствии детей, как в летописном договоре Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича), порядок договорных фраз давно сформирован и отточен.

*Таблица 1.
Формы использования терминов родства
в междукняжеском взаимодействии*

	Киевская летопись	Договорные грамоты XIV–XV вв.
Обращения	«... <u>Брате</u> , Богъ ти помози, акоже и самъ молвишь, крьсть есмь цѣловали яко всимъ намъ быти за одинь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374).	«На семь на всемь, <u>брате молодшии</u> , князь Юрьи Дмитриевич, целуи ко мнѣ крьсть, к своему <u>брату старѣишому</u> ...» (ДДГ. С. 65).
«Быть в отца место»	«...Вы намъ <u>еста въ отца мѣсто</u> , а се нынѣ заратилася еста съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387).	«Имети ми <u>брата своего старѣишого</u> , князя великого Дмитрия, <u>въ отца место</u> » (ДДГ. С. 19).
Договор об искусственном родстве	«...А что ми Богъ отца моего Мистислава отялъ, а ты ми еси отьць»; «...аже дѣеши: “ты мой еси отьць”, а ты мой и сынъ, оу тебе отьца нѣту, а оу мене сына нѣтуть, а ты же мой сынъ, ты же мой братъ» (ПСРЛ. Т.2. Стб. 417 — 418).	«Имѣти ти мене, князя великого, братомъ старѣишимъ, а брата моего, князя Юрья — братомъ, а братью мою молодшую — братьею молодшею» (ДДГ. С. 37).

Трансформация совершенно другого характера происходит с еще одним постоянным, но значительно более разнообразным элементом социально-политической жизни Рюриковичей — устойчивыми формулами посланий и диалогов. Впервые они также появляются в уже рассмотренных летописных диалогах князей. Эти устойчивые сочетания характеризуются как лаконичные, образные, часто принимающие форму двухчастной структуры, упоминающей обе стороны, участвовавшие в соглашении: «оже, брате, твоя обида, то не твоя, но моя обида, пакы ли моя обида — то твоя» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 408), «нынѣ же, брате, се моужь мои, а ты пристави свои моужь» (Там же. Стб. 374).

Договорные формулы — одна из наиболее широко распространенных в средневековой культуре мнемонических техник, облегчавшая устную передачу текста. Присутствие формул в княжеских посланиях свидетельствует об их существовании в устной форме перед попаданием в летопись: известные фразы делали послание понятным для получателя и других свидетелей прочтения, а их торжественное произнесение было важной частью ритуала отправления или принятия посла. Очевидно, устной формой обусловлена и чрезвычайная краткость упомянутых устойчивых сочетаний, которые подчас выглядят урезанными в диалогах. Глубокий символизм рассматриваемых устойчивых сочетаний делает их привлекательными с филологической точки зрения, но малозначимыми для историков, однако именно их присутствие в разных по характеру и типу источниках позволяет получить дополнительные сведения сопоставительного характера.

Данные формулы представляют собой простейшие фразы, призванные выразить единство и общность интересов тех, кто их произносит: *быть за один* (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374), *быть за один брат* (Там же. Стб. 366), *быть за один муж* (Там же. Стб. 465), *подле тебя ездить* (Там же. Стб. 367), *с тобой быть*, *быть за обиду* (Там же. Стб. 420, 367), *не отлучаться ни в добре ни в зле* (Там же. Стб. 418, 452), *сложить голову*, *откупить головою* (Там же. Стб. 420–421, 437), *послужить копьем* (Там же. Стб. 450), и др. Наибольшее количество и разнообразие упомянутых формул мы можем видеть в самых значительных по объему статьях 6654 (1146)–6660 (1152) гг. Киевской летописи.

Как можно заметить, формулы, призванные продемонстрировать единство, используют среди прочего и метафору родства,

таким образом, оба исследуемых нами элемента тесно взаимосвязаны: «отцом», «сыном» или «братом» может быть назван тот, кто «стоит за обиду» и готов «сложить голову». Наиболее ярко это проявляется в упомянутых выше диалогах Киевской летописи, например, в послании к Гезе II Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович говорят: «ты нама еси тако оучинилъ, яко же можетъ такъ брать роженьи брату своему, или сынъ отьцю, ако же ты нама помогль» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 420), схожее значение имеет формула *быть за один брат* (Там же. Стб. 366).

Небольшие изменения в использовании риторических договорных формул можно видеть уже в самой Киевской летописи, что говорит о поступательном характере составления ее киевского протографа, содержавшего наибольшее число диалогов, и его хронологической близости тому периоду, о котором он повествует. Так, например, первые краткие формулы появляются в диалогах Изяслава Мстиславича с Изяславом и Владимиром Давыдовичами и Святославом Ольговичем, наибольшее их число приходится на взаимодействие этого князя с Вячеславом Владимировичем, Гезой II и другими, более дальними правителями, когда политическая ситуация была наиболее трудной. Затем количество и разнообразие устойчивых сочетаний резко уменьшаются после распада коалиции Изяслава Мстиславича, и в текстах, описывающих события третьей четверти XII в., их появление носит эпизодический характер. В данных летописных статьях рассмотренные нами договорные формулы сменяются указанием на конкретные условия соглашения, срок его действия, перечни городов, переходящих от одного князя другому, обстоятельства военной поддержки, например: «а целоуи с нами крьсть, како ти ся с нами не воевати, доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ любо ся оуладимъ любо ся не оуладимъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 689).

Такие указания встречались ранее лишь эпизодически. Однако в этот период появляется и новая двусоставная формула *кто мне враг, тот и тебе враг* (Там же. Стб. 701), которая, по-видимому, является новым этапом развития формулы *как N тебе зол, так и нам* (Там же. Стб. 329)¹⁴. Претерпевает изменения и еще одна устойчивая фраза, активно применяемая в речах Изяслава Мстиславича и Гезы II — *сесть на коня* (Там же. Стб. 405, 407, 446),

¹⁴ На распространенность языковых конструкций данного типа указывают и другие формулировки княжеских переговоров середины XII в., например: «ако мнѣ Гюрги отьць, тако мнѣ и ты отьць» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 395, а также стб. 422, 470).

демонстрировавшая готовность к боевым действиям. В тексте, повествующем о событиях конца XII в. можно видеть примеры, где, помимо упомянутого указания на подготовленность к битве, у данной формулы появляется новое значение — единение двух союзников: сесть на коня за кого-то (Там же. Стб. 701)¹⁵, что также отражает произошедшие к третьей четверти XII в. изменения в формульном арсенале княжеских договоров.

Как было сказано, уже к концу Киевской летописи количество и разнообразие договорных формул сокращается, единичные случаи их использования можно видеть в договорных грамотах Великого Новгорода и Пскова¹⁶, однако значительно позже, во второй из рассматриваемых нами групп источников, их количество вновь возрастает.

Договорные и духовные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. воспроизводят лишь некоторые из тех устойчивых словосочетаний, которые можно встретить в тексте Киевской летописи, однако эти конструкции становятся значительно более пространными, а двусоставная структура многократно дублируется, при этом многие словосочетания оказываются в забвении в этот период. Если ранее один князь говорил другому: «как N нам зол, так и тебе» или «кто мне враг, тот и тебе враг», то в договорных грамотах московского периода эти фразы трансформируются в формулировку, без которой не обходится почти ни один договор: «а кто будеть мнѣ, брату моему старѣишему, другъ, то и тобѣ другъ. А кто будеть мнѣ недругъ, то и тобѣ недругъ» (ДДГ. С.20).

Любопытно, что устойчивое сочетание *не отлучаться ни в добре ни в зле*, продолжившее свое существование в договорах XIV–XV вв. (например: ДДГ. С. 65), в Киевской летописи было использовано Изяславом Мстиславичем равно и по отношению к давнему союзнику, «отцу» (Вячеславу Владимировичу), и к недавно побежденному противнику, «брату» (Владимиру Володаревичу Галицкому) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 418, 452), то есть еще в тек-

¹⁵ Ее также можно видеть в хронологически близком повествовательном тексте Лаврентьевской летописи: «на лѣто всѣде на конь про свата своего» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413).

¹⁶ Например, в договорной грамоте Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем о взаимной помощи 1296–1301 гг.: «съ братомъ своимъ съ старѣишимъ съ Даниломъ одинъ есмь и съ Иваномъ», «а не отступити вы ся мене ни въ которое же веремя» (грамота тверская); «Кдѣ будеть обида Новугороду, тобѣ потянути за Новьгородъ съ братомъ своимъ съ Даниломъ съ мужи съ новьгородьци» (грамота новгородская). (ГВНП С.14).

сте, описывающем события XII в., оно показывает очень высокий уровень универсальности. Очевидно, что именно это качество и предопределило его долгую жизнь в последующие эпохи¹⁷. Любопытно, что завершающая часть содержащего его крестоцелования «быть вместе», «не отлучаться» в договорах XIV в. исчезает, но появляется новое начало, по сути повторяющее его смысл: «вездѣ, во всем, гдѣ бы ни было», а общее значение меняется с призыва совместно выдерживать различные по характеру ситуации на современное оповещение о их потенциальной возможности.

При рассмотрении наиболее значимых изменений в составе и структуре договорных формул, произошедших с ними в XIV в., прежде всего бросается в глаза существенно возросший объем. Наиболее вероятным объяснением этой трансформации является смена формы передачи самого послания — ранее хранить в памяти

¹⁷ Тексты обоих крестоцелований (между Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем и между Изяславом Мстиславичем и Владимиром Галицким) приведены в Киевской летописи дважды (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 399, 417–418 и 451–452, 453–454 соответственно). В первом случае можно предположить, что причиной удвоения стало соединение близких по содержанию текстов киевского и переяславского источников (однако нельзя полностью исключить и того, что князья заключали договор два раза, так как детали отличаются). Во втором случае очевидно, что в летописи приводится текст одного крестного целования, сначала во время предварительного, а затем — окончательного соглашения.

Использование формулы *не отлучаться ни в добре ни в зле*, вероятно отражает личные предпочтения Изяслава Мстиславича, так как именно он являлся действующим лицом крестоцелования в обоих случаях. Продолжение интересующей нас фразы в первом тексте договора с Владимиром Галицким: «и съ Изяславоѣмъ быти, и его ся не отлучити ни в добрѣ ни въ лисѣ, но всегда с нимъ быти» (Там же. Стб. 452) практически повторено и расширено во втором, однако уже без упоминания о добре и зле: «Изяслава ти ся не отлучати до живота своего, доколь же еси живъ, но с нимъ быти на всихъ мѣстѣхъ» (Там же. Стб. 453–454).

При описании договора Изяслава Мстиславича с Вячеславом Владимировичем в кратком и лишенном многих деталей варианте (Там же. Стб. 399) подобного рода риторические формулы не приводятся. Во втором мы видим продолжение, близкое обеим версиям крестоцелования с Владимиром Галицким: «яко не разлучитись има ни въ добрѣ ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти» (Там же. Стб. 418).

Как видно, формулы договоров одного князя с различными союзниками оказываются чрезвычайно близки. Отличающиеся от основных версий дубли подтверждают, что информация могла быть передана не точно, но близко по смыслу, с заменой изначальной устойчивой формулы на один из ее вариантов или без нее. Данные риторические словосочетания не могли быть привнесены составителем позже, так как уже к третьей четверти XII в. подобные фразы не приводятся в составе княжеских договоров, а на новом пике использования в XIV в. их форма заметно отличается.

сложные по структуре и витиеватые формулы было неудобно, и посылы ограничивались запоминанием легко воспроизводимых и конструируемых в уме кратких элементов. Например, определенную игру риторических формул *быть за один брат* (Там же. Стб. 366), *быть за один муж* (Там же. Стб. 465) и обращений можно видеть в послании Изяслава Мстиславича Владимиру Давыдовичу: «брате, Богъ ти помози, акоже и самъ молвишь “кръсть есмы цѣловали яко всимъ намъ быти за одинъ”, ныне же, брате,: се моужь мои, а ты пристави свои моужь» (Там же. Стб. 374). Краткие устные формулировки, служившие символами мирного намерения и единения, на широком листе бумаги или пергамена трансформировались в изощренные пассажи, а изобретательность внутрикняжеского этикета перешла на новый уровень.

Таблица 2.
*Устойчивые формулы домонгольских летописей
и договорных грамот XIV–XV вв.*

Ипатьевская (Киевская летопись), Лаврентьевская летопись	Договорные грамоты XIV–XV вв.
<p>«На томъ крсть чьстныи целоваста, яко не разлучитися има ни въ добръ ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 418);</p> <p>«На томъ ти цѣловати крсть... съ Изяславомъ быти и его ся не отлучити ни въ добръ ни въ лисѣ, но всегда с ним быти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 452).</p>	<p>«А добра ти намъ хотѣти вездѣ, во всем, гдѣ бы ни было. А что ты слышовъ о нашем добръ или о лисѣ от кого бы ни было, то ти намъ повѣдати въ правду, безъ примышленія.</p> <p>А намъ тако же тобѣ добра хотѣти вездѣ, во всем, гдѣ бы ни было. А что ны слышевъ о твоём добръ или о лисѣ отъ кого бы ни было, и намъ тобѣ то повѣдати въ правду без примышленія» (ДДГ. С. 63–64).</p>
<p>«Крсть цѣловали до живота своего» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 346)</p> <p>«Крсть есмы цѣловали яко всимъ намъ быти за одинъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374);</p> <p>«Тако на томъ цѣловаша крсть оу святомъ Съпасѣ... быти <u>всимъ за одинъ братъ</u>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366);</p> <p>«Оутвердися, якоже <u>за одинъ мужь быти</u>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 465).</p>	<p>«А <u>быти</u> ми, господине, и моим дѣтем с тобою и с твоими дѣтми вездѣ <u>заодинъ</u>» (ДДГ. С. 44);</p> <p>«<u>Быти</u> нам <u>заодин до своего(о) живот(а)</u>» (ДДГ. С. 40);</p> <p>«А тобѣ, брат(е), тако ж явити Витовту, что есте с нами <u>одинъ ч(е)л(о)в(ѣ)къ</u>» (ДДГ. С. 41);</p> <p>«<u>Быти</u> вы со мною <u>вездѣ заодин, и до своего живота</u>. А мнѣ так же быти с вами <u>вездѣ заодин, и до своего живота</u>» (ДДГ. С. 65).</p>
<p>«На лѣто <u>всѣде на конѣ</u> про свата своего» (ПСРЛ Т. 1. Стб. 413);</p> <p>«И посла къ Изяславу и рече ему: «яз ти на <u>конѣ оуже всѣдаю же</u> и сына Мстислава съ собою поимаю, а ты <u>полѣзи оуже на конѣ</u>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 446).</p>	<p>«А коли, г(о)с(поди)не, будет с(ы)нѣ твои въ твоё мѣсто, и <u>всядет с(ы)нѣ твои на конѣ</u>, ино и мнѣ с ним <u>всѣсти на конѣ</u>. А коли, г(о)с(поди)не, с(ы)нѣ твои <u>не всядет на конѣ</u>, ино и мнѣ <u>не всѣсти на конѣ</u>.</p> <p>А куды, г(о)с(поди)не, с(ы)нѣ твои пошлет моих детей, и имъ <u>всѣсти на конѣ без послушанья</u>». (ДДГ. С. 44);</p> <p>«А коли ми будет <u>всѣсти на конѣ</u> на своего недруга, и тобѣ послати со мною свои дѣти съ своими бояры и съ слугами» (ДДГ. С. 64).</p>

«Игорь како тобѣ золь быль, тако и нама» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329); «Кръсть еси ко мнѣ целоваль на томь, кто мнѣ ворогь, то и тобѣ ворогь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 701).

«Хто будет друг тобѣ, кн(я)зю великому, то, г(о)с(поди)не, и нам друг. А хто будет, г(о)с(поди)не, тобѣ недруг, то и нам недруг». (ДДГ. С. 51).

К началу XV в., после двухсот лет своего развития, договорные практики русских правителей прошли через несколько этапов формирования: разнообразие этикетных формул в середине XII в. (в период интенсивного взаимодействия с западными правителями и наиболее значительного и затяжного конфликта Рюриковичей) сменилось устойчивым использованием всего нескольких из них во второй трети XII в. Уже в это время данные формулы претерпевают незначительные изменения, что свидетельствует о поступательном характере составления самого текста киевского источника Киевской летописи, зафиксировавшего их; важно отметить и их комплиментарность Лаврентьевской летописи в статьях этого периода. К концу XII в. упомянутые устойчивые сочетания в летописном тексте уступают место указаниям на конкретные территориальные и временные условия. Изредка в крайне урезанном виде они присутствуют в договорных грамотах Великого Новгорода и Пскова, где формируется несколько отличный этикет взаимодействия правителя и города как политической единицы.

В период становления Великого княжества Московского меняется и восприятие его правителей: если ранее киевский князь отличался от других представителей рода лишь более весомым политическим авторитетом, в то время как власть принадлежала всей семье в целом, то теперь формируется значительно более жесткая иерархическая структура, нуждающаяся в иных практиках договорного этикета. В этот период возрождаются к жизни те из риторических формул домонгольской Руси, которые в прошлом характеризовались наибольшей универсальностью, а объем каждой из них в тексте договора стремительно увеличивается благодаря новой форме передачи информации — бумаге или пергамену, вмещавшим как конкретные фактографические перечни, так и рассматриваемые в данной статье многоступенчатые двусоставные конструкции.

Усиление вертикальных связей, появление более строгого иерархического порядка в княжеских отношениях находит отражение в смене характера используемой родовой лексики: слова «отец», «брат», «сын» становятся лишь редким дополнением к терминам «брат старший» и «брат младший» в соглашениях как

представителей одной семьи, так и одного рода; последние два в обязательном порядке присутствуют в подавляющем большинстве договоров XIV–XV вв.

Между двумя рассмотренными группами источников проходит временной рубеж, разделяющий формы и смыслы использования родовой лексики в политическом взаимодействии между членами княжеской семьи (а также их ближайшими союзниками), при этом показательно, что круг значений каждого из упомянутых терминов меняется менее стремительно, нежели формы и характер их использования. Например, слово «брат», обозначавшее в тексте Киевской летописи родного, двоюродного брата, равного по возрасту дядю, племянника, брата жены или супруга сестры и употреблявшееся в послании, предлагавшем или продолжавшем мир, совместные действия (а в противном случае просто опускавшееся), в договорных документах сыновей и внуков Дмитрия Ивановича Донского применяется во внутривполитическом смысле с обязательным эпитетом «старший» или «младший» и маркирует иерархическое положение князя по отношению к московскому правителю, а в посланиях Ивана Грозного к иностранным правителям становится проявлением болезненного внимания царя к исторической древности родословной и связываемой с ней большей весомостью прав на титул и власть.

Наблюдения над эволюцией риторических формул княжеских договоров в XII–XV вв. показывают изменения другого характера: первоначально они выполняли прикладную функцию, обусловленную своей краткой двусоставной и легко комбинируемой формой, помогали запоминать и воспроизводить устойчивые формулировки устных договоров, делая их легкоузнаваемыми и понятными (в первую очередь благодаря внутреннему символизму) самому широкому кругу слушателей: послам других князей, горожанам, младшим родственникам и дружине правителя. Несмотря на отсутствие единой научной позиции касательно того, были ли эти послания, «речи» князей письменными или устными, как это показано в летописи, важен сам факт их произнесения перед адресатом в присутствии указанных лиц — свидетелей политического действия, которые могли оценить виртуозность и красоту их использования.

В эпоху, когда письменная культура составления договоров уже полностью вступила в свои права, рассматриваемые формулы трансформировались в риторический декор документа, многократно увеличились в размерах, но полностью сохранили при этом и

внутренний символизм и двусоставную структуру, что, очевидно, по-прежнему представлялось существенным, так как затрагивало всех участников соглашения. Вероятно также, что и некоторые из известных нам по Киевской и другим древнейшим летописям договоры XII в. содержали несколько более широкие формы данных словосочетаний, так как в подавляющем большинстве случаев судить о них мы можем лишь по упоминаниям и отсылкам в посланиях князей, включенных в летописный текст, что предполагает их возможное сокращение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Вілкул Т.Л.* Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015.
- Гимон Т.В.* К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // ВЕДС-XXX: Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2018. С. 64–71.
- Голяшкин Я.А.* Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Рефераты, читанные в 1896 и 1897 годах. Издания исторического общества при Императорском московском университете. М., 1898. Т. 2. С. 211–285.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. Л. 1949.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Козеллек Р.* Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М., 2014. Т. 1. С. 23–44.
- Кречмер А.Г.* Человек и социум на Руси XVII–XVIII вв. (по материалам частной переписки) // Категория родства в языке и культуре. М., 2009. С. 36–56.
- Назаренко А.В.* Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении // ДГ, 2007 год: Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 47–86.
- Назаренко А.В.* Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения). // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. Статьи по истории и типологии русской культуры. С. 500–519.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.

- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Паушто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11–76.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
- Соловьев С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрика дома. М., 2003.
- Трефилова О. В.* Терминология родства у болгар Румынии // Исследования по славянской диалектологии. Актуальные проблемы изучения лексики славянских диалектов. М., 2016. С. 120–159.
- Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Франчук В. Ю.* Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.
- Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» М., 1988.
- Юрасовский А. В.* К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи // ДГ, 1981 год: материалы и исследования М., 1983. С. 189–194.
- Althoff G.* Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Medieval Europe / Transl. by Christopher Carroll. Cambridge, 2004.
- Althoff G.* The Variability of Rituals in the Middle Ages // Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography / Ed. by G. Althoff and others. Cambridge, 2002. P. 71–85.
- Hermanson L.* Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, c. 1000–1200. Leiden; Boston, 2019.
- Hermanson L.* Introduction // Rituals, Performatives, and Political Order in Northern Europe c. 650–1350 / Ed. by W. Jezierski, L. Hermanson, H. J. Orning, T. Småberg. Brepols, 2015. P. 1–40.
- Jussen B.* Spiritual Kinship as Social Practice. Godparenthood and Adoption in the Early Middle Ages / Transl. by Pamela Selwyn. London, 2000.
- Þorsteins saga stangarhöggs* / Ed. by Jón Jóhannesson. Reykjavík, 1950.

KINSHIP TERMINOLOGY AND DIPLOMATIC FORMULAS
IN THE RURIKIDS' POLITICS, C. 1140–1450

The article provides a comparative analysis of the two ritual language components in ruler's agreements of the pre-Mongol and Muscovite Rus', namely the various forms of the kinship terms and the idiom phrases that emphasized the unity of allies. Russian princes' dialogues and messages preserved in the 12th century narratives in *Hypatian* and *Laurentian Chronicles* and the treaty documents of the great and depended princes of the 14th and 15th centuries were chosen as two comparative groups of sources. As a result, we can trace consistent changes in the ritual language, reflecting transformations in the political practices as well as development of the agreement forms from oral to written. Short, diverse, inventive idiomatic phrases of the 12th century political messages transformed into the extensive, standardized, bulky, multi-stage formulations of the paper and parchment charters, spread in the 14th and 15th centuries, but the core of messages remained the same.

For example, the chronicle princes' dialogue expression «who is an enemy for you, is an enemy for me as well» (*Kievan Chronicle*) transformed into a standard agreement phrase «who will be a friend of you, Grand Prince, will be a friend of us. And who will be your enemy will become our enemy as well» (the treaty of Vasily I of Moscow with Mozhaysk princes, 1401–1402). Often the phrase continues promising the same to all participants of the treaty and their children. From easy-to-remember oral expressions these idioms became the standard official decor of the prince's agreement.

Kinship terms «father», «brother», «son» artificially used in the 12th century narratives as a social tool in creating a horizontal political relationships and often applied in pair («brother and son») or asymmetrically («father» in answer to «brother»), in the 14th century gave way to the hierarchically meaningful combinations «elder brother» and «younger brother». In this period the words «father» or «son» are normally used only as the additions to them.

Though the political situation changed and Rurik dynasty transformed from a family fraternity of the 12th century, where every member could obtain the Kievan throne, into a vertical political structure with the Moscow Grand Prince on the top of it in the 14th and 15th centuries, the kinship terms and agreement phrases remained the main part of the political ritual language, but the character of their usage became completely different.

Keywords: ritual studies, social practices, political practices, comparative methods, kinship terms, artificial kinship, medieval agreements, Old Russian society, Kievan Codex, Hypatian Codex.

Е. Л. Конявская

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СМОЛЕНСКИХ КНЯЗЕЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII в.).

Статья посвящена анализу информации ранних летописей о внешней политике смоленских князей во второй половине XII — начале XIII в. Приведены данные о взаимоотношениях с другими княжествами и землями, Византией, половцами. Проанализирован летописный материал, касающийся персон, выполнявших посольские функции.

Ключевые слова: Смоленск второй половины XII — начала XIII в., Ростислав Мстиславич, Ростиславичи, внешняя политика, матримониальные связи.

Смоленская земля к середине XII в. становится одним из наиболее значимых и влиятельных княжеств. Смоленские князья периодически занимали киевский стол, вели борьбу за киевское княжение, имели владения в «Русской земле» (Конявская 2018). Хотя в связи с этим разделить «киевскую» и «смоленскую» составляющие в их политике зачастую затруднительно, можно попытаться вычленить их действия, когда они позиционируются как «Смоленск — другие земли».

В поле влияния смоленских князей всегда был их северный сосед — *Новгород*. Ростислав Мстиславич сажал на новгородский стол сыновей, и в целом стремился к контролю над Новгородом. В 1152/1153 г. согласно Ипатьевской летописи Изяслав Мстиславич дважды обращается к нему со словами: «тамо брате оу тебе по Бзѣ . Новѣгородѣ силнѣи . и Смолнескъ . а скупивьса постережи же землѣ своєю . юже Гюрги поиде на та» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 455); «ты по Бзѣ тамо оу Смоленскѣ . и в Новѣгородѣ оу Велицимѣ . еси . а ты тамо оудержи Гюрга с тѣми . а ко мнѣ пусти с помощью снѣ своего Романа» (Там же. Стб. 459). В 1158 г. Ростислав посылает в помощь Рогволоду Рогволодовичу (Борисовичу) наряду со смоленскими полками и новгородские. В следующем году, когда Ростислава Мстиславича зовут на киевский стол, его представители выдвигают условия от имени смолян и новгород-

цев. Последние, как и смоляне, были в составе делегации, направленной Ростиславом в Киев на переговоры. В 1179 г. новгородцы приглашают княжить Мстислава Ростиславича, где он через год умер, был оплакан горожанами и похоронен. Характерно, что в момент колебаний Мстислава, который не хотел оставить «Русскую землю», братья и «мужи свои» напоминают ему, что Новгород — это сфера интересов Ростиславичей: «а тамо . ци не наша вчина?». В целом новгородский стол в разное время и, конечно, в течение различных сроков занимал каждый из братьев Ростиславичей.

Высказывание Изяслава в 1147 г., обращенное к Ростиславу, включает фразу, которая неоднократно интерпретировалась в научной литературе как знаковая: «брате . тобѣ Бѣ даль верхнюю землю . а ты тамо поиди противоу Гюргеви . а тамо оу тебе Смолнани и Новгородци . и кто ротъниковѣ твоихѣ . ты же тамо оудержи Гюрга . а га са сде вставлю а мнѣ како Бѣ да (X — дасть) съ Волгови^ама и съ Дѣвчема» (Там же. Стб. 359). Однако нельзя не согласиться с Ф. Мушаром (Мушар 2011. С. 140–143) в том, что нет серьезных оснований видеть в этих словах отражение некоей грамоты (Алексеев 1980. С. 202), разделяющей между братьями контролируемые ими русские земли на «верхнюю/връховную» и «нижнюю/низ». Речь идет о конкретной ситуации, которая, как можно видеть, сходна с той, что описана в приведенных выше речах Изяслава (1152/1153 г.). Если же сравнивать эти тексты, становится понятно, что говорится о Новгороде и Смоленске, безо всяких далеко идущих политических обобщений. Обращает на себя внимание колебания переписчиков в словах «дал» и «дасть» (скорее всего, там были выносные буквы, что затрудняло их работу). В первом случае — по отношению к Ростиславу в Ипатьевском списке читается только «лъ», а «да» приписаны на поле. Во втором — по отношению к Изяславу, наоборот, отсутствует конец слова, читается «да», а на поле приписано «сть». Если же принять поправку на полях Ипатьевского списка и вариант Хлебниковского, то «разделение» между князьями земель оказывается еще более сомнительным, поскольку здесь можно предполагать как аорист, так и настоящее — простое будущее время. Тогда две части фразы не дают смысловой симметрии, а относительно Изяслава использован фразеологизм «как Бог даст». Далее будет показано, что взаимоотношениям с южными («нижними») соседями смоленские князья придавали не меньше значения.

На выстраивание связей с могущественным южным соседом — *Черниговским княжеством* — были направлены матриониальная политика Ростислава Мстиславича Смоленского и его сыновей и целый ряд политических акций смоленских князей. Старший сын Ростислава Мстиславича Роман был женат на дочери Святослава Ольговича. О его женитьбе в 1149 г. имеется точно датированное известие черниговского происхождения: «В то же верема Ростиславъ Смоленский. проси дчери оу Сѣослава . оу Улгови^ѣ за Романа сѣна своего . Смоленскоу . и ведена бы^ѥ из Новагорода в не^ѣлю по водохрѣщахъ . мѣца геньваря въ Ѡ днѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 368). Этот брак был заключен вскоре после установления мира Изяславом и Ростиславом Мстиславичами с черниговскими князьями (общеизвестный эпизод, когда черниговские князья просят мира, послав послов к Изяславу Мстиславичу, а тот спрашивает Ростислава: «годно ли ти мирь?»). Ростислав высказывается в пользу заключения мира). Впрочем, ни мир, ни этот брак не принесли в ближайшем будущем улучшения отношений между противоборствующими сторонами. Лишь в 1159 г. между Святославом Ольговичем и Ростиславом установился прочный союз. Об их «съезде» «на великую любовь» переговоров, пирях и взаимных дарах читается подробный рассказ в Ипатьевской летописи (Там же. Стб. 504). Этот союз, как кажется, принес впоследствии больше пользы Ольговичу, который смог до конца своих дней удерживать за собой черниговский стол. Также в 1161 г. Ипатьевская летопись отмечает крестоцелование Святослава Ольговича и Всеволодовичей к Ростиславу Мстиславичу (правда, в обоих вышеприведенных случаях Ростислав Мстиславич — киевский князь, но эти акции — логическое продолжение установления Смоленском союзнических отношений с черниговскими династами). В 1164 г. Олег Святославич Новгород-Северский женился на дочери Ростислава Мстиславича Агафье: «Том же лѣтѣ ведена бы^ѥ Ростиславна Сѣгафья . за Сѣлга за . Сѣославича мѣца июня въ кѣ днѣ» (Там же. Стб. 525). Характерно, что, когда незадолго до своей смерти Ростислав из Киева едет в Новгород, чтобы наладить взаимоотношения своего сына Святослава с новгородцами, путь его лежит через черниговский Чичерск, где его ждут, встречают и приглашают на обед дочь и зять. Ясно, что эта встреча была заранее спланирована, и в соответствии с предварительной договоренностью был выстроен маршрут поездки князя.

Традиция подобных браков продолжилась и далее. Сын Романа Мстислав Романович женится на Марии Святославне, новгород-северской княжне. Дочь Рюрика Ростиславича выходит замуж за Святослава Игоревича Черниговского.

Союза и покровительства Ростислава искали и другие черниговские князья. В 1156 г. к нему за поддержкой обращался юный князь Святослав Владимирович, племянник Изяслава Давыдовича Черниговского. Он бежал от дяди и «аса по Ростислава по Смоленьскаго кнѣза» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484). Ростислав принял его под свою защиту. В разные годы поддерживал он также и Святослава Всеволодовича Черниговского (Вячеслав Владимирович, обращаясь к последнему, называет его «сыном любимым Ростислава», имея в виду не родство в прямом смысле, а союзно-подчиненные отношения). Видимо, при участии Ростислава весной 1157 г. у смоленского города Мстиславля происходит примирение враждующих сторон Черниговской земли.

Ходили слухи и об иных планах Ростислава Мстиславича по отношению к Черниговскому княжению. Летописец приводит слова бояр Святослава Ольговича о тайных переговорах Романа Ростиславича с Изяславом Давыдовичем в 1160 г.: «се ни лжа ти есть . ѡже Романъ Ростиславичъ . посылаетъ и Смоленьска попа своего къ Изаславу река тако . ѡдаваетъ ти бата Черниговъ а съ мною въ любви поживи» (Там же. Стб. 514).

В 1155/1156 г. Ростислав Мстиславич как смоленский князь устанавливает союзнические отношения с чуть более дальним юго-восточным соседом — *Рязанью* (причем этого союза ищут рязанские князья): «цѣлова хрестъ съ братьею своею съ разаньскими князи на всеи любви; они же вси зряху на Ростислава, имѣяхути и отцемъ собѣ» (Там же. Стб. 482). Здесь снова «отец» — не родство в прямом смысле слова, а в смысле старейшинства. В дальнейшем между княжескими домами устанавливаются родственные связи. На дочери Глеба Рязанского был женат Мстислав Ростиславич. Дочь Давыда Ростиславича выходит замуж за Глеба Владимировича, дочь Рюрика Всеслава становится супругой Ярослава Глебовича.

Еще одним приоритетным направлением внешнеполитических устремлений Смоленска был западный сосед — *Полоцк*. В 1158¹ г.

¹ 6667 г. в этом известии, как показано Н.Г. Бережковым, является в Ипатьевской летописи ультрамартовским (Бережков 1963. С. 170).

Ростислав Мстиславич поддерживает в междоусобной борьбе претендентов на полоцкий стол Рогволода, отправив ему в помощь двух своих сыновей Романа и Рюрика: «пусти ему два сѣа в помочь Романа и Ририка (X — Рюрик) и Внѣзда и Смолнаны и Новгородци . и Плесковичи» (Там же. Стб. 496). Далее же говорится, что Ростислав и сам было пошел в этот поход, но в дороге «вороти и Аркадь епѣпъ Новгородьскии . ида ис Киева» (Там же. Стб. 496). Эта информация представляется правдоподобной, поскольку из Новгородской первой летописи известно, что ранее (в первой половине 1158 г.) Ростислав ездил в Новгород, посадив там сына Святослава, а второго — Давыда — в Новый Торг. Ездил он туда с женой, затем возвратился в Смоленск и там уже стал собирать подмогу Рогволоду. Со своей стороны, Рогволод поможет Святославу Ростиславичу, который в момент конфликта с новгородцами бежал из-под ареста в Полоцк. «Рогъводъ (X — Рогъволод) же ис Полотьска допровади до Смоленьска» (Там же. Стб. 511).

В дальнейшем полоцкую карту разыгрывает Давид Ростиславич, упоминающийся как витебский князь. Под 1164 г. в Ипатьевской летописи говорится: «Двѣдъ Ростиславичъ . сѣде Витебьски» (Там же. Стб. 525). Под 1166 г. читается рассказ о столкновении из-за полоцкого княжения Володаря Глебовича Минского и Всеслава Васильковича, княжившего в то время в Полоцке, при этом сообщается, что Всеслав, чьим союзником был Давыд, бежал в Витебск, а Володарь «поиде к Витебьску на Двѣда и на Всеслава» (Там же. Стб. 526–527). Характерно, что после победы Давыд «Всеслава посла Полотьск» (Там же. Стб. 527).

В 1175 г. Ярополк Ростиславич (сын Ростислава Юрьевича) женился на дочери витебского князя, при этом «пославъ. къ Смоленьску . поа за са . кнагиню . Всеславлю дщеръ . княза Витебьскаго . вѣньчаса с нею въ Водимѣрѣ оу стѣи Бѣѣ» (Там же. Стб. 598). Д. Домбровский выдвинул предположение, что невеста была дочерью Всеслава и некоей Ростиславны (т. е. внучкой Ростислава Мстиславича) (Домбровский 2015. С. 456). В таком случае, вполне возможно, что она жила в эти годы в более спокойном Смоленске. Резонное предположение Д. Домбровского снимает сложность интерпретации упоминавшегося под 1196 г. зятя Давыда Ростиславича (Ярослав посылает племянника «къ Витебьскоу на зата на Двѣда» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 691); затем «винит» Давыда, «аже помогаетъ зати своему» (Там же. Стб. 693).

Зятем могли называть как мужа дочери, так и мужа сестры (Словарь 1990. С. 436). Сам же Всеслав Василькович был женат на дочери Ростислава Мстиславича, сестре Ростиславичей (Домбровский 2015. С. 455).

В 1181 г. Давыд Ростиславич пытался оборонять от Святослава Всеволодовича с многочисленными союзниками (в том числе полоцкими князьями) Друцк, но в конце концов вырвался из осады и ушел в Смоленск. Известно, что и позднее, в 1196 г., Рюрик и Давыд распоряжаются Витебском (обещают Витебск Ярославу Всеволодовичу Черниговскому), и полки Давыда охраняют город.

Когда же Мстиславу Ростиславичу вздумалось в начале 1180 г. пойти с новгородцами на Полоцк за обиды более чем столетней давности, нанесенные Новгороду полоцким князем Всеславом Брючиславичем, старший из Ростиславичей Роман послал военную помощь своему зятю, княжившему в Полоцке, а к Мстиславу отправил послов с твердым заявлением: «вбиды ти до него нѣтоуть. но же идеши на нь. то первое поити ть на ма» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 609). Мстислава такая позиция брата вразумила, и он отказался от своего замысла.

Под 1186 г. летописи сообщают о походе на Полоцк Василька Володарьевича (из Друцка) с Давыдом Ростиславичем со смолянами и его сыном Мстиславом, которые действовали, видимо, в интересах Василька. Полочане не решились противостоять таким значительным силам, вышли «на рубеж» с дарами и умирились (ПСРЛ. Т. 25. С. 93–94; НПЛ. С. 38).

Есть еще одна территория, к контролю над которой, возможно, стремились смоленские князья — *Берладь*. Именно Берладь указывает Андрей Боголюбский как место, куда должен уйти Давыд Ростиславич из «Русской земли» во время ссоры с Ростиславичами. Нельзя исключать, что упоминание Берлады здесь появляется неслучайно, ведь Рюрику предписывается идти к брату в Смоленск, в чем видна понятная логика: отправляйтесь в *свою* землю. Так и Берладь здесь может оказаться не произвольно выбранной отдаленной землей (Нижнее Подунавье) — учитывая связи с Иваном Ростиславичем Берладником отца Ростиславичей (к нему на службу переходил князь Иван в 1146 г.). Известно, что впоследствии сына Ивана — Ростислава — «приял» к себе Давыд Ростиславич (Конявская 2018. С. 5).

С северо-востока Смоленск граничил с *Владимиристо-Суздальской землей*. Помимо разнообразных политических комбинаций,

возникавших в борьбе за Киев, стоит отметить договор Ростислава Мстиславича с Андреем Боголюбским о Новгороде, когда после заявления последнего о желании добиваться Новгорода «добром и лихом» (1160 г.) Новгородская I летопись сообщает: «В лѣто 6669. Уладися Ростислав съ Андрѣемъ о Новѣгородѣ, и вывѣдоста Мьстислава, Гюргевь вьнукъ» (НПЛ. С. 31). На новгородский стол был возвращен Святослав Ростиславич. Уже в 80–90-х гг. сложные союзно-дипломатические отношения поддерживал со Всеволодом Большое Гнездо Рюрик Ростиславич. Сын его Ростислав был женат на дочери Всеволода Верхуслане. Во многом благодаря поддержке Всеволода после смерти Святослава Всеволодовича Рюрик становится полноправным киевским князем.

Отношения со Всеволодом занимали важное место во внешнеполитической деятельности Давыда Ростиславича. Причем его «дипломатия» была гораздо более прямолинейной. Решительно и прагматично, без апелляции к высоким материям (а такие апелляции были свойственны княжеским речам в подобных ситуациях) звучит его позиция в 1196 г. на обсуждении возможности заключения сепаратного мира со стороны Всеволода Большое Гнездо, Давыда и рязанских князей с Ярославом Черниговским. Давыд категорически против заключения мира без участия его брата Рюрика, он напоминает Всеволоду, что была договоренность о том, что у Чернигова должны были собраться все для заключения мира: «Ты же нынѣ ни моужа своего еѣи. послалъ ко братоу своему Рюрикови . и ни своего прихода повѣдаеши емоу ни моего . а оумолви с нимъ . моужемъ своемъ а переже весны доспѣвъ сѣдѣти и воеватиса (с нимъ) со Сѹлгови . а вѣсти ѿ тебе ждати правоѣ. вны же нынѣ воюетьса. с ними и волость свою зажегль тебе дѣла а нынѣ безъ его доумы хочемъ миритиса . а брате повѣдаю ти сего ти мира zde не оулюбить . братъ мои Рюрикъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 699).

О непосредственных международных контактах Смоленска и *Византии* данных нет, но позиция Ростислава Мстиславича в ситуации вокруг Климента Смолятича, непосредственно касавшейся взаимоотношений с Константинополем, говорит о независимости его взглядов на легитимность избрания Климента. Все годы, пока Климент занимал митрополичью кафедру, Ростислав во всех политических и военных акциях был един со своим братом Изяславом, но в отношении русского митрополита неизменно поддерживал

своего епископа Мануила, одного из главных оппонентов Клима. Его позиция меняется лишь в 1164 г., когда Ростислав, уже будучи киевским князем, хочет поставить на русскую митрополию того же Клим, но не самоуправно, а отправив посла к «цареву».

Что же касается взаимоотношений смоленских князей с *половцами*, то важно отметить, что в ходе мирных переговоров со степняками в 1162 г. Ростислав женит своего сына Рюрика на дочери хана Белука. При этом, как показано А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским, в этом же время в честь брата Рюрика, смоленского князя Романа, называет другой половецкий хан Кза (Коза) Романом своего сына (Литвина, Успенский 2013. С. 152–154). Видимо, на дочери хана Толгуя был женат сын Давыда Ростиславича², на дочери Котяна (в крещении — Марии) — Мстислав Мстиславич (Удатный). В целом же в отношении половцев политика смоленских князей не отличалась оригинальностью: они воевали с половцами, а при целесообразности — заключали военные союзы.

К сожалению, данных о том, кто выполнял у Ростиславичей дипломатические миссии, немного. Как правило, в летописных текстах говорится, что тот или иной князь «посла» к представителю другой земли. Реже говорится: «посла муж», «посла свои муж/мужи». Исключение — рассказ о переговорах Ростислава с киевлянами и Мстиславом Изяславичем о приходе смоленского князя на киевский стол в 1159 г. С ответом он посылает своих бояр — Ивана Ручечника и Якуна. Боярам доверено передать согласие Ростислава занять киевский стол с важным условием: «не хочу Клима оу митропольи видити» (Там же. Стб. 503). Видимо, названный первым из них — Иван (Иванко) Ручечник возглавлял эту делегацию, поскольку именно про него сказано, что он «възматжкы (тажкы — *XII*) рѣчи», а придя в Смоленск, «росправивъ всѣ рѣчи кнѣзю» (Там же. Стб. 503). Его прозвище заслуживает особого внимания. Ручечником, Ручником на Руси могли называть грамотеев (в том числе ставивших подпись за неграмотных). Возможно, прозвище Ручечник (Ручник) как-то касалось канцелярских и, как можно видеть, посольских обязанностей боярина. То, что боярин берет «тажкы рѣчи», а при докладе князю

² Ранее считалось, что этот брак был заключен между ханской дочерью и Мстиславом Давыдовичем, однако Д. Домбровский приводит основания для того, чтобы видеть в этом сыне Изяслава Давыдовича (Домбровский 2015. С. 505–508). Весьма вероятной считают эту версию и А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский (Литвина, Успенский 2013. С. 230–243).

«расправляет» их, подтверждает высказывавшееся мнение о том, что «речи» князей при переговорах с послами записывались (Рыбаков 1963. С. 317–318; Франчук 1986. С. 109–112).

Таким образом, летописи показывают, что существовал круг смоленских бояр Ростислава, которые допускались к вопросам не только внутренней жизни княжества, но и были посвящены в важные политические решения. В составе делегации наряду со своими боярами Ростислав посылает « $\bar{\omega}$ Смолннъ мужа . и $\bar{\omega}$ Новгоречь (XII — новгородец)». Муж от новгородец — это, очевидно, представитель «города», который придерживался позиции покойного новгородского архиепископа Нифонта — главного оппонента Клима Смолятича. Естественно предположить, что и смоленский муж — представитель института городского управления, который также принимал участие в столь важных переговорах.

Косвенно об участии бояр в переговорах, а, возможно, и в принятии важных внешнеполитических решений и шагов, свидетельствует рассмотренное выше известие, передающее слухи о тайных переговорах Романа с Изяславом Давыдовичам в 1160 г. При этом важно отметить, что в качестве посла упоминается и лицо духовного звания — поп.

Очевидно, что Ростислав Мстиславич и его потомки смоленские князья наряду со стремлением к получению киевского стола проводили последовательную политику по установлению контроля над полоцкими и новгородскими территориями, укреплению прочных и выгодных для них союзов с могущественными и влиятельными соседями — Черниговским, Ростово-Суздальским/Владимиро-Суздальским княжествами, Рязанской землей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерк истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015.

Конявская Е. Л. Смоленские Ростиславичи и их владения по раннему летописанию // Российская история. 2018. № 5. С. 3–8.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики / Отв. ред. Ю. В. Кагарлицкий. М., 2013.

Мушар Ф. Между братом и сыном: об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X. С. 137–146.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908.

ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1990. Т. III.

Франчук В. Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

Elena L. Konyavskaya

FOREIGN POLICY OF SMOLENSK PRINCES (SECOND HALF OF THE 12TH — BEGINNING OF THE 13TH CENTURY)

The article is devoted to the analysis of the early chronicle material concerning the foreign policy of the Smolensk princes. Smolensk land has become one of the most important and influential principalities by the middle of the 12th century. The Smolensk princes fought for the Kievan throne and had possessions in the Kiev principality. But it is possible to consider their general policy and specific actions from the perspective of the interests of Smolensk.

Their northern neighbor — Novgorod was in the sphere of influence of the Smolensk princes. Rostislav Mstislavich while ruling in Smolensk (1125–1159) set his sons on the Novgorod throne and aspired to control Novgorod. The connections with the powerful southern neighbor, the principality of Chernigov, was important for Smolensk. The matrimonial policy of Rostislav Mstislavich of Smolensk and his sons, a number of political actions of the Smolensk princes aimed to establish such connections. In specific political situations Rostislav patronized Chernigov princes gaining allies. Allied relations were established also with the further southeast neighbor Ryazan'. Ryazan' princes looked for this union. Continuation of the alliance developed into family ties. Another important area of Smolensk foreign policy was Polotsk. Smolensk princes sought control over Polotsk and reigned in Vitebsk. Perhaps, another territory that Smolensk princes might have sought to control was Berlad'. The relations with the Suzdal land were no less significant for them. The agreement of Rostislav Mstislavich with Andrey Bogolyubsky concerning Novgorod is noted in the article. Also the complex union-diplomatic relations between Vsevolod Yurievich, Rurik Rostislavich and Davyd Rostislavich are taken into account. The question of the Byzantine policy of Rostislav Mstislavich (church aspect) is dealt with as well as the relationship of Smolensk princes with Polovtsy.

The information on the persons who played the role of ambassadors is considered. We can conclude that it was the boyars who were allowed to participate

in foreign policy matters. In one episode a priest appears as an ambassador.

It is obvious, that Rostislav Mstislavich and his descendants, Smolensk princes, along with the desire to get the Kiev throne, pursued a consistent policy of establishing control over Polotsk and Novgorod and strengthening beneficial alliances with powerful and influential neighbors — Chernigov, Suzdal, and Ryazan' lands.

Keywords: Smolensk in the second half of the 12th — beginning of the 13th century, Smolensk princes, foreign policy, matrimonial relations

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-256-266

Т. В. Гимон, В. В. Тишин

ТЮРКСКАЯ ФОРМУЛА ПРИВЕТСТВИЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕТОПИСИ (ПОСОЛЬСТВО ПОЛОВЦЕВ К СВЯТОСЛАВУ ОЛЬГОВИЧУ В 1147 г.)¹

Ипатьевская летопись под 1147 г. сообщает о прибытии к Святославу Ольговичу послов от его половецких уев (дядьев по матери), которые проносят следующее: «Прашаемъ здоровья твоего. А коли ны велишь к собѣ со силою прити?». Цитирование прямой речи послов — характерная черта текста Ипатьевской летописи начиная со второй половины 1140-х гг. Как показывает ряд наблюдений Д. С. Лихачева, А. А. Зализняка и М. Л. Лавренченко, летописцы стремились (по крайней мере, в большинстве случаев) достоверно передавать реальные политические заявления (хотя и не обязательно перед нами протокольная запись, сделанная по горячим следам событий). Анализ процитированной речи половецких послов подтверждает этот тезис: «Прашаемъ здоровья твоего» — это, по всей вероятности, перевод реальной тюркской приветственной формулы. Близкие по смыслу приветственные фразы зафиксированы в «Дивъан лугат ат-турк» Махмуда ал-Қашғарӣ (1072–1074 гг.), в поэме «Кутадгу билиг» (1069–1070 гг.), в древнеуйгурских эпистолярных памятниках IX–XIV вв., а также в ряде современных тюркских языков.

Ключевые слова: Древняя Русь, половцы, тюрки, летописи, дипломатия, приветственные формулы

В Киевском своде (далее: КС)², в статье 6655 (1147) г., сообщается о прибытии к князю Святославу Ольговичу половецкого посольства:

¹ Благодарим А. А. Гиппиуса, М. Л. Лавренченко, Б. З. Нанзатова, Б. Е. Рашковского и А. С. Щавелёва за полезные замечания.

² Киевским сводом, или Киевской летописью, называют «среднюю» часть Ипатьевской летописи, сложносоставный текст за 1110–1190-е годы, в окончательном виде сложившийся под пером киевского книжника рубежа XII–XIII вв. Ипатьевская летопись дошла до нас в двух основных списках, восходящих общему утраченному протографу: Ипатьевском (Ипат.) начала XV в. и Хлебниковском (Хлебн.) XVI в., а также в ряде более поздних, восходящих к Хлебн. См. важнейшие издания и предисловия к ним: ПСРЛ. Т. 2; КЛ 2017.

Святослав же пришедь, ста у Нериньска³. И тогда придоша к нему сли⁴ ис Половецъ, от уев⁵ его, съ Василемъ Половчиномъ⁶, 60 чади⁷, прислалися бяхуть, тако рекуче: «Прашаемъ здоровья твоего. А коли ны велишь к собѣ со силоу прити?» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341; КЛ 2017. С. 107, л. 125г.11–20).

Перевод: Святослав же, придя, остановился у Неринска. И тогда пришли к нему послы от половцев, от его дядьев [по матери], с Василем Половчином, 60 человек, [которых] прислали с такими словами: «Спрашиваем о твоём здоровье⁸. А когда ты велишь нам к тебе прийти с войском?».

Цитирование прямой речи послов — характерная черта КС, многократно обращавшая на себя внимание ученых. По нашему подсчету, в тексте КС за 1140–1190-е гг. содержится 270 подобных посланий/посольских речей (Гимон 2018). Наибольшая их концентрация приходится на статьи за вторую половину 1140-х — первую половину 1150-х гг., хотя немало их и позже. Послания могут быть как краткими (например, знаменитое «Приди ко мнѣ, брате, въ Московъ» — древнейшее упоминание Москвы — чуть ранее в той же статье 1147 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339)), так и весьма пространными, насыщенными различными дипломатическими формулами. В абсолютном большинстве случаев речь идет о посланиях, которыми обменивались князья Рюриковичи, но иногда

³ Судя по контексту, городок на Средней Оке: Святослав из Москвы «взвратиси к Лобыньску и оттуду иде къ Нериньску, и перешедъ Оку, и ста» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340). Других упоминаний Неринска нет (Зайцев 2017. С. 155).

⁴ В Ипат. «над строкой чуть более яркими чернилами написано **по**»; в Хлебн. — «послы» (КЛ 2017. С. 106).

⁵ *Уй* — дядя по матери. Мать Святослава, несомненно, была половчанкой. Считается, что отец Святослава, Олег, был женат на дочери хана Осолука, поскольку под 1146 г. упомянут *уй* Святослава «Тюнрако (в Хлебн. — Тюнракови[ч]) Осулукович» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 334; КЛ 2017. С. 96–97, л. 123б.24–25). О существующих здесь сложностях и о других упоминаниях половцев с похожими именами см.: Литвина, Успенский 2013. С. 224–226. О роли *уев* в домонгольской Руси см.: Лавренченко 2018а.

⁶ В Ипат. *ц* переделано в *ч* «чуть более темными чернилами»; в Хлебн. — *ч* (КЛ 2017. С. 106). О Василе Половчине других сведений нет; он мог быть как половцем, так и русским, носившим такое прозвище. А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский (2013. С. 213–215, 228–229) считают первое несколько более вероятным, полагая, что Василь мог быть знатным половцем (рангом ниже князя), главой прибывшей к Святославу делегации, хотя не исключают и второго.

⁷ Чадь — люди; «свои кому-либо, товарищи, дружина» (Срезневский 2003. Т. 3. С. 1469–1470).

⁸ О правомерности именно такого перевода пойдет речь ниже.

адресантами либо адресатами выступают городские общности (например, киевляне), представители светской и церковной элиты Руси, правители иностранных государств (чаще всего — король Венгрии). Имеются и два послания русским князьям от половцев, одно из которых только что было процитировано⁹.

Главный вопрос, волнующий ученых в связи с этими посланиями, — были ли они устными или письменными. У обоих взглядов были и есть свои сторонники¹⁰. Наиболее взвешенной видится позиция М. Л. Лавренченко (Лавренченко 2018б. С. 159–163, 168, 176): летописцы описывают обмен посольствами, несомненно, как изустный ритуал, публичность которого, равно как и высокий статус слов, служили гарантией выполнения соглашений; нельзя исключать, что послы могли иметь при себе (и вслух зачитывать) письменные послания, но изустный ритуал все же был первичен¹¹. Заслуживает также всяческого внимания мысль С. Франклина (Франклин 2010. С. 299–301) о том, что роль письменной фиксации переговоров и соглашений брала на себя сама летопись. В случае с половцами, конечно, трудно себе представить письменный текст; скорее всего, послы просто озвучили то, что им было поручено сказать.

Для нас важно другое. Целый ряд наблюдений над посланиями КС показывает, что перед нами в большинстве случаев (хотя вряд ли во всех) не литературный конструкт¹². Летописцы

⁹ Второе — под 6680 (1172) г. Половцы отправили послов к Глебу Юрьевичу со словами: «Бог посадилъ тя и князь Андрѣи на отчѣнѣ свои и на дѣдинѣ въ Киевѣ. А хоцѣмъ с тобою рядъ положить межи собою, и внидемъ в роту, а ты к намъ, да ни мы начнемъ бояться васъ, ни вы насъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 555; КЛ 2017. С. 397, л. 198б.22–28). *Перевод*: «Бог посадил тебя, и князь Андрей, в твоей отчине и дедине, в Киеве. А мы хотим с тобой заключить договор, и принесем клятву, а ты — нам, и да не будем мы бояться вас, а вы — нас».

¹⁰ См. историографические обзоры: Франчук 1986. С. 109–112; Гимон 2018. С. 64–66; Лавренченко 2018б. С. 155–162. В них не учтена важная статья: Дашкевич 1991 (автор настаивает на устном характере самих посланий, но допускает существование верительных грамот). Ср. также ситуацию в Норвегии, где источники XIII в. ретроспективно отражают эволюцию коммуникации правителей — от устной к письменной: Джаксон 2019.

¹¹ В том, что русские князья могли обмениваться письмами, разумеется, тоже нет сомнений: берестяные письма известны с середины XI в.; в Лаврентьевской летописи до нас дошло послание Мономаха Олегу Святославичу (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 252–255); во множестве найдены древнерусские свинцовые печати, которые, помимо прочего, могли скреплять письма (Каштанов 1974. С. 180–183; Франчук 1986. С. 152–156; Франклин 2010. С. 309).

¹² Вопреки: Вилкул 2019. С. 298–299. Исследовательница указывает на случаи микроцитирования в «посланиях» переводных источников, а следовательно — на

середины — второй половины XII в., чьи записи отразились в КС, стремились зафиксировать реальные переговоры политических деятелей, стараясь точно передавать не только смысл, но и форму их заявлений. Как конкретно это делалось — другой вопрос. Летописцы могли копировать письменные послания (если таковые были); могли протоколировать посольские речи; могли, зная общий смысл заявленного и использовавшиеся при этом речевые формулы, имитировать форму посольской речи¹³; в каких-то случаях, может быть, они могли имитировать ее недобросовестно, приписывая участникам политического процесса высказывания, которых те в действительности не делали. Однако в любом случае налицо установка киевских летописцев XII в. на протоколирование реальных переговоров. Цитируя речи/послания, книжники использовали реальные эпистолярные и политические формулы — либо те, которые были в действительности произнесены, либо, может быть, те, которые должны были быть произнесены, насколько представлял себе дело летописец. Этот вывод основан на следующих наблюдениях.

литературное происхождение первых. См. возражения: Гимон 2018. С. 66, 70, примеч. 2. М.Л. Лавренченко (Лавренченко 2018б. С. 163) допускает, что сама идея цитировать послания возникла у летописцев под влиянием «Александрии» и других переводных текстов, однако настаивает (справедливо, на наш взгляд), что это не отменяет установки летописцев на достоверность протоколирования реальных переговоров. В указанных работах, однако, не учтено еще одно важное наблюдение Т.Л. Вилкул: в посланиях Изяслава Мстиславича брату Ростиславу под 1147 и 1152 гг. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 347, 359, 455, 459) Великий Новгород отнесен к сфере влияния последнего, что исторически неверно, однако хорошо может быть объяснено взглядами составителя КС рубежа XII–XIII вв. (Вилкул 2003. С. 59; Вилкул 2004. С. 64, примеч. 5; см. также: Мушар 2011. С. 140–145). Этот пример показывает, что в некоторых случаях княжеские послания все-таки могли редактироваться, если не сочиняться, создателем КС. Т.Л. Вилкул указывает на еще один возможный пример анахронизма в послании КС, под 6658 (1150) г., где летописец «запутался, наращивая детали, и упустил общий порядок действий» (Вилкул 2003. С. 58–59). Сопоставление текстов КС и Лаврентьевской летописи тоже говорит о том, что как минимум в двух случаях кто-то из летописцев достаточно вольно обошелся с текстом послания (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 335, 345; Т. 2. Стб. 443, 478, под 6659 [1151] и 6663 [1155] гг.).

¹³ Есть один случай, когда одно и то же послание (Рюрика Ростиславича к Всеволоду Юрьевичу) процитировано независимо в киевской и владими́ро-суздальской летописях (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413; Т. 2. Стб. 686, под 6705 [1197] и 6703 [1195] гг. соответственно). Совпадают общий смысл и некоторые формулы, но в остальном тексты разные. Значит, как минимум один из двух летописцев не воспроизводил точный текст устного или письменного послания, но лишь передал, как мог, его общий смысл.

1) Как отмечал Д.С. Лихачев, словесные формулы, использованные в посольских речах, воспроизводятся дословно в тех случаях, когда, например, участники политического процесса ссылаются на более ранние переговоры, или повторяются потом адресатом послания, как бы цитируются в следующей «речи». Летописцы, следовательно, цитируют формулировки, которые «считают установившимися и как бы закрепленными применительно к отдельным фактам» (Лихачев 1986. С. 146–148, цит. с. 146).

2) Как показал А.А. Зализняк (2004б. С. 51, 63; 2008. С. 23–24, 194–195), послания КС по некоторым лингвистическим параметрам радикально отличаются от окружающего летописного текста и, наоборот, сближаются с берестяными грамотами.

3) Такое же сходство с берестяными грамотами прослеживается в использовании эпистолярных формул, терминов родства в переносном значении и некоторых других особенностях текста (см.: Лавренченко 2016. С. 166–167; 2018б. S. 162–163).

4) Как показывает М.Л. Лавренченко (2018б. S. 171–173, 176–177), некоторые важные особенности посланий КС (такие как использование тех или иных формул, насыщенность конкретными деталями и т.д.) эволюционируют со временем (различаясь в статьях за 1140–1150-е и за 1170–1190-е гг.). Объяснить это проще всего тем, что такую эволюцию княжеские «послания» претерпели в реальности, постепенно двигаясь в направлении от яркой формульности к конкретной информативности.

При том что КС — это компилятивный памятник рубежа XII–XIII вв., в котором многое принадлежит руке самого сводчика (см.: Вилкул 2019. С. 232–299), достаточно очевидно, на наш взгляд, что в его основе лежит киевская летопись, ведшаяся на протяжении XII в. (ср.: Приселков 1996. С. 93–95; Аристов 2011. С. 117–118, 130–135; Гимон 2018. С. 67)¹⁴. Также сводчиком привлекались источники из других городов (черниговский, суздальский и т.п.). Хотя в каких-то случаях, вполне возможно, создатель КС вторгался в текст посланий и даже теоретически мог сочинить некоторые из них «с нуля»¹⁵, большинство их все же с высокой вероятностью зафиксированы летописцами — современниками событий.

¹⁴ По мнению Т.В. Гимона (статья готовится к публикации), основная киевская летопись велась на протяжении XII в. в Киево-Печерском монастыре, смены игуменов которого оказываются синхронны изменениям в характере летописания.

¹⁵ См. выше примеч. 12.

Иногда как будто удается разглядеть черты «эпистолярного стиля» отдельных деятелей. Так, В.Ю. Франчук (1986. С. 145) отмечала, что послания князя Вячеслава Владимировича отличаются витиеватостью, а Юрия Долгорукого — краткостью. Для посланий того же Вячеслава характерна формула приветствия «Богъ ти (вы) помози» (Гимон 2018. С. 67). Особенностью писем Рюрика Ростиславича (конец XII в.) является сочетание в формуле приветствия терминов «брат» и «сват» — черта, «заимствованная его союзниками в их ответах» (Лавренченко 2018б. S. 172). Как показывает М.Л. Лавренченко, есть различия между посланиями русских князей друг другу и их «перепиской» с западными союзниками, которые, что интересно, проявляются в разные периоды — и в середине, и в конце XII в. (Там же. С. 165–173, 176–177). Н.А. Мещерский (Мещерский 1988. С. 173, со ссылкой на консультацию А.А. Бурыкина) осторожно писал о том, что своеобразный синтаксис одного из посланий короля Венгрии Гезы II (6658 [1150] г.; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 407) свидетельствует о переводе с венгерского языка¹⁶. В этом смысле очень интересно, что одно из двух приводимых в КС посланий русским князьям от половцев начинается с уникальной, более в КС не встречающейся формулы приветствия: «Прашаемъ здоровья твоего». Не может ли эта формула быть славянским переводом реального тюркского приветствия?

Прежде чем перейти к поиску ответа на этот вопрос, необходимо сделать еще одно текстологическое и одно лингвистическое замечание.

Текстологическое замечание касается места рассматриваемого пассажа в КС. Дело в том, что интересующее нас известие о посольстве половцев относится к той части статьи 6655 (1147) г., в центре которой находится Святослав Ольгович, представитель черниговской ветви Рюриковичей, князь Новгород-Северский, на тот момент изгнанный из своих владений и перемещавшийся по северным окраинам Чернигово-Северской земли. Главный враг Святослава в это время — киевский князь Изяслав Мстиславич, союзник — суздальский князь Юрий Долгорукий. В начале статьи 1147 г. описывается встреча Святослава и Юрия в Москве, затем — подробно переговоры Святослава с различными союзниками, включая несколько групп половцев. Приводится очень много

¹⁶ Мещерский тут же делает оговорку: «возможно, что венгерская переписка велась на славянском языке». В пользу последнего говорит то, что мать Гезы была славянкой (Франчук 2018. С. 319).

деталей (топонимы, имена и т.п.), связанных с перемещениями и переговорами этого князя.

В историографии неоднократно высказывалась мысль, что одним из источников КС была черниговская летопись либо личный летописец Святослава Ольговича (Приселков 1996. С. 89–93; Насонов 1969. С. 91, 101–107; Вілкул 2004; Аристов 2011. С. 125–127; Чугаєва 2018. С. 89–92 и сл., 180–209; см. также историографические ссылки: Чугаєва 2018. С. 12–28, 180–181)¹⁷. Не споря с этим, обратим внимание, что для фрагментов, относящихся к Святославу (со статьи 6654 [1146] г.), характерно почти столь же частое цитирование посольских речей (включая интересующую нас речь половецких послов), что и для рассказов о переговорах киевского князя Изяслава Мстиславича начиная с той же самой погодной статьи¹⁸. Вряд ли это случайное совпадение. Одно из двух: либо «летопись Святослава Ольговича» восприняла идею подробного протоколирования переговоров одновременно с киевской (под ее влиянием?), либо рассказы, связанные со Святославом, все-таки тоже принадлежат киевскому летописцу, который задался целью максимально полно и многосторонне осветить сложные политические взаимоотношения этих лет¹⁹. В последнем случае необходимо предпо-

¹⁷ В пользу отнесения интересующего нас фрагмента статьи 6655 г. к этому источнику говорит его отсутствие (как и многих других связанных со Святославом фрагментов) в Лаврентьевской летописи, текст которой в сокращенном виде (но зачастую более точно) передает памятник, протографичный по отношению к КС и, по общему признанию, еще не имевший черниговских вставок (см.: Насонов 1969. С. 91, 101–107; Вілкул 2004; Аристов 2011. С. 125; Вілкул 2019. С. 234–267). А.Н. Насонов (1969. С. 106) прямо называет интересующий нас фрагмент среди заимствований КС из черниговского источника.

¹⁸ Правда, среди посланий Святослава (или Святославу) нет столь объемистых, как в «переписке» Изяслава Мстиславича, но их концентрация тоже значительна. Позже соотношение меняется в пользу «переписки» Изяслава Мстиславича. В статье 6654 (1146) г. 12 посланий, где адресантом либо адресатом выступает Изяслав Мстиславич, и 10 — где в аналогичных ролях выступает Святослав Ольгович; в 6655 (1147) г. — 12 и 4 соответственно; в 6656 (1148) г. — 6 и 3; в 6657 (1149) г. — 15 и 7; в 6658 (1160) — 17 и 0; в 6659 (1161) г. — 13 и 3; в 6660 (1152) г. — 14 и 1.

¹⁹ Третий вариант — все посольские речи сочинил на рубеже XII–XIII вв. создатель КС, соединивший воедино киевский и черниговский материал, — считаем маловероятным по указанным выше основаниям, хотя полностью исключать возможности его вторжения в текст не приходится (см. выше, примеч. 12). Т.Л. Вілкул (2019. С. 267) склонна связывать внимание КС к Святославу Ольговичу с ситуацией рубежа XII–XIII вв., «когда семьи Рюрика Ростиславича, Игоря Святославича и Всеволода Юрьевича породнились», но вряд ли этим можно объяснить появление в летописи деталей перемещений Святослава и его переговоров (особенно с половцами) в 1147 г., которые ученые (включая саму Вілкул: Там же. С. 266)

ложить, что киевский летописец заполучил от кого-то подробные устные или письменные сведения о перемещениях и переговорах этого князя, в чем, разумеется, нет ничего невозможного²⁰.

В любом случае, как бы ни решать вопрос о происхождении связанных со Святославом Ольговичем рассказов статьи 6655 (1147) г., ясно, что она относится как раз к той части КС, где междукняжеская дипломатия протоколируется подробнее всего и где наблюдается наибольшая концентрация посольских речей, а для их цитирования характерна *установка на достоверность*. Поэтому не так уж и важно, присутствовал ли летописец лично на переговорах Святослава с Василем Половчином, имел ли он об этой встрече какой-то письменный источник либо свидетельство очевидца, и даже — был ли он современником события. Летописец мог и «реконструировать» речь послов — но применить при этом известную ему формулу приветствия, обычно использовавшуюся половцами в сношениях с русскими князьями²¹.

Лингвистическое замечание касается нашего перевода слов «Прашаемъ здоровья твоего» — ‘Спрашиваем о твоём здоровье’²². А.А. Потебня (1968. С. 243) — впрочем, с долей неуверенности — в свое время предлагал понимать выражение *здоровие твое* в смысле почтительного обращения половцев к Святославу (вроде *твоя милость* или *ваши величество*). Перевод в таком случае был бы: ‘Спрашиваем Твое здоровье о том, когда ты велишь

единодушно возводят к записям современника. Четвертый вариант на обсуждении нашего доклада 2 октября 2019 г. предложила М.Л. Лавренченко. Цитирование «посланий», хотя и в сильно меньшем объеме, присутствует уже в статьях 6648–6652 (1140–1144) гг., за время правления в Киеве Всеволода Ольговича, брата Святослава. Дальше же произошло «разветвление» этой традиции: ее продолжили и киевский летописец, и автор, близкий к Святославу.

²⁰ Отметим, что в 1148 г. в Чернигове был заключен мир между Изяславом Мстиславичем и коалицией князей, в которую входил Святослав Ольгович. Одним из послов Изяслава на переговорах был Феодосий II, игумен Киево-Печерского монастыря (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 365–366), с личностью которого предположительно можно связать перемены, произошедшие во второй половине 1140-х годов в содержании киевской летописи, и в том числе наиболее яркую из них — начало обильного цитирования посольских речей (Гимон 2018. С. 67, 70, примеч. 6; и выше, примеч. 13).

²¹ Ср. об этом известии: «Летописец выступает здесь как очевидец (или, во всяком случае, он достаточно хорошо осведомлен, чтобы имитировать позицию очевидца) союзнических переговоров князя со степняками...» (Литвина, Успенский 2013. С. 210).

²² Кстати, так же понял эти слова создатель Московского летописного свода конца XV в.: «...прислали бо ся к нему бяху, выпрашающе здоровья его, и глаголаша к нему: “когда велишь нам...”» (ПСРЛ. Т. 25. С. 40).

нам к тебе прибыть с войском?»²³. В качестве более уверенного примера того же ученый приводил другую посольскую речь — на этот раз из Галицко-Волынской летописи — обращение ятвягов к Владимиру Васильковичу: «Господине княже Володимере, приехали есмь к тобѣ ото всихъ ятвязь, надѣючесь на Богъ и на твое здравие...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 879, под 6787 [1279] г.).

Хотя для XVII в. действительно имеются примеры использования выражения *твое здравье* в качестве почтительного обращения²⁴, а глагол *прашати* и впрямь мог управлять родительным падежом существительного, обозначавшего не только объект вопроса, но и того, к кому вопрос обращен²⁵, интерпретация А. А. Потební все-таки принята быть не может.

Во-первых, словари не фиксируют для союза *а* значения «о том», тогда как его употребление в качестве маркера начала прямой речи (либо начала основной части прямой речи, после обращения или приветственной формулы) засвидетельствовано хорошо — в том же КС²⁶, берестяных грамотах XII в. (Зализняк 2004а. С. 299)²⁷ и др.²⁸ Следовательно, «Прашаемъ здравия твоего» —

²³ У А. А. Потební процитировано так: «Прашаемъ здравия твоего (если в смысле не “спрашиваем о твоём здравье”, а “спрашиваем тебя”), а (если не в смысле соединительного союза, а = о том) коли ны велишь к собѣ со силоу прити?».

²⁴ «Да что и писал к твоему здравью обь соли...» (1674 г.); «И евнухи опахивают твоё здравье, чтобы мухи не кусали великого государя» (1677 г.) (СлРЯ. Т. 5. С. 365). В. И. Даль указывал, что «твое здравье» — это «почет или величанье, употребл[яемое] крестьянами» (Даль 1978. Т. 1. С. 675). Из ранних контекстов, может быть, ближе всего: «велегласно похвалиша Бога, и святого Михаила, и великого князя сдоровье» (КС под 6708 [1200] г. — КЛ 2017. С. 579, л. 244а.3–5).

²⁵ В «Вопрошании Кирика» (1140–1150-е годы, список конца XIII в.): «Прашахъ владыкы, аще...» (Древнейший список 2014. С. 246, л. 518б; ср. с. 284, л. 537а; с. 285, л. 537г). Благодарим А. А. Гиппиуса, обратившего на это наше внимание.

²⁶ «А чешьскый князь рече ему: “А я готовъ есмь самъ полкы своими”» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385); «...и рече ему: “Отце, кланяю ти ся. А чо ми Богъ отца моего Мистислава отял...”» (Там же. Стб. 417); «и рекоша мужи Олгови: “Княже, а то ли ти добро есть...”» (Там же. Стб. 513); «Рюрикъ же рече: “Брате, а про что...”» (Там же. Стб. 541). Ср.: Там же. Стб. 471, 483, 462, 464, 472, 495, 510, 536, 537, 543, 547.

²⁷ «Отъ Завида къ мѣн къ женѣ и къ дѣтемъ. А жену ти били не измучили...» (№ 156); «...(покланяние и к брату. А водае и Бога деля съ 5 гривь(нь)...)» (№ 296); «От Мирослава к Олисьеви ко Грицину. А ту ти вьнидьте Гавько Полоцанино, прашаи его...» (№ 524); «От попа от Минь ко Грицину. А буди семо ко Петрову дени...» (№ 558); «а Ратьше молви: “А и жито еси показаль...”» (№ 665) (Зализняк 2004а. С. 298, 366, 405, 407, 433).

²⁸ «Онъ же отвѣща: “Любимая чада, а не видесте ли старшнаго и славнаго мужа сдѣ стояща”» (Пролог 1383 г. — СДРЯ. Т. 1. С. 70).

это именно приветственная формула, синтаксически не связанная с последующим сообщением.

Во-вторых, к приведенному А. А. Потебней примеру — речи ятвяжских послов — была позднее обнаружена намного более близкая аналогия в берестяной грамоте № 304 (начало XV в.): «в Бозѣ гадка да в вашемо здоровиѣ». А. А. Зализняк переводит эти слова так: ‘на Бога надежда да на вас (на вашу силу)’, ставит этот документ в один ряд с другими, где выражается надежда на помощь Бога и адресата, а также указывает на сходство с процитированной речью ятвягов (Зализняк 1986. С. 181; см. также: Зализняк 2000. С. 96–97). В речи ятвягов и в грамоте № 304 *твое (ваше) здоровье* — это не форма почтительного обращения, а обозначение силы и власти адресата, которые, как надеется адресант, помогут решить его проблему. В берестяных грамотах есть и другие примеры употребления слова *здоровие* в таком значении²⁹. В речи половцев 1147 г. подобного смысла не прочитывается. Половцы не ждут от Святослава Ольговича решения какого-либо вопроса. Наоборот, они предлагают ему военную помощь в трудный для него момент.

У нас есть древнерусские примеры того, как адресант осведомляется у адресата о его *здоровии* (вероятно, не только о здоровье в медицинском смысле, но о благополучии³⁰). В том же КС, под 6656 (1148) г., в завершение «послания» Изяслава Мстиславича к брату Ростиславу, сказано: «и тебе, брате, прашаю, въ здоровьи³¹ ли еси, и што ти тамо Богъ помогаетъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 363; КЛ 2017. С. 135, л. 132г.16–18). В берестяной грамоте № 854 (середина XII в.) содержится просьба: «Из ърмице ка въспиши ми грамътицю о свьемъ стървьье и о дѣтъхъ» [пер. А. А. Зализняка: ‘Из деревни (букв.: с пахоты или с пахотного поля) напиши-

²⁹ «...а земля, господине, сама ся окупить твоимъ здоровиемъ», т.е. ‘благодаря твоей силе, успешности, благосостоянию’ (№ 104, XIV в. — Зализняк 2004а. С. 639); «ионѣ, осподо, подоваль ес[м]и пожни вашимъ здоровьемъ», т.е. ‘я теперь, господине, пораздавал пожни (пахотные земли. — Т.Г.) от вашего имени’ (№ 962, XV в. — НГБ-ХП. С. 69–70, 73). Ср. также приводимый И. И. Срезневским (2003. Т. 1. Стб. 967–968) пример из псковской летописи: «Князя великого здоровиемъ (воевода) с Нѣмци управу взялъ» (под 6971 [1463] г.).

³⁰ В КС есть контексты, в которых князья либо радуются преодолению каких-либо неурядиц («в здоровии»), либо рады видеть кого-либо «в здоровии» (КЛ 2017. С. 135, 143, 197, 261, 269, 545, л. 132г.15, 134г.5, 148б.4–5, 164а.3–4, 6–7, 166а.13–14, 235в.19; ср.: Там же. С. 243, 459, 469, л. 159г.27, 214б.8, 216г.19).

³¹ Так к Хлебн., в Ипат.: «въ здоровь».

ка мне в ответ грамотку о своем здоровье и о детях’] (Зализняк 2004а. С. 323). Есть и примеры того, как адресанты берестяных писем сами пишут адресатам о своем *здоровии*, может быть, отвечая на соответствующий вопрос³².

В этом смысле вопрос половецких послов вполне укладывается в собственно древнерусскую практику. Однако, во-первых, в нем использован не встречающийся в других случаях оборот («Прашаемъ здоровья твоего») и, во-вторых, только здесь этот оборот выполняет функции вводной, приветственной формулы — причем в сообщении сугубо делового характера. Приступим поэтому к поиску аналогий данной формуле в речевых практиках средневековых тюркских народов.

* * *

Совокупность тюркоязычных племен, которых восточные (мусульманские) авторы именовали *кыпчаками*, а в Европе знали под именем *куманы*, одной из калек которого было древнерусское *пóловцы*, разумеется, не представляла собой гомогенного образования. Создававшиеся ими, по крайней мере, со второй половины XI в., на всей территории от Семиречья до Нижнего Дуная политические объединения были эфемерными образованиями, возглавляемыми влиятельными кланами, и включали в свой состав племенные группировки самого различного происхождения.

Об отличительных особенностях кыпчакского наречия впервые дает представление сочинение Махмұда ал-Қашғарұ «Дүвән лугāt ат-турк» («Собрание тюркских слов»), написанное в 1072–1074 гг. на арабском языке³³. О существовании диалектных особенностей внутри кыпчакского конгломерата более всего свидетельствуют другие дошедшие до нашего времени источники. Кроме специальных тюрко-арабских и арабско-тюркских словарей и грамматик, составленных в XIV–XV вв. в мамлюкском Египте и регистрирующих только лексику кыпчакских и некоторых других тюркских наречий, важнейшее значение имеет такой письменный памятник, как «Codex Cumanicus». Две его разновременные

³² № 950 (рубеж XI–XII вв.), 1000 (XII в.), 1009 (XII в.), 1012 (XII в.) (НГБ-ХП. С. 44–45, 99, 109, 111), причем в грамоте № 1000 это единственное содержание, если не считать обозначения адресантов и адресатов во вводной формуле: «От Къяса и от Жироцька къ Твьрдяте и къ Ивану. Сто(ро)ва ти есве» (т.е. ‘мы-то двое здоровы’. — Там же. С. 99).

³³ О наречии кыпчаков в «Дүвән лугāt ат-турк» см.: Toprak 2003; Alimov 2011.

части, написанные во второй половине — начале 1290-х годов и ок. 1330–1340 гг., сохранившие, соответственно, латинско-персидско-куманский глоссарий и целостные фрагменты куманских текстов, фиксируют два диалекта, бытовавших на территории, по крайней мере, от северопричерноморского побережья до нижней Волги (EDT. P. xxiv–xxvi; Golden 2011). Также о лингвистической неоднородности куманов-кыпчаков можно судить по сохранившимся в источниках антропонимам (Rásonyi 1973) и этнонимам (Golden 1995–1997).

«Codex Cumanicus» мог бы представлять непосредственный интерес для нас в связи с локализацией той группы половцев, от которых прибыло посольство к Святославу Ольговичу. Они принадлежали к той группе племен, которую древнерусские летописцы именуют «дикими» половцами. Их владения располагались вдоль рр. Дон и Донец, доходя на севере до границ Рязанского княжества, на юге — до Тмутаракани. Это по меньшей мере три группировки, которые сотрудничали с тремя ветвями рода Рюриковичей — Ольговичами, Давыдовичами и домом Владимира Мономаха (Golden 1979–1980. P. 298 ff.). Однако все, что можно извлечь из «Codex Cumanicus» как единственного источника, предоставляющего прямую информацию о языке восточноевропейских кыпчаков, в плане лексики, связанной с приветствиями, неудовлетворительно. В итальянской части памятника, которую именуют «Книгой переводчика», латинскому *salutatio* и (ново)персидскому *salām* (< ар.) соответствует куманское (*sic!*) *salam* (Codex Cumanicus 1981. P. 57, 294, 336), т.е. арабизм, проникший, очевидно, среди прочих в среду крымских половцев как следствие «значительного мусульманского политического, торгового и религиозно-культурного влияния» (Golden 2011. P. 361). Там же, в словаре, дан ряд производных конструкций, связанных с нанесением визита или приветствием, сводящихся к сочетанию *salam ber-*, буквально ‘*salam* давать’ (Codex Cumanicus 1981. P. 57). Эта конструкция, получившая распространение в тюркоязычной мусульманской среде вообще (см., например: Keskin 2017. S. 130, 137), является, разумеется, следствием относительно поздних культурно-исторических процессов.

Отсутствие прямых сведений о приветственных формулах у куманов-кыпчаков в известной степени можно компенсировать путем привлечения сравнительного материала — письменных памятников из других областей тюркского мира, а также данных из живых тюркских языков.

Ключевым источником для нас выступает «Дивān лугāt ат-турк» Махмӯда ал-Қāшгарī, который «зафиксировал диалектные различия той поры, дав, по существу, первый в истории тюркской филологии очерк диалектологии своего времени» (ДЛТ 2010. С. 47). Собрав значительный языковой материал, в начале своего труда он специально описывает принципиальные диалектные особенности той или иной обозначенной им группы тюркских племен, связанные, прежде всего, с фонетикой и морфологией. Попутно обращаясь к этим моментам в собственно словарной части, Махмӯд ал-Қāшгарī также делает оговорки, отмечая различия в семантике отдельных слов или приводя лексику, характерную только для какого-то определенного наречия (*al-luġa*). Отсутствие каких-либо диалектологических комментариев в подавляющем большинстве случаев, по-видимому, объясняется общепонятностью и общеупотребительностью приводимых им слов, фраз или выражений (ДЛТ 2010. С. 48).

По-видимому, именно к таким общеупотребительным следует отнести и рассматриваемые ниже приветственные фразы, что также доказывается их бытованием в последующем в отдельных тюркских языках, принадлежащих к различным группам. Среди них и та формула, которая обнаруживает, судя по всему, наиболее четкое соответствие в древнерусской летописи.

Махмӯд ал-Қāшгарī приводит фразу *äsān mü sän?*, букв. ‘здоров ли ты?’, толкуя само слово *äsān* [’*āsān*] как обозначение чего-либо благополучного (ар. *al-sālim*) (DLT. Cilt I. S. 77; EDT. P. 242; МК. Pt. I. P. 115; ДЛТ 2005. С. 109; ДЛТ 2010. С. 110; см. также: ДТС. С. 183). Слово *äsān* имеет основное значение ‘здоровый, невредимый’ (ДТС. С. 183), ‘in good health, sound; self’ (EDT. P. 242)³⁴. Оно также широко встречается как компонент личных имен (ДТС. С. 183; СИГТЯ 2001. С. 684; Rybatzki 2006. S. 176–177)³⁵. По мнению Г.Ф. Благовой, «Л[ичное] И[имя] *esān* типологически сопоставимо с болгарским Л[ичным] И[менем] *Здрава*» (СИГТЯ 2001. С. 684)³⁶. Предположительно слово считается заимствованием из среднеперсидского (пехлеви): < *āsān* ‘bien portant’,

³⁴ См. фонетические варианты и весь спектр значений в тюркских языках: ЭСТЯ 1974. С. 308.

³⁵ Ср., в частности, имя половецкого хана *Асень/Осень* (также в других орфографических вариантах) древнерусских летописей. См.: Rásonyi 1973. S. 82–83; Vásáry 2005. P. 39–40.

³⁶ Здесь сохранена орфография цитируемого издания.

‘happy’ (TMN II. S. 58; ЭСТЯ 1974. С. 308)³⁷, что как будто косвенно подтверждается ареалом его распространения в качестве компонента личного имени: Средняя Азия и Казахстан (туркм. *esen*, ккалп. *esen*, каз. *esen*, кырг. *işän, işan, ijsän, ijsan*, узб. *esän*), а также опосредованно связанные с ними, ввиду территории распространения языков кыпчакской группы, Поволжье, Урал (тат. *işän*, баш. *işän*, чув. *işän* (< тат.)) и Северный Кавказ (ног. *esen*) (СИГТЯ 2001. С. 684)³⁸.

Использование слова *äsän* в приветственных формулах, видимо, обусловило то, что в древнеуйгурских памятниках с территории Турфанского оазиса, производное имя *äsängü* (букв. ‘благопожелание’) стало использоваться как общий термин для обозначения любого рода посланий, как и слово *bitig* (‘письмо’), употребляемые по отдельности или вместе, в сочетании *äsängü bitig*, букв. ‘приветственное письмо, благожелательное письмо’ (“salutatory letter, greeting letter”) (Moriyasu 2011. P. 51–52, 57–58)³⁹. Письма являют собой отдельный жанр древнеуйгурских памятников, богатый комплекс которых включает буддийские, манихейские и христианские тексты самого различного содержания. В своей совокупности они датируются широким хронологическим диапазоном — со второй половины IX по XIV в. — и лишь некоторые могут быть датированы более или менее точно, исходя из содержания или же по лингвистическим признакам. Для настоящей работы это не имеет принципиального значения, важно то, что эти тексты дают широкое представление о характере приветственных выражений в другом ареале распространения тюркских языков.

Мориясу Такао, специально исследовавший вступительные формулы древнеуйгурских писем, отметил следующие сочетания, использующиеся для выражения вежливости при привет-

³⁷ См. также некоторые доводы против этой версии: Севортян 1974. С. 309, а также другие интерпретации: Rybatzki 2006. S. 176–177.

³⁸ Наиболее ранние случаи фиксации слова в тюркоязычных текстах связаны с памятниками древнетюркской рунической письменности. Возможно, это надпись на скале у р. Ак-Юс (Е 38, строка 5), на территории Хакасии, выполненная черной краской (Yıldırım, Aydın, Alimov 2013. S. 103–104). Более достоверная фиксация соотносится с рукописным текстом, известным как «Брк Битиг» («Гадательная книга»), где слово три раза (фрагменты XV, XXVII, XLII) отмечено в составе редуплицированного сочетания *äsän tükäl* ‘здоровый, невредимый’, ‘целый, неповрежденный’ (ДТС. С. 183), ‘safe and sound’ (EDT. P. 480), ‘sağ salım, sapasağlam’ (Aydın, Karaman 2019. S. 265), где *tükäl* — отглагольное имя со значением ‘complete, entire’ и т.п.

³⁹ См. также: Sertkaya 2012. S. 214–216.

ствии: *ädgü mü äsän mü?* ‘Are you in good health (hend.)?’; *köng(ü) li ädgü mü?* ‘Is your (lit. his) mind good?’; *jini jirik mü?* ‘Is your (lit. his) body light (unburdened)?’. Несмотря на то, что они, с точки зрения синтаксиса, представляют собой вопросительные выражения с конкретным показателем вопроса *mU*, они не подразумевают получения ответа, о чем свидетельствуют аналогичные формулы с местоимением *nätäg*, подразумевающим слабое сомнение, или иногда снабженные частицей *ärki*, выражающей надежду, что будет именно так: *köngülüng(üz-lär) ädgü mü?* ‘Is your mind good?’; *jining(iz-lär) jirik mü?* ‘Is your body light?’; *nätäg sän/sizlär?*, *nätäg ärür (siz)?* ‘How are you?’; *nätäg jarliqar ärki/siz?* ‘How is Your Lordship?’; *nätäg inč mü sän/siz(lär)?*, *nätäg inč mü ärki?*, *nätäg inč ärki sizlär?* ‘How are you keeping?’; *nätäg inč mü jarliqar ärki/mu?* ‘How is Your Lordship keeping?’⁴⁰. В более

⁴⁰ Слово *enč ~ inč* в данном случае обозначает ‘покой’, ‘спокойный’, ‘спокойно’ (ДТС, С. 173, 210), ‘tranquil, at peace, at rest’ (EDT. P. 171). Махмуд ал-Кашгарӣ дает значение ‘состояние довольства, удовлетворения, спокойствия; покой’ (*al-muṭmaʿinn al-sākin*) (DLT. Cilt II. S. 437; EDT. P. 172; МК. Pt. II. P. 374; ДЛТ 2005. С. 1067), в «Кутадгу билиг» (см. ниже) вычленяется ‘спокойствие, хорошее расположение духа, мир’/‘die Ruhe, Gemüthsruhe, der Friede’ (РСл. Т. 1. Ч. 1. Стб. 745). В контекстах среднеазиатского *тефсир* XIII в. (?), близкого к караханидско-уйгурскому языку, А.К. Боровков переводит это слово как ‘благо, имущество, собственность’ (Боровков 1963. С. 77–78), сэр Дж. Клосон — как ‘comfortable material circumstances’ (EDT. P. 172).

Сочетание слов *enč* и *äsän* составляет устойчивое выражение, зарегистрированное в ряде случаев (ДТС. С. 210). Ср. в другой последовательности составляющих элементов: *äsän enč elig tirilsü miñ jiltin* ‘в здравии (и) покое живет пусть правитель тысячу лет!’ (Arat 1947. S. 257). В древнеуйгурских буддийских текстах из Турфана конструкция *enč äsän*, как отметил сэр Дж. Клосон, также употребляется ‘at times even of slight illness and discomfort’ (EDT. P. 172). Интересен один из таких текстов, опубликованный Ф.В.К. Мюллером под индексом Т.III.М.182 (по новой каталогизации — U 9206), где в строках 8–9 содержится выражение *alyu tudači-lar-tin inč äsän qılzun mini*, что сам Ф.В.К. Мюллер перевел как ‘...Fängern Ruhe und Frieden schaffe mir!’, сэр Дж. Клосон — как ‘may he make me at peace and safe from all grasping (evil spirits)’ (Müller 1910. S. 64; EDT. P. 171–172). Этот фрагмент, как и большинство образцов древнеуйгурской буддийской литературы, представляет собой перевод канонических текстов с китайского языка, которые, соответственно, иногда могут быть идентифицированы. В данном случае речь идет о китайской версии гимна *Tathāgatoṣṣṇāsitatāpatre-aparājita-nāma-dhāraṇī*, известной по ксилографу Юаньской эпохи. Как и для другого фрагмента, под индексом Т. III. М. 231 (= совр. U 9208), Ф.В.К. Мюллер подобрал китайское выражение, калькой с которого стала рассматриваемая фраза: *юань во хо-дэ ань-вэй цзи-сян* 願我獲得安穩吉祥, что в его переводе выглядит как ‘wünsche ich Frieden und Glück zu erlangen’ (Müller 1910. S. 61, 64). В этом случае др.-тюрк. *inč* и *äsän* должны соответствовать кит. *хо-дэ* 獲得 [пиньин. *huò-dé*] «1) получить, добыть, приобрести; добиться;

поздних текстах появляются аналогичные по смыслу выражения только с глаголами в форме аориста, построенные по конструкции дизъюнктивных (разделительных) вопросов: *inč äsän bar/lärür ärki sizlär* ‘You are fine and healthy, aren’t you?’. Как указал японский исследователь, отмеченные выражения в различных комбинациях обычно следуют за приветствиями или даже в некоторых письмах вовсе не имеют никакой преамбулы (Moriyasu 2012. P. 8–11)⁴¹.

Употребление местоимений и форм глаголов 2-го лица в отношении адресата в форме как единственного, так и множественного числа обусловлено тем, что в первом случае фраза акцентирует внимание на конкретном человеке, к которому направлено обращение, во втором — просто воспроизводит формулу уважительного обращения. Еще больший оттенок уважения придает использование в отношении адресата форм 3-го лица. В то же время, наоборот, использование формы множественного числа со стороны адресанта в отношении себя добавляет некоторый оттенок самоуничижения (Moriyasu 2011. P. 64–66; 2012. P. 7).

Отмеченные формулы, каждая в отдельности, находят аналогии в других исторических текстах, а также в современных тюркских языках.

Одним из интереснейших источников, с точки зрения употребления приветственных формул, является памятник карахандиско-уйгурского языка, поэма «Кутадгу билиг»

одержать, занять (какое-л. место); добыча... <...> 2) удалось, получилось» (БКРС. Т. 3. С. 1001, № 10313) и *ань-вэнь* 安穩 [пиньин. *ān-wěn/wen*] «(1) спокойный и надежный; безмятежный; 2) короткий, мягкий (о характере, особенно женщины)» (БКРС. Т. 4. С. 1033, № 15403), но, по-видимому, изменены местами по сравнению с выражениями китайского текста, что лишний раз свидетельствует в пользу довода о существовании редупликационного сочетания, не изменяющего общего смысла при перестановке элементов.

В дополнении к китайско-уйгурскому словарю Минской эпохи «Гао-чан гуан-и шу» 高昌館譯書 сочетание *inč äsän* ‘спокойствие и здоровье’/‘Ruhe und Wohlsein’ (РСл. Т. 1. Ч. 1. Стб. 745, 746) написано *ānч äsän*), *raix*, *tranquillité*’ (Ligeti 1969. P. 12) передано соответствием *тай-нин* 太平, букв. ‘великое спокойствие; благоденствие; спокойный, тихий, мирный, безмятежный’ (БКРС. Т. 3. С. 645, № 8512).

⁴¹ Можно отметить, что сочетание вопросительной формулы *ädgü mü äsän mü?* и тех, что содержат вопрос *nätäg*, фиксируется уже в дуньхуанских документах IX–X вв.: Manuscris ouïgours 1986. Т. I. P. 116, 303 (21.4 (Or. 8212 (120): *nätäg sizlär? ädgü mü äsän mü?*), 137 (26.2 (Pelliot Ouïgour 12): *ädgü mü äsän mü? nätäg si[z]lär?*), 141 (27.4 (Or. 8212 (181): *ädgü mü äsän mü? nätäg [...]*); Т. II. P. 303, 311, 312 (фотокопии манускриптов). См. также: Manuscris ouïgours 1986. Т. II. P. 216 (глоссарий).

(«Знание [о том, как] сделаться счастливым»), завершенная старшим современником Махмұда ал-Қашғарӣ, Йўсуфом Хāсс Хāджибом ал-Бāласāгўнӣ, в 1069–1070 гг. Несмотря на то, что это сочинение было написано в обществе, уже испытывавшем значительное влияние мусульманской культуры, отразившееся в том числе в заимствовании новоперсидской и арабской лексики, оно сохраняет ряд стандартных идиом, что позволяет составить представление о соотношении в конкретных контекстах тех или иных лексических единиц, тюркских и заимствованных, формально характеризующихся близким семантическим спектром. Три известных на сегодня списка сочинения, относящиеся к XIV–XV вв., содержат некоторые разночтения и частично испытали уже влияние языка поздних переписчиков, что, однако, для нас играет только положительную роль, поскольку отражает процесс замены отдельных лексем вытеснившими их соответствиями.

Разумеется, взаимодействие арабского и новоперсидского языков с тюркской средой не было одинаковым в различные исторические периоды и в различных регионах, и, соответственно, влияние каждого из них отразилось по-разному. Если новоперсидский оказал значительное влияние на синтаксис, то арабский язык дал гораздо большее число лексических заимствований. Арабская лексика, касающаяся многих сторон социальной жизни, тесно связанной именно с нормами исламской религии, представляла собой уже устоявшуюся, четко выстроенную систему. Каждая из составляющих ее единиц характеризовалась определенными границами семантического поля и устойчивой закономерностью в контекстуальном употреблении как по отдельности, так и в сочетании с другими словами (Bodrogligeti 1972. P. 355–358).

Прежде всего, в «Кутадгу билиг» мы видим вопросительную формулу приветствия со словом *āsān*. Примечательно, что она зафиксирована в составе письма, которое Кюнтогды пишет Одгурмышу. Здесь после преамбулы, где он уведомляет адресата о том, что это письмо приветствия (*sālām kōngül ajtu bitig*) от правителя (*elig*), он сообщает, что написал его с пожеланием умиротворения [*āsānlik üzä*, букв. ‘благополучия (~ мира, спокойствия, см. ниже) ради’]⁴², и спрашивает: *āsān bar mu?* (Arat 1947. S. 326; Berbercan 2013. S. 84), букв. ‘здоровье

⁴² Ср. аналогичную по содержанию формулу во втором письме Кюнтогды Одгурмышу: *sālāmin āsānlik üzä*, букв. ‘приветствия (и) благополучия (~ мира, спокойствия) ради’ (Arat 1947. S. 394; Berbercan 2013. S. 88).

(~ благополучие) [у тебя] есть ли?». В другой раз подобная фраза с *äsän* встречается несколько в ином контексте — когда Кюнтогды интересуется у Öгдюльмиша жизнью Одгурмыша: *enç äsän bar mı?*, букв. ‘покой (и) здоровье (~ благополучие) [у него] есть ли?’ (Arat 1947. S. 578).

Можно привести и другие примеры, показывающие употребление слова в пожеланиях. Так, в контексте наставления говорится: *äsän bol jana bolya altun kümüſ*, букв. ‘здоров будь, (и) снова будут [у тебя] золото (и) серебро’ (Arat 1947. S. 136; ср.: ДТС. С. 183; РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 889), и в другом месте — как пожелание правителю: *äsän enç tirilgil* ‘в здравии (и) покое живи’ (Arat 1947. S. 213; EDT. P. 242; РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 889).

Для уяснения некоторых семантических трансформаций и понимания их историко-культурной обусловленности следует обратить внимание на длинную сентенцию Одгурмыша, отвечающего на вопрос Кюнтогды, почему он не поприветствовал (*sälām qıl-ma-*) его, где можно уловить контекстуальные различия между *sälām* и другими словами. Так, ср.: *sälām ol kiſikä äminlik ämān / säläm qılſa ötrü emīn boldi žān*, букв. ‘приветствие это [есть] надежность и благополучие⁴³; / приветствие сделал [кто-то] если, потом защищенной стала душа’ (ср.: EDT. P. 161–162). Здесь *sälām* выступает именно как ‘приветствие’, другой арабизм *ämān* [< ар. *’mān*] — ‘благополучие, безопасность’⁴⁴, арабизм *emīn* [< ар. *’imīn*] имеет значения ‘надежный, верный’, ‘в значении суц. верность’. ‘надежно, уверенно’ (ДТС. С. 75), ‘safe, secure’ (EDT. P. 161)⁴⁵. Далее еще *ämān berdi ärkä säläm qilyučī*, букв. ‘благополучие/безопасность дал человеку приветствие желающий’⁴⁶. Сам же Одгурмыш не исполнил приветствия, по его словам, потому, что именно «большие» (*uluŷ*) властны приветствовать «малых»

⁴³ Ср. у В.В. Радлова по Гератскому списку, отразившему, скорее, особенности чагайтского языка, т.е. среднетюркского тимуридской эпохи (см.: Erdal 2004. P. 9): *салам ол кижидин кижигә аман* ‘Салам, это есть приветствие от человека человеку’/‘Salam ist ein Gruss vom Menschen zum Menschen’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 643). Ср.: Arat 1947. S. 505, примечание к бейту 5056.

⁴⁴ Ср.: кирг. (= каз.), казан. тат., кр.-тат., осм., уйг. *аман* ‘здорово, в хорошем здоровьи’/‘gesund, wohl, bei Wohlsein’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 643).

⁴⁵ Ср.: чар., сарт., куман., осм., уйг., караим. луцк. *ämin* ‘верный, наверно’/‘sicher, zuverlässig’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 954–955), казан. тат. *imīn* ‘безопасный, в хорошем состоянии здоровый и невредимый, как следует’/‘ungefährlich, unverletzt, sicher, bei gtem Wohlsein, wie es sich gehört’ (РСл. Т. I. Ч. 2. Стб. 1574).

⁴⁶ Ср.: ДТС. С. 41, где еще отмечено неточное значение ‘милость’, применительно к данному отрывку.

(*kičig*), имея в виду, что последние ничего не могут обеспечить из того, что подразумевается под приветствием, и, соответственно, он, простолюдин (*qara*), ничего не может пожелать господину (*bäg*), потому что тот, как правитель, властен над всем (Arat 1947. S. 504–506; Çelepi 2015. S. 107–108)⁴⁷.

Фактически в «Кутадгу билиг» наглядно отражен не только процесс вытеснения тюркской лексики иноязычными, прежде всего арабскими, словами, но и также процесс семантической девальвации самих этих слов, в частности, сужение значения арабизма *salām*, ориг. ‘спасение, безопасность’ > ‘мир, спокойствие’ > ‘приветствие’ (van Arendonk, Gimaret 1995), до обозначения приветствия, пожелания благополучия, стабильного здоровья, процветания, пребывания в покое и безопасности — с отпадением изначальной семантики, связанной с этими понятиями, частично заложенной в тюрк. *äsän*⁴⁸. Последние как раз заменяются различными соответствиями из подобранных, согласно контекстуальному оттенку, слов или их сочетаний, среди которых также можно видеть ряд вызванных влиянием мусульманской культуры новообразований вроде *äminlik* (*ämin* + *lik*)⁴⁹ или, например, *äsänlik* ‘peace, safety’, соответствующего ар. *salām* как раз в этом значении (Bodrogligeti 1972. P. 361)⁵⁰. Кроме того, здесь можно наблюдать, как изменяется само восприятие приветствия с точки зрения этических норм (Çelepi 2015. S. 107, 108). Изменяется и назначение приветствия, формула

⁴⁷ Ср. стихотворный перевод С.Н. Иванова: Юсуф Баласагунский 1983. С. 381–382.

⁴⁸ Интересно, что в сагайском диалекте хакасского языка слово *ežän* фактически употребляется эквивалентно слову *salām* в других языках, что показывают контексты *ežän ner-*, *ežän al-* (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 890) в сопоставлении с кр.-тат., казан. тат. *salam ber-/bir-*, *salam al-* (РСл. Т. IV. Ч. 1. Стб. 353).

⁴⁹ Ср. [чаг.] *äminlik* ‘надежность, верность’ (ДТС. С. 75), куман., уйг., караим. луцк., караим. трок. *äminlik* ‘безопасность’ / ‘Sicherheit’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 957), казан. тат. *imñlik* ‘безопасность, здоровье’/‘die Sicherheit, das Wohlsein’ (РСл. Т. IV. Ч. 2. Стб. 1575).

⁵⁰ Ср. разброс семантического спектра в других среднетюркских памятниках: Clauson 1972. P. 249; Радлов 1893а. Стб. 874. Как показал М. Эрдал, аффикс *+LXK* обладает функцией образования имен с абстрактным значением только в караханидско-уйгурских памятниках, в древнеуйгурских текстах лексические значения у подобных дериватов встречаются поздно и редко (OTWF. P. 126; Erdal 2004. P. 144, note 253). В частности, это приведенное исследователем (см. цит. работы) в одном из древнеуйгурских буддийских текстов *enčlik äsänlik*, переданное через абстрактное ‘well-being’ (ср. ‘...are well and happy’: Erdal 2004. P. 188), а К. Рехборном через ‘Mit-Wohlsein-und-Gesundheit-Sein’ (по выражению исследователя, “sogennanten deadjektivischen Abstrakta”) (Röhrborn 1995. S. 137).

которого подразумевает теперь именно пожелание благополучия, стабильности пребывания в нем или грядущих изменений, которые к нему приведут, но не подразумевает пребывания адресата в этом состоянии уже на момент произнесения приветствия, как это заложено в вопросительной формуле⁵¹.

Подобные разнообразные вопросительные формулы в качестве приветствий нашли широкое распространение в культуре тюркских народов. Кроме указанного выше в «Дүвән лугāt ат-турк» примера с *äsän*, можно, в частности, вслед за Т. Мориясу (Moriyasu 2012. P. 7–8) отметить зарегистрированный в том же источнике и находящийся параллели в древнеуйгурских текстах вопрос *könül ěnc-mü?*, букв. ‘сердце спокойно ли?’ (DLT. Cilt II. S. 437; EDT. P. 172; МК. Pt. II. P. 374; ДЛТ 2005. С. 1067; см. также: ДТС. С. 210). Махмуд ал-Кашгару отмечает также фразу *nätäg sän?*, букв. ‘как ты?’ (DLT. Cilt I. S. 392; EDT. P. 776; МК. Pt. I. P. 300; ДЛТ 2005. С. 371; ДЛТ 2010. С. 325; см. также: ДТС. С. 210). И, хотя тюркский филолог не дает никаких комментариев к этим двум случаям, из сравнительного материала по тем же древнеуйгурским памятникам ясно, что речь идет о приветственной формуле. В «Кутадгу билиг», когда излагается содержание второго письма Кюнтогды Одгурмышу, после формального приветствия автор вставляет фразу *nägü täg ärür sän?*, букв. ‘чему подобно есть (= существуешь) ты?’ (Arat 1947. S. 394; Berbercan 2013. S. 88), выражающую заинтересованность состоянием адресата. Как Решит Рахмети (Арат) в переводе «Кутадгу билиг», так и Бесим Аталай в переводе «Дүвән лугāt ат-турк» передали, соответственно, формулы *nägü täg ärür sän?* и *nätäg sän?* на турецком языке аналогичным по смыслу и содержанию выражением ‘Nasilsin?’. Как и наречие *nätäg*, образованное от местоимения *nä* и послелога, обозначающего

⁵¹ На интересное сообщение обратил внимание Мехмет Суруп Челепи. В кыргызском эпосе «Манас», когда Алманбет, принявший до этого ислам, заходит в юрту отца и приветствует присутствующих мусульманской формулой “*Asalau malikim!*”, никто не отвечает ему. Эти слова не были понятны его соотечественникам (Ögel 1993. S. 307; Çelepi 2015. S. 109). Надо думать, что заимствование иноязычных слов и выражений наиболее осязаемое влияние оказывало на литературный язык, как это видно из памятников карахандско-уйгурской эпохи, но не сказывалось на изменении в мировоззренческих установках широких слоев населения, в среде которых бытовали традиционные формулы приветствий. Точно так же это происходило в зонах наиболее тесного соприкосновения тюркоязычного населения с мусульманской культурой, каковой в случае с куманами-кыпчаками был, например, Крым (см. выше о «Codex Cumanicus»).

подобие, *täg* (EDT. P. 776), так и наречие *nasil*, отмеченное прежде только в староосманском, имеет составной характер: < *nä asil* (РСл. Т. III. Ч. 1. Стб. 675), где второй элемент — арабизм (Gülensoy 2007. S. 604; см.: ДТС. С. 60). Ср. в казахском языке *калаисыз?* ‘как Вы живете?’/‘wie befindet ihr euch?’ (РСл. Т. II. Ч. 1. Стб. 227).

Махмұд ал-Қашғарұ отмечает слово *ajtiš*, обозначающее явление, когда ‘два человека спрашивают друг друга о состоянии (самочувствии)’ (*huwa an yas’ala al-ražulān kull wāhid minhumā ḥāl al-āḥar*), а также слово *ajti* как форму (*luğa fi*) предыдущего в значении ‘осведомление о здоровье и тому подобное’ (*al-istiḥbar ‘an al-salāma wa naḥwihā*) (DLT. Cilt I. S. 113; EDT. P. 268; МК. Pt. I. P. 140; ДЛТ 2005. С. 141; ДЛТ 2010. С. 135; см. также: ДТС. С. 30). Обе формы образованы от глагола *aj(i)t-*, являющегося формой побудительного залога от *aj-* ‘говорить’ и обозначающей действие, которое можно передать как ‘позволять/просить/дать/заставить говорить/излагать/произносить’, и этот полисемантизм, соответственно, заставляет также отгораживать вторичные значения, исходя из различных оттенков экспрессивности: ‘спрашивать, обращаться с вопросом, расспрашивать’, ‘спрашивать, требовать ответа, призвать к ответу’ и др. (см.: ДТС. С. 29)⁵². В контексте, дающемся у Махмұда ал-Қашғарұ, надо полагать, речь как раз идет о той ситуации, когда люди обменивались формализованными вопросами о самочувствии, характеризовавшими приветствие.

Особый глагол, обозначающий приветствие, *äsän+lä-*, также зафиксирован у Махмұда ал-Қашғарұ, в контексте *ol māñä äsänlä-di*, что толкуется как ‘он поприветствовал меня и пожал мне руку’ (*hayyāni bi-taḥīya wa şafahani*) (DLT. Cilt I. S. 308; EDT. P. 249; МК. Pt. I. P. 250; ДЛТ 2005. С. 304; ДЛТ 2010. С. 266; см. также: ДТС. С. 30). Значение ‘приветствовать’ у глагола отмечается также и Ибн Муханны, но в других тюркоязычных памятниках (мамлюкско-кыпчакских, староосманских, чагатайских) он имеет значение ‘прощаться’ (EDT. P. 249–250; РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 873). Ср. при этом отмеченную и в «Кутадгу билиг», а также в мамлюкско-кыпчакских и староосманских документах форму *äsän+lä-š-* (с реципрокальным аффиксом *-(X)š-*), обозначающую прощание (EDT. P. 250; РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 890), ср., например, тел., алт. *äzānda-* ‘кланяться кому-либо’/‘Jemanden grüssen, ihm

⁵² Подробно см: OTWF. P. 182, 264, 764.

einen Gruss darbringen’, но *äzäндаш*- с обоими значениями (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 891, 892), и др. (см.: РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 873–874, 890–892; Ч. 2. Стб. 1525, 1538).

Кроме отмеченных выше самых ранних случаев употребления слова *äsän* в древнеуйгурских и караханидско-уйгурских текстах, можно привести следующие подобные. В.В. Радлов отмечает слово *esän* как ‘здоровый’/‘gesund, wohl’ для староосманского языка, приводя контекст *äsän аман-мы сән?* ‘здоров ли ты?’/‘bist du gesund? Wie ist dein Befinden? Для кыргызского и казахского («киргизского») языков, где *esän* ‘здоровый, благополучный, в хорошем положении’/‘gesund, wohl, in gutem Zustande’, отмечается контекст *мал ыаның есәнмә?* ‘все ли (скот и души) у тебя здоровы?’/‘ist Alles (Vieh und Seelen) ber dir wohl?’ с пометкой «обычное приветствие»/«gewöhnlicher Gruss» (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 873). Ср. кырг. *эсен-аман* или *аман-эсен* ‘здоровый, благополучный’ в контексте *эсен-аман болдуңбу?* ‘хорошо ли ты себя чувствуешь?’, ‘ты уже поправился?’ (КРС. С. 466). Но также в обоих языках отмечена формула прощания *esän бол! esän аман!* ‘прощай!’/‘lebe wohl!’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 873). В телеутском и алтайском, где *äzän* ‘здоровый’/‘gesund’ (в телеутском также имеет значение ‘здоровье, счастье’/‘die Gesundheit, Wohlfahrt’), отмечается контекст *äzän, äzänbä?* ‘как ты поживаешь?’/‘wie befindest du dich?’ с пометкой “Begrüßungsformel”, но также тел., алт. *äzän jakшы! äzän пол! äzän полбын!* ‘будьте здоровы! прощайте!’/‘lebet wohl! adieu!’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 890). Наконец, можно отметить татарское *isän* ‘здоровый, в хорошем состоянии’/‘wohl, in gutem Zustande’ в контексте *isänmйсін?* ‘как ты поживаешь?’/‘wie geht es dir, wie befindest du dich?’, но также прощание *isän бул!* ‘прощай!’/‘lebe wohl’ (РСл. Т. I. Ч. 2. Стб. 1525). Вопросительную формулу с *äsän ti-* мы можем встретить в произведениях тюркского фольклора, в частности в шорском сказании «Алтын Сырык», казахском эпосе «Болат Жанат» и кыргызском эпосе «Манас», причем в последних двух она соседствует с мусульманскими формулами (Çelepi 2015. S. 109, 110, 119).

Отмеченная мнимая противоположность значений приведенных выражений может восприниматься таковой лишь контекстуально, при формализованной интерпретации их смысла. Примеры употребления слов *äsän, say*, а также арабизма *ämän* (в соответствующих фонетических вариантах), самих по себе или в различных сочетаниях друг с другом, показывают, что в

контексте как приветствий, так и прощаний они употреблялись одинаково, будучи объединены общим значением пожелания здоровья и благоденствия (Keskin 2017. S. 134–135)⁵³.

Как уже отмечалось выше, приветственная фраза, представляющая в форме вопроса, является, скорее, стилистической фигурой, не подразумевающей необходимости какого-либо ответа на нее, и несет значение именно пожеланий, подразумевая не только наступление какого-то блага, но и наличие его у адресата на момент приветствия. В то же время содержащие те же слова фразы, употребляемые при расставании, снабжены глаголом *bol-* (вар. *ol-*, *bul-*), который выступает в форме императива; хотя морфологически он не оформлен показателем повелительно-желательного наклонения, его семантика подразумевает какие-то преобразования, которые должны произойти с объектом действия в ходе или в результате этого действия (Erdal 2004. P. 255, 276, 322–323).

Суммируя все сказанное, можно с определенной долей уверенности предполагать, что именно подобная вопросительная

⁵³ Отмеченный выше у Махмұда ал-Кāшгарī вопрос *äsän mü sän?* Б. Аталай перевел на турецкий язык при помощи выражения *‘sağ mısın?’* (DLT. Cilt I. S. 77), где тур. *sağ* ‘правый’, ‘здоровый’, ‘живой’, ‘невредимый’ восходит к др.-тюрк. *say* ‘здоровый, верный’, и, по-видимому, контаминирован также с гетерогенным омонимом ‘правый’ (в значении пространственной ориентации) (ЭСТЯ 2003. С. 134–136). Само это слово нигде не регистрируется в ранних памятниках в каком-либо контексте, связанном непосредственно с приветствием или прощанием. Сочетание *saw bol-*, впервые, видимо, отмеченное в «Codex Cumanicus», но лишь в составе изложения перевода проповеди (Codex Cumanicus 1981. P. 166): *saw bol-mas* в контексте *‘l’âme récheresse ne guérit pas’* (Drimba 1973. P. 247, 269). При этом другие случаи показывают, что в ряде тюркских языков семантика смещалась в сторону обозначения своеобразного предупреждения: ср. уйг., тел., алт., шор., саг., койб., кирг. (= каз.), казан. тат., куман., кр.-тат. *cak* ‘чуткий, чуткость’/‘wachsam, die Wachsamkeit’, при, например, тел. *cak бол!*, кр.-тат. *cak ол!* ‘бди!’/‘sei wachsam!’. Лишь в отдельных контекстах слово употребляется как часть пожеланий: ср. чаг., вост.-тюрк., осм., кр.-тат. *саб* ‘здоровый, нетронутый’ — в *саб сәләмәт ол!* (*саб ол!*) ‘будь здоров!’/‘lebe wohl!’ (РСл. Т. IV. Ч. 1. Стб. 239–240, 259), куман., кирг. (= каз.), казан. тат., тобол. *сау* ‘здоровый, трезвый’/‘gesund, nüchtern’, при кирг. (= каз.) *сау бол!* *ecän сау бол!* ‘Будь здоров!’/‘bleibe gesund!’ (РСл. Т. IV. Ч. 1. Стб. 233). В татарском (*savbul*) и в туркменском (*sag bol*) языках можно увидеть, что эта формула используется как в качестве приветственной, так и в качестве прощальной (Keskin 2017. S. 134). Такой же пример имеется с отмеченным выше арабизмом *ämān*. Так, кирг. (= каз.) *аман* ‘здорово, в хорошем здоровьи’/‘gesund, wohl, bei Wohlsein’ регистрируется как в приветственных фразах *амансыңызмы?* ‘здоров ли ты?’/‘bist du gesund?’, *мал ыңың аманма?* ‘здорово ли все? (словесно: твой скот и твои души) у тебя дома?’/‘ist Alles (wörtlich: dein Viech und deine Seelen) bei dir gesund?’, так и прощальной *аман бол!* ‘прощай!’/‘leden wohl!’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 643).

формула **äsän mü/mi/mä sän?*⁵⁴ могла бытовать в куманокыпчакской среде. Именно ее есть все основания разглядеть за процитированной древнерусским летописцем фразой половецких послов: «Прашаемъ здоровья твоего».

Правда, в рассмотренных тюркских приветственных формулах отсутствует глагол, который можно было бы перевести как *прашаемъ*. Напротив, именно этот глагол есть в процитированном выше послании Изяслава Мстиславича к брату Ростиславу («прашаю, въ здоровьи ли еси»). Перед нами, по-видимому, некий гибрид оригинальной половецкой формулы и того, как о *здоровии* осведомились бы по-древнерусски. Однако уникальность этой формулы для Древней Руси, отсутствие других древнерусских примеров использования вопроса о здоровье в качестве приветственной формулы и, наоборот, наличие ярких тюркских аналогий заставляет думать, что древнерусский летописец воспроизвел реальное приветствие половецких послов. Или — выразимся осторожнее — он воспроизвел то, как во время переговоров приветствие половеццев *переводили* на древнерусский язык⁵⁵.

С точки зрения тюркологии это летописное известие важно потому, что оно предоставляет важное историческое свидетельство, позволяющее говорить о существовании общих черт речевого этикета в среде носителей тюркских языков в различных ареалах их распространения уже по меньшей мере в среднетюркский период, дополняя, таким образом, данные древнеуйгурских писем и поэмы «Кутадгу билиг». Для историка Древней Руси этот случай не менее важен, поскольку он наглядно показывает: кем бы ни был записавший данное известие летописец, когда и где бы он ни работал, он воспроизвел реальную половецкую приветственную формулу, а значит — ориентировался если не непосредственно на произнесенные в 1147 г. Василем Половчином слова, то, как минимум, на дипломатическую практику своего времени.

⁵⁴ См. примеры вопросительных фраз с частицей *mX* в различных фонетических вариантах в «Codex Cumanicus»: Drimba 1973. P. 13, 148–149.

⁵⁵ Надо думать, что представлявший половецв Василь Половчин, кем бы он ни был (см. примеч. 6), владел обоими языками. Другой, более известный пример того, что, говоря о взаимоотношениях с половецями, летописцы выбирали выражения, отражающие специфику этих отношений, — термин *рота* (языческая клятва); князь-христиане между собой *целовали крест* (Франчук 1988. С. 155–156; Щавелев 2006. С. 270).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аристов В. Ю.* Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X. С. 117–136.
- БКРС — Большой китайско-русский словарь по русской графической системе. Т. 3: Иероглифы № 5165–№ 10745. М., 1984.
Т. 4: Иероглифы № 10746–№ 15505. М., 1984.
- Боровков А. К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв. М., 1963.
- Вилкул Т. Л.* Политика консенсуса в киевском летописании XII в. // *Российская государственность: История и современность*. СПб., 2003. С. 56–62.
- Вилкул Т. Л.* Літопис Святослава Ольговича у складі Київського зводу XII століття // *До джерел: Збірник праць на пошану О. Купчинського з нагоди його 70-річчя*. Київ; Львів, 2004. Т. 2. С. 63–74.
- Вилкул Т. Л.* Летопись и хронограф: Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019.
- Гимон Т. В.* К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // *ВЕДС-XXX: Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто*. М., 2018. С. 64–71.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1.
- Дашкевич Я. Р.* Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // *История СССР*. 1991. № 4. С. 100–111.
- Джаксон Т. Н.* От устной коммуникации к письменной: Ситуация в средневековой Норвегии в освещении исландских саг // *ДГ, 2017–2018 год: Ранние формы и функции письма*. М., 2019. С. 169–195.
- ДЛТ 2005 — *Махмуд ал-Кайсарй*. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005.
- ДЛТ 2010 — *Махмуд ал-Кайсарй*. Диван Лугат ат-Турк (Свод тюркских слов). М., 2010. Т. 1.
- Древнейший список «Вопрошания» Кирика Новгородца по рукописи ГИМ. Син. № 132. XIII в. / Подгот. текста В. В. Милькова // *Кирик Новгородец и древнерусская культура*. В. Новгород, 2014. Ч. 3. С. 246–288.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Зайцев А. К.* Черниговское княжество X–XIII вв. Избранные труды. М., 2017.
- Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 89–219.
- Зализняк А. А.* Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. С. 82–122.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. (а)
- Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004. (б)

- Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Капитанов С. М.* Древнерусские печати (Размышления по поводу книги В. Л. Янина) // История СССР. 1974. № 3. С. 176–183.
- КЛ 2017 — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. 2-е изд. М., 2017.
- КРС — Киргизско-русский словарь (Кыргызча-оруча сөздүк). Фрунзе, 1985. Кн. 2: Л–Я.
- Лавренченко М. Л.* Устная речь и публичная коммуникация: К вопросу о княжеских речах Киевской летописи // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 165–169.
- Лавренченко М. Л.* «Братоучадо» Русской Правды и роль брата матери в домонгольской Руси // ДГ, 2016 год: Памяти Г. В. Глазыриной. М., 2018. С. 360–371. (а)
- Лавренченко М. Л.* Обращения и договорные формулы в диалогах Рюриковичей (по материалам Киевской летописи) // Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek. Kraków, 2018. S. 155–177. (б)
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Русские имена половецких князей. М., 2013.
- Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай в XI–XIII вв. // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986 (впервые опубли.: 1946).
- Мецгерский Н. А.* [Рец. на кн.:] *Франчук В. Ю.* Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986 // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 171–174.
- Мушар Ф.* Между братом и сыном: Об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X. С. 137–146.
- Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.
- НГБ-ХП — *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиттис А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. Т. 12.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3: Об изменении значения и заменах существительного. (впервые опубли.: Харьков, 1899).
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996 (1-е изд.: Л., 1940).
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997 (репринт изд.: Л., 1926).
- Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998 (репринт изд.: СПб., 1908).
- Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 (репринт изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950).
- Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М., 2004 (репринт изд.: М.; Л., 1949).
- РСл — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб.
- Т. 1: Гласные, ч. 1–2. 1893.
- Т. 2, ч. 1. 1899.

Т. 3, ч. 1. 1905.

Т. 4, ч. 1. 1911.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1.

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.

Лексика. 2-е изд., доп. М., 2001.

СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003.

Т. 1–3. (1-е изд.: СПб., 1903).

Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.

Франчук В. Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

Франчук В. Ю. Языческие мотивы древнерусского летописания // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 154–157.

Франчук В. Ю. Документальная основа летописи Изяслава Мстиславича // ВЕДС-XXX: Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2018. С. 315–320.

Чугаева И. К. Чернігівське літописання XI–XIII ст.: Історіографічний міф чи історичне джерело? Чернігів, 2018.

Щавелев А. С. Съезд князей как политический институт // ДГ, 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 268–290.

ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М., 2003.

Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983.

Alimov R. Divanu Lûgati't-Türk'e Göre Kıpçakların Dili? // Maḥmūd al-Kāşğari'nin 1000. Doğum Yıldönümü Dolayısıyla Uluslar arası Dîvānu Luğāti't-Türk Sempozyumu 5–7 Eylül 2008, İstanbul / The Dîvānu Luğāti't-Türk International Symposium: In Commemoration of Maḥmūd al-Kāşğari's 1000th Birthday 5th–7th September 2008, Istanbul. Ayırbaşım / Offprint. İstanbul, 2011. P. 147–158.

Arat R. R. Kutadgu Bilig. 1 Metin. İstanbul, 1947.

Arendonk C. van, Gimaret D. Salām // *EtP*. Vol. VIII. P. 915–918.

Aydın E., Karaman A. Eski Türk Yazıt ve El Yazmalarında İkillemeler // *Journal of Old Turkic Studies*. 2019. Vol. 3. №2. S. 259–286.

Berbercan M. T. Türk Yazı Dilindeki İlk Manzum Mektup Örnekleri // *Karatekin Edebiyatı Fakültesi Dergisi (KAREFAD)*. 2013. Cilt 2. Sayı 1. S. 73–92.

Bodrogligeti A. Islamic Terms in Eastern Middle Turkic // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. T. 25. P. 355–367.

Codex Cumanicus. Budapest, 1981 (впервые опубли.: 1880).

Çelepi M. S. Halk Edebiyatı Metinlerinde Selamlaşma Sözcük ve İfadeleri // *I. Uluslararası Türk kültürü araştırmaları sempozyumu (TÜKAS 2014) bildirileri*. 12–13 Kasım 2014, Nevşehir. Nevşehir, 2015. S. 106–116.

- DLT — *Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi*. Ankara, 1985. Cilt 1, 2 (впервые опубли.: 1939–1940).
- Drimba V.* *Syntaxe Comane*. Bucureşti; Leiden, 1973.
- EDT — *Clauson G.* *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, 1972.
- Erdal M.A.* *Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston, 2004.
- Golden P.B.* *The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 3–4. 1979–1980. P. 296–309.
- Golden P.B.* *Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qıpçaq // Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1995–1997. Vol. 9. P. 99–122.
- Golden P.B.* *The Codex Cumanicus // Golden P.B.* *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. Bucureşti; Brăila, 2011. P. 333–365 (впервые опубли.: 1992).
- Gülensoy T.* *Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü : tarihi — yaşayan Türk lehçeleri (şiveleri/dilleri). Anadolu ağızları ve Altay dilleri ile karşılaştırmalı: (etimolojik sözlük denemesi)*. Ankara, 2007. Cilt I (A–N).
- Keskin A.* *Türk Kültüründe Selamlaşma ve Vedalaşma Hakkında Genel Bir Değerlendirme // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi*. Sayı 43. 2017. S. 125–146.
- Ligeti L.* *Glossaire supplémentaire au vocabulaire sino-ouïgour du bureau des traducteurs // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1969. fasc. 1. T. 22. P. 1–49.
- MK — *Maḥmūd al-Kāšgarī*. *Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk)*. Cambridge (Mass.), 1982–1984. Part 1–2.
- Manuscripts ouïgours du IXe–Xe siècle de Touen-Houang / Textes établis, trad. et commentés par J. Hamilton*. P., 1986. T. 1–2.
- Moriyasu T.* *Epistolary Formulae of the Old Uighur Letters from the Eastern Silk Road (Part 1) // Memoirs of the Graduate School of Letters Osaka University / 大阪大学大学院文学研究科紀要 [Ōsakadaigaku daigakuin bungaku kenkyūka kiyō]*. 第51巻. 2011. P. 32–86.
- Moriyasu T.* *Epistolary Formulae of the Old Uighur Letters from the Eastern Silk Road (Part 2) // Memoirs of the Graduate School of Letters Osaka University / 大阪大学大学院文学研究科紀要 [Ōsakadaigaku daigakuin bungaku kenkyūka kiyō]*. 第52巻. 2012. P. 1–98.
- Müller F.W.K.* *Uigurica II. (Mit 3 Tafeln) // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie Der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse*. B. Abh. 3, 1910. S. 1–110.
- OTWF — *Erdal M.* *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Wiesbaden, 1991. Vol. 1–2.
- Ögel B.* *Türk mitolojisi (Kaynakları ve açıklamaları ile destanlar)*. Ankara, 1993. 2. bk. I. Cilt. (впервые опубли.: 1989).

- Rásonyi R.* Kuman Özel Adları // Türk Kültürü Araştırmaları. 1966–1969. Cilt III–IV. Ankara 1973. S. 71–144.
- Röhrborn K.* Konversion von „Adjektiven“ im Alttürkischen // Beläk Bitig. Sprachstudien für Gerhard Doerfer zum 75. Geburtstag. Wiesbaden, 1995. S. 135–140.
- Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki, 2006.
- Sertkaya O.* II. Dünya Savaşı esnasında Berlin Koleksiyonu’ndan kaybolan Eski Uygur belgelerindeki Hristiyan Uygur Türkleri’nin isimleri üzerine // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi, 2011. Cilt 43 (2010–2). S. 97–113.
- Sertkaya O.* Eski Uygur Mektupları Üzerine // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. Cilt 44. Sayı 44. 2012. S. 209–228.
- TMN II — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden, 1965. Bd. 2: Türkische Elemente im Neupersischen.
- Toprak F.* Divānu Luğati’t-Türk’te ‘Kıpçakça’ Kaydıyla Verilen Kelimelerin Tarihi Kıpçak Sözlüğü İçindeki Yeri // Türkoloji Dergisi. 2003. Cilt 16. Sayı 2. S. 79–102.
- Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.
- Yıldırım F., Aydın E., Alimov R.* Yenisey–Kırgızistan Yazıtları ve Irk Bitig. Ankara, 2013.

Timofey V. Guimon, Vladimir V. Tishin

A TURKIC GREETING FORMULA IN A RUS CHRONICLE:
POLOVTSIAN ENVOYS TO PRINCE SVYATOSLAV OLGOVICH IN 1147

S.a. 1147 the Rus *Hypatian Chronicle* reports the arrival of Polovtsian (Cumanic) envoys to Prince Svyatoslav Olgovich (from his Cumanic maternal uncles). The annalist quotes the direct speech of the envoys who say as follows: ‘We ask about your health. And when will you tell us to join you with our army?’. It is characteristic to the text of the *Hypatian Chronicle* for the 12th century (the so-called *Kievan Chronicle*, a text finally composed *c.* 1198 but based upon earlier annals) to quote ‘messages’ sent with envoys by Rus princes to each other, and sometimes by other parties such as, for example, kings of Hungary. Oral or written nature of those ‘messages’ has been much debated. In the case of the Cumanic mission oral ‘message’ is, of course, much easier to imagine. In any case, the authors believe that (at least in most of the cases although certainly not in all of them) the ‘messages’ quoted in the annals are not literary constructs, but, on the contrary, tend to represent real negotiations. The annalists could either quote real written messages, or record what had been pronounced orally, or imitate the

form of such envoys' speeches on the base of some general knowledge of what had been said, — but in any case their basic idea was to make a record of real political process. This view is based upon a series of observations made by Dmitry Likhachev, Andrey Zaliznyak, and Maria Lavrenchenko. The Cumanic 'message' in question also supports this view, as it represents (in Slavonic translation) a real Turkic greeting formula.

The interrogative phrase pronounced, according to the annalist, by the Polovtsian envoys, is in fact widely known in a number of Turkic languages. For the first time it was recorded by Maḥmūd al-Qāšġarī (in 1072–1074) as a greeting statement: “āsān mü sān?”, i.e. “are you in good health?”. Despite we do not have direct data on the greeting formulas that existed among the Cumanic tribes, we can rely on the fact that, according to Maḥmūd al-Qāšġarī, the phrase in question was generally understood and used by the speakers of different Turkic dialects. This is confirmed by the fact that a similar formula, like other ones found in the Maḥmūd al-Qāšġarī's *Dīwān*, was used in Old Uighur letters from East Turkestan (the 9th–14th centuries), and is also attested, in one form or another, in Turkic languages of different groups and geographic areas, including the languages of the Kypchak group, such as Kyrgyz, Kazakh, Altai, Teleut, Tatar. Like other similar greeting phrases, arranged in the form of questions, this one should be considered, rather, as a figure of speech, not a real question. Those were polite statements implying a wish of health and well-being. They should be considered as Common Turkic, being part of traditional speech etiquette.

Thus, the phrase by the Polovtsian envoys of 1147 is significant for both, students of turkology and of Old Rus. For the former, it demonstrates that there were features of speech etiquette common to different Turkic peoples, from the Cumans of the North Black Sea region to the Uighurs. For the students of Old Rus, this case demonstrates that 12th-century annalists tended to make a record of real negotiations including elements of diplomatic etiquette such as a greeting formula used in reality by foreign counterparts of a Rus prince.

Keywords: Old Rus, Polovtsy, Cumans, Polovtsy, Turks, chronicles, diplomacy, greeting formulas.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-267-296

Д. Домбровский

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛЬСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (НА ПРИМЕРЕ БРАКОВ РОМАНОВИЧЕЙ С ПЯСТАМИ)

В статье рассматриваются проблемы социальных отношений между Пястами и Романовичами. Автор сосредоточил внимание на следующих вопросах: браки между Романовичами и Пястами, а также матримониальные союзы, создающие их политический фон; осознание факта связей родства и свойства; браки Романовичей и Пястов в свете конфессиональных проблем; тезоименитство как проявление междинастических связей; жизнь женщин из рода Романовичей при дворах Пястов и Пястовен при дворах Романовичей; личные контакты между представителями династии.

Несомненно, из-за нехватки источников картина личных отношений Романовичей с Пястами неполная, хотя имеющийся в распоряжении автора материал указывает на их относительно высокую частоту и важность для обеих сторон. На это, несомненно, повлиял факт соседства, но и другие факторы, обсуждаемые в тексте.

Ключевые слова: Пясты, Романовичи, социальные отношения, браки, родство, свойство, конфессиональные проблемы, тезоименитство

Польско-русские отношения в социальной сфере в эпоху Средневековья представляют собой весьма обширную и довольно сложную проблему как с точки зрения хронологии, так и количества составляющих ее сюжетов. Даже если ограничиться трактовкой Средневековья, соответствующей польской традиции (заведомо более узкой, чем та, которая принята в российской практике), то и в этом случае мы получим пять столетий тесных соседских отношений, разворачивающихся во многих плоскостях и имеющих культурные, хозяйственные и широко понимаемые политические последствия.

Отдельные аспекты этих отношений вызывали у исследователей оживленный интерес и освещаются в целом ряде работ. Однако, во-первых, в наши задачи не входит составление полной библиографии по данной теме. Во-вторых, мы не стремимся в заведомо кратком тексте представить синтетический очерк всей

совокупности польско-русских отношений, пусть даже в их социальном или социально-политическом измерении. Эта тема явно выходит за рамки статьи, заслуживая отдельной обширной монографии. Таким образом, мы вынуждены были отобрать те явления, которые станут предметом анализа. Мы сочли, что именно социальный аспект отношений, установившихся между Пястами и галицко-волынской ветвью Рюриковичей, т.е. Романовичами, — к тому же парадоксальным образом до сих пор детально не изученный — представляет особый интерес, одновременно обеспечивая возможность многостороннего анализа с учетом хорошей сохранности источников. Итак, хронологически ограничимся временем чуть больше столетия (кон. XII — 1340 г.), что же касается проблем, входящих в сферу нашего интереса, то остановимся на следующем:

- браки между Романовичами и Пястами, а также матримониальные союзы, создающие их политический фон;
- осознание факта связей родства и свойства;
- браки Романовичей и Пястов в свете конфессиональных проблем;
- тезоименитство как проявление междинастических связей;
- жизнь женщин из рода Романовичей при дворах Пястов и Пястовен при дворах Романовичей;
- личные контакты между представителями династии.

Браки между Романовичами и Пястами, а также матримониальные союзы, создающие их политический фон

Исключительность роли родов, правивших в эпоху Средневековья (впрочем, не только в то время), не подлежит сомнению. Это проявляется, с одной стороны, в их исключительном могуществе, а с другой — в ярких свидетельствах, оставленных в источниках. Итак, начнем наши рассуждения с перечня браков, заключенных между Пястами и Романовичами, которые, несомненно, влияли на отношения между этими династиями.

Как хорошо известно, основателем династии, которая со временем подчинила себе всю Галицко-Волыньскую Русь, был Роман Мстиславич¹, рожденный самое раннее под конец 1155–1156 г. в

¹ Фигура Романа Мстиславича вызывала заслуженный интерес исследователей, существует несколько его биографий, впрочем, разных по качеству (см. в частности: Кралюк 1999; Головки 2001; Горовенко, 2011; Майоров, 2011). В них можно найти широкий круг сведений об этом князе.

браке князя владимирского (западноволинского) и (на определенное время) киевского Мстислава Изяславича (ум. 19.08.1170 г.) с Агнешкой, дочерью правителя Польши Болеслава Кривоустого (Jasiński 1992. S. 261–264; Dąbrowski 2002b. S. 23–44; Добмровский 2015. С. 259–273)². В течение последующих четырех поколений рода Пясты были для Романовичей важными, а в определенный период едва ли не самыми важными матримониальными партнерами. В общей сложности между представителями обоих родов было заключено 5 браков³. В частности, в третьем поколении потомков Романа Мстиславича три из четырех, а в четвертом, последнем, один из двух. Четыре из пяти — это были браки Романовичей с представительницами/представителями малопольско-куявско-мазовецкой линии польской исконной династии, а один из них с силезским Пястом.

Первым стал заключенный в 1246/1247 гг. брак Василько Романовича с Добравой (Дубравкой), дочерью Конрада I. Пястовна была второй женой князя владимирского. В их браке родилось двое детей, Ольга и Владимир Иван. Неизвестно, до какого времени продолжался этот брак. «Галицко-Волинская хроника» непосредственно после информации о появлении кометы, что подлежит точной датировке периодом после июля — октября 1264 г. фиксирует: «Того ж[е] лѣта | престависа великаа княгини Васил[ь]коваа именем[ъ] Олена» (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 453; Dąbrowski 2002b S. 98; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 863)⁴. Была ли умершая княгиня идентична Добраве, однозначно ответить невозможно, хотя такой возможности окончательно исключить нельзя.

Вторым с точки зрения хронологии был брак Елены Львовны с князем бытомским Казимиром II Владиславичем, заключенный лишь ок. 1274/1278 гг. В нем появились на свет 6 зафиксированных

² В названных работах см. ссылки на источники и обзор литературы по данной теме.

³ В общей сложности Романовичи заключили 24 союза, включая оба брака Романа Мстиславича и обручение его дочери Федоры, не считая, однако, брака Марии, дочери Романа Даниловича и Гертруды Бабенберг, поскольку он никак не был связан с матримониальной политикой Романовичей. Кроме того, сюда не включен мазовецкий брак Переяславы, которую, впрочем, мы считаем не дочерью Данила Романовича, а представительницей другой ветви Рюриковичей (см. ниже). Отметим также, что кроме пяти пястовских, Романовичи заключили 11 браков с представителями других ветвей Рюриковичей, 2 брака «немецких», 2 литовских, а также по одному венгерскому, половецкому и византийскому. Происхождение жены Мстислава (II) Даниловича не установлено.

⁴ О датировке см.: Dąbrowski 2002b. S. 98.

в источниках детей: Болеслав, Владислав, Семовит, Юрий, Мешко и Мария. Как и в предыдущем случае, точно неизвестно, когда брак прекратил свое существование. Казимир умер в 1312 г., дата смерти его супруги приходится на период между 1304 и 1323 г. (Jasiński 2007. S. 517–519, 526–535; Dąbrowski 2002b S. 217–226).

Третьим стал брак Юрия Львовича с Евфимией, дочерью Казимира I Конрадовича. Он был заключен в 1289/1290 гг. и продолжался до фактически одновременной смерти супругов в 1308 г. В нем появились на свет четверо известных источникам детей: Мария (позже жена Тройдена I черского), Андрей, Лев и Анастасия (Balzer 2005. S. 606–613; Jasiński 1996. S. 18–19; Tęgowski 2000. S. 29–30; Dąbrowski 2002b. S. 197–217).

В 1299/1399 г. был заключен четвертый из интересующих нас браков. Именно тогда за князя добжинского Семовита I Казимировича была выдана Анастасия, бывшая, по нашему мнению, дочерью Мстислава (II) Даниловича. Пара дала жизнь, видимо, трем детям, известным источникам: Лешеку (недостоверно), Владиславу Горбатуму и Болеславу. Брак продолжался приблизительно до 1312 г., когда умер Семовит. Вдовствующая княгиня прожила до 1335 г. (Dąbrowski 2002b S. 232–234)⁵.

Последним, пятым был брак Марии Юрьевны с Тройденом I Болеславичем, кн. черским. Он был заключен, вероятнее всего, в 1309 г. Датой *ad quem* является 1311 г.⁶ В нем родились четверо отмеченных в источниках детей: Евфимия, Болеслав (позже князь галицко-волинский Болеслав Юрий), Семовит III и Казимир I. Супруги умерли с небольшим разрывом друг от друга в 1341 г. (Jasiński 1998. S. 30–36; 56–71).

Нельзя не упомянуть о следующих двух династических польско-русских браках, которые, очевидно, стали выражением матримонимальной политики Даниила Романовича (Dąbrowski 2002a). S. 144). Речь идет о браке Анастасии Александровны белзской с Болеславом I Конрадовичем (заключен между поздней весной 1244 г. и 17 или 18 августа 1245 г., очень быстро прерванный по

⁵ Подчеркнем, что ранее в литературе Анастасию признавали дочерью Льва Даниловича (см., напр.: Balzer 2005. S. 602–604; Baumgarten 1909. С. 33–34; Baumgarten 1927. Num. 35. Tabl. XI; Jasiński 2001. S. 130–132, 259). У этой точки зрения есть свои последователи, как например, Л. Войтович (Войтович 2006. С. 506–507). О потомстве Семовита Казимировича и Анастасии см.: Jasiński 2001. S. 172–182, 259.

⁶ Недавно свои соображения относительно даты заключения этого брака представил Я. Грабовский (Grabowski 2016. S. 56, 278). В названной работе см. литературу по теме.

причине смерти Пяста, которая датируется согласно новейшим подсчетам 05.12.1248 г. (Grabowski 2016. S. 433–434); бездетный (Домбровский 2015. С. 412–422), а также Переяславы, которую мы считаем представительницей другой (не галицко-волинской) ветви Рюриковичей, с Семовитом I Конрадовичем. Он был заключен в 1247 или 1248 г. и просуществовал до 1262 г., то есть до момента трагической смерти князя мазовецкого⁷.

Картина непростых отношений интересующих нас родов в матримонимальной плоскости будет неполной без упоминания о существовании «общих» союзов, т.е. браков будь то Романовичей или Пястов с представителями одного и того же рода. Мы имеем в виду факт женитьбы Болеслава Стыдливого, Болеслава Благочестивого, а также Льва Даниловича на дочерях короля Венгрии Белы IV, соответственно на Кинге, Иоланте Елене и Констанции (Wertner 1892. S. 475–481, 485–491; Jasiński 1995. S. 42–43; Jasiński 2001 S. 46–49). К этой же категории можно отнести браки представителей обеих династий с близкими родственниками одной из них. Так, например, за Михаила, сына Всеволода Святославича Черного и дочери Казимира Справедливого (ее имя неизвестно) была выдана дочь Романа Мстиславича (Dąbrowski 2016. S. 73–82). Именно в этом браке появился на свет Ростислав, Романович через мать по материнской линии, а с другой стороны — по бабке со стороны отца Пяст. Более того, в свою очередь, он женился на одной из дочерей короля Венгрии Белы IV и таким образом стал свояком не только для Льва Даниловича, но и для двух названных выше Болеславов (Wertner 1892. S. 463–475).

Картину дополняют браки Пястов с представительницами иных, чем Романовичи, ветвей Рюриковичей. В интересующее нас время обнаруживаются следующие союзы: 1) Брак Конрада I Мазовецкого с Агафьей, дочерью Святослава Игоревича (Jasiński 2001. S. 33–38). Здесь следует добавить, что отец жены Конрада (Игорь) был повешен в ходе борьбы за галицкий престол во время похода, который был предпринят с целью посажения на нем Даниила Романовича (Kronika halicko-wołyńska. S. 30–41; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 724–727); 2) Вероятно, обручение или — что менее правдоподобно — краткий брак Лешека Белого с N, дочерью Ингваря

⁷ Домбровский 2015. С. 681–695. В биограмме княгини изложена дискуссия относительно ее происхождения с указанием источников и литературы.

Ярославича (Dąbrowski 2006)⁸, близкого родича Романовичей⁹; 3) Брак Лешека Белого с Гремиславой Ярославной (Dąbrowski 2006). Эта древнерусская княгиня была — если исходить из нашей аргументации относительно ее филиации — теткой Даниила и Василько Романовичей через Мстислава Федора Владимировича (в 4-й степени, пересекающейся с 3-й, т.е. в 7-й)¹⁰. Важно, что ее брак стал возможен, вероятнее всего, благодаря посредничеству смоленских Ростиславичей, а именно Мстислава Мстиславича Удалого, на дочери которого в 1217 г. женился Даниил Романович (Dąbrowski 2016. S. 112–115). Более того, Гремислава (ум. в 1258 г.) после смерти мужа в 1227 г. долгие годы играла важную роль в политической жизни Малопольши, осуществляя опеку над малолетним Болеславом Стыдливым (Zabłocki 2012. S. 87–160; Tetrycz-Puzio 2016. S. 65–95).

К этой категории условно можно отнести также заключенный в 1265 г. брак Лешека Белого с Грифиной (Агриппиной), дочерью Ростислава Михайловича (Rocznik Traski 1872. S. 839; Jasiński 2001. S. 10; Tęgowski 2000. S. 28). Отец княжны, хоть и был Рюриковичем, однако с 1245 г. находился в Венгерском Королевстве, будучи — как известно — женатым на Анне, дочери Белы IV. Брак Агриппины можно в этой связи рассматривать как элемент

⁸ Ранее в литературе утверждалось, что известен лишь один брак Лешека Белого, как раз с дочерью Ингваря, которая якобы носила имя Гремислава. Мы попытались опровергнуть это мнение в приводимой статье. Там же см. ссылки на источники и литературу. После ее публикации появились работы, в которых наши выводы подверглись сомнению. Однако временами критика носила скорее курьезный характер. Это наблюдение относится, прежде всего, к аргументации биографа Гремиславы, В. Заблоцкого, который оспорил наше мнение, сославшись на то, что он согласен с аргументацией Бальцера, добавив без всяких на то оснований, что мы опираемся исключительно на политические предпосылки. Автор полностью пренебрег представленным нами анализом источников, продемонстрировав при этом фактическое незнание древнерусских свидетельств (Zabłocki 2012. S. 53–57). Добавим, что такое положение вещей (незнание древнерусских источников и в целом катастрофически низкий уровень владения кириллицей относится к постоянно прогрессирующим болезням современной польской историографии).

⁹ Ингварь Ярославич был для Даниила и Василько Романовичей родичем в 3 степени, пересекающейся со 2 (т.е. в 5), поскольку у них был общий предок в лице Изяслава Мстиславича. Для Ингваря это был дед по отцовской линии, а для Романовичей — прадед (также по отцу).

¹⁰ Как дочь Ярослава Владимировича (Мономашича) она была бы правнучкой Мстислава Федора Владимировича (Мономашича), в то же время родственные связи Даниила и Василько с этим Рюриковичем выглядят следующим образом: Даниил и Василько → Роман → Мстислав → Изяслав → Мстислав Федор Владимирович.

матримониальной политики венгерского монарха в отношениях с Пястами. Тем не менее об этом стоит здесь упомянуть, поскольку этот брак сыграл свою роль в отношениях Романовичей с польской исконной династией. Он может служить иллюстрацией сложного характера матримониальных союзов между Пястами и Рюриковичами, а также другими династиями. В частности, отметим, что муж Агриппины, Лешек Черный был с точки зрения родства через Казимира Справедливого дядей собственной жены (родство в 4-й степени, пересекающееся с 3-й, т.е. в 7-й), одновременно через Болеслава Кривоустого родственником Льва Даниловича (в 4-й степени, т.е. 8-й), который, в свою очередь, был дядей Агриппины через Романа Мстиславича (3-я степень, пересекающаяся со 2-й, т.е. 5-й) и одновременно ее близким свояком (княгиня была племянницей его жены). Более того, в результате женитьбы в 1261 г. короля Чехии Пржемысла II Отокара (ум. в 1278 г.) на сестре Агриппины, Лешек Черный становился свояком этого Пржемысловича, а Лев Данилович — мужем тетки его жены. Кроме того, князь Лев, благодаря браку Ростиславны, был дядей (4-я степень, пересекающаяся со 2-й, т.е. 6-й) следующего короля Чехии, Вацлава II (правил в Чехии формально с 1278 г., фактически с 1285 г., король с 1297 г.)¹¹.

Все перечисленные браки, несомненно, влияли, хоть и в различной степени, не только на общую картину династических контактов между Романовичами и Пястами, но также — что увидим ниже — на их политические отношения.

Однако вернемся после этого необходимого отступления к бракам представителей и представительниц династий Романовичей с Пястами и Пястовнами. Как следует из приведенного выше перечня, не существовало диспропорций относительно пола в заключенных браках. Две Пястовны были выданы за Романовичей, три Романовны вышли замуж за Пястов.

Важно также отметить, что во всех названных браках родились потомки, что, собственно, лежит в основе самой идеи бракосочетания, хотя часто ее реализация зависит от биологии и случая. Этот факт является важным результатом существования браков, оказывающим существенное влияние на междинастические отношения.

¹¹ О Вацлаве II см., напр: Charvátová 2007. Там же см. объемный обзор предшествующей литературы по этой теме.

Осознание факта наличия связей родства и свойства

Разумеется, существовало четкое осознание вытекающих из заключения браков родственных связей, что находит свое выражение в различных свидетельствах источников¹². Так, магистр Винцентий Кадлубек отмечал, что Роман Мстиславич состоял в родстве второй степени с Лешеком Белым¹³. «Киевская летопись» называет Мешко III «дядей» русского князя (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 662), а в «Галицко-волынской хронике» вдова Романа названа «ятровью» Лешека Белого (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 14; Ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719). Названный источник приводит, впрочем, целый ряд сведений о родственных связях отдельных Романовичей с Пястами. Так, Болеслав Стыдливый определяется сначала как «свояк» Василько Романовича, а затем как «дядя» Владимира Васильковича (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 458–459, 497; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 865). Несколько раз «Хроника» указывает на родственные связи Владимира Васильковича с Конрадом II Семовитовичем, используя термин «брат» (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 496, 505–507, 514–515, 567, 571; Ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 879–880, 883–884, 886). В двух буллах Иннокентия IV, содержащих разрешение на брак в ситуации слишком близкого родства или свойства молодоженов, обнаруживаем свидетельство того, что Василько Романович и его мазовецкая жена Добрава (Дубравка) Конрадовна (именно о них идет речь) состояли: «in tertio gradu consanguinitatis» (Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia № 28–29). В свою очередь, Бела IV в документе, подписанном 07.06.1253 г. не совсем определенно называл Льва Даниловича своим дорогим родственником¹⁴. В то же время Анастасия Мстиславна, вдова Земовита добжинского в письме рижского городского совета к совету Любека в 1324 г. выступает как „matertera” (тетка) кн. плочкого Ванько, сына Болеслава II Семовитовича (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten. № 3072). Наконец, нельзя не упомянуть, что происходящий из рода Пястов Болеслав

¹² Разумеется, существовало осознание факта и других родственных связей. Так, «Галицко-Волынская хроника», например, подчеркивала принадлежность Романовичей и Мстислава Ярославича Немого к «племени Мономахову» (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 99–100. Ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 744).

¹³ “nec nostro principi [речь идет о Лешеке Белом] nec nobis esse Romanum extraneum. Nam quo pacto dici extraneus potest, qui secundo gradu consanguinitatis <iunctus> reperitur?” (Magistri Vincentii dicti Kadlubek Chronica Polonorum 1994. S. 184).

¹⁴ „[...] Leonis, ducis Rusie, dilecti cognati nostri [...]” (Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. Vol. II. № 428).

Юрий Тройденович в трех документах (1325, 1334 и 1335 г.) последовательно и имея все на то основания определял своих русских родственников со стороны матери соответственно: „*nostri progenitores felicitis recordationis rex Daniel seu Leo noster atavus, aut Georgius noster avus karissimus*”, „*nostri praedecessores carissimi, scilicet Romanus, Daniel, Leo, Georgius et Andreas*”, „*per nostros felicitis recordacionis praedecessores, reges et principes, videlicet Romanum, Danielelem, Leonem, Georgium et Andream*” (Купчинский 2004. С. 167–170, 174–180, 180–186).

Разумеется, здесь мы не сможем представить полный перечень упоминаний такого рода, особенно относящихся к другим (не кровным) типам родственных отношений. Приходится опустить, в частности, необычайно любопытные (с учетом их политического значения в начале XIV в.) связи Пястов и Романовичей с тюрингским родом Шварцбургов, возникшие благодаря браку Генриха V фон Шварцбург-Бланкенбург и дочери Даниила Романовича, носившей, вероятно, имя София (Dąbrowski 2002b. S. 155 — 166; Домбровский 2015. С. 388–394).

Примечательно, но в целом вполне естественно, что источники не всегда отмечали все случаи родственных связей, возникающих между Романовичами и Пястами. Это замечание относится прежде всего к отсутствию в «Галицко-Волынской хронике» каких-либо указаний на родство Даниила и Василько Романовичей, а также сыновей первого из названных князей с часто выступающими на листах этого источника при различных обстоятельствах Лешекком Белым, Конрадом I Мазовецким, Болеславом Стыдливым, Болеславом и Семовитом Конрадовичами, а также на родство Лешека Черного, Владислава Локетка и Земомысла Казимировичей со Львом и Мстиславом (II) Даниловичами, а также с Владимиром Васильковичем. Не отмечены также отношения, установившиеся между Львом и Мстиславом (II) и Конрадом II и Болеславом II Семовитовичами.

Как можно объяснить эту своеобразную непоследовательность? Разумеется, невозможно остановиться на простой констатации того, что «Галицко-Волынская хроника» не была каталогом, в котором обязательно фиксировалась информация о степени кровного родства и свойства, устанавливаемого между Романовичами и представителями других династий.

Естественно, жанровая принадлежность источника в значительной мере определяет набор сведений, достойных увековечения, и

потому в нем зафиксированных. Однако это сложно считать исчерпывающим объяснением, как и предрасположенность автора/авторов или ожидания покровителей/круга, в котором возник памятник письменности. Как кажется, ответ следует искать в прагматическом подходе хронистов к повествованию. Речь идет о его построении таким образом, чтобы осветить важные аспекты конкретных событий и наилучшим образом, с точки зрения адресатов, пояснить данные факты. Стоит посмотреть, как этот механизм мог функционировать на практике. Как представляется, отсутствие сведений о родстве, установившемся между Даниилом и Василько Романовичами и перечисленными выше Пястами, явилось следствием, во-первых, факта прекрасного его осознания инициаторами создания «Галицко-Волынской хроники», а во-вторых, свидетельством существования некоторых нюансов и сложностей в свояческих отношениях.

Именно таким образом можно пояснить значимое отсутствие указания на родство между Даниилом, Василько и Конрадом I в весьма хвалебном некрологе правителя Мазовии. Ведь как известно, умерший Пяст был одновременно дядей братьев Романовичей (по отношению к Болеславу Кривоустому), тестем младшего из них и еще вдобавок дядей их свояка, Ростислава Михайловича (через Казимира Справедливого). Однако сам по себе столь сложный перечень вряд ли мог бы уместиться в рамках формулы некролога, о чем следует помнить.

В свою очередь, все перечисленные случаи упоминания о родстве можно объяснить «нарративно-логическими» требованиями. Так, то, что Лешек Белый называет «ятровью» вдову Романа, должно было усилить эффект от высказанного правителем Польши сожаления по поводу конфликта с галицко-волыньским князем, а также прояснить, почему Романовичам оказали достойный прием при краковском дворе, несмотря на формально незавершенный конфликт.

Наделение Болеслава Стыдливого термином «сваяка» для Василько Романовича, вероятно, было связано с желанием подчеркнуть вероломство, проявленное краковским князем по отношению к русскому свояку и родственнику, в тот момент, когда Болеслав, предлагая ему сесть за стол мирных переговоров, одновременно опустошил земли Василько. В этом конкретном случае стоит также обратить внимание на следующие любопытные моменты. Во-первых, речь идет об употреблении самого термина «сваяк»

(Словарь древнерусского языка Т. Х. С. 650–651), в то время как здесь можно было бы ожидать «брата», учитывая тот факт, что оба представителя династии состояли в третьей (шестой) степени родства через Болеслава Кривоустого. Проблема находит свое разрешение только если вспомнить о том, что Василько был женат на двоюродной сестре (со стороны брата отца) Болеслава Стыдливого. Правда, княгини уже не было в живых в июне 1266 г., когда разворачивались описываемые события¹⁵, однако память о ней была еще свежа. Продолжая этот логический ряд, можно также выдвинуть два предположения генеалогического характера. Среди прочего, мы получаем свидетельство, подтверждающее факт тождественности Добравы (Дубравки) Конрадовны и «великой княгини Васильковой Елены», умершей, как известно, после июля-августа 1264 г. Во-вторых, мы имеем дело с важным аргументом, позволяющим решительно опровергнуть кочующее из книги в книгу мнение о том, что Василько был женат на дочери Лешека Белого, а точнее, что ней была та самая «великая княгиня Елена» (Baumgarten 1927. Tabl. XI). В этом случае Болеслав Стыдливый несомненно назвал бы младшего Романовича не «свояком», а «шурином».

Что касается других указаний на родственные связи между Романовичами и Пястами в «Галицко-Волынской хронике», то Болеслав Стыдливый назван дядей Владимира Васильковича (а Конрад II Семовитович одновременно именуется «племянником» правителя Малопольши) в эпизоде, связанном с нападением в государстве Конрада на людей его русского родственника, везущих зерно ятвягам. Это Болеслав проинформировал тогда Владимира (как можно догадаться в заботе об интересах русского родственника) о вине своего мазовецкого племянника, с которым он был в то время враждебен.

В свою очередь, совершенно обоснованное с точки зрения свойства именованное Владимира Васильковича и Конрада II Семовитовича братьями¹⁶ опиралось, предположительно, на следующие аргументы. Во-первых, князья были тесно связаны друг с другом и нужно было подчеркнуть этот факт, при этом — что

¹⁵ Это произошло непосредственно перед битвой в Воротах, которая разыгралась 19.06.1266. г. (Żmudzki 2000. S.196).

¹⁶ Напомним, что князей действительно связывало довольно близкое кровное родство через Конрада I. Оба был его внуками, Владимир по матери, Конрад по отцу. При этом они состояли также в родстве более далекой степени через Болеслава Кривоустого (в 4-й степени, т.е. 8-й).

важнее, как можно предположить, соответствующий фрагмент «Галицко-Волынской хроники» был окончательно отредактирован уже в окружении наследника Владимира — Мстислава (II) и использованные определения прекрасно объясняли тот факт, что опеку над мазовецким Пястом взял на себя наследник Васильковича.

При этом следует обратить внимание на отсутствие в этой редакции указаний на родство, установившееся между Мстиславом (II) и Конрадом II, которое было более далеким (в 4-й, т.е. 8-й степени), и к тому же — как представляется — не было необходимости в его акцентировании. Совершенно достаточной оказалась информация о том, что оба Романовича были двоюродными братьями (их отцы были братьями).

Используя принцип аналогии, следует также отметить, что единственный случай именованная в «Хронике» Даниила и Василько дядьями Ростислава Михайловича призван был подчеркнуть неправомочность действий молодого князя, нанесших вред братьям его матери (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 247–248; Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 791). В свою очередь, использование для описания отношений между Романом Даниловичем и тогдашним маркграфом моравским и королевичем чешским Пржемыслом Отокаром оборота „оужика ми еси и своакъ” (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 378; Ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 836) носило, с одной стороны, характер объяснения, а с другой — подчеркивало лояльность посаженного на австрийском троне Романовича по отношению к королю Венгрии Беле IV, несмотря на то, что его соперник в борьбе за наследство Бабенбергов, правитель Чехии, оказался кровным родственником и свояком русского князя, а не чужаком¹⁷. Собственно, подобным образом можно интерпретировать и употребление аналогичных определений со стороны Беле IV применительно к Даниилу (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 334; Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 821.).

Как видно, кроме принципа прагматического подхода к использованию в «Галицко-Волынской хронике» терминов родства, следует также отметить, что авторы источника, как правило, указыва-

¹⁷ Как уже отмечалось выше, Роман Данилович мог быть назван свояком Пржемысла Отокара, поскольку был женат на Гертруде Бабенберг, племяннице (дочери брата) жены Пржемысла, Маргариты. В то же время родство этих правителей было двойным в пятой степени, согласно каноническому порядку, т.е. в десятой римской степени через — с одной стороны — Генриха, графа бергского, а с другой — Мстислава Федора Владимировича (Dąbrowski 2012. S. 299, 311–312).

ли наиболее близкие отношения, связывавшие героев конкретных событий.

Браки между Романовичами и Пястами и проблема вероисповедания

Анализируя взаимоотношения Романовичей с Пястами, мы совершенно не наблюдаем отголосков каких бы то ни было религиозных антагонизмов. Можно ли усматривать причины такого положения вещей в близкородственных связях (вытекающих уже из самого наличия матерей, отцов, жен, мужей и других близких родственников и свойственников другого вероисповедания), в повседневности пребывания среди иноверцев, или же просто в прагматическом подходе к соседству? Несомненно, это были те столпы, на которых можно было строить взаимоотношения на зыбкой и неоднородной религиозной почве. Однако нельзя забывать и об индивидуальном подходе отдельных представителей Пястов или Романовичей к вере, основанном на их личном опыте. К примеру, Роман Мстиславич, мать которого имела католическое происхождение, воспитывался, согласно Магистру Винцентию, при дворе Казимира Справедливого (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 179). В качестве еще одного примера можно привести родившегося в полностью православном браке Даниила Романовича, который большую часть своих детских лет провел при католическом, очень религиозном дворе короля Венгрии Андраша II (*Dąbrowski* 2016. S. 235–251) — это не могло не оставить свой след. В свою очередь, уважительное высказывание о дочери члена этой династии Елизавете, подчеркивавшее именно ее набожность и появившееся в той части «Галицко-Волынской хроники», которая была связана с окружением старшего Романовича, а также ее возведение католической церковью в лик святых, нельзя, на наш взгляд, считать случайным¹⁸.

Наблюдаемая картина взаимоотношений между Романовичами и Пястами в сфере вероисповедания достаточно однобока, поскольку мы не располагаем польским эквивалентом «Галицко-Волынской хроники», которая порой так точно освещает отношения

¹⁸ «... и да дъщерь свою за Лонокрабовича за Лоудовика, бѣ бо мѣж[ъ] силенъ и помощник[ъ] брату. еа, юже н[ы]нѣ с[вѣ]тлоу нарѣчют[ъ], именем[ъ] Альжбѣт, пред[ъ]не бо има ей Кинека. Мнго бо послужи Б[ого]ви по мѣжи своем[ъ], и с[вѣ]тлоу нарѣчют[ъ]». (*Chronika halicko-wołyńska* 2017. S. 28–29; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 723).

между отдельными представителями обеих династий. Так или иначе уже на основании этого древнерусского летописного памятника и других свидетельств можно составить мнение на интересующую нас тему.

В первую очередь, стоит отметить тот факт, что католическое вероисповедание не порицалось ни у одного из так часто упоминаемых Пястов. Ярким примером проявления такой позиции может послужить некролог о Болеславе Стыдливом, зафиксированный при дворе Владимира Васильковича, гораздо менее тесно связанного с Западом, чем Даниил Романович. Летописец записал его так: «В этом году умер великий князь краковский Болеслав добрый и спокойный, кроткий и покорный, братьев любящий, не вспыльчивый. Прожил он долгие лета и в доброй старости отошел к Богу. Подготовив его тело к погребению, похоронили его в костеле святого Франциска в городе, в Кракове» (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 498–499; ПСРЛ Т. 2. Стб. 880). Более чем благосклонного некролога удостоился и неоднократно воевавший с Романовичами Конрад Мазовецкий. В сообщении отмечается скорбь русских князей в связи с кончиной Пяста (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 299; Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809–810). Мы узнаем также, что Владимир Василькович заплакал, узнав о смерти Лешка Черного (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 574; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 909). На наш взгляд, здесь налицо не только свойственная тому времени условность повествования об умерших, но и прежде всего — проявление той сплоченности, разрушить которую явно не могли конфессиональные различия.

Весьма своеобразным примером роли вероисповедания во взаимоотношениях является факт коронации Даниила Романовича. Разумеется, значение этого политического акта было огромным, однако обратим внимание, в первую очередь, на то, что на состоявшемся в Дрогичине крупном съезде Пястов и Романовичей присутствовало также окружение обеих династий, а значит представители как православного, так и католического духовенства. Мало того, и мать Даниила, и Болеслав Стыдливый, и Семовит I Конрадович дружно убеждали князя принять королевскую корону — несмотря на то, что им было известно о согласии папы римского на сохранение на Руси прежних обрядов, что подтверждается сообщениями «Галицко-Волынской хроники» („Никентїи бѣ кльнаше тѣх[ь], хоулащим[ь] вѣроу греч[ь]скоую правовѣр[ь]ноюу”). Более того, об «экуменическом» характере самого акта свидетельству-

ют следующие слова: „Он[ъ] же вѣнецъ ѡт[ъ] Б[ог]а прїа, ѡт[ъ] ц[ъ]ркве с[ва]тых[ъ] ап[о]с[то]ль, и ѡт[ъ] стола с[ва]того Петра и ѡт[ъ]ца своег[о] папы Никентїа, и ѡт[ъ] всѣх[ъ] еп[и]ск[о]повъ своих[ъ]” (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 350–351; Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827). Здесь, на наш взгляд, хорошо просматривается обоюдное уважительное отношение представителей обоих правящих родов к иной конфессии.

Крайне любопытно с перспективы обсуждаемой проблемы взглянуть вопрос подхода к вероисповеданию в браках, заключаемых между Романовичами и Пястами. В первую очередь, следует отметить, что источники не упоминают об обязанности для входящих в династию женщин обращения в веру мужей (само собой разумеется, что обратное даже не принималось во внимание). С другой стороны, мы сталкиваемся со скудностью информации о религиозной жизни католичек при православных дворах и православных в католическом окружении, а также с опосредованностью информации в тех случаях, когда мы ею располагаем. К сожалению, нет и никаких приведенных *expressis verbis* сведений о том, по каким обрядам совершались венчания в смешанных браках. В принципе, мы можем здесь сослаться только на русско-венгерскую аналогию — брак Льва Даниловича с Констанцией, дочерью Белы IV. Донесение «Галицко-Волынской хроники» позволяет предполагать, что в венчании, состоявшемся в Зволене (на территории нынешней Словакии), кроме отцов молодоженов, принимали участие, вероятно, как католические, так и православные священники (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 334; Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809)¹⁹.

В свою очередь (что весьма любопытно), в случае с венчанием Василька Романовича с Дубравкой Конрадовной, мы имеем дело с однозначным свидетельством обращения новобрачных (или, как можно предполагать, с обращением от их имени²⁰) к папе Иннокентию IV с просьбой о предоставлении диспенсы в связи с наличием между брачующимися слишком близкой, запрещенной третьей степени родства (Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia. Т. I. № 28–29). Этот брак был заключен при довольно необычных обстоятельствах, а точнее — в тот момент,

¹⁹ Из этого сообщения мы узнаем, что в Зволен, к королю отправился Даниил с сыном и кандидатом на митрополичий престол Кириллом.

²⁰ Предполагаем, что в данном случае инициатива все же принадлежала мазовецкому двору.

когда Романовичам угрожала опасность вторжения монголов и они шли на сближение с Западом на явно антиордынской основе, тогда как Иннокентий IV согласился на благоприятные для православных условия соглашения, стремясь расширить сферу влияния Святого Престола (Dąbrowski 2012. S. 278–280). При этом необходимо подчеркнуть, что этот папа открыто демонстрировал свое согласие на сохранение русской стороной своего вероисповедания (Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia T. I. № 16, 21, 22). Господствовавшее в то время отношение к межконфессиональным связям уже хотя бы только Романовичей прекрасно отображает фрагмент «Галицко-Воынской хроники», посвященный тогдашним попыткам венгерского короля Бела IV выдать свою дочь замуж за Льва Даниловича. В ходе переговоров **Василько** посоветовал своему старшему брату принять предложение Арпада следующими словами: „Иди къ нему, яко хр[и]стіанъ есмь” (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 298). Перед лицом надвигающейся монгольской опасности решающую роль сыграли общехристианские корни, хотя в письме к папе римскому Бела IV не упустил случая назвать двух русских зятьев «схизматиками» (речь шла как о Льве, так и о Ростиславе Михайловиче) (Vetera monumenta historica Hungarum sacram illustrantia 1859 № CDXL с датой 1254 г.; Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. Vol. II. № 350. (с датой 1250 г.).

Здесь мы прибегли к венгерской аналогии в связи с отсутствием указанной *expressis verbis* информации об отношении потомков Романа к религиозным вопросам в контексте заключения браков с Пястовнами. Отсутствие источников не позволяет нам однозначно ответить на вопрос: — принуждались ли иноверки к обращению в веру своих мужей? Это относится как к православным княжнам, выходящим за католиков, так и княжнам католического вероисповедания, выдаваемым за православных. Тем не менее мы располагаем, возможно, не совсем достоверными, но косвенными свидетельствами того, что католическую веру сохранила Констанция — венгерская жена Льва Даниловича²¹. К важнейшему из них

²¹ Известно из жития бл. Кинги, сестры Констанции, что жена Льва прославилась чудесами, совершенными во Львове: „Constantia tradita est Leoni duci Russie, que coruscet miraculis in civitate Lvovensi” (Vita et miracula sanctae Kyngae ducissae cracoviensis 1884. P. 684). Между тем на легендарный характер сообщения об основании венгерской женой Льва доминиканского костела св. Иоанна Крестителя либо о передаче церкви для этой цели ее стараниями, указала Ольга Козубская

следует отнести факт пострижения в монахини дочери упомянутой княжеской четы, вероятно, в монастыре клариссинок в Скале. Так или иначе, принадлежность Святославы к монашеству общеизвестна. Эта русская княжна умерла, согласно нескольким малопольским ежегодникам, в 1302 г. в монастыре клариссинок в (Старом) Сонче (Dąbrowski 2002b. S. 226–230).

В свою очередь, не оставляет сомнений, хотя и не подтверждается напрямую, кроме одного косвенного и вновь относящегося к русско-венгерскому браку исключения, тот факт, что крещение детей смешанных пар осуществлялось по домашним обрядам, то есть обрядам двора мужа. Этим единственным исключением является упоминание о крещении Юрия Львовича. Этого Романовича согласно «Галицко-Волынской хронике» крестил православный монах династического происхождения — Войшелк, сын великого князя, а со временем литовского короля Миндовга (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 440.).

В целом, на наш взгляд, если в отношении женщин допускалась некая конфессиональная произвольность, то для мужчин обязательным было сохранение отеческого, то есть местного вероисповедания. Разумеется, это имело не только религиозную, но и прежде всего — социально-политическую подоплеку. В качестве доказательства можно привести пример Болеслава Тройденевича, занявшего галицко-волынский трон после смерти своих дядьев, последних Романовичей по мужской линии, Льва и Андрея Юрьевичей. Этот князь последовательно использовал в своих русских документах имя Юрий (Купчинський 2004. С. 169, 172, 178, 185, 190)²², что считается доказательством принятия им православия (Grabowski 2016. S. 65, 284).

Разумеется, также набор имен, которыми называли детей, красноречиво демонстрирует попытки сохранить (хотя и не без исключений) «местную», то есть отцовскую традицию, о чем, однако, пойдет речь дальше.

Перейдем к вопросу участия княжон в религиозной учредительской и покровительской деятельности в том государстве, в которое они попадали. Мы не находим таких сведений об интересующих нас Романовнах и Пястовнах. Однако мы располагаем

(Козубська 2007).

²² См. также неизвестный О. Купчинскому документ Болеслава–Юрия и его матери, по всей вероятности, 2-й половины 1323 г., опубликованный Я. Тенговским (Tęgowski 2009/2010. S. 325).

любопытными и красноречивыми аналогиями, относящимися к тому же периоду. Известно, что Агафья Святославовна, жена Конрада I Мазовецкого, упоминалась вместе с мужем и сыновьями, Болеславом и Семовитом, пожертвовавших деревню „Zlonoua” аббатству каноников в Червинске (*Zbiór ogólny przywilejów i spominków mazowieckich* 1919. Т. I. № 209, 406). Княжна с сыном Семовитом (а также, возможно, и с другими родственниками) подарили плоцкому кафедральному собору чашу и патену, ставшие искупительным даром в связи с убийством каноника Яна Чапли (Jasiński 1997). Сохранилась, хотя и не полностью, риза, заказанная Агафьей и ее сыном Семовитом I, очевидно, по случаю состоявшегося в 1252 г. венчания Юдиты Конрадовны с вроцлавским князем Генрихом III (Walicki 1971. S. 295; Jasiński 1997. S. 288). Еще более интересным является тот факт, что княжна вместе с близкими была изображена на упомянутых предметах. Это один из тех немногочисленных сохранившихся (хотя и схематических) портретов Рюриковны сразу на двух артефактах.

Благотворительницей различных католических церковных организаций была также Гремислава — жена Лешека Белого²³.

В свою очередь, Переяслава, жена Семовита I Конрадовича, вместе с сыном Болеславом II подписала отдельные жалованные грамоты для ежовской препозитуры бенедиктинского монастыря в Любине (*Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza. Cz. II*. 1989. № 54, 56). Заслуги княжны как покровительницы католического монашества подчеркивались в одной из сохранившихся записей некрологического характера: „[под 11 XII] D[omina] Ducissa Masouiae Przeczysława magna fratrum fautrix“ (Nekrolog dominikanów krakowskich 1877. S. 160).

С отсутствием исторических источников мы сталкиваемся и при исследовании погребений или мест захоронений интересующих нас князей и княжон. Однако тот факт, что входящие в династию женщины перенимали ее погребальные обычаи, подтвержденный немногочисленными сохранившимися свидетельствами, не должен удивлять. Таким образом, если идентифицировать Дубравку Конрадовну как «Елену, княжну Василькову», мы будем располагать неопровержимым доказательством захо-

²³ К примеру, княжна стояла за учреждением Болеславом Стидливым францисканского монастыря в Завихвосте (Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Lib. VII–VIII. 1975. S. 120). Об учредительной деятельности Гремиславы см.: Tetrycz-Puzio 2016. S. 79–94.

ронения Пястовны в одном из двух некрополей Романовичей, а именно в гробнице собора Богородицы во Владимире-Волынском (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 453). По весьма вероятному, хотя и не основанному на непосредственных сообщениях предположению Я. Грабовского, Мария Юриевна, жена Тройдена I, была похоронена в могиле мужа в аббатстве доминиканцев в Варке (Grabowski 2016. S. 437–438, 528). О месте погребения остальных трех представительниц династии Романовичей, выданных замуж за Пястов, а также представительниц династии Пястов, выданных за Романовичей, неизвестно ничего. То же самое относится к Переяславе. Однако красноречивой аналогией здесь может послужить тот общеизвестный факт, что тело Агафьи, жены Конрада I, было, по всей вероятности, захоронено в плоцком кафедральном соборе, а Гремислава, жена Лешека Белого, согласно возникшей позднее эпитафии, покоится во францисканском монастыре в Завихосте (Jasiński 2001. S. 28–29).

Ономастика

как проявление междинастических взаимоотношений

Вызывает к себе интерес и вопрос взаимного влияния в области антропонимии.

Естественно, в новообразующихся семьях интересующих нас династий детей гораздо чаще называли в соответствии с семейной традицией мужа. Однако случались и исключения из этого правила, которые рассмотрим ниже.

Итак, характерными для Рюриковичей именами называли своих детей Василько Романович и Дубравка Конрадовна (Ольга и Владимир). Обратим здесь внимание на то, что в науке появилось мнение о возникновении традиции обращения к антропонимии, характерной для родоначальников. Конкретнее, речь идет о привнесённом с пястовского двора особом интересе к родоначальникам династии, возникшем в кругу Казимира Справедливого после прочтения летописи Винцентия Кадлубека, и проявившемся, в частности, в подъеме популярности таких имен, как Семовит, Лестко, Мешек, Земомысл или Дубравка у потомков упомянутого правителя (Jasiński 1997. S. 285; Jasiński 2001. S. 88). Разумеется, в достоверности данной гипотезы можно усомниться, поскольку в западноволынской линии Мстиславичей именем Владимир назы-

вали детей и ранее²⁴, да и в целом в том поколении Рюриковичей оно использовалось нередко²⁵. Аналогично (хотя здесь сходств уже меньше) выглядит ситуация и с именем Ольга²⁶. Однако здесь бросается в глаза уже сама по себе красноречивая пара имен Ольга и Владимир, становясь аргументом в пользу упомянутой гипотезы.

Принципиально пястовскими были имена, которыми были названы дети Казимира II бытомского и Елены Львовны (Болеслав, Владислав, Семовит, Мешко). Явным отклонением стало появление в антропонимиконе этой супружеской четы имени Юрий. Это был первый у Пястов случай наречения таким именем и, скорее всего, нельзя считать совпадением, что тезкой по этому имени был брат бытомской княжны²⁷. Возможно, в честь русской родственницы свое имя получила также Мария, родившаяся в браке Казимира и Елены²⁸.

Детей, родившихся в браке Юрия Львовича с Евфемией Казимировной, назвали Марией, Андреем, Львом и Анастасией. Три из перечисленных имени следует отнести к ономастической тра-

²⁴ Его носил младший из сыновей Мстислава Изяславовича и Агнешки Болеславовны, то есть дядя со стороны отца Даниила и Романа, умерший в юном возрасте вскоре после отца (Домбровский 2015. С. 283–284).

²⁵ Обратим внимание на то, что Владимирами были хотя бы: игравшие важную роль в родовой памяти Романовичей Владимир Мономах (см. по данному вопросу: Dąbrowski 2018. S. 64–66); сын Мстислава Федора Владимировича; сын Рюрика Ростиславича; сын Ярослава Владимировича (Мачешича) и др.

²⁶ Обращая внимание на факт неполноты данных о русских князях, в том числе, зачастую, об их именах, отметим, что в антропонимиконе Рюриковичей в период до рождения дочери Василька и Дубравки имя Ольга использовалось (не считая матери Владимира Святого) не слишком часто. Его носили: одна из дочерей Юрия Владимировича Долгорукого и, возможно, дочь Вячка Ростиславича из полоцкой линии Рюриковичей (Baumgarten 1927. Tabl. VI, VIII).

²⁷ На факт первого появления в династии Пястов имени Юрий обратил внимание К. Ясиньский. Однако этот торуньский исследователь не высказался однозначно о его происхождении, констатировав лишь, что наречение этим именем могло иметь иные, негенеалогические причины, вытекающие, например, из определенного культа или политических влияний, либо было принято в честь крестного отца (Jasiński 2007. S. 518, 533).

²⁸ Обращаем внимание на то, что, кроме дочери Елены и Казимира, имя Мария носили следующие представительницы (по мужской и женской линиям) династии Романовичей: (возможно) вторая, византийская жена Романа Мстиславича; дочь Елены (?) Романовны и Михаила Всеволодича; дочь Романа Даниловича и Гертруды Бабенберг; дочь Юрия Львовича; дочь Анастасии Юрьевны и тверского князя Александра Михайловича (Dąbrowski 2002b. S. 42). Занять определенную позицию в отношении использования этого имени сложно, прежде всего, в связи с его ключевым значением для христианства.

диции Романовичей (Мария, Лев, Анастасия). Любопытным *exemplum* является имя Андрей. Можно догадываться, что это заимствование у Арпадов, что было бы очередным доказательством возможности внешних влияний и отступления от принятых правил имянаречения детей²⁹.

Исключительно пястовское происхождение имели, несомненно, имена всех детей Семовита Казимировича добжинского и Анастасии Мстиславовны (Лешек (сомнительный потомок), Владислав и Болеслав).

Без особых сомнений можно констатировать, что аналогичное правило относится и к детям, родившимся в браке Тройдена³⁰ I Болеславовича и Марии Юрьевны (Евфемия, Болеслав, Семовит и Казимир).

Преобладание имен отцовской линии подтверждает также пример других польско-русских браков того периода. Итак, дети Конрада и Агафьи Святославовны носили имена Болеслав, Казимир, Семовит, Евдоксия, Людмила, Земомысл, Саломея, Юдита, Дубравка и Мешко; дети Лешека Белого и Гремиславы: Саломея и Болеслав, а дети Семовита I Конрадовича и Переяславы: Конрад, Болеслав и Саломея.

В заключение этого фрагмента остается обратиться к еще одному вопросу. Здесь мы имеем в виду возможное принятие представителями и представительницами интересующих нас династий имен в соответствии с традицией государств, в которые они попали. Обратим для начала внимание на тот факт, что если (а это становится все более вероятным) Дубравка Конрадовна была «княжной Васильковной Еленой», о смерти которой упоминалось выше, мы столкнемся с примером наречения на Руси католической княжны новым именем, хотя нельзя исключить и той возможности, что эта дочь Конрада I и русской княжны Агафьи имела двойное имя. Таким образом, мы бы имели дело с интересным доказательством взаимного влияния друг на друга антропонимических традиций Рюриковичей и Пястов.

²⁹ Разумеется, нельзя исключить и того, что данное имя носило чисто культовый характер.

³⁰ Имя этого представителя династии является очередным ярким примером появления отступлений от правила сохранения имен отцовского рода, поскольку является литовским заимствованием. Сын Болеслава II Конрадовича и Софьи Гаудемунды был назван в честь литовского дедушки, который, кроме всего прочего, был язычником.

В какой-то мере аналогичной проблемой является и *casus* Болеслава Юрия Тройденовича. Возможно, и этот представитель династии с детства, под влиянием привнесенной матерью с Руси традиции, носил двойное имя? Само собой разумеется, что преемнику последних Романовичей на галицко-волыньском престоле пришлось принять православие для того, чтобы воцариться на нем³¹. Однако это не может исключить возможности наличия с детских лет имени деда по материнской линии, ставшим основным после прибытия на Русь — по политическим, культурным и общественным соображениям.

Жизнь дочерей Романовичей на дворах Пястов и пястовских дочерей на дворах Романовичей

Сравнение дворов Романовичей и Пястов, даже только как определенных социумов, выходит за рамки нашего исследования. Таким образом, обратимся только к их отдельным представителям, а именно — рассмотрим функционирование дочерей Романовичей, живущих при пястовских дворах и — аналогично — дочерей Пястов, выданных за Романовичей. Сведения о них крайне скудны. Следовательно придется ограничиться лишь несколькими наблюдениями.

По сути, можно с уверенностью сказать, что выданные замуж русские княжны имели в Польше собственные дворы. Об этом свидетельствует документ бытомского князя Казимира, составленный в Бытоме 12.06.1304 г. В числе свидетелей указывается „Thomca Venovicz subkamerarius domine” (Zbiór dokumentów małopolskich. Cz. I. 1962. S. 23), т.е. Елены Львовны. Это единственное известное нам свидетельство о функционировании двора княжны из рода Романовичей при жизни мужа, к тому же содержащий обрывки информации о его структуре и информацию о конкретном подданном княжны. Нам неизвестны аналогичные свидетельства о других дочерях Романовичей, выданных за Пястов и о дочерях Пястов, выданных за Романовичей; сравнительного материала также недостаточно. При этом стоит упомянуть, что в 1247 г. Болеслав I Конрадович пожаловал деревню Зуково: „L[asotae] pincernae curiae matris suae” (Zbiór ogólny przywilejów i spominków mazowieckich. T. I. № 473)³². Любопытно, что этот сановник указывался как

³¹ Данная проблема, несмотря на всю ее занимательность, выходит за рамки наших размышлений.

³² Документ только с годовой датой.

„*pincerna*”, но уже Конрада I, а не его жены, в корроборации двух жалований князя, соответственно от 12.05.1243 и от 12.10.1246 г. (*Ibidem*. № 437, 469)³³. Можно ли говорить о переходе после смерти мужа к Агафье хотя бы части его двора? Это не исключено. Документ 1247 г. не датирован конкретным числом, а как известно, Конрад скончался 31 августа того же года. Таким образом, возникает вопрос: имела ли Святославовна до этого собственный двор? Ответить на него достоверно мы не в состоянии. Тем не менее, сопоставляя информацию о Ласоте и Томеке Беновиче, мы можем выдвинуть предположение, что структура двора княжон формировалась по образу и подобию княжеского. Кроме того, относительно первого из перечисленных сановников с уверенностью, а относительно второго гипотетически, можно предположить их местное, польское происхождение. Означает ли это, однако, что в окружении дочерей Романовичей, выданных за поляков, не было русинов, а дочерей Пястов, выданных за русинов, не было поляков? На основании столь скудных сведений высказываться с большей или меньшей достоверностью невозможно, хотя логично было бы предположить, что родители отправляли девушек на чужие дворы по меньшей мере с дворецким.

Вопрос окружения княжон-регенток носит несколько иной характер, чем представленная выше исследовательская проблема, и также не входит в круг наших научных интересов.

Печати женщин рассматриваемых родов не сохранились, хотя в пользу того, что они могли их иметь, говорят аналогии. Известно о наличии печатей у других русских княжон, а именно — у Гремиславы, Переяславы и у других жен Пястов³⁴. Напротив, не обнаружено и не идентифицировано печатей дочерей Пястов, ставших женами Романовичей.

Здесь стоит привести еще одно наблюдение, которое может стать своего рода отступлением от темы подраздела. Согласно достоверному свидетельству Винцентия Кадлубека, Роман Мстиславич воспитывался при дворе своего дяди, Казимира Справедливого „*a cupabulis*” (с колыбели)³⁵. Можно предположить, что, хотя это проживание и не было постоянным, оно позволило юному

³³ На все эти три документа обратила внимание в контексте сведений об окружении русских княжон, пребывающих в Польше, А. Шимчак (*Szymczak* 1978. S. 36).

³⁴ Общие сведения о печатях польских княжон, в основном XIII в., приводит Я. Пакульский (*Pakulski* 2000. S. 247–262).

³⁵ См. следующее прим.

русскому князю впитать культуру двора пястовского родственника. По сути, это единственный для Романовичей и Пястов пример явления, которое можно рассматривать как случай передачи ребенка на воспитание родственникам. Добавим, что такая практика находит подтверждение в судьбах Даниила Романовича, который, хотя и при совершенно иных обстоятельствах, получал образование в окружении своего дальнего венгерского родственника, Андраша II.

Таким образом, мы попадаем в неудобную для исследователя ситуацию — когда невозможно выйти за рамки представленного выше отрывочного замечания, причиной чему является крайняя скудность исторических источников.

Личные контакты между представителями династии Романовичи и Пясты встречались в двух основных обстоятельствах, а именно во время мира и войны. Таких встреч было достаточно много. Представим их список без разделения на вышеупомянутые категории, поскольку иногда трудно отделить вопросы войны от мира. Правило: *si vis pacem para bellum* действует и сегодня.

За основу мы возьмем хронологический критерий, при случае указывая характер встречи. Отступлением от этого правила являются встречи военного характера, в которых Романовичи и Пясты лично воевали друг против друга. Подчеркиваем, что игнорируем те столкновения, в которых князья не вступали в прямой контакт. Нам также известно, что этот список без сомнения не является полным, потому что источники, конечно, не зафиксировали все встречи представителей обеих династий. Тем не менее мы все равно получим картину, показывающую масштаб их личных отношений, потому что — мы подчеркиваем — только такие нас интересуют.

Вот список известных источникам встреч Романовичей с Пястами:

- 1) пребывание / пребывания при дворе Казимира Справедливого несовершеннолетнего Романа Мстиславича. Можно предположить, что эти визиты были длительными и связаны были с образованием князя (между 1156 и концом 1167 г.) (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 179)³⁶;

³⁶ Роман 14 апреля 1168 г. был поставлен на престол в Великом Новгороде. С этого момента он начал играть определенную политическую роль на Руси, поэтому не мог долго оставаться при дворах пястовских родственников (Dąbrowski 2002. S. 25; Домбровский 2015. С. 261–262).

- 2) Роман Мстиславич едет в Польшу за помощью против своего брата Всеволода, который не хотел отдавать ему Владимир, добровольно преданный ему Романом в момент его временного перехода на престол в Галич. Мстиславич, вероятно, встречался с Казимиром, но не получил помощи (1189 г.) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661);
- 3) Роман снова едет в Польшу, определенно к Казимиру Справедливому, и, вероятно, с полученным подкреплением он снова безуспешно пытается овладеть Владимиром (через несколько месяцев после предыдущего действия; 1189 г.?) (Там же. Стб. 662);
- 4) Роман с подкреплением своего дяди Мешко III Старого в третий раз, безуспешно пытается вернуть Владимир из рук Всеволода (1190 г.?) (Там же. Стб. 662);
- 5) Роман и Всеволод отправляются в Краков и поддерживают Казимира Справедливого, изгнанного оттуда на короткое время в результате восстания части możnych. Благодаря русской поддержке Казимиру удается изгнать из столицы Болеслава, сына Мешко III Старого, который был приглашен мятежниками (1191 г.) (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 160–162)³⁷;
- 6) Лешек Белый идет на Галич, чтобы помочь Роману захватить его (1198 или 1199 г.) (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 183–186)³⁸;
- 7) Бегство вдовы по Романе и ее детей на двор Лешека Белого (зима 1206/1207, до 28 февраля 1207 г.). Неизвестно, когда Даниила отправили в Венгрию. Княжна и Василько некоторое время оставались у Лешека (возможно, до 1208 г.) (*Kronika halicko-wołyńska* 2017. S. 13–15)³⁹;
- 8) Даниил и его мать уезжают вскоре после 29 сентября 1213 г. из Венгрии к Лешеку Белому и оттуда отправляются в Каменец на Случи (продолжительность пребывания неизвестна) (*Ibidem*. S. 47–48.);
- 9) Лешек Белый организует неудачную экспедицию в Галич, в которой участвует Даниил (1214 г.) (*Ibidem*. S. 49–51);
- 10) Даниил пребывает у Лешека Белого. Причина этого визита не может быть определена (до осени 1214 г.) (*Ibidem*. S. 52);

³⁷ По поводу датировки см. напр.: Włodarski. 1969. S. 17; Przybył 2002. S. 110–111; Dobosz, 2011. S. 111–112).

³⁸ По поводу датировки см. подробнее: Nagimyj 2011. S. 83–92.

³⁹ По поводу датировки см.: Dąbrowski 2012. S. 48–50, 66.

- 11) Конрад I Мазовецкий прибывает к Романовичам в Щекарево время экспедиции и предупреждает обоих князей не встречаться с Лешеком Белым (1221 г.) (Ibidem. S. 77–78);
- 12) Даниил едет к Лешеку и просит его о помощи против своего тестя Мстислава Удалого. Силы польского принцепса и Романовичи нападают на Белз (1225 г.) (Ibidem. S. 103–104);
- 13) один из Романовичей, вероятно Василько, участвует в съезде в Скаришеве, организованном вдовой Лешека Белого, Гремиславой (12 мая 1228 г.) (Kodeks dyplomatyczny Małopolski. T. II. № CCCXCV);
- 14) Даниил отправляется в Польшу к Гремиславе (хотя, возможно, и к Конраду I Мазовецкому) с просьбой направить подкрепление против коалиции русских князей (вторая половина 1228 г.) (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 128);
- 15) Даниил и Василько участвуют в походе Конрада I на Калиш, принадлежащий Владиславу Ласконогому (1229 г.) (Ibidem. 131–141);
- 16) Василько отправляется к Болеславу I Конрадовичу, чтобы договориться об освобождении князей болоховских, которые вторглись в Мазовию и были взяты в плен (между 1236 и 1240/1241 гг.) (Ibidem. S. 252–253);
- 17) Даниил вместе со своим братом Васильком, женой и детьми бегут во время нашествия монголов к Болеславу I Конрадовичу, который предлагает им временное пребывание в Вышеграде над Вислой (кон. 1240/начало 1241 г.) (Ibidem. S. 236–237);
- 18) Василько встречается в Ленчице с Конрадом I Мазовецким, одним из его сыновей (Казимиром или Семовитом), краковской княжной Гремиславой и папским легатом Джиованни де Пано Карпини. Возможно, он сообщает собравшимся об отъезде Даниила в Орду и ведет переговоры о своей свадьбе с дочерью Конрада (конец 1245 г. или первые дни следующего года) (Giovanni di Pian di Carpine 1989. P. 103; Dąbrowski 2012. S. 265);
- 19) встреча Даниила и Василька с Семовитом I Конрадовичем в Дрогичине. Совместная экспедиция князей против Ятвягов (лето или осень 1248 г., возможно, первые три месяца 1249 г.) (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 300–310; Dąbrowski 2012. S. 295);
- 20) встреча Даниила с Болеславом Стыдливым и его женой Кингой в Кракове для определения условий похода в Моравию.

Это произошло непосредственно перед самой военной операцией (июнь 1253 г.) (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 334–335);

21) поход Даниила, Льва Даниловича, Болеслава Стыдливого и их союзников на Опаву. В Козле на Одере Романовичи и правитель Кракова встретились со князем опольским Владиславом Казимировичем. Все вместе отправились дальше (июнь — июль 1253 г.) (Ibidem. S. 335–347);

22) съезд правителей по случаю королевской коронации Даниила в Дрогичине. Скорее всего, присутствовали на нем Василько Романович, Лев Данилович и Семовит I Конрадович, вероятно, мать Даниила и Болеслав Стыдливый. Участия других Романовичей нельзя исключать (конец декабря 1253 г.) (Ibidem. S. 350–352);

23) поход на Ятвягов Даниила, Льва Даниловича и Семовита I Конрадовича (очередь 1253/1254 г.) (Ibidem. S. 352–355);

24) Даниил вместе со своими двумя сыновьями (Львом и Шварном), а также Болеславом Стыдливым и Лешекком Черным сражаются вместе с королем Венгрии Белой IV против чешского короля Пржемысла II Отокара в битве при Кройсенбрунне (Гройсенбрунн = Kroissenbrunn (Groissenbrunn)) (12 июля 1260 г.) (Letopisy české od roku 1196 do roku 1278. S. 311–318; Мика 2008. S. 58–63; Dąbrowski 2012. S. 422–425);

25) съезд в Тарнаве Даниила и Василька Романовичей, Льва и Шварна Даниловичей, а также Владимира Васильковича с Болеславом Стыдливым. Стороны заключили соглашение между собой: «о землю роус[ьс]кою и лад[ь]скоую» (лето 1262 г.) (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 436–437);

26) Лев и Мстислав (II) Даниловичи лично, вместе с Конрадом II Семовитовичем, поддерживают Болеслава Стыдливого в его конфликте со князем вроцлавским Генрихом IV (весна 1271 г.) (Ibidem. S. 471–472);

27) во время ухода перед монголами в Пенинском замке встречаются Констанция, жена Льва Даниловича и ее сестра, вдова Болеслава Стыдливого, Кинга (1287/1288 г.) (Vita beatae Kunegundis 1887. P. 269);

28) Конрад II Семовитович приезжает в Любомль, чтобы навестить тяжело больного Владимира Васильковича, и попросить его о посредничестве в установлении тесных отношений с Мстиславом (II) Даниловичем (лето — осень 1288 г.) (Kronika halicko-wołyńska 2017. S. 570–571);

- 29) Конрад II встречается в с. Гай около Луцка с Мстиславом II, который берет его под покровительство (лето — осень 1288 г.) (Ibidem. S. 572–573);
- 30) услышав о смерти Лешека Черного, Конрад II снова приезжает к Владимиру Васильковичу, но больной князь не разрешает ему встретиться с ним. От имени своего мужа княгиня Ольга Романовна беседует с мазовецким Пястом, заверяя его, что он получит вооруженную помощь в походе на Люблин (вскоре после 30 сентября 1288 г.) (Ibidem. S. 576);
- 31) Конрад II прибывает к Мстиславу (II) Даниловичу во Владимир, возможно, что на церемонии принятия им престола (10 апреля 1289 г.) (Ibidem. S. 619);
- 32) Конрад II, вероятно, снова приезжает к Мстиславу (II), прося у него помощи в завоевании княжества сандомирского (весна (после 10 апреля) 1289 г.)⁴⁰
- 33) Лев Данилович отправляется в Малую Польшу, чтобы помочь осаждающим Краков Болеславу и Конраду Семовитовичом и Владиславу Локетку, поддерживая их. Одним из эпизодов кампании было нападение русских войск на земли Генриха IV, которое произошло 30 июля 1289 года. Вероятно, войска Льва находились в Малой Польше в июле и августе (Ibidem. S. 624–626; 636–638);
- 34) Лев едет на съезд монархов в Опаву, в котором, кроме короля чешского Вацлава II принимают участие Владислав Локетек, Казимир II бытомский и Мешко тешинский и, возможно, Болеслав Болеславович свидницкий (Ibidem. S. 638)⁴¹;
- 35) изгнанный из Польши Вацлавом II Владислав Локетек, скорее всего, бежит в Русью к Юрию Львовичу. Он остается там в течение некоторого времени (возможно с 1300 до 1303 г.). По его просьбе русины нападают на Малую Польшу в 1300 и 1302 гг. (Rocznik Traski 1872. S. 853; Włodarski 1966. S. 228–232).

⁴⁰ Не исключено, что русский хронист, сдублировал информацию о прибытии Конрада.

⁴¹ См. также: Formulář biskupa Tobiáše z Vechyně 1903. № 192 (общее замечание о встрече Вацлава II с польскими и другими князьями). Более подробную информацию об участниках сохранил только еще один фрагмент документа епископа Тобиаса (Hlaváček 1958. z. 3. № 17). На присутствие Болыка указывает тот факт, что он пребывал в компании Вацлава в Оломоуце через несколько дней после заключения договора в Опаве (Schlesisches Urkundenbuch. T. V. 1993. № 426). Пребывание этого Пяста в Опаве признал Б. Влодарский. (Włodarski 1931. S. 112). В свою очередь, участие Владислава Локетка в съезде убедительно продемонстрировал Я. Тенговский (Tęgowski J. 1987. S. 53–55).

Прямые столкновения между Романовичами и Пястами

- 1) Возможно, Роман Мстиславич, поддерживаемый на местах Всеволодом Мстиславичем, защищает Брест от своего старшего брата Святослава, которому дает подкрепление Казимир Справедливый (1182 г.) (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 156–157)⁴²;
- 2) Роман и Всеволод помогают Казимиру Справедливому забрать Краков у мятежников. В руки победителей попадает Болеслав, сын Мешко III (1191 г.)⁴³;
- 3) Роман, помогающий вдове Казимира Справедливого, Елене и ее детям, Лешек Белому и Конраду, сражается на реке Мозгаве против Мешко III Старого и его сына Болеслава. Возможно, хотя источники молчат, что он встречает Елену и ее детей на пути к полю битвы (1195 г.) (*Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* 1994. S. 179–180);
- 4) Лешек берет Белз, в котором останавливался Василько Романович, и передает город Александру Всеволодичу (1213 г.) (*Kronika halicko-wołyńska* 2017. S. 45);
- 5) Лешек Белый идет на Даниила и Василька на Щекарев, то есть современный Красныстав (вероятно, 1221 г.) (*Ibidem*. S. 77);
- 6) во время битвы при Кройссенбрунне (Groissenbrunn) Даниил и двое его сыновей сражаются против сторонников Пржемысла II Отокара, князя вроцлавского Генриха III Белого и князя опольского Владислава Казимировича (12 июля 1260 г.) (*Letopisy české od roku 1196 do roku 1278*. S. 311–318 ; *Mika* 2008. S. 58–63; *Dąbrowski* 2012. S. 422–425);
- 7) возле Люблина ветвь осажденного замка Конрада II встречает армию во главе с Юрьем Львовичем, также стремясь захватить его. Там нет боя (вскоре после 30 сентября 1288 г.) (*Kronika halicko-wołyńska* 2017. S. 576–580).

Как видно, основным источником для представления личных отношений Романовичей с Пястами является «Галицко-Волинская хроника». Когда ее повествование заканчивается, мы практически теряем способность отслеживать эту проблему. Другие источники лишь незначительно дополняют картину. Только хроника Магистра Винцентия играет здесь немного большую роль. В любом

⁴² По поводу датировки см. *Rocznik kapituły krakowskiej* 1978. S. 64; *Rocznik Traski* 1872. S. 834; *Włodarski* 1969. S. 14.

⁴³ См. прим. 37.

случае, как видно, сообщения о личных встречах представителей обеих династий исчезают в первые годы XIV века, что не обязательно означает, что их не было позже. Политические отношения между сторонами в конце концов продолжались.

Не должно вызывать удивления то, что, конечно же, как видно из приведенного выше списка, политика была главной причиной встреч. Просто большая часть жизни княжеских семей была политической. Может при случае возникнуть вопрос: не повлияла ли природа источников на нарушение пропорции такого вида информации (33 + 7 к 1 и 1 встрече по неизвестной причине)? Несомненно, авторы историографических произведений были в основном заинтересованы в описании событий политического характера.

Список показывает отсутствие какой-либо информации о встречах родственников (конечно, имеем в виде Пястов и Романовичей) по случаю свадеб, крещений или похорон, даже тех, которые описаны. Первые две категории церемоний остаются загадкой, потому что о них практически никакой информации не сохранилось. Конечно, что касается свадеб, то нет сомнений, что жених и невеста встречались, но их родители уже не обязательно. К счастью, сохранились отдельные сведения о похоронах. Прежде всего, мы имеем в виду подробно изложенное, скорее всего, очевидцем, описание церемонии помещения в могилу тела Владимира Васильковича. Но надо подчеркнуть, что никто из Пястов в ней не участвовал. Особенно хорошо видно отсутствие интереса к участию в похоронах родственников на примере Конрада II Семовитовича. Князь дважды посетил умирающего Владимира Васильковича, с которым был так тесно связан, потому что у него был политический интерес. Тем не менее он на похороны своего родственника не приехал.

Для разнообразия добавим, что — скорее всего — ни один из Романовичей, не появился ни на похоронах прославленного в «Галлицко-Волынской хронике» Конрада I, ни Болеслава Стыдливого, ни Лешека Черного.

Несмотря на довольно большое количество конфликтов, Романовичи и Пясты сталкивались относительно редко лицом к лицу. Более частыми поводами для встреч были, с одной стороны, совместные военные операции, а с другой — дипломатические обстоятельства, хотя разные переговоры чаще проводились с помощью послов, а не встреч правителей.

Из-за нехватки источников картина личных отношений Романовичей с Пястами неполная, хотя имеющийся в нашем распо-

ржении материал указывает на их относительно высокую частоту. На это, несомненно, повлиял факт соседства. В конце концов, между Романовичами и малопольскими и мазовецкими Пястами, владения которых граничили с Галицко-Волынской Русью, явно существовали более тесные связи, чем между Романовичами и силезскими или великопольскими Пястами. Другими факторами, влияющими на характер отношений, были близкие родственные и свойственные связи сторон, а также политические условия, часто провоцирующие поиск альянсов или, наоборот, вызывающие конфликты.

В любом случае важность взаимоотношений для обеих сторон отчетливо видна. Например, для Романа Мстиславича Казимир Справедливый и его сыновья были не только близкими родственниками, но и очень важными политическими и культурными партнерами. Для Даниила и Василька Романовичей, кроме королей Венгрии, Андраша II и Белы IV, наиболее важными партнерами являлись Лешек Белый, Конрад I Мазовецкий, Болеслав Стыдливый и Семовит I Конрадович. В свою очередь, для Владимира Васильковича, Конрад II Семовитович. Нам остается выразить надежду, что представлен текст поможет лучше понять социальный аспект междинастических отношений. Содержащаяся в нем информация может быть использована для сравнительных исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Баумгартен Н. А.* Вторая ветвь князей галицких. Потомство Романа Мстиславича // *Летопись Историко-родословного общества в Москве.* Год V. 1909. Вып. 1 (17). С. 3–45.
- Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006.
- Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Київ, 2001.
- Горovenко А. В.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб., 2011.
- Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. и вступ. слово к рус. изд. К. Ерусалимского и О. Остапчук. (Studiorum Slavicoꝝ Orbis. Вып. 10). СПб, 2015.
- Ипатьевская летопись М., 2001. (ПСРЛ. Т. 2).
- Козубська О.* Львівська легенда княгині Констанції // Княжа доба. Історія і культура. Вип. 1, 2007. С. 100–105.
- Крaлюк П. М.* Роман Мстиславович, князь Волинський і Галицький. Історико-біографічний нарис. Луцьк, 1999.

- Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть. Дослідження, тексти. Львів, 2004.
- Майоров А. В.* Галицько-волинський князь Роман Мстиславич, володар, воїн, дипломат. Біла Церква, 2011. Т. II: Політична культура спадщина, родина, династія.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 2013. Т. X.
- Balzer O.* Genealogia Piastów / Wstęp do drugiego wydania J. Tęgowski. Kraków, 2005.
- Baumgarten N de.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle // *Orientalia Christiana*. 1927. Vol. IX–1. № 35.
- Charvátová K.* Václav II. Král český a polský. Praha, 2007.
- Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* Bratislavae, 1987. Vol. II: Inde ab A. MCCXXXV usque ad A. MCCLX / Ed. R. Marsina.
- Dąbrowski D.* Polityka koligacyjna Daniela i Wasylka Romanowiczów. Prolegomena // A се его сребро. Збірник праць на пошану члена-кореспондента НАН України М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. S.139–156. (a).
- Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. (6).
- Dąbrowski D.* Два руские małżeństwa Leszka Białego. Karta z dziejów Rusi halicko — wołyńskiej i stosunków polsko — ruskich w początkach XIII wieku // *Roczniki Historyczne*. R. LXXII. 2006. S. 67–93.
- Dąbrowski D.* Bilans zysków i strat Rusi Halicko–Wołyńskiej w stosunkach z Czechami i Węgrami w XIII wieku // *Zwycięzcy i przegrani w dziejach średniowiecznych i wczesnonowożytnych Czech i Polski* / Pod red W. Iwańczaka i D. Karczewskiego. Kraków, 2012. S. 295–338.
- Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201 — 1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012.
- Dąbrowski D.* Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w. Kraków, 2016.
- Dąbrowski D.* Budowanie obrazu rodziny książęcej jako wspólnoty na przykładzie przekazów Kroniki halicko-wołyńskiej (Kroniki Romanowiczów) // *Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek* / Red. D. Dąbrowski, A. Jusupović, T. Maresz. (Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi UKW. T. 5). S. 59–74. Kraków, 2018.
- Dobosz J.* Kazimierz II Sprawiedliwy. Poznań, 2011.
- Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953).* (Analecta OSBM. Series II. Sectio III) Romae, 1953. T. I: 1075–1700 / Ed. A. G. Welykyj. Romae, 1953.
- Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli / Ed. E. Manestò, M. C. Lungarotti, P. Daffinà, L. Petech, C. Leonardi. Spoleto, 1989.
- Formulář biskupa Tobiáše z Bechyně (1279—1296)* / Ed. J. B. Novák. Praha, 1903.

- Grabowski J.* Dynastia Piastów mazowieckich. Kraków, 2016.
- Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Varsaviae, 1975. Lib. VII–VIII.
- Hlaváček I.* Nový zlomek formuláře Tobiáše z Bechyně // *Československý Časopis Historický*. 1958. R. VI. S. 545–561.
- Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, 1992.
- Jasiński K.* Genealogia Piastów wielkopolskich. Potomstwo Władysława odonica // *Kronika miasta Poznania*. 2. 1995: Nasi Piastowie. S. 34–66.
- Jasiński K.* Polityka małżeńska Władysława Łokietka. Genealogia. Rola związków rodzinnych i rodowych w życiu publicznym w Polsce średniowiecznej na tle porównawczym / Pod red. A. Radziwińskiego i J. Wroniszewskiego. Toruń, 1996.
- Jasiński K.* Kielich płocki z pateną — dar księcia mazowieckiego Konrada I // *Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym*. Warszawa, 1997. S. 283–297.
- Jasiński K.* Rodowód Piastów mazowieckich. Poznań; Wrocław, 1998.
- Jasiński K.* Rodowód Piastów małopolskich i kujawskich / Ed. M. Górny. (Bibliotheca Genealogiczna / pod red. M. Górnego. T. 3). Poznań; Wrocław, 2001.
- Jasiński K.* Rodowód Piastów śląskich. Wstęp do II wyd. T. Jurek. Kraków, 2007. Kodeks dyplomatyczny Małopolski. Kraków, 1886. T. II: 1153–1333 / Wyd. F. Piekosiński.
- Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów)* / wyd., wstępem i przypisaniami opatrzyli D. Dąbrowski i A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł // *Monumenta Poloniae historica. Series nova*. Kraków; Warszawa, 2017. T. XVI.
- Letopisy české od roku 1196 do roku 1278* // *Fontes rerum Bohemicarum*. Praha, 1874. T. II / Ed. J. Emler.
- Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten*. Riga, 1873. Bd. VI / Hrsg. F.G. von Bunge.
- Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum* / Wyd. M. Plezia // *Monumenta Poloniae historica. Series nova*. Kraków, 1994. T. XI.
- Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach. Racibórz, 2008.
- Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziemi halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199) — 1264. Kraków, 2011.
- Nekrolog dominikanów krakowskich (Nekrografia seu Obitus Fratrum [...])* // *Zeissberg H. von.* Kleinere Geschichtsquellen Polens im Mittelalter. Wien, 1877. S. 136–167.
- Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza*. Wrocław, 1989. Cz. II: Dokumenty z lat 1248–1355 / Wyd. I. Sułkowska-Kuraś i S. Kuraś, przy współudziale K. Pacuskiego i H. Wajsa.
- Pakulski J.* Zaginiona pieczęć księżnej mazowieckiej Perejaśławy z 1276 r. a trzynastowieczne sigilla księżnych Polski dzielnicowej // *Nihil superfluum esse. Studia z dziejów średniowiecza ofiarowane Profesor J. Krzyżaniakowej* / Pod red. J. Strzelczyka i J. Dobosza. Poznań, 2000. C. 247–262.

- Przybył M.* Mieszko III Stary. Poznań, 2002.
- Rocznik kapituły krakowskiej // Monumenta Poloniae historica. Series nova / Wyd. Z. Kozłowska-Budkowa. Warszawa, 1978. T. V. S. 19–106.
- Rocznik Traski // Monumenta Poloniae Historica. Wyd. A. Bielowski. Lwów, 1872. T. II.
- Schlesisches Urkundenbuch / Hrsg. von. W. Irgang. Köln; Wien, 1993. T. V: 1282 — 1290.
- Szymczak A.* Książniczki ruskie w Polsce XIII wieku // Acta Universitatis Lodziensis. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Seria I. 1978. Z. 29. S. 25–42.
- Tęgowski J.* Zabiegi księcia kujawskiego Władysława Łokietka o tron krakowski w latach 1288 — 1293 // Zapiski Kujawsko-Dobrzyńskie. T. 6: Historia. 1987. S. 43–67.
- Tęgowski J.* Kontakty rodzinne dynastów polskich i ruskich w średniowieczu // Między sobą. Szkice historyczne polsko-ukraińskie pod red. T. Chynczewskiej-Hennel i N. Jakowenko. Lublin, 2000. S. 7–36.
- Tęgowski J.* Okoliczności wstąpienia na tron halicko-wołyński Piasta mazowieckiego Bolesława Trojdenowica (nieznane dokumenty ruskie z XIV wieku) // Studia Podlaskie. 2009/2010. T. XVIII. S. 313–328.
- Teterycz-Puzio A.* Piastowskie księżne regentki. O utrzymanie władzy dla synów (koniec XII w. — początek XIV wieku). Kraków, 2016.
- Vita et miracula sanctae Kyngae ducissae cracoviensis / Wyd. W. Kętrzyński // Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1884. T. IV.
- Vetera monumenta historica Hungariorum sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. T. I. Ab Honorio PP. III usque Clementem PP. VI. 1216–1352.
- Vita beatae Kunegundis // Joannis Dlugossii Opera omnia. Cracoviae, 1887. T. I. / Ed. A. Przedziecki.
- Walicki M.* Wyposażenie artystyczne dworu i kościoła // Sztuka polska przedromańska i romańska do schyłku XIII w. / Pod red. M. Walickiego. Warszawa, 1971. S. 247–303.
- Wertner M.* Az Árpádok családi története. Nagy-Becskerekén, 1892.
- Włodarski B.* Polska i Czechy w drugiej połowie XIII i początkach XIV wieku (1250–1309). (Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Dz. 2. Z. 3). Lwów, 1931. T. 7.
- Włodarski B.* Polska i Ruś 1194–1340. Warszawa, 1966.
- Włodarski B.* Sąsiedztwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawiedliwego // Kwartalnik Historyczny. 1969. R. 76. № 1. S. 5–18. R. 76.
- Zabłocki W.* Grzymisława Ingwarówna, księżna krakowsko-sandomierska. Kraków, 2012.
- Zbiór dokumentów małopolskich. Cz. I: Dokumenty z lat 1257 — 1420 / Wyd. S. Kuraś. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962.
- Zbiór ogólny przywilejów i spominków mazowieckich / Zebrał, opracował i wydał, oraz wykazami opatrzył J. Korwin Kochanowski. Warszawa 1919. T. I.
- Żmudzi P.* Studium podzielonego Królestwa. Książę Leszek Czarny. Warszawa, 2000.

SOCIAL ASPECTS OF THE MEDIEVAL POLISH-RUSSIAN RELATIONS
(BASED ON THE EXAMPLE OF MARRIAGES BETWEEN THE
ROMANOVICHI AND THE PIAST DINASTIES)

The article discusses the problems of social relations between representatives of the Piast dynasty and Romanovichi. The author focuses on the following issues: marriages between Romanovichi and the Piasts, as well as matrimonial unions that created political background of this marriages; awareness of the existence of kinship and affinity between members of both dynasties; marriages between Romanovichi and the Piasts in the light of confessional problems; name-giving habits as a manifestation of inter-dynastic ties; life of women from the Romanovichi family at the Piasts courts and women from the Piast family at the courts of Romanovichi; personal contacts between representatives of these dynasties.

Undoubtedly, due to the lack of sources, the picture of Romanovichi's personal relations with the Piasts is incomplete, although the material available to the author shows their relatively high frequency and importance for both sides. This was undoubtedly influenced by the fact of the neighborhood, but also by other factors discussed in the text.

Keywords: the Piasts, Romanovichi, social relations, marriages, kinship, affinity, confessional problems, naming habits

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-297-331

Е. В. Литовских

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СНОРРИ СТУРЛУСОНА ПРИ НОРВЕЖСКОМ КОРОЛЕВСКОМ ДВОРЕ

Исландец Снорри Стурлусон был не только знаменитым писателем и историком. Он зарекомендовал себя выдающимся политическим деятелем на внутривластной арене и попытался выступить в качестве дипломата при дворе конунга Хакона Хаконарсона. Однако его дипломатическая деятельность в Норвегии обнаружила столкновение двух различных дипломатических практик: исландской, основанной на личных связях крупнейших знатных родов, в которых важную роль играли узы родства и свойства, и норвежской, иерархическо-феодальной. Снорри был последним исландским хёвдингом, который проводил самостоятельную исландскую внешнюю политику, что вместе с попыткой строить отношения с представителями норвежской власти по исландскому образцу стоили ему жизни.

Ключевые слова: Снорри Стурлусон (1178–1241 гг.), «Сага об исландцах», Хакон IV Хаконарсон Старый (1204–1263), международная дипломатия

Знаменитый средневековый исландский писатель, историк и политик Снорри Стурлусон родился в 1178 г. на хуторе Лощина¹ в Долинах в Западной четверти. Он принадлежал к богатому и знатному роду Стурлунгов, ведшему свою генеалогию от первопоселенца Йорунда Годи. В XII–XIII вв. Стурлунги представляли собой один из влиятельнейших родов Исландии. В дальнейшем они породнились с *Oddaverjar* («жителями Одди»), именующимися так по своему родовому хутору, расположенному в Западной четверти в устье Кривой Реки.

Родителями Снорри были Стурла Тордарсон Старый (1116–1183 гг.) и его вторая жена Гудню Бёдварсдоттир (1147–1221 гг.). Снорри был младшим сыном в семье, его родными братьями — Торд (1165–1237 гг.), отец исландских писателей Стурлы

¹ Др.-исл. Hvammr. Совр. хутор Хваммюр — место, где первой поселилась Ауд Глубокомудрая и ее внук Олав Фейлан.

Тордарсона (1214–1284 гг.) и Олава Тордарсона Белого Скальда (1210/12–1259 гг.), и Сигхват (1170–1238 гг.).

В качестве компенсации и гаранта примирения между Стурлой и Палем Сёльвасоном выступавший судьей в их тяжбе Йон Лофтссон (1124–1197 гг.), внук Сэмунда Сигфуссона Мудрого (1056–1133 гг.) и потомок внебрачной дочери норвежского конунга Магнуса Голоногого (1093–1103), взял Снорри, когда тому было примерно три года, в Одди на воспитание (*Íslendinga saga*. Кар. 1. Bls. 67). На хуторе была школа и богатая библиотека. По особенностям стиля Снорри (у него совершенно отсутствуют латинизмы, равно как и ссылки и аллюзии на латинскую литературу) ученые делают вывод о том, что в Одди давали светское воспитание и образование с упором на изучение собственно исландской истории (Джаксон 1993; Мельникова 2016. С. 311; Jón Viðar Sigurðsson 2017. P. 25–30). Это воспитание не могло не повлиять на Снорри, в том числе сформировав его политические воззрения.

О жизни и политической деятельности Снорри мы знаем в основном от его племянника Стурлы Тордарсона, описавшего этот период исландской истории в своей «Саге об исландцах» (*Íslendinga saga* 1946; Стурла Тордарсон 2007)². В фактологических вопросах мы можем полагаться на достоверность саги, которая писалась практически по горячим следам произошедших событий — если не участники, то их ближайшие родственники были еще живы и равно заинтересованы в правдивом освещении событий. При этом Стурла старательно придерживался саговой нейтральности изложения, открыто не оправдывая ни одну из сторон конфликта.

Из «Саги об исландцах» известно, что Снорри прожил в Одди до самой смерти своего воспитателя Йона³ (*Íslendinga saga*. Кар. 10. Bls. 74), а в 1199 г. переехал на хутор Городище⁴ на Болотах, который получил с приданым своей первой жены Хердис,

² *Íslendinga saga* — одна из так называемых «саг о современности», написанная до 1284 г. Она имеет рекордное по продолжительности для своего жанра время действия (повествует о событиях 1183–1264 гг.) и является одним из главных источников, рассказывающих об эпохе Стурлунгов. Подробнее о ней см.: Pétur Sigurðsson 1933–1935; Guðni Jónsson 1981; Rohrbach 2017. P. 95–99.

³ Связи Снорри с жителями Одди на этом не прекратились. Впоследствии внучка Йона Лофтссона и дочь Орма Йонссона со Двора Широкого Шара (ум. 1218 г.) Хальвейг (1199–1241 гг.) стала третьей и последней женой Снорри.

⁴ Др.-исл. Borg. Совр. город Боргарнес, бывший в свое время местом жительства знаменитого скальда Эгиля Скаллаgrimссона (910–995 гг.), авторство саги о котором приписывают Снорри.

дочери Берси Вермундарсона Богача (ум. 1202 г.). Снорри не отличался постоянством и кроме детей от этого брака — старшим и самым известным из них был Йон Малёк⁵ (1203–1231 гг.), которого прочили в наследники — Снорри у него было несколько побочных, среди которых печально прославился Орэкья (1205–1245 гг.) (Íslendinga saga. Kap. 16. Bls. 80).

С 1206 г. Снорри жил в Дымном Лесу⁶ в Городищенском Фьорде и предводительствовал в этой округе. Лидерство в этом старейшем региональном объединении в Исландии, стало, по справедливому мнению Сверрира Якобссона, отправной точкой его политической карьеры (Svertir Jakobsson 2009. P. 113–118). Обширные родственные связи и талант посредника на переговорах привели к тому, что уже в 1215 г. Снорри был выбран законоговорителем альтинга⁷, т.е. высшим исландским должностным лицом. Вместе с этой должностью он получил максимально возможную в те времена в Исландии светскую политическую власть и добился ее, как считается, благодаря своим личным качествам (Jón Viðar Sigurðsson 1989. Bls. 89–124). Это отмечается и в «Саге об исландцах»: «его (Снорри. — *Е.Л.*) слава здесь в стране стала наибольшей... распоряжения, которые он отдавал, оказывались наиболее разумными»⁸.

Летом 1218 г. в возрасте 40 лет в расцвете своей политической карьеры Снорри покинул Исландию, отправившись в Норвегию по приглашению норвежского конунга. Обычно в Норвегию ездили молодые исландцы. Такие поездки позволяли им получить опыт и доказать свою состоятельность в статусе взрослого мужчины. В сагах есть целая серия описаний того, как юноша-герой отправляется в заморскую торговую поездку, викингский поход или на службу ко двору норвежского конунга и лишь по возвращении домой он получает земельное владение, обзаводится семьей и завоевывает авторитет в самой Исландии. Однако у Снорри на мо-

⁵ Др.-исл. Murtr, досл. «мелкая форель». Данный вариант перевода прозвища на русский язык принадлежит А.В. Циммерлингу. Прозвище было дано ему из-за того, что в детстве Йон отличался маленьким ростом.

⁶ Др.-исл. Reykjaholt. Совр. село Рейкхольт.

⁷ Законоговоритель (др.-исл. *lögsögumaðr*) — высшая исландская правовая должность, предполагающая знание законов и их оглашение со Скалы Закона на альтинге (общем собрании всего исландского свободного населения). Законоговоритель выбирался на три года, но многие из них избирались по несколько раз (иногда подряд).

⁸ «Gekk virðing hans [Snorri] við mest hér á landi... hafði hinar bestu forsagnir á öllu því er gera skyldi» (Íslendinga saga. Kap. 34. Bls. 105).

мент поездки уже были и земельное владение, и семья, и дети, и высокий политический статус. Все это выделяет его поездку из обширной череды рядовых путешествий молодых исландцев. Поездку Снорри, которую обычно рассматривают в связи с его интересом к истории норвежских конунгов (который воплотился в «Круге Земном»), скорее следует обсуждать в русле исландско-норвежских отношений, которые в это время приобрели особую остроту из-за стремления Норвегии подчинить себе Исландию, и как попытку опытного политика получить выход на новый, более высокий (теперь уже международный) уровень.

Деятельность Снорри в Норвегии позволяет предположить, что он, исходя из своего исландского опыта, полагал, будто в Норвегии политическая жизнь мало отличается от Исландии, где ежегодно заключались различные политические союзы, а впоследствии (когда в них отпадала необходимость) они так же легко разрушались.

Первую зиму в Норвегии Снорри провел при дворе ярла Скули Бардарсона (1189–1240 гг.), самого на тот момент влиятельного человека Норвегии, будущего зятя норвежского конунга Хакона IV Хаконарсона Старого (1204–1263). В 1218 г. ярл Скули был регентом четырнадцатилетнего Хакона, и они еще неплохо ладили между собой. При этом молодой конунг обладал меньшей реальной властью, чем его формальный вассал Скули.

Снорри правильно понял политическую ситуацию и стал вызывать больше почтения именно ярлу Скули, хотя хвалебные поэмы писал обоим правителям Норвегии и получал подарки и от одного, и от другого. «Сага об исландцах» отмечает и встречное доброжелательное отношение Скули к прибывшему исландцу, говоря: «ярл отлично принял Снорри»⁹. Несмотря на то, что это — типичный саговый оборот, описывающий положение приезжего исландца при любом иностранном дворе, исходя из последующих событий, можно с достаточной степенью вероятности полагать, что он соответствовал и реальному приему, оказанному Снорри.

Принято считать, что целью поездки Снорри как в Норвегию, так и в Швецию в 1219 г., в первую очередь, был сбор исторических сведений (Faulkes 2008. P. 312). Согласно «Саге об исландцах», он отправился в Западный Гаутланд, где провел зиму.

⁹ «Tók jarlinn forkunnar vel við Snorra» (Íslendinga saga. Kap. 35. Bls. 108).

Здесь, в главном городе Гаутланда Скаре он встречался с лагманом¹⁰ Аскелем Магнуссоном (1215–1227) и его женой Кристиной (ум. 1254 г.).

Встреча с Аскелем была хорошо продуманным дипломатическим шагом со стороны Снорри. Должность предводителя областного тинга Гаутланда была вполне соизмерима с должностью исландского законоговорителя. Так что Снорри и Аскель были коллегами сходного политического статуса. Поскольку Аскель не был конунгом, встреча с ним не должна была сказаться на отношениях Снорри с Хаконом, ее никак нельзя было бы расценить в качестве попытки связаться с правителем другого государства без ведома и одобрения конунга Норвегии. В то же время Аскель играл значительную роль в шведской политике, был приближенным к королевскому двору человеком, благожелательный настрой которого был ценен в дальнейшей перспективе международных союзов и договоров. Можно поэтому предположить, что целью контакта Снорри с Аскелем был не только (а может быть, и не столько) сбор исторических сведений. Информацией по шведской истории владел не только Аскель, а вот заручиться дружественной поддержкой целесообразнее всего было именно у него.

Однако никаких сведений о результатах дипломатической деятельности Снорри как в Норвегии, так и в Швеции не сохранилось: ими не стали ни союзнические договоры, ни письменные соглашения — все то, что в то время уже сопутствовало контактам глав различных государств, в том числе в Скандинавии. Более того, Стурла Тордарсон в «Саге об исландцах» явно подчеркивает частный характер шведской поездки Снорри, замечая, что «она [жена Аскеля. — *Е.Л.*] замечательно приняла Снорри и подарила ему много славных подарков»¹¹. Признавая власть своих норвежских патронов, будучи сам королевским лагманом и написав верноподданнические саги и висы о Хаконе и его сыне Магнусе, Стурла, вероятно, не считал себя вправе показывать и открыто за-

¹⁰ Лагман — предводитель областного тинга Гаутланда. Кроме того, Аскель был старшим братом ярла Биргира (ок. 1210–1266 гг.), зятя шведского конунга Юхана Сверкерссона (1216–1222). Жена Аскеля Кристина Никуласдоттир была внучкой шведского конунга и племянницей Маргрет (1189–1202), дочери шведского конунга Эрика IX Святого (1156–1160) и жены норвежского конунга Сверрира (1184–1202), предыдущий брак у нее был с предводителем берестяников ярлом Хаконом Шальным (ум. 1214 г.).

¹¹ «Tók hún [frú Christín] allvel við Snorra, ok veitti hönум margar sæmilegar gjafir» (Íslendinga saga. Kap. 35. Bls. 108).

являть, что его родич осуществлял какие-либо действия через голову норвежцев.

С современной точки зрения, Снорри, скорее, соединял в себе функции исландского культурного атташе и посла, не только собирая информацию по ранней истории Скандинавии, но и устанавливая дипломатические контакты (в данном случае — с Норвегией и Швецией) и беря на себя ответственность (как обоснованными заверениями, так и голословными обещаниями — *Íslendinga saga*. Кар. 38. Bls. 113) за изменение исландской внешней политики на пронорвежскую. Столь ответственное решение, на наш взгляд, ему позволяло принять то, что он не только принадлежал к верхушке исландской политической и социальной элиты, но и то, что, будучи законоговорителем, он, кроме того, что следил за соблюдением законности в Исландии, также принимал окончательные решения по самым крупным и проблемным вопросам. Все это сформировало решительный и самостоятельный характер Снорри и укрепило его во мнении, что именно ему принадлежит право решать за всех исландцев. Ярче всего это сказалось в отношениях с Норвегией. Снорри заручился «дружбой» норвежского королевского двора в лице ярла Скули в надежде обеспечить себе тылы и гарантировать невмешательство конунга в его внутриисландскую деятельность. Тем самым его отношения с норвежскими правителями должны были укрепить его власть в Исландии.

На тот момент Исландия еще была независимой страной со своим «парламентом» (альтингом). Однако в течение всего XIII в. шла постепенная инкорпорация элиты исландцев в норвежские политические структуры, им активно присваивались такие норвежские звания и титулы, как стольник¹², наместник¹³ или лендрман¹⁴. Большинство исследователей, опираясь на информацию «Саги об

¹² Стольник (*skutilsveinn*) изначально был старшим дружинником конунга, прислуживающим ему за столом. В исследуемый период это был, скорее, формальный титул, даваемый стороннику конунга без земельного пожалования.

¹³ Наместник, или сюзлудман (*sýslumaðr*) — человек, управляющий сюзлой, норвежским административным округом. Наместники назначались конунгом на полгода или год, затем можно было продлить срок или перевестись в другой округ.

¹⁴ Лендрман (*lendmaðr*, букв. «человек, наделенный землей») — норвежское должностное лицо, по статусу близкое к латинскому барону. Лендрманны получали земельные пожалования от конунга в обмен на политическую лояльность и поддержку, очень многие из них были представителями старой норвежской знати, согласившимися присягнуть конунгу на верность. В данный период исландцы наделялись этим титулом с целью проведения на острове политики норвежского конунга.

исландцах», сходятся на том, что Снорри в этот период также получил от Хакона титул стольника (Íslendinga saga. Kap. 38. Bls. 113), вероятнее всего, за обещание провести (или хотя бы поддержать) на альтинге решение вопроса о присоединении острова к Норвегии. На этом этапе Хакон (молодой и зависимый от собственного окружения, многие представители которого были лояльны к исландцам, особенно те, кого островитяне поддерживали в предыдущий период гражданских междоусобиц в Норвегии: Íslendinga saga. Kap. 38. Bls. 114) еще придерживался идеи о необходимости легитимной процедуры вхождения Исландии в состав норвежского королевства. Однако на тот момент попытки заставить альтинг Исландии проголосовать за присоединение к Норвегии провалились.

Несмотря на вероятный титул стольника и сопутствующие ему вассальные обязательства по отношению к норвежской короне, Снорри отстаивал в Норвегии собственные интересы. В частности, в конце своего пребывания в Норвегии Снорри пришлось решать проблемы его почти родного хутора Одди, жители которого вероломно ограбили норвежских купцов. Он отговаривал норвежцев от похода в Исландию против них. По словам Стурлы, Снорри «говорил, что разумнее было бы подружиться с лучшими людьми в Исландии, и утверждал, что он сумеет своими речами убедить народ подчиниться норвежским хёвдингам», поскольку «в Исландии нет более уважаемых людей, чем его братья»¹⁵. На наш взгляд, Снорри преследовал цель сохранить прежнее положение дел, при котором норвежцы не вмешивались во внутриисландские дела, и хотел избежать разорения региона, входящего в сферу его влияния. Не ясно только, насколько далеко простиралось его намерение признавать главенство норвежской власти: собирался ли он подтвердить подчиненный статус лишь формально, получив вместе с ним преимущество в междоусобной борьбе на родине, или осуществить какие-либо конкретные действия. Однако конунгу хватило и этого обещания. В обмен на это Хакон наделил Снорри титулом лендрмана, включив его в систему норвежской властной иерархии.

«Сага об исландцах» при этом отмечает, что получение титула лендрмана «было общим замыслом ярла со Снорри»¹⁶. Возмож-

¹⁵ «Ok kallaði þat ráð, at göra sér at vinum ina bezta menn á Íslandi, ok kallaðisk skjótt svá mega koma sínum orðum, at mönnum mundi sýnask at snúask til hlýðni við Noregs höfðinga... Hann sagði ok svá, at þá vóru eigi aðrir meiri menn á landinu en bræðr hans» (Íslendinga saga. Kap. 38. Bls. 113).

¹⁶ «Vóru þat mest ráð þeirra Snorra ok jarlsins» (Íslendinga saga. Kap. 38. Bls. 114).

но, что, на их взгляд, построение всей комбинации с уговорами Хакона и обещаниями должно было способствовать внедрению дружественно настроенного по отношению к ярлу человека в окружение Хакона, с одной стороны, и сохранению власти Снорри в Исландии — с другой. По всей видимости, Снорри намеревался и дальше оставаться союзником ярла.

О дружеских отношениях Снорри и Скули свидетельствует то, что за время пребывания Снорри в Норвегии ярл подарил ему корабль и 15 дорогих подарков (*Íslendinga saga*. Kap. 38. Bls. 114). В ответ Снорри, уже будучи в Исландии, сочинил о ярле две драпы. При этом в «Саге об исландцах» отмечается, что одна из них из-за своих стилистических недостатков стала объектом пародий (*Íslendinga saga*. Kap. 38. Bls. 114), и приводится ее стев, где подобоострастно воспевается политический авторитет ярла:

«Скули жестко, ражий,
Ярлов на престоле
Превзошел, сильнейший»¹⁷.

Следует отметить, что Снорри — один из немногих исландских светских политических деятелей, удостоившихся упоминания в исландских анналах помимо дат смерти и выборов законоговорителей. При этом в исландских анналах мало уникальной информации, отсутствующей в сагах. В большинстве из них сообщается только о самом факте поездок Снорри в Норвегию (*Íslandske Annaler*. Bls. 25, 125, 130). Развернутое свидетельство касается назначения Снорри титулом лендрмана, присутствующее в Королевских Анналах в статье 1218 г., где среди прочего говорится, что «Конунг Хакон назначил Снорри Стулусона лендрманом. И тогда Снорри поехал в Исландию»¹⁸. Необходимо отметить также, что анналы упоминают в связи с этим назначением только Хакона, тогда как, согласно «Саге об исландцах», пожалование было дано одновременно конунгом и ярлом¹⁹.

Получение Снорри титула лендрмана — знаковое событие для исландской истории, поскольку оно было первым случаем заклю-

¹⁷ Пер. А.В. Циммерлинга. Цит. по: Сага об исландцах. С. 114. Оригинальный текст стева: *Harð-múlaðr var Skúli. / Rambliks framar miklu. / Gnaphjarls skaraðr jarla (Íslendinga saga. Kap. 38. Bls. 114).*

¹⁸ «Hákon konvngr górdi Snorra Stvrlv son lenndan mann. Ok þá fór Snorri til Íslandz» (*Íslandske Annaler*. Bls. 125).

¹⁹ «Конунг Хакон и ярл Скули назначили Снорри своим лендрманом» («en þeir Hákon konungr ok Skúli jarl gördu Snorra lendan mann sinn» — *Íslendinga saga*. Kap. 38. Bls. 114).

чения вассального договора норвежской короны с исландским хёвдингом (Andersson 1999. P. 927). Люди, становящиеся лендрманами, должны были обладать достаточным могуществом, чтобы привлечь к себе внимания конунга и заинтересовать его в этом пожаловании (Jón Viðar Sigurðsson 1995. P. 156). При этом были соблюдены все стандартные норвежские условия: Снорри обещал проводить норвежскую политику в Исландии, а сын Снорри Йон Малёк в 1221 г. отправился в Норвегию заложником и гарантом выполнения Снорри соглашений с конунгом (Íslendinga saga. Kap. 41. Bls. 121).

Пятнадцатью годами позже, когда разгорелась борьба между ярлом Скули и Хаконом, племянник Снорри Стурла Сигхватссон (1199–1238 гг.), побывавший в 1233 г. в Норвегии, повел себя совершенно иначе (Íslendinga saga. Kap. 92. Bls. 194–195). По пути в Рим он остановился у Альва, зятя ярла Скули. По свидетельству «Саги об исландцах», Альв «просил его подождать, пока герцог²⁰ подъедет с севера; он сказал, что хочет, чтобы тот (т.е. Стурла. — *Е.Л.*) вошел в число друзей герцога. Альв говорил Стурле, что герцог окажет ему как выдающемуся человеку почести бóльшие, чем другим людям, и сказал, что герцог — главный друг исландцев и тем более Стурлунгов. Стурла не хотел ничего другого, как отправиться на юг в Берген к конунгу Хакону. А тогда была большая вражда между свояками (конунгом и герцогом. — *Е.Л.*), и они набирали себе ополчение везде, где только могли»²¹. Как видим, ярл Скули действует по старой схеме, намереваясь заключить союзный договор с очередным Стурлунгом, однако Стурла Сигхватссон уже склонен поддержать конунга. Стурла отвергает возможную коалицию со Скули, отдавая предпочтение официальному правителю, придерживаясь, помимо прочего, линии поведения типичного исландца при дворе, который обязан выражать свою признательность и лояльность конунгу.

Несмотря на то, что автор «Саги об исландцах» описывал падомничество своего двоюродного брата в соответствии с саговы-

²⁰ На тот момент Скули еще не был герцогом, но автор саги упорно именуется этим титулом.

²¹ «Ваð hann þar bíða þess er hertoginn kæmi norðan ok sagðisk, vilja koma honum í vináttu við hertogann. Sagði Álfr Sturlu, at hertoginn mundi gera hann at inum mesta sæmdarmanni, slíkt afbragð sem hann var annarra manna, en kallaði hertogann vera inn mesta vin Íslendinga ok þá mestan Sturlunga. Sturla vildi ekki annat, en fara suðr til Björgvinjar á fund Hákonar konungs. En þá var sundrþykki mikit með þeim mágum ok drógu þeir þá lið saman slíkt er þeir fengu» (Íslendinga saga. Kap. 92. Bls. 194).

ми стандартами и использовал при этом типично саговые обороты (Rohrbach 2017. P. 95–98), события, касающиеся дальнейшего союза Стурлы Сигхватссона и конунга Хакона в обмен на обещание подчинить Исландию, вероятнее всего, имели место. Стурла Тордарсон писал о них также в другом месте своей саги (*Íslendinga saga*. Kap. 139. Bls. 265), и более подробное их изложение имеется в «Саге о Хаконе Старом» (*Hákonar saga*. Kap. 150. Bls. 232–233, Kap. 157. Bls. 246). Тем самым Стурла Сигхватссон повел совершенно иную политическую игру, нежели Снорри, полностью поддержав действия конунга и попытавшись извлечь из них выгоду для себя лично.

Снорри же с согласия и разрешения норвежского конунга (на этот раз!) в 1220 г. вернулся в Исландию, и уже в 1222 г. он снова стал законоговорителем (что подтверждается свидетельством *Анналов Скаульхольта*: *Íslandske Annaler*. Bls. 126). Тем самым Снорри закрепил свой статус высшего должностного лица Исландии и крупного политического деятеля. Он оставался законоговорителем в течение 10 лет, вплоть до 1232 г., и постоянно выступал как сторонник норвежского конунга²², оправдывая возложенные на него Хаконем надежды. Однако под конец Снорри стал пропускать заседания альтинга из-за возрастных болезней суставов. Возможно, это был лишь предлог для уклонения от решения острых политических вопросов (Снорри к концу срока законоговорителя было 54 года), поскольку его политический авторитет сильно пошатнулся. Снорри мог осознавать уменьшение собственного политического влияния, но не желал показывать это другим и доводить дело до открытого столкновения на альтинге.

Целенаправленная поддержка Снорри политики норвежского конунга и норвежских властей (даже в мелких экономических тяжбах с норвежскими торговцами) с первых месяцев ее проявления вызвала резкое недовольство в среде исландских хёвдингов и привела к тому, что против него стали выступать многие

²² Политические воззрения Снорри нашли свое отражение и в его литературном творчестве. «Круг земной» был написан ок. 1230 г., когда Снорри еще пребывал в плену собственных политических иллюзий. В этом произведении исследователи видели политизированность содержания и отражение авторской уверенности в необходимости власти конунга (Koht 1921; Bagge 1991. P. 72, 78–79, 85, 118–119, 129, 133, 141; Bagge 1994. S. 9–13; Andersson 1994. P. 58; Гуревич 2005. С. 139; Мельникова 2016. С. 496–497) или исландской знати (Sandvik 1955. P. 56, 98). Однако находились и те, кто отрицал наличие у него какой бы то ни было тенденциозности (Paasche 1922).

представители крупных исландских родов. Исландцы расценили такое поведение своего законоговорителя как предательство и отвернулись от него. На первых порах это особенно касалось жителей Южной четверти, распрю которых с норвежскими купцами Снорри стал улаживать, учитывая исключительно интересы норвежской короны. Со временем главным соперником Снорри на исландской политической арене стал Гицур Торвальдссон (1208–1268 гг.) — глава хаукдальцев (владельцев хутора Хаукдаль в Южной четверти), второго по значению исландского рода, претендовавшего, как и Стурлунги, на единоличную власть в стране (Sverrir Jakobsson 2009. P. 123–128).

Родственные связи в Исландии в XIII в. уже не гарантировали союзнических отношений, что видно на примере действий самих Стурлунгов. В результате внутриклановых ссор (против Снорри выступили его брат Сигхват и сын последнего Стурла) Снорри оказался вытеснен на запад Исландии и лишен части своего политического влияния. Хакона не устраивали убийства в среде исландской знати, происходившие в ходе межродовых распрей. Он попытался вмешаться и пригласил Стурлунгов в Норвегию на переговоры. Этот маневр, по-видимому, был прозрачен для обоих братьев, Сигхвата и Снорри, они понимали, что может произойти с ними в Норвегии. Сигхват демонстративно начал стараться воплотить намерение конунга в жизнь: он со своим сыном Стурлой захватил Орэкью и устроил ему «политическую казнь».

Снорри приехал в Норвегию во второй раз в конце 1237 г. вместе с освободившимся Орэкьей и племянниками Тордом Сигхватссоном Какали (1210–1256 гг.), Торлейвом Тордарсоном и Олавом Белым Скальдом (Íslendinga saga. Kap. 126. Bls. 237). В этот приезд он первую зиму провел в Нидаросе у к тому времени уже герцога²³ Скули (при этом Торд Какали сразу отправился в Берген ко двору конунга Хакона), а затем переехал в Осло, когда там одновременно находились и Хакон, и Скули. При этом Снорри контактировал в основном со Скули. Орэкья жил при дворе самого Скули, а Снорри поселился у сына Скули Петра (Íslendinga saga. Kap. 127. Bls. 238).

И в этот раз Снорри продолжил вести себя в соответствии с исландскими представлениями о дипломатических процедурах,

²³ По свидетельствам исландских анналов, Скули стал герцогом в 1238 г. (Íslandske Annaler. Bls. 130).

ошибочно полагаясь на защиту «дружеских» — квазиродственных связей. В своих внешнеполитических комбинациях он по-прежнему исходил из знакомых ему исландских реалий и намеревался договариваться, сохраняя личную самостоятельность в принятии решений, что совершенно не вписывалось в норвежские правила политической жизни.

В долговременной перспективе Снорри сделал ставку не на ту политическую фигуру: влияние Скули падало, противостояние между Хаконем и Скули из-за властных притязаний последнего все обострялось, а Снорри продолжал поддерживать Скули. Поэтому конунг разочаровался в Снорри как в королевском ставленнике в Исландии. Он стал искать возможность использовать в своих интересах других исландских хёвдингов, предлагая им те же привилегии, которые ранее были у Снорри²⁴.

В то же время обстановка в Исландии все усложнялась. В августе 1238 г. Гицур и Кольбейн Младший убили Сигхвата и четверых его сыновей (в том числе и Стурлу). Узнав об этом, Снорри, проигнорировав свои придворные обязанности, решил, что исландские дела и проблемы родственников для него важнее, и попросил у конунга разрешения вернуться домой. Однако Хакон уже сомневался в политической лояльности Снорри и проведении им королевских интересов в Исландии, поэтому он предпочел держать Снорри при себе, пользуясь вассальным положением последнего. Кроме того, конунг ясно понимал, что Снорри начнет на острове новый виток распри, сочтя необходимым отомстить за родичей, что никак не вписывалось в то видение исландской политики — прекращения распрей, которое было у Хакона. Исходя из всего этого, в 1239 г. конунг запретил всем исландцам выезжать из страны. Однако Снорри не подчинился.

Судя по сообщению Стурлы в «Саге об исландцах», Снорри при этом не стал действовать на свой страх и риск, а заручился

²⁴ См. выше о договоре конунга и Стурлы Сигхватссона, на основании которого Стурла также дал обещание подчинить Исландию норвежской короне. В «Саге об исландцах» говорится, что «было много разговоров о том, что Стурла и конунг договорились между собой, что он (Стурла. — *Е.Л.*) завоюет страну для конунга Хакона, а конунг сделает его хёвдингом всей страны. Конунг Хакон при этом больше всего предупреждал Стурлу, чтобы тот не увеличивал убийств в стране, а высылал врагов [в Норвегию]» («þat var mjök talað, at þeir Sturla hefðu þau ráð gert, at hann skyldi vinna land undir Hákon konung, en konungr skyldi gera hann höfðingja yfir landinu. Hafði Hákon konungr þar mest varaðan Sturlu við at hann skyldi eigi auka manndráp á landinu ok reka menn heldur utan» — *Íslendinga saga*. Kap. 139. Bls. 265).

поддержкой герцога Скули: «весной... по совету герцога (выделено мной. — Е.Л.) снарядили корабль в плавание»²⁵. Краткое сообщение о нарушении Снорри запрета Хакона присутствует в «Саге о Хаконе Старом» (Hákonar saga. Кар. 163. Bls. 286), однако более подробно эти события отражены в «Саге об исландцах», из текста которой идет, в том числе и ставшее впоследствии знаменитым изречение, вложенное в уста Снорри *út vil ég* «я хочу выйти» (Íslendinga saga. Кар. 143. Bls. 270). В саге рассказывается также, со ссылкой на свидетельство Арнфинна Ворссона (ум. 1241 г.), что на домашнем пиру перед отплытием Скули дал Снорри звание ярла: «Арнфинн рассказывал, что будто герцог дал Снорри звание ярла, и так потом написал Стюрмир Мудрый: “Кончина Снорри, тайного ярла”. Однако никто из бывших там исландцев не подтвердил этого»²⁶. А.В. Циммерлинг считает сообщение Стурлы достоверным, а его формулировку — обусловленной невозможностью для Стурлы Тордарсона признать статус Снорри как ярла на момент написания саги (Сага об исландцах. С. 405, сн. 687). Косвенным подтверждением достоверности событий может служить, на наш взгляд, и ссылка на Стюрмира Карасона Мудрого (1170 (?) — 1245 гг.), законоговорителя, уважаемого в исландском обществе политика и ученого, бывшего в свое время помощником Снорри.

Тем самым можно говорить о том, что, с одной стороны, герцог Скули чувствовал себя еще настолько уверенно, что раздавал титулы в надежде на получение трона. А с другой — Снорри, оставшись верным своей политической позиции и продвигаясь по норвежской иерархической лестнице, стал «оппозиционером» для конунга Хакона. Это обострение отношений с конунгом оказалось для Снорри роковым.

После своего возвращения из второй зарубежной поездки внешне Снорри вел себя как обычно: решал накопившиеся тяжбы, был вновь избран на должность законоговорителя, т.е. продолжал действовать как глава рода и по-прежнему авторитетный политик (Íslendinga saga. Кар. 145. Bls. 272). Однако позже он передал родовой годорд своему племяннику Стурле Тордарсону (Íslendinga

²⁵ «En um vátit... bjuggu þat til hafs með ráði hertogans» (Íslendinga saga. Кар. 143. Bls. 270).

²⁶ «Ok var þat sögn Arnfinns at hertoginn gæfi Snorra jarlsnafn ok svá hefir Styrmir inn fróði ritat: Ártíð Snorra fólgsnarjarls. En engi þeirra Íslendinganna lét þat á sannast» (Íslendinga saga. Кар. 143. Bls. 270).

saga. Kap. 145. Bls. 273) и создал с ним и с Орэкьей коалицию против хаукдальцев (Íslendinga saga. Kap. 150. Bls. 278).

После смерти Скули весной 1240 г., ознаменовавшей конец гражданской войны в Норвегии и установление единовластия Хакона, конунг стал расправляться с негодными ему людьми. Снорри, в его глазах, был уже главой антинорвежского движения в Исландии. Теперь у Хакона появилась возможность признать Снорри государственным преступником и разрешить лояльным исландцам преследовать его с целью водворения в Норвегию на королевский суд. Этим воспользовался Гицур, получивший в 1240 г. из Норвегии приказ Хакона о захвате или убийстве Снорри (Íslendinga saga. Kap. 145. Bls. 273). Гицур выбрал сторону Хакона, рассчитывая одновременно на привилегии и законную ликвидацию своего давнего противника, которая бы кардинально ослабила род его главных соперников в борьбе за господство на исландской внутривластной арене (Einar Ólafur Sveinsson 1953. P. 81).

Противостояние Снорри и Гицура²⁷ (с каждой стороны было больше сотни вооруженных людей) на альтинге привело к временному перемирию и уплате штрафов. Однако 21 сентября люди Гицура и Кольбейна Арнорссона Младшего (1208–1245 гг.) напали на хутор, где жил Снорри, Дымный Лес, а 23 сентября зарубили Снорри и сожгли хутор (Íslendinga saga. Kap. 151. Bls. 279).

По справедливому мнению П. Булозы, убийство Снорри как приверженца герцога Скули оказалось переломным моментом как норвежской, так и исландской истории (Boulhosa 2005. P. 5–42). После убийства Снорри Стурлусона конунг объявил, что все земли Снорри как нарушителя королевского приказа конфискуются в пользу наместника конунга. При этом Хакон утверждал, что пощадил бы Снорри, если бы тот сдался и прибыл на его суд (Íslendinga saga. Kap. 152. Bls. 280). Необходимость такого оправдания показывает, что влияние конунга в Исландии еще не было доминирующим. Но в дальнейшем противостоять конунгу никто из исландцев не осмеливался, остров все больше подпадал

²⁷ Официальным поводом распри стала тяжба Снорри с пасынками из-за наследства Халльвейг, первый муж которой Бьёрн Торвальдссон был сводным братом Гицура. Если учесть, что дочь Снорри Ингибьёрг была первой женой Гицура, а Кольбейн Младший был женат на другой дочери Снорри Халльбере, получается, что они оба были зятьями Снорри и вся распря велась между родственниками, кровными и свояками.

под власть Норвегии, пока, наконец, в 1262 г. не произошло его официальное присоединение.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что Снорри Стурлусон был не только крупным политическим деятелем Исландии, одним из ключевых лидеров исландского социума, но он показал себя как уверенный дипломат, действовавший в Норвегии и Швеции. Исходя из расклада политических сил, Снорри сделал ставку на ярла Скули Бардарсона, заручившись его поддержкой. При этом проявилось столкновение двух различных дипломатических практик: Снорри вел себя так, будто общался с представителями других исландских родов, устанавливая квазиродственные связи. Такой стиль поведения не соответствовал изменившимся норвежским реалиям, его статус в Норвегии определялся полученным им местом в норвежской, а не исландской иерархии, после чего его деятельность стала оцениваться с позиций его вассальных отношений к королевской власти.

Ситуация кардинально изменилась во время его второй поездки в Норвегию. Снорри остался верен своему политическому союзнику Скули, но влияние последнего при норвежском дворе катастрофически падало. Повзрослевший Хакон забирал власть в свои руки и расправлялся с конкурентами и противниками. Сложное положение было и в самой Исландии, раздираемой не только межродовыми усобицами, но и враждой внутри рода Стурлунгов. Когда события в Исландии чрезмерно накалились, Снорри покинул норвежский двор вопреки прямому приказу Хакона. Конунг воспринял это как личное оскорбление и нарушение вассальных обязательств и позволил противникам Снорри преследовать последнего на острове, что и привело в конечном итоге к его гибели. Хакон избавился от оппонентов и в скором времени сумел окончательно подчинить себе Исландию.

Таким образом, можно считать Снорри фигурой непреходящей важности. Снорри принадлежал к последнему поколению независимых исландских хёвдингов, но политическая прагматика заставила его стать одним из первых исландских придворных норвежского конунга. Он не сумел до конца вписаться в новую эпоху с новыми принципами и ценностями. Снорри в своих внешнеполитических комбинациях исходил из знакомых ему исландских реалий и сочетал готовность подчиняться, сохраняя личную самостоятельность в принятии решений, самоуверенно полагая, что, подчинив Исландию, сумеет сохранить

свою независимость и в Норвегии. Однако в этом его постигла неудача. При этом такой яркой собственной политической позиции, какой придерживался Снорри, больше ни у кого из его современников не наблюдалось.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Гуревич А. Я.* Снорри Стурлусон — средневековый историк // *Гуревич А. Я.* История — нескончаемый спор. М., 2005. С. 138–160.
- Джасксон Т. Н.* Школы и центры учености в Исландии в первые века христианства // *Европейская педагогика от античности до нового времени: исследования и материалы. Сборник научных трудов.* М., 1993. Ч. I. С. 218–227.
- Мельникова Е. А.* Генеалогия и начала исландско-норвежского историописания // *ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья.* М., 2016. С. 464–526.
- Стурла Тордарсон.* Сага об исландцах / Пер., общ. ред., вступ. ст. и коммент. А. В. Циммерлинга. СПб., 2007.
- Andersson Th. M.* The Politics of Snorri Sturluson // *JEGP.* Vol. 93. № 1. 1994. S. 55–78.
- Andersson Th. M.* The King of Iceland // *Speculum.* Vol. 74. № 1. 1999. P. 923–934.
- Bagge S.* Society and Politics in Snorri Sturluson's *Heimskringla*. Berkeley (LA), 1991.
- Bagge S.* Snorres bilde av det tidlige norske kongedømmet // *Myter og ritual i det førkristne Norden / J.P. Schjødt et al.* Odense, 1994. S. 9–22.
- Boulhosa P.P.* Icelanders and the King of Norway. (The Northern World. Vol. 17) Leiden, 2005.
- Einar Ólafur Sveinsson.* The Age of the Sturlungs: Icelandic Civilization in the Thirteenth Century. N.Y., 1953 (Islandica. Vol. 36).
- Faulkes A.* Snorri Sturluson: his Life and Work // *The Viking World.* L.; N.Y., 2008. P. 311–314.
- Guðni Jónsson.* Formáli // *Sturlunga saga / Guðni Jónsson bjó til prentunar.* Reykjavík, 1981. Bd. 2.
- Hákonar saga gamla eftir Sturla Þórðarsonar // Konunga sögur / Guðni Jónsson bjó til prentunar.* Reykjavík, 1957. Bd. 3.
- Islandske Annaler indtil 1578 / Utg. ved G. Storm.* Kristiania, 1888.
- Íslendinga saga // Sturlunga saga / Jón Jóhannesson, Magnús Finnbogason og Kristján Eldjárn göfu út.* Reykjavík, 1946. Bd. 1. Bls. 65–366.
- Jón Viðar Sigurðsson.* Frá goðorð umtil ríkja. Reykjavík, 1989.
- Jón Viðar Sigurðsson.* The Icelandic Aristocracy after the Fall of the Free State // *Scandinavian Journal of History.* 1995. Vol. 20. P. 153–166.

- Jón Viðar Sigurðsson*. The Education of Sturla Þórðarson (and the Icelandic Elite) // Sturla Þórðarson. Skald, chieftain and lawman / Ed. by Jón Viðar Sigurðsson and Sverrir Jakobsson. (The Northern World. Vol. 78). Leiden, 2017. P. 20–30.
- Koht H.* Sagaens opfatning av vår gamle historie // *Koht H.* Innhogg og utsyn i norsk historie. Kristiania, 1921.
- Paasche F.* Tendens og syn i kongesagaen // Edda. 1922. Vol. 12.
- Pétur Sigurðsson*. Um Íslendinga sögu Sturla Þórðarsonar // Safn til sögu Íslands og íslenzkra bókmenta að fornu og nýju. Reykjavík, 1933–1935.
- Rohrbach L.* Narrative Negotiations of Literacy Practices in *Íslendinga saga* and *Hákonar saga Hákonarsonar* // Sturla Þórðarson. Skald, Chieftain and Lawman / Ed. Jón Viðar Sigurðsson and Sverrir Jakobsson. (The Northern World. Vol. 78) Leiden, 2017. P. 93–106.
- Sandvik G.* Hovding og konge i Heimskringla. Oslo, 1955.
- Sverrir Jakobsson*. The Territorialization of Power in the Icelandic Commonwealth. Berkeley, 2009.

Elena V. Litovskikh

SNORRI STURLUSON'S DIPLOMATIC ACTIVITIES AT THE NORWEGIAN ROYAL COURT

The Icelander Snorri Sturluson (1178–1241) was not only a famous writer and historian. He also establish himself as an outstanding figure in the domestic political arena and attempted to act as a diplomat at the court of Norwegian king Hákon IV Hákonarson (1204–1263) to regulate the relations between Iceland and Norway. His diplomatic activity in Norway, however, was hampered by the collision if two basically different diplomatic practices: Icelandic, based on personal connections between the mightiest Icelandic clans in which cardinal role was played by kin and affinity relations, and Norwegian, hierarchical and feudal. Snorri was the last Icelandic *höfðingi* who pursued an independent foreign policy of Iceland, and that together with his attempt to construct his relations with the highest Norwegian authorities according to the Icelandic model cost him his life.

Keywords: Snorri Sturluson (1178–1241), *Íslendinga saga*, Hákon IV Hákonarson (1204–1263), foreign diplomacy

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-332-348

П. В. Лукин, С. В. Полехов

ЛАТИНСКОЕ ПОСЛАНИЕ О НОВГОРОДСКО- ГАНЗЕЙСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1292 г.¹

Статья посвящена ганзейскому посланию конца XIII в., написанному на латинском языке. До настоящего времени оно остается изученным лишь частично, хотя содержит ценнейшую информацию как по отношениям Новгорода с Ганзой, так и по внутренней истории Новгорода. Рассматриваются следующие вопросы: датировка текста, вызвавшая дискуссию в 1990-е гг.; понятие, используемое в документе для обозначения новгородского «политического народа» (свободных полноправных горожан); упоминание смердов в послании; имена нескольких членов из окружения новгородского князя, три из которых, по-видимому, имеют литовское происхождение. В приложении публикуются тексты послания 1292 г. и верительной грамоты 1291 г., очевидно, имеющей отношение к тем же переговорам, а также их переводы с латинского на русский.

Ключевые слова: Новгород, Ганза, средневековые грамоты, Великое княжество Литовское

Письмо посланников ганзейских городов из Дерпта, фактически адресованное властям Любека, о переговорах, проведенных в Новгороде с его жителями и князем, написанное по-латыни на пергамене, к которому некогда были привешены три печати, до Второй мировой войны хранилось в Городской библиотеке Любека (Ms. hist. 2° 102,1; Verzeichnis. S. 80). Его нынешнее местонахождение неизвестно. В XIX в. оно трижды публиковалось по подлиннику и спискам с него, сделанным любекскими историками Ф. Г. Граутоффом и В. Мантельсом, и несколько раз перепечатывалось из этих изданий. Поскольку часть слов была написана

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-09-0065. Авторы выражают признательность Б. Луков за помощь в поисках в Городской библиотеке Любека, Е. Р. Сквайрс — за консультацию по истории Любекского городского архива, а Й. Друнгиласу и В. Гарляускасу — за помощь в работе с источниками по литовской ономастике.

с сокращениями, а чтение незнакомых личных имен представляет известные трудности, то в этих публикациях имеются расхождения, на первый взгляд незначительные, но порой важные для понимания смысла текста.

Послание датировано VII календами апреля без указания года. Согласно изданию 1871 г., его письмо было характерно для времени до 1300 г. (LübUB. Th. III. S. 41. Anm. 1). Поскольку известна верительная грамота готландского купечества послам городов Любека, Висбю и Риги для переговоров с Новгородом от 1 сентября 1291 г., Ф.Г. фон Бунге в своем издании впервые датировал послание 26 марта 1292 г. (LECUB. Bd. I. № 542. Sp. 676; Reg. S. 161, где ошибочно указан номер регеста этой грамоты — 617 вместо 620). Эта датировка была принята в последующих изданиях и историографии.

Послание неоднократно упоминалось в историографии. Специальную статью переговорам 1292 г. посвятил И.Э. Клейненберг (Клейненберг 1976, там же см. более раннюю литературу). Эту небольшую статью можно признать лучшей работой, написанной по данной теме. Историк по достоинству оценил значение источника, весьма качественно перевел некоторые его фрагменты, опроверг ряд откровенно ошибочных и основанных на непонимании латинского текста толкований предшествующей историографии, предложил свои интерпретации отдельных его сюжетов (не со всеми из них, впрочем, можно согласиться). В другой, более ранней статье И.Э. Клейненберг анализировал упоминаемый в послании топоним *Gerceke* или *Cerceke*, не придя, однако, к определенным выводам (по мнению ученого, в одних случаях это могло быть Рюриково Городище, в других — Ярославово дворище) (Клейненберг 1972. С. 123–125). Полный перевод послания выполнил Г.М. Дашевский (Бассальго 2008. С. 65–67), однако он был основан на публикации в LECUB, где оно, в свою очередь, было перепечатано из первого издания. В частности, поэтому, несмотря на его в целом высокое качество и ряд очень удачных решений, там имеются определенные неточности. Другие неточности связаны с недостаточным знанием новгородских и, шире, древнерусских реалий (ср. анахроничное «новгородские граждане» вместо «горожане», явно ошибочное «Церковь» вместо «Герцеке», «ко всем немецким братьям благоволю» вместо «на этом кланяюсь...» и др.) и недостаточным учетом особенностей средневековой латыни: например, обычного в Средние века значения слова *fides* — клятва (*Mediae latinitatis lexi-*

con minus 1976. P. 425). Иногда, наоборот, довольно искусственно вводятся древнерусские понятия там, где они как минимум сомнительны (баяре, правая грамота) (Бассальго 2008. С. 65–67). В 2018 г. П.В. Лукиным при помощи С.В. Полехова были подготовлены новейшее издание и перевод источника, целью которых было дать более корректную его интерпретацию. Также по последнему изданию по рукописи в НУБ был уточнен ряд чтений (НУБ. Bd. I. № 1093. S. 377–379; Лукин 2018. С. 539–544). На основании указанной публикации авторами был написан предварительный вариант этой работы (Лукин, Полехов 2018. С. 189–195), однако в нем не была в полном объеме учтена и разобрана историография вопроса и по необходимости сокращены некоторые детали. Кроме того, оказалось необходимым учесть еще одно издание источника, выполненное по подлиннику и сообщающее ряд подробностей о его внешнем виде, — в составе сборника любекских документов (LübUB. Th. III. № 44. S. 41–44)². Отдельные погрешности в передаче текста и в переводе были с тех пор обнаружены его автором (П.В. Лукиным); важные поправки и замечания к переводу были сделаны П.В. Петрухиным, за что авторы выражают ему глубокую благодарность. Все это обусловило необходимость публикации как расширенного и переработанного варианта статьи, так и нового, с учетом всех замечаний и исправлений, издания самого текста и перевода. В приложениях наряду с самим посланием публикуется также текст и перевод верительной грамоты 1 сентября 1291 г., которую авторы — вслед за Ф.Г. фон Бунге и К. Хельбаумом — считают важнейшим аргументом в пользу ставшей традиционной датировки отчета послов — 26 марта 1292 г.³

1. Датировка послания

Послание представляет собой отчет представителей ганзейских городов об их миссии в Новгород. Причиной миссии были споры

² Так, в этом издании отмечены концы первых двух строк послания, каждая из которых занимает примерно три с половиной печатных строки. Поскольку весь текст послания занимает 80 печатных строк, можно заключить, что в подлиннике текст занимал примерно 23 строки.

³ Помимо своего содержания, эта грамота, до 1945 г. хранившаяся в Любекском городском архиве, а ныне хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов в Москве, интересна своей прекрасно сохранившейся печатью, которая служит одним из важнейших источников по таким аспектам ранней истории Ганзы, как символика и самосознание немецких купцов на Готланде (Rörig 1940; Friedland 1988; Elmers 2005; там же указана предшествующая литература).

вокруг некоего имущества, в захвате которого немцы обвиняли русскую сторону.

Спорным вопросом является датировка послания. В 1992 г. С.К. Роуэлл оспорил утвердившуюся еще в XIX в. датировку его 1292 г., которая, как он утверждал, базировалась на ошибочной, в свою очередь, датировке смерти Довмонта тем же годом. Сам С.К. Роуэлл датирует послание 1271 г., а события, о которых в нем идет речь, — 1270 г. Этому времени лучше, по его мнению, соответствует историческая обстановка. Данные послания и ситуация с грабежами немецких купцов за 1292 г. не соответствуют друг другу. Упомянутый в послании великий князь (*magnus rex*) находился в плохих отношениях с новгородцами, а представлял его некий Андрей, *suas vices haben[s]*, т.е., по мысли С.К. Роуэлла, княжеский наместник в Новгороде. Князем и наместником были соответственно Ярослав Ярославич и Андрей Воротиславич, как утверждает исследователь, — единственный известный наместник-боярин в Новгороде. Другие упомянутые в послании лица также обнаруживаются в 1270–1271 гг.: Семен — это Семен Михайлович, позднее ставший посадником, но в эти годы им не являвшийся, почему он и назван в источнике «старостой» (*oldermannus*); Весцеле мог быть «сыном великого князя» Василием Ярославичем; Константин — вероятно, зять Александра Невского Константин Ростиславич; Суреле — это Кирилл, у которого, согласно грамоте № 3 из издания «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», Ярослав Ярославич в 1270 г. «отымь ... Хотуниче» (ГВНП. № 3. С. 18). Другие исторические обстоятельства, связанные с положением в Новгороде немецких купцов, также хорошо подходят ситуации 1270–1271 гг. (Rowell 1992. P. 13–16). Конструкция С.К. Роуэлла, на первый взгляд, представляется убедительной, она нашла некоторый отклик в литературе (Дубонис 2014. С. 71, примеч. 81), но более внимательная оценка его аргументов показывает их сомнительность, а в ряде случаев — очевидную неубедительность.

Отождествление имен с персонажами, упомянутыми в источниках, произвольно. О Довмонте будет сказано ниже, а что касается всех остальных, то, во-первых, такие имена, как Андрей, Семен, Кирилл, Василий, ни в коей мере не являются редкими, во-вторых, отождествление их предполагаемых носителей с известными историческими персонажами осуществляется с откровенными натяжками и требует гипотез о существенном искажении

этих имен в источнике. Остановимся на каждом из предполагаемых отождествлений по отдельности.

«Господин Андрей», представлявший князя, не назван в послании новгородским наместником. Он имеет *vices* князя. Это место можно понимать двояко: либо Андрей занимает (временно?) пост великого князя (и в таком случае, с некоторой натяжкой можно считать, что так характеризуются его полномочия в качестве наместника), либо он выполняет задание, поручение великого князя. Тогда — и это, более общее, понимание представляется нам экономнее — Андрей мог быть, например, княжеским тысяцким или другим приближенным к князю знатным должностным лицом. У Ярослава Ярославича действительно был боярин по имени Андрей — Андрей Воротиславич, и он представлял князя в Новгороде, на что справедливо обратил внимание С.К. Роуэлл (Rowell 1992. P. 14; ПСРЛ. Т. 3. С. 88, 89), но наместником он стал после отъезда Ярослава сначала во Владимир, а потом в Орду. Князь покинул Новгород «на зиму» 6778 г., т.е. в конце 1270 — начале 1271 г. (Бережков. С. 273), и, если принять датировку С.К. Роуэлла, на переговоры с ганзейскими послами остается очень мало времени. Также непонятно, почему отчет о посольстве был написан лишь в марте 1271 г., хотя миссия должна была завершиться за несколько месяцев до того.

Остальные отождествления представляются уже совершенно искусственными. Даже если допустить, что «Весцеле» и «Суреле» — это искаженные «Василий» и «Кирилл» (в результате чего получились, впрочем, «балтоподобные» имена, представляющие собой логичное дополнение к безусловно литовскому Довмонт), их привязка к конкретным носителям этих имен неубедительна. Непонятно, сыном какого именно «великого князя» («the Grand Duke's son») считает С.К. Роуэлл Весцеле. По смыслу получается, что Ярослава Ярославича. Однако у него не было сына Василия (Экземплярский 1891. С. 454; de Baumgarten 1927. P. 46, Table VIII; Донской 2008. С. 698). Реальный Василий Ярославич, претендовавший после смерти Ярослава Ярославича, как отмечает С.К. Роуэлл, на новгородский стол (Rowell 1992. P. 15, footnote 64), был сыном другого владимирского великого князя, Ярослава Всеволодича и родным братом Ярослава Ярославича, с которым он вел ожесточенную борьбу за Новгород (ПСРЛ. Т. 3. С. 88–89). Более того, под тем же 1270 г. в НПЛ рассказывается, что Василий Ярославич ездил в Орду, где заявил хану Менгу-Тимуру: «новгородци прави,

а Ярославъ виновать» (ПСРЛ. Т. 3. С. 89). Таким образом, пребывание Василия в это время на Северо-Западе Руси в качестве одного из верных «первых людей» своего брата абсолютно исключено.

Договор Ярослава Ярославича с Новгородом, в котором упомянут владелец Хотунич Кирилл, должен, видимо, датироваться не 1268-м, а 1270 г., но дело даже не в этом. Из послания следует, что Кирилл был не человеком князя, а новгородцем, более того, лицом, ставшим жертвой совершенной им несправедливости, интересы которого отстаивает Новгород (Янин 1991. С. 147–150).

С.К. Роуэлл связывает предполагаемую им датировку переговоров с соглашением Новгорода и Ганзы 1269 г. и считает, что в 1292 г. для таких переговоров не было причин. Однако никаких ссылок на договор 1269 г. в разбираемом источнике не содержится; нет в нем и упоминания каких-либо предусмотренных в договоре спорных ситуаций (ср.: ГВНП. С. 58–61. № 31). Одной из причин конфликтов между новгородцами и Ярославом Ярославичем действительно были противоречия, связанные как с юрисдикцией над Немецким двором, так и со статусом иноземцев в Новгороде вообще (ГВНП. С. 13. № 3; ПСРЛ. Т. 3. С. 319). Но в интересующем нас послании нет ни слова об этом: в нем речь идет исключительно об утраченном немцами имуществе и их претензиях по этому поводу. Еще Л.К. Гётц отмечал, что в 1288-м и 1292 г. немецкие купцы, согласно специальным записям, понесли серьезный ущерб в Новгородской и Псковской землях (НУВ. III. S. 424). Сам историк предложил связать посольство, отправленное в Новгород, с событиями, произошедшими там в 1291 г., когда «грабиша коромолницѣ торгъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 327), и в ходе этих беспорядков мог быть нанесен ущерб и немцам (Goetz 1922. S. 55–57). Все это гипотетические соображения, но как минимум не более шаткие, чем те, которые приводит С.К. Роуэлл.

Есть, однако, два решающих обстоятельства, которые убеждают нас в верности «традиционной» датировки и ошибочности построений С.К. Роуэлла.

В отчете послов имеется весьма примечательное и довольно сложное место: «*Dux respondit in hec verba: Vellem vos esse domi et regem hoc anno non venisse*». С.К. Роуэлл это место не комментирует. В переводе Г.М. Дашевского оно передано так: «Тысяцкий ответил такими словами: “Я хотел бы, чтобы вы оставались дома и к князю в этом году не приходили”» (Бассальго 2008. С. 66). Однако этот, внешне логичный, перевод — неточен. Перед *regem*

отсутствует предлог *ad*, поэтому вариант «к князю» невозможен. Конъектура тут была бы необоснованна, поскольку, во-первых, предлога нет во всех трех публикациях, сделанных с оригинала; во-вторых, как мы увидим, смысл фразы имеет и без нее. Кроме того, в обороте *accusativus cum infinitivo* при *verba voluntatis* (а по Г.М. Дашевскому, он вводится здесь глаголом *volo* — «хотеть») инфинитив может быть только настоящего времени (Соболевский 1998. §§ 1024, 1030. С. 301, 307). Здесь же стоит *venisse* — *perf. inf.* Если не прибегать к конъектурам, разного рода допущениям и предположениям, то это место следует понимать так: «Тысяцкий ответил такими словами: “Я бы хотел, чтобы вы оставались дома, и князь в этом году не приезжал”». В этой интерпретации *ass. c. inf.* зависит не от *vellem*, а от *respondit*, т.е. от *verbum declarandi*, и использование перфектного инфинитива после него сигнализирует о действии, предшествующем действию управляющего глагола (Соболевский 1998. § 1020. С. 300). Поэтому фразу, на наш взгляд, следует переводить так: «Тысяцкий ответил такими словами: “Я бы хотел, чтобы вы оставались дома”, и: “князь в этом году не приезжал...”».⁴ Это означает, что князя в течение того года, в котором состоялись переговоры, в Новгороде не было. Между тем совершенно определенно известно, что Ярослав Ярославич в 6778 г. от «сотворения мира», когда, по мысли С.К. Роуэлла, состоялись переговоры, в Новгороде присутствовал. В 1270 г. после примирения с Ярославом Ярославичем новгородцы «посадиша» его и «водиша и къ кресту» (ПСРЛ. Т. 3. С. 89), что должно было происходить, разумеется, в самом Новгороде.

С.К. Роуэлл, обсуждая в связи с датировкой послания дату смерти Довмонта, полностью игнорирует тот факт, что для «традиционной» датировки этот аргумент был второстепенным. Главным было наличие верительной грамоты готландских купцов послам немецких городов, отправлявшихся в Новгород, датирующейся 1 сентября 1291 г. (для начала 1270-х гг. таких документов нет). Послы, в соответствии с ней, должны были обсудить в Новгороде некие трудные дела (*negotia*), что, как было отмечено еще в XIX в. (HUB. Bd. I. S. 377), хорошо сочетается с содержанием интересующего нас послания.

Все сказанное убеждает нас в том, что датировка послания 1292 г. остается наиболее обоснованной.

⁴ Ср. близкое понимание: Клейненберг 1976. С. 125.

Переговоры велись с представителем князя Андреем (сам князь по имени не назван, но ясно, что это мог быть только второй сын Александра Невского Дмитрий, занимавший в 1292 г. владимирский и новгородский столы) и новгородскими представителями во главе с тысяцким (Клейненберг 1976. С. 120).

Что касается содержания источника, то оно весьма богато. Некоторые его аспекты уже были рассмотрены в работе одного из авторов (Лукин 2018), но другие, не менее значимые, еще остаются неизученными. Остановимся на тех из них, которые имеют отношение к внешним контактам Руси во всей их полноте — от лингвистических до политических.

2. *Cives Nogardenses* или *communes Nogardenses*?

О новгородском «политическом народе» в послании 1292 г.

Вызывает интерес терминология послания, правильное понимание которой влияет и на перевод, и на оценку разночтений в делавшихся с утраченного оригинала изданиях. Общность полноправных новгородцев (новгородский «политический народ») называется в нем просто — *Nogardenses* («новгородцы»). Они выслушивают вместе с князем доклад немецких послов, принимают решения на собраниях и т.д. Есть лишь одно исключение. В начале переговоров послы князя и новгородцев заявляют немцам, что они должны выслушать их посольство «и потом сообщить об этом господину князю...», а далее следует разночтение: один вариант, принятый в более позднем издании, — *communibus Nogardensibus*, второй (принятый ранее) — *civibus Nogardensibus*. На первый взгляд, предпочтительнее второй вариант. Он прозрачен — «новгородским горожанам». Однако ни в русских, ни в средненижне-немецких источниках такая формула в этом контексте неизвестна. Чтение *communibus Nogardensibus*, напротив, казалось бы, выглядит странно. Основное значение слова *communis* («общий») сюда явно не подходит. Формально подходит значение «обыкновенный, обыденный, заурядный, простой, убогий, ничтожный, низкий, неблагородный», имевшее в Средние века и социально-сословные коннотации (*Mediae latinitatis lexicon minus* 1976. P. 223). Однако такая интерпретация не соответствует контексту: непонятно, почему представители князя должны были отчитываться перед ним и перед простонародьем, игнорируя элитарные слои населения Новгорода. Логичнее видеть здесь кальку с немецких выражений, типа

mit den menen Nogarderen («со всеми новгородцами») из новгородско-ливонского договора 23 декабря 1323 г. (ГВНП. № 37. С. 65; о дате см.: Rowell 1994. P. 215. Fn. 49). Именно с калькированием связана, очевидно, и неловкость словосочетания, представляющего собой, таким образом, *lectio difficilior*, что свидетельствует о правильности именно этого варианта. Выясняется, что в послании 1292 г. встречается не только самое широкое обозначение новгородского «политического народа» — «новгородцы», но и более точное и как бы институционализированное — «все новгородцы», аналог известного с конца XII в. обозначения «весь Новгород» (см.: Лукин 2017 С. 137–143).⁵

3. Новгородцы и их смерды

Во время переговоров один из представителей князя Дмитрия Александровича заявил новгородскому старосте Семену: «При чем тут князь? У господина князя этого имущества нет, это имущество у вас, новгородцев, и вы его поделили с вашими смердами (*et ea cum smerdis vestris divisistis*). [Это] ваши смерды и поэтому по закону вы должны отвечать» (*Smerdi vestri sunt et idcirco de jure tenemini respondere*) (Лукин 2018. С. 543). Это свидетельство практически не принималось во внимание при обсуждении спорного вопроса о статусе новгородских смердов. Между тем, если внимательно проанализировать его и сопоставить его с известными русскими данными, то можно попробовать с их помощью «актуализировать» давнюю дискуссию. Из приведенного фрагмента следует, что: а) смерды — люди второго сорта по сравнению с новгородцами (*Nogardenses*): они в некотором смысле принадлежат новгородцам (*smerdi vestri sunt*), а те отвечают за них перед князем; б) это не абсолютно бесправное население, не холопы, не «рабы фиска», поскольку вполне естественной для современников оказывается мысль о том, что полноправные новгородцы могут разделить с ними приобретенное имущество. Указание на одаривание смердов наряду с новгородцами есть уже в знаменитом известии НПЛ под 1016 г.: «...и нача [князь Ярослав] вое свое дѣлити: старостаъ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новьгородьчемъ

⁵ По мнению И.Э. Клейненберга, *Nogardenses* документа 1292 г. — это в одних случаях «боярство всего Великого Новгорода», в других — «отдельная боярская группировка», которой подчинялись смерды, захватившие немецкие товары; как полагает автор, то были бояре Прусской улицы (Клейненберг 1976. С. 122). Эта интерпретация искусственна и не согласуется с данными самого источника.

по 10 всѣмъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 15). Здесь очень близкая ситуация (причем послание 1292 г. прямо подтверждает достоверность раннего летописного известия): смерды — воины, имеющие право на вознаграждение, но вдсятеро меньшее, чем новгородцы (последние в данном случае не сами наделяют смердов, это делает князь, — что вполне соответствует исторической ситуации). В известии НПЛ под 1193/4 г. о неудачном походе новгородцев на югру представлена как бы прямая речь смердов, обращенная к осадившим их новгородцам: «Копимъ сребро и соболи и ина узорчья, а не губите своихъ смърдь и своеи дани». Смерды — это люди (в данном случае иноязычное население периферии Новгородской земли), которые были подчинены новгородцам и обязаны были платить им дань. С другой стороны, выясняется, что у югры был свой князь, статус которого признается Новгородом (ПСРЛ. Т. 3. С. 40–41, 232–233). Не вызывает серьезных сомнений, что смерды были сельским населением и как минимум его очень значительной частью. В пользу этого свидетельствует целый ряд данных, в том числе, хотя и не относящиеся к Новгороду, но очень ясно говорящее о том, в каком контексте вспоминались смерды, если надо было их «вплести» в некую риторическую формулу. В 1223 г. во время вторжения Даниила и Василька Романовичей во владения князя Александра Всеволодича: «...поплено бысть около Белза и около Червена Даниломъ и Василкомъ... бояринъ боярина плѣнившю, смердь смерда, градъ града, якоже не остатися ни единой вси плѣнени» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 739). Для Новгорода принципиальное значение имеет соположение в договорах с князьями еще с XIII в. смердов с купцами. Так, в договоре 1264 г. с владимирским великим князем Ярославом Ярославичем князю, княгине, его боярам и дворянам запрещается принимать закладников из новгородских волостей, «ни смерда, ни купцины» (ГВНП. № 2. С. 11). И смысл этого установления, и то обстоятельство, что в XII–XIII вв. купцами могли называть не только торговцев, но все торгово-ремесленное население (Флоря 2006. С. 68–69; Лукин 2018. С. 189–191), — подтверждения (наряду с другими данными) правильности интерпретации смердов как сельских жителей. При этом они должны были составлять как минимум очень значительную часть населения новгородской периферии. Ранее одним из авторов этих строк уже предлагалось видеть в русских смердах — на основе сопоставления со смердами западнославянскими — изначально некий аналог германских *литов* — сельского населения,

статус которого был существенно ниже, чем у свободных, но не являлся рабским. В древности они даже обладали правом участия в «племенных» собраниях (Лукин 2013. С. 183–188). Данные послания 1292 г., кажется, подтверждают это предположение. В конце XIII в. Новгород выглядит социумом, где политический народ («Новгород», «все новгородцы») управляет огромной периферией, жители которой (во всяком случае, значительная их часть) считается неполноправной даже в сословном отношении и обозначается соответствующим понятием — *смерды*.

4. Кто представлял князя на переговорах с немцами?

Как уже говорилось, имена княжеских представителей, которые вели переговоры с немцами, в литературе интерпретировались по-разному. Соответственно, предпринимались разные попытки их идентификации. Один из них (Довмонт) носил явно литовское имя, еще один (Константин) — христианское, а имена еще двоих можно интерпретировать и как балтские, и как христианские, бывавшие на Руси (Кирилл, Василий).

Начнем с наиболее бесспорного из них — Довмонта. Это типичное литовское двухкорневое личное имя (Daumantas), от *daug-* («много») и *-mantas* (ср. *mantus* «умелый, хитроумный»; *manta* «движимое) имущество») (Skardžius 1960. S. 146–150). Со времен первой публикации послания Довмонта обычно отождествляют с нальшанским князем, бежавшим во Псков после убийства Миндовга и княжившим там до 1299 г. Однако он — не единственный известный носитель этого имени. Так, в 1285 г. при нападении на тверские земли погиб литовский «великий князь» Довмонт (ПСРЛ. Т. I. Стб. 483; Dediała). В начале XV в. полоцким наместником был некий Домонт — судя по занимаемой должности, знатный литовский боярин (ПГ. Т. 1. С. 112; Т. 2. С. 57–58). В источниках XVI в. упоминается целый ряд крестьян и мелких бояр, носивших это имя или произведенный от него патроним (см., например: Lietuvos metrika. Кн. 523. 2006. Р. 54, 61, 63, 157; Mackavičius 2003. Р. 25, 28, 93, 192, 196; 1556 metų Upytės valsčiaus inventorius. Р. 185). Все это заставляет признать, что имя *Довмонт* было в Литве достаточно распространенным, как и многие другие подобные имена (такие как *Лугвень/Лингвень*, *Монивид*, *Радивил*, *Товтивил*, *Ягайло*), а носить его могли далеко не только князья (ср.: Petrauskas 2019. Р. 92–93).

Как уже говорилось, в *Суреле* и *Весцеле* С.К. Роуэлл видел *Кирилла* и *Василия*, которых пытался отождествить с влиятельными

новгородцами. Что касается первого из этих отождествлений, то можно было бы теоретически допустить, что немцы слышали имя *Кирилл* в возможной для Новгорода форме *Цюрило* и передали первый звук буквой *S* (хотя здесь уже заключена некоторая натяжка — ср. в том же тексте топоним *Gerceke*). Однако этому отождествлению препятствует следующее обстоятельство. В какой бы форме ни звучало это имя, непонятно, почему ударный звук «и» во втором слоге был передан в латинском тексте буквой «е». Соседство с Довмонтом позволяет предполагать, что за сочетанием букв *-ele* в обоих именах стоит литовский уменьшительный суффикс *-el-*. Корни обоих имен также можно обнаружить в балтских языках. Так, корень *sur-*, родственный прусскому *surgi* ‘около’, встречается во многих литовских именах — *Survila*, *Surminas* и др. (Trautmann 1974. S. 151; Salys 1983. P. 280; Zinkevičius 1977. P. 201; Zinkevičius 2007. P. 47, 54–55)⁶. Весьма вероятно, что в форме *Wescele* было записано имя **Vištelis*, происходящее от литов. *višta* ‘курица’ (ср.: Lietuvių pavardžių žodynas 1989. T. 2. P. 1238).

В этих людях благодаря определению *principes* иногда видят бояр (Г.М. Дашевский) или даже князей (Пашуто 1959. С. 385, примеч. 124; Варонін 2009. С. 38–40), тем более что иноземные по отношению к Литве источники именуют князьями многочисленных представителей верхушки литовского общества XIII в. (Saviščevas 2016, там же историография). Встречаются в литературе и попытки отождествления: Константина — с одноименным князем, княжившим в Витебске примерно в конце XIII в., а Суреле/Свееле или Весцеле — с неизвестным по имени князем-язычником (неофитом), который тогда же вокняжился в Полоцке (Пашуто 1959. С. 385; Варонін 2009. С. 38–40). Однако попытки эти чрезвычайно ненадежны, а главное, словосочетание *principes regis* допускает более общий перевод — «первые мужи князя» или «знать» (в широком смысле слова) (о последнем значении см.: *Mediae latinitatis lexicon minus* 1976. P. 850). Из контекста можно заключить, что они занимают высокое место в окружении новгородского князя

⁶ Ф.Г. Граутофф читал это имя как *Sweele*, что можно объяснить особенностями начертания имени в той разновидности канцелярского письма XIII в., которой был написан оригинал. Если принимать это чтение, то имя можно выводить из литовского *svilti* ‘подгорать, увядать’ (ср.: Lietuvių pavardžių žodynas 1989. T. 2. P. 868). Однако необходимо иметь в виду, что чтения этого издания, как правило, менее исправны по сравнению с последующими, в которых имя передавалось как *Surele*, что также находит аналогии в балтских языках.

Дмитрия Александровича, он доверяет им переговоры с немцами в деликатной ситуации, и они пытаются отстоять его интересы перед лицом новгородцев.

Сколь бы умозрительны ни были суждения о «первых мужах» Дмитрия Александровича при отсутствии сведений других источников о них, имеет смысл задаться вопросом: как в его окружении появились литовцы? Союзником Дмитрия был псковский князь Довмонт. Поскольку в Средние века существовал обычай, — известный, по-видимому, и в Литве, — согласно которому вассал называл сына именем сеньора (Mitterauer 1988; Petrauskas 2003. P. 188; Petrauskas 2019. P. 95–96), а во Пскове во второй половине XIII в. находились многочисленные литовцы, то можно полагать, что Довмонт, действовавший в Новгороде в 1292 г. (если верна эта традиционная датировка послания), попал туда из соседнего Пскова, но был не знаменитым князем, а сыном одного из его сподвижников.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты источников публикуются по обычным правилам, принятым для передачи средневековых латинских текстов.

Текст верительной грамоты 1291 г. (№ 1) публикуется по подлиннику, при этом сокращения в тексте и дорсальной пометке XVIII в. раскрываются по правилам классической латыни без оговорок, а эмендация, вызванная пропуском титла, отмечена в примечании. Длина сторон листа указывается в сантиметрах по часовой стрелке, начиная с верхней стороны.

Текст послания 1292 г. (№ 2), поскольку его подлинник утрачен, воспроизводится по последнему изданию, выполненному по подлиннику (HUB) и более полному в сравнении с предшествующими изданиями, где пропущены некоторые слова. При этом по другим изданиям подводятся разночтения, которые касаются смысла текста, а также передачи одного из имен (*Dovmundus*), и несколько корректируется пунктуация. Не передаются разночтения, связанные с нормализацией текста по правилам классической латыни и с предпочтениями издателей относительно графики (*e — ae, ya — ia, -ci — -i, -ii — -ij, u — v; i — j*), поскольку это в большей или меньшей степени характерно для всех изданий. Написание числительных приводится по первому изданию, с тем отличием, что удлиненная единица на конце передается как I, а не как J.

Перевод обоих текстов выполнен П.В. Лукиным при участии С.В. Полехова.

1291 г. сентября 1. Висбю. — Верительная грамота общины купцов на Готланде представителям Любека, Висбю и Риги, отправляемым для переговоров в Новгород.

РГАДА. Ф. 1490 (Коллекция русских грамот ганзейского архива). Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1 (до 1945 г. — Archiv der Hansestadt Lübeck, Russland, Nr. 6). Пергамен, 26×12,2×25,6×14 + загиб высотой 1,8–1,4. Подлинник — А.

Внизу на пергаменной полоске, продетой сквозь горизонтальные прорезы в листе и загибе, привешена круглая печать из воска натурального цвета (Д = 6,7). В поле печати лилия, растущая из небольшого трехчастного холма, из которого по сторонам от нее растут стебли с цветками лилии, по одному стеблю слева и справа (скорее всего, символ Девы Марии). По окружности надпись: **SIGILL(UM) THEVTHONICO(RUM) GVTLA(N)DIA(M) FREQVENTANTIVM**. Публ.: Rörig 1940. S. 28–29, Taf. I, a; Friedland 1988. S. 57–64, Abb. 24; Elmers 2005. S. 420, Abb. 7 (репродукции и описания, здесь же прочая литература).

Пометки. На лицевой стороне в правом верхнем углу простым карандашом фолиация (после 1945 г.): 1. На обороте посередине листа чернилами, почерком И. Г. Дрейера (XVIII в.): *Credenciales mercatorum Gotlandiae et Wisby pro legatis Lubecam missis. 1291. Ad miscellanea. Выше и правее простым карандашом фолиация (после 1945 г.): 1^{об}. В левом верхнем углу простым карандашом, почерком XIX — начала XX в.: Ruthenica 6.*

Публ.: а) LübUB. Th. I. № 582. S. 527 (по А); б) LECUB. Bd. I. № 542. Sp. 676 (по А).

Per.: LECUB. Bd. I. Reg. 620. S. 158; HUB. Bd. I. № 1088. S. 375.

Omnibus praesentes litteras inspecturis sive audituris universitas mercatorum, terram Gotlandie gratia mercandi applicantium, honoris et rerum saluberrimum incrementum. Hinc est quod honorabiles viros, burgenses civitatum Lubicensis, Wisbyensis et Rygensis, praesentium exhibitores, pro variis negotiis nobis ac libertati nostre incumbentibus, Nogardiam duximus transmittendos; quibus voluntatem nostram tanquam veris et legitimis nuntiis plenarie commisimus, ratum habentes atque gratum, quicquid per dictos nuntios ex parte nostra ordinatum fuerit sive dictum. Supplicamus igitur universis, ad quoscumque praedictos nuntios cum nostris negotiis venire conti[n]gerit⁷, quatinus verbis ipsorum fidem adhibeant creditivam, ipsos quoque nuntios ac nostrum negotium benigniter recipiant et amice,

⁷ contigerit А, а, б

taliter in praemissis suam benevolentiam ostendentes, ut nostrum negotium praefatis nuntiis commissum breviter expediatur, prout nobis proficium fuerit et honestum. Datum Wisby anno Domini M^o CC^o LXXX° primo, Egydii abbatis.

Перевод

Всем, кто увидит или услышит настоящую грамоту, сообщество купцов, находящихся на земле Готланда ради торговли, [желает] наибольшего процветания в почете и делах. Дело в том, что мы решили отправить в Новгород достопочтенных мужей, граждан городов Любека, Висбю и Риги, предъявителей настоящей [грамоты], для содействия решению разнообразных наших дел и ради нашей свободы. Мы им, как истинным и законным послам, полностью, с решимостью и радостью, доверили нашу волю, что бы ни было постановлено или сказано от нашего имени этими послами. Итак, мы просим всех, к кому могут прибыть послы с нашими делами, проявить полное доверие к их словам, а самих послов принять и к нашему делу отнестись любезно, таким образом проявляя свою благосклонность к ним, чтобы наше дело, порученное вышеуказанным послам, было быстро рассмотрено, дабы это принесло нам пользу и почет. Дано в Висбю в год от Рождества Христова 1291-й, [в день святого] аббата Эгидия.

2

[1292 г.] марта 26. Дерпт. — Посланники ганзейских городов сообщают о результате своей миссии в Новгород.

Stadtbibliothek zu Lübeck, Deeces Lubicensiensammlung (Ms. hist. 2° 102,1). Пергамен. Подлинник — *A*.

Согласно первым изданиям, к XIX в. при послании сохранялись лишь пергаменные полоски, на которых к нему первоначально были привешены три печати; сами эти печати были оторваны. Место хранения подлинника в настоящее время неизвестно; по-видимому, он утрачен во время Второй мировой войны (ответ Городской библиотеки Любека на запросы от 12 октября 2016 г. и 30 января 2018 г., устная консультация Б. Луков в июле 2017 г.).

Основание предположительной датировки см. в статье.

Публ.: а) Sartorius 1830. Bd. II. № 83b. S. 163–166 (по списку проф. Граутоффа с *A*); б) LECUB. Bd. I. № 546. Sp. 682–685 (по *a*); в) LübUB. Th. III. № 44. S. 41–44 (по *A*); г) HUB. Bd. I. № 1093. S. 377–379 (по

списку проф. Мантельса с *A*); д) Памятники истории Великого Новгорода 1909. № V.5. С. 71–73 (по *б*); е) Лукин 2018. Прил. 1. С. 539–544 (по *з* с разночтениями по *а*).

Перевод: Бассальго 2008. Прил. 2. С. 65–67 (перевод Г.М. Дашевского, по *б*); Лукин 2018 (по *з*, с учетом разночтений по *а*).

Per.: LECUB. Bd. I. Reg. 625. S. 159–161.

Omnibus hoc scriptum visuris vel audituris nuncii civitatum, in Nogardiam ad regem et ad Nogardenses destinati, salutem in Domino.

Postquam legationem nostram a vestra discretione nobis commissam explevimus, deliberato consilio decrevimus conscribere responsa, que nobis facta fuerint⁸. Sciatis ergo⁹, quod dominus rex personaliter a nobis legationem audire nolebat, immo dominum Andream, suas vices habentem, cum aliis duobus melioribus suis ad nos misit. Insuper ex parte Nogardensium misit ad nos ducem Nogardye cum aliis duobus potioribus¹⁰. Hii sex ad nos in Gerceke¹¹ venientes in curiam regis dixerunt¹², quod rex tam ex sua, quam ex Nogardensium parte ipsos ad audiendam legationem misisset. Quos rogavimus, ut dignarentur ad dominum regem redire et ei subplicare, ut legationem nostram curaret audire personaliter cum eis, ad quos littere fuerant destinate. Ad quod iidem responderunt, se esse oculos, aures et os domini regis, et idcirco deberent nostram legationem audire ac deinde domino regi et communibus¹³ Nogardensibus hanc deferre. Quibus taliter respondimus: “Ex quo voluntas et desiderium domini regis in hoc esset, vellemus libenter legationem nostram proponere, que¹⁴ a civitatibus nobis commissa fuerat et injuncta”, et ex tunc partem negocii retulimus eisdem supplicantes, ut ad dominum regem hec¹⁵ deferrent et responsum super hujusmodi reportarent, et post hec¹⁶ plura ipsis vellemus referre. Ad quod¹⁷ dixerunt, quod totam legationis nostre summam deberent audire et postea domino regi ac¹⁸ Nogardensibus enarrare. Tunc quoque totam legationem nostram ipsis retulimus, rogantes, ut nichil omnium

⁸ sunt *a*; fuerunt *в*

⁹ igitur *a*

¹⁰ potencioribus *a*

¹¹ Cerceke *a*

¹² *в а пропуцено*

¹³ civibus *a*

¹⁴ quam (*исправлено на quae, que*) *a*; quem *б*

¹⁵ hoc *a*

¹⁶ posthac *a*

¹⁷ quos (*испр. на quod*) *a*

¹⁸ et *б*

obliviscerentur, sed domino regi ac Nogardensibus totaliter referrent et responsa talia reportarent¹⁹, apud que vellent manere, nec aliud quid agere, et ut ea nobis conscriberent et sigillis domini regis et Nogardensium consignarent, quod et hec possemus civitatibus, quae nos miserant, reportare. Iidem vero nos ad hospicium nostrum jusserunt accedere, dicentes se velle referre domino regi et Nogardensibus hec, ut et ipsi deliberantes et consiliis insidentes finale nobis responsum pro loco et tempore dare possent. Tunc siquidem dominus rex cum suis principibus et Nogardensibus per XIII dies in Gerceke²⁰ vacabat²¹ consiliis, quid nobis super legatione nostra²² commode responderet²³, et nos singulis hiis²⁴ XIII diebus de Nogardya perreximus Gerceke²⁵, supplicantes principibus, ut responsum nobis referrent, eo quod ad presentiam domini regis non permetteremur aliquatenus pervenire. Nec accepimus sic responsum, sed venit Symen, oldermannus Nogardensium, ferens litteram et dicens: “Hec est littera pacis, scripta inter magnum regem et Theutonicos et Nogardenses”. Ipsumque²⁶ rogavimus, ut nos juvaret, quod responsum nobis fieret, qui dixit: “Nogardenses convenerant et vestra negocia singulariter exposuerant et videntur ipsis vestre querimonie nil valere”. Nos ergo consulte deliberavimus, ut ad borchgraviium²⁷ et ducem Nogardie cum quodam interprete veniremus, quibus supplicavimus²⁸, ut nos juvarent, quod responsum finaliter haberemus. Dux respondit in hec verba: “Vellem vos esse domi” et: “regem hoc anno non venisse, et cum hoc²⁹ omnibus Theutonicis fratribus inclino”. Cum a duce reverteremur, quatuor ex principibus regis obvios³⁰ habuimus, quorum unus Dovmundus³¹, alter Surele³², tercius Wezele, quartus Constantin. Hos rogavimus, ut nos juvarent, quod responsum nobis daretur super legationibus nostris. Qui dixerunt, quod sex vicibus fuerint ex parte domini regis ad Nogardenses et pecierint nobis

¹⁹ referrent *a*

²⁰ Cerceke *a*

²¹ vacabant *a*

²² legationem nostram *a*

²³ responderent *a*

²⁴ his *a*

²⁵ Cerceke *a*

²⁶ Ipsum quoque *a*

²⁷ borchgraviium *a*

²⁸ supplicavimus *a*

²⁹ *в а пропушено*

³⁰ obviam *a*

³¹ Doumundus *a, в*

³² Sweele *a*

dari responsum, sicut eciam³³ personaliter rex ipsis supplicuisset, et rex multum doleret, quod nollent respondere, cum ipsi teneantur de jure super hujusmodi respondere, utpote qui bona habebant, de quibus questio vertebatur. Item habito consilio perreximus cum interprete ad principes in Gerceke³⁴, interrogantes, si aliquid nobis vellent aliud, quia parati essemus ad iter, ubi eciam erat Symen, oldermannus Nogardensium. Cui dixit unus ex principibus, Wezcele nomine: “Symen, cur istos homines sine responso dimittis?” Respondit Symen: “Ecce littera justicie, quam scribi fecit dominus rex inter ipsum et nos et Theutonicos, dominus rex merito respondebit”. Iratus itaque Wezcelus sic ait: “Quid ad regem? Dominus rex bona illa non habet, vos Nogardenses bona illa habetis, et ea cum smerdis vestris divisistis. Smerdi vestri sunt et idcirco de jure tenemini respondere”. Item oldermanno et potioribus Theutonicis significavimus factum nostrum et totum facti processum, simul et responsum, qui dixerunt: “Secundum hujusmodi responsum consulimus, ut recedatis”, et ad hoc nos quantum poterant promoverunt³⁵. Quare petimus, quatinus³⁶ oldermanno et suis potioribus graciaram actiones referre curetis, quod nos favorabiliter tractaverunt, et sciatis, quod nichil volebamus sine eorum consilio attemptare. Nobis autem de Nogardia ad octo miliaria abcedentibus misit dominus rex unum de principibus suis cum quinque servis et interprete, cibum et potum et alia clenodia nobis mittens. Princeps ergo³⁷ ille dixit: “Habeo secreta ex parte domini regis referre, quae sine interprete loquar vobis. Dominus rex mandat vobis, quod sine responso de Nogardya recessistis, non est sua culpa. Insuper mandat, quod Nogardenses apud illas litteras volunt manere, que inter vos et ipsos sunt conscripte, et bona omnia, que sunt perdita, sub se habent. Innocens sum in bonis illis et volo fidem servare, super qua crucem sum osculatus, et quia sum mundus in osculatione crucis, idcirco misi post vos meum principem Cusemannum et volo esse absque peccato bonorum illorum. Item mandat rex, quod si viri estis, ipsis reddite, quod vobis fecerunt, et vicem rependite, ut bene potestis”. Nos igitur respondimus: “Deum et magnum regem rogare volumus, ut Nogardenses moneat tantam injuriam reficere, quia dominus rex hoc de iure vindicare tenetur, et bene quidem hoc facere potest ex regia majestate”.

³³ et *a*

³⁴ Gorceke *a*, *в*

³⁵ permoverunt (*исправлено на promoterunt*) *a*

³⁶ quatenus *a*

³⁷ vero *a*

Ad evidentem hujus noticiam presentem kartam nostris sigillis duximus consignandam. Datum in Tharbato, VII kalendas Aprilis.

Перевод

Всех тех, кто увидит или услышит эту грамоту, посланники городов, направленные в Новгород к князю и новгородцам, приветствуют в Господе.

После того, как мы исполнили по Вашей власти данное нам поручение, мы, обдумав решение, постановили записать данные нам ответы. Итак, знайте, что господин князь лично не захотел выслушать от нас посольство, но он послал к нам господина Андрея, выполняющего его поручение, с двумя своими лучшими [людьми]. Кроме того, со стороны новгородцев он послал к нам тысяцкого Новгорода с двумя другими могущественными [людьми]. Эти шестеро, прибыв к нам в Герцеке ко двору князя, сказали, что князь как со своей стороны, так и со стороны новгородцев отправил их для того, чтобы они выслушали посольство; мы их просили, чтобы они благоволили возвратиться к господину князю и молить его, дабы он соизволил лично выслушать наше посольство с теми, кому была направлена грамота. На это они ответили, что они — глаза, уши и уста господина князя, и поэтому они должны выслушать наше посольство и потом сообщить об этом господину князю и всем новгородцам³⁸. Мы им ответили так: «Поскольку воля и желание господина князя состоит в этом, мы охотно хотели бы изложить то, что было поручено и доверено [ганзейскими] городами нашему посольству»; и после этого мы изложили часть дела, умоляя их, чтобы они донесли это господину князю, и принесли бы ответ на это, и после этого мы были бы готовы им еще больше сообщить. На это они сказали, что они должны выслушать весь доклад нашего посольства и потом рассказать господину князю и новгородцам. Тогда же мы изложили им все порученное нашему посольству, попросив, чтобы они ничего из всего [этого] не забыли, но всё бы передали господину князю и новгородцам и доставили бы обратно такие ответы, которых те хотели бы твердо придерживаться и не поступать по-другому, и чтобы они это для нас записали и скрепили печатями господина князя и новгородцев, дабы мы могли и это передать городам, которые нас послали. Они же приказали нам идти на наш постоянный двор, говоря, что

³⁸ Чтение *a*: новгородским горожанам.

они хотят передать господину князю и новгородцам это, чтобы и они, обсудив и посовещавшись, смогли нам дать окончательный — на данный момент и в данных обстоятельствах — ответ. Тогда, поскольку господин князь со своими первыми [людьми] и новгородцами в течение 14 дней в Герцеке проводил совещания о том, что подобает ответить нам по поводу нашего посольства, то мы ежедневно в течение этих 14 дней отправлялись из Новгорода в Герцеке, моля первых [людей], чтобы они нам передали ответ, так как нам никак не разрешали прибыть к господину князю лично. Таким образом, мы не получили ответа, но пришел Семен, староста новгородцев, принес грамоту и сказал: «Это грамота о мире, составленная совместно великим князем, немцами и новгородцами». И мы его попросили поспособствовать нам, чтобы нам был дан ответ, он [же] сказал: «Новгородцы собрались и по очереди изложили ваши дела, и им ясно, что ваши жалобы не имеют никакой силы». Поэтому мы, тщательно обдумав, решили отправиться к посаднику и тысяцкому Новгорода с неким переводчиком, которых (посадника и тысяцкого. — *П. Л., С. П.*) мы умоляли поспособствовать нам, чтобы мы наконец получили ответ. Тысяцкий ответил такими словами: «Я бы хотел, чтобы вы оставались дома», и: «князь в этом году не приезжал, и на этом кланяюсь всем немецким братьям». Когда мы возвращались от тысяцкого, мы встретили на пути четырех из первых [людей] князя, из которых одного [звали] Довмонт, второго Суреле³⁹, третьего Весцеле, четвертого Константин. Мы их попросили поспособствовать нам получить ответ по поводу нашего посольства. Они сказали, что они шесть раз были от имени господина князя у новгородцев и просили дать нам ответ, да и князь лично их умолял, и князь очень страдает, что они не хотят отвечать, хотя они должны по праву на это ответить, так как имущество, о котором идет речь в жалобе, находится у них. Далее, посовещавшись, мы направились с переводчиком к первым [людям] в Герцеке, и спросили, хотят ли они [сказать] нам что-либо другое, так как мы были готовы отправиться в путь; и там был Семен, староста новгородцев. Ему сказал один из первых [людей] по имени Весцеле: «Семен, почему ты этих людей отпускаешь без ответа?» Семен ответил: «Вот грамота о [решении по] справедливости, которую приказал написать господин князь между ним, нами и немцами, господин

³⁹ Чтение *a*: Свееле.

князь должным образом и ответит». И вот, Весцеле, разгневавшись, сказал так: «При чем тут князь? У господина князя этого имущества нет, это имущество у вас, новгородцев, и вы его поделили с вашими смердами. [Это] ваши смерды, и поэтому по закону вы должны отвечать». Также старосте и немецким могущественным [людям] мы объявили о наших действиях и обо всем ходе дела, а вместе и об ответе; они сказали: «На основании этого ответа мы вам советуем вернуться», и к этому они нас, насколько могли, побуждали. Вследствие чего мы просим, чтобы вы позаботились воздать благодарность старосте и его могущественным [людям], так как они отнеслись к нам благосклонно, и знайте, что мы ничего не предпринимали без их совета. Когда мы удалились от Новгорода примерно на восемь миль, господин князь послал одного из своих первых [людей] с пятью слугами и переводчиком, отправив нам еду, питье, а также драгоценности. Первый же этот [муж] сказал: «Я должен сообщить секретную информацию от имени князя, которую я скажу без переводчика. Господин князь передает вам, что то, что вы возвратились из Новгорода без ответа, не его вина. Кроме того, передает, что новгородцы хотят держаться тех грамот, которые были составлены совместно вами и ими, а все пропавшее имущество находится у них. Я не виноват в отношении этого имущества и хочу соблюсти клятву, на которой я целовал крест, и, так как я чист по отношению [к соблюдению] крестоцелования, поэтому я послал за вами своего первого [мужа] Кузьму и хочу быть невиновным в этом имуществе. Также князь передал, что если вы — мужи, воздайте им самим тем, что они вам сделали, и оплатите им тем же, насколько сможете». Итак, мы ответили: «Мы хотим молить Бога и великого князя, чтобы он указал новгородцам исправить столь большую несправедливость, так как господин князь по закону должен за это наказать, и он вполне может это сделать благодаря княжескому достоинству».

В качестве ясного отчета об этом мы составили настоящую грамоту, скрепив ее нашими печатями. Дано в Дерпте, 26 марта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бассальго Л. А.* Новгородские тысяцкие. Часть 1 // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. [Вып.] 11 (21). С. 33–67.
- Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

- Варонін В. А.* Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). Полацк, 2009. С. 30–40.
- Донской Д. В.* Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008.
- Дубонис А.* Две модели литовской экспансии на Руси (XIII — начало XIV века). Овладение Полоцком и Новогрудком // Исторический вестник. М., 2014. Т. 7 (154): Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. С. 54–85.
- Клейнберг И. Э.* О топониме Gersike в источниках XIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Вып. 4. С. 120–127.
- Клейнберг И. Э.* Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262–1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 118–126.
- Лукин П. В.* Древнерусские смерды и саксонские литы: попытка нового обращения к старой теме // ВЕДС-XXV: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье М., 2013. С. 183–188.
- Лукин П. В.* Обозначение «весь Новгород» и формирование новгородского «воображаемого сообщества» // ВЕДС-XXXIX: Античные и средневековые общности. М., 2017. С. 137–143.
- Лукин П. В.* Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.
- Лукин П. В., Полехов С. В.* Латинское послание о новгородско-ганзейских переговорах 1292 г. и некоторые аспекты социально-политической истории Восточной Европы в конце XIII в. // ВЕДС-XXX: Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2018. С. 189–195.
- Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909.
- Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.
- Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб., 1998.
- Флоря Б. Н.* «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 66–79.
- Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II.
- Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- 1556 metų Upytės valsčiaus inventorius / Par. A. Kaminskas. Vilnius, 2011.
- de Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. (Orientalia christiana. Vol. IX-1). Roma, 1927.
- Dediala R.* Apie nežinomąjį Daumantą [Электронный ресурс]. URL: <http://alkas.lt/2012/12/15/r-dediala-apie-nezinomaji-daumanta/> (Режим доступа: свободный; последнее обращение 15.02.2020).

- Dubonis A.* Daumantas: nuodėmė ir šventas gyvenimas // Naujasis Židinys — Aidai. 1994. № 5. P. 50–58.
- Elmers D.* Hansische Selbstdarstellung im Siegelbild // Das Gedächtnis der Hansestadt Lübeck. Festschrift für Antjekathrin Graßmann zum 65. Geburtstag / Hrsg. von R. Hammel-Kiesow und M. Hundt. Lübeck, 2005. S. 413–425.
- Friedland K.* Gotland: Handelszentrum — Hanseursprung // Gotland. Tausend Jahre Kultur- und Wirtschaftsgeschichte im Ostseeraum / Bearb. von R. Bohn. (Kieler Historische Studien. Veröffentlichungen des Zentrums für Nordische Studien, II). Sigmaringen, 1988. Bd. 31. S. 57–64.
- Goetz L.K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge. Bd. V). Lübeck, 1922.
- Lietuvių pavardžių žodynas / Ats. red. A. Vanagas. Vilnius, 1989. T. 2.
- Lietuvos metrika. Knyga Nr. 523 (1528). Viešųjų reikalų knyga 1 / Par. A. Baliulis, A. Dubonis. Vilnius, 2006.
- Mackavičius A.* Žemaitijos valsčių surašymas. 1537–1538 m. / Par. K. Jablonskis. Vilnius, 2003.
- Mediae latinitatis lexicon minus* / Comp. J. F. Niermeyer. Leiden, 1976.
- Mitterauer M.* „Senioris sui nomine“. Zur Verbreitung von Fürstennamen durch das Lehenswesen // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1988. Bd. 96. S. 275–330.
- Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a. Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius, 2003.
- Petrauskas R.* Noble Names: Changes in Lithuanian Aristocratic Name-Giving during the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries // Social and Cultural Relations in the Grand Duchy of Lithuania: Microhistories / Ed. by R. Butterwick and W. Pawlikowska. N.Y., L., 2019. P. 91–104.
- Rörig F.* Reichssymbolik auf Gotland. Heinrich der Löwe, „Kaufleute des Römischen Reichs“, Lübeck, Gotland und Riga // Hansische Geschichtsblätter. Jg. 64. 1940. S. 1–67.
- Rowell S.C.* Between Lithuania and Rus’: Dovmont-Timofey of Pskov, his Life and Cult // Oxford Slavonic Papers. New series. 1992. Vol. XXV. P. 1–33.
- Rowell S.C.* Lithuania Ascending: A Pagan Empire within East-Central Europe. 1295–1345. Cambridge, 1994.
- Salys A.* Mūsų lietuviškieji vardai // *Salys A.* Raštai. Roma, 1983. T. 2: Tikriniai vardai. P. 267–284. (1-е изд. — 1933.)
- Sartorius G.F.* Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse / Hrsg. von J.M. Lappenberg. Hamburg, 1830. Bd. II.
- Savišcevas E.* Rikių šešėlis: kelios pastabos apie XIII a. — XIV a. pradžios baltų genčių aristokratiją ir jos likimą // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos atodangos. Prof. Mečislovo Jučo 90-mečio jubiliejui skirtas mokslinių straipsnių rinkinys / Sud. V. Dolinskas, R. Petrauskas, E. Rimša. Vilnius, 2016. P. 111–129.
- Skardžius P.* Lit. zweistämmige Personennamen mit *mant-* und *mantà* „bewegliche Habe“ // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1960. Bd. 29. №. 1. P. 146–150.

Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. 1. Aufl. 1925; 2. Aufl. Göttingen, 1974.

Verzeichnis der Handschriften historischen Inhaltes auf der Stadtbibliothek zu Lübeck // Stadtbibliothek Lübeck, Cat. man. 102.

Zinkevičius Z. Senosios Lietuvos valstybės vardynas. Vilnius, 2007.

Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika. Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje. Vilnius, 1977.

Pavel V. Lukin, Sergey V. Polekhov

LATIN LETTER ON THE NEGOTIATIONS BETWEEN NOVGOROD AND THE HANSE IN 1292

The article focuses on the Hanseatic letter written in Latin in the late 13th century. Until now, it has been studied only partially, although it contains extremely valuable data on relations between Novgorod and the Hanse and the inner situation in Novgorod. The following issues are analyzed: the date of the text, which was contested in the 1990s; terms standing for the ‘political people’ of Novgorod (i.e. free townspeople enjoying full rights); the mention of *smerdy* (peasants of unclear status) in the letter; names of several members of the prince’s of Novgorod retinue, three of them being likely Lithuanian by origin. In two supplements the letter of 1292 and credentials of 1291 which may have been connected with the same negotiations and their translations from Latin into Russian are provided.

Keywords: Novgorod, the Hanse, medieval charters, the Grand Duchy of Lithuania

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-349-372

А. Д. Щеглов

ЭРИКУС ОЛАИ. «ХРОНИКА ГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА». ПЕРЕВОД ФРАГМЕНТОВ, ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ

Публикация представляет читателям один из наиболее значительных памятников шведской средневековой историографии — «Хронику Готского королевства», созданную в XV веке богословом и историком Эрикусом Олаи. Вниманию читателей предлагается перевод избранных отрывков из хроники, сопровождаемый комментариями и предисловием переводчика.

Ключевые слова: история, историография, Средние века, источники, письменность, Швеция, Эрикус Олаи.

Эрикус Олаи и его хроника

XV век стал для Швеции временем формирования так называемой гетицистской теории, согласно которой шведы происходят от древних завоевателей — готов, и благодаря этому стоят выше остальных народов. Гетицистские идеи, изложенные, в числе прочего, в «Прозаической хронике»¹, получили дальнейшее развитие в «Хронике Готского королевства», созданной во второй половине XV века историком и богословом Эрикусом Олаи. Прославляя Швецию и ее духовный центр — Уппсалу, автор разработал и собственную теорию «Уппсала — третий Иерусалим», избрав Уппсалу религиозным и политическим центром не только Швеции, но и всего мира. Эти идеи, наряду с литературными и историческими достоинствами хроники, делают Эрикуса Олаи примечательной фигурой в шведской, да и в целом европейской исторической мысли. Для шведов Эрикус Олаи — первый автор, создавший объемный ученый труд, посвященный истории их родины с древнейших времен до позднего средневековья. Вот почему за Эрикусом Олаи закрепилось прозвище «отец шведской историографии» (см., например: Tjällén 2016).

¹ Русский перевод указанного памятника см.: Щеглов 2019.

Эрикус Олаи родился примерно в 20-е гг. XV в.. О его предках ничего не известно; вероятно, он происходил из простонародья (Nygren 1953). Учился в церковной школе при Уппсальском кафедральном соборе; в 1447 г. отправился в Германию, в Ростоцкий университет, где изучал так называемые свободные искусства, а также, вероятно, теологию. По возвращении на родину Эрикус Олаи стал членом Уппсальского соборного капитула. Спустя довольно значительное время он совершил новую поездку за границу, на сей раз в Италию, учился некоторое время в Сиенском университете, и в 1475 г. получил богословскую степень². Вернувшись на родину, он стал одним из первых преподавателей Уппсальского университета, где читал лекции по теологии.

К указанному времени, примерно в начале 70-х гг. XV в., Эрикус Олаи, по-видимому, завершил работу над своим историческим трудом. Ученые спорят относительно того, когда в точности и при каких обстоятельствах Эрикус Олаи создал эту работу. По мнению ряда ученых прошлых лет, хроника была создана примерно в середине XV в. по заказу короля Карла Кнутссона (Lönnroth 1959. S. 127–128; Ferm 1993. S. 154–157). Однако упомянутая теория имеет уязвимые места: Эрикус Олаи в своей хронике критикует Карла Кнутссона и симпатизирует его политическим противникам — Эрику Пуке и Брудеру Свенссону, которых Карл Кнутссон казнил (Ericus Olai 1993. S. 153, 156–166, 169, 187). Современный историк У. Ферм высказал мнение, что хроника была создана в начале 70-х гг. XV в. и предназначалась для образовательных целей — чтобы читать лекции по истории Швеции для членов Уппсальского соборного капитула и других клириков Уппсальского архиепископства (Ferm 1993). Еще один специалист, Я. Эберг, трактует цели и историю создания хроники иначе. По Эбергу, указанная хроника предназначалась для широкой международной аудитории, и поэтому была написана на латыни. Однако она осталась неоконченной, о чем свидетельствуют документы и отдельные фразы на шведском языке, которые не были переведены на

² Из документов Сиенского университета известно, что Эрикус Олаи сдал экзамен на степень магистра теологии. Относительно экзамена на докторскую степень сведения отсутствуют. В шведских источниках Эрикус Олаи иногда упоминается как доктор богословия, однако, обстоятельства, при которых он получил докторскую степень, неизвестны. Возможно, титул “*doctor sacrae theologiae*” обозначал должность Эрикуса Олаи в Уппсальском университете или являлся данью уважения. Ср.: Annerstedt 1877; Ferm 1993.

латынь (Ericus Olai 1993 S. 13–14). Таким образом, в целом вопрос о времени создания хроники, ее заказчике и аудитории, для которой она была предназначена, остается дискуссионным.

Хроника открывается предисловием, основанном на распространенных в средние века идеях о том, что церковь и светская власть подобны солнцу и луне или правой и левой руке, что они должны сотрудничать, причем церкви надлежит занимать главенствующее положение. Эти идеи являются ключевыми не только для предисловия, но и для всей хроники Эрикуса Олаи. Важнейшее место в хронике отведено Уппсале — духовной столице Швеции. Эрикус Олаи подчеркивает, что изначально Уппсала, подобно Иерусалиму и Риму, являлась местом, где совершали обряды языческие жрецы и властвовали правители-язычники; затем — тоже как Иерусалим и Рим — стала центром, где сотрудничали христианские правители и лидеры духовенства. Это сотрудничество, по мнению хрониста, вело к процветанию Швеции. Следуя традиции, отчасти восходящей к Адаму Бременскому, Эрикус Олаи представляет Швецию как благословенную страну, где в изобилии имеются всевозможные богатства.

Разделяя гетицистскую теорию и излагая ее основные идеи, Эрикус делает важную оговорку: в своей хронике он не намерен рассказывать о деяниях готов за пределами Швеции, поскольку это уже сделано другими историками, а сосредоточится на делах, совершенных внутри этой страны.

Рассказ Эрикуса Олаи о древнейшей истории Швеции во многом основан на шведских источниках — прежде всего, на «Прозаической хронике». Их повествование хронист дополняет и подчас корректирует при помощи сведений, почерпнутых из зарубежных памятников — в частности, норвежской хроники “*Historia Norvegiae*” и так называемого “*Compendium Saxonis*” — краткого пересказа сочинения Саксона Грамматика “*Gesta Danorum*”.

Сведения Эрикуса Олаи о зрелом и позднем средневековье основаны прежде всего на рифмованных хрониках — «Хронике Эрика», «Связующей поэме», «Хронике Карла». Эрикус Олаи искусно редактирует материал этих хроник и дополняет его сведениями других источников — документов, анналов, откровений Святой Биргитты.

В целом вопрос об источниках Эрикуса Олаи сохраняет научную актуальность. Так, дискуссионным является вопрос о том, использовал ли Эрикус Олаи хронику Адама Бременского, или же

был знаком с ее содержанием только по тем отрывкам, которые пересказаны автором «Прозаической хроники». Исследование, осуществленное автором данной публикации, подтвердило, что Эрикус Олаи преимущественно основывался на «Прозаической хронике». Вместе с тем, автору этих строк удалось найти новые аргументы, подтверждающие, что Эрикус Олаи был знаком и непосредственно с хроникой Адама или какими-то выдержками из нее (Scheglov 2014. S. 145–169).

Политические идеи «Хроники Готского королевства» подробно проанализировал классик шведской историографии Э. Лённрот. По Лённроту, идеальный правитель Швеции для Эрикуса Олаи — это выборный государь, действующий в союзе с церковью в интересах страны (Lönnroth 1959. S. 130–134). Современный историк Б. Челлен приходит к похожим выводам, но по-иному расставляет акценты. Если для Лённрота было важно выяснить, как Эрикус Олаи представляет себе «вертикаль» власти — взаимоотношения правителя и подданных, то в работах Челлена на первое место выходят «горизонтальные» отношения — сотрудничество правителя и церкви (Tjällén 2007. P. 8, 14–19, 36–41, *passim*).

Актуальным для ученых остается и вопрос о самостоятельности Эрикуса Олаи как историка. «Старая» историография — с XVIII по начало XX в. — высоко оценивала вклад Эрикуса Олаи в шведскую историографию. Более поздние историки нередко расценивали его труд как компилятивный, указывая, в частности, на то, что Эрикус Олаи сам определяет свое произведение как небольшое и вторичное — “*opusculum sive compendium*”. Б. Челлен признает, что хроника Эрикуса Олаи отчасти носит самостоятельный характер, однако считает, что самостоятельность в данном случае ограничивается использованием чужого материала в собственных целях (Tjällén 2007. P. 53; Tjällén 2016. S. 681–689).

Мое мнение по данному вопросу отличается от мнения Челлена. Я подчеркиваю, вслед за Я. Эбергом, что преуменьшение хронистом собственных заслуг — распространенный средневековый топос; определение “*opusculum sive compendium*” не следует в данном случае понимать буквально (Ср.: Ericus Olai 1993. S. 13). Самостоятельность Эрикуса Олаи не сводится к использованию чужих текстов для изложения собственных идей; она заключается и в умелом редактировании этих текстов, и в элементах критики источников, и в добавлении множества собственных рассуждений, и в литературном мастерстве хрониста, благодаря чему использу-

емые образцы получают новое звучание и помещаются в новый контекст. Как известно, история в средние века рассматривалась как литературный жанр. Эрикус Олаи проявляет себя в своей хронике как весьма самостоятельный сочинитель (Scheglov 2018).

В этой связи актуален вопрос об использовании Эрикусом Олаи риторических фигур, о его работе над стилем. Эрикус Олаи широко использует аллитерации, риторические повторы, метафоры, риторические вопросы и множество других стилистических приемов.

Такие стилистические приемы распределены в хронике неравномерно. Наиболее тщательно отредактированными являются те части произведения, которые представляют наибольшую ценность для хрониста. Средневековые авторы считали, что высокий стиль — дар Божий. В этом контексте следует рассматривать ряд эпизодов хроники — например, восхваление Швеции или рассуждения об Эрике Святом. Форма хроники, таким образом, тесно связана с содержанием, и ее совершенство, особенно в наиболее важных фрагментах, несомненно являлось одной из целей хрониста.

«Хроника Готского королевства» оказала значительное влияние на скандинавских историографов раннего нового времени — шведов Иоханнеса Магнуса и Олауса Магнуса, датчанина Арильда Витфельда. Особенно важным источником она явилась для реформатора и историка Олауса Петри, чья «Шведская хроника», написанная на раннем новошведском языке, отчасти основана на труде Эрикуса Олаи³.

Хроника Эрикуса Олаи сохранилась в списках. Наибольшее значение имеют три рукописи, созданные в XVI в. (древнейшая — в 1508 г.). Первое издание, подготовленное историком и литератором Юханнесом Мессениусом, вышло в 1615 г. (Ericus Olai 1615) Текст Мессениуса имел ряд отличий от варианта, присутствующего в рукописи UUB E3, использованного в современном критическом издании (см. ниже). Указанные отличия были замечены уже в XVIII веке М. Сельсиусом (Цельсием) — одним из первых исследователей хроники Эрикуса Олаи (UUB E4). Наиболее существенным отличием является отсутствие предисловия, в котором

³ См. Олаус Петри 2012; Olaus Petri 1917. S. 1–298. Относительно работы Олауса Петри с хроникой Эрикуса Олаи и с другими средневековыми источниками см. особенно: Westin 1946.

акцентируется роль церкви и подчеркивается, что светская власть должна с ней сотрудничать. В 1654 г. хроника была переиздана Ю. Локсениусом; он воспроизвел текст, опубликованный Мессениусом, добавив послесловие и глоссарий (Ericus Olai 1654). В 1678 г. вышел в свет перевод на ранний новошведский язык, выполненный Ю. Сильвиусом (The Swenskes och Göthers historia 1678). В дальнейшем хроника не переводилась, за исключением небольших отрывков (описание Швеции и выдержки из рассказа о народном восстании 1434–1436 гг. под руководством Энгельбректа Энгельбректссона), опубликованных в шведском переводе К. Гейрота в 1991 г. (Aili et al. 1991. S. 300–321).

В начале XIX в. было подготовлено новое издание источника для второго тома серии *Scriptores rerum svecicarum* (SRS 1828. P. 1–166). Современное критическое издание латинского текста осуществлено в 1993 г. Я. Эбергом и Э. Хойман; в основу издания положена рукопись E 3 из Уппсальской университетской библиотеки (Ericus Olai 1993). Предлагаемый читателю русский перевод отрывков из «Хроники готского королевства» выполнен с латинского текста по указанному критическому изданию.

ЭРИКУС ОЛАИ

«ХРОНИКА ГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА»

[*Описание Швеции*]

...Есть на севере обширная страна, некогда более известная как Готия, но ныне обычно именуемая Швецией. В самой ее середине есть возвышенная местность, которая оказалась настолько хороша, что была избрана столицей королевства сразу после того, как страна стала заселяться после потопа. Действительно, эта местность со всех сторон окружена множеством родников, а рядом течет река, которая со всех сторон вбирает в себя потоки вод и несет в близлежащее озеро; а в округе простирается цветущая равнина, приятная взору путников, прибывающих издалека. А в местности за рекой был основан знаменитый город, поскольку эта местность всегда была многолюдна. Эта местность изначально на тамошнем наречии называлась Уппсалою, но затем, когда была искоренена мерзость идолопоклонства и была возведена церковь Святой Троицы, стала называться Горой Господней...

[*Уппсальский языческий храм*]

...На упомянутой горе имелся великолепный храм, построенный с большим искусством и покрытый золотом; в нем возвышались изо-

бражения трех богов по имени Тор, Один и Фригг, расположенные в вид триклиния. Тор, как самый могущественный и верховный бог, находился в середине и был выше других. Он изображался в виде нагого юноши⁴; в правой руке он держал скипетр, а в левой — семь звезд. Этим трех богов шведы почитали с необыкновенной преданностью, но каждого по-разному. Если требовался дождь и попутный ветер, зывали к Тору как тому, кто правит в небесной выси; и они надеялись, что благодаря его покровительству уберутся от таких бедствий, как гром, буря, молния и град. Каждую неделю, по четвергам, ему приносили жертвы назначенные для этого жрецы; поэтому этот день и называется четверг — *torsdagher*. Второму, Одину, поклонялись, чтобы он даровал мир и спокойную жизнь; к нему же зывали, идя в бой с врагами, чтобы он даровал победу; для жертвоприношений ему предназначалась среда; поэтому указанный день называется средой — *odinsdagher*. Третьего, Фригга, почитали ради плодородия, изобилия плодов, людей и вьючных животных, и прилежно ему поклонялись, особенно в пятницу; поэтому его день на народном наречии стал называться пятницей — *frughdagher*. К каждому из трех богов были приставлены особые священники, которые принимали от людей жертвоприношения и приносили их богам, и постоянно совершали в указанном храме обряды. Кроме того, было установлено всеобщее торжество, совершаемое каждый девятый год, на которое должны были собираться жители всех областей Готского государства и совершать жертвоприношения: в жертву приносили живых людей и животных; их кровью умилоствляли богов; а тела вешали в роще поблизости; считалось, что все ее деревья божественны и священны, поскольку обагрены кровью жертв; поэтому указанную рощу необычайно почитали...

[Цель данной хроники]

...Цель нижеследующего небольшого труда, или компендиума⁵, заключается в том, чтобы рассказать, насколько то возможно, как обстояли дела в Готском королевстве, и кто им правил вплоть до нынешнего времени. Выше было разъяснено: Бог установил, чтобы церковная иерархия управлялась двоякой властью — светской и церковной; также выше упомянуто, что в Готском королевстве есть знаменитое место, именуемое Уппсалой, которое, надо полагать, избрано Господом, и которое Богом и людьми сделано местом пребывания королей и архиепископов. Преимущественно в этом городе с древних времен

⁴ «*umagine pueri nudi*» (Ericus Olai 1993. S. 25; ср. UUB E 3 F. 2). В издании Мессениуса — *umagine viri nudi* — «в виде нагого мужчины» (Ericus Olai 1615. P. 2). Ср. UUB E 4 S. 41. См. также перевод Сильвиуса: *uthi en nakot Mans Lijknelse* (The Swenskes och Göthers historia. 1678. S. 2).

⁵ «*opusculi sive compendii*».

употреблялись два меча — осуществлялась двоякая власть, чтобы из уст Сидящего на вселенском престоле вышел обоюдоострый меч⁶, и, усилиями тех, кто в силу служебных полномочий наделен двоякой властью, искоренил все зло. В связи с этим цель данного труда состоит не в том, чтобы перечислить всех королей и других правителей, которые находились у кормила власти с тех пор, как это королевство было заселено, и всех епископов, которые управляли церковью Готии или Швеции; но в том, чтобы назвать хотя бы наиболее значительных из тех королей, которые по праву избрания или престолонаследия получили власть и чей двор и престол находились в Уппсале — особенно же тех из них, кто стоял во главе государства⁷ после того, как страна стала монархией. Равным образом, моя цель состоит в том, чтобы, касаясь церковной власти, упомянуть архиепископов, которые управляли Уппсальской метрополией, а также епископов — их предшественников.

Готы же расселились на земле по-разному: некоторые из них решили остаться в родных краях, или там, где изначально осели; другие же предпочли странствовать по свету и, покорив многие народы, поселиться в разных краях. И поэтому цель данного небольшого труда состоит не в том, чтобы рассказать о тех, кто, изойдя из королевства, привел в смятение другие народы, истощил их воинственными побегами, изгнал их из мест обитания и стал править вместо них — даже если они, приняв христианство, защищали церковь, распространяли веру и изгоняли еретиков. Ведь их великие деяния достойны остаться в памяти потомков, и поэтому не могут быть преданы забвению и достоверно запечатлены для потомков многими писателями. Мне же, таким образом, остается описать родину готов — их королевство: как в нем обстояли дела, и что за короли там правили вплоть до наших дней...

[Природные богатства Швеции]

Есть в Европе страна, что зовется Швеция, расположенная на севере, воистину насажденная десницей Господней⁸ и украшенная всевозможными дарами Божьими. Земля ее плодородна и богата зерном, и изобилует прочим, что обычно растет на земле и используется людьми. Когда же жители расходуют такие богатства неразумно, алчно и чрезмерно, Бог порой превращает землю плодородную в солончатую, за нечестие живущих на ней⁹. Земля эта изобилует и рудами всевозможных металлов: серебра, меди, свинца и железа, которые неизменно вывозятся в большом количестве в другие страны, особенно в Германию. Существует мнение, что город Любек достиг такого богатства и могуще-

⁶ Ср.: Откр. 1:16; 5:7; 19:15.

⁷ «Reipublice presidebant».

⁸ Ср.: Пс. 79:16.

⁹ Ср.: Пс. 106:34.

ства благодаря упомянутой торговле со шведами, поскольку шведы, не имея соли и вина, и желая приобрести некие предметы роскоши, были вынуждены совершать плаванья к берегам Любека.

Швеция изобилует пастбищами, лугами, болотами и зеленеющими рощами, вследствие чего обильна также крупным и мелким скотом, а благодаря этому — молоком, сыром и маслом, так что она и себя ими обеспечивает, и другие страны снабжает и кормит. Есть там и множество садов, и деревья обильны плодами; есть там и леса, пригодные для гнездовья множества диких птиц; есть там и такие, мясо которых мы можем вкушать, готовя из него по божественной щедрости лакомые блюда; есть там и звери с благородной шерстью в таком великом множестве, что их шкуры, отлично подходящие для меховой одежды, вывозятся во многие страны и города; есть там реки и обширные озера, полные рыбы и пригодные для судоходства, по которым между городами королевства провозятся товары; есть там потоки и ручьи, которые тоже изобилуют рыбой, а также пригодны для того, чтобы вращать мельничное колесо и молотить зерно. А кроме того — можно сказать, бесчисленные озера, рыбные ловли и ручьи; и помимо соленого моря, именуемого Балтийским, и по большей части относящегося к этому королевству, в Швеции есть три знаменитых великих озера — Меларен, Веттерн и Венерн. В их окрестностях находится множество городов, а в самих озерах имеются острова, которые служат для различных целей...

[*О королях из династии Инглингов*]

...Затем свеи и ёты¹⁰ единодушно избрали королем Инге¹¹. Некоторые полагают, что этот Инге приходился сыном Филимеру, и это отнюдь не исключено. Возможно, дело обстояло так: Нордиан, который пришел к власти сразу после Филимера, являлся первенцем, или одним из старших сыновей, зачатых отцом в молодые годы; а Инге был одним из младших, зачатым в старости; может быть, отец поручил ему ведать военными делами, когда состарился и отправился на родину умирать. И возможно, что, когда королевство сотрясали многочисленные войны, знать королевства вместе с народом вызвала его из заморских земель, где он в то время воевал, и возвела на престол. И когда этого Инге провозгласили единовластным правителем готов, весь народ и знать¹² приготовили в Упсале королевский престол и нерушимо постановили¹³, что столица и королевский престол отныне не должны находиться ни-

¹⁰ Этнонимы «готы» и «ёты» в хронике Эрикуса Олаи передаются одним и тем же термином — *gothi*. В русском переводе выбор эквивалента зависит от контекста.

¹¹ В исландско-норвежской традиции — Ингви.

¹² «*Plebs vniuersa cum principibus*».

¹³ «*Itrefragabili decreto constituit*».

где, кроме как в Уппсале, поскольку там был расположен величественный храм их богов, и там полагалось совершать жертвоприношения, на которые, в установленные сроки, сходились жители всей страны.

У Инге, как утверждают, было два сына — Неарк¹⁴ и Фроде; и оба они, как считается, правили всей страной после смерти отца. Полагают, что все их потомки почитали их наравне с богами. Фроде пережил брата и стал править один. Был он ревнителем справедливости и борником мира¹⁵; не терпел, когда что-либо отбирали силой.

После него правил Урбар; говорят, у него было три сына — Эстен, Норе и Дан, между которыми он разделил власть таким образом: Эстен стал править Швецией, Норе Норвегией, Дан — Данией.

Когда умер король Урбар, королевскую власть в Швеции унаследовал его сын Эстен, а в Норвегии — Норе. Норвежцы убили Норе, и за это король Эстен, в вечное посрамление норвежцам, поставил над ними королем пса, повелев прислуживать этому псу, когда тот ест или бежит враз-вперед; а кто ослушается, тому отрубят какую-либо часть тела. А в Датской хронике¹⁶ сказано, что человека, который дал норвежцам пса в короли, звали Гуннар.

Эстена сменил на троне Фьольм, которого некоторые неправильно называют «Солен». Говорят, его утопили свои же люди в кадке с медом.

Затем, как рассказывают, правил его сын — Сверкер или Сверкар. Говорят, он так ударил по скале, что рука застряла в камне; все это, конечно же, выдумка¹⁷.

После Сверкера королевский престол наследовал его сын Валандер; его во сне задушил демон, которого по-шведски называют «Мара»¹⁸.

Упомянутый Валандер оставил после себя сына, которого звали Висбур; он наследовал престол после отца. Его вместе со всей прислугой сожгли в его доме сыновья, чтобы поскорее получить наследство.

Его сменил на престоле сын Домальдер. Жители страны сообща принесли его в жертву богине Церере, чтобы собрать богатый урожай.

Его сменил на престоле его сын Домар; он правил мирно и окончил свою жизнь в Швеции.

¹⁴ В исландско-норвежской традиции — Ньёрд.

¹⁵ «Iusticie zelator et pacis amator».

¹⁶ «Деяния данов» Саксона Грамматика. Эрикус Олаи использовал краткий пересказ указанного сочинения — так называемый «Compendium Saxonis».

¹⁷ Согласно исландским и норвежским источникам, конунг Свейгдир, идя за карликом, вошел в скалу и не вернулся. По шведским хроникам, конунг Сверкер (как его называли в Швеции) ударил по камню так, что в камне застряла рука. Искажение вызвано ошибочной интерпретацией упоминания о Свейгдире, содержащегося в «Historia Norvegiae» (См.: Щеглов 2019 С. 432).

¹⁸ Мара — в германских и славянских поверьях — злой дух, ведьма, которая душит спящих.

Затем, как рассказывают, правил Аттильс или Аттила; ему приписывают множество великих деяний. Он подавил восстание датчан, вновь подчинил их своей власти, а в память о восстании поставил над ними королем пса, которому дал кличку Ракке; а его загрызли другие псы. Тогда Аттильс поставил над ними великана по имени Лэс; а когда тот умер, дал им в короли Снё — слугу того великана, ибо был своеволен и жесток. Рассказывают, что Снё съели вши, которые выползли у него из ноздрей и ушей.

После него правил Дигвер, который умер в Швеции естественной смертью.

Его сменил на престоле Дагер, его сын. Он хотел с оружием в руках заставить датчан уплатить дань и отомстить за некие обиды; датчане убили его возле брода, именуемого Оружейный брод.

Дагер оставил после себя двух сыновей; одного звали Альрик, другого Эрик. Альрик унаследовал престол от отца; брат, позавидовав ему, убил его уздечкой¹⁹. Альрику наследовал сын Ингемар. Жена повесила его в местности, что ныне зовется Агнафит: там впоследствии возник Стокгольм. Говорят, жена повесила его собственноручно, на позолоченной цепи, использовав дерево в качестве виселицы.

После него правил его сын Ингегельд. Его убил брат из-за дурных слухов, что ходили о его жене, которую звали Бера.

После него к власти пришел его сын Йерундер. Он победил датчан; положившись на их верность и чувствуя себя в безопасности, он начал вести с ними мирные переговоры, а шведов отпустил домой. Воспользовавшись этим, датчане повесили его в местности, именуемой Оддасунд, на побережье залива в Дании, который тамошние жители именуют Лимосунд...

...После Отара к власти пришел его сын Адильс. Когда он отправлялся приносить жертвы идолам, перед святилищем Дианы его лошадь споткнулась, и он погиб. Его сменил на королевском престоле сын Эстен...

[Об ослеплении жреца]

Эрику²⁰ наследовал сын, которого одни называют Эриком Урожайным, другие Стенкилем Первым. Он был отцом Олава Шётконунга и первым христианским королем Швеции. Говорят, это произошло так. Некий языческий жрец, совершая жертвоприношения в присутствии

¹⁹ В «Саге об Инглингах» говорится: братья все время спорили, кто лучший наездник; из-за этого спора и случилось убийство. В «Истории Норвегии» это объяснение опущено. Возможно, в связи с этим в шведских хрониках появилась иная интерпретация: братья враждовали из-за власти.

²⁰ Эрику Победоносному.

короля и множества людей, внезапно ослеп; всех присутствующих это повергло в ужас. Он пал ниц и стал всячески умолять богов, которым служил, но не получил помощи (на то указывал перст Божий), и его, незрячего, отвели домой. Ночью, когда он уснул, Матерь Божия в милосердии своем явила милость страждущему и обратилась к нему с такими словами: «Знай, что ты наказан справедливо: ты отверг великого Бога, и поклонение, которое обязан воздавать ему, возносишь идолам. Этот Бог — Иисус Христос, мой Сын, Бог христиан. Теперь же, если хочешь исцелиться, обещай, что уверуешь в Него и будешь твердо держаться этой веры». Он дал обещание, и прозрел, и немедленно встал с постели и отправился в путь, обходя всю страну, рассказывая от начала до конца все, что с ним случилось, и настоятельно убеждая всех оставить поклонение языческим богам и обратиться к христианскому Богу. И люди начали обращаться к Богу христиан, который могущественнее и милосерднее других богов, и приходит на помощь в беде, в то время как другие боги часто обманывают и либо не хотят помочь, либо не могут.

Услышав об этом происшествии, архиепископ Бременский (то ли по просьбе короля Стенкиля, переданной через особых посредников, то ли по собственному почину, заботясь о спасении душ) послал к королю Стенкилю двух епископов — Адальварда и Стафана, ученых мужей и вдохновенных проповедников. Когда они приблизились к Сигтуне, где находился король, они были радушно приняты королем, и находились при нем как почетные гости. И когда Адальвард служил мессу, ему за одно богослужение пожертвовали 70 марок серебра. В краткий срок они обратили в истинную веру всех жителей Сигтуны — а это тогда был огромный город — и всех жителей округи; так же было и в Бирке, которая в то время являлась одним из крупных городов, и притом самым древним. А больших и знаменитых городов в тех краях тогда имелось три — Сигтуна, Бирка и Скара.

Адальвард, оставшись в Упландских краях, низверг идолов, которых весьма почитали в Уппсале, и неустанно проповедовал. Некоторые указывают, что его убили жители Упланда за то, что он низверг богов; другие утверждают, что он жил долго, умер ненасильственной смертью и был похоронен в Бирке. Возможно, что жители Уппсалы подвергли его гонениям и истязали, из-за чего он оставил те холмистые края²¹, и поселился в Бирке, где и окончил земную жизнь. Стафан же, как рассказывают, отправился в Хельсингланд и, странствуя по Норланду, обратил к Господу бесчисленное множество людей и, как утверждают некоторые, отошел к Богу, приняв мученический венец.

²¹ «Partes illas superiores». По-видимому, игра слов, основанная на значениях латинского термина *superior* — «возвышенный», «превосходный». Уппсала, как известно, расположена на холмистой местности.

Король Стенкиль, приняв христианство, убеждал епископов, чтобы они не свергали богов. Народ, объяснял он, наверняка убьет проповедников, если они так поступят, а его самого изгонят из королевства: люди убеждены, что он повинен в их бедствиях — ведь это он пригласил в страну тех, кто оказался врагами их богов. И говорят, он отрекся от веры из-за того, что народ поднял мятеж против епископов, и все равно он был убит за веру.

[*Король Эрик Святой*]

В год Господень 1150, когда шведский королевский престол оказался незанят, Эрик, сын Йедварда, которого знать и весь народ возлюбили за присущее ему добросердечие и явную добродетель, был единодушно избран королем и с почестями возведен на королевский престол в Уппсале. Происходил он из королевского рода, и в жилах его текла кровь знатнейших людей королевства²². При его избрании совпали несколько обстоятельств, которые указывают на достоинство упомянутого короля и подтверждают, что он более, чем кто-либо, имел право на власть: было трудное время, необходимо было избрать короля, нашелся подходящий человек, и избрание оказалось единогласным. Молодым людям это трудно понять, поэтому кое-что следует разъяснить подробнее. Когда наступают трудные времена, в этом заключается тайный смысл: именно в такое время Бог и посылает подобных людей, чтобы они возглавили королевство. Имеется сокровенный смысл и в том, что такой король был избран в столь благословенный год — скорее Богом, чем людьми. Ведь 1000, 100 и 10 самые совершенные числа, а число 50 кратно 10. К тому же пятидесятый год — юбилейный; это год прощения, возрождения и полного отпущения грехов. Таким образом, вероятно, что указанное время заключало в себе нечто сокровенное: ведь ко всему прочему именно тогда в Швецию из Британии был направлен святой епископ Хенрик — в высшей степени добродетельный и добронравный человек. Он так руководил Уппсальской церковью, что эти два начальника являлись для всех людей словно двумя великими светочами²³: народ этой страны, совсем недавно обращенный в христианство, они просвещали, наставляя и уча истинному благочестию и служению Богу.

Необходимость избрать короля была вызвана тем, что королевский престол оказался незанятым; требовалось, чтобы королевство не осталось без правителя, словно без главы. Когда в Израиле не было царя,

²² Данное предложение является цитатой из Жития Святого Эрика.

²³ Указанный троп восходит к Ветхому Завету (Быт. 1:16). Он употреблен, в частности, в Житии Святого Хенрика, откуда, вероятно, его в данном случае позаимствовал Эрикус Олаи.

каждый творил что хотел²⁴, и народ дошел до идолопоклонства. А что престол оказался незанятым, это можно понимать различно: либо он был свободен *de jure*, либо *de facto*, либо одновременно *de jure* и *de facto*. И если верно, что до святого Эрика, как указывают некие небольшие хроники, королем был избран Карл Сверкерссон, все же королевский престол был свободен если не *de facto*, то *de jure*. Эти частные, местные выборы не могли изменить установленный порядок, которому надлежит следовать, избирая короля. Ведь еще в древности, в правление первого христианского короля Швеции — Олава Шётконунга было, со всеобщего одобрения, постановлено на вечные времена, что королей Швеции должны выдвигать не ёты, а свеи, поскольку между ётами и свеями имеются различия. А чей король — того и выбор²⁵. Да и тот, кто первым взошел на престол по праву избрания — Инге Филимерссон — установил престол в Уппсале на вечные времена: королем должен считаться только тот, кого провозгласили в Уппсале; для этого и предназначен с древних времен камень Мура.

То, что король Эрик являлся подходящим правителем — тому порукой святость его жизни и знатность его рода. Святость его жизни с очевидностью подтверждается его делами и всем его поведением. Ведь он был прилежен в молитвах, неустанен в бдениях, усерден в постах²⁶; являл сочувствие страждущим, раздавал щедрую милостыню, и был до того целомудрен, что изнурял плоть власяницей, не желая запятнать себя даже самую малость; а непозволительные плотские желания отгонял, обливаясь холодной водой. Вот какое он проявлял целомудрие: даже монахи и клирики, получившие посвящение, чтобы совершать таинства в алтаре и причащать святых даров, не могут сравниться с ним в чистоте!

Знатность же его происхождения явствует из того, что о нем читают в церкви: «В жилах его текла кровь королей и знатнейших людей Швеции». А авторитет церкви настолько велик, что ее суждения, в отношении достоверности, следует предпочесть любым другим кроме Божьих, даже суждениям ангелов. «Я, — говорит Августин, — не верил бы Евангелию, если бы меня не побуждал к тому авторитет церкви».

И как вселенская церковь не может ошибаться в том, что относится к вопросам веры, так и отдельно взятая церковь, несомненно, не может ошибаться в том, что в ней совершается публично и явно; особенно же в том, что во славу Бога надлежит воспевать в гимнах²⁷. Какой

²⁴ Суд. 17:6, 18:1, 21:25.

²⁵ «Quorum enim est rex, illorum est electio».

²⁶ Цитата из Жития Святого Эрика.

²⁷ В богословских сочинениях Эрикуса Олаи значительное место отведено учению о непогрешимости церкви в духовных вопросах. Как можно убедиться из приведенного отрывка, указанные взгляды нашли отражение и в хронике.

смысл прелатам в том, чтобы распространять ложь о святом человеке или одобрять чужие выдумки и принимать постановления о том, чтобы они возвещались в церкви? Ведь если этот король и мученик действительно вышел из простонародья, и тем не менее удостоился того, что единодушно возведен на высочайшую должность, то тем большая ему подобает хвала. В таком случае для всех стало бы очевидно, какой чудной, неслыханной добродетелью он просиял: происходя из простого люда, нисколько не был подвержен людским порокам.

Но, допустим, обнаружится, что этот святой король действительно вышел из простонародья — о каком властелине можно сказать, что он не ведет происхождение от простых людей? Ведь то, что люди рождаются в разных семьях — дело не природы, а случая. Если же кто-то станет спорить относительно ближайших предков и утверждать, что отец короля — крестьянин; что ж: даже если это так, разве в таком случае невозможно, чтобы он происходил из королевского рода? Ведь если Святой Эрик до того, как стать королем, женился на дочери короля Инге и достойной Рагнильд, его супруги, которая благородством происхождения превосходила любого отпрыска королевской крови, разве невозможно, чтобы его отец взял жену из королевского рода? В таком случае святой король происходил из королевского рода по материнской линии, ведь звание потомков наследуется от матери. Но к чему различать людей в соответствии с происхождением? Мы все приходим от единого отца. Я не говорю уже о том, что Авраам, праведник, соизволил зачать сыновей от служанки. Патриарх Иаков, от которого ведут происхождение 12 патриарших родов, произвел на свет сыновей, начальников рода Израилева, от двух жен и двух наложниц. Вследствие этого никто не может знать достоверно, не происходит ли он от наложницы, и никто не может возгордиться по причине знатного происхождения...

[О Магнусе Эрикссоне]

...Таким образом, король Магнус, получив всю Швецию, Норвегию и Сконе, со всем, что причитается, счастливо начал свое правление. Но —

Счастлив почин; конец же бывает печален.

Поскольку Магнус был избран королем в столь юном возрасте, королевством продолжал править дротс²⁸ — господин Маттиас; он правил столь деятельно и мудро, что никто, ни в королевстве, ни за его

²⁸ Дротс — в средневековой Швеции высшее должностное лицо, верховный судья и первый заместитель короля.

пределами, не смел причинить какой-либо вред или учинить раздор; пожалуй, в Шведском королевстве ни при одном правителе не было такого спокойствия и благополучия. Он, с согласия лучших людей королевства, сосватал королю невесту из Франции по имени Бланка, дочь графа Намюрского, девицу весьма красивую. Супруга родила королю двух сыновей и трех дочерей; некоторые же говорят, что у них было семеро детей.

Когда же господин Маттиас умер (о чем многие скорбели), король, справив желанную свадьбу, принял бразды правления, получив под свою власть два королевства и в придачу Сконе. Еще некоторое время он прислушивался к советам мудрых людей, которые хранили верность его отцу и господину Маттиасу, и в те годы, когда Магнус был юн, вершили дела королевства вместе с регентом Маттиасом. И пока так продолжалось, король жил похвально и правил полезно; и королевство благоденствовало; люди жили в достатке, и радости не было конца. Но затем эту радость сменила скорбь.

Король стал предаваться утехам и наслаждениям, ненавидя тех, кто наставлял его на правильный путь, пренебрегая давними и мудрыми советникам, удаляя их от себя, приближая к себе юных и низкородных, которым нравилась подобная жизнь. Отсюда непомерная роскошь, безудержное пьянство, невероятная гордыня. Мало-помалу королевство дошло до нищеты: налагались огромные поборы, чтобы потакать чревоугодию, роскошеству, пышности и прочим безумствам буйной молодости. И поскольку разумных мужей, что имелись в королевстве, либо лишили средств к существованию, либо изгнали, либо презрительно отвергли, притесняемым и угнетенным неоткуда было ждать справедливости.

Когда король вознамерился идти в поход на Русь, Блаженной Биргитте были даны откровения от Христа, через славную мать Божию, пребывающую Деву Марию. В этом откровении Христос убеждал короля, чтобы он не принимал в свое войско иноземцев, и возложил надежду на Господа Бога и довольствовался тем, что принял на службу людей из своего королевства, которые либо из любви к родине сражались бы с врагами, защищая мир и покой, либо шли в поход на врагов, повинувшись приказам, а не ради добычи. Еще и другие откровения, где шла речь о положении в королевстве, были явлены, чтобы вдохновить короля; а он ни с чем не посчитался, всем пренебрег, и не только не последовал Божьему совету, но и сделал все наоборот. Призвал в свое войско, наряду со шведами, датчан и немцев, вторгся с эти войском в пределы Руси, и возомнил, что одержал полную победу с первым же натиском, ибо овладел русским замком Пекенсар²⁹ и подчинил часть русской земли.

²⁹ *Замок Пекенсар* — крепость Орешек (швед. Нётеборг), расположенная на острове Орешек (фин. Пяккиясаари).

Но, поверив советам датчан и немцев, которых вел за собой в своем войске, больше утратил, чем приобрел. Коварные и лживые русские увидели, что король и его иноземные ратники только и думают, что о роскоши, деньгах и наживе; оказавшись в трудном положении, они пообещали королю, что дадут ему столько золота и серебра, сколько прикажет, и что будут ему всецело повиноваться и вечно служить — в общем, все, что можно было пообещать, чтобы задобрить короля. Но —

Тот, кто жалкому верит — сам, уж, наверное, жалок.

Поверил он им, и отпустил на волю тех, кто заслуживал смерти, радуясь вместе с упомянутыми советниками, что получит несметное множество золота — больше, чем мог надеяться. А русские, ценой таких обещаний оказавшись на свободе, немедленно исполнили то, что замыслили. Собрали войско из татар и литовцев, и со всех концов Руси прибыли быстрее, чем можно было ожидать. И не золото и серебро несли, но железо и камни и прочие орудия убийства; взяли в осаду короля и все его войско, окружив их со всех сторон. В конце концов, с великими трудностями, благодаря неимоверному труду тех самых шведов, которыми так пренебрегал, он вышел из окружения, расширив русло некой реки. Тогда русские напали на замок Пекенсар, занятый людьми короля, отвоевали его и жестоко истребили шведов, которых там нашли...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Олаус Петри* Шведская хроника / Перевод, послесловие, комментарии А.Д. Щеглова. М., 2012.
- Щеглов А.Д.* «Прозаическая хроника»: Памятник шведской исторической мысли позднего Средневековья // ДГ, 2017–2018 годы: Ранние формы и функции письма М., 2019. С. 422–442.
- Aili H. et al.* Röster från svensk medeltid. Stockholm, 1991.
- Annerstedt C.* Uppsala universitets historia. Uppsala, 1877. Bd. 1.
- Ericus Olai* Chronica regni gothorum / Textkritische Ausgabe von E. Heuman und J. Öberg. Stockholm, 1993. Bd. I–II.
- [*Ericus Olai*] Historia Svecorvm Gothorvmqve, per reverendum dominum Ericum Olai [...] concinnata / Ed. J. Messenius. Stockholm, 1615.
- Ericus Olai* Historia Suecorum Gothorumque / Ed. J. Loccenius. Stockholm, 1654.
- Ferm O.* När och för vem skrev Ericus Olai sin Chronica regni gothorum? // Lychnos: Lärdomshistoriska samfundets årsbok. Stockholm, 1993.
- Lönnroth E.* Ericus Olai som politiker // *Lönnroth E.* Från svensk medeltid. Stockholm, 1959. S. 127–128.

- Nygren E.* Ericus Olai // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm, 1953. Vol. XIV [Электронный ресурс] URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=15388>[Дата обращения: 23.10.2019]
- Olaus Petri.* Samlade skrifter. Uppsala, 1917. B. IV.
- Scheglov A.* Ericus Olai och Adam av Bremen // Historisk tidskrift. Stockholm, 2014. B. 133. S. 145–169.
- Scheglov A.* Ericus Olai som krönikeskrivare: Svar till Biörn Tjällén // Historisk tidskrift. Stockholm 2018. B. 138. S. 103–114.
- Scriptores rerum svecicarum medii aevi* / Ed. E.G. Gejer, J.H. Schröder. Uppsala, 1828. Vol. II.
- The Swenskes och Göthers historia skreffwen på Latin aff Erico Olai / Verteradt på Svenska aff Joh. Sylvio. Stockholm, 1678.
- Tjällén B.* Church and nation: The discourse on authority in Ericus Olai's *Chronica regni gothorum*. Stockholm, 2007.
- Tjällén B.* Ericus Olai som historiker: Replik till Andrej Scheglov // Historisk tidskrift. Stockholm, 2016. B. 136.
- UUB E 4. Variantes et additamenta ad Chronicam, vel historiam... Eri Olavi [Неопубликованная рукопись, 1746].
- Westin G. T.* Historieskrivaren Olaus Petri. Svenska krönikans källor och krönikeförfattarens metod. Lund, 1946.

Andrey D. Scheglov

ERICUS OLAI. "THE HISTORY OF THE KINGDOM OF THE GOTHES".
TRANSLATION OF PASSAGES, INTRODUCTION AND COMMENTS BY
ANDREY SCHEGLOV

Ericus Olai is a prominent personality in Swedish medieval history and culture. He was a theologian, a historian and a poet. He is especially known as the author of the first fundamental work on the history of Sweden written in Latin, *Chronica regni gothorum*, for which he is often called 'The father of Swedish historiography'.

Ericus Olai was born approximately in the 1420-s. He went to Germany in 1447 and became a student at the University of Rostock where he studied liberal arts. On return to Sweden, he became a canon in Uppsala. Later he made a voyage to Italy where he obtained a degree in theology at the University of Siena. After that he returned to Sweden, became a scholasticus, and later a dean at the cathedral chapter of Uppsala, and began to lecture on theology at Uppsala University.

It was apparently in the 1470-s when Ericus Olai's historical work *Chronica regni Gothorum* was accomplished. There are different viewpoints concerning the question when, for what purpose and under whose order *Chronica regni gothorum* was written. In modern scholarship an opinion was expressed by Olle

Ferm that Ericus Olai's chronicle was intended for the instruction of the clergy of the archdiocese of Uppsala. According to another point of view presented by Jan Öberg, *Chronica regni Gothorum* was intended for a broad international audience, and for this reason was written in Latin. *Chronica regni Gothorum* has survived in several manuscripts, of which three are considered to be of major importance. There are several printed editions of the chronicle mentioned. The modern critical edition by Ella Nyrrin-Heuman and Jan Öberg is used in the present publication.

Chronica regni gothorum begins with an introduction based on theological writings. It stresses the leading role of the Church in the society, and proclaims that the secular authorities must cooperate with the Church. This thought serves as a key idea for the whole chronicle. Uppsala, the ecclesiastical centre of Sweden, is given the central place in *Chronica regni gothorum*. Ericus portrays Uppsala as a place which initially was a site where pagan gods were worshiped, and which later became a prominent center of Christianity. When the Church leaders of Uppsala cooperated with the kings and regents of Sweden, the country prospered — this is one of the core ideas in Ericus Olai's chronicle. Ericus praises not only Uppsala, but also Sweden in general; he portrays Sweden as a blessed country abundant in numerous goods. He pays tribute to the so-called Gothist theory claiming that Sweden is the very land from which the Goths, the conquerors of Europe, exceeded, and that due to this fact the Swedes are superior to all other peoples. Ericus Olai's work is to a great extent based on medieval chronicles. Ericus skillfully processed this material and enriched it with data derived from other sources, including archive documents.

Despite the high value of Ericus Olai's chronicle, the only translation of this source is the Swedish translation, which was carried out in the 17th century by Johan Sylvius. The present publication contains a commented Russian translation of selected passages from *Chronica Regni Gothorum* accompanied by the translator's preface. In particular, the preface focuses on the problem of Ericus Olai's contribution to Swedish history writing and of his independence as an author. Some scholars consider *Chronica regni Gothorum* to be a compilation, while the author of the present publication underlines the individual role of Ericus Olai who skillfully processed the predecessors' texts and added original passages of his own.

Key words: history, historiography, the Middle Ages, sources, literacy, Sweden, Ericus Olai.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-373-391

М. И. Дробышев

ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ СУЩНОСТЬ «РОМЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ»:
Kaldellis A. Romanland. Ethnicity and Empire in Byzantium. London; Cambridge (Mass.): The Belknap Press of Harvard University Press, 2019. 374 p.

Рецензируемая книга является всесторонним исследованием по политической, социальной и культурной истории Византийской империи. Автор на основании анализа множества исторических источников придерживается точки зрения, что в Византийской империи существовали четкие маркеры интеграции инородных элементов. По мнению автора, основная масса населения Византийской империи была народом римлян-ромеев с ромейской («кримской») идентичностью, которая включала в себя четкие маркеры самоидентификации.

Ключевые слова: Византийская империя, этничность, ромеи, этнокультурная идентификация

Новая монография американского византиниста Энтони Калделлиса «*Романия. Этничность и империя в Византии*» продолжает серию его концептуальных работ о системе власти и идентичностях групп населения Восточной Римской («Ромейской») империи с поздней Античности до ее падения в 1453 г. Рецензируемая монография органично продолжает темы предыдущих книг исследователя, посвященных традициям эллинской культуры византийцев (ромеев), их «этнографическим представлениям» и, наконец, новой концепции всей социально-политической организации ромейского общества (Kaldellis 2008; 2013; 2015; см. также перевод его программной книги «Византийская республика»: Калделлис 2016). Добавим, что его предыдущие книги достаточно критически рецензировались отечественными учеными (Щавелев 2014; Иванов 2016).

В свой совокупности перечисленные книги Э. Калделлиса, несмотря на критику многих отдельных его положений и утверждений, сформировали новый «ревизионистский» (Kaldellis 2015.

Р. XI, 9, 190) подход к пониманию того, что из себя представляло государство ромеев поздней Античности и Средневековья. Рецензируемая книга может считаться итогом (возможно — промежуточным, но в любом случае — принципиальным) этого значительного интеллектуального труда. По своему вкладу в осмысление проблем трансформации территорий Средиземноморья после падения Западной Римской империи и в поиск ответа на вопрос о том, в каком виде сохранилась Восточная Римская империя, «проект Калделлиса» сопоставим со знаменитым многотомным трудом Э. Гиббона (о роли идей Э. Гиббона в современной историографии, см. «юбилейный» сборник: Edward Gibbon and Empire 1997).

Монография состоит из двух частей, каждая из которых по тематическому принципу разделена на три главы. Первая часть «Римляне» (в русском языке возможен перевод «Ромеи») состоит из трех глав: «История отрицания» (Р. 3–37), «Ромейская идентичность» (Р. 38–80) и «Романия» (Р. 81–120). Вторая часть «Иные» состоит из четырех глав: «Этническая ассимиляция» (Р. 123–154), «Армянское заблуждение» (Р. 155–195), «Была ли Византия “империей” в десятом веке?» (Р. 196–232) и «Апогей империи в XI веке» (Р. 233–268).

В центре внимания автора на всем протяжении текста книги находятся два ключевых для понимания сущности Ромейской империи (Византии) вопроса. Во-первых, что из себя представляла общность «ромеев» и какова была «ромейская идентичность»? Во-вторых, можно ли считать Византию («Романию») «империей» и что стоит понимать под этим обозначением? Эти проблемы исследуются на базе обширной, хотя и не исчерпывающей, историографии и материалов самых разных источников X–XV вв. Разумеется, Э. Калделлис работает не только с византийскими текстами, но и с латинскими и арабскими описаниями народа «ромеев» и их государства. Однако, очевидно, что автор ориентируется в основном на византийские нарративы — исторические сочинения, трактаты и жития. Актовые (грамоты) и сфрагистические (печати) данные им практически не используются. Между тем обращение к этим источникам было бы логично, поскольку позволило бы выйти за пределы византийского нарратива. Возможно, это дало бы возможность рассмотреть не только представления византийцев о различных народах и инородных социальных группах в Ромейской империи, но и показать реальное положение дел в этносоциальных отношениях внутри византийского общества. Например,

актовые свидетельства о Руси дают целый комплекс материалов о русско-византийских взаимоотношениях и контактах (Бибиков 2018). Анализ византийских актов мог бы, кроме всего прочего, дать возможность составить «карту» размещения армейских подразделений, укомплектованных иностранцами. Анализ легенд печатей позволяет проследить карьеры отдельных офицеров и администраторов иноземного происхождения (см., например, о печатях переводчиков: Шандровская 2005; Shchhavelev 2015).

Первая часть посвящена тому, что собственно скрывается за обозначением «ромей» и «ромеи». Основными признаками ромея были: принадлежность «православной» христианской конфессии, владение греческим языком и включение в административную (в самом широком смысле) систему государства. Иногда требовались иные, менее важные, этнокультурные характеристики. Э. Калделлис тонко подмечает, что сама структура этнокультурной идентификации «ромея» определяла то, что, хотя все «не-ромейские» народы определялись как «варвары», но некоторые из иностранцев имели преимущество при интеграции в общность ромеев. Это были, прежде всего, «франки» (выходцы из латинского мира Западной Европы) и «армяне» (выходцы из народов Закавказья). Автор справедливо пишет, что «франку» было легче стать «ромеем», чем, например, «кочевнику» (Р. 38–40). Это тривиально объясняется тем, что изначально «франк» или «армянин» рождался и жил в «государстве» с римскими традициями, в конфессиональной зоне христианской религии и т. д. Например, механизм такой «облегченной» интеграции в византийскую среду хорошо виден на примере форм сосуществования разных народов на Апеннинском полуострове (Курьшева 2006). Э. Калделлис прослеживает различные степени отчужденности от общности ромеев разных групп «инородцев», проживающих на территории «Романии» и около ее границ (Р. 61). В итоге ему удается проследить механизм постепенной кооптации разных групп иностранцев в «ромейскую среду». Значимым отличием «Романии» от других средневековых крупных государств было то, что ее политика была направлена на включение в сообщество «ромеев» и последующую ассимиляцию не только политических элит народов, которые попали на ее территорию, или находились у ее границ, а всей совокупности такой народности в целом (Р. 124). У таких народов происходило постепенное отмирание своих традиций и замещение их ромейскими культурными, идеологическими и ментальными ценностями.

Соглашаясь в целом с предложенным определением «ромей» Э. Калделлиса, нельзя не отметить, что некоторые приводимые им примеры требуют более сложной интерпретации, чем полагает автор. Например, в сюжете о возвращении пленных византийцев из «Чудес» Дмитрия Солунского (см. об это памятнике: Иванова 1995) Э. Калделлис полагает, что пленные византийцы и их потомки на чужбине среди «варваров» сохраняли свою «ромейскую идентичность» («ромейскость»), что говорит об устойчивой этнической самоидентификации. Как представляется, здесь необходимо принять во внимание жанр этого текста. Весь разбираемый сюжет смоделирован в соответствии библейской историей исхода евреев из «египетского плена» под руководством пророка Моисея, поэтому вопрос, насколько репатриированные «ромейи» сохранили весь набор своих «этно-определяющих» признаков, а насколько они были вторично ассимилированы после репатриации, остается открытым.

Отдельно следует обратить внимание на пятую главу «Армянское заблуждение» (Р. 155–195). В ней автор последовательно и убедительно развенчивает историографический миф о том, что люди армянского и ивирского происхождения, которые влились в состав «господствующего класса» (Каждан 1975) Ромейской империи, сохраняли свою «армянскую» этническую идентичность. Автор остроумно показывает, что факт использования «армянского» имени или прозвища каким-либо высокопоставленным ромеем ничего не говорит о том, что он считал себя представителем какой-либо «закавказской» народности. Например, нет никаких доказательств того, что автор «Советов и рассказов» («Стратегикона») Катакалон Кекавмен относился к «армянской диаспоре» в Византии. По мнению Э. Калделлиса, лишь спекуляции и риторика стоит за настойчивыми попытками представить целый ряд византийских императоров людьми с «армянской» этнической идентичностью. Факт «происхождения» из какого-либо народа или проживания в определенной местности не может быть слишком весомым аргументом для понимания «идентичности» и «самоидентификации» индивида. Эта логика вполне приложима и к другим случаям, например, нет никаких разумных оснований, чтобы считать византийскую императрицу Евдокию Ингерину и ее отца митрополита Ингера выходцами из Скандинавии (Щавелев 2012). Они оба были ромеями, возможно, готского или лангобардского происхождения.

В итоге своей монографии Э. Калделлис четко прокламирует, что необходимо признать, что основная масса населения (и элита, и народ) Ромейской империи была народом римлян-ромеев с ромейской («римской») идентичностью, которая включала в себя четкие маркеры самоидентификации (Р. 269–271). А их государство было «Романией» — «республикой ромеев». С этими выводами можно не соглашаться, но обойти их без конструктивной аргументированной полемики уже нельзя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бибиков М.В.* Byzantinorossica. Свод византийских актовых свидетельств о Руси (византийские акты X–XIII вв.). Т. 3. М., 2018.
- Иванов С.А. Рец.: Калделлис Э.* Византийская республика. Народ и власть в новом Риме. СПб., 2016. 448 с. // ВВ. Т. 75 (100). 2016. С. 313–318.
- Иванова О.В.* Чудеса св. Дмитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II. (VII–IX в.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. С. 91–211.
- Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.
- Калделлис Э.* Византийская республика. Народ и власть в новом Риме / Перевод В. И. Земсковой. СПб., 2016.
- Курьшова А.П.* Византийцы и норманны: проблема симбиоза // ВВ. 2006. Т. 65 (90). С. 150–162.
- Шандровская В.С.* Печати византийских переводчиков // *Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики Г. Е. Лебедевой.* СПб., 2005. С. 109–115.
- Щавелев А.С.* Разговор о варваре с римским другом, читая книгу: *Kaldellis A. Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013 // Европа. Альманах. 2014. Тюмень, 2014. Т. XIII. № 1–2. С. 178–184.
- Щавелев А.С.* К этнической идентификации знатных византийцев по имени Ингер (конец VIII — начало IX в.) // ВЕДС-XXIV: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 281–285.
- Edward Gibbon and Empire / Ed. by R. McKitterick & R. Quinault.* Cambridge, 1997.
- Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge, 2008.
- Kaldellis A.* Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Philadelphia, 2013.
- Kaldellis A.* The Byzantine Republic. People and Power in New Rome. Cambridge Mass.; L., 2015.

Shchavalev A. A Seal of Byzantine “Translator of the English” Patrikios Sphen: Its Date and Socio-Cultural Context // Byzantine and Rus’ Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus’-Byzantine Sigillography, Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013. Kyiv, 2015. P. 193–200.

Maxim I. Drobyshch

RETHINKING THE ESSENCE OF THE “ROMAN EMPIRE:

Kaldellis A. *Romanland. Ethnicity and Empire in Byzantium.* London; Cambridge (Mass.): The Belknap Press of Harvard University Press, 2019. 374 p.

The book of A. Kaldellis is a comprehensive study of the political, social and cultural history of the Byzantine Empire. The author basing on the analysis of many historical sources argues that in the Byzantine Empire there were clear markers of integration of foreign peoples. The author suggests that the majority of the population of the Byzantine Empire was a Roman people with a romaic (“Roman”) identity that included clear markers of self-identification.

Key words: Byzantium, ethnicity, Romans, ethno-cultural identification

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-392-397

Timofey V. Guimon

SHAW R. THE GREGORIAN MISSION
TO KENT IN BEDE'S
ECCLESIASTICAL HISTORY:
METHODOLOGY AND SOURCES.
L.; N.Y.: ROUTLEDGE, 2018.

This is a review of Richard Shaw's book dedicated to a systematic attempt to find out which were Venerable Bede's sources of information on the late 6th- and 7th-century events in Kent, and which were his methods of building the narrative. The author of the review expresses some minor objections (concerning Bede's usage of epigraphic sources, his probable source akin to the *Tribal Hidage*, etc.) but points out that Shaw's book is an elegant and very careful study of Bede's sources and methods which has several important implications for the studies of early Anglo-Saxon period.

Key words: England, Anglo-Saxons, Kent, Northumbria, Venerable Bede, church, source studies, historical writing, writing, epitaphs, the *Tribal Hidage*

Venerable Bede's *Ecclesiastical History of the English People* (*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, *HE*, finished in 731) is so an important source for the early history of the Anglo-Saxon kingdoms, and so a skilful and influential piece of historical writing that numerous studies have been dedicated to its analysis. It may seem strange, however, that not so many scholarly efforts have been undertaken to find out which were Bede's sources of information. I mean not foreign sources (Biblical, classical, patristic, papal letters, etc.), and not easily identifiable insular written sources (such as some saints' lives), but the sources, written or oral, from which Bede obtained the main core of his information about the late 6th- and 7th-century history of the Anglo-Saxon kingdoms and church. Some scholars have tried to find out the origin of *HE*'s chronological information as well as the methods of Bede as chronologist¹. An important attempt to identify oral traditions of particular religious houses which Bede made use of

¹ See references: Гимон 2016. С. 387, примеч. 82.

has been undertaken by David Kirby (1966)². However, we still do not fully understand the origin of much of Bede's material as well as his methods of building a narrative and, therefore, the level of credibility of what Bede tells us.

Richard Shaw's book is the first systematic attempt to define the origin of each piece of information provided by Bede. Shaw limits his task to only those sections of *HE* which cover the early history of Christian Kent: from the Augustinian mission of the late 6th century to the beginning of Theodore's archiepiscopate in 669. Sporadically, Shaw analyzes fragments concerned with other kingdoms (such as East Anglia or Northumbria) but his main focus is on Kent. Such a study has been undertaken for the first time, and it would be difficult to underestimate its significance.

Chapter by chapter, passage by passage, Shaw analyzes *HE*'s text trying to understand what was taken by Bede from identifiable sources, what was his own deduction (and so does not need a hypothesis of a lost source), what reflects a common knowledge of Bede's time, and what, finally, goes back to non-extant written sources. When doing this job, Shaw uses a variety of methods: he analyzes the structure of Bede's narrative, his language (for example, his usage of wordings characteristic to certain kinds of texts, such as inscriptions or hagiography, or of caveats which express his reservations about the reliability of what he took from his sources), he tries to reveal rows of similar fragments or pieces of information which can be supposed to go back to a same source, he interprets Bede's own acknowledgements about his sources made in the preface to *HE*, and so on — it is impossible to list here all scholarly techniques of Shaw's study. The analysis of each of Bede's chapters is followed by a preliminary list of materials Bede used when composing it.

Most of Shaw's hypotheses about Bede's non-extant sources are already put forth in the course of this part of the book. However, in the second part, Shaw sums up the results of the study: which sources of Bede's information can be identified. Shaw speaks, firstly, of documentary (in a broad sense) sources such as lists of rulers, inscriptions, papal letters, etc. A separate chapter is dedicated to a series of hagiographical narratives which, as Shaw elegantly demonstrates, provided Bede with a good deal of his narrative dedicated to early Canterbury fathers (Shaw calls it the 'Canterbury tales'). In the conclusion Shaw

² See also historiographical references: Shaw 2018. P. 3–5.

summarizes some points concerning Bede's sources, methods of his work, and the possibilities of further study of early Kent.

The results of Shaw's work have several very important implications. The first and the most important implication is a better understanding of *HE* as a historical source. After Shaw's work we have some sense of the materials which were, and which were not, available to Bede. His narrative no longer should be regarded as a primary source for the events in late 6th- and 7th-century Kent (Shaw 2018. P. 6, 247–250, etc.). Bede, as Shaw points out, is a secondary source, an 8th-century historian, who did the same job that modern historians do, trying to build a comprehensive narrative basing upon limited material, and in some respects he was even in a worse position than we are. Any study of early Kent must now be based on Bede's sources (as far as they can be reconstructed) and on independent materials (such as papal letters, archaeological data, etc.).

The second implication is a better understanding of Bede as historian, of his methods, techniques, and habits. As Shaw points out many times, Bede, as a rule, was not an inventor, he always tried to draw a picture he himself believed to be trustworthy. However, he had his own agendas, he could make reasonable reconstructions (for example, much in Bede's chronology can be explained as his deductions based upon the data of his sources: incarnational dates based upon the knowledge of regnal years, etc.), he could ascribe to persons of whom he did not know much features which made them examples for posterity, and so on (Ibid. P. 10–11, 242–243, and many more).

The third implication is a new knowledge on early written texts produced in 7th-century Anglo-Saxon kingdoms, that is, on the history of writing (including the gems of historical writing) in those newly Christianized societies. For example, very convincing are Shaw's conclusions concerning Bede's usage of inscriptions which no longer exist: dedication inscriptions in churches and epitaphs. Firstly, there is no doubt that inscriptions of those kinds existed in early Anglo-Saxon kingdoms: there are numerous continental examples as well as (later) Anglo-Saxon ones. Those inscriptions contained the kinds of information Shaw attributes to Bede's usage of them. Secondly, Bede is known to have used epigraphic sources, as he explicitly cites and extensively quotes some of them. Shaw argues that Albinus prepared for Bede a collection of transcripts of such inscriptions, a *sylloge* which became one of Bede's key sources on early Kent (Ibid. P. 42–43, 48–54, 107–110, 193–204, etc.). Shaw's deductions concerning

Bede's epigraphic sources can be regarded as a valuable contribution into the Anglo-Saxon epigraphy.

Shaw's argument concerning tomb inscriptions as a plausible source of Bede's information can be strengthened even more if to take into account Joanna Story's study of early Anglo-Saxon historical notes in Easter-tables extant in a number of Frankish manuscripts (Story 2005). Some of those manuscripts contain a series of Kentish 7th-century obits: those of kings (from Æthelberht to Eadric, that is, from *c.* 616³ to 686), and of Archbishop Theodore (690), indicating precise dates (calends and days of the week). Bede is unlikely to have used those annals, as he, for example, made a slight mistake in converting calends into month-and-day format when speaking of Æthelberht's death: Bede did not take into account that 616 was a leap year — a mistake unlikely when using the paschal annals in which leap years are specially indicated (Ibid. P. 81–82); Bede also does not provide precise dates of the deaths of kings Eadbald, Ecgberht, and Eadric, although they are present in the paschal annals (Ibid. P. 83; compare: Shaw 2018. P. 160). In any case one must explain the origin of the precise dates provided by both, Bede and the paschal annals. Story says that the records could exist in 'more than one format' (Ibid. P. 93), and discusses three options: 1) obits started to be recorded in an Easter-table as early as in the 640s (and she shows that the usage of Dionisian Easter-tables at that time was not impossible); 2) the information was taken from a liturgical calendar (examples of such notes in calendars are well known — however, they normally provide a calendar date of the death, but not a year-date); 3) the information was taken from tomb inscriptions (Ibid. P. 84–97). The latter option seems to Story the most plausible, and she presents some considerations in favour of the existence of royal epitaphs in 7th-century Kent, including 11th-century Goscelin's references to tombs of particular 7th-century kings as well as two 11th-century inscriptions on lead plates (Ibid. P. 93–97). The latter could be based upon Bede, but the former speak in favour of 'a strong local memory of the places at which individual members of the early Kentish dynasty had been buried'. Such a memory 'may have been sustained by inscriptions' (Ibid. P. 96). Cumulatively, Shaw's and

³ This is Bede's date. However, the uncertainty with the date of Æthelberht's death discussed by Shaw (2018. P. 118–121) is mirrored in the paschal annals where this note is placed alongside more than one year (620–622 in one manuscript, and 617–624 in the other: Story 2005. P. 82).

Story's argument makes a strong case in favour of epitaphs as a source for both, Bede and the paschal annals.

Contrary to Shaw, however, I should stress the fact that Bede and the paschal annals provide the same incarnational dates of the deaths of kings Eadbald (640), Eorcenberht (664), Ecgberht (673), and Hlothere (685) (see: Ibid. P. 82–83). As neither Bede used the paschal annals nor the opposite, Shaw is not right when regarding the date of Eadbald's death as Bede's own deduction (Shaw 2016. P. 161), nor when assuming that the date of Eorcenberht's death was taken from the epitaph of Bishop Deusdedit who had died on the same day (Ibid. P. 173). If the epitaphs were the most probable source here, they, therefore, should have contained year-dates (maybe indictional, not necessarily incarnational). As for Æthelberht, the uncertainty with the year of his death in both the sources⁴ implies that it was absent in the epitaph (which, nevertheless, probably existed: Ibid. P. 119)⁵.

Epigraphic sources are just one example. Equally, Shaw's conclusions contribute into our understanding of early history of royal and episcopal lists, hagiography, as well as other kinds of texts. I have published (in Russian) an overview of early forms of historical writing in Anglo-Saxon kingdoms (Гимон 2016). The most intriguing question for me was that of the gems of historical writing which could have existed already before Bede in Northumbria as well in other kingdoms. For Kent, everything I could recall were the above-mentioned notes in Easter-tables, not to count traces of Kentish oral tradition reflected in several non-Kentish sources (see: Brooks 2000a. P. 37–46; 2000b). After Shaw's work the picture becomes absolutely different, and much more definite. Now one can speak of several (rather primitive) forms of recording (or forging) historical memory which appeared in Kent in the 7th (or, the latest, the early 8th) century:

– inscriptions (at least two kinds of them: dedication inscriptions in churches and epitaphs);

⁴ See the previous note.

⁵ In the cases of Eorcenberht and Hlothere, Bede's date is one day earlier than that of the paschal annals. As Story (2005. P. 82–83) observes, the paschal annals report the day of burial (*depositus*), and Bede reports the day of death (*defunctus, mortuus*). This does not contradict the hypothesis of the epitaphs as a common source of both: it would be natural to Bede to deduce that the day of death should have been one day earlier than the day of burial provided by the epitaphs. The above-mentioned difference concerning the day of Æthelberht's death has another nature as both the sources report the death, not the burial.

– lists of bishops⁶ and kings as well as, maybe, royal genealogies⁷;

– a collection of hagiographical stories on the founders of the church of Kent designed for liturgical commemoration.

Shaw convincingly argues that most (if not all) of those texts originated after 669, when Theodore became archbishop of Canterbury following a probable breakdown of the church life in Kent. The hypothesis about this breakdown (Shaw 2018. P. 210–216) and the understanding that there are no proofs of the existence of continuous Kentish tradition about the conversion of Kent, are one more important result of Shaw's study. At least, almost all in Bede's narrative about those events can be explained as going either back to sources which originated after 669, or to documents of the papal archives, or as Bede's own deductions. This negative conclusion is convincing. However, some general doubts remain. What about the laws of Æthelberht which were available to Bede⁸ and which still survive in a 12th-century manuscript? What about dynastic oral tradition which no doubt was continuous⁹? Was it at all possible that in Canterbury, both among the laity and the clergy, there was no common knowledge, no oral information about events of so principal importance and of not so distant past? If much of the memory about those events was forged in Theodore's time, from where did Theodore know what to forge (I mean, the most general information such as names of the principal actors of those events, etc.¹⁰)? Maybe, the tradition (oral, not necessarily written) did exist, but by Bede's time it was overshadowed by new materials which appeared under Theodore and later?

⁶ Doubtful is Shaw's interpretation of Bede's words in in his preface saying that Albinus and Nothelm provided him with the information 'by which bishops and in the time of which kings they (kingdoms of the Anglo-Saxons. — *T.G.*) recieved the grace of Gospel' ('a quibus praesulibus uel quorum tempore regum gratiam euangelii perceperint'). According to Shaw, 'this notice is most naturally taken as a reference to episcopal lists for the kingdoms in question' (Shaw 2018. P. 192). I see here no reference to episcopal lists: these words imply no more than the knowledge of the names of one bishop and one king for each kingdom. However, all other Shaw's argument in favour of episcopal lists as a kind of material which pre-dated Bede and of which Bede made use is convincing.

⁷ Shaw lists Kentish and East Anglian royal pedigrees among Bede's sources but says that they 'may have been purely oral at one stage' (Shaw 2018. P. 182).

⁸ On Bede's usage of Kentish laws see: Shaw 2018. P. 123–125, 162, 188.

⁹ See the reference to Nicholas Brooks's studies above.

¹⁰ Should we, for example, look for a written source for Bede's reference on Priest Peter as the first abbot of St Peter and Paul's, Canterbury (Shaw 2018. P. 75–76)? It seems more than probable that Albinus, the abbot of that house and Bede's key informant, did not need any written source to name his first predecessor.

Shaw's book is important not only for the students of Kent. Generally, Shaw chooses not to discuss Northumbrian matters, but he makes, nevertheless, important observations concerning Northumbrian sources of Bede. The most intriguing, to my mind, is the one which Shaw labels as '*Hidage document*' of the '*tribute*' type. The author (in this book (Shaw 2018. P. 37–38) as well as, more in detail, in a separate article (Shaw 2016)) systematically analyzes Bede's assessments of certain territories in hides (*familiae* in Latin), and comes to the conclusion that they fall into two groups. The first group is concerned with royal grants of land and similar matters, and here, as Shaw convincingly argues, at least in some of the cases the probable source were non-extant charters (Shaw 2016. P. 413–435). The second group, which Shaw labels 'tribute type', consists of nine references (the list is taken from: Shaw 2018. P. 186):

- Thanet, 600 hides (*HE*, I: 25)
- Anglesey, 960 hides (*HE*, II: 9)
- Isle of Man, more than 300 hides (*HE*, II: 9)
- Iona, 5 hides (*HE*, III: 4)
- Southern Mercia, 5 000 hides (*HE*, III: 24)
- Northern Mercia, 7 000 hides (*HE*, III: 24)
- South Saxons, 7 000 hides (*HE*, IV: 13)
- Isle of Wight, 1 200 hides (*HE*, IV: 16)
- Ely, 600 hides (*HE*, IV: 19)

Here an obvious parallel arises with the document known as the *Tribal Hidage*, a list of more than thirty Anglo-Saxon entities estimating the size of each in hides (see references in: Blair 2014; Гимон 2015). Shaw rightly says that Bede did not use the *Tribal Hidage* as we have it (Shaw 2016. P. 431), nor is he likely to have obtained those figures each from separate source, nor to have invented them (*Ibid.* P. 425–429).

Shaw also dismisses a possibility that the dimensions of large territorial units could be a common knowledge at the time of Bede. Here the reasons are less obvious¹¹. Bede certainly was an expert in contemporary Anglo-Saxon politics and geography. Dimensions of

¹¹ Two points (that references to hidages often are scarcely connected to the context, and that it is difficult to envisage particular sources of information about some of those areas: Shaw 2016. P. 426–428) are convincing but they speak in favour of Bede's special interest to hidages, not necessarily of a written source.

kingdoms, or large administrative units, or (previously) autonomous entities expressed in very round quantities of hides (such as 600, 1 200, 7 000, etc., which meant the amount of tribute and/or soldiers each entity could gather) could be an essential part of the political reality of the time. Shaw points at the islands of Anglesey and Man (960 and more than 300 hides, respectively) as at places situated far outside the Anglo-Saxon kingdoms, the dimensions of which probably were not commonly known by educated people in Northumbria (Ibid. P. 428). This is, perhaps, right but those two Bede's references are not typical in one important respect: the figures find no analogies in the *Tribal Hidage* where entities are estimated in round figures: 300, 600, 900, 1 200, etc., nothing like 960, and never as 'more than'. Thus, Bede's references to the dimensions of Anglesey and Man should be excluded from the list, as probably being purely geographical, not concerned with tribute, army, or political weight. Of the remaining seven references three more refer to islands (Thanet, 600 hides, Iona, 5 hides, and Wight, 1 200 hides). One more feature unites all the five references to the dimensions of islands (Thanet, Anglesey, Man, Iona, and Wight): the usage of the wording *iuxta aestimationem Anglorum*. Shaw treats this wording as a proof of the existence of a single written source of all the second group of Bede's references to hides (Ibid. P. 429). This is probably true, but, as this wording is used in relation to islands only, the source in question should rather have been a kind of geographical tract than a document similar to the *Tribal Hidage*¹².

Thus, only four references to hides remain in the 'tribute' group: Southern Mercia (5 000 hides), Northern Mercia (7 000 hides), the South Saxons (7 000 hides), and Ely (600 hides). Those are obviously akin to the *Tribal Hidage*, but are four references (in fact three, as the first two occur in the same passage) a sufficient material to reconstruct a special written document? Won't Bede's usage of common knowledge be a better explanation?

One consideration, nevertheless, may speak in favour of a 'hidage document' used by Bede. Of the four references listed, two perfectly fit the information of the *Tribal Hidage*. Both sources estimate the South Saxons as 7 000 hides¹³. 600 hides for Ely are in accord with

¹² Bede's note on the hidage of Thanet is immediately followed by a note on the width of River Wantsum which divides it from the mainland, and on two places where it can be crossed. Shaw ascribes this information to 'Bede's own knowledge' (Shaw 2018. P. 38), but why not can all these geographical details go back to the same source?

¹³ As Shaw (2016. P. 431) acknowledges.

600 hides for the South Gyrwe in the *Tribal Hidage*.¹⁴ However, 5 000 and 7 000 hides for the Southern and the Northern parts of Mercia in Bede do not make 30 000 for the Mercians in the *Tribal Hidage*. It seems that Bede's reference reflects a more archaic situation than that of the *Tribal Hidage*: Mercia of Bede's account is smaller, and still has a dual division¹⁵. Most of scholars date the composition of the *Tribal Hidage* to the 660s–680s¹⁶. Bede in III: 24 speaks of an event of 655. When speaking of the dimensions of the two parts of Mercia, he uses the caveat *ut dicunt*. This can point either at an oral source (but could an oral tradition about so a remote event be responsible for this sort of figures?), or at a written source, the information of which contradicted Bede's own knowledge and thus seemed doubtful to him¹⁷. If the latter, the plausible source would be a 'hidage document' which, as Shaw assumes, could have originated during the reign of Oswiu (642–670) (Shaw 2016. P. 432–433; 2018. P. 38, 186–187).

This logic is similar to that of Shaw when he speaks of the 'hegemon list' document, Bede's source for his list of overlords of Britain up to Oswiu in I: 25, which comprises details probably contradicting Bede's own knowledge and going back to Oswiu's time (Shaw 2018. P. 121–122, 185–186). I would agree with Shaw that both hypothetical texts (if indeed they existed) constituted a pair, parts 'of the same text, or at least a manuscript' kept in Jarrow (Ibid. P. 123, see also p. 187–188).

Shaw (2016. P. 431) adopts Nicholas Brooks's (2000c. P. 62) and Nicholas Higham's (1995. P. 74–111) view that the *Tribal Hidage* is a 7th-century Northumbrian document. Those scholars believe that kings did not impose tribute upon the core areas of their 'empires',

¹⁴ Bede's account in *HE*. IV: 19 seems to imply that those two names refer to the same area (e.g.: Yorke 1990. P. 70; see, however: Davies, Vierck 1974. P. 231).

¹⁵ This is one of possible interpretations, see: Yorke 1990. P. 106. Shaw adopts another view: Southern Mercia was an artificial, temporary political unit of the 650s (Shaw 2016. P. 432). The implication, however, is the same: Bede refers here to the situation of the 650s, not of his time. This can, perhaps, be paralleled to the case of the Isle of Wight: in Bede it is estimated as 1 200 hides (*HE*, IV: 16) which is two times bigger than *Wihthara* of the *Tribal Hidage*. This difference has been interpreted in both directions: either Bede reflects a bigger tribute imposed on the island after its annexation by Wessex in 686 (Yorke 1990. P. 180, note 70), or the *Tribal Hidage* reflects the decline of the island after its devastation in the course of the same event (Shaw 2016. P. 432, note 132). This case is too ambiguous, and hidages of islands can go back to another source, as it has been said above.

¹⁶ Datings slightly vary, see, e.g.: Davies, Vierck 1974. S. 226–227; Yorke 1990. P. 10; Dumville 1989. P. 132–133.

¹⁷ See Shaw's comments on Bede's usage of such caveats (Shaw 2018. P. 40, 227, etc.).

and thus the *Tribal Hidage* must have originated in Northumbria, as it lists Anglo-Saxon entities only outside this kingdom. However, I am sure they did. As all the structure of the *Tribal Hidage* is Mercia-centered, I would agree with those scholars who consider it a Mercian document¹⁸. As for the hypothetical ‘hidage document’ used by Bede, Shaw considers it Northumbrian on the same grounds: none of the nine Bede’s references to hides of the ‘tribute’ type is concerned with any part of Northumbria (Shaw 2016. P. 431). I would disagree with the logic, but agree with the conclusion. Nine (or, rather, four) references are too few to conclude whether there were Northumbrian entities in the list or not. However, it is natural to suppose that a Northumbrian list was available in Jarrow.

If so, we can assume that similar lists were composed in the 7th century in two kingdoms: Mercia and Northumbria. In the case of Northumbria this list (if it indeed existed) was, as Shaw supposes, a part of a group of documentary texts stored by King Ecgrith in the monastery of Jarrow after its foundation in the 670s (Shaw 2016. P. 431–432; 2018. P. 38)¹⁹. This parallelism of texts composed for two 7th-century kings of powerful Anglo-Saxon polities is itself significant.

Generally speaking, another important implication of Shaw’s study concerns the interaction of ‘secular’ and ‘ecclesiastical’ in Anglo-Saxon England. The conclusions of the book speak in favour of the role of at least some important religious houses (such as St Peter and Paul’s, Canterbury, or Wearmouth-Jarrow) as places where texts with ‘secular’ content and importance (such as king-lists or the ‘hidage document’) were maintained and preserved, and also as institutions responsible for education, not only of those whose career was purely ecclesiastical (see especially: Shaw 2018. P. 183–185, 188, 246). Bede, one would add, himself was an example of such an interaction as his *HE* was dedicated to a king, and by its content it was a history of the kingdoms no much less than of the church²⁰.

In spite of some minor objections expressed above, I must strongly recommend Shaw’s book not only to the students of Bede and early

¹⁸ See e.g. references in note 16.

¹⁹ Shaw refers here to the case made by Ian Wood ‘for the role of Jarrow as a house designed by Ecgrith for his own benefit, including a treasury and archive’ (Shaw 2018. P. 81, note 58).

²⁰ One could recall here the case of the monastery of Iona and the kings of Dalriada. The monks of the former composed for the latter three kinds of texts: the annals, genealogies, and a ‘census’ document (the second part of *Senchus Fer nAlban*) somewhat similar to the *Tribal Hidage* (see: Nieke 1988. P. 243–247).

Anglo-Saxon kingdoms (for whom it is of principal importance) but also to those interested in any early medieval narrative as a historical source. This book is an elegant example of a kind of systematic study after which we learn about the text studied much more than it had been obvious before this study was undertaken. Texts like that of Bede strongly resist such an analysis but it is badly needed and, as Shaw has demonstrated, is possible.

REFERENCES

- Гимон Т.В.* «Роспись племен» («Tribal Hidage») и территориальная структура англо-саксонских королевств // ВЕДС-XXVII: Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 65–71.
- Гимон Т.В.* Зарождение историописания в Англо-Саксонской Англии // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 365–438.
- Blair J.* The Tribal Hidage // The Wiley Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England. 2nd ed. Chichester, 2014. P. 473–475.
- Brooks N.* The Creation and Early Structure of the Kingdom of Kent // *Brooks N.* Anglo-Saxon Myths: State and Church, 400–1066. L.; Rio Grande, 2000 (first published in 1989). P. 33–60. (a)
- Brooks N.* The English Origin Myth // *Brooks N.* Anglo-Saxon Myths: State and Church, 400–1066. L.; Rio Grande, 2000. P. 79–89. (b)
- Brooks N.* The Formation of the Mercian Kingdom // *Brooks N.* Anglo-Saxon Myths: State and Church, 400–1066. L.; Rio Grande, 2000. P. 61–77 (first published in 1989). (c)
- Davies W., Vierck H.* The Contexts of Tribal Hidage: Social Aggregates and Settlement Patterns // *Frühmittelalterliche Studien*. B.; N.Y., 1974. Bd. 8. S. 223–293.
- Dumville D.* Essex, Middle Anglia, and the expansion of Mercia in the South-East Midlands // *The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms*. L.; N.Y., 1989. P. 123–140.
- Higham N.J.* An English Empire: Bede and the Early Anglo-Saxon Kings. Manchester; N.Y., 1995.
- Kirby D.R.* Bede's Native Sources for the *Historia Ecclesiastica* // *Bulletin of the John Rylands Library*. 1966. Vol. 48, №.2. P. 341–371.
- Nieke M.R.* Literacy and power: the introduction and use of writing in Early Historic Scotland // *State and society: The emergence and development of social hierarchy and political centralization*. L. etc., 1988. P. 237–251.
- Shaw R.* Bede's sources for his references to 'hides' in the *Ecclesiastical History* and the *History of the Abbots* // *Historical Research*. 2016. Vol. 8. P. 412–434.

Shaw R. The Gregorian Mission to Kent in Bede's *Ecclesiastical History*: Methodology and Sources. L.; N.Y., 2018.

Story J. The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent // Anglo-Saxon England. Cambridge, 2005. Vol. 34. P. 59–109.

Yorke B. Kings and Kingdoms of Early Anglo-Saxon England. L.; N.Y., 1990.

Т. В. Гимон

ШО Р. МИССИЯ, НАПРАВЛЕННАЯ ГРИГОРИЕМ ВЕЛИКИМ В КЕНТ, В «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» БЕДЫ: МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКИ. ЛОНДОН; НЬЮ-ЙОРК, 2018

Книга Ричарда Шо посвящена выявлению источников, которыми пользовался Беда Достопочтенный, описывая в своей «Церковной истории народа англвов» события, происходившие в Кенте с конца VI в. и до 669 г.: христианизацию Кента, деятельность его первых епископов, а также политическую историю. Как это ни странно, несмотря на огромную значимость труда Беды как исторического источника, до сих пор не предпринималось попыток систематически определить его источники информации, будь то устные или письменные, по собственно англо-саксонской истории. Книга Шо представляет собой очень удачный опыт в этом направлении и одновременно блестящий образец тонкого источниковедческого исследования. В рецензии подчеркивается значение труда Шо не только для характеристики «Церковной истории» Беды как исторического источника и как памятника историописания, но и для нашего понимания ранних этапов становления письменной культуры (в том числе зачатков историописания) в Кенте и других англо-саксонских королевствах. В то же время автор рецензии полемизирует с Р. Шо по ряду частных моментов (касающихся использования Бедой королевских надгробных надписей, источника, схожего с мерсийской «Росписью племен», и др.).

Ключевые слова: Англия, англо-саксы, Кент, Нортумбрия, Беда Достопочтенный, церковь, источниковедение, историописание, письменная культура, надгробные надписи, «Роспись племен» («Tribal Hidage»)

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-398-409

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ат-Табари, 1879 *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Cum aliis edidit M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1879. Ser. I. T. 5.*
- БКРС Большой китайско-русский словарь по русской графической системе. М., 1983–1984. Т. 1–4.
- БШ «Бэй ши» 北史 («История северных [династий]»)
- Быт. Бытие
- ВВ Византийский временник. М.
- ВЕДС Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: Мат.-лы конф. М.
- ВИ Вопросы истории. М.
- ГВНП Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. Л., 1949.
- ДГ Древнейшие государства Восточной Европы (до 1990 г. — Древнейшие государства на территории СССР). М.
- ДДГ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950.
- ДЛТ 2005 *Махмуд ал-Қайшгарй. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005.*
- ДЛТ 2010 *Махмуд ал-Қайшгарй. Диван Лугат ат-Турк (Свод тюркских слов). М., 2010. Т. 1.*
- ДТС Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- ЖМНП Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1834–1917.
- Ибн ал-Асир,
1869 *Ibn-El-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Volume tertium. Annos N. 21–59 continens, ad fidem codicum Londinensium et Parisinorum / Edidit Carlos Johannes Tornberg. Lughuni Batavorum, 1869.*
- ИВР РАН Институт восточных рукописей РАН
- ИОРЯС Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук. СПб.; Пг.; Л.
- КЛ 2017 Киевская летопись / Изд. подг. И. С. Юрьева. 2-е изд. М., 2017.
- КРС Киргизско-русский словарь (Кыргызча-орусча сөздүк). Фрунзе, 1985. Кн. 1–2.
- КС Киевский свод

- МИТТ 1939 Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., 1939. Т. 1.
- НГБ-ХП Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. Т. 12.
- НКРЯ Национальный корпус русского языка // <<http://www.rus-socroa.ru/>>.
- НПЛ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1950 (переиздание: М., 2000 = ПСРЛ. Т. III).
- Откр. Откровение ап. Иоанна Богослова (Апокалипсис)
- 2 Пар. Вторая книга Паралипоменон
- ПВЛ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. при участии М.Б. Свердлова. СПб., 1996.
- ПГ Полоцкие грамоты
Т. 1: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI века / Отв. ред. А.Л. Хорошкевич; подг. С.В. Полехов, В.А. Воронин, А.И. Груша, А.А. Жлутко, Е.Р. Сквайрс, А.Г. Тюльпин. М., 2015. Т. 1.
Т. 2: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI века / Отв. ред. А.Л. Хорошкевич; подг. С.В. Полехов, В.А. Воронин, А.И. Груша, А.А. Жлутко, Е.Р. Сквайрс, А.Г. Тюльпин. М., 2015. Т. 2.
- ПРП Памятники русского права / Сост. А.А. Зимин. М., 1952. Т. I: Памятники права Киевского государства.
- Пс. Псалтирь
- ПСРЛ Полное собрание русских летописей
Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997 (репр. изд.: Л., 1926).
Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998 (репр. изд.: СПб., 1908).
Т. 3: Новгородская первая летопись. М., 2000 (репр. изд.: Новгородская летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М., 1950).
Т. 4: Новгородская IV летопись. М., 2000 (репр. изд. Пг., 1915. Вып. 1; Л., 1925. Вып. 2; Л., 1929. Вып. 3).
Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
Т. 18: Симеоновская летопись. М., СПб., 1913.

- Т. 23: Ермолинская летопись / Под ред. Ф.И. Покровского. СПб., 1910.
- Т. 24: Летопись по Типографскому списку. М., 2000 (репр. изд. 1921).
- Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М., 2004 (репр. изд. М.; Л., 1949).
- Т. 42: Новгородская карамзинская летопись. СПб., 2002.
- РГАДА Российский государственный архив древних актов.
- РСЛ *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб. 1893–1911. Т. 1–4.
- СДПИС 2 Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1995. Т. 2 (VII–IX вв.).
- СДРЯ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. М., 1988.
- СИГТЯ, 2001 Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М., 2001.
- СлРЯ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.
- Суд. Книга Судей Израилевых
- СШ «Суй шу» 隋書 («[Официальная] история [династии] Суй»)
- ТД «Тун дянь» 通典 («Общие установления»)
- ТОДРЛ Труды отдела древнерусской литературы. Л., СПб.
- ТПХЮЦ «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 («Описание мира в период Тай-пин»)
- ЦФЮГ «Цэ-фу юань-гуй» 冊府元龜 («Изначальная черепаха [императорской] библиотеки»)
- ХА Хазарский альманах. Харьков; М., 2002.
- ХЛ «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского // *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестonosцы и Русь. Конец XII — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 2002. С. 77–141.
- ЦЧТЦ «Цзы-чжи тун-цзянь» 資治通鑒 («Помогающее управлению всеобщее обозрение»).
- ЭСТЯ 1974 *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

ЭСТЯ 2003	Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М., 2003.
CGMEMG	The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek. Cambridge, 2019. Vol. I. General Introduction and Phonology / Ed. by D. Holton, G. Horrocks, M. Janssen, T. Lendary, I. Manolessou, N. Toufexis.
DAI	<i>Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio.</i> London; Washington, 1962–67. Vol. 1–2.
DC	<i>Constantine Porphyrogenitus. The Book of Ceremonies (De cerimoniis aulae byzantinae)</i> / Translated & Annotated by A. Moffatt & M. Tall. Canberra, 2012. Vol. I–II.
De cerim.	<i>Constantine Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae byzantinae I–II</i> / E rec. J. Reiskii. Bonnae, 1830. Vol. 1–2.
DLT	Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi. Ankara, 1985. Cilt 1, 2.
EDT	<i>Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish.</i> Oxford, 1972.
EJ	Encyclopaedia Judaica. Detroit; N.Y.; San Francisco; New Haven; Waterville; L., 2007. Vol. 1–22.
EP ²	Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden; 1986–2004. Vol. I–XIII.
Evagr. H. E.	Evagrius. <i>Historia Ecclesiastica.</i>
IG	<i>Inscriptiones Graecae.</i> Berolini, 1873–
HE	<i>Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum.</i>
HUB. Bd. I	<i>Hansisches Urkundenbuch</i> / Bearb. von K. Höhlbaum. Halle, 1876. Bd. I.
HUB. Bd. III	<i>Hansisches Urkundenbuch</i> / Bearb. von K. Höhlbaum. Halle, 1882–1886. Bd. III.
HUCA	Hebrew Union College Annual.
JEGP	<i>Journal of English and Germanic Philology.</i> Cincinnati, Ohio, 1924–
LECUB. Bd. I	<i>Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch</i> / Hrsg. von F.G. von Bunge. Reval, 1853. Bd. I. Urbana, Ill., 1903–
LübUB. Th. I	<i>Codex diplomaticus Lubecensis (= Lübeckisches Urkundenbuch).</i> I. Abteilung. <i>Urkundenbuch der Stadt Lübeck.</i> Lübeck, 1843. Th. I.

- LübUB. Th. III Codex diplomaticus Lubecensis (= Lübeckisches Urkundenbuch). I. Abteilung. Urkundenbuch der Stadt Lübeck. Lübeck, 1871. Th. III.
- MK *Maḥmūd al-Kāšyarī*. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk). Cambridge (Mass.), 1982–1984. Part 1–2.
- ML *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised edition. Oxford, 1989.
- Olymp. Fr. *Olympiodori* Fragmenta // *Historici Graeci minores* / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870. Vol. I. P. 450–472.
- OTWF *Erdal M.* Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Wiesbaden, 1991. Vol. 1–2.
- Prisc. Pan. Fr. *Priscus Panitus*. Fragment // *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus* / Ed. C. Blockley. Liverpool, 1983. Vol. II. Text, Translation and Historiographical Notes by Francis Cairns. P. 222–377.
- PVL The Pověst Vremennych lět. An Interlinear Collation and Paradosis / Compiled & Edited by D. Ostrowski. Harvard, 2003. Pt. 1–3.
- TARIRO I trattati dell'antica Russia con l'Impero romano d'Oriente / A cura di A. Carile e A.N. Sacharov. Roma, 2011.
- TMN II *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden, 1965. Bd. 2: Türkische Elemente im Neupersischen.
- UUB Uppsala universitetsbibliotek (Библиотека Уппсальского университета)
- ŽA I Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny / Przeł. T. Lewicki. Wrocław; Kraków, 1956. T. 1.

Библиографические термины на неевропейских языках

- б. — бет 'страница' (каз.)
 түсін. — түсініктеме 'комментарий' (каз.)
 dipnot — примечание (тур.)
 o. — oldal 'страница' (венг.)

Сокращения названий языков

алт. — алтайский
ар. — арабский
баш. — башкирский
вост.-тюрк. — «восточно-тюркский» (= новоуйгурский, диалектный)
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-кит. — древнекитайский язык (по Б. Карлгрену) [= среднекитайский]
каз. — казахский (= «киргизский» у В.В. Радлова)
казан. тат. — казанско-татарский, см.: тат.
караим. луцк. — караимский, луцкий диалект
караим. трок. — караимский, тракайский диалект
кирг. — «киргизский» (= казахский), см.: каз.
кит. — китайский
ккалп. — каракалпакский
койб. — койбальский (диалект хакасского языка)
кр.-тат. — крымско-татарский
куман. — куманский (по «Codex Cumanicus»)
кырг. — кыргызский
ног. — ногайский
ран. ср.-кит. — ранний среднекитайский язык (по Э.Дж. Пуллиблэнку)
позд. ср.-кит. — поздний среднекитайский язык (по Э.Дж. Пуллиблэнку)
осм. — староосманский
саг. — сагайский (диалект хакасского языка)
сарт. — «сартовский» (= узбекский), см. узб.
ср.-тюрк. — среднетюркский
танск. кит. — среднекитайский танского периода (по Й. Харматта)
тат. — татарский, см.: казан.-тат.
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тел. — телеутский
тобол. — тобольский диалект сибирских татар
узб. — узбекский, см.: сарт.
уйг. — уйгурский (у В.В. Радлова)
чаг. — чагатайский (староузбекский)
чув. — чувашский
шор. — шорский

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Арутюнова-Фиданян** Вианда Артуровна — д-р. ист. наук, вед. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Гимон** Тимофей Валентинович — д-р. ист. наук, вед. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Домбровский** Дариуш — д-р. ист. наук (PhD), проф. Ин-та истории Ун-та Казимира Великого (Быдгощ, Польша)
- Дробышев** Максим Игоревич — мл. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Елифёрова** Мария Витальевна — канд. филол. наук, независимый исследователь
- Ермолова** Ирина Евгеньевна — канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета
- Калинина** Татьяна Михайловна — канд. ист. наук, старш. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Конявская** Елена Леонидовна — д-р. филол. наук, вед. науч. сотр. Института российской истории РАН, главный редактор научного журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»
- Кузнецов** Андрей Александрович — д-р. ист. наук, проф. Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Лавренченко** Мария Леонидовна — старш. научн. сотр. Музея архитектуры им. А.В. Щусева
- Литовских** Елена Владимировна — канд. ист. наук, научн. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Лукин** Павел Владимирович — д-р. ист. наук., вед. научн. сотр. Института российской истории РАН, вед. научн. сотр. ШАГИ ИОН РАНХиГС
- Мельникова** Елена Александровна — д-р. ист. наук, главн. научн. сотр. Института Всеобщей истории РАН
- Петрухин** Владимир Яковлевич — д-р. ист. наук, главн. научн. сотр. Института славяноведения РАН
- Полехов** Сергей Владимирович — канд. ист. наук, старш. научн. сотр. Института российской истории РАН, старш. научн. сотр. ШАГИ ИОН РАНХиГС
- Рашковский** Борис Евгеньевич — канд. ист. наук, научн. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Степанов** Цветелин — д-р. ист. наук, проф. Софийского университета св. Климента Охридского, Болгария
- Суриков** Игорь Евгеньевич — д-р. ист. наук, главн. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН, проф. РГГУ

- Тишин** Владимир Владимирович — канд. ист. наук, старш. научн. сотр.
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
- Швейковская** Елена Николаевна — д-р ист. наук, проф., вед. научн. сотр.
Института славяноведения РАН
- Щавелев** Алексей Сергеевич — канд. ист. наук, старш. научн. сотр. Инсти-
тута всеобщей истории РАН
- Щеглов** Андрей Джолинардович — д-р. ист. наук, вед. научн. сотр. Инсти-
тута всеобщей истории РАН, проф. МПГУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Е. Рашковский.</i> Предисловие	5
В. Т. ПАШУТО И ЕГО НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ	
<i>Е. Н. Швейковская.</i> Владимир Терентьевич Пашуто: штрихи к портрету	10
<i>А. А. Кузнецов.</i> Имперские особенности дипломатии Владимирского княжества среди неславянских народов	19
<i>В. Я. Петрухин.</i> В. Т. Пашуто о древнерусской практике ряда	42
ДОГОВОРЫ РУСИ С ГРЕКАМИ.	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>М. В. Елифёрова.</i> Англосаксонский след в договорах Руси с Византией	51
<i>А. С. Щавелев.</i> Следы греческой орфографии в личных именах из договора князя Игоря Рюриковича (август 931 г. — декабрь 944 г.)	73
<i>Е. А. Мельникова.</i> Парные синонимические словосочетания в русско-византийском договоре 911 г. и древнескандинавских текстах	84
CASE STUDIES ИЗ ИСТОРИИ АНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРАКТИК	
<i>И. Е. Суриков.</i> Свидетельства о дипломатических практиках в некоторых важных древнегреческих надписях классической эпохи	103
<i>И. Е. Ермолова.</i> Дипломатия по Приску Панийскому	122
<i>В. В. Тишин.</i> К датировке письма Тюркского кагана византийскому императору Маврикию	130
<i>В. А. Арутюнова-Фиданян.</i> Дипломатия и дипломаты в «кавказском досье» Константина VII Багрянородного	158
<i>Т. М. Калинина.</i> Шахрибараз/Шахрийар — наместник Дербента и русы в произведении Бал‘ами	171
<i>Цв. Степанов.</i> Время св. царя Бориса-Михаила Крестителя (852–889; † 907): между реальными историческими фактами девятого столетия и «фактами» избирательной памяти	186

<i>Б. Е. Рашковский.</i> Письмо Иосифа: подлинность, достоверность, дипломатические практики	215
<i>М. Л. Лавренченко.</i> Термины родства и договорные формулы в политике Рюриковичей XII—XV вв.	232
<i>Е. Л. Коняевская.</i> Внешняя политика смоленских князей (вторая половина XII — начало XIII в.	256
<i>Т. В. Гимон, В. В. Тишин.</i> Тюркская формула приветствия в древнерусской летописи (посольство половцев к Святославу Ольговичу в 1147 г.)	267
<i>Д. Домбровский.</i> Социальные аспекты польско-русских отношений в эпоху средневековья (на примере браков Романовичей с Пястами)	297
<i>Е. В. Литовских.</i> Дипломатическая деятельность Снорри Стурлусона при норвежском королевском дворе	332

ПУБЛИКАЦИИ

<i>П. В. Лукин, С. В. Полехов.</i> Латинское послание о новгородско-ганзейских переговорах 1292 г.	349
<i>А. Д. Щеглов.</i> Эрикус Олаи. «Хроника готского королевства». Перевод фрагментов, предисловие и комментарии	373

РЕЦЕНЗИИ

<i>М. И. Дробышев.</i> Переосмысляя сущность «Ромейской империи»: <i>Kaldellis A. Romanland. Ethnicity and Empire in Byzantium.</i> London; Cambridge (Mass.): The Belknap Press of Harvard University Press, 2019. 374 p.	392
<i>Timofey V. Guimon. Shaw R.</i> The Gregorian Mission to Kent in Bede's <i>Ecclesiastical History: Methodology and Sources.</i> L.; N.Y.: Routledge, 2018.	398
Список сокращений	410
Сведения об авторах	416

CONTENTS

<i>Boris E. Rashkovskiy</i> . Preface	5
---	---

Part 1

V. T. Pashuto and his Scientific Heritage

<i>Elena N. Shveykovskaya</i> . Vladimir Terent'evich Pashuto: Traits to the Portrait	10
<i>Andrey A. Kuznetsov</i> . Imperial Features of Diplomacy of the Vladimir Principality among Non-Slavic Nations	19
<i>Vladimir Ya. Petrukhin</i> . Vladimir T. Pashuto on the Old Russian Practice of a Treaty- <i>Rjad</i>	42

Part 2

The Treaties between Rus' and Byzantium:

Main Problems of their Study

<i>Maria V. Eliferova</i> . An Anglo-Saxon Trail in Russian-Byzantine Treaties?	51
<i>Aleksey S. Shchavelev</i> . Traces of Greek Orthography in Personal Names from the Igor Ruricovich's Treaty (August 931 — December 944)	73
<i>Elena A. Melnikova</i> . Twin Synonymic Word Combinations in the Russian and Byzantine Treaty of 911 and in Old Norse Legal Texts	84

Part 3

Case Studies in Ancient and Medieval Diplomatic Practices

<i>Igor E. Surikov</i> . Evidences on Diplomatic Practices in Some Important Ancient Greek Inscriptions of the Classical Period	103
<i>Irina E. Ermolova</i> . The Diplomacy by Priscus Panitus	122
<i>Vladimir V. Tishin</i> . On the Date of the Letter from Türk Qaghan to the Byzantine Emperor Maurice	130
<i>Viada A. Arutyunova-Fidanyan</i> . The Diplomacy and Diplomats in the "Caucasian Dossier" of Constantine Porphyrogenitus	158
<i>Tatyana M. Kalinina</i> . Shahribaraz/Shahriyar — the Governor of Derbent and the Ruses in the Work of al-Bal'ami	171

<i>Tsvetelin Stepanov</i> . The Times of St. Tsar Boris Michael the Baptizer (852–889; † 907): between the Real Historical Facts of the Ninth Century and the “Facts” of Selective Memory	186
<i>Boris E. Rashkovskiy</i> . “King Joseph’s Letter”: the Problems of its Authenticity, Veracity and Diplomatic Practices	215
<i>Maria L. Lavrenchenko</i> . Kinship Terminology and Diplomatic Formulas in the Rurikids’ Politics, c. 1140–1450	232
<i>Elena L. Konyavskaya</i> . Foreign Policy of Smolensk Princes (second half of the 12 th — beginning of the 13 th century)	256
<i>Timofey V. Guimon, Vladimir V. Tishin</i> . A Turkic Greeting Formula in a Rus Chronicle: Polovtsian Envoys to Prince Svyatoslav Olgovich in 1147	267
<i>Dariusz Dąbrowski</i> . Social Aspects of the Medieval Polish-Russian Relations (Based on the Example of Marriages between the Romanovichi and the Piast Dynasties)	297
<i>Elena V. Litovskikh</i> . Snorri Sturluson’s Diplomatic Activities at the Norwegian Royal Court	332

Part IV

Publications

<i>Pavel V. Lukin, Sergey V. Polekhov</i> . Latin Letter on the Negotiations between Novgorod and the Hanse in 1292	349
<i>Andrey D. Scheglov</i> . Ericus Olai. “The History of the Kingdom of the Goths”. Translation of Passages, Introduction and Comments ...	373

Part V

Reviews

<i>Maxim I. Drobyshev</i> . Rethinking the Essence of the “Roman Empire: <i>Kaldellis A. Romanland. Ethnicity and Empire in Byzantium.</i> London; Cambridge (Mass.): The Belknap Press of Harvard University Press, 2019. 374 p.	392
<i>Timofey V. Guimon, Shaw R.</i> The Gregorian Mission to Kent in Bede’s <i>Ecclesiastical History: Methodology and Sources.</i> L.; N.Y.: Routledge, 2018. 276 p.	398
List of Abbreviations	410
Contributors	416

Филипповская школа

Программа, близкая к программе классической гимназии, с систематическим изучением естественных наук.

Если вы хотите, чтобы ваши дети:

- получили образование, а не только подготовились к экзаменам;
- узнали и полюбили Россию;
- приобщились к основам тысячелетней европейской культуры;
- прониклись духом христианского гуманизма;
- научились разговорной латыни;
- задумались о смысле жизни.

Приходите к нам!

Наша программа

- математика и информатика;
- классические языки (латынь, древнегреческий);
а также:
- русский язык и литература;
- европейские языки (английский, французский, немецкий, испанский, итальянский);
- естественные науки (физика и астрономия, биология, химия);
- гуманитарные науки (история, литература, история искусств, философия);
- социальные науки (обществоведение, экономика);
- искусства и ремесла;
- гимнастические искусства (физическая культура, спорт, самооборона).

Наша школа названа в память святителя Филиппа II, Московского Митрополита, игумена Соловецкого (+1569).

Филипповская школа — светская школа с православным уклоном. Люди других исповеданий, агностики и атеисты могут учиться в ФШ. Мы всех любим.

Узнать о нас подробнее: www.fschool.ru

Старшие классы (5–11):

Москва, улица Малая Пироговская, дом 13 (м. «Фрунзенская»)

Телефон +7 (495) 708 3490

Младшие классы и дошкольные группы:

Москва, улица Усачева, дом 52 (м. «Спортивная»)

Телефон +7 (499) 245 5620

**НЕКОТОРЫЕ КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
(РУССКИЙ ФОНД СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ)**

*Более подробную информацию о наших книгах
(аннотации, оглавление, отдельные главы) и местах продажи можно найти
на сайте www.publisher.usdp.ru.*

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

1. Выпуск 1: Город: история и культура / отв. ред. А. Г. Авдеев. М., 2014.
2. Выпуск 1 (2): Русь и Византия / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2015.
3. Выпуск 1 (3): Политические репрессии на севере России (материалы работы Соловецкого семинара) / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2016.
4. Выпуск 2 (4): Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг. / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2016.
5. Выпуск 1 (5): Императорская Россия / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2017.
6. Выпуск 2 (6): Русь, Россия и Великое княжество Литовское: Из истории политической и социокультурной жизни Восточной Европы в XIII–XVI вв. / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2017.
7. Выпуск 3 (7): От Гражданской до Второй мировой: из истории репрессий на севере России / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2017.
8. Выпуск 4 (8): Серебряный век русской культуры / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2017.
9. Выпуск 1 (9): Русская литература / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2018.
10. Выпуск 2 (10): Российская империя в XVIII — начале XX вв. / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2018.
11. Выпуск 3 (11): Вопросы античной и русской истории / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2018.
12. Выпуск 4 (12): Советская авиация (середина 1920-х гг. — первая половина 1941 г.) / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2018.
13. Выпуск 1 (13) Вопросы российской и мировой истории / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2019.
14. Выпуск 2 (14) Псков и Псковская земля в истории Руси и России (X – XVII вв.) / отв. ред. Г. Г. Донской. М., 2019.

*Если вы нашли в наших книгах опечатки, просьба сообщить о них
на электронный адрес knigiudr@gmail.com. В сообщении нужно указать
книгу, страницу и абзац, где была обнаружена опечатка.*

Благодарим за сотрудничество.

Научное издание

**Древнейшие государства Восточной Европы.
2019–2020 годы:**

Дипломатические практики Античности и Средневековья

Ответственный редактор тома
Б.Е. Рашковский

Верстка *А.А. Васильева*
Корректор *Е.В. Субботина*

Подписано в печать 13.04.2020. Формат 60 × 90^{1/16}.
Гарнитура «Таймс».
Тираж 500 экз. Заказ №

«Русский фонд содействия образованию и науке».
Университет Дмитрия Пожарского.
119146, Москва, Комсомольский пр-т, д. 23/7, корп. 2.
Сайт: www.publisher.usdp.ru.
Тел.: +7 (499) 242-37-24.

Отпечатано: АО «Г 8 Издательские технологии».
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.

